ДЖЕЙМС РОЛЛИНС

Печать Иуды

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

КНИГА-ЗАГАДКА КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

ДЖЕИМС РОЛЛИНС

Печать Иуды

ЭКСМО
Москва
«ДОМИНО»
Санкт-Петербург

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Р 67

James Rollins

THE JUDAS STRAIN

Copyright © 2007 by Jim Czajkowski

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Оригинал-макет подготовлен Издательским домом «Домино»

Роллинс Дж.

Р 67 Печать Иуды / Джеймс Роллинс ; пер. с англ. С. Саксина. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 624 с. — (Книга-загадка, книга-бестселлер).

ISBN 978-5-699-33552-7

Из глубин Индийского океана поднимается ужасная чума, грозящая уничтожить человечество. Природа этой смертельной болезни неизвестна, ее распространение невозможно остановить. Двое ученых из секретного отряда «Сигма» — Лиза Камминг и Монк Коккалис — направлены в Индонезию, чтобы выяснить причины зловещей эпидемии.

Каким-то непонятным образом в Тайном архиве Ватикана появляется на полу знак ордена дракона — страшной секты, недавно уничтоженной отрядом «Сигма». Под знаком высечена надпись, сделанная на древнейшем языке на земле — языке ангелов. Хранитель архива понимает, что в этой надписи может быть зашифровано средство спасения человечества.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© С. Саксин,
перевод с английского, 2009
© Оформление. ООО «ИД «Домино», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо»,
издание на русском языке, 2009

ISBN 978-5-699-33552-7

Посвящается Каролин Маккрей,
которая прочитала всю мою предыдущую писанину
и смеялась не слишком громко

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

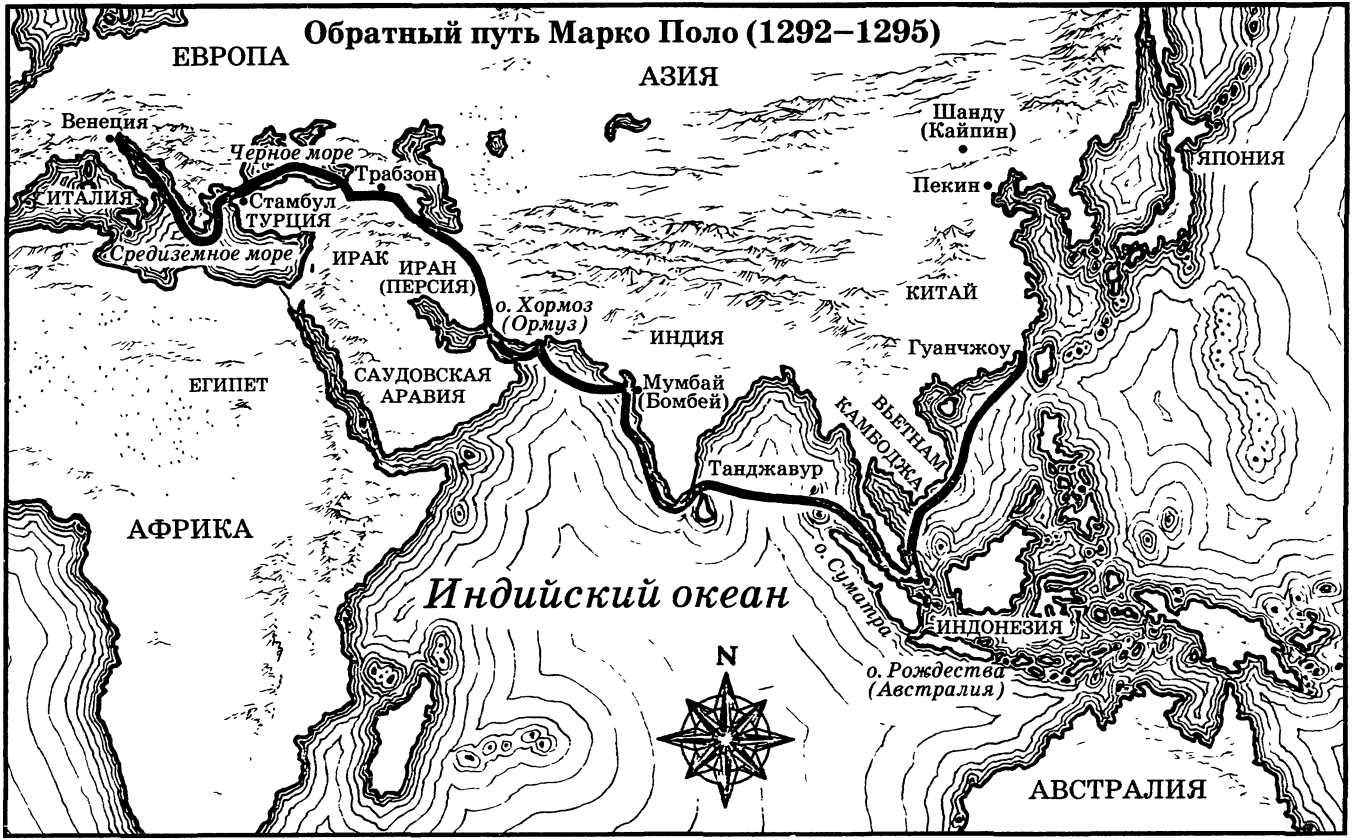
Здесь кроется тайна. В году 1271-м от Рождества Христова молодой венецианец по имени Марко Поло, которому только-только исполнилось семнадцать лет, вместе со своими отцом и дядей отправился в путешествие, намереваясь посетить дворцы Хубилай-хана, монгольского правителя Китая. Этому путешествию суждено было продлиться долгих двадцать четыре года. Его следствием стали рассказы о невиданных странах, лежащих к востоку от разведанного мира: захватывающие повествования о бескрайних пустынях и богатых нефритом реках, о многолюдных городах и огромных флотилиях кораблей, о черных камнях, которые горят, и деньгах, сделанных из бумаги, о диковинных зверях и необычных растениях, о людоедах и таинственных шаманах.

Прожив семнадцать лет при дворе Хубилай-хана, Марко Поло возвратился в Венецию в 1295 году, и его рассказы записал французский писатель Рустичелло, выпустивший книгу, которая на старофранцузском называлась «Le Divisament dou Monde» («Описание мира»). Этот труд мгновенно разошелся по всей Европе. Даже Христофор Колумб, отправляясь в Новый Свет, захватил с собой экземпляр книги Марко Поло.

Но в этом путешествии имеется один момент, о котором Марко Поло упорно отказывался говорить, и в тексте книги на него есть только туманная ссылка. Когда венецианец покидал Китай, Хубилай-хан выделил ему четырнадцать огромных кораблей и шестьсот человек. Но когда после двухлетне-

го плавания Марко Поло наконец добрался до Персии, у него оставалось всего два корабля и лишь восемнадцать человек.

Судьба остальных кораблей и людей и по сей день остается тайной. Нашли ли они гибель в морской пучине, стали ли жертвой пиратов? Сам Марко Поло так ничего и не рассказал. Больше того, уже лежа на смертном одре, в ответ на просьбу дополнить свой рассказ новыми подробностями он загадочно произнес: «Я не рассказал и о половине увиденного».

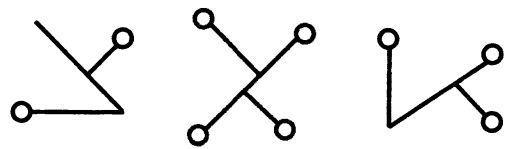

Обратный путь Марко Поло (1292–1295)
ЕВРОПА
АЗИЯ
Венеция
Черное море
Трабзон
ИТАЛИЯ
Стамбул
ТУРЦИЯ
Средиземное море
ИРАК
ИРАН
(ПЕРСИЯ)
о. Хормоз
(Ормуз)
ИНДИЯ
Шанду
(Кайпин)
ЯПОНИЯ
Пекин
КИТАЙ
Гуанчжоу
ЕГИПЕТ
САУДОВСКАЯ
АРАВИЯ
Мумбай
(Бомбей)
ВЬЕТНАМ
КАМБОДЖА
Танджавур
АФРИКА
о. Суматра
Индийский океан
ИНДОНЕЗИЯ
о. Рождества
(Австралия)
N
АВСТРАЛИЯ

Сначала мор пришел в город Каффу на Черном море. Там могущественное монголо-татарское войско осадило крепость генуэзских торговцев и купцов. Чума поразила монгольских воинов ужасными волдырями и исторжением крови. Столкнувшись с этой страшной напастью, монгольские полководцы приказали с помощью осадных катапульт забрасывать трупы умерших через крепостные стены, и зараза распространилась по генуэзскому городу, оставляя после себя груды мертвых тел и развалины. В году 1347-м от Воплощения Сына Божия генуэзцы подняли паруса над двенадцатью галерами и бежали обратно в Италию, в порт Мессина, принеся с собой «черную смерть» в наши земли.

Герцог М. Джованни. Апокалипсис. 1356 год

До сих пор неизвестно, почему в средние века из китайской пустыни Гоби внезапно пришла бубонная чума, сразившая треть населения всего мира. Больше того, никто не знает, почему в прошлом столетии многие эпидемии чумы и гриппа — атипичная пневмония, птичий грипп — пришли именно из Азии. Но одно можно сказать с достаточной определенностью: следующая великая пандемия снова придет с Востока.

Американский центр по контролю
и предупреждению заболеваний.
Краткий справочник
по инфекционным заболеваниям.
Май 2006 года



1293 ГОД

Полночь
Остров Суматра
Юго-Восточная Азия

Крики наконец затихли.

Полуночную темноту над причалом разрывал яркий свет двенадцати костров.

— Il dio, li perdona...* — прошептал отец стоявшему рядом Марко, но тот знал, что Бог не простит им такой грех.

Горстка людей ждала рядом с двумя вытащенными на берег галерами — единственные свидетели погребальных костров над черными водами лагуны. Как только взошла луна, все двенадцать кораблей, могучих деревянных галер, вспыхнули, подожженные вместе со всеми находившимися на борту, как мертвыми, так и теми немногими проклятыми, кто еще был жив. Хлопья горящего пепла сыпались снегом на берег и на людей, наблюдавших за происходящим. Ночной воздух был насыщен зловонием паленой плоти.

— Двенадцать кораблей,— пробормотал Массео, дядя Марко, сжимая в руке серебряное распятие,— столько же, сколько апостолов было у нашего Господа.

---

* Господь их простит *(ит.)*.

По крайней мере, крики, проникнутые невыносимым мучением, прекратились. Теперь до песчаного берега долетали лишь треск ломающегося дерева да приглушенный рев пламени. Марко хотелось оторваться от жуткого зрелища, но он ничего не мог с собой поделать. Остальные, не столь сильные духом, стояли коленопреклоненные на песке, спиной к воде, с лицами, бледными словно кость.

Все разделись донага. Каждый пристально осмотрел своего соседа, ища зловещие отметины. Даже дочь великого хана, целомудренно стоявшая за занавесом из парусины, была в одной только диадеме, украшенной драгоценными каменьями. Марко видел сквозь плотную ткань силуэт девушки, озаренный пламенем костров. Служанки, сами полностью обнаженные, осмотрели свою госпожу. Ее звали Кокеджин, Голубая принцесса; ей было всего семнадцать лет — столько же, сколько было самому Марко, когда он покинул Венецию и отправился в дальний путь. Троим Поло было поручено доставить ее целой и невредимой жениху, хану Персии, внуку родного брата Хубилай-хана.

Казалось, все это было в другой жизни.

Неужели прошло всего четыре месяца с того дня, как на галерах заболел первый из матросов и у него в паху и под мышками высыпали гнойные язвы? Болезнь стремительно разлилась подобно горящему маслу, выкосив экипажи галер и вынудив уцелевших застрять на этом острове, населенном людоедами и диковинными зверями.

Даже сейчас из джунглей доносились звуки барабанов. Но дикари держались от лагеря подальше, подобно тому как волк обходит стороной больную овцу, учуяв запах гниения и разложения. Единственным свидетельством того, что вокруг простиралась чужая территория, были человеческие черепа, через пустые глазницы которых пропустили лианы и таким образом развесили на деревьях,— предостережение тем, кто захочет зайти в глубь острова.

Болезнь удерживала дикарей на расстоянии.

Но теперь этому настал конец.

С помощью беспощадного огня зараза наконец была побеждена, и осталась лишь горстка выживших. Тех, у кого на теле не было красных волдырей.

Семь дней назад все оставшиеся в живых больные ночью были в цепях отведены на стоящие на якоре корабли и оставлены там с небольшим запасом продовольствия и воды. Здоровые остались на берегу, постоянно осматривая друг друга, опасаясь найти новые признаки болезни. Все это время те, кто был заточен на галерах, кричали, умоляли, плакали, взывали к Богу, извергали проклятия. Но страшнее всего было слышать раздававшийся изредка хохот, полный безумия.

Лучше было бы перерезать больным горло быстрым и милосердным лезвием, но все боялись прикоснуться к крови зараженных. Поэтому их отправили на корабли и оставили с мертвыми, которых свезли туда раньше.

Затем, когда солнце вечером скрылось за горизонтом, вода наполнилась странным свечением, которое окружило корпуса двух галер и разошлось по застывшей черной лагуне пролитым молоком. Такое свечение путешественники уже видели в прудах и каналах под каменными башнями проклятого города, откуда они бежали.

Болезнь пыталась вырваться из своей деревянной тюрьмы.

Выбора не осталось. Все корабли — все галеры за исключением той, которую они предназначали для себя,— были подожжены.

Дядя Массео обходил оставшихся людей, показывая им знаком, что можно наконец снова прикрыть наготу, однако простая материя не могла скрыть настоящий, более глубокий стыд.

— Мы только что...— начал было Марко.

— Нам ни в коем случае нельзя говорить об этом,— остановил его отец, протягивая ему одежду.— Стоит сказать одно только слово об этой страшной болезни, и весь мир отвернется от нас. Ни один порт на земле не позволит нам войти в

свои воды. Но теперь мы до конца выжгли заразу очищающим огнем — освободили от нее наши корабли, море. Осталось только вернуться домой.

Пока Марко натягивал через голову халат, отец заметил рисунок, сделанный палкой на влажном песке. Поджав губы, отец быстро затоптал рисунок ногой и повернулся к сыну. Его взгляд наполнился мольбой.

— Ни в коем случае, Марко... ни в коем случае...

Однако затоптать так же просто воспоминания было нельзя. Марко Поло служил великому хану, был придворным ученым, послом, даже картографом, нанося на карту новые завоеванные земли, присоединенные к империи.

Отец заговорил снова:

— Никто и никогда не должен узнать о том, что мы нашли... на всем этом лежит печать проклятия.

Кивнув, Марко ни словом не обмолвился о своем рисунке. Он лишь прошептал:

— Città dei morti...*

Лицо его отца, и без того бледное как полотно, побелело еще сильнее. За последние четыре месяца он состарился больше, чем за семнадцать лет, проведенных при дворе великого хана в Шанду.

— Поклянись мне благословенной душой своей матери, что ты больше никогда не заговоришь о том, что мы обнаружили, о том, что мы сделали.

Марко колебался. Отец до боли стиснул ему плечо:

— Поклянись, сын мой. Ради своего собственного блага.

Марко увидел в его озаренных отблесками пламени глазах ужас... и мольбу. Он не мог отказать отцу.

— Я буду молчать,— наконец промолвил Марко.— До своего смертного одра и дальше. Клянусь тебе в этом, отец.

Услышав слова молодого человека, к ним наконец подошел дядя Марко.

---

* Город мертвых *(ит.)*.

— Мы не должны были вторгаться в чужие владения, Никколо,— с укором сказал он брату, однако на самом деле эти обвинительные слова были предназначены Марко.

Все трое умолкли, согнутые тяжелой ношей общей тайны.

Дядя Массео был прав.

Марко мысленно представил себе устье реки, каким они увидели его четыре месяца назад. Черный поток впадал в море, окаймленный густыми зарослями. Путешественники собирались только пополнить запасы пресной воды и заняться починкой двух галер, потрепанных штормом. Им не следовало удаляться от берега, но Марко наслушался рассказов о великом городе за невысокими горами. И поскольку ремонт должен был продлиться десять дней, Марко в сопровождении сорока воинов хана отправился через горы, чтобы узнать, что находится за ними. С вершины он разглядел далеко в лесной чаще каменную башню, взметнувшуюся ввысь, ослепительно сияющую в лучах восходящего солнца. Башня стала для него маяком, все больше и больше распаляя любопытство.

И все же мертвая тишина леса, окружавшая их всю дорогу до башни, должна была бы его насторожить. Она не нарушалась ни тревожным рокотом барабанов, как сейчас, ни пением птиц, ни криками обезьян. Город мертвых просто ждал их.

Проникновение в него явилось страшной ошибкой. За нее пришлось заплатить больше чем кровью.

Трое Поло перевели взгляд на галеры, сгоревшие до ватерлинии. Словно срубленное дерево, рухнула мачта. Два десятилетия назад отец, дядя и Марко покинули итальянскую землю и, неся с собой печать Папы Григория X, отправились в страну монголов, дойдя до дворцов и садов великого хана в Шанду. Но там они застряли надолго, подобно попавшим в клетку куропаткам. Став фаворитами при ханском дворе, трое Поло ощущали себя пленниками — причем удерживали их не цепи, а безграничная, назойливая дружба Хубилая. Отправиться в обратный путь означало оскорбить благодетеля. Но в конце концов им повезло — великий Хубилай-хан освобо-

дил их от придворных обязанностей и отправил сопровождать принцессу Кокеджин к ее жениху в Персию, после чего они рассчитывали возвратиться в родную Венецию.

«Уж лучше бы наша флотилия никогда не покидала Шанду...»

— Скоро взойдет солнце,— заметил отец.— Пора трогаться. Теперь мы направимся домой.

— А когда мы достигнем благословенных берегов Италии, что мы скажем Теобальдо? — спросил дядя Массео, называя по имени того человека, который когда-то был другом и советником семейства Поло, а сейчас был известен всему христианскому миру как Папа Григорий Десятый.

— Неизвестно, жив ли он,— ответил отец Марко.— Нас так долго не было дома.

— Но если он еще жив? — настаивал Массео.

— В таком случае мы расскажем ему все, что мы узнали про монголов, про их обычаи и воинскую мощь. Как он много лет назад и предписал нам своим эдиктом. Но что касается болезни... говорить о ней больше нечего. Все кончено.

Массео вздохнул, однако в его вздохе не было облегчения. Марко буквально прочитал слова, скрытые за сердитым взглядом дяди: «Не одна только чума повинна в гибели всех тех, кого мы потеряли».

Никколо повторил еще раз, более твердо, словно его слова могли повлиять на действительность:

— Все кончено.

Марко посмотрел на двух братьев, на отца и дядю, озаренных отблесками угасающего пламени. Нет, на самом деле ничего не кончено и не кончится до тех пор, пока они будут живы.

Он перевел взгляд себе под ноги. Хотя изображение на песке было затоптано, оно по-прежнему отчетливо стояло у него перед глазами. Он украл карту, нарисованную на куске коры. Нарисованную кровью. С изображениями храмов и шпилей, спрятанных в джунглях.

В которых не было никого, кроме мертвых.

Земля была усеяна трупами птиц, которые упали на каменные плиты, словно сраженные в полете. Смерть не пощадила никого. Ни мужчин, ни женщин, ни детей. Ни волов, ни диких зверей. Даже здоровенные змеи безжизненно свисали с ветвей.

Единственными живыми обитателями мертвого города были муравьи всех размеров и цветов. Они полчищами копошились на распростертых на камнях трупах, медленно пожирая мертвых.

Но Марко ошибся: кое-что еще ждало захода солнца.

Марко поспешно прогнал воспоминания.

Узнав о находке сына, Никколо Поло сжег карту и развеял ее пепел над морем. Он сделал это еще до того, как на галерах появился первый больной.

— Забудем все это,— предупредил Никколо своих людей.— Нас это не касается. Пусть все случившееся поглотит история.

Марко был полон решимости сдержать свое слово, свою клятву. Об этом он не обмолвится ни словом. И все же Марко прикоснулся к уцелевшему на песке символу. Он правдиво описал столько всего... имеет ли он право уничтожать подобные знания?

«Если бы был какой-либо другой способ сохранить это...»

Словно прочтя мысли племянника, дядя Массео высказал вслух опасения, мучившие всех троих:

— А если этот ужас воскреснет снова, Никколо, и когда-нибудь доберется до наших стран?

— Тогда это будет означать конец тирании человека в этом мире,— с горечью ответил отец Марко. Он постучал пальцем по распятию на обнаженной груди брата.— Священник понимал это лучше кого бы то ни было. Его жертва...

Распятие принадлежало отцу Агрееру. В про́клятом городе монах-доминиканец пожертвовал своей жизнью ради того, чтобы они остались живы. Был заключен страшный договор. Отца Агреера оставили там, бросили по его собственной просьбе.

Он приходился Папе Григорию X родным племянником.

Устремив взгляд на последние языки пламени, догорающего над черными водами, Марко прошептал:

— Какой бог спасет нас в следующий раз?

22 мая, 18 часов 32 минуты
Индийский океан
10° 44′ 07,87″ южной широты,
105° 11′ 56,52″ восточной долготы

— Пока я здесь, кто-нибудь еще хочет бутылочку пива? — окликнул из трюма Грегг Тьюнис.

Услышав голос мужа, доктор Сьюзен Тьюнис улыбнулась и, поднявшись на последнюю ступеньку спущенного за борт трапа, перешагнула на палубу. Она сняла с себя акваланг и оттащила его к шкафчику за кабиной исследовательского судна. Глухо звякнули пустые кислородные баллоны, поставленные на место.

Покончив с этим, Сьюзен взяла полотенце и вытерла волосы, от солнца и соли ставшие практически совершенно белыми. Затем одним движением расстегнула молнию «мокрого» гидрокостюма.

— Буб-бадабум... бадабум...— донеслось со стоящего у нее за спиной шезлонга.

Сьюзен даже не обернулась. Определенно кто-то слишком много времени провел в стриптиз-клубах Сиднея.

— Профессор Эпплгейт, неужели надо напевать этот дурацкий мотив всякий раз, когда я снимаю снаряжение?

Седовласый ученый-геолог оторвался от лежащего на коленях труда по морской истории и поправил на носу очки.

— Было бы просто невежливо никак не реагировать на присутствие рядом цветущей молодой женщины, освобождающейся от лишней одежды.

Скинув гидрокостюм с плеч, Сьюзен стащила его до талии. Под ним был цельный купальник. На своем опыте Сьюзен убедилась в том, что верхняя часть раздельного купальника

под гидрокостюмом упрямо норовит сползти в сторону. И хотя она ничего не имела против того, что на нее пялится отошедший от дел ученый, старше ее на тридцать с лишним лет, у нее не было ни малейшего желания устраивать для него бесплатное представление.

В этот момент из трюма появился муж Сьюзен с тремя запотевшими бутылками пива, удерживая их между пальцами одной руки. Увидев ее, он широко улыбнулся:

— А мне показалось, что я слышал твой топот.

Выбравшись на палубу, Грегг выпрямился во весь рост. На нем были лишь длинные шорты и расстегнутая рубашка. Он работал корабельным механиком в порту Дарвина, и они со Сьюзен познакомились, когда та привела на ремонт в сухой док исследовательское судно Сиднейского университета. С тех пор прошло восемь лет. Всего три дня назад они отпраздновали пятую годовщину своей свадьбы на борту этого судна, стоявшего на якоре в море в сотне миль от атолла Киритимати, больше известного как остров Рождества.

Грегг передал жене бутылку.

— Какие успехи с прослушиванием?

Сьюзен отпила большой глоток пива, наслаждаясь живительной влагой. После нескольких часов с соленым загубником во рту ее мучила жажда.

— Пока никаких. До сих пор не могу понять, почему они выбросились на берег.

Десять дней назад восемьдесят дельфинов вида Tursiops aduncus, обитающих в Индийском океане, выбросились на берег острова Ява. Сьюзен занималась изучением тех последствий, которые влекло за собой долговременное воздействие гидролокаторов на представителей отряда китообразных. В прошлом излучение, испускаемое гидролокаторами, уже не раз приводило к гибели морских млекопитающих. Обычно молодую женщину сопровождала группа помощников из числа студентов и аспирантов, однако сейчас она вышла в море, просто чтобы отдохнуть вместе со своим наставником.

И по чистой случайности массовая гибель дельфинов произошла именно в этом районе — отсюда затянувшееся пребывание здесь.

— А может быть, виной всему не гидролокатор, созданный руками человека, а что-либо другое? — задумчиво промолвил Эпплгейт, рисуя пальцем круги на запотевшем стекле бутылки.— В этом регионе постоянно случаются микроземлетрясения. Быть может, глубоководный толчок, вызванный сдвигом тектонических плит, породил ту самую ноту, от которой дельфины запаниковали и покончили с собой?

— Несколько месяцев назад здесь действительно классно тряхнуло,— подтвердил Грегг. Устроившись в шезлонге рядом с профессором, он похлопал по соседнему креслу, предлагая Сьюзен сесть рядом.— Может быть, речь идет об отголосках?

Сьюзен не находила возражений. На протяжении последних двух лет серия мощных землетрясений, породивших разрушительные цунами, сильно изменила морское дно. Уже одного этого было достаточно, чтобы нагнать страху на кого угодно. И все же полной убежденности у нее не было. Здесь крылось что-то еще. Коралловый риф, тянущийся под водой, выглядел странно опустевшим. Все немногое живое, оставшееся там, спряталось в скалистые расселины, раковины и ямы в песке и, казалось, затаило дыхание.

Быть может, обитатели моря, способные чувствовать то, что скрыто от людей, действительно откликаются на маломощные землетрясения.

Нахмурившись, Сьюзен уселась рядом с мужем. Надо будет связаться по радио с островом Рождества и выяснить, не наблюдалось ли в последнее время необычной сейсмической активности. Ну а пока что у нее есть новость, которая завтра утром определенно заставит ее мужа спуститься под воду.

— Зато я нашла то, что очень напоминает старинное затонувшее судно.

— Быть такого не может.— Грегг уселся прямо. Работая в порту Дарвина, он возил туристов на экскурсии к затонув-

шим боевым кораблям времен Второй мировой войны, которыми было усеяно все дно вдоль северного побережья Австралии. Подобные находки неизменно вызывали у него самый живой интерес.— Где?

Сьюзен рассеянно показала назад, за борт:

— Метрах в ста слева от нас. Несколько черных рей, торчащих из песка. Вероятно, они освободились во время последнего сильного землетрясения, а может, их очистила от ила волна цунами. У меня не было времени, чтобы осмотреться. Я решила предоставить это специалисту.

Ткнув мужа под ребро, она положила голову ему на грудь.

Они проводили взглядом солнце, которое, хитро подмигнув на прощание, опустилось в море. Это был освященный временем ритуал. Если только не штормило, они, находясь в открытом море, не пропускали ни один закат. Судно мягко покачивалось на волнах. Вдалеке проплыли огни огромного танкера. Но в остальном они были здесь совершенно одни.

Услышав резкий лай, Сьюзен испуганно вздрогнула. Она и не подозревала, что у нее так натянуты нервы. Судя по всему, странное, пугающее поведение морских обитателей каким-то образом подействовало и на нее.

— Эй, Оскар, уймись!

Только сейчас Сьюзен обратила внимание на отсутствие на палубе четвертого члена экипажа. Собака снова залаяла. Низенькая и толстая квинслендская сторожевая принадлежала профессору. Состарившийся и страдающий артритом пес, как правило, валялся на палубе, греясь на солнце.

— Я сам им займусь,— сказал Эпплгейт.— Оставляю вас, влюбленных пташек, наедине. К тому же мне нужно в сортир. Освободить место еще для одной бутылочки, прежде чем придет время отправляться на боковую.

Кряхтя, профессор поднялся на ноги и направился на нос, но вдруг застыл на месте, устремив взор на восток, в сторону темнеющего неба.

Пес снова залаял.

На этот раз Эпплгейт не стал отчитывать собаку. Вместо этого он обратился к Сьюзен и Греггу, и в его тихом голосе прозвучала тревога:

— Вам следует взглянуть на это...

Сьюзен поспешно вскочила на ноги, Грегг последовал за ней. Они присоединились к профессору.

— Матерь божья...— пробормотал Грегг.

— Похоже, мы нашли то, что заставило тех дельфинов выброситься из моря,— сказал Эпплгейт.

На востоке широкая полоса океана светилась призрачным сиянием, которое поднималось и опускалось вместе с волнами. Серебристая пленка кружилась и бурлила. Старый пес стоял у леерного ограждения правого борта и тоскливо, с подвыванием лаял.

— Проклятье, это еще что такое? — спросил Грегг.

Сьюзен подошла ближе.

— Мне приходилось слышать о подобных явлениях. Это называется «молочным морем». Моряки, плававшие по Индийскому океану, еще со времен Жюля Верна рассказывали, что видели такое свечение. В тысяча девятьсот девяносто пятом году одно такое пятно размером в несколько сот квадратных миль даже удалось сфотографировать со спутника. А это еще маленькое.

— Маленькое, черт побери,— проворчал Грегг.— Но чем это вызывается? Это что-то вроде «красного течения»?

Сьюзен покачала головой:

— Не совсем. «Красное течение» — следствие цветения водорослей. А это свечение вызывается биолюминесцентными бактериями, которые, вероятно, питаются водорослями и планктоном. Никакой опасности они не представляют. И все же мне бы хотелось...

Внезапно все судно содрогнулось от резкого толчка, как будто в дно ударилось что-то большое и тяжелое. Лай Оскара стал более истеричным. Собака металась вдоль ограждения, пытаясь просунуть голову между стойками.

Все трое подбежали к Оскару и посмотрели вниз.

Светящийся край «молочного моря» лизал борт судна. Из глубины показалась большая тень. Это была здоровенная тигровая акула длиной больше шести метров. Перевернувшаяся кверху брюхом, она все еще судорожно извивалась, бессильно раскрывая пасть. Светящаяся вода пенилась вокруг нее, меняя цвет молока на сочный алый цвет красного вина.

Вдруг Сьюзен осознала, что это не вода пенится вокруг туши акулы, а сама ее плоть, которая бурлит, распадаясь на куски. Акула быстро пошла ко дну, однако по всему молочно-белому морю на поверхность стали всплывать новые тела, еще бьющиеся в предсмертных судорогах или уже мертвые: дельфины, морские черепахи, множество рыб.

Эпплгейт в страхе отшатнулся от ограждения.

— Похоже, эти бактерии питаются не одним только планктоном.

Повернувшись к Сьюзен, Грегг прошептал:

— Сьюзен...

Молодая женщина не могла оторвать взгляд от жуткого зрелища. Несмотря на ужас, она как ученый была заинтригована происходящим.

— Сьюзен...

Наконец она обернулась к мужу, недовольная тем, что он ее отвлекает.

— Ты же плавала с аквалангом,— объяснил Грегг, указывая на море.— В этой воде. Весь день.

— Ну и что? Все мы погружались в воду. Даже Оскар не упустил случая немного поплавать.

Муж избегал смотреть ей в глаза. Он не мог оторвать взгляд от запястья Сьюзен, которое та ожесточенно чесала. Бывало, что гидрокостюм натирал ей кожу. Однако, увидев в глазах Грегга тревогу, Сьюзен тоже посмотрела на запястье. Кожа там была покрыта красной сыпью, которую она расчесала еще больше.

У нее на глазах на коже расцвели огненно-красные волдыри.

— Сьюзен...

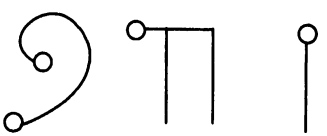
Молодая женщина изумленно ахнула:

— О господи...

Но она уже знала жуткую правду.

— Это... это уже во мне.

ЗАРАЖЕНИЕ



Глава 1

ЧЕРНАЯ МАДОННА

1 июля, 10 часов 34 минуты
Венеция, Италия

За ним охотились.

Стефано Галло торопливо пересек открытое пространство площади. Утреннее солнце уже успело раскалить каменные плиты мостовой, и многочисленные туристы спешили укрыться в тень или забивались в магазин мороженого, приютившийся под сенью собора Святого Марка. Однако целью Стефано был не этот высокомерный символ Венеции с его монументальным фасадом в византийском стиле, массивными бронзовыми конями и взметнувшимися в небо куполами.

Даже эта благословенная святыня не могла предложить ему убежище.

Оставалась только одна надежда.

Проходя мимо собора, Стефано ускорил шаг. Заполонившие площадь воробьи взлетали у него из-под ног, а он шел прямо на них, не обращая никакого внимания на испуганную суету. Теперь можно было не заботиться о том, чтобы не привлекать к себе внимание. Его уже обнаружили. Едва ступив на площадь, Стефано сразу же увидел в толпе молодого черноглазого египтянина с ухоженной бородкой. Их взгляды встретились. Теперь на египтянине был темный костюм, плотно облегавший его широкие прямые плечи. В первый раз он пред-

ставился Стефано студентом-археологом из Будапешта, действовавшим от имени его старого друга и коллеги из Афинского университета.

Египтянин пришел в археологический музей в поисках одной древней реликвии, не представляющей особой ценности. Обелиска, вывезенного из страны. Египтянин стремился при финансовой поддержке своего правительства вернуть обелиск на родину. Он принес с собой солидную сумму, банковские пачки новеньких купюр. Стефано, один из музейных хранителей, был не прочь принять такое щедрое подношение; растущие как снежный ком счета за лечение его жены грозили вынудить их расстаться со своей скромной квартирой. И в том, чтобы принять эту секретную выплату, не было ничего зазорного; на протяжении вот уже двух десятилетий египетское правительство выкупало вывезенные из страны сокровища из частных коллекций и оказывало давление на музеи, требуя вернуть в страну национальное достояние.

Поэтому Стефано согласился, пообещав сначала доставить реликвию. В конце концов, ну что такое какой-то маленький, ничем не примечательный каменный обелиск? Согласно прилагающемуся научному паспорту, он уже почти целое столетие пролежал в ящике. И его краткое описание, вероятно, объясняло, почему это произошло: «Мраморный обелиск без надписей, обнаруженный при раскопках в Танисе, предположительно относящийся к периоду Нового царства (26-я династия, 615 год до н. э.)». В нем не было ничего необычного и любопытного, если только не вдумываться в его историю. Обелиск принадлежал к коллекции одного из музеев Ватикана, а именно Григорианского египетского музея.

Непостижимо, каким путем он попал в подвалы археологического музея Венеции.

Затем вчера утром Стефано получил вырезанную из газеты заметку, которую доставил курьер в конверте, запечатанном сургучом с единственным оттиснутым на нем символом:

$$\Sigma$$

Греческой буквой «сигма».

Стефано до сих пор не понимал смысла печати, но он прекрасно понял всю важность вложенной в конверт вырезки. Одна-единственная статья из номера трехдневной давности, с сообщением о трупе неизвестного мужчины, обнаруженном на побережье Эгейского моря. Разбухший труп с перерезанным горлом плавал в воде, изрядно обглоданный угрями. Судя по всему, его выбросил из подводной могилы особенно сильный шторм. По анализу зубов в убитом был опознан тот самый коллега Стефано из Афинского университета, который якобы направил к нему египтянина.

Он был убит несколько недель назад.

Потрясенный Стефано действовал поспешно, без раздумий. Сейчас он прижимал к груди тяжелый обелиск, завернутый в мешковину, с остатками колющей тело соломы, в которой тот лежал в ящике.

Стефано похитил обелиск из ящика, понимая, что тем самым ставит под удар себя самого, свою жену и всю семью.

У него не было выбора. Вместе с пугающей газетной статьей в запечатанном конверте находилась короткая записка, без подписи, очевидно выведенная в большой спешке неразборчивым женским почерком. Предостережение. То, что сообщалось в ней, казалось невозможным, невероятным, однако Стефано проверил все сам. И это оказалось правдой.

Он бежал, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы, борясь с подступившим к горлу клубком.

Выбора нет. Обелиск не должен попасть в руки египтянина. С другой стороны, Стефано не желал взваливать на себя эту ношу дольше необходимого. Его жена, дочь... он мысленно представил себе распухший труп своего греческого коллеги. Неужели та же самая судьба уготовлена его близким?

«О, Мария, что я натворил?»

И есть только один человек, который сможет забрать у него эту ношу. Тот самый, который прислал конверт, предостережение, запечатанное греческой буквой. В конце записки были указаны место и время.

Стефано уже опаздывал.

Он оглянулся. Египтянин растворился в бурлящей толпе туристов.

Снова развернувшись, Стефано торопливо прошел через тень от колокольни Святого Марка. Когда-то давно высокое сооружение из кирпича служило сторожевой башней в порту, с которой были видны все причалы. Хотелось надеяться, что башня защитит его сейчас.

Цель, к которой спешил Стефано, находилась на противоположном краю пьяццетты*. Впереди возвышался величественный Дворец дожей, в котором с четырнадцатого столетия жили правители Венеции. Двухуровневая колоннада в готическом стиле манила, обещая спасение среди истрийского гранита и веронского мрамора.

Прижимая драгоценную ношу к груди, Стефано торопливо пересек улицу.

Ждет ли его таинственная незнакомка? Возьмет ли она ношу?

Стефано поспешил укрыться в тени, спасаясь от ослепительного солнца и бликов, отражающихся от водной глади моря. Ему нужно затеряться в лабиринтах дворца. Дворец дожей не только являлся резиденцией правителей Венеции, но выполнял и другие функции. В прошлом здесь также располагались государственные ведомства, верховный суд, зал совещаний и даже тюрьма. Впоследствии на противоположном берегу канала была выстроена новая тюрьма, к которой от дворца вел выгнувшийся аркой мостик, печально знаменитый мост Вздохов, которым воспользовался при побеге Казанова — единственный узник дворцовых подземелий, сумевший выбраться отсюда.

Стефано нырнул под сень протянувшихся вдоль всей стены здания лоджий, умоляя призрак Казановы прийти сейчас ему на помощь. Шагнув в полумрак, он даже позволил себе

---

* Пьяццетта — в Венеции небольшая площадь, выходящая на набережную, именуется также «вестибюлем перед площадью Сан-Марко».

выдохнуть с облегчением. Дворец ему хорошо знаком. Лабиринт коридоров, в которых так легко затеряться,— идеальное место для тайной встречи.

По крайней мере, хотелось в это верить.

Стефано вошел во дворец через западную арку, смешавшись с небольшой группой туристов. Впереди был внутренний двор дворца, знаменитый двумя старинными колодцами и восхитительной мраморной лестницей, Лестницей гигантов. Стефано обошел двор вдоль стены, стараясь держаться в тени. Толкнув маленькую дверцу, он оказался в той части дворца, где когда-то находились кабинеты чиновников. В конце коридора была комната допросов, где в прошлом многим беднягам пришлось вытерпеть самые жестокие и мучительные пытки. Не останавливаясь, Стефано прошел в соседнее помещение с голыми каменными стенами — камеру пыток.

Где-то позади хлопнула дверь, и он вздрогнул от испуга, крепче стиснув драгоценную ношу.

Полученные им указания были четкими. Дойдя до узкой черной лестницы, Стефано спустился в дворцовое подземелье, так называемый «колодец». Именно здесь содержались самые важные заключенные тюрьмы. И именно здесь была назначена встреча.

Стефано мысленно представил себе печать с греческой буквой.

Σ

Что это могло означать?

Он вошел в сырой, затхлый подвал, разделенный на тесные каменные камеры, потолок в которых был слишком низким, что не позволяло заключенным выпрямляться во весь рост. Здесь они мерзли зимой и умирали от жажды долгим венецианским летом, часто забытые всеми, кроме крыс.

Стефано включил маленький фонарик.

Этот нижний уровень «колодца» казался совершенно пустынным. Стефано углублялся все дальше, со страхом вслуши-

ваясь в гулкое эхо своих собственных шагов, отражающееся от каменных стен, и ему мерещилось, будто его кто-то преследует. Грудь ему сдавил ужас. Он замедлил шаг. Неужели он опоздал? Стефано поймал себя на том, что стоит, затаив дыхание. Ему нестерпимо захотелось вернуться на солнечный свет, которого он еще несколько минут назад так старательно избегал.

Он застыл на месте, охваченный дрожью. И тут, словно почувствовав его колебания, в последней камере вспыхнул свет.

— Кто там? — испуганным шепотом промолвил Стефано.— Chi é là?*

Стук каблука по каменным плитам пола, затем тихий голос, говорящий по-итальянски с легким акцентом.

— Это я прислала вам записку, синьор Галло.

В коридор шагнула стройная фигура, сжимающая в руке маленький фонарик. Его яркий свет не позволил Стефано разобрать черты лица неизвестной, даже когда та опустила луч. Женщина была одета с ног до головы в черную обтягивающую кожу. Лицо ее скрывал платок, обмотанный вокруг головы в духе бедуинов. Открытыми оставались только глаза, горящие в свете фонарика. Незнакомка двигалась с неторопливым изяществом, которое помогло Стефано успокоить бешено колотящееся сердце.

Женщина появилась из теней подобно черной мадонне.

— Вы принесли реликвию? — спросила она.

— При... принес,— запинаясь, вымолвил Стефано, с опаской делая шаг вперед. Он протянул обелиск, освобождая его от мешковины.— Я больше не хочу иметь с ним никакого дела. Вы сказали, что можете доставить его в безопасное место.

— Могу.

Женщина знаком показала Стефано поставить обелиск на пол.

Присев на корточки, тот опустил мраморную реликвию из Древнего Египта на каменный пол, счастливый тем, что наконец избавился от нее. Обелиск, высеченный из черного мрамо-

* Кто там? *(ит.)*

ра, представлял собой заостренную пирамиду высотой сорок сантиметров, возвышающуюся на квадратном основании со стороной десять сантиметров.

Женщина опустилась на корточки рядом, покачиваясь на мысках черных сапог. Она провела лучом фонарика по матовой поверхности. Мрамор сильно потрескался от времени. В одном месте грань пирамиды пересекала длинная трещина. Понятно, почему реликвия оказалась надолго забыта.

Тем не менее ради нее была пролита кровь. И теперь Стефано знал почему.

Незнакомка протянула руку, отстраняя его фонарик. Затем щелкнула большим пальцем, переключая свой. Яркий белый свет потускнел, превращаясь в темно-багровый. У Стефано на брюках заискрились пылинки. Белые полоски ткани рубашки ослепительно вспыхнули.

Ультрафиолетовый свет.

Призрачное сияние выплеснулось на обелиск.

Стефано уже проделал то же самое, проверяя утверждение незнакомки и лично лицезрея чудо. Теперь он вместе с ней склонился к обелиску, изучая все его четыре грани.

Сейчас мраморная поверхность уже не была однообразно черной. На всех четырех гранях голубовато-белым сиянием проступили строчки таинственных символов.

Это были не иероглифы. Таким письмом пользовались предшественники древних египтян.

Голос Стефано помимо воли наполнился благоговейным трепетом:

— Неужели это действительно язык самих...

У него за спиной прозвучал шепот, отразившийся от низких сводов. Послышался шум мелких камешков, скатившихся по черной лестнице.

Стефано в ужасе повернулся, чувствуя, как в жилах стынет кровь. Он узнал спокойный, четкий голос, прозвучавший в темноте.

Египтянин.

Их обнаружили.

Вероятно, почувствовав то же самое, женщина щелкнула выключателем, гася ультрафиолетовый свет. Все вокруг погрузилось в полный мрак.

Стефано поднял луч своего фонарика, надеясь обрести надежду в лице черной мадонны. Вместо этого он увидел в руке у женщины черный пистолет с навинченным на дуло длинным глушителем, направленный ему в лицо. Стефано сразу все понял, и его охватило отчаяние. Его снова провели.

— Grazie, Stefano*.

В тесный промежуток времени между резким кашлем пистолета и вырвавшейся из дула вспышкой пламени успела втиснуться только одна мысль:

«Мария, прости меня...»

3 июля, 13 часов 16 минут
Ватикан

Монсиньор Вигор Верона крайне неохотно поднялся по лестнице. Его терзали стоящие в памяти образы пламени и дыма. Да и сердце уже было слишком тяжелым для такого долгого подъема. Вигор чувствовал себя на целых десять лет старше своих шестидесяти. Остановившись на лестничной

* Спасибо, Стефано *(ит.)*.

площадке, он задрал голову вверх, рукой поддерживая себя за поясницу.

Там, дальше, винтовая лестница превращалась в плотный лабиринт строительных лесов. Понимая, что это скверная примета, Вигор поднырнул под помостом маляра и стал подниматься выше, по лестнице, ведущей на самый верх Башни ветров.

От обжигающих паров свежей краски у него на глазах выступили слезы. Однако вторгались и другие запахи, призраки прошлого, которое ему хотелось забыть.

Обугленная плоть, едкий дым, раскаленный пепел.

Два года назад взрыв вызвал пожар, превративший башню в пылающий факел в самом сердце Ватикана. Но вот после долгих трудов к ней возвращалось ее былое величие. Вигор с нетерпением ждал, когда в следующем месяце башня вновь будет открыта для посетителей. Торжественную ленточку предстоит разрезать самому кардиналу.

Но в первую очередь ему хотелось раз и навсегда покончить с прошлым.

Даже знаменитая Комната меридиана на самом верху башни, в которой Галилео Галилей пытался доказать, что Земля вращается вокруг Солнца, была уже почти полностью восстановлена. Потребовалось полтора года напряженных работ двух десятков художников-реставраторов и историков, чтобы отвоевать от пепла и копоти фрески, украшающие стены и потолок комнаты.

Если бы кистью и краской можно было исправить не только фрески...

Став новым префектом Тайного архива Ватикана, Вигор узнал, сколько сокровищ оказались безвозвратно утеряны, погибнув в огне, дыму и воде. Тысячи древних книг, иллюстрированных текстов и архивных реестров — пергаментных и бумажных листов в кожаном переплете. На протяжении прошлого столетия помещения башни использовались для хранения избытков, которые уже не помещались в главном хранилище архива, укрытом глубоко под землей.

И вот теперь, увы, свободного пространства в библиотеке стало значительно больше.

— Господин префект Верона!

Вздрогнув, Вигор вернулся в настоящее, услышав раскатившиеся отголоски. Но это был лишь его секретарь, молодой студент семинарии, по имени Клаудио, окликнувший его сверху. Значительно опередив своего престарелого начальника, Клаудио ждал Вигора в Комнате меридиана. Молодой человек раздвинул прозрачный пластиковый занавес, закрывавший вход в комнату с лестницы.

Час назад Вигора вызвал в башню руководитель отряда реставраторов. Сообщение было кратким и загадочным. «Приходите немедленно. Совершено жуткое и замечательное открытие».

Поэтому Вигор спешно оставил свой кабинет и совершил долгий путь пешком до самой вершины башни. Он даже не успел переодеть черную сутану, в которую облачился для встречи с государственным секретарем Ватикана. Вигор сожалел о своем выборе одежды, оказавшейся слишком тяжелой и теплой для быстрого подъема. И все же в конце концов он добрался до своего секретаря и промокнул носовым платком мокрый от пота лоб.

— Сюда, господин префект,— сказал Клаудио, отодвигая занавес.

— Спасибо, Клаудио.

Из комнаты в лицо Вероне пахнуло раскаленным воздухом, словно из духовки. Казалось, камни сохранили жар огня, бушевавшего здесь два года назад. Однако виной всему было лишь полуденное солнце, нагревшее самую высокую башню в Ватикане. На Рим накатила волна особенно сильной жары. Вигор мысленно взмолился хотя бы о слабом ветерке, который подтвердил бы название башни, принеся с собой прохладу.

Но все же монсиньор Верона сознавал, что капли пота, высыпавшие у него на лбу, не имеют отношения ни к жаре, ни к длительному подъему в теплой сутане. С тех самых пор как в башне произошел пожар, Вигор всеми правдами и неправ-

дами старался не подниматься наверх, руководя работами издалека. И даже сейчас он упорно поворачивался к одной из комнат спиной.

До Клаудио у него был другой секретарь — Джейкоб.

В огне пожара погибли не одни только книги.

— Ну наконец-то! — прогремел раскатистый голос.

Доктор Бальтазар Пиноссо, руководитель реставрационных работ в Комнате меридиана, пересек круглое помещение. Этот самый настоящий гигант ростом под семь футов был одет во все белое, словно хирург. Респиратор был сдвинут на лоб. Вигор был хорошо знаком с Пиноссо. Тот занимал должность декана отделения истории искусства Григорианского университета, в котором Вигор в свое время возглавлял Институт христианской археологии при понтифике.

— Префект Верона, спасибо за то, что так быстро поднялись ко мне.

Взглянув на часы, великан закатил глаза, молча комментируя такой долгий подъем.

Вигор по достоинству оценил тонкую насмешку. После того как он занял высокую должность хранителя архивов, немногие осмеливались разговаривать с ним иначе как почтительно и подобострастно.

— Если бы у меня были такие же длинные ноги, как у вас, Бальтазар, я бы перепрыгивал через две ступеньки и попал бы сюда раньше бедняги Клаудио.

— В таком случае нам лучше поскорее покончить со всеми делами, чтобы вы смогли вернуться к себе и немного вздремнуть, как привыкли делать каждый день. Мне бы не хотелось отрывать вас от этого важного занятия.

Несмотря на внешнюю веселость доктора Пиноссо, Вигор сразу же разглядел в его глазах тревогу. От него также не укрылось то, что Бальтазар отпустил всех реставраторов. Быстро оценив положение, он жестом указал Клаудио на лестницу:

— Клаудио, ты не мог бы ненадолго оставить нас одних?

— Разумеется, господин префект.

Как только секретарь скрылся за занавесом, выйдя на лестничную площадку, Вигор повернулся к бывшему коллеге.

— Бальтазар, чем вызвана подобная спешка?

— Идемте, я вам все покажу.

Он направился в противоположный угол помещения. Вигор отметил, что комната отреставрирована практически полностью. На круглых стенах и потолке снова заиграли всеми красками знаменитые фрески кисти Николо Чирчиньяни, изображающие сцены из Библии, с херувимами и облаками наверху. Лишь несколько росписей были закрыты шелковыми сетками в ожидании последней стадии восстановления. Но в основном работы были завершены. Даже высеченные на полу знаки зодиака отчистили и отполировали. Через небольшое отверстие в стене проникал одинокий луч света, падая на каменные плиты пола и освещая выложенную белым мрамором линию меридиана, проходящую через всю эту астрономическую обсерваторию шестнадцатого столетия.

Дойдя до дальней стены, Бальтазар раздвинул занавес, открывая небольшое боковое помещение. Судя по следам копоти на массивной деревянной поверхности двери, ей удалось уцелеть в пожаре.

Историк похлопал ладонью по одному из бронзовых болтов, проходящих через дверь насквозь.

— Мы обнаружили, что сердцевина у нее бронзовая. Можно сказать, нам повезло. Находящееся в этой комнате уцелело.

У Вигора взыграло любопытство. Он забыл о том, с какими чувствами заходил сюда.

— И что там было?

Бальтазар распахнул дверь. За ней обнаружилось тесное помещение без окон с голыми каменными стенами, в котором с трудом могли поместиться два человека. Друг напротив друга возвышались два книжных шкафа от пола до самого потолка, заставленные фолиантами в кожаных переплетах. Несмотря на запах свежей краски, из комнаты пахнуло плесенью — свидетельство того, что древность побеждает любые человеческие труды.

— Содержимое шкафов было описано сразу же, как только мы поднялись сюда и добрались до этого помещения,— объяснил Бальтазар.— Впрочем, ничего особенно ценного мы здесь не обнаружили. В основном это полуистлевшие труды астрономического и географического характера.— Шагнув внутрь, он громко и виновато вздохнул.— Боюсь, нам следовало повнимательнее следить за рабочими, которые трудились здесь днем. Но я был полностью поглощен Комнатой меридиана. А ночью здесь дежурил швейцарский гвардеец. Я считал, что опасаться нечего.

Вигор проследовал за великаном в тесное помещение.

— Кроме того, мы использовали эту комнату для хранения части инструмента.— Бальтазар указал на нижнюю полку одного из шкафов.— Чтобы не мешался под ногами.

Вигор покачал головой. Тяжесть на сердце не проходила.

— Ничего не понимаю. В таком случае зачем вы меня вызвали?

Из груди историка вырвался недовольный вздох.

— Неделю назад,— объяснил он,— гвардеец прогнал человека, рыскавшего здесь.— Бальтазар обвел рукой тесное помещение.— Прямо тут.

— Почему мне об этом не доложили? — всполошился Вигор.— Что-нибудь было похищено?

— Нет, в том-то все дело. Вы в то время находились в Милане, а гвардеец прогнал неизвестного. Я предположил, что это был обычный вор, который воспользовался царившей здесь суматохой и затесался среди рабочих. После этого случая я распорядился поставить здесь второго гвардейца, на всякий случай.

Вигор махнул рукой, предлагая ему продолжать.

— Но сегодня утром один из реставраторов относил сюда лампу. Когда он вошел в помещение, она была включена.

Бальтазар затворил дверь за спиной Вигора, перекрывая свет снаружи. Затем он включил маленькую переносную лампу. Комната залилась багрянцем, а белая одежда ученого засияла.

— При реставрационных работах часто приходится использовать ультрафиолетовое освещение. Оно помогает обнаруживать детали, невидимые невооруженным глазом.

Бальтазар указал на мраморный пол. Но Вигор уже увидел то, что высветила лампа. В центре пола сиял грубо выполненный рисунок.

Изогнувшийся дракон, пытающийся схватить себя зубами за хвост.

У Вигора перехватило дыхание. Он в ужасе отшатнулся назад, не в силах поверить своим глазам. Его слух наполнился ревом воспоминаний о крови и криках.

Бальтазар положил ему руку на плечо.

— С вами все в порядке? Наверное, мне следовало подготовить вас лучше.

Вигор стряхнул с себя его руку.

— Ничего... все хорошо.

В подтверждение своих слов он опустился на корточки, изучая светящийся рисунок, который был ему так хорошо знаком. Знак ордена дракона.

Бальтазар встретился с ним взглядом, и в ультрафиолетовом свете сверкнули белки его глаз. Именно орден дракона два года назад сжег башню, заручившись помощью изменника, предыдущего префекта тайного архива. Префекта Альберто больше не было в живых. Вигор полагал, что со всей этой историей давно покончено, она забыта и погребена, особенно теперь, когда башня подобно фениксу восстала из дыма и пепла.

Откуда здесь этот знак?

Вигор почувствовал, как в левом коленном суставе что-то хрустнуло. Не обращая на это внимания, он продолжал изучать рисунок. Не вызывало сомнений, что он выполнен поспешно, в самых общих чертах.

Бальтазар заглянул префекту через плечо.

— Я изучил рисунок с помощью лупы. Мне удалось обнаружить каплю реставрационного клея под люминесцентной

краской. Это указывает на то, что рисовали недавно. Полагаю, не больше недели назад.

— Вор...— пробормотал Вигор, вспоминая начало рассказа.

— Вероятно, это все-таки не был обычный вор.

Вигор потер ноющее колено. Вероятно, этот рисунок имеет жизненно важное значение. «Угроза или предупреждение, возможно, послание другому предателю, работающему на орден дракона в Ватикане». Тут он вспомнил текст записки Бальтазара: «Приходите немедленно. Совершено ужасное и поразительное открытие». Теперь он понимал смысл слова «ужасное».

Вигор оглянулся через плечо.

— Вы также упоминали в своей записке о чем-то «замечательном».

Бальтазар кивнул. Протянув руку, он открыл дверь, впуская в тесное помещение свет из соседней комнаты. В ярком освещении дракон на полу исчез, словно испугавшись света.

Вигор выпустил давно сдерживаемый вдох.

— А теперь взгляните вот на что,— сказал Бальтазар, опускаясь на корточки рядом с ним.— Если бы не дракон на полу, мы бы не обратили на это внимания.

Опершись на ладонь, он протянул другую руку вперед. Его пальцы скользнули по голому камню.

— Для того чтобы это различить, потребовалась лупа. Я случайно заметил надпись, когда осматривал люминесцентную краску. Дожидаясь вас, я счистил с надписи многовековую грязь.

Вигор недоуменно посмотрел на каменный пол.

— О какой надписи вы говорите?

— Нагнитесь ниже. Пощупайте.

Подчинившись, Вигор сосредоточил внимание. Он не столько увидел, сколько почувствовал кончиками пальцев, словно слепой, читающий по азбуке Брайля. На камне были высечены полустертые символы.

И без замечания Бальтазара Вигор понял, что надпись древняя. Загадочные символы были четкими, словно научные знаки, однако это был не труд ученого. Как бывший глава Института христианской археологии при понтифике, Вигор сразу же понял, что перед ним.

Судя по всему, Бальтазар правильно истолковал его реакцию.

— Это действительно то, о чем я подумал?

Выпрямившись, Вигор смахнул пыль с рук.

— Надпись сделана на языке более древнем, чем древнееврейский,— пробормотал он.— Если верить легендам, это самый первый язык на земле.

— Откуда она здесь? Что означает?

Вигор покачал головой, не отрывая взгляда от пола. У него в голове зрел новый вопрос. Снова появилось изображение дракона, но только мысленное, озаренное не ультрафиолетовым светом, а тревогой. Дракон обвивал надпись на камне, словно оберегая ее.

В памяти у Вигора всплыли слова Бальтазара: «Если бы не дракон на полу, мы бы не обратили на это внимания». Быть может, дракон не столько оберегал древнюю надпись, сколько подчеркивал ее, бросая на нее луч света?

Но для чьего взора предназначался этот рисунок?

Мысленно представляя изогнувшегося дракона, Вигор снова ощутил в руках тяжесть тела Джакоба, опаленного, обугленного.

В это мгновение ему открылась правда. Послание предназначалось не для другого члена ордена дракона, не для другого предателя вроде префекта Альберто. Оно предназначалось для человека, тесно связанного с историей ордена дракона, для человека, который поймет его значение.

Это послание было оставлено для него самого. Но зачем? Каков его смысл?

Вигор медленно поднялся на ноги. Он знал одного человека, который, вероятно, сможет ему помочь, но которому он упорно не звонил вот уже на протяжении целого года. До сих пор в этом не было необходимости, особенно после того, как этот человек разорвал помолвку с племянницей Вигора. Но священник сознавал, что в значительной степени нежелание поддерживать отношения объясняется не разбитыми сердцами. Этот человек, как и эта башня, напоминал Вигору о кровавом прошлом, которое он хотел забыть.

Однако теперь у него не было выбора.

Изображение дракона стояло у Вигора перед глазами, наполненное зловещим предостережением.

Ему нужна помощь.

4 июля, 23 часа 44 минуты
Такома-Парк, штат Мэриленд

— Грей, ты не мог бы вынести мусор с кухни?

— Уже иду, мама.

Коммандер Грей Пирс забрал в гостиной еще одну пустую бутылку из-под виски, еще одного солдата, павшего на праздновании Дня независимости, устроенном его родителями, и запихнул ее в полиэтиленовый пакет под мышкой. Слава богу, праздник постепенно затихал.

Грей взглянул на часы. Уже почти полночь.

Взяв две пустые бутылки из-под пива с журнального столика, Грей задержался в дверях, наслаждаясь ветерком, дующим с улицы. Ночной воздух был насыщен ароматом жасмина, к которому примешивался стойкий запах дыма от петард, взорванных во дворе. Вдалеке темноту со свистом и треском разрывали огни фейерверков. Жалобно выла собака, напуганная громким шумом.

Почти все гости уже разъехались. Лишь несколько человек на крыльце нежились в шезлонгах или стояли у перил, наслаждаясь ночной прохладой, которая наконец сменила испепеляющий зной, обычный для Мэриленда в это время года.

После шумного застолья гости запускали фейерверки, затем стали постепенно исчезать в ночи. Остались лишь самые стойкие.

И среди них начальник Грея.

Директор Пейнтер Кроу стоял у перил рядом с молодым преподавателем, работающим у матери Грея. Этот угрюмый уроженец Конго учился в аспирантуре Университета имени Джорджа Вашингтона. Пейнтер Кроу разговаривал с ним о гражданской войне, раздирающей его родину. Похоже, даже на вечеринке директор отряда «Сигма» держал руку на пульсе мировых дел.

Именно поэтому он был таким хорошим руководителем «Сигмы».

Отряд «Сигма» представлял собой секретное оперативное подразделение в составе УППОНИР, Управления перспективного планирования оборонных научно-исследовательских работ. Сотрудники «Сигмы» оберегали или, наоборот, устраняли новые технологические разработки, имеющие жизненно важное значение для безопасности Соединенных Штатов. Отряд состоял из бывших бойцов сил особого назначения, прошедших строжайший отбор и получивших блестящее техническое образование. Таким образом, это было военизированное формирование инженеров, каждый из которых при этом являлся опытным оперативным работником. Или, как любил шутить Монк, друг и напарник Грея, это был отряд «ученых-убийц».

Понятно, что при таком грузе ответственности единственным послаблением директора Кроу в этот праздничный день был стакан виски, который, до сих пор не опустошенный, стоял на перилах крыльца. Пейнтер смаковал его весь вечер. Словно почувствовав на себе взгляд Грея, Пейнтер обернулся и кивнул ему.

В бледном свете фонарей директор казался высеченным из камня. Он был в черных брюках и наглаженной льняной рубашке. Резкие черты лица выдавали его наполовину индейское происхождение.

Грей всмотрелся в лицо начальника, пытаясь найти хоть какие-то отметины того напряжения, в котором находится в последнее время директор. Как раз сейчас АНБ* и УППОНИР проводили строгую ревизию внутренней структуры группы «Сигма», и на это наложилась эпидемия, разгорающаяся в Юго-Восточной Азии. Поэтому Грей был рад видеть Пейнтера Кроу за пределами подземного комплекса «Сигмы».

Хотя бы всего один вечер.

И все же мысли о работе никогда не покидали директора. В доказательство этого Пейнтер потянулся и, оторвавшись от перил, шагнул к двери.

— Мне пора,— бросил он Грею, взглянув на часы.— Думаю, заскочу в управление и выясню, как дела у Лизы и Монка.

Двое ученых, Лиза Каммингс и Монк Коккалис, были направлены в Индонезию, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Работающие под прикрытием Всемирной организации здравоохранения, они вылетели в Джакарту сегодня утром.

Выйдя на крыльцо, Грей пожал директору руку. Он знал, что Пейнтер переживает за Лизу и Монка не только как начальник за своих подчиненных. В его глазах Грей прочитал беспокойство любящего мужчины.

— Не сомневаюсь, с Лизой все будет в порядке,— заверил Пейнтера Грей, поскольку ему было известно, что в последнее время они с Лизой почти не разлучались.— Если только, конечно, она не забыла захватить затычки для ушей. Храп Монка способен заглушить рев реактивного двигателя. А что касается новостей, если у вас что-нибудь появится, немедленно дайте знать Кэт...

Пейнтер остановил его, подняв руку.

---

* Агентство национальной безопасности (АНБ) — ведомство в составе Министерства обороны США, занимается защитой правительственной и военной связи и компьютерных систем, а также электронным наблюдением. *(Здесь и далее прим. переводчика.)*

— Она уже дважды звонила мне сегодня, проверяя, нет ли у меня каких-либо известий.— Он залпом допил виски.— Как только что-нибудь будет, я сразу же позвоню ей.

— Подозреваю, Монк вас все равно опередит, поскольку теперь ему приходится отчитываться перед двумя женщинами.

Несмотря на усталость, Пейнтер улыбнулся. Три месяца назад у Кэт и Монка родилась девочка, очаровательная малышка весом шесть фунтов и три унции, которую назвали Пенелопой Энн. Получив новое задание, Монк пробовал отшучиваться, что это поможет ему сбежать от пеленок и ночных кормлений. Однако Грей видел, как трудно его другу расставаться с женой и крохотной дочерью.

— Спасибо за то, что приехали, господин директор. До встречи завтра утром на работе.

— Пожалуйста, передай от меня наилучшие пожелания своим родителям.

Эти слова побудили Грея перевести взгляд налево, в сторону полосы света, выбивающейся из ворот отдельно стоящего гаража. Его отец удалился туда уже больше часа назад. Сегодня вечером взрывались не только петарды. В последнее время отцу Грея, страдающему прогрессирующей болезнью Альцгеймера, становилось все труднее находиться в обществе: он забывал имена, по многу раз повторял одни и те же вопросы. И вот сегодня, злясь на самого себя, Пирс-старший поссорился с сыном и в гневе закрылся в гараже, где также находилась его мастерская.

Это происходило все чаще и чаще. Грей подозревал, что отец не столько бежит от окружающего мира, сколько старается наедине обрести опору в знакомый вещах, находя утешение в кольце стружки, выходящей из-под рубанка, и повороте и без того затянутого винта. Но несмотря на эту странную форму медитации, Грей видел в глазах отца растущее чувство страха.

— Обязательно передам,— сказал он.

После отъезда Пейнтера за ним последовали и остальные задержавшиеся гости. Кто-то заходил в дом, чтобы попрощаться с матерью Грея; другие просто пожимали ему руку, благодаря за вечер. Вскоре на крыльце никого не осталось.

— Грей! — донесся из дома голос матери.— Мусор!

Вздохнув, Грей поднял пакет с пустыми бутылками, банками и пластиковыми стаканчиками. Он поможет матери убрать в доме, после чего вернется на велосипеде к себе, благо ехать совсем недалеко. Захлопнув за собой дверь, Грей выключил свет на крыльце и, скрипя деревянными половицами, направился на кухню. Оттуда доносились гудение посудомоечной машины и стук сковород в мойке.

— Мама, я закончу,— сказал Грей, заходя на кухню.— Ложись спать.

Мать повернулась от мойки. На ней были темно-синие хлопчатобумажные брюки и белая шелковая блузка, прикрытая влажным клетчатым фартуком. В такие моменты, как сегодня, когда мать была измучена бурным вечером и обилием гостей, Грею особенно остро бросался в глаза ее возраст. Что делает эта незнакомая седая старуха у матери на кухне?

Но тут мать махнула в его сторону мокрым полотенцем, нарушая иллюзию.

— Просто убери мусор. Я здесь уже почти закончила. И скажи своему отцу, чтобы возвращался в дом. Эдельманны не любят, когда он занимается столярными работами по ночам. Да, кстати, остались жареные цыплята, я их завернула в фольгу. Ты не отнесешь их в холодильник в гараже?

— Придется ходить два раза.— Грей схватил в руку два пакета с мусором и зажал под мышкой коробку с пустыми бутылками.— Сейчас вернусь.

Толкнув бедром заднюю дверь, Грей вышел на темный двор. Осторожно спустившись с крыльца, он прошел к гаражу и выстроившемуся рядом с ним ряду мусорных баков. Грей поймал себя на том, что старается двигаться как можно бесшумнее и придерживает бутылки, чтобы те не звенели. Однако его присутствие выдал поливальный шланг.

Грей споткнулся, наскочив на него в темноте, и, стараясь сохранить равновесие, зазвенел бутылками. У соседей недовольно залаял разбуженный черный шотландский терьер.

Проклятье!..

Из гаража донесся резкий голос отца:

— Грей? Если это ты... черт побери, мне здесь нужна твоя помощь!

Грей застыл в нерешительности. После жаркой перепалки с отцом всего каких-нибудь пару часов назад ему не хотелось устраивать новые шумные разборки, поскольку уже было за полночь. За последние несколько лет отношения отца и сына несколько выровнялись, после того как удалось найти общие точки после целой жизни взаимного отчуждения. Но на протяжении последнего месяца, по мере того как психологические тесты отца снова начали фиксировать сползание вниз, он опять стал превращаться в прежнего раздражительного и нелюдимого человека.

— Грей!

— Уже иду!

Выбросив мусор в открытый бак и поставив коробку с пустыми бутылками на землю, Грей собрался с духом и шагнул в полосу света, пробивающуюся из открытого гаража.

Ему в нос тотчас же ударил запах опилок и машинного масла, напомнивший о неприятном прошлом. «Возьми этот чертов ремень, твою мать... я научу, чтобы ты хорошенько думал, прежде чем брать мои инструменты... думай головой, а не задницей, иначе я тебя так взгрею...»

Отец стоял на коленях рядом с опрокинутой банкой из-под кофе, из которой рассыпались маленькие гвозди, и сгребал их с пола ладонью. Грей заметил на бетоне капли крови из ранки на левой руке отца.

Увидев вошедшего сына, Пирс-старший поднял голову. В ярком свете люминесцентных ламп фамильное сходство не вызывало сомнений. В голубых глазах отца присутствовала та же самая сталь, что и в глазах Грея. В обоих лицах, угловатых, с резкими складками, чувствовалась валлийская кровь. Отрицать это было бесполезно. Грей становился все больше

похож на отца. И хотя волосы у него все еще оставались черными как смоль, еще одним доказательством этого были первые седые волоски.

Увидев кровь, Грей подошел к отцу и предложил ему пройти к раковине в дальнем углу.

— Надо вымыть рану.

— Только не учи меня, что делать.

Грей открыл было рот, собираясь возразить, но передумал и присел на корточки рядом с отцом.

— Что тут у тебя стряслось?

— Искал шурупы,— махнул тот в сторону верстака.

— Но это же ведь гвозди.

У отца сверкнули глаза.

— Гениально, Шерлок!

Его взгляд был наполнен бездонной яростью, едва сдерживаемой, но Грей почувствовал, что в кои-то веки она обращена не на него. Осознав это, он принялся молча собирать гвозди в банку. Отец отрешенно уставился на свои руки, одну окровавленную, другую нет.

— Папа?

Тряхнув головой, Пирс-старший наконец тихо промолвил:

— Черт бы побрал...

Грей промолчал.

Еще когда он был совсем маленький, с его отцом, трудившимся на нефтяных месторождениях Техаса, произошел несчастный случай на работе. Ногу пришлось отнять выше колена, и полный сил мужчина в одночасье превратился в домохозяйку. После чего большую часть недовольства отца жизнью пришлось принимать на себя Грею. От него постоянно что-то требовали, а он никак не мог стать тем, кем хотел видеть его отец.

Глядя на то, как Пирс-старший рассматривает свои руки, Грей вдруг понял болезненную правду. Быть может, с самого начала злость его была обращена внутрь. Как сейчас. Отец был недоволен не сыном, а самим собой: это *он* не смог стать тем, кем хотел. И теперь новая болезнь угрожала отнять даже это.

Грей тщетно пытался подыскать нужные слова.

Внезапно его размышления прервал рев мотоцикла. В конце улицы завизжали покрышки.

Выпрямившись, Грей поставил банку с гвоздями на верстак. Отец выругался вполголоса, проклиная пьяного лихача. Однако Грей быстро протянул руку к выключателю, гася свет.

— Что ты делаешь?..

— Не поднимайся с пола,— приказал Грей.

Что-то было не так...

Показался мотоцикл, могучая черная «ямаха» с восьмицилиндровым двигателем. Он с воем несся по улице, виляя из стороны в сторону. Фара была погашена. Вот что насторожило Грея: реву двигателя не предшествовал яркий сноп света. Мотоцикл мчался в полной темноте.

Не снижая скорости, мотоцикл резко дернулся в сторону и пошел юзом. Из-под заднего колеса вырвалось облачко черного дыма. Водитель застыл на мгновение, пытаясь удержать равновесие, затем свернул на дорожку, ведущую к дому Пирсов, и рванул вперед.

— Это еще что за чертовщина! — рявкнул отец.

Но мотоциклист слишком сильно выкрутил руль. Налетев на бордюрный камень, мотоцикл подпрыгнул и развернулся наискосок. Водитель тщетно пытался выровняться. Зацепившись задним крылом за край крыльца, мотоцикл упал на асфальт, высекая сноп искр — еще один праздничный фейерверк в честь Дня независимости. Вывалившийся водитель покатился кубарем и остановился только у самых раскрытых ворот гаража.

Мотоцикл проехал до конца дорожки и, чихнув, заглох. Искры погасли. Снова наступила темнота.

— Господи Иисусе! — воскликнул Пирс-старший.

Грей поднял руку, молча приказывая отцу оставаться в гараже. Другой рукой он достал из кобуры на щиколотке «глок» калибра девять миллиметров и осторожно приблизился к распростертой на земле фигуре, одетой во все черное: кожаный комбинезон, шарф, шлем.

Тихий стон открыл Грею две вещи: водитель был еще жив, и это была женщина. Она лежала на боку, сжавшись в клубок. Черная кожа была разодрана в клочья.

На крыльце появилась мать Грея, привлеченная шумом.

— Грей?

— Оставайся на месте! — крикнул он.

Подойдя к упавшей мотоциклистке, Грей увидел какой-то предмет, отлетевший на несколько шагов в сторону, резкий черный силуэт его отчетливо вырисовывался на фоне белого бетона дорожки. Это было что-то вроде небольшой стелы из черного камня, треснувшей при падении. Внутри в лунном свете блестела металлическая сердцевина.

Однако внимание Грея, шагнувшего к мотоциклистке, привлек блеск другого предмета.

На шее у женщины висел маленький кулон в виде дракона.

Грей сразу его узнал. В точности такой же кулон висел на шее у него самого — подарок от давнишнего врага, предостережение и обещание на тот случай, если их пути пересекутся снова. Он крепче стиснул рукоятку пистолета.

Перекатившись на спину, женщина снова тихо застонала. На белый бетон хлынула кровь — черная река, стремящаяся к подстриженному газону. Взору Грея открылась зияющая выходная рана.

Выстрел был сделан в спину.

Протянув руку, женщина с трудом стащила с головы шлем. Грей увидел искаженное мучительными страданиями знакомое лицо, обрамленное черными волосами. Смуглая кожа и миндалевидные глаза безошибочно свидетельствовали о малоазиатском происхождении.

— Сейхан...— пробормотал Грей.

Женщина слабо протянула к нему дрожащую руку.

— Коммандер Пирс... помогите...

Грей услышал в ее голосе боль — но также то, чего никак не ожидал от своего хладнокровного врага.

Ужас.

Глава 2

КРОВАВОЕ РОЖДЕСТВО

5 июля, 11 часов 2 минуты
Остров Рождества

«Еще один ленивый день на морском берегу...»

Монк Коккалис шел следом за провожатым по узкой полосе песка. Оба были в защитных костюмах «Био-3» — не самой удобной одежде для прогулки по тропическому пляжу. Под костюм Монк надел только трусы, и все же, медленно варясь в наглухо запечатанном пластике, чувствовал себя так, словно на нем теплая шуба. Прикрыв ладонью глаза, чтобы защититься от ослепительного полуденного сияния, он смотрел на открывающуюся взору жуткую картину.

Все западное побережье острова Рождества пенилось и бурлило смертью, словно сама преисподняя поднялась из океанских глубин и выплеснулась на берег. Море отступило, обозначив границу прилива грудами дохлых рыб, среди которых возвышались более высокими холмиками туши акул, дельфинов, морских черепах и даже карликовых китов — хотя определить, кому именно принадлежат те или иные останки, было очень трудно, поскольку мягкие ткани, кости и чешуя смешались в зловонную гниющую массу. Кроме того, на песке и в воде валялись сотни морских птиц, тоже мертвых; по-видимому, они были привлечены обильной добычей, но затем стали жертвой того же самого отравления.

Из расселины в скале с ревом вырывался пенистый фонтан грязной соленой воды, словно сам океан испускал последний вздох.

Поднырнув под потоком, исследователи направились вдоль берега дальше на север, стараясь оставаться на узкой полосе чистого песка между смрадным месивом, вынесенным приливом, и отвесными скалами, окутанными покрывалом джунглей.

— Когда вернемся на корабль,— гнусаво пробормотал через противогаз Монк,— я к морепродуктам даже не притронусь.

Он радовался, что дышит сжатым воздухом из баллона. Нетрудно было догадаться, каким мерзким зловонием веет от этого кладбища на берегу.

Монк также был рад тому, что его напарница доктор Лиза Каммингс осталась на борту круизного лайнера, который стоял у противоположного берега острова. «Владычица морей» бросила якорь в бухте Летучих Рыб, вдали от тошнотворного смрада, который висел над ядовитым месивом на западном побережье и разносился ветром почти по всему острову.

Однако повезло далеко не всем.

Прибыв на остров на рассвете, Монк стал свидетелем спешной эвакуации сотен людей, всех до одного пораженных таинственной болезнью: одни ослепли, у других кожа была покрыта красными волдырями, в самых тяжелых случаях от тела отваливались куски гниющей плоти. И хотя пробы показывали быстрое снижение уровня заражения, было принято решение в целях предосторожности полностью эвакуировать население острова.

«Владычице морей», огромному, роскошному круизному лайнеру, совершавшему свое первое плавание вокруг островов Зондского архипелага, пришлось срочно высадить всех своих пассажиров и развернуться. Корабль был превращен в плавучий госпиталь. Кроме того, он также стал штабом отряда сотрудников Всемирной организации здравоохранения, прибывших на место, для того чтобы разобраться в причинах внезапного заражения моря.

Именно поэтому Монк сегодня утром прилетел на остров Рождества. Ему предстояло по горячим следам найти ответы на некоторые вопросы, связанные с трагедией. Лизе, оставшейся на корабле, пришлось в полной степени задействовать свои врачебные навыки, в то время как Монк, обладающий необходимой подготовкой, отправился бродить по зловонному болоту. Директор «Сигмы» отрядил молодого специалиста на это задание, учитывая его опыт в судебной биологии и медицине. Считалось, что степень риска, связанного с данной операцией, является минимальной,— Монку и Лизе предстояло лишь наблюдать и собирать информацию. И все же директор Кроу отозвал Монка после трехмесячного отпуска по семейным обстоятельствам, вызванного рождением дочери.

Вспомнив про дочь, молодой ученый покачал головой. Ему не хотелось думать о своей малышке, шлепая по этой гниющей грязи. И все же он ничего не мог с собой поделать. Его мысли сами собой возвращались к голубым глазкам Пенелопы, к ее пухлым щечкам и невероятному нимбу светлых волос, так непохожим на суровые черты лица и бритую наголо голову ее отца. Ну как такое очаровательное создание может иметь с ним общие гены? Впрочем, наверное, тут постаралась мать. Даже здесь, на противоположном конце земного шара, Монк не мог избавиться от ноющей боли в груди, порожденной физической потребностью быть рядом с женой и дочерью. Казалось, он неразрывно связан с ними пуповиной, которая обеспечивает у всех троих единое кровообращение. Он сам иногда не верил своему счастью.

Провожатый Монка, доктор Ричард Графф, просоленный насквозь исследователь-океанолог из Квинслендского университета, опустился на колено. Графф не знал истинную сущность Монка; ему было известно лишь то, что ВОЗ пригласила его в качестве научного консультанта. Океанолог поставил пластмассовый ящик с образцами на плоский камень, торчащий из песка. Даже сквозь защитную маску были видны сосредоточенность и беспокойство, написанные на его бородатом лице.

Пришла пора приниматься за работу.

Двое ученых высадились на берег с надувного резинового плота «Зодиак». Офицер австралийского военно-морского флота, сидевший у руля, остался на плоту, отогнав его за границу зоны смерти. Сторожевой катер береговой охраны Австралии еще вчера подошел к острову, чтобы наблюдать за эвакуацией жителей.

Этот уединенный островок, затерявшийся в Индийском океане в полутора тысячах миль к северо-западу от Перта, являлся австралийской территорией. Открытый в день Рождества в 1643 году, необитаемый остров впоследствии был освоен англичанами, которые занялись разработкой залежей фосфатов. На крупной шахте трудились рабочие из соседней Индонезии, находившиеся здесь на положении рабов. Однако все это осталось в прошлом. Хотя шахта продолжала действовать до сих пор, основным бизнесом тропического острова стал туризм. Три четверти гористой территории острова, покрытой влажными джунглями, были объявлены национальными заповедниками.

Когда туристы вернутся сюда после случившегося?

Монк подошел к доктору Ричарду Граффу. Увидев его, ученый-океанолог обвел затянутой в перчатку рукой огромное кладбище.

— Согласно рассказам местных рыбаков, все началось чуть больше четырех недель назад,— объяснил Графф.— В сетях, которыми ловили крабов, стали попадаться пустые панцири — все мягкие ткани внутри были полностью разложившимися. На ладонях у рыбаков, которыми они вытягивали сети из моря, начали выскакивать волдыри. И дальше все только ухудшалось.

— Как вы полагаете, что здесь произошло? Пролилась какая-то ядовитая жидкость?

— То, что речь идет о чем-то ядовитом, не вызывает сомнений, вот только ничего не проливалось.

Открыв черный пакет с броской предостерегающей надписью, ученый указал на волну прибоя. Вода пузырилась желто-

вато-бурой слизистой пеной, ядовитым бульоном, наполненным гниющей плотью.

— Нет, все это дело рук матери-природы.

— Что вы хотите сказать?

— Взгляните на этот слизистый гумус, коллега. Он состоит из сине-зеленых водорослей, прародителей всех современных микроорганизмов и водорослей. Три миллиарда лет назад подобная слизь господствовала в Мировом океане. И вот для нее снова пришел час возрождения. Вот почему меня пригласили сюда. Моей основной специализацией как раз и являются подобные организмы. Я изучал такие водоросли в районе Большого Барьерного рифа, в особенности один вид под названием «огненный сорняк». Это растение, нечто среднее между сине-зелеными и обычными зелеными водорослями, способно стремительно размножиться, покрыв территорию площадью с футбольное поле, за то время, пока вы будете обедать. И проклятый сорняк выделяет десять различных биотоксинов, достаточно сильных, чтобы вызвать раздражение на коже человека. А в высушенном виде при вдыхании обжигает почище жгучего перца.

Монк мысленно представил себе страшную картину пораженного таинственной болезнью Селения — так незатейливо назывался самый крупный поселок на острове. Он находился совсем недалеко от этой бухты, как раз на пути господствующих ветров.

— Вы хотите сказать, что именно это произошло здесь?

— Или нечто подобное. «Огненный сорняк» и другие виды сине-зеленых водорослей живут во всех морях нашей планеты. От норвежских фьордов до Большого Барьерного рифа. И когда рыбы, кораллы и морские млекопитающие погибают, для этой древней слизи, а также для ядовитых медуз наступает раздолье. Как будто процесс эволюции поворачивает вспять и моря превращаются обратно в первобытный океан. Причем винить в этом мы должны самих себя. Безрассудное применение удобрений, выбросы химических веществ, сточные воды отравляют дельты рек и прибрежные воды. Хищническое ры-

боловство сократило за последние пятьдесят лет поголовье крупных видов рыб больше чем на девяносто процентов. А изменение климата влечет за собой повышение температуры и кислотности морской воды, что приводит к уменьшению содержащегося в ней растворенного кислорода, и все живое начинает задыхаться. Мы стремительно убиваем моря, и вскоре обратить этот процесс уже будет невозможно.— Покачав головой, Графф устремил взгляд на мертвые воды бухты.— У нас на глазах происходит возвращение Мирового океана к тому состоянию, в котором он пребывал сотни миллионов лет назад, кишащий одноклеточными микроорганизмами, токсичными водорослями и ядовитыми медузами. Подобные пятна смерти встречаются все чаще и чаще, и в самых разных местах земного шара.

— Но что стало причиной появления именно этого пятна?

Как раз этот вопрос и привел сюда обоих ученых.

Графф покачал головой:

— Какой-то новый, неизвестный вид сине-зеленых водорослей, с которым мы еще не встречались. И именно это меня и пугает. Уже сейчас морские биотоксины и нейротоксины являются самыми сильными ядами на свете. Они настолько отвратительны, что человеку пока не удается их воспроизвести. Известно ли вам, что вещество под названием сакситоксин, которое выделяют бактерии, обитающие в некоторых видах морских моллюсков, не так давно было классифицировано Организацией Объединенных Наций как оружие массового поражения?

Поморщившись, Монк сквозь защитную маску бросил взгляд на бухту.

— Природа-мать может вести себя как злая мачеха.

— С ней не сравнится ни один террорист, коллега, даже самый жестокий. Так что лучше не выводить ее из себя.

С этим Монк был полностью согласен.

Когда лекция по биологии была закончена, Монк помог Граффу раскладывать образцы. Ему очень мешали защитные перчатки, кроме того, дополнительные неудобства доставля-

ла неуклюжая левая рука. Вследствие ранения, полученного во время предыдущего задания, молодой оперативник остался без кисти, и теперь ему приходилось носить протез, сделанный по последнему слову техники и напичканный новейшими прибамбасами УППОНИР. Но все же никакие синтетические материалы и биоэлектроника не могли заменить живую плоть. Монк мысленно выругался, неловко втыкая шприц в песок.

— Поаккуратнее,— посоветовал ему Графф.— Вряд ли вам хочется проткнуть свой защитный костюм. Особенно здесь. Хотя уровень токсичности заметно снизился, осторожность не помешает.

Монк вздохнул. Он с большой радостью расстался бы с этим маскарадным одеянием и вернулся на борт лайнера, к своей лаборатории. Еще по пути на остров Монк позаботился о том, чтобы вся его криминалистическая лаборатория была переправлена по воздуху на лайнер. Именно там ему сейчас хотелось находиться больше всего.

Но первым делом нужно собрать образцы для исследований. И много. Кровь, ткани, кости. Рыб, акул, головоногих, дельфинов.

— Странно,— пробормотал Графф.

Выпрямившись, он обвел взглядом берег бухты.

— В чем дело? — спросил Монк.

— Одним из самых вездесущих животных на этом острове является Geocarcoidea natalis.

— А если говорить нормальным человеческим языком?..

Графф снова огляделся по сторонам.

— Я имею в виду красного сухопутного краба.

Монк всмотрелся в полосу мертвой морской живности, оставленную прибоем. Направляясь на остров Рождества, он ознакомился со здешними флорой и фауной. Красный сухопутный краб был местной достопримечательностью. Отдельные особи вырастали до размеров тарелки. Ежегодная миграция крабов являлась одним из чудес живой природы. Каждый год в ноябре в строгом соответствии с лунными циклами сто

миллионов крабов совершали сумасшедший бросок из джунглей к морю, уворачиваясь от охотящихся за ними морских птиц. Бросая вызов своим врагам, они завоевывали право спариваться во имя продолжения рода.

Графф продолжал:

— Крабы являются признанными любителями падали. Можно было бы предположить, что такое обилие мертвечины непременно их привлечет, как это произошло с птицами. Однако я не вижу ни одного краба, ни живого, ни мертвого.

— Быть может, они каким-то образом учуяли присутствие токсинов и остались в джунглях.

— Если это действительно так, возможно, данное обстоятельство позволит пролить свет на происхождение токсина или бактерий, вырабатывающих его. Не исключено, что в прошлом крабам уже приходилось сталкиваться с подобным заболеванием. А может быть, у них к нему иммунитет. В любом случае чем быстрее мы сможем установить источник заразы, тем лучше.

— Помочь жителям острова...

Графф пожал плечами.

— Разумеется, надо думать и об этом. Но гораздо важнее не допустить распространения заразы.— Он снова перевел взгляд на желтоватую слизь, и его голос наполнился тревогой.— Как бы все это не было предвестником того, чего опасаются океанологи всего мира.

Монк вопросительно посмотрел на него.

— Речь идет о появлении некоего микроорганизма, который нарушит равновесие, который обладает таким сильным действием, что это приведет к гибели в морях и океанах всего живого.

— И такое возможно?

Графф снова опустился на корточки и принялся за работу.

— Не исключено, что такое уже происходит.

После этого мрачного заявления Монк целый час собирал образцы в пакетики, коробочки и пробирки. Тем временем

солнце поднималось все выше и выше над скалами, отражалось ослепительным блеском от водной глади и раскаляло защитный костюм вместе с его обитателем. Монк начал мечтать о холодном душе и коктейле со льдом в шезлонге под зонтиком.

Двое ученых медленно продвигались вдоль берега. У самого края скал Монк обнаружил в песке пучок обгоревших палочек с благовониями. Они образовывали палисадник перед крохотным буддийским святилищем, представляющим собой не более чем сидящую фигуру без лица, стертого морем и песком. Монк представил себе, как местные жители зажигали палочки, призывая на помощь небеса, чтобы те помогли защититься от ядовитой заразы.

Он двинулся дальше, чувствуя холодный озноб: а что, если от их работы толку будет не больше?

Услышав рокот двигателей приближающегося судна, Монк повернулся к бухте. Его взгляд упал на полоску песка, уходящую в море. Собирая образцы, они с Граффом прошли мимо узкой косы, которая теперь скрывала катер из виду.

Монк прикрыл глаза козырьком ладони. Неужели австралийский моряк собирается подвести катер к берегу?

К нему подошел Графф.

— Возвращаться назад еще слишком рано.

Над бухтой резким треском раскатились автоматные очереди. Из-за косы показался синий, видавший виды скутер. Монк разглядел на корме семерых человек, чьи головы были обвязаны платками. Солнце блеснуло на стволах автоматических винтовок.

Ахнув, Графф попятился от берега.

— Пираты...

Монк покачал головой. Замечательно, этого еще не хватало...

Развернувшись к берегу, катер понесся прямо на ученых, рассекая грязную воду. Монк схватил Граффа за шиворот и потащил его прочь с залитого солнцем пляжа.

Во всем мире пиратство находилось на подъеме, но воды, омывающие острова Зондского архипелага, и без того всегда кишели морскими головорезами. Их привлекали бесчисленные необитаемые островки и атоллы, заросшие густыми джунглями, с тысячами укромных бухточек. Все это создавало для пиратства самую благоприятную почву. Ну а после мощнейшего цунами, обрушившегося несколько лет назад на регион, количество пиратов резко возросло как следствие общего хаоса и связанного с ним распыления сил правоохранительных органов.

Судя по всему, нынешняя трагедия не стала исключением.

Отчаяние порождает отчаянных людей. Но у кого хватит смелости войти в эти воды? Монк обратил внимание на то, что пираты были с головы до ног укутаны в импровизированные защитные костюмы. Неужели они прознали о том, что уровень заражения начал снижаться, и решили совершить нападение на остров?

Отбегая в сторону джунглей, Монк оглянулся в сторону своего плота. На местном черном рынке за «Зодиак» можно будет выручить неплохие деньги, не говоря про имеющееся на борту исследовательское оборудование. Монк также обратил внимание на то, что ответного огня по пиратам не было. Вероятно, австралийский моряк, застигнутый врасплох, был сражен первой же очередью. И у него осталась единственная рация. Полностью отрезанные, они с Граффом оказались предоставлены самим себе.

Монк подумал о Лизе, оставшейся на борту круизного лайнера. Воды вокруг крохотного порта патрулирует сторожевой катер австралийской береговой охраны. По крайней мере, за молодую женщину можно не беспокоиться.

Чего нельзя было сказать о них самих.

Сзади путь к отступлению преграждали отвесные скалы. По обе стороны тянулись полосы пустынного песка.

Монк оттащил Граффа за валун, единственное укрытие.

Скутер летел прямо на них. Трещали очереди, поднимая над песком маленькие фонтанчики.

Монк прижал Граффа к земле и постарался сам прижаться как можно плотнее.

Да, вот тебе и ленивый день на морском берегу.

11 часов 42 минуты

Доктор Лиза Каммингс намазала кричащей девочке спину обезболивающей мазью. Мать держала ее за руку. Молодая малайка, она говорила приглушенным шепотом, и в ее миндалевидных глазах горел страх. Сочетание лидокаина и прилокаина быстро сняло чувство жжения, и крики сменились слезами и всхлипыванием.

— С ней все будет в порядке,— сказала Лиза, зная, что мать девочки работала официанткой в одной из местных гостиниц и говорила по-английски.— Проследите за тем, чтобы она три раза в день принимала антибиотики.

Женщина склонила голову:

— Terima kasih*.

Лиза кивнула в сторону группы людей в синей и белой форме, членов экипажа «Владычицы морей».

— Обратитесь к кому-нибудь из команды, вам с дочерью выделят каюту.

Еще один поклон благодарности, но Лиза уже отвернулась и рывком стянула перчатки. Ресторан верхней палубы «Владычицы морей» превратился в главный перевалочный пункт всего корабля. Каждого эвакуированного с острова осматривали и определяли, критическое у него состояние или нет. Лизе, не имевшей опыта работы в условиях чрезвычайной ситуации, было поручено оказание первой помощи тем, чье состояние не вызывало опасений. В помощь ей назначили студента-медика из Сиднея, тощего молодого индуса по имени Джесспаль, добровольца из медицинского отряда ВОЗ.

Пара получилась странная: она, бледная блондинка, и он, черноволосый с кожей цвета кофе. Однако работали они четко и слаженно.

---

* Спасибо *(малайск.)*.

— Джесси, как у нас обстоят дела с цефалексином?

— Должно хватить, доктор Лиза.

Одной рукой Джесспаль встряхнул большой пузырек с таблетками антибиотика, другой продолжал заполнять медицинскую карту. Было видно, что этому парню не привыкать к одновременному выполнению нескольких задач.

Поправив зеленые брюки, Лиза оглянулась вокруг. В настоящий момент ее помощь никому не требовалась. В остальной части ресторана царил приглушенный хаос, время от времени раздираемый криками, однако их уголок представлял островок спокойствия.

— По-моему, большая часть находившихся на острове эвакуирована,— заметил Джесси.— Я слышал, что последние два катера вернулись из порта наполовину пустыми. Похоже, это те, кого привезли из маленьких деревушек.

— Слава богу, если это действительно так.

В течение сегодняшнего утра, показавшегося ей бесконечным, Лиза приняла больше ста пятидесяти больных: в основном ожоги, волдыри, хриплый кашель, дизентерия, рвота, а также один вывих запястья вследствие падения с причала. Однако то была лишь малая толика пострадавших. Круизный лайнер подошел к острову вчера вечером, и к восходу солнца, когда на него попала Лиза, прилетевшая на вертолете, эвакуация уже шла полным ходом. Ей пришлось быстро включиться в работу. Всего на крохотном уединенном островке находилось свыше двух тысяч человек. Впрочем, корабль мог разместить всех, хотя и в тесноте, особенно если учесть, что число умерших уже перевалило за четыре сотни... и продолжало расти.

Лиза постояла, обхватив руками плечи, жалея о том, что это ее собственные руки, а не сильные руки Пейнтера, который обнимает ее, стоя сзади, прижимаясь к ее шее своей колючей щекой. Она устало закрыла глаза. Хотя его и не было рядом, она несла в себе частицу его стали.

Пока Лиза работала, принимая одного пациента за другим, ей без особого труда удавалось сохранять профессиональную

отрешенность, сосредоточившись только на выполнении необходимых действий.

Но сейчас, в минуту затишья, она вдруг в полной мере осознала истинные масштабы разразившейся катастрофы. На протяжении последних двух недель вспышка болезни не вызывала особого беспокойства. Все ограничивалось лишь несколькими случаями ожогов, вызванных непосредственным контактом с заразой. Затем, всего за два дня, море вспенилось отравленным пятном, которое взорвалось выбросом обжигающего газа, скосившего пятую часть населения острова и искалечившего остальных.

И хотя ветер быстро развеял ядовитое облако, на больных обрушились осложнения и вторичные инфекции: грипп, лихорадка, менингит, слепота. Болезни распространялись с пугающей стремительностью. Вся третья палуба была отведена под зону карантина.

Но что здесь делала она, Лиза Каммингс?

Узнав новость о странной эпидемии, Лиза сразу же стала упрашивать Пейнтера направить ее сюда, подкрепляя свою просьбу вескими доводами. Помимо высшего медицинского образования у нее также был диплом по физиологии человека, но, что гораздо важнее, она обладала солидным опытом практических исследований, в первую очередь в области океанологии. В свое время ей пять лет пришлось поработать на борту спасательного судна «Фатом», занимаясь физиологическими исследованиями. Так что у Лизы были весомые аргументы настаивать на том, чтобы ее отправили на остров Рождества.

Однако только этим причины не исчерпывались.

На протяжении всего последнего года Лиза никуда не выезжала из Вашингтона. Она начинала ловить себя на том, что ее медленно засасывает жизнь Пейнтера. И хотя какая-то ее частица была рада полной близости, единению, Лиза также понимала, что ей необходим этот шанс самостоятельно проявить себя, необходим как ей самой, так и для их с мужем

отношений. Пусть расстояние даст ей возможность оценить свою жизнь, покинув тень Пейнтера.

Но, возможно, расстояние оказалось чересчур большим...

Услышав пронзительный вопль, Лиза повернулась к двустворчатой двери в ресторан. Два матроса несли на носилках мужчину. Тот извивался и кричал. Его кожа, красная будто панцирь вареного рака, словно плакала, исторгая гной. Казалось, мужчину с головы до ног обварили кипятком. Матросы торопливо отнесли его к пункту первой помощи тяжелобольным.

Снова настроившись на профессиональную нотку, Лиза мысленно прокрутила в голове курс лечения. «Двойная доза диазепама и капельница с морфием». Однако в глубине души она знала правду. Как и все вокруг. Лечение может лишь смягчить боль. Мужчина на носилках умирал, и предотвратить это было нельзя.

— А вот и ходячие неприятности,— пробормотал за спиной Лизы Джесси.

Обернувшись, она увидела приближающегося к ней доктора Джина Линдхольма. Состоящий из одних ног и тощей шеи, он внешне напоминал страуса. Голову его венчала копна седых волос, похожих на оперение. Поймав на себе взгляд молодой женщины, руководитель группы ВОЗ кивнул, показывая, что его целью действительно является она.

И что будет дальше?

Лиза не питала особо теплых чувств к доктору Линдхольму, выпускнику медицинского факультета Гарвардского университета. Уж слишком высокого мнения о себе он был. Прибыв на круизный лайнер, Линдхольм, вместо того чтобы лично помогать пострадавшим, заперся в каюте с владельцем корабля, непоседливым австралийским миллиардером Райдером Блантом. Блант, славящийся дотошным вниманием ко всем мелочам своего бизнеса, лично отправился на корабле в его первое плавание. И хотя миллиардер мог покинуть лайнер, после того как его реквизировала ВОЗ, он остался на борту, используя спасательную операцию в рекламных целях.

А Линдхольм ему в этом помогал.

Однако подобное сотрудничество не распространялось на Монка и Лизу. Функционер ВОЗ не скрывал своего недовольства тем, что на него было оказано давление с целью включить этих двоих в группу. Но ему не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться, хотя из этого еще не следовало, что ему это нравилось.

— Доктор Каммингс, рад, что застал вас в праздном безделье.

Лиза сдержалась с большим трудом. Джесси презрительно фыркнул.

Линдхольм взглянул на студента-медика так, словно только сейчас заметил его присутствие,— после чего выбросил его из головы и снова сосредоточил все свое внимание на Лизе.

— Мне было предписано ставить в известность вас и вашего напарника относительно всех находок, имеющих отношение к этой эпидемиологической катастрофе. Поскольку доктор Коккалис сейчас работает на месте, я решил показать вам вот это.

Линдхольм протянул Лизе пухлую папку. Та узнала на обложке эмблему небольшой больницы, которая обслуживала население маленького острова. Весь персонал больницы состоял из нескольких врачей, работающих по вызову, и двух медсестер. С началом эпидемии больница была сразу же перегружена, и тяжелобольных пришлось отправлять по воздуху в Перт. Однако когда биологическая катастрофа обрушилась на остров в полную силу, это стало экономически нецелесообразно. Как только круизный лайнер подошел к берегу, больница была переведена на него в первую очередь.

Раскрыв папку, Лиза увидела, что имя больного не указано. Она быстро пробежала взглядом историю болезни, хотя читать было особо нечего. Больной, мужчина шестидесяти с лишним лет, был обнаружен пять недель назад бредущим в голом виде через влажные джунгли. Судя по всему, у него помутился рассудок и ему пришлось провести в лесу довольно много времени. Он не мог говорить и страдал от сильного

обезвоживания организма. Постепенно больной впал в старческое слабоумие; он больше не мог себя обслуживать, и его приходилось кормить с ложки. Его личность пытались установить по отпечаткам пальцев, а также изучая списки пропавших без вести, однако все было тщетно. Больной так до сих пор и оставался безымянным.

Лиза оторвала взгляд.

— Не понимаю... какое это имеет отношение к тому, что произошло здесь?

Линдхольм со вздохом встал у нее за спиной и постучал пальцем по истории болезни:

— Прочитайте перечень симптомов. В самом конце.

— «Следы воздействия агрессивной среды, от умеренных до сильных»,— прочитала вслух Лиза, дойдя до перечня.

В последней строчке были указаны «глубокие солнечные ожоги второй степени на икрах ног, с результирующими отеками и сильными волдырями». Лиза посмотрела на Линдхольма. Сегодня ей все утро приходилось иметь дело с такими же внешними симптомами.

— Значит, это не было обычным солнечным ожогом.

— Местные врачи поторопились с диагнозом,— с нескрываемым отвращением произнес Линдхольм.

Но Лиза не могла винить врачей маленького острова в ошибке. В то время еще никто не мог догадаться о надвигающейся экологической катастрофе. Она снова взглянула на дату.

Пять недель назад.

— Полагаю, нам наконец удалось отыскать больного номер ноль,— напыщенно промолвил Линдхольм.— Или, по крайней мере, одного из тех, кто заболел самым первым.

Лиза захлопнула папку.

— Я могу его осмотреть?

Линдхольм кивнул:

— Это вторая причина, по которой я поднялся сюда.

В его голосе прозвучала тревожная дрожь, насторожившая Лизу. Она подождала, что Линдхольм объяснится, но он лишь развернулся на каблуках и направился к выходу.

— Следуйте за мной.

Функционер ВОЗ пересек ресторан и подошел к одному из лифтов. Войдя в кабину, он нажал кнопку прогулочной палубы, расположенной на третьем уровне.

— Он в карантинном изоляторе? — спросила Лиза.

Линдхольм пожал плечами.

Двери лифта открылись. За ними оказался импровизированный приемный бокс. Линдхольм жестом предложил Лизе надеть защитный костюм, такой же, в каком Монк отправился собирать образцы.

Лиза натянула костюм, надела на голову капюшон и наглухо закрыла застежки, обратив внимание на слабый запах человеческого тела, исходящий от костюма. Когда они оба были готовы, Линдхольм провел ее по коридору к одной из кают. Дверь была распахнута настежь, и у входа толпились другие врачи.

Линдхольм громогласно потребовал освободить дорогу. Вышколенные врачи поспешно расступились, и он провел Лизу в маленькую каюту без иллюминаторов, с единственной койкой у дальней стены.

Под тонким одеялом лежал человек, похожий на иссохший труп. Однако Лиза обратила внимание на то, как в такт слабому, неровному дыханию поднималось и опускалось одеяло. От руки тянулись трубки к капельницам. Кожа была такой бледной и тонкой, что казалась прозрачной.

Поддавшись внезапному порыву, Лиза посмотрела на лицо больного. Кто-то его побрил, но торопливо. Кое-где виднелись порезы. Волосы у него были седые и жидкие, словно у пациента, проходящего курс химиотерапии. И вдруг его глаза открылись и взгляды их с Лизой встретились.

Какое-то мгновение ей казалось, что в глазах больного сверкнула искра сознания. Он даже слабо потянул к ней руку.

Но тут между ними встал Линдхольм. Он откинул половину одеяла, открывая ноги больного. Лиза ожидала увидеть покрытую струпьями кожу, заживающую после ожога второй

степени, подобного тем, которые сегодня она обрабатывала весь день, но вместо этого ее взору открылись странные багровые синяки, протянувшиеся от щиколоток до самого паха, усыпанные черными волдырями.

— Если бы вы дочитали историю болезни до конца,— заметил Линдхольм,— вы бы узнали, что эти новые симптомы появились всего четыре дня назад. Сотрудники местной больницы решили, что речь идет о тропической гангрене, следствии сильного заражения при ожогах. Однако на самом деле это...

— Некротизированный фасцит,— договорила за него Лиза.

Шумно втянув носом воздух, Линдхольм опустил одеяло.

— Вот именно. Мы тоже так думали.

Некротизированный фасцит, больше известный как «болезнь, пожирающая плоть», вызывался бактериями, как правило бета-гемолитическими стрептококками.

— Каковы ваши предположения? — спросила Лиза.— Вторичное заражение через уже имевшиеся раны?

— Я пригласил нашего бактериолога. Быстрая реакция по Граму, проведенная вчера вечером, показала массовое размножение пропионовых бактерий.

Лиза нахмурилась.

— Но это же какая-то ерунда. Пропионовые бактерии — обычные эпидермические бактерии. Они не являются патогенными. Вы уверены, что речь не идет о простом заражении?

— Только не при том количестве этих бактерий, в каком они были обнаружены в волдырях. Реакция по Граму была повторена на образцах других тканей. Результат тот же самый. Именно тогда было впервые замечено, что странным некрозом поражены окружающие ткани. В здешних местах подобный вид гниения тканей встречается достаточно часто. Оно может принимать вид некротизированного фасцита.

— А чем оно вызывается?

— Уколом бородавчатки, каменной рыбы. Крайне ядовитое существо. Внешне эта рыба похожа на камень, но у нее острые спинные плавники, смазанные ядом, который выде-

ляется из специальных желез. Этот яд один из самых отвратительных в мире. Я пригласил доктора Барнхардта, чтобы он исследовал пораженные ткани.

— Токсиколога?

Линдхольм молча кивнул.

Доктор Барнхардт, специалист по естественным ядам и токсинам, прилетел сюда из Амстердама. Используя влияние «Сигмы», Пейнтер лично попросил включить его в состав группы ВОЗ.

— Результаты анализов были готовы час назад. Доктор Барнхардт обнаружил в тканях больного наличие активного яда.

— Ничего не понимаю. Значит, этот человек, блуждая в бессознательном состоянии, укололся о бородавчатку?

У нее за спиной прозвучал голос, ответивший на этот вопрос:

— Нет.

Лиза обернулась. Дверной проем заполнила собой огромная туша, настоящий медведь в человеческом обличье, втиснувшийся в не по размеру маленький защитный костюм. Лицо, обрамленное спутанной седой бородой, как нельзя лучше соответствовало внушительным габаритам, чего нельзя было сказать про тонкий, проницательный ум. Доктор Хенрик Барнхардт протиснулся в каюту.

— Я не верю, что этот человек вообще когда бы то ни было укололся о бородавчатку. И в то же время он заражен ее ядом.

— Но как такое возможно?

Пропустив вопрос Лизы мимо ушей, Барнхардт обратился к функционеру ВОЗ:

— Все оказалось именно так, как я и подозревал, доктор Линдхольм. Я одолжил у доктора Миллера культуру пропионовых бактерий и провел анализ. Теперь нет никаких сомнений.

Линдхольм заметно побледнел.

— В чем дело? — нетерпеливо спросила Лиза.

Нагнувшись к безымянному больному, токсиколог осторожно поправил одеяло — на удивление нежное движение для такого огромного мужчины.

— Эти бактерии,— объяснил он,— те самые пропионовые бактерии... вырабатывают эквивалент яда бородавчатки, закачивая его в организм бедняги в таких количествах, что у него разлагаются ткани.

— Но это же невозможно.

Линдхольм фыркнул:

— Я сказал то же самое.

Лиза не обратила на него внимание.

— Пропионовые бактерии не вырабатывают никаких токсинов. Они абсолютно безвредны.

— Я не могу объяснить ни как они это делают, ни почему,— вздохнул Барнхардт.— Просто для того, чтобы продолжить исследования, мне нужен хотя бы растровый микроскоп. Но я уверяю вас, доктор Каммингс, что этим безобидным бактериям удалось каким-то образом преобразоваться в один из самых мерзких живых организмов на планете.

— Что значит «преобразоваться»?

— Я не думаю, что больной подцепил эту бактерию. На мой взгляд, она являлась частью его нормальной микрофлоры. Однако после того как он подвергся какому-то внешнему воздействию — каким бы оно ни было, это привело к изменению биохимической структуры бактерии, преобразовало ее базовый генотип и сделало ее вирулентной. Превратило в пожирателя плоти.

И все же Лиза по-прежнему отказывалась поверить в услышанное. Ей были нужны дополнительные доказательства.

— У моего напарника доктора Коккалиса в номере развернута портативная лаборатория. Если бы вы смогли...

Вдруг Лиза почувствовала слабое прикосновение к своей затянутой в перчатку руке. От неожиданности она вздрогнула. Но это лишь протянул к ней руку лежащий на кровати больной. Его губы, обветренные и растрескавшиеся, слабо задрожали.

— Сю... Сьюзен...

Склонившись к нему, Лиза стиснула ему пальцы. Определенно больной бредил и принимал ее за другую. Она пожала руку, стараясь его подбодрить.

— Сьюзен... где Оскар? Я слышу в лесу его лай...— Он закатил глаза.— Лай... помогите ему... но только не надо... не надо заходить в воду...

Лиза почувствовала, как пальцы больного в ее руке обмякли. Его веки, дернувшись, опустились, обозначив конец краткому мгновению просветления. Молодая женщина убрала руку больного под одеяло.

Линдхольм шагнул прямо на нее, вынуждая отступить назад.

— Эта портативная лаборатория доктора Коккалиса... необходимо как можно скорее получить к ней доступ. Для того чтобы подтвердить или отвергнуть безумное предположение, сделанное доктором Барнхардтом.

— Я бы предпочла дождаться возвращения Монка,— сказала Лиза.— Оборудование очень специфическое. Без Монка мы можем что-нибудь испортить.

Линдхольм нахмурился — выражая недовольство не столько Лизой, сколько жизнью вообще.

— Прекрасно.— Он повернулся к двери.— Ваш напарник должен вернуться через час. Доктор Барнхардт, тем временем соберите все те образцы, которые вам понадобятся.

Голландец-токсиколог кивнул, однако от Лизы не укрылось, как Барнхардт после ухода функционера ВОЗ закатил глаза. Лиза направилась следом за Линдхольмом.

Барнхардт окликнул ее:

— Вы свистнете мне, когда доктор Коккалис вернется, хорошо?

— Конечно.

Лизе не терпелось узнать правду не меньше остальных. Но она также опасалась, что пока они лишь чуть задели самый край. Здесь творилось что-то жуткое. Но что именно?

Оставалось надеяться, что Монк скоро появится.

Выйдя в коридор, молодая женщина вспомнила последние слова больного: «Только не надо... не надо заходить в воду...»

11 часов 53 минуты

— Нам придется спасаться вплавь,— угрюмо заметил Монк.

— Вы что, с ума сошли? — спросил Графф, притаившийся рядом с ним за валуном.

Пару минут назад скутер пиратов сел на подводный риф, один из многих, давших название этой части острова: Беда Смитсона. Стрельба со стороны моря затихла, сменившись надрывным ревом двигателя, пытающегося стащить скутер с мели.

Высунув на мгновение голову, чтобы оценить обстановку, Монк едва не лишился уха, мимо которого просвистела пуля, выпущенная снайпером. Они с Граффом по-прежнему оставались прижаты к земле, в безвыходной ловушке, бежать из которой было некуда — кроме как прямо на виду у врага.

Монк расстегнул молнию на голени. Сунув руку под защитный костюм, он достал из кобуры на щиколотке девятимиллиметровый «глок».

Увидев у него в руке пистолет, Графф широко раскрыл глаза.

— Как вы думаете, сможете уложить их всех одним махом? Например, попасть в бензобак?

Покачав головой, Монк застегнул молнию.

— Вы насмотрелись боевиков со Сталлоне. С помощью этого пугача я смогу лишь заставить мерзавцев ненадолго пригнуться. Быть может, этого времени нам хватит, чтобы добежать до волны прибоя.

Он указал на цепочку скал, тянущихся в воде. Если им удастся добежать до воды, доплыть до конца скал и обогнуть их, есть шанс выбраться на берег, укрываясь за скалами от огня пиратов. Если потом успеют отбежать достаточно дале-

ко, прежде чем пираты смогут снять с мели свой скутер... и если там будет какая-нибудь тропинка, ведущая в глубь острова...

Проклятье, слишком много «если»... Зато если они останутся здесь, никаких неопределенностей не будет. Если они засядут здесь подобно паре трясущихся от страха кроликов, можно считать их трупами.

— Нам придется как можно дольше оставаться под водой,— предупредил Монк.— Быть может, даже удастся раздругой сделать вдох, если под капюшоном костюма останется воздух.

При этой мысли Графф поморщился. Хотя пик токсичного заражения оказался позади, бухта по-прежнему оставалась отравленной помойной ямой. Даже пираты, понимая это, не покидали относительной безопасности скутера. Люди в масках пытались столкнуть лодку веслами, вместо того чтобы самим спуститься в воду и облегчить катер.

Если даже пираты не хотят лезть в воду...

Внезапно Монк засомневался в мудрости своего плана. К тому же он терпеть не мог плавать под водой. В конце концов, он ведь служил в армейских «зеленых беретах», а не в чертовых «морских котиках»*.

— В чем дело? — спросил Графф, правильно истолковав выражение лица Монка.— Вы не уверены в том, что ваш замысел увенчается успехом?

— Ну вот, стоило только задуматься!

Распластавшись на земле, Монк посмотрел на потрепанное непогодой изваяние Будды под односкатным навесом, защищенное частоколом обугленных молитвенных палочек. Он не был буддистом, но сейчас был готов помолиться любому божеству, лишь бы оно вытащило их из этой передряги.

Его взгляд снова остановился на обгорелых молитвенных палочках. Не оборачиваясь, он обратился к Граффу:

---

* «Морские котики» — подразделения сил специального назначения ВМС США, предназначенные для ведения разведки и диверсионных действий на морском и речном побережье и в портах.

— Каким образом верующим удалось сюда попасть? На самом берегу на протяжении нескольких миль нет ни одной деревушки, прибрежная полоса защищена рифами, а скалы слишком отвесные, чтобы карабкаться по ним.

Графф покачал головой:

— Какая разница?

— Но ведь кто-то же зажег эти палочки. И не далее как день назад.— Монк перевернулся на бок.— Взгляните на берег. Никаких следов, кроме наших с вами. Видно, что верующие вставали на колени, чтобы зажечь палочки, но нет следов, ведущих к воде или вдоль берега. Это означает, что люди спустились сверху. Значит, там должна быть тропинка.

— А может быть, они спустились и поднялись по веревочной лестнице.

Монк вздохнул, пожалев, что ему не достался более тупоумный напарник, не способный пробить брешь в любых логических построениях.

— Вода или Будда? — поставил вопрос ребром он.

Графф судорожно сглотнул подступивший к горлу комок. Двигатель скутера взревел, набирая обороты. Пиратам почти удалось сняться с мели.

Графф повернулся к Монку:

— Кажется... кажется, если потереть живот изваянию Будды, это приносит удачу, да?

Монк кивнул.

— По-моему, я читал что-то в таком духе в какой-то книге о приметах. Будем надеяться, Будда тоже читал эту книгу.

Повернувшись лицом к морю, он поднял пистолет.

— По моей команде поднимаете задницу и несетесь к Будде. Я побегу за вами по пятам, паля в скутер. Думайте только о том, чтобы добежать до Будды и отыскать тропу.

— И еще надо будет молить Бога о том, чтобы верующие не воспользовались веревочной лестницей...

— Ни слова больше, или не видать нам удачи!

Графф умолк.

— Итак, приготовились...— Монк напрягся, шевеля ногами, чтобы восстановить кровообращение. Он начал отсчет: — Три... два... один...

Графф вскочил на ноги и помчался к скале, петляя словно заяц. Пуля ударилась в камень у самых его ног.

Выругавшись, Монк поднял голову.

— Надо было дождаться команды «пошел»,— пробормотал он, часто нажимая на спусковой крючок, стреляя в сторону севшего на мель скутера.— Ох уж эти штатские...

Под градом пуль пираты бросились на дно катера. Один из них, взмахнув руками, свалился за борт. Монк понял, что ему повезло. Ответный огонь состоял из нескольких длинных неприцельных очередей, выпущенных в слепой ярости.

Тем временем Графф добежал до статуи Будды и, увязая в песке, проскочил мимо молитвенных палочек. Удержав равновесие, он развернулся и прыгнул за навес.

Монк побежал кратчайшим путем, напрямую через чахлый кустарник, цепляющийся за песок. Он упал на землю рядом с Граффом.

— У нас получилось! — воскликнул тот, не скрывая изумления.

— И мы здорово их разозлили.

Монк представил себе бедолагу, свалившегося в ядовитый бульон.

Вероятно, в ответ на гибель товарища взбешенные пираты открыли шквальный огонь. Длинные очереди хлестали по навесу, разрывая стебли и листья лиан, скрывавшие скалу. Монк и Графф сидели не шелохнувшись, защищенные массивным каменным животом Будды. Определенно, в этом был какой-то символизм.

Однако, кроме этого, Будда больше ничего не мог им предложить.

Монк с тоской всматривался в скалы за навесом, гладкие и отвесные. Забраться на них невозможно.

— Наверное, одному из нас нужно было на бегу потереть Будде живот,— угрюмо заметил Монк.

— А ваш пистолет? — спросил Граф.

Монк проверил обойму.

— Остался один патрон. Конечно, после этого можно будет еще швырнуть пистолет в нападающих. В кино от этого всегда бывает толк.

У них за спиной скутер наконец сорвался с мели и взревел мотором. Что хуже, теперь он находился уже с внутренней стороны рифа и несся на полной скорости к берегу, вспарывая месиво трупов.

Еще немного — и к этому месиву добавятся два новых трупа.

Новый град пуль осыпал изваяние Будды, прошивая навес насквозь. Еще несколько перебитых лиан полетели вниз. Прямо перед носом у Монка просвистела пуля — но он не шелохнулся, глядя на то, как за падающими лианами открывается вход в пещеру.

Монк пополз вперед, стараясь держаться так, чтобы каменное изваяние закрывало его от пиратов. Он приподнял завесу лиан. Солнечный свет выхватил ступеньку, другую...

— Здесь проход! Можете забыть о своей теории с веревочной лестницей, Графф!

Обернувшись, он увидел, что ученый-океанолог сидит на земле, зажимая ладонью плечо. Сквозь пальцы сочилась кровь. Проклятье...

Монк поспешил назад.

— Идем! У нас нет времени заниматься раной. Вы можете идти?

— Если только мне не всадят еще одну пулю в ногу,— стиснув зубы, пробормотал Графф.

С помощью Монка он добрался до входа в пещеру, укрытого лианами. Как только они оказались в тени листвы, температура сразу же упала на добрых десять градусов. Монк поддерживал Граффа под локоть. Того била дрожь, но он торопливо поднимался по вырубленным в скале ступеням следом за своим напарником.

Позади послышался скрежет корпуса скутера по песку и торжествующие крики пиратов, уверенных в том, что добыча у них в руках. Монк упорно двигался вперед, нащупывая ступени в темноте.

Пиратам не потребуется много времени на то, чтобы обнаружить проход. Но пойдут ли они по следу беглецов или же просто вернутся назад? Ответа пришлось ждать недолго.

За спиной вспыхнул яркий свет... послышались резкие слова команды.

Монк ускорил шаг.

В голосах пиратов сквозила ярость. Значит, он действительно здорово их разозлил.

Темнота впереди постепенно начала сереть. Стали различимы стены. Беглецы пошли быстрее. Графф что-то бормотал себе под нос, но Монк не мог разобрать слов. Молитва, ругательство... он был согласен на все, лишь бы это помогло.

Наконец показался конец ступеней. Двое беглецов вышли из прохода и оказались на опушке влажных джунглей на вершине скал. Монк двинулся дальше, радуясь спасительной защите густых зарослей. Войдя в лес, он увидел, что зона ядовитой смерти не ограничивалась прибрежной полосой внизу. Вся земля была усыпана мертвыми птицами. Прямо у него под ногами валялась дохлая летучая мышь, съежившаяся словно разбившийся истребитель.

Однако не все обитатели леса были мертвы.

Монк застыл на месте, уставившись вперед. Казалось, сама земля бурлила и пенилась красной приливной волной. Однако бактерии тут были ни при чем. Землю, всю до последнего квадратного дюйма, покрывали миллионы крабов. Крабы даже забирались на стволы деревьев и заползали на лианы.

Вот куда подевались красные сухопутные крабы острова Рождества.

Монк вспомнил то, что успел узнать об острове по дороге сюда. На протяжении всего года крабы ведут себя мирно, если их ничем не раздражать и не возбуждать. Однако во время их ежегодной миграции бывали случаи, когда крабы набрасы-

вались на проезжающие мимо машины и вспарывали им покрышки своими бритвенно-острыми клешнями.

Монк сделал шаг назад.

«Возбуждение» — это слово как нельзя лучше описывало состояние крабов в настоящий момент. Разъяренные, они забирались друг на друга, щелкая клешнями. Это было самое настоящее пиршество.

Теперь Монк понял, почему крабов не было внизу на берегу. Зачем куда-то ходить, если и здесь еды предостаточно?

Причем крабы пожирали не только мертвых птиц и летучих мышей, но и своих собственных собратьев. Воистину здесь царила каннибальская вседозволенность. При приближении людей вверх предостерегающе поднялись клешни, треща словно ломающиеся сухие ветки.

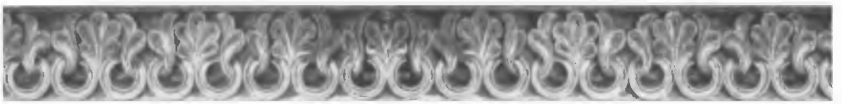
Добро пожаловать на наше пиршество!

А сзади, из прохода уже доносились возбужденные голоса преследователей. Пираты увидели конец тоннеля.

Графф отступил назад, зажимая плечо. Огромный краб, притаившийся под листом папоротника, ухватил его клешней за ногу, вспоров пластик защитного костюма.

Ученый-океанолог попятился назад, снова бормоча что-то под нос. Это было то же самое причитание, которое он повторял на ступенях, но сейчас Монку удалось разобрать слова... и он подумал, что сам вряд ли смог бы выразиться точнее.

— Надо было потереть Будде живот...



Глава 3

ЗАПАДНЯ

5 июля, 0 часов 25 минут
Такома-Парк, штат Мэриленд

— Черт побери, что здесь происходит?

— Не знаю, папа.— Грей поспешил к отцу, и они вдвоем закрыли раздвижные ворота гаража.— Но намереваюсь узнать.

Предварительно они оттащили мотоцикл убийцы в гараж. Грей не хотел оставлять его на виду. Больше того, он не хотел, чтобы здесь были хоть какие-то следы присутствия Сейхан. Пока тот, кто стрелял ей в спину, еще никак не проявил себя, но из этого вовсе не следовало, что он вот-вот не появится.

Грей сбегал за матерью. Профессор биологии Университета имени Джорджа Вашингтона, она преподавала также и на медицинском факультете и знала основы врачевания. Ей удалось перебинтовать рану Сейхан и остановить кровотечение.

Женщина-убийца то теряла сознание, то приходила в себя.

— Похоже, пуля прошла навылет,— заметила миссис Пирс.— Но потеряно много крови. «Скорая» уже выехала?

Минуту назад Грей сделал звонок с сотового телефона — но не на номер 911. Везти Сейхан в одну из местных больниц нельзя. Огнестрельное ранение вызовет слишком много вопросов. С другой стороны, необходимо было срочно оказать ей квалифицированную медицинскую помощь.

Где-то на улице хлопнула дверь. Грей вздрогнул, напряженно вслушиваясь в ночную тишину. Его нервы были как натянутые струны. Послышался беззаботный голос, смех.

— Грей, «скорая» уже выехала? — более резким тоном повторила мать.

Грей молча кивнул, не решаясь лгать вслух. По крайней мере матери. Он повернулся к отцу. Тот подошел к ним, вытирая ладони о рабочие джинсы. Родители Грея были уверены в том, что их сын работает техником в научно-исследовательской лаборатории в Вашингтоне — это незавидное место объяснялось тем, что по приговору суда военного терминала его вышвырнули из армейского спецназа за драку с офицером.

Однако это тоже не соответствовало действительности. Это было лишь прикрытие.

Родители ничего не знали о работе Грея в «Сигме», и он хотел, чтобы так оставалось и впредь. Следовательно, ему нужно немедленно уматывать отсюда. Любой ценой.

— Пап, можно взять твой «тандерберд»? С этими праздниками «скорая» перегружена вызовами. Мне лучше самому отвезти раненую в больницу.

Подозрительно прищурившись, отец тем не менее указал на дверь кухни:

— Ключи на крючке.

Подбежав к крыльцу, Грей одним прыжком очутился у двери. Распахнув ее, он протянул руку и сорвал с крючка звенящую связку ключей. Его отец восстановил кабриолет «тандерберд» выпуска 1960 года, черный как вороново крыло, с красным кожаным салоном, оснастив его новым двухкамерным карбюратором, пружинами передней подвески и катушкой зажигания. На время вечеринки машина была выведена на улицу.

Подбежав к ней, Грей распахнул водительскую дверь и плюхнулся за руль. Мгновение спустя он уже с ревом сдал назад, выезжая на дорожку. Резко дернувшись, машина налетела на бордюрный камень, и Грей подскочил на сиденье. Отец до сих пор не успел отрегулировать сцепление.

Втиснув громоздкий «тандерберд» во внутренний двор, Грей не стал глушить двигатель и поспешил к родителям, присевшим на корточки рядом с распростертой на земле Сейхан. Отец начал поднимать раненую.

— Предоставь это мне,— попытался остановить его Грей.

— Быть может, ее лучше не трогать,— предложила мать.— Ей здорово досталось при падении.

Пирс-старший пропустил мимо ушей слова обоих. Он выпрямился, держа бесчувственную Сейхан на руках. Пусть у него отсутствовала половина ноги и временами пробуксовывал рассудок — физически он был по-прежнему силен как ломовая лошадь.

— Открывай дверь,— приказал отец.— Нужно уложить ее на заднее сиденье.

Решив не спорить с отцом, Грей помог ему занести Сейхан в машину. Открыв дверь, он откинул переднее сиденье вперед. Отец забрался назад и подчеркнуто осторожно устроил там раненую, уложив ее голову себе на колени.

— Папа...

Тем временем мать заняла переднее правое место.

— Дом я заперла. Поехали.

— Я... я и один смогу ее отвезти,— пробормотал Грей.

Он вовсе не собирался везти Сейхан в больницу. Со своего сотового он позвонил в дежурную часть «Сигмы» и попросил тотчас же связать его с директором Кроу. Слава богу, тот оказался на месте.

Грею было приказано немедленно ехать в охраняемый дом, куда также направится бригада медиков, которая оценит состояние Сейхан и окажет ей первую помощь. Пейнтер решил не рисковать. Вдруг это западня? Сейхан ни в коем случае нельзя было доставлять в штаб-квартиру «Сигмы». Знаменитая террористка и убийца, Сейхан занимала первые места в списках самых разыскиваемых преступников, составленных Интерполом и правоохранительными органами двух десятков стран, разбросанных по всему земному шару. Ходили слухи, что израильская разведка «Моссад» распространила среди

своих сотрудников секретный приказ при встрече с Сейхан немедленно ликвидировать ее.

Родителям Грея здесь не место.

Он посмотрел в стальные глаза отца. Мать упрямо скрестила руки на груди. Сдвинуть их будет нелегко.

— Вам нельзя ехать со мной,— как мог твердо произнес Грей.— Это... это небезопасно.

— Как будто здесь безопаснее,— фыркнул отец, махнув рукой в сторону гаража.— Кто может поручиться, что сюда сейчас не направляется целая банда тех громил или наркоторговцев, которые подстрелили эту девчонку?

У Грея не было времени объясняться с родителями. Директор «Сигмы» уже распорядился прислать специальную группу, которая присмотрит за ними. Группа должна быть здесь с минуты на минуту.

— Машина моя, и правила устанавливаю я,— не терпящим возражений тоном проворчал отец.— А теперь трогай, пока повязки не промокли и сиденья не запачкались кровью.

Застонав от боли, Сейхан возбужденно зашевелилась. Одна ее рука потянулась к повязкам, но Пирс-старший перехватил ее и задержал в своей руке, ласково, но твердо.

— Поехали,— повторил он.

Решающим фактором, повлиявшим на Грея, стала именно эта не свойственная отцу нежность.

Грей сел за руль.

— Пристегните ремни безопасности,— бросил он родителям, понимая, что чем быстрее доставит Сейхан в охраняемый дом, тем будет лучше для всех. А с побочными последствиями можно разобраться позже.

Включая передачу, Грей поймал на себе пристальный взгляд матери.

— Знаешь, Грей, мы с отцом не такие уж и дураки,— загадочно промолвила она, отворачиваясь.

Грей раздраженно насупился, не понимая, что имелось в виду. Отпустив педаль сцепления, он рванул по дорожке и довольно резко вывернул на улицу.

— Поосторожнее! — рявкнул отец.— Я же поставил новенькие покрышки «Келси»! Если ты их сотрешь, черт побери...

Но Грей уже мчался по улице. Он сделал несколько крутых поворотов, стараясь беречь покрышки. Езда на восстановленном «тандерберде» доставляла одно удовольствие. Восьмицилиндровый двигатель мощностью триста девяносто лошадиных сил ревел, словно дикий зверь. Сквозь пелену отчаяния нехотя пробилась искорка уважения к отцу, мастеру на все руки.

Увидев, что Грей повернул в противоположную от ближайшей больницы сторону, мать вопросительно посмотрела на него, но, промолчав, только больше вжалась в сиденье. Грей понял, что, когда они доберутся до охраняемого дома, его будет ждать неприятное объяснение с родителями.

Машина неслась через погруженный в полуночную темноту городок. До сих пор время от времени вдалеке слышался треск фейерверков. Праздничная пальба уже подходила к концу, однако Грей опасался, что главная перестрелка еще впереди.

0 часов 55 минут
Вашингтон

«Увы надеждам на спокойные выходные...»

Директор Пейнтер Кроу быстро шел по коридору к себе в кабинет. Малочисленная ночная смена, дежурившая в штаб-квартире «Сигмы», быстро разбухала. Была объявлена общая тревога. Кроу уже дважды звонили из Министерства внутренней безопасности. Не каждый день к вам прямо в руки сваливается террорист международного масштаба. И не простой террорист, а член теневой преступной сети, известной под названием «Гильдия».

Нередко соперничая с «Сигмой», «Гильдия» охотилась за новейшими разработками в самых различных областях: вооружении, биологии, химии, ядерной физике. При сущест-

вующем мировом порядке знания представляли собой самую грозную силу — более могучую, чем нефть, более могучую, чем любое оружие. Но только «Гильдия» продавала похищенные знания тому, кто предлагал за них самые большие деньги, в том числе ближневосточным террористическим организациям «Аль-Каеда» и «Хезболла», японской религиозной секте «Аум Синрикё» и перуанской левацкой группировке «Сендеро луминосо». «Гильдия» осуществляла свою деятельность через сеть обособленных ячеек, разбросанных по всему миру, при этом на нее работали осведомители в правительственных учреждениях, разведывательных ведомствах, «мозговых центрах»* и даже международных научно-исследовательских центрах.

И был такой момент, когда у «Гильдии» появился свой человек в УППОНИР. Пейнтер до сих пор остро чувствовал боль предательства.

Но вот теперь у них в руках один из ключевых членов «Гильдии».

Когда Пейнтер вошел в приемную своего кабинета, его секретарь и помощник Брэнт Миллфорд отъехал от своего стола. Этому человеку приходилось пользоваться инвалидным креслом после того, как его позвоночник был поврежден при взрыве начиненной динамитом машины, которую террорист-смертник направил на контрольно-пропускной пункт в Боснии.

— Сэр, вас вызывает по спутниковой связи доктор Камминге.

Удивленный, Пейнтер остановился. Лиза не должна была связываться с ним так скоро. Пейнтер ощутил укол тревоги.

— Я возьму трубку в кабинете. Спасибо, Брэнт.

Пейнтер переступил порог. На стенах вокруг письменного стола висели три плазменных монитора. Сейчас их экраны были погашены, но с рассветом на них выплеснется обилие

* «Мозговой центр» — независимый научный центр, готовящий политико-стратегические разработки по заказам государственных учреждений и частных корпораций.

всевозможной информации, поступающей в центральную штаб-квартиру. Однако пока что с этим можно подождать. Подойдя к столу, Пейнтер протянул руку к телефонному коммутатору и нажал на мигающую кнопку.

Лиза должна была выйти на связь с первым донесением только рано утром, когда в Индонезии настанет ночь. Пейнтер попросил ее подготовить к этому времени подробный отчет о событиях дня, перед тем как она ляжет спать. Помимо всего прочего, такое расписание дало бы ему возможность пожелать молодой женщине спокойной ночи.

— Лиза?

Связь оказалась неважной, с помехами.

— Господи, Пейнтер, как же я рада слышать твой голос. Знаю, что ты очень занят. Брэнт обмолвился о том, что у вас там какое-то чрезвычайное происшествие, но уточнять не стал.

— Не беспокойся. Это не столько чрезвычайное происшествие, сколько неожиданно открывшаяся возможность.— Пейнтер присел на край стола.— Почему ты звонишь так рано?

— У нас тут кое-какие новости. Я направила вам большой объем данных для анализа. Я хочу, чтобы кто-нибудь из наших перепроверил результаты, полученные доктором Барнхардтом, токсикологом, работающим в составе группы ВОЗ.

— Я прослежу за тем, чтобы все было сделано как надо. Но отчего такая спешка? — Пейнтер чувствовал напряжение в голосе Лизы.

— Возможно, ситуация здесь гораздо серьезнее, чем мы предполагали.

— Знаю. Я уже слышал о том, что ядовитое облако, образовавшееся вследствие заражения моря, накрыло весь остров.

— Нет... то есть, да, разумеется, это было ужасно. Но похоже, дело становится еще хуже. Изучая случаи вторичной инфекции, мы выявили какие-то странные генетические аномалии. Все это очень тревожно. Поэтому я решила как можно скорее связаться с научно-исследовательским отделом «Сиг-

мы», чтобы наши специалисты вели анализы параллельно с доктором Барнхардтом.

— Монк помогает токсикологу?

— Он все еще на месте, собирает образцы. Нам понадобится все, что он принесет.

— Я предупрежу начальника научно-исследовательского отдела Дженнингса, чтобы поднял своих ребят на ноги. Он будет осуществлять координацию работ с нашей стороны.

— Отлично. Спасибо.

Несмотря на решимость сохранять спокойствие, Пейнтер никак не мог избавиться от чувства тревоги. Отправив Лизу на задание, он старался изо всех сил сохранять профессиональный подход, ставить на первое место свои обязанности директора «Сигмы», но это плохо у него получалось. Пейнтер кашлянул, прочищая горло:

— А ты сама как держишься?

Ответом ему стал знакомый смешок, хотя на этот раз в нем слышалась усталость.

— У меня все в порядке. Но после всего этого я больше ни за что на свете не отправлюсь в морской круиз.

— Я ведь пытался тебя отговорить. Нарываешься на неприятности — так получи на полную катушку. «Я хочу вложить свою лепту! Хочу быть полезной!» — слабо улыбнувшись, промолвил Пейнтер, изображая голос Лизы.— Вот видишь, что все это тебе дало. Билет на корабль, следующий в преисподнюю.

Молодая женщина рассмеялась, но сразу снова заговорила серьезно и слегка запинаясь.

— Пейнтер, быть может, с моей стороны это была ошибка... мой приезд сюда. Понимаю, я не являюсь штатным сотрудником «Сигмы». Кажется, тут я бессильна.

— Если бы я считал, что это ошибка, то ни за что бы не послал тебя. Больше того, ухватился бы обеими руками за любой предлог, лишь бы тебя удержать. Но как директор «Сигмы» я обязан направлять на место экологической катастрофы тех медицинских специалистов, кто лучше справит-

ся с работой. У тебя высшее медицинское образование, диплом по физиологии, опыт практической работы... я выбрал именно того, кого нужно.

Последовала долгая пауза. Пейнтеру даже начало казаться, что связь оборвалась.

— Спасибо,— наконец прошептала Лиза.

— Так что не подведи меня. Мне нужно следить за своей репутацией.

Она снова фыркнула, и на этот раз более искренне.

— Знаешь, тебе надо поработать над умением завершать разговор.

— Ну тогда как тебе нравится вот это: желаю тебе всего самого наилучшего, береги себя и побыстрее возвращайся домой.

— Уже лучше.

— В таком случае я сразу шагну к золотой медали.— Его голос стал твердым.— Я по тебе соскучился. Я тебя люблю. Я хочу тебя обнять.

Пейнтер действительно очень соскучился по ней; у него в груди поселилась самая настоящая физическая боль.

— Вот видишь,— сказала Лиза,— если немного потренируешься, из тебя получится неплохой оратор.

— Знаю,— улыбнулся Пейнтер.— Один раз я уже это проделал с Монком.

Он услышал в трубке звонкий смех, разбивший вдребезги остатки терзавшего его беспокойства. У Лизы все будет хорошо. Он в нее верит. Кроме того, рядом с ней Монк, он ее защитит, заняв место Пейнтера. То есть если у Монка хватит духа снова показаться здесь...

Прежде чем Пейнтер успел что-либо ответить, в дверь тихо постучал помощник. Директор жестом предложил ему говорить.

— Прошу прощения за беспокойство, господин директор. Но вам еще один вызов. На ваш личный номер. Из Рима. Это монсиньор Верона. Похоже, у него что-то неотложное.

Нахмурившись, Пейнтер сказал в трубку:

— Лиза...

— Я все слышала. Ты занят. Как только я переговорю с Монком, мы свяжемся с Дженнингсом и введем его в курс дела. Занимайся работой.

— Береги себя.

— Хорошо,— сказала она.— И я тоже тебя люблю.

Лампочка на коммутаторе, мигнув, погасла, обозначая окончание связи.

Пейнтер набрал полную грудь воздуха, собираясь с духом, затем развернулся и ткнул кнопку своей личной линии. С какой стати монсиньор Верона ему звонит? Пейнтеру было известно, что у коммандера Пирса была романтическая связь с племянницей папского прелата, однако все это закончилось почти год назад.

— Монсиньор Верона, говорит Пейнтер Кроу.

— Директор Кроу, благодарю вас за то, что ответили на мой звонок. Вот уже два часа я пытался связаться с Греем, но безрезультатно.

— Вы меня очень огорчили. Вы хотите, чтобы я передал ему от вас какое-то сообщение?

Пейнтер не стал объяснять прелату, в чем дело. Хотя в прошлом монсиньор Верона один раз уже помог «Сигме», в данном случае речь шла об информации, уже получившей гриф совершенно секретной, доступ к которой будет открыт лишь для узкого круга избранных.

— Тут у нас в Ватикане произошло одно происшествие... если точнее, в хранилище Тайного архива. Я не могу точно понять его смысл, но мне кажется, речь идет о некоем послании или предостережении. Предназначенном для меня и, возможно, для коммандера Пирса.

Спрыгнув со стола, Пейнтер подошел к креслу и опустился в него.

— Что еще за сообщение?

— На прошлой неделе кто-то проник в хранилище и нарисовал на полу символ ордена дракона.

Пейнтер откинулся на спинку кресла. Два года назад Грей и монсиньор Верона объединились, чтобы разоблачить и уничтожить страшную секту, именующую себя орденом дракона. Это им удалось — но для этого они были вынуждены прибегнуть к посторонней помощи, вступить в союз с заклятым врагом, оперативным агентом «Гильдии».

С Сейхан.

И вот убийца пришла к ним.

Пейнтер был не из тех, кто верит в случайные совпадения. Он не верил в них в прошлом и уж определенно не собирался поверить сейчас. Работа в должности директора «Сигмы» отточила его осторожность, граничащую с манией преследования, до остроты бритвы.

— Кто-нибудь видел этого нарушителя? — спросил Пейнтер.

— Лишь мельком. Кто бы это ни был, он пришел в одиночку. Проскользнул через все рубежи охраны Ватикана. Одна из камер наблюдения зафиксировала его, но снимок смазанный. Речь идет не об обычном воре. Я знаю только одного человека, способного проникнуть во внутреннее хранилище и выбраться обратно, практически не оставив следов. Это тот самый человек, который в прошлом уже имел отношение к нашему совместному столкновению с орденом дракона.

Судя по всему, получалось, что монсиньор Верона в подозрительности не уступает Пейнтеру.

— И изображение дракона на полу,— продолжал Вигор.— Несомненно, это послание, возможно, даже напоминание о неоплаченном долге.

— Вы считаете, это была Сейхан, агент «Гильдии»,— сказал Пейнтер.— Та самая, которая помогла вам разгромить орден дракона?

— Совершенно верно. Если бы нам удалось ее разыскать, задать ей пару вопросов...

Пейнтер понял, что дальнейшие недоговорки лишь помешают оценить истинные масштабы угрозы. Похоже, узкий круг избранных распространился до Рима.

— Сейхан у нас,— сказал он, прерывая папского прелата.— Мы ее задержали.

— Что?

Пейнтер вкратце рассказал о ночном визите террористки, появившейся из ниоткуда, окровавленной, спасающейся бегством. Какое-то мгновение пораженный Вигор молчал, затем поспешно заговорил:

— Ее необходимо допросить. Хотя бы для того, чтобы узнать, зачем она нарисовала на полу дракона.

— Мы этим займемся. Как только Сейхан получит медицинскую помощь, мы с ней очень подробно побеседуем. За прочной решеткой.

— Вы ничего не поняли. На самом деле речь идет о чем-то большем. Возможно, более серьезном, чем сама «Гильдия».

— Что вы хотите сказать?

— Изображение дракона было нарисовано вокруг древней надписи, высеченной на полу одного из помещений хранилища. Вероятно, высеченной еще тогда, когда Ватикан только строился, во времена Галилея. Эти символы, очевидно, принадлежат к древнейшему письменному языку. Более древнему, чем древнееврейский. Возможно, предшествующему появлению самого человечества.

От Пейнтера не укрылось возбуждение в голосе прелата.

— Что вы имеете в виду? Язык, предшествующий появлению самого человечества? Но как такое возможно?

Вигор ему объяснил.

Пейнтер постарался скрыть свое изумление, смешанное с недоверием. Положив трубку, он нахмурился. Предположение папского прелата было просто невероятным, и все же не вызывало сомнений, насколько сильно потрясен случившимся монсиньор Верона. Необходимо как можно скорее допросить Сейхан — пока с ней ничего не произошло.

Поспешно уточнив ожидаемое прибытие медицинской бригады, Пейнтер попросил помощника связаться с агентом, дежурящим в охраняемом доме. Кто там сейчас?

Вызвав Брэнта, Пейнтер попросил его связаться с охранником и выдать изображение с видеокамер наблюдения, установленных в охраняемом доме, на плазменные мониторы в его кабинете.

У него в голове звучали слова Вигора:

«Эти символы... высеченные в камне...»

Пейнтер тряхнул головой.

Это невозможно.

«...Это язык ангелов».

1 час 4 минуты

Грей мчался по шоссе Гринвич в сторону элитного поселка Фоксхолл-Вилледж. Доехав до конца, он повернул налево на обсаженную деревьями улицу и сбросил скорость. Мощный двигатель «тандерберда» тащил машину вперед даже на холостых оборотах. Впереди показался охраняемый дом, двухэтажное здание из красного кирпича в стиле эпохи Тюдоров, с сочно-зелеными ставнями в тон листве парка Гловера-Арчибольда, к которому оно примыкало.

Верх кабриолета был опущен, и в машину проникал аромат влажного леса.

Приблизившись к дому, Грей отметил, что на крыльце горит свет, как и в верхнем угловом окне. Условный знак, показывающий, что все чисто.

Он свернул к дому, и машина затряслась на вымощенной булыжником дорожке. Раненая пассажирка глухо застонала.

— Куда мы приехали? — спросила Грея мать.

Тот затормозил под навесом с левой стороны дома. Впереди в нескольких шагах была дверь черного входа. Грей несколько раз безуспешно пытался уговорить родителей выйти из машины, однако с каждой больницей и медицинским центром, мимо которого они проезжали, их упорство только возрастало. По крайней мере, возрастало упорство матери. Отец пребывал в одном и том же состоянии недовольной раздражительности.

— Это федеральный охраняемый дом,— сказал Грей, не видя больше причин притворяться.— Медицинская помощь уже в пути. Оставайтесь на месте.

Заглушив двигатель, он вышел из машины.

Впереди открылась дверь черного хода. Дверной проем заполнил огромный темный силуэт. Рука находилась на кобуре с пистолетом на бедре.

— Вы Пирс? — отрывисто и резко спросил верзила, подозрительно косясь на лишних пассажиров.

— Да.

Мужчина шагнул на освещенное место. Внешне он напоминал громадную гориллу с могучими толстыми конечностями и короткой щетиной темных волос. Одет он был в камуфляж армейского образца. Нельзя сказать, что охранник старался не привлекать к себе внимание.

— Моя фамилия Ковальски. Даю вам директора Кроу.

Подняв другую руку, он протянул сотовый телефон.

Грей обошел вокруг машины. Ему не хотелось объясняться с директором, рассказывать про разбитую «легенду». О какой секретности можно говорить, если он притащил с собой родителей?

Похоже, даже охранник был озадачен присутствием в открытом кабриолете пожилой пары. Сдвинув брови, Ковальски оглядел новоприбывших и почесал подбородок.

— Триста пятьдесят две? — спросил он подошедшего Грея.

Тот понятия не имел, что имеется в виду. С заднего сиденья ответил отец Грея:

— Нет, головка блока цилиндров от трехсотдевяностосильного. Это восстановленный восьмицилиндровый движок от «форда гэлакси».

— Классная тачка.

Судя по всему, охранник изучал не пассажиров, а машину.

На заднем сиденье зашевелилась Сейхан, вероятно почувствовав отсутствие ветерка и тряски. Она слабо попыталась сесть.

— Вы не поможете занести ее в дом? — спросил Грей у Ковальски.

Принимая у него телефон, он обратил внимание на татуировку в виде якоря военно-морского флота у него на бицепсе. Бывший военный. Впрочем, тут нет ничего удивительного. Если бы в толковом словаре слово «громила» сопровождалось иллюстрацией, там точно поместили бы физиономию этого охранника.

Мать открыла дверь машины:

— Ну и где же медицинская помощь?

Казалось, присутствие верзилы-охранника ее нисколько не успокоило. Она крепче прижала к груди сумочку.

Грей поднял руку, призывая мать к терпению.

— Мэм,— сказал Ковальски, указывая на кухню,— на столе в кухне есть аптечка первой помощи. Шприц-ампулы с морфием и нюхательная соль. И еще я приготовил набор для наложения швов.

Миссис Пирс посмотрела на него уже более одобрительно:

— Спасибо, молодой человек.

Бросив испепеляющий взгляд в сторону Грея, мать направилась в дом.

Отступив в сторону, Грей произнес в телефон:

— Господин директор, коммандер Пирс слушает.

— Это твоя мать только что вылезла из машины?

Каким образом, черт побери?..

Подняв взгляд, Грей рассмотрел под навесом спрятанную видеокамеру наблюдения. Судя по всему, изображение с нее поступало в реальном времени в штаб-квартиру. Грей почувствовал, как горят щеки.

— Сэр...

— Не важно. Объяснишь потом. Грей, мы получили информацию из Рима, имеющую отношение к нашей гостье. Как она себя чувствует?

Грей обернулся. Охранник и Пирс-старший обсуждали, как лучше перенести бесчувственную Сейхан в дом. Грей обратил

внимание на свежее кровавое пятно, расплывающееся на бинтах.

— Нам срочно нужен врач.

— Помощь прибудет к вам с минуты на минуту.

Вдалеке послышался гул двигателя большой машины. Грей обернулся. На улицу свернул черный микроавтобус.

— Кажется, она уже здесь,— облегченно вздохнул он.

Подъехав к дому, микроавтобус остановился, перегородив дорожку. Грей поморщился, недовольный тем, что его заперли. Однако он узнал микроавтобус. Это была машина бригады экстренной медицинской помощи в составе «Сигмы». Замаскированная под обычный микроавтобус, карета «скорой помощи» была точной копией машины, сопровождающей президента. При необходимости в ней можно было провести сложную хирургическую операцию.

— Как только наши медики оценят состояние раненой, дай мне знать,— сказал Пейнтер.

Судя по всему, он тоже увидел микроавтобус:

Боковые двери микроавтобуса отъехали назад. Из машины с отточенной слаженностью вышли четверо — трое мужчин и одна женщина, все в зеленых медицинских костюмах и свободных черных куртках. Двое мужчин вытащили складную каталку и раскрыли под ней колеса. Все четверо направились к Грею. Третий мужчина, судя по всему, старший бригады, протянул руку.

— Доктор Амен Насер,— представился он.

Грей с удовольствием пожал его сильную сухую руку. Чувствовалось, что доктор Насер абсолютно спокоен и уверен в собственных силах. На вид ему было не больше тридцати, однако в его движениях сквозила непоколебимая твердость. Кожа его напоминала цветом и фактурой полированное красное дерево, в отличие от женщины, чья кожа была близка по оттенку к светлому меду.

Грей с любопытством смотрел на нее.

Хотя в жилах женщины несомненно текла азиатская кровь, она определенно старалась это скрыть. Волосы ее были корот-

ко острижены и выкрашены в светло-соломенный цвет. На запястьях красовалась татуировка из переплетающихся кельтских мотивов. Хотя прежде Грей ни за что не обратил бы на подобную внешнюю суровость никакого внимания, сейчас он поймал себя на том, что находит в женщине нечто соблазнительно-манящее. Быть может, все дело было в изумрудной зелени ее глаз, которые не требовали дополнительных прикрас. Впрочем, возможно, все объяснялось ее движениями, по-кошачьи грациозными, упругими, сильными. Вероятно, подобно большинству сотрудников «Сигмы», в прошлом она была связана с армией.

Женщина молча кивнула Грею, не называя себя.

— Меня ввели в курс дела,— продолжал старший бригады, раздельно выговаривая каждое слово. В его речи чувствовался едва заметный акцент.— Я должен попросить всех вас отойти в сторону и дать нам выполнить свою работу. Мы перенесем раненую в операционную внутри микроавтобуса. Как только у нас будут данные о ее состоянии, я направлю к вам Анни с отчетом.

Наконец он назвал женщину по имени.

Двое других мужчин быстро прошли к «тандерберду» с каталкой. Доктор Насер направился следом за ними, а Анни осталась стоять на месте, подбоченившись.

У Грея в руке завибрировал сотовый телефон, и он отступил в сторону. Старший бригады быстро произнес несколько слов. Грей наконец понял, что у него за акцент.

Доктор Амен Насер.

Египтянин.

1 час 8 минут

Пейнтер стоял перед монитором, висевшим на стене прямо за его столом. На плазменные экраны двух других мониторов выводились в реальном времени изображения первого и второго этажей охраняемого дома. А на тот, что сзади, поступал цифровой сигнал с наружной камеры наблюдения.

— Грей, возьми же телефон! — заорал Пейнтер, обращаясь к экрану.

Органы управления видеокамерой находились этажом ниже, в главном центре безопасности. Пейнтер не имел возможности ее повернуть. Он видел в углу экрана подъехавший микроавтобус, но только мгновение назад ему представилась возможность взглянуть на двух санитаров, прошедших перед Греем.

Ни один из них не работал в «Сигме».

Пейнтер знал своих людей всех до одного. Быть может, микроавтобус принадлежал «Сигме», но вот те, кто в нем находился, не имели к «Сигме» никакого отношения.

Ловушка.

На экране было видно, как Грей наконец раскрыл телефон и поднес его к уху.

— Господин директор?..

Но прежде чем Пейнтер успел сказать хоть слово, мелькнувшая худая нога впечатала телефон Грею в висок. Хрустнула раздавленная электроника. Застигнутый врасплох, Грей упал на землю.

— Грей...

Изображение на экране дернулось — и погасло.

1 час 9 минут

Первый выстрел разбил видеокамеру.

Сквозь гул в ушах Грей услышал приглушенный хлопок и звон осколков. Он обернулся.

— Какого черта? — воскликнул его отец, осыпанный обломками видеокамеры.

Он все еще сидел на заднем сиденье, держа на коленях голову Сейхан.

Охранник Ковальски находился у противоположной стороны машины. Он застыл словно олень, выхваченный в темноте светом фар,— здоровенный, весом двести фунтов. Но приставленное к затылку дуло пистолета стало веским аргументом, чтобы не двигаться.

Мнимые «санитары» толкнули каталку во внутренний двор. Один направил пистолет на Ковальски, другой жестом приказал отцу Грея вылезать из машины.

— Не шевелись,— услышал Грей за спиной резкий оклик.

Он оглянулся через плечо. Анни держала черный «ЗИГ-Зауэр», направленный ему в лицо. Она стояла на некотором удалении, так что Грей не мог достать ее ногой, но все же достаточно близко, чтобы не промахнуться.

Мгновенно осознав все это, Грей повернулся лицом к «тандерберду». Доктор Насер держал в руке такой же пистолет. Почему-то Грей сразу понял, что именно из этого оружия была ранена Сейхан.

Обойдя машину, Насер приблизился к отцу Грея и посмотрел на распростертую на заднем сиденье Сейхан. Печально покачав головой, он приказал своему подручному, стоящему рядом:

— Убери старика из машины. Проверь, держит ли сучка обелиск при себе, после чего оттащи ее в микроавтобус.

Обелиск?

На глазах у Грея его отца грубо вытащили из машины. Грей мысленно прочитал молитву, чтобы отец не усугубил свое положение еще больше. Однако, как выяснилось, в этом не было необходимости. Ошарашенный происходящим, Пирс-старший не оказал сопротивления.

— Обелиска при ней нет,— наконец доложил боевик, выпрямляясь.

Насер подошел к машине и лично осмотрел салон. Судя по всему, он не нашел то, что искал. Но единственным свидетельством недовольства стала маленькая складка, появившаяся у него между бровями.

Отступив от машины, Насер повернулся к Грею:

— Где он?

Грей спокойно выдержал его пристальный взгляд.

— Кто?

Насер вздохнул:

— Не сомневаюсь, эта дрянь тебе все рассказала, иначе ты бы так не старался ради врага.

Не оборачиваясь, он подал знак боевику, который обыскивал Сейхан. Тот приставил пистолет к виску отца Грея.

— Я не привык спрашивать дважды. Вероятно, ты этого не знаешь. Поэтому я сделаю для тебя исключение.

Увидев в глазах отца неприкрытый страх, Грей сглотнул подступивший к горлу комок.

— Обелиск,— заговорил он,— тот, про который вы спрашиваете, был у Сейхан с собой, но разбился, когда она упала с мотоцикла у нашего дома. Сейхан отключилась, не успев ничего про него рассказать. Насколько я знаю, обелиск по-прежнему там.

Что, скорее всего, соответствовало действительности. Грей начисто о нем забыл, торопясь решить проблему с раненой. Куда он подевался?

Насер не отрывал взгляда от лица Грея, оценивая его с холодной расчетливостью.

— Надеюсь, коммандер Пирс, ты действительно говоришь мне правду,— наконец сказал египтянин.

Но все же он подал знак своему подручному.

Прогремел оглушительный выстрел.

1 час 10 минут

Мгновение назад Пейнтер заметил какое-то движение на том плазменном экране, что висел слева от него. Видеокамеры, установленные внутри охраняемого дома, продолжали передавать изображение. Пейнтер увидел миссис Гарриет Пирс, спрятавшуюся за кухонным столом.

По-видимому, нападавшие не догадывались о том, что в доме есть еще кто-то.

Никто, кроме Грея, не знал о том, что он едет в дом с двумя лишними пассажирами. Микроавтобус появился после того, как мать Грея скрылась в доме. Нейтрализовав единственного охранника, нападавшие решили, что полностью владеют ситуацией.

Пейнтер понял, что в этом его единственная надежда. Позвонив на центральный пост, он распорядился открыть линию связи с охраняемым домом, не посылая сигнал вызова. На телефонном аппарате лишь замигала желтая лампочка.

«Обрати же на нее внимание!» — мысленно взывал Пейнтер к матери Грея.

То ли действительно заметив мигающую лампочку, то ли просто поддавшись интуитивному порыву позвонить и вызвать помощь, Гарриет Пирс на четвереньках проползла к телефону, сняла трубку и поднесла ее к уху.

— Не говорите ни слова,— быстро остановил ее Пейнтер.— Это Пейнтер Кроу. Не надо предупреждать нападающих о том, что вы в доме. Я вас вижу. Если вы меня поняли, кивните.

Она кивнула.

— Хорошо. Помощь уже в пути. Но я не уверен, что она успеет прибыть вовремя. Вероятно, нападающие также это понимают. Они будут действовать быстро и жестоко. Мне нужно, чтобы вы действовали еще более быстро и более жестоко. Сможете?

Кивок.

— Очень хорошо. В ящике стола под телефоном должен быть пистолет.

1 час 11 минут

Выстрел прозвучал оглушительно громко. Он был произведен не из пистолета с глушителем.

Грей понял правду за долю секунды до того, как боевик, приставивший пистолет к голове его отца, повалился на бок, разметав свои мозги по приборной панели «тандерберда».

Он понял, кто стрелял.

Его мать.

Уроженка Техаса, она выросла в семье нефтяника, работавшего на том же месторождении, что и отец Грея. И хотя миссис Пирс постоянно выступала за ужесточение контроля за продажей оружия, обращаться с ним она умела.

Грей надеялся на то, что его мать каким-либо образом отвлечет внимание нападавших, и в то же время боялся этого. Но он приготовился к такому развитию ситуации, напружинив ноги. Не успел труп боевика упасть на землю, как Грей резко прыгнул назад. Он все время наблюдал за азиаткой Анни в полированную хромированную поверхность заднего бампера.

Громкий раскат выстрела и внезапный прыжок Грея назад застигли женщину врасплох. Подняв правую руку, Грей заломил женщине руку, в которой та держала «ЗИГ-Зауэр». Одновременно он обрушил свой ботинок ей на щиколотку и сильно ударил головой назад. Что-то хрустнуло и внизу, и позади.

Тем временем Ковальски ткнул второго боевика локтем в живот, а затем, схватив за шиворот, швырнул его лицом вниз на острый угол открытой двери кабриолета.

— Поешь стали, козел!

Боевик рухнул на землю словно куль с мукой.

Не медля ни мгновения, Грей развернул руку Анни с зажатым в ней пистолетом в сторону доктора Насера, нажимая своим пальцем на ее палец, лежащий на спусковом крючке. Однако Анни отчаянно сопротивлялась. Прицел сбился, и выпущенная Греем пуля ударилась в кирпичную стену, высекая искру.

И все же этого оказалось достаточно. Доктор Насер метнулся вправо и скрылся в кустах, растущих перед домом.

Выдернув пистолет из руки Анни, Грей пнул ее ногой. Та отлетела в сторону, но удержалась на ногах. С разбитым в кровь лицом, она развернулась и понеслась, словно газель, к микроавтобусу, не обращая внимания на покалеченную ногу.

За новым оружием.

Грей не хотел второй серии «Анни, возьми свой пистолет»*.

---

* Имеется в виду знаменитый мюзикл И. Берлина, сюжет которого основан на событиях из жизни Анни Окли, прославившейся своей меткой стрельбой.

Он вскинул пистолет, целясь вслед убегающей женщине, но, прежде чем успел выстрелить, прямо перед носом у него просвистела пуля. Выпущенная из кустов.

Насер.

От неожиданности Грей отскочил назад, укрываясь за навесом. Он несколько раз выстрелил вслепую в кусты, не зная, где прячется негодяй, пятясь до тех пор, пока не наткнулся лодыжкой на задний бампер «тандерберда». Только тогда он сделал пару выстрелов в сторону микроавтобуса. Однако азиатка Анни уже успела скрыться внутри.

Выпущенные Греем пули отлетели от микроавтобуса, не причинив ему вреда. Как и машина медицинского сопровождения президента, он был бронированным.

— Всем в машину! Живо! — заорал Грей.

В дверях кухни появилась его мать, сжимая в руке дымящийся пистолет. В другой руке она держала сумочку, словно собралась за покупками.

— Ну же, Гарриет! — поторопил ее отец Грея.

Схватив жену за руку, он буквально затолкнул ее в машину.

Ковальски просто перескочил через борт, плюхнувшись на заднее сиденье. Грей испугался, что своим весом великан прикончит Сейхан быстрее, чем все то, что замыслил для нее Насер.

Сам Грей прыгнул за руль и повернул ключ, по-прежнему торчавший в замке зажигания. Горячий двигатель взревел с полуоборота.

Грей бросил взгляд в зеркало заднего вида.

Анни стояла в дверях микроавтобуса, удерживая на плече реактивный гранатомет.

«Эй, сучка, в мюзикле говорилось про пистолет, а не про гранатомет!»

Включив передачу, Грей до отказа выжал педаль газа. Триста девяносто лошадиных сил дружно раскрутили задние колеса, с визгом сжигая покрышки. Запахло горелой резиной.

На соседнем сиденье застонал отец — как заподозрил Грей, переживая не столько за свою собственную жизнь, сколько за новенькие покрышки.

Наконец колеса зацепились за землю, и «тандерберд» рванул вперед, вышибая деревянные ворота, ведущие во внутренний двор. Грею сразу же пришлось выкрутить руль, чтобы не врезаться в раскидистый столетний дуб. Прорыв покрышками двойную дугу в мягкой почве газона, машина свернула за дом.

Позади послышался громкий свист, за которым последовала яркая вспышка. Реактивная граната врезалась в дуб, превратив его в кучу пылающих ветвей. Высоко к небу взметнулись куски вспыхнувшей коры. Повалил густой дым.

Не оглядываясь назад, Грей нажал на газ. Выбив ограду в конце двора, «тандерберд» выскочил в лесистый массив парка Гловера-Арчибольда.

Теперь Грей знал наверняка лишь одно.

Охота только начиналась.

Глава 4

ПИРАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОД

5 июля, 12 часов 11 минут
Остров Рождества

Плавки и ботинки — это было все, что отделяло Монка от моря прожорливых крабов-каннибалов. В джунглях продолжалось безумное пиршество, с драками, щелканьем клешнями, хрустом прокушенных панцирей. Казалось, где-то поблизости трещит лесной пожар.

Раздевшись, Монк взял защитный костюм в руку и вернулся к доктору Ричарду Граффу. Ученый-океанолог присел на корточки на опушке джунглей. Он тоже снял защитный костюм, повинуясь Монку. Отрывая синтетическую ткань от раненого плеча, Графф поморщился. По крайней мере, под костюмом у него было больше одежды: шорты и гавайская рубашка.

У Монка защипало в носу. Из-под сплошного полога джунглей пахнуло раскаленным воздухом; зловоние мертвечины было таким сильным, что Монку показалось, будто его хлестнули по лицу протухшей рыбиной.

— Пора уходить,— нахмурился он.

Из прохода, ведущего вниз, к зараженному берегу, доносились отголоски криков. Пираты продвигались вперед осторожно, с опаской. Графф, задержавшись у входа в тоннель, швырял вниз куски известняка. К тому же преследователи не

знали, что в пистолете Монка остался всего один патрон. Однако долго страх и метание камней сдерживать пиратов не смогут.

В сотый раз Монк задумался над необъяснимой настойчивостью преследователей. Определенно, голод и отчаяние могут толкнуть людей на самые безрассудные поступки. Но если пираты собирались лишь совершить быстрый набег и похитить «Зодиак» с находящимися на нем запасами и аппаратурой, чтобы затем продать добычу на индонезийском черном рынке, то сейчас им уже больше ничего не мешало. Большинство местных пиратов, какими бы жестокими и безжалостными они ни были, предпочитали действовать по принципу «урвать и удрать».

В таком случае чем объясняется это странное упорство? Просто стремлением убрать свидетелей и замести за собой следы? Или же тут было что-то личное? Монк вспомнил боевика в маске, который свалился в отравленную воду, сраженный выстрелом наудачу. Или же это месть?

Какими бы ни были причины, пираты не довольствовались одной добычей: они жаждали крови.

Выпрямившись, Графф вдохнул обжигающий воздух и закашлял.

— Куда мы идем?

— Назад, навестить наших друзей.

Монк подвел океанолога к опушке джунглей. В нескольких шагах впереди шевелилось и щелкало красное море крабов. Казалось, за прошедшие несколько минут их число еще больше возросло. Возможно, новые особи были привлечены запахом свежей крови, которая струилась из простреленного плеча Граффа.

Ученый-океанолог застыл на опушке.

— Через этих крабов нам не пройти. Их огромные клешни запросто прорывают кожу ботинок. Мне приходилось видеть, как крабы откусывали людям пальцы.

И двигались эти твари очень быстро.

Монк отшатнулся назад, пропуская двух крабов, которые пробежали мимо, сплетенные в смертельном поединке, мелькая ногами, шустрые словно кролики.

— Похоже, выбора у нас все равно нет,— заметил Монк.

— В этих крабах что-то не так,— продолжал океанолог.— Я не раз был свидетелем их агрессивного поведения во время миграций, но ничего подобного мне еще не приходилось видеть.

— Заняться психоанализом крабов вы сможете позже.— Монк указал на большое дерево, растущее рядом. Таитянский каштан. От толстого ствола отходило множество ветвей.— Сможете залезть на это дерево?

Графф прижал раненую руку к животу, стараясь не шевелить ею без необходимости.

— Мне будет нужна ваша помощь. Но зачем? От пиратов мы все равно не спрячемся. Мы лишь превратимся в неподвижные мишени.

— Просто залезайте на дерево.

Монк подвел океанолога к каштану и помог ему взобраться на нижнюю ветку. Ветки были толстые, хвататься за них было легко. Дальше Графф без труда полез сам.

Монк спрыгнул вниз, рядом с крабом. Тот угрожающе поднял клешни. «Не надо уходить с вечеринки раньше времени, дружище». Отшвырнув его пинком к полчищам собратьев, Монк окликнул Граффа:

— Вам виден вход в тоннель?

— Кажется... да, виден.— Графф высунулся из ветвей.— Вы, часом, не собираетесь бросить меня здесь, а?

— Просто свистните, когда увидите пиратов.

— Что вы собрались...

— Делайте, что я говорю, черт побери!

Монк тотчас же пожалел о своем тоне. Ему пришлось напомнить себе, что перед ним не военный. Однако у него хватало своих забот. Он мысленно представил себе жену и малышку дочь. Нет, он не расстанется с жизнью от рук горстки головорезов и не сгинет в лесу, кишащем сырыми деликатесами.

Вернувшись на поляну, Монк подошел к самому краю бурлящей, обезумевшей массы. Зажав пистолет в здоровой руке, он подставил под рукоятку протез и, нагнув голову набок, стал дышать носом.

«Ну же, посмотрим, что там у вас...»

С каштана позади донесся звук, похожий на шипение воздуха, выходящего из сдутого воздушного шарика.

— Они приближаются! — прохрипел Графф.

Судя по всему, внутреннее напряжение лишило его легкие воздуха.

Монк прицелился. У него всего один патрон, один выстрел.

На противоположном конце поляны стояли два кислородных баллона, прислоненных к большому валуну. Когда они с Граффом снимали защитные костюмы, Монк забрал оба легких портативных дыхательных аппарата, сделанных из алюминиевого сплава. С помощью ремня от кобуры он быстро связал баллоны и перебросил их на противоположный край поляны. Связка упала прямо посреди полчищ крабов, раздавив пару и разогнав остальных в стороны.

И вот сейчас Монк целился в баллоны, удерживая пистолет живой плотью и протезом.

— Они уже здесь! — простонал в ветвях Графф.

Монк нажал на спусковой крючок. На мгновение все замерло — затем один из баллонов со сжатым воздухом выплюнул язык пламени. Связанные баллоны с грохотом повалились и закрутились на земле, оглушительно свистя и подпрыгивая. Вскоре у второго баллона оторвался редуктор, и пляска стала еще более сумасшедшей. Баллоны давили крабов, сметали их в сторону, подбрасывали в воздух.

Этого оказалось достаточно.

В прошлом Монку доводилось выходить на берег, заполненный крабами,— как только появлялась крупная морская птица или человек, берег в мгновение ока пустел, крабы поспешно разбегались, ныряя в свои логова в песке. То же самое произошло и сейчас. Крабы, находившиеся ближе к очагу раздражения, обратились в бегство, карабкаясь на своих со-

седей, вселяя в них панику. Вскоре ручеек превратился в поток. Крабы, и без того взбудораженные, окончательно потеряли голову и побежали, повинуясь инстинкту.

Монк бросился к ближайшему каштану, слыша позади грозное щелканье клешней.

Высоко подпрыгнув, он ухватился за ветку. Один из крабов успел вцепиться ему в ногу. Монк раздавил его панцирь о ствол. Краб упал, но сомкнутая клешня осталась на ноге. Монк ощутил острую боль как от пореза.

Проклятье!

Под ним пронеслась неудержимая волна крабов, подчиняющихся какому-то инстинкту, вероятно связанному с их ежегодными миграциями. Розовый поток устремился в сторону моря.

Забравшись выше, Монк присоединился к Граффу. Океанолог сидел на толстой ветке, обвив здоровой рукой ствол. Взглянув на Монка, он снова повернулся к пятачку открытой каменистой почвы, отделяющему опушку леса от входа в тоннель.

Пираты — их было шестеро — уже поднялись наверх и рассыпались в стороны, но выстрел из пистолета заставил их остановиться и присесть. Только теперь они начали подниматься на ноги, осторожно, неуверенно.

И тут из джунглей на них выплеснулось целое море крабов.

Первым оно накатилось на бандита, который находился ближе всех к опушке. Прежде чем тот успел спохватиться, осознать, что видит перед собой, поток крабов захлестнул его до уровня бедер. Внезапно пират вскрикнул и отпрянул назад. У него подогнулась нога.

Однажды в бою пуля перебила товарищу Монка ахиллово сухожилие. Тот опрокинулся на землю в точности так же, как сейчас это произошло с пиратом.

Бандит упал, громко крича. Крабы тотчас же начали карабкаться по извивающемуся телу. Однако истошные вопли продолжали доноситься и из-под кишащей массы. На мгновение бедняге даже удалось приподняться. Маски у него на лице

больше не было, а вместе с ней и носа, губ и ушей. На месте глаз остались окровавленные раны. Вскрикнув еще раз, пират исчез под живой волной.

Остальные в ужасе бросились назад, обратно в проход, один за другим исчезая в темноте. Один пират оказался отрезан, загнанный на скалу, нависшую над каменной стеной. Крабы дружно набросились на него. Жутко вскрикнув, пират развернулся и прыгнул с обрыва.

Из прохода донеслись новые крики.

Подобно воде в ванне с открытым сливным отверстием, море крабов кружилось у входа в тоннель, расходясь красными спиралями.

Графф тяжело дышал, следя за происходящим. Монк осторожно тронул его за плечо, и ученый вздрогнул.

— Нам нужно уходить. Пока крабы не вернулись в джунгли.

Графф безропотно спустился следом за ним за землю. Там еще оставались сотни крабов; двигаться приходилось осторожно.

Наконец Графф стал постепенно приходить в себя. В нем снова проснулся исследователь.

— Мне... мне нужен один из этих крабов.

— Крабовыми палочками я угощу вас, когда вернемся на корабль.

— Да нет, для изучения. Каким-то образом крабам удалось уцелеть в токсичном облаке. Это может быть очень важно.— Вернувшись в свою стихию, океанолог говорил твердо, решительно.

— Ну хорошо,— согласился Монк.— Если учесть, что все образцы мы оставили на берегу, не нужно возвращаться с пустыми руками.

Нагнувшись, он схватил протезом одного краба помельче, удерживая его за панцирь. Отважное существо защелкало клешнями, стараясь поразить врага.

— Эй, дружище, не вздумай портить казенное оборудование. Новые пальцы мне придется покупать за свои деньги!

Монк подошел к дереву, намереваясь разбить краба о ствол, но Графф замахал здоровой рукой:

— Нет, нет! Он нужен нам живым. Как я уже говорил, в поведении крабов есть что-то странное. Этот момент также необходимо исследовать.

Монк раздраженно стиснул зубы.

— Замечательно, но если этот морепродукт отхватит от меня кусок, платить будете вы.

Они двинулись через джунгли, которыми было покрыто плато.

Минут через сорок лес начал редеть и открылся панорамный вид с вершины скалы. По берегам бухты раскинулся главный поселок острова — называющийся просто Селением. Здесь же был порт. Вдалеке в море плавал белый замок — «Владычица морей», облако на темно-синем небе.

Дом, милый дом.

Взгляд Монка привлекло какое-то движение. Он увидел, как из-за скалистого мыса выходят десять быстроходных катеров, оставляя за собой белые пенистые следы. Катера шли тупым клином, словно эскадрилья реактивных истребителей. Такая же группа появилась с противоположной стороны бухты.

Даже на таком расстоянии Монк разглядел цвет катеров.

Голубые скутеры, узкие и длинные, с маленькой осадкой.

— И здесь пираты...— простонал Графф.

Монк в оцепенении переводил взгляд с одной группы катеров на другую: смертельные клещи, еще более опасные, чем клешни красных крабов.

А смыкались эти клещи на «Владычице морей».

13 часов 5 минут

Лиза пристально изучала рентгеновский снимок. На столике была установлена портативная подсветка. А у стены на койке лежала фигура, накрытая простыней с головой.

Больной умер.

— Похоже на туберкулез,— наконец сказала молодая женщина. На снимке был отчетливо виден белый пенистый налет на стенках легких.— Или, быть может, рак легких.

Доктор Хенрик Барнхардт, голландский токсиколог, стоял рядом, опершись кулаком на стол. Это он пригласил Лизу сюда.

— Да, но жена больного говорит, что первые признаки проблем с дыхательными путями появились у него только восемнадцать часов назад. Ни кашля, ни отхаркиваний, и он не курил. И ему было всего двадцать четыре года.

Лиза выпрямилась. Кроме них, в каюте больше никого не было.

— Вы исследовали ткани его легких?

— Я иглой отсосал жидкость из одного легкого. Содержимое определенно гнойное. Кишмя кишит бактериями. Это абсцесс легких, а никакой не рак.

Лиза вгляделась в бородатое лицо Барнхардта. Он стоял чуть ссутулясь, словно смущенный своими медвежьими габаритами, но при этом в его позе было и что-то заговорщическое. Доктора Линдхольма токсиколог сюда не пригласил.

— Подобные процессы вписываются в картину туберкулеза,— осторожно промолвила Лиза.

Туберкулез вызывается крайне заразной бактерией, туберкулезной палочкой Mycobacterium tuberculosis. И хотя в данном случае клиническая картина болезни была необычной, туберкулез может годами дремать в человеке, медленно разрастаясь. Быть может, этот мужчина заразился несколько лет назад, превратившись в ходячую бомбу с часовым механизмом,— и воздействие ядовитого газа явилось сильным стрессом, который привел к стремительному прогрессированию болезни. Несомненно, на последнем этапе больной был заразным.

Однако ни у нее, ни у доктора Барнхардта нет защитных костюмов. Почему он ее не предупредил?

— Это не туберкулез,— сказал токсиколог.— Доктор Миллер, наш специалист по инфекционным заболеваниям, иден-

тифицировал микроорганизм как Serratia marcescens, непатогенный штамм.

Лиза вспомнила предыдущий разговор, связанный с больным, у которого безобидная кожная бактерия превратилась в зловредный вирус, пожирающий живые ткани. Токсиколог подтвердил ее догадку.

— И снова безобидный непатогенный микроорганизм становится заразным.

— Доктор Барнхардт, но ведь то, что вы предполагаете...

— Зовите меня Хенриком. И я не просто предполагаю это. На протяжении последних нескольких часов я искал подобные случаи. И нашел еще два. Женщина с сильнейшей формой дизентерии, буквально пожирающей внутренние ткани кишечника. А причиной этому Lactobacillus acidophilis, обычная молочнокислая бактерия, которая присутствует в микрофлоре кишечника любого здорового человека. И есть еще ребенок, маленькая девочка, у которой страшные припадки; спинномозговая жидкость у нее буквально кишит Acetobacter aceti, безобидным микроорганизмом, который можно найти в обычном уксусе. Однако сейчас он буквально замариновал ей спинной мозг.

До Лизы постепенно начинал доходить страшный смысл услышанного.

— Не исключено, что есть и другие случаи,— закончил Хенрик.

Лиза покачала головой — не возражая, а, наоборот, признавая пугающую правду его слов.

— То есть что-то определенно настраивает эти безобидные микроорганизмы против нас.

— Превращая друзей во врагов. И если разразится полномасштабная война, неприятель будет иметь над нами подавляющее численное преимущество.

Лиза вопросительно посмотрела на него.

— Человеческое тело состоит приблизительно из ста триллионов клеток, однако всего десять триллионов являются нашими. Остальные девяносто процентов — бактерии и другие

условно-патогенные микроорганизмы. Мы живем во взаимовыгодных отношениях с этим чуждым окружением. Но что, если равновесие нарушится, обратится против нас?..

— Мы должны это остановить.

— Вот почему я пригласил вас сюда. Для того чтобы убедить. Если мы хотим двигаться дальше, нам с доктором Миллером нужен доступ к лаборатории вашего напарника. Вызваны ли эти изменения в бактериях химическими или биологическими факторами? Если да, то как с этим бороться? И что, если они заразны? Какими карантинными мерами можно их изолировать? — Хенрик поморщился.— Нам необходимо получить ответы. Сейчас.

Лиза взглянула на часы. Монк опаздывал уже на час. Или он забыл о времени, с головой погрузившись в работу, или же любуется красотами острова. Однако сейчас не время наслаждаться бездельем.

Лиза кивнула:

— Надо связаться с доктором Коккалисом по радио. И срочно вызвать его сюда. Но вы правы. Нельзя терять ни минуты.

Она первой вышла из каюты. Портативная лаборатория Монка находилась на самом верху корабля, пятью палубами выше. Для того чтобы разместить все оборудование, «Сигма» заказала самую большую каюту. Матросам лайнера даже пришлось убрать привинченные к полу койки и мебель, освобождая дополнительное пространство. Кроме того, каюта имела широкий балкон, выходящий на правый борт. Лизе очень захотелось попасть туда сейчас, ощутить солнечный свет, прикосновение свежего ветерка к щеке — все, что угодно, только чтобы прогнать нарастающий в груди страх.

Направляясь к лифтам, она подумала, что ей придется снова звонить Пейнтеру. Взвалить такую ответственность на свои плечи одна она не может. Ей необходима поддержка всего научно-исследовательского отдела «Сигмы».

К тому же Лизе очень хотелось снова услышать голос Пейнтера.

Она нажала кнопку вызова. Кнопка как будто была подсоединена к детонатору: с моря донесся громкий взрыв, со стороны швартового дока, куда причаливали катера, перевозившие людей на берег и обратно. Неужели что-то случилось?

— Что это было? — спросил Хенрик.

С противоположного борта в носовой части прогремел новый взрыв, сотрясший весь корабль. Послышались приглушенные крики. Затем Лиза услышала знакомый звук, частый треск автоматных очередей.

— На нас напали,— испуганно сказала она.

13 часов 45 минут

Ржавый лендровер, подпрыгивая на рытвинах и ухабах, на полной скорости мчался вниз по крутому склону. Монк угнал старый пикап со стоянки рядом с фосфатной шахтой, брошенной вследствие эвакуации. Ему пришлось вывернуть облицовку рулевой колонки и замкнуть провода зажигания. Машина неслась по грунтовой дороге, которая вела от шахты к городку на побережье.

Доктор Ричард Графф, пристегнувшись ремнем безопасности, сидел рядом, держась здоровой рукой за потолок кабины.

— Помедленнее, пожалуйста...

Монк не обращал на него внимания. Ему нужно было как можно скорее добраться до берега.

Дойдя пешком до шахты, двое ученых вбежали в контору и бросились к телефону. Связь отсутствовала. Остров полностью опустел, за исключением одного места. Хорошо хоть им удалось найти в шкафчике аптечку первой помощи. Теперь плечо Граффа было обработано противовоспалительной мазью и перебинтовано.

Океанолог с трудом сам занялся своей раной, пока Монк заводил пикап. Сейчас Графф раненой рукой прижимал к животу коробку из-под аптечки. Освобожденная от содержимого, она стала отличной клеткой для пойманного краба.

Не вписавшись в крутой поворот дороги, ведущей сквозь джунгли, Монк вылетел на обочину. Он резко выкрутил руль, отрывая два колеса пикапа на пару дюймов от земли. Выровнявшись, машина плюхнулась вниз, скрипя рессорами.

Графф пробормотал:

— Не будет ничего хорошего в том, что вы застрянете в джунглях.

Монк сбросил скорость — не потому, что прислушался к предостережению Граффа, а потому, что впереди показалось пересечение с шоссе. Пикап выехал на узкую полосу асфальта. Грунтовая дорога обрывалась к югу от бухты Летучих Рыб. На севере возвышались здания поселка — пестрая смесь прибрежных гостиниц, китайских ресторанов, убогих баров и сувенирных магазинчиков.

Однако все внимание Монка оставалось прикованным к морю. «Владычица морей» была окружена горящими лодками, взорванными яхтами и обломками катера австралийской береговой охраны. К безоблачному полуденному небу поднимались густые клубы черного дыма. Подобно акулам, окружившим добычу, два десятка голубых скутеров с ревом рассекали воду.

Над бухтой кружил одинокий желтый с красным вертолет «астар» — сердитый шершень, разгоняющий дым. Судя по вспышкам, которые вырывались из дула пулемета, высунутого в открытый люк, это был враг.

Спускаясь по дороге вниз, Монк видел за деревьями отрывочные картины морского боя: взрывы, вспышки выстрелов, взлетающие вверх пылающие обломки. Отголоски взрывов казались звуками далекого фейерверка.

Бум... бум... бум...

С севера донесся гулкий взрыв, и над городом взметнулось облако дыма и огня. Это уже было довольно близко, и у ленд-ровера задребезжали стекла.

— Станция спутниковой связи,— сказал Графф.— Остров полностью отрезали от окружающего мира.

Другие районы Селения уже горели.

Это были не обычные пираты. Это было настоящее нападение. Черт побери, кто эти люди?

Включив передачу, Монк выехал на прибрежное шоссе и повернул в противоположную от города сторону.

— Куда вы?..— начал было Графф.

Монк завернул за поворот. Впереди показалась маленькая приморская гостиница, одиноко стоящая в окружении пары акров девственных влажных джунглей. Монк резко свернул у знака «"МАНГО". КОМНАТЫ У МОРЯ И КУХНЯ» и помчался по дорожке. Стала видна вся территория гостиницы — двухэтажное здание, растворившееся в беспорядочной россыпи бунгало. Блеснула водная гладь бассейна.

Судя по всему, здесь не было ни души.

— Тут вы будете в полной безопасности,— сказал Монк, резко затормозив у входа в главное здание, под густой кроной тезки гостиницы — раскидистого манго.

Он выскочил из машины.

— Подождите!

Повозившись с дверью, Графф наконец ее открыл и буквально вывалился из лендровера. Он поспешил следом за Монком.

Тот, не сбавляя шага, торопливо шел к берегу. Подобно всем прибрежным гостиницам, «Манго» предлагала полный набор развлечений, какие только могут пожелать отдыхающие: плавание с аквалангом, прогулки на яхтах, полеты на параплане. В дальнем углу двора Монк заметил центр активных видов отдыха — маленький сарай из шлакоблоков, крытый тростниковой крышей. Из-за всеобщей эвакуации дверь в него была заколочена.

Монк на бегу подхватил шест, которым чистили дно бассейна. Не теряя ни минуты, он оторвал доски и разбил стеклянную дверь.

Только тут Граффу удалось наконец его догнать.

Нырнув в сарай, Монк высунул руку и, схватив океанолога, затащил его внутрь следом за собой. Над гостиницей с ревом пролетел вертолет, поднимая несущим винтом вихрь, от

которого гнулись пальмы. Застыв на мгновение над главным зданием, он направился дальше, продолжая облет побережья.

— Не высовывайтесь отсюда! — строго предупредил Монк.

Графф отчаянно закивал.

Монк медленно осмотрел центр активного отдыха, заполненный пляжными полотенцами, солнцезащитными очками, баночками с кремом для загара и всевозможными сувенирами. Здесь пахло кокосом и сыростью. Обогнув прилавок, Монк шагнул в дверь, завешенную циновкой. Там он нашел то, что искал.

Вдоль дальней стены стояли аквалангн.

Монк скинул ботинки.

У той стены, которая выходила к морю, перед подъемной дверью выстроились всевозможные плавательные средства, предназначенные для отдыха на солнечном пляже. Монк прошел мимо водных велосипедов и двух байдарок и остановился перед одиноким гидроциклом. Тот стоял на тележке на колесах, готовый к спуску на воду.

По крайней мере, море с этой стороны острова было свободно от ядовитого бульона.

Монк повернулся к Граффу:

— Мне понадобится ваша помощь.

Восемнадцать минут спустя Монк локтем протер грязное окно сарая. Резина «мокрого» гидрокостюма противно заскрипела по стеклу. Выгнув шею, Монк стал ждать, когда вертолет пролетит в обратную сторону и повернет к бухте Летучих Рыб. Отсюда бухту, скрытую за мысом Смита, не было видно. Монк мог разглядеть только рваные клочья дыма, поднимающегося над скалами.

Наконец вертолет развернулся и полетел обратно к круизному лайнеру.

— Отлично, пошли!

Нагнувшись, Монк поднял створку ворот, задвигая ее в нишу над головой. Тем временем Графф взялся за рукоятку тележки с гидроциклом, а Монк забежал спереди, помогая

ему. Вдвоем они покатили тележку к воде. Широкие резиновые колеса легко катились по рыхлому песку.

Графф отцепил гидроцикл от тележки, а Монк надел упряжь с кислородными баллонами. Полностью облачившись, он натянул поверх снаряжения прихваченную в качестве сувенира ветровку с эмблемой гостиницы «Манго».

Сгибаясь под тяжестью акваланга, Монк зашел в воду и помог спустить гидроцикл с тележки.

— Следите за тем, чтобы вас не заметили,— напутствовал он Граффа.— Но если найдете какое-нибудь средство связи, рацию или еще что-либо, постарайтесь докричаться до властей.

Графф кивнул:

— И вы тоже берегите себя.

Через минуту Монк завел двигатель и с надрывным ревом понесся к мысу Смита. Оставшийся на берегу Графф закатил тележку обратно в сарай.

Низко пригнувшись к рулю, Монк выкрутил ручку газа до отказа. Ему в лицо ударил ветер, хлопая полами ветровки. В воздух поднялись соленые брызги. Мыс Смита быстро приближался. Наконец Монк достиг каменистого выступа и, не снижая скорости, завернул за него.

У противоположного берега бухты возвышалась «Владычица морей», подобная белому замку, осажденному неприятелем. Море вокруг корабля дымилось пятнами пролитой горящей нефти и пылающими обломками лодок и яхт. Даже от причала осталась лишь груда обломков. И повсюду с ревом носились пиратские скутеры, ведущие охоту.

«Ну вот мы и пришли».

Подобно неудержимой торпеде Монк устремился вперед.

14 часов 8 минут

— Мы обязательно должны что-то сделать,— сказала Лиза.

— Пока что сидим тихо,— предостерег ее Хенрик Барнхардт.

Они спрятались в одной из пустых внешних кают. Лиза стояла перед иллюминатором. Хенрик занял место у двери.

Час назад они пробежали через весь корабль, охваченный паникой. Члены экипажа в форме и обезумевшие пассажиры, как здоровые, так и больные, толпились в коридорах. Грохот взрывов и треск выстрелов практически потонули в душераздирающей сирене аварийной тревоги, звучащей по всему лайнеру. То ли это произошло автоматически, то ли кто-то поступил так сознательно, но опустились противопожарные переборки, наглухо изолировав друг от друга отсеки.

Тем временем боевики в масках очищали один за другим коридоры, расстреливая на месте каждого, кто оказывал сопротивление или двигался слишком нерасторопно. Лиза и Хенрик слышали крики, выстрелы, топот ног на верхних палубах. Они сами едва не стали жертвой нападавших. Их спасло лишь стремительное бегство через банкетный зал лайнера, отделанный золотом, и дальше по другому коридору.

Они понятия не имели, сколько времени им удастся продержаться.

Стремительность, с какой была захвачена «Владычица морей», позволяла предположить, что тут не обошлось без помощи кого-то из членов экипажа.

Лиза выглянула в иллюминатор. Море было объято огнем. Молодая женщина видела, как некоторые пассажиры в отчаянии прыгали с верхних палуб в воду, надеясь добраться вплавь до берега. Однако скутеры без устали вспарывали воды бухты, поливая беглецов свинцовым дождем. Среди пылающих обломков плавали трупы. Спасения не было нигде.

Но что произошло? Какую цель преследовали нападавшие?

Наконец аварийная сирена умолкла, издав напоследок визгливое завывание. Наступившая тишина придавила корабль физической тяжестью. Даже воздух, казалось, стал более спертым.

Хенрик посмотрел Лизе в глаза.

Из громкоговорителя, установленного в каюте, раздался резкий голос, говорящий по-малайски. Лиза не владела ма-

лайским языком. Она вопросительно посмотрела на Хенрика, но тот покачал головой, теряясь в догадках. Затем то же самое повторили по-китайски. На острове Рождества это были два самых распространенных языка.

Наконец говорящий перешел на английский с сильным акцентом:

— Корабль в наших руках. Все палубы патрулируются вооруженными людьми. Каждый, кого обнаружат в коридорах, будет расстрелян на месте. Но тем, кто подчинится, бояться нечего. Это все.

Заявление закончилось треском статического электричества.

Убедившись, что дверь каюты заперта, Хенрик шагнул к Лизе:

— Корабль захвачен. Судя по всему, нападение было спланировано заранее.

Лиза вспомнила итальянский круизный лайнер «Ачилле Лауро», который в далеком 1985 году был захвачен палестинскими террористами. А затем, уже не так давно, в 2005 году сомалийские пираты напали на другой круизный лайнер, совершавший рейс вдоль восточного побережья Африки.

Повернувшись к иллюминатору, Лиза бросила взгляд на голубые скутеры, патрулирующие воды бухты. На всех катерах были вооруженные люди в масках. С виду все это походило на нападение пиратов, однако у Лизы появились другие подозрения. Быть может, ей частично передалась мания преследования, которой страдал Пейнтер.

Все это было слишком хорошо спланировано, чтобы оказаться нападением простых пиратов.

— Несомненно,— заговорил Хенрик,— сейчас пираты прочешут корабль и заберут все, что плохо лежит, после чего быстро отступят и затеряются среди островов Зондского архипелага. Если мы будем вести себя тихо...

Динамик снова ожил, и по громкоговорящей связи корабля заговорил другой голос. Сразу по-английски. Не переводя на малайский и китайский.

— Следующим пассажирам необходимо немедленно подняться на мостик корабля. Они должны появиться там в течение ближайших пяти минут. Они должны держать руки поднятыми вверх, сплетенными на затылке. Каждая минута промедления приведет к смерти двух пассажиров. В первую очередь мы начнем расстреливать детей.

Затем были перечислены фамилии.

Доктор Джин Линдхольм.

Доктор Бенджамин Миллер.

Доктор Хенрик Барнхардт.

И самая последняя — доктор Лиза Каммингс.

— Повторяю, у вас есть пять минут. Время пошло.

Радио умолкло.

Лиза все еще стояла лицом к иллюминатору.

— Это не захват.

И это были не обычные пираты.

Прежде чем отвернуться от иллюминатора, молодая женщина увидела гидроцикл, который на полной скорости несся через бухту по направлению к круизному лайнеру. Поднимающийся позади петушиным хвостом высокий бурун сразу же привлекал к себе внимание. Гидроцикл мастерски петлял между обломками. Водитель сидел, низко пригнувшись. И на то у него были причины.

Два скутера преследовали гидроцикл, разрывая облака дыма и разбрасывая в стороны горящие доски. Мелькали частые вспышки выстрелов.

Лиза покачала головой, поражаясь безрассудности водителя гидроцикла.

Вынырнувший из-за надстроек круизного лайнера вертолет повернул в сторону гидроцикла. Лизе не хотелось смотреть, но она почему-то чувствовала, что это ее долг. Она обязана быть свидетелем этого самоубийственного рейда.

Вертолет резко накренился, выписывая поворот, и сбоку открылась дверь. Из кабины вырвался яркий язык пламени, и к поверхности воды устремился дымовой след.

Реактивный гранатомет.

Вздрогнув, Лиза перевела взгляд вниз и успела увидеть, как гидроцикл взорвался, превратившись в огненный шар, извергающий дым и искореженные куски металла.

Лиза отвернулась, не в силах унять дрожь. Она подняла взгляд на Хенрика. Выбора у них не было.

— Пошли.

14 часов 12 минут

Монк шел ко дну, увлекаемый тяжестью пояса и баллонов с кислородом. Он задержал дыхание, не борясь с погружением. Над головой голубое зеркало воды озарилось огнем. Осколки взорвавшегося гидроцикла с шипением погружались в воду. В двух метрах от него сам гидроцикл, опустив нос, уходил в глубину.

Монк последовал за ним, стаскивая с себя ветровку. У него больше не было причин скрывать наличие акваланга. Подняв маску, он махнул рукой, чтобы подхватить трубку подачи воздуха. Очистив с помощью редуктора маску, Монк натянул ее на лицо и закрепил на затылке.

Тотчас же все вокруг стало кристально чистым.

Монк установил редуктор на место и сделал вдох. Скорее вздох облегчения.

Удалась ли его уловка с погружением?

Минуту назад, когда вертолет устремился к нему, словно коршун к мыши, Монк краем глаза следил за боевиком, который появился в открытой двери. Как только тот направил на него гранатомет, Монк в самое последнее мгновение опрокинул гидроцикл, поднырнул под него и пошел на глубину. И все же взрыв оглушил его, словно молот, обрушившийся на наковальню.

Монк быстро погружался. В бухте Летучих Рыб сваи причалов уходили в глубину на тридцать метров. Однако для него это было даже слишком.

Подрегулировав компенсаторы плавучести, Монк наполнил жилет воздухом из баллонов. Погружение прекратилось,

и он завис в воде. Он развернулся, и ему стали видны днища рыскающих скутеров, вспененная винтами вода. Скутеры кружили и кружили, выискивая следы водителя гидроцикла, готовые открыть огонь, если он вынырнет на поверхность.

Но Монк не собирался выныривать. Если его уловка удалась, никто не знал о том, что у него есть акваланг. Подняв руку, он сверился с фосфоресцирующим циферблатом компаса и поплыл по предварительно определенному азимуту.

В сторону «Владычицы морей».

Ему давно хотелось отправиться в морской круиз.

Глава 5

ПОТЕРЯННЫЙ И ОБРЕТЕННЫЙ

5 июля, 1 час 55 минут
Вашингтон

— Ехать дальше опасно,— сказал Грей.

В течение последних семи минут он осторожно вел «тандерберд» через парк Гловера-Арчибольда, по старой грунтовой дорожке, заросшей травой. Ветви кустарников хлестали кабриолет по бокам. Пробитая передняя покрышка сдулась, замедляя движение и затрудняя управление.

Хотя у большинства людей при упоминании названия Вашингтон возникают образы широких улиц с историческими зданиями, просторных площадей и музеев, столица также славится одним из самых длинных в мире каскадом сообщающихся парков, который проходит через самое сердце города и занимает общую площадь свыше тысячи акров. С одной стороны этот каскад заканчивается парком Гловера-Арчибольда, который упирается в берег реки Потомак.

Грей направлялся прочь от реки: место там было слишком открытое. Держась петляющей дорожки, он с выключенными фарами двигался на север, пока не наткнулся на старую пожарную просеку, уходящую в густые заросли. Грей свернул на нее. Необходимо было затеряться в лесу, однако «тандерберд» уже еле тянул.

Осознав, что ехать дальше нельзя, Грей сбавил скорость.

Они находились на дне лощины. По обе стороны поднимались крутые склоны, заросшие деревьями. Впереди узкую долину пересекала насыпь заброшенной железной дороги. Грей завел «тандерберд» под мост из ржавого железа и деревянных балок и затормозил у бетонного откоса насыпи. Откос был покрыт рисунками и надписями.

— Всем выйти из машины. Дальше пойдем пешком.

С противоположной стороны от насыпи деревянный знак, освещенный звездами и узенькой долькой луны, обозначал начало пешеходной тропы. Проложенная через густые заросли, тропа больше напоминала тоннель.

Тем лучше. Здесь будет проще укрыться.

Где-то далеко в стороне завыли сирены пожарных машин. Ночное небо окрасилось мерцающим оранжевым заревом. Вероятно, от взрыва гранаты начался пожар.

Однако вблизи лес оставался темным, раскрашенным всеми оттенками черного цвета.

Грей понимал, что Насер и его головорезы могут быть где угодно: позади, впереди, совсем рядом.

У Грея гулко колотилось сердце. Со всех сторон его обступили страхи — не за себя, за родителей. Ему нужно укрыть их в безопасном месте, отдалить от опасностей, окруживших его самого. А для этого необходимо вылечить Сейхан. И сделать это подальше от посторонних взглядов.

Хоть у Грея и оставался сотовый телефон, позволяющий устанавливать зашифрованную связь, он опасался вызывать «Сигму» и Пейнтера Кроу. Линии связи были компрометированы, свидетельством чего явилась западня в охраняемом доме. Правила требовали залечь на дно и затаиться. Где-то происходит утечка, и до тех пор, пока он не спрячет родителей в безопасном месте, высовываться нельзя.

Итак, это означало, что необходимо найти какой-то способ оказать Сейхан медицинскую помощь. Один вариант предложила мать и уже приступила к его осуществлению, сделав два звонка со своего сотового телефона. После этого Грей заставил

ее достать из телефона аккумулятор, чтобы по этому устройству нельзя было вычислить их местонахождение.

— Кажется, морфий успокоил раненую,— доложила с заднего сиденья мать.

Во время короткой остановки миссис Пирс поменялась местами с Ковальски. Теперь Сейхан лежала между ними, накрытая покрывалом. Гарриет ввела ей морфий из шприц-тюбика, который нашла в аптечке в охраняемом доме.

— Дальше нам придется нести раненую на руках,— сказал Грей.

— Я один справлюсь,— отмахнулся от остальных Ковальски.

Пирс-старший помог жене выйти из кабриолета. Осмотрев машину, он покачал головой, ругаясь под нос.

Ковальски встал и взял Сейхан на руки. Даже в темноте под насыпью Грей разглядел черное пятно, расползающееся по бинтам. Движение разбудило Сейхан. Она недоуменно посмотрела на Ковальски, пытаясь понять, где находится и что с ней происходит. Затем, вскрикнув, наотмашь ударила его по щеке.

— Ты что? — воскликнул великан, с трудом уворачиваясь от следующего удара.

Сейхан заорала — бессвязный крик на смеси английского и какого-то азиатского диалекта.

— Уйми же ее,— обратился к Грею отец, с опаской оглядываясь на темный лес.

Ковальски попытался зажать Сейхан рот, но та едва не откусила ему палец.

— Сукин сын!

Она возбуждалась все больше и больше.

Гарриет Пирс подошла ближе, копаясь в своей сумочке.

— У меня есть еще одна доза морфия.

Грей покачал головой:

— Подожди!

Сейхан потеряла много крови, и он опасался, что морфий в качестве побочного действия вызовет у нее перебои дыха-

ния. Вторая доза может оказаться смертельной, а он так и не получил ответы на свои вопросы. Он подставил матери ладонь:

— Нюхательные соли.

Кажется, Ковальски говорил, что они есть в аптечке.

Мать кивнула. Раскрыв сумочку, она порылась в ней и протянула сыну несколько ампул. Схватив одну, Грей подошел к Ковальски. У охранника на лице наливалась кровью длинная царапина.

— Господи, да сделайте же с ней что-нибудь!

Схватив Сейхан за волосы, Грей закинул ей голову назад и разломил ампулу перед носом. Сейхан задергала головой, пытаясь вырваться, но он держал капсулу рядом с верхней губой. Безумные крики утихли, сменившись сдавленным кашлем.

Сейхан подняла руку, отстраняя Грея. Тот не отнимал ампулу.

— Достаточно...

Кашлянув еще раз, Сейхан схватила Грея за запястье. Тот опустил руку, поражаясь силе ее пальцев.

— Дайте мне отдышаться... Опустите меня на землю.

Грей кивнул Ковальски. Тот не заставил просить себя дважды и поставил Сейхан на землю, поддерживая ее за плечо. Судя по всему, Сейхан переоценила свои силы. Ноги ее подогнулись, и она повисла в объятиях великана.

Поморщившись от боли, Сейхан огляделась вокруг. Сквозь противостояние боли и морфия Грей различил в ее взгляде смятение. Наконец Сейхан повернулась к нему.

— Я... обелиск...— запинаясь от волнения, выдавила она.

Грею уже надоело слушать про этот проклятый обелиск.

— Его мы заберем потом. Он сломался, когда ты упала с мотоцикла. Я оставил его дома.

Казалось, его слова причинили Сейхан более сильную боль, чем пулевое ранение. Впрочем, быть может, на самом деле эта оговорка только к лучшему. Вдруг Насер, вместо того чтобы преследовать их, отправится искать обелиск.

Но тут мать Грея, услышав разговор, шагнула вперед.

— Вы говорите о сломанном черном столбике? — Она похлопала по своей сумочке.— Я забрала его, когда ходила в дом за бинтами. Он показался мне старым и, возможно, ценным.

Облегченно закрыв глаза, Сейхан кивнула, подтверждая справедливость обоих утверждений. Она устало уронила голову:

— Слава богу.

— И что в нем такого важного? — спросил Грей.

— Он должен... он может спасти мир. Если уже не слишком поздно.

Грей посмотрел на сумку в руках матери, затем перевел взгляд на Сейхан.

— Черт побери, что ты имеешь в виду?

Та слабо махнула рукой, снова теряя сознание.

— Все это очень сложно... мне нужна твоя помощь... не могу... одна... мы должны... должны спешить.

Уронив подбородок на грудь, раненая снова лишилась чувств. Ковальски едва успел ее подхватить.

Грея так и подмывало раздавить вторую ампулу с солями, но он опасался перенапрягать Сейхан. На бинтах проступила свежая кровь.

Его мать, похоже, пришла к такому же заключению. Она кивнула в сторону пешеходной тропы:

— Отсюда до больницы должно быть совсем недалеко.

Грей повернулся к теряющейся во мраке тропе, которая начиналась за насыпью. Это была вторая из причин, по которой он вел «тандерберд» на север через лес, следуя указаниям матери. За дальней частью парка Гловера-Арчибольда раскинулся Джорджтаунский университет. Больница медицинского факультета стояла на самой опушке леса. В ней работали бывшие студенты Гарриет Пирс.

Если им удастся незаметно добраться туда...

Но не слишком ли очевидна эта цель?

Из сложного паркового комплекса ведут тысячи выходов, но Насеру известно, что среди беглецов есть тяжелораненая

женщина, которой требуется незамедлительная медицинская помощь.

Риск был огромный, но Грей не представлял себе, как его избежать.

Он вспомнил глаза Насера, когда тот спрашивал насчет обелиска. Алчные, безжалостные. Египтянин поверил словам Грея о том, что обелиск остался дома,— в основном потому, что сам Грей верил в это. Но что для него важнее: получить в свои руки обелиск или отомстить?

Грей обвел взглядом свой маленький отряд.

От ответа на этот вопрос зависела жизнь всех этих людей.

2 часа 21 минута

Полчаса спустя Пейнтер расхаживал по своему кабинету, нацепив на ухо беспроводную телефонную гарнитуру.

— Все мертвы?

У него за спиной на плазменные экраны выводилось в реальном времени изображение трех домов, объятых пламенем, и части соседнего парка. Лето выдалось без дождей, и лес превратился в сухой хворост. За полицейским оцеплением суетились пожарные. Над телевизионными машинами уже поднимались тарелки спутниковой связи. В небе кружил полицейский вертолет, шаря по земле ярким лучом прожектора.

Но этого было слишком мало, да и прибыла помощь слишком поздно.

Среди пожарища не было ни кабриолета, в котором Грей приехал к охраняемому дому, ни угнанного микроавтобуса. Бушующий огонь не давал проводить расследование дальше.

Единственная достоверная информация не радовала. Сотрудники медицинской бригады «Сигмы» были обнаружены на заброшенном поле, все убитые выстрелом в голову. На столе перед Пейнтером лежали четыре папки. Он опустился в кресло. Помимо всего прочего, ему до рассвета предстоит сделать четыре мучительных телефонных звонка. Оповестить родных.

В кабинет вкатился Брэнт, помощник Пейнтера.

— Извините, сэр.

Пейнтер молча кивнул:

— Доктор Макнайт вызывает вас по третьей линии. Можно устроить видеоконференцию.

Пейнтер ткнул пальцем в экран, заполненный языками пламени.

— Пока что с меня довольно этого. Подключи Шона.

Пейнтер стянул наушник, подумав сердито, что лучше уж было бы просто имплантировать его в голову. Он развернулся к экрану, на котором изображение пожара сменилось лицом его начальника.

Шон Макнайт стоял у истоков создания «Сигмы», но затем ушел на повышение, возглавив УППОНИР. Пейнтер связался с ним сразу же, как только Сейхан ворвалась в жизнь Грея. Ему требовались совет и опыт Макнайта. Однако была еще одна веская причина.

— Значит, «Гильдия» снова стоит у нас в дверях,— начал Шон, приглаживая рукой седеющие рыжие волосы.

Судя по тому, какие они были взъерошенные, директора УППОНИР подняли прямо с кровати. Однако его рубашка была белоснежной и отутюженной. На спинке кресла висел темно-синий в полоску пиджак. Шон Макнайт приготовился к долгому дню.

— Похоже, «Гильдия» не просто стоит у нас в дверях,— заметил Пейнтер.— Самая последняя информация позволяет предположить, что она уже переступила порог.— Он постучал по лежащей перед ним папке.— Несомненно, вы уже ознакомились с докладом.

Ответом ему стал кивок.

— Очевидно, «Гильдии» было известно про охраняемый дом. Известно о том, что Грей направлялся туда с бежавшей сотрудницей «Гильдии». Где-то у нас есть утечка.

— Боюсь, приходится это предположить.

Пейнтер покачал головой. Если так, это катастрофа. Один раз «Гильдии» уже удалось просочиться в святая святых «Сиг-

мы», но Пейнтер готов был поклясться, что сейчас его организация чиста. Он сжег «Сигму» до основания, а затем отстроил ее заново, с нуля, заложив в структуру сотни многоуровневых предохранительных мер.

И все впустую.

Если где-то есть утечка, под подозрением окажется само основание «Сигмы». И не исключено, что это приведет к роспуску организации. Внутренняя проверка уже шла полным ходом: анализ издержек и результатов основной командной структуры «Сигмы», замаскированный под изучение вопроса возможного объединения всех разведывательных ведомств Соединенных Штатов с Министерством внутренней безопасности.

Но что самое страшное, предательство имело и другую цену. Об этом Пейнтеру напоминали четыре папки, лежавшие перед ним.

Шон Макнайт продолжал:

— Не одно только наше подразделение оказалось под ударом этой сети наемных террористов. Два месяца назад британская МИ-шесть раскрыла ячейку, которой удалось проникнуть в засекреченную лабораторию британского космического агентства под Глазго. В ходе операции наши английские коллеги потеряли пятерых агентов. «Гильдия» везде и нигде. И у нас дома АНБ и ЦРУ упорно бьются над тем, чтобы установить личность главаря «Гильдии». Нам практически ничего не известно о главе этой организации и ее ключевых игроках. Мы даже не можем сказать, называют ли они сами себя «Гильдией». Это название предложил один офицер британского специального воздушно-десантного полка, ныне покойный. Затем, судя по всему, различные ячейки переняли его, сначала в качестве издевки, потом, вероятно, уже привыкнув к нему. Вот как мало нам известно об этой сети.

Он многозначительно умолк. Пейнтер понял начальника без слов.

— А теперь к тому же в наши ряды затесался предатель.

Макнайт вздохнул.

— Мы на протяжении многих лет пытались проникнуть в недра «Гильдии». Я предлагал несколько сценариев. Но ничто не сравнится с тем, что оперативник «Гильдии», относящийся к ее элите, сам свалился нам в руки. Необходимо поместить Сейхан в надежное место, где можно будет поговорить с ней по душам.

— А «Гильдия» будет изо всех сил стараться помешать нам. Выбор уже сделан. Для того чтобы расправиться с перебежчицей, «Гильдия» пошла даже на то, чтобы раскрыть факт своего проникновения в «Сигму». Очень дорогая цена. И чтобы выполнить этот план, был направлен лучший и самый неуловимый оперативник. Еще один представитель элиты.

— Я видел видеосъемку этого человека рядом с охраняемым домом. И ознакомился с досье на него.

Макнайт поморщился.

Пейнтер тоже ознакомился с досье на главаря террористов. «Калькуттский мясник». Настоящее происхождение и подданство его были неизвестны. Не вызывало сомнений лишь то, что в его жилах смешана самая разная кровь. В различные моменты он выдавал себя за индийца, пакистанца, иракца, египтянина и ливийца. Они с Сейхан были одного поля ягоды, но только он был мужчиной.

— Одна ниточка у нас есть,— заметил Пейнтер.— Из видеосъемки нам известно его имя. Амен Насер. Но это все, что нам удалось узнать.

Макнайт махнул рукой:

— Имен у этого человека столько же, сколько и совершенных им убийств. Он оставил кровавый след по всему миру, в основном сосредоточив свою деятельность в Северной Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Азии. Хотя в последнее время этот Насер распространил ее еще дальше на страны Средиземноморского региона. На его счету удушение археолога в Греции. Убийство хранителя музея в Италии.

Пейнтер встрепенулся:

— В Италии? Где именно?

— В Венеции. Хранитель археологического музея был обнаружен в подземной тюрьме Дворца дожей, убитый выстрелом в упор. Насера — или как там его настоящее имя — зафиксировала камера видеонаблюдения, установленная на площади перед дворцом.

Пейнтер потер подбородок, покрытый колючей щетиной.

— Мне сегодня звонил монсиньор Верона из Ватикана. Все подробности будут в докладе. С большой вероятностью можно предполагать, что приблизительно в это же время Сейхан совершила определенные шаги в Италии.

Макнайт прищурился.

— Очень интересно. Это совпадение требует более тщательного расследования. Оба убийцы находились в Италии. Теперь они здесь. Один преследует другого. Причем это не просто убийцы, а признанные мастера своего дела, лучшие в «Гильдии». И помимо всего прочего, это Насер толкнул Сейхан нам в руки.

«Точнее, в руки Грею»,— мысленно добавил Пейнтер.

— Необходимо поместить эту женщину под стражу. Немедленно. Не может быть и речи о том, чтобы упустить такую возможность.

Пейнтер прекрасно сознавал всю напряженность момента, но он также хорошо знал Грея, был знаком с тем, как работает его мозг. Если у кого-то мания преследования и была так остра, как у самого Пейнтера, так это у Грея Пирса. Возможно, с тем, чтобы поместить Сейхан под стражу, возникнут определенные проблемы.

— Сэр, коммандер Пирс в настоящее время скрывается. Попав в западню в охраняемом доме, он, как и мы, должен был предположить об утечке. Он постарается исчезнуть вместе с Сейхан. Заляжет на дно до тех пор, пока не придет к выводу, что можно открываться.

— Возможно, времени ждать у нас не будет. Особенно если учесть, что сейчас за обоими охотится «Калькуттский мясник».

— Как я должен поступить?

— Коммандера Пирса необходимо разыскать и вместе с Сейхан доставить к нам. Мне не остается выбора, кроме как расширить круг поисков, связаться с местными властями и ФБР. Я уже распорядился проверить все больницы и клиники. Нельзя позволить коммандеру Пирсу залечь на дно.

— Сэр, я бы предпочел в данной ситуации предоставить коммандеру Пирсу определенную свободу маневра. Чем больше света будет направлено в его сторону, тем с большей вероятностью это привлечет внимание Насера.

— Что ж, в таком случае мы постараемся задержать сразу двух оперативников «Гильдии».

Пейнтер не смог скрыть свое потрясение.

— Используя в качестве приманки Грея...

Шон Макнайт пристально посмотрел на него с экрана монитора. Только сейчас Пейнтер обратил внимание на натянутую позу начальника. На наглаженную рубашку и пиджак. До него вдруг дошло, что Макнайт, перед тем как позвонить ему, уже разговаривал с кем-то еще.

— Решение принял министр внутренней безопасности. И президент его утвердил. Оно окончательное.— Голос Макнайта стал твердым.— Необходимо любой ценой разыскать и доставить сюда Грея и эту террористку из «Гильдии».

Пейнтер не нашелся что ответить. Ответить было нечего. Таков был новый мир. Пейнтер медленно кивнул. Он подчинится.

И все же он хорошо знал Грея.

Подавшийся в бега, затравленный со всех сторон, этот человек совершит невозможное. Он спрячется так глубоко, что его никто не найдет.

3 часа 4 минуты

— Внизу, в вестибюле, я видел кафе,— пробормотал Ковальски.— Может, оно сейчас открыто. Кто-нибудь хочет чашечку кофе?

— Никто никуда не идет,— решительно заявил Грей.

Ковальски покачал головой:

— Да это я так, просто пошутил.

Не обращая на него внимания, Грей продолжал изучать сломанный обелиск Сейхан. Они находились в маленькой приемной зубоврачебного кабинета. Настольная лампа освещала тесное помещение, оформленное в обычном для подобных кабинетов стиле: стопка старых журналов на столе, абстрактные акварели на стенах, чахлый фикус в горшке и темный плоский экран телевизора на стене.

Сорок минут назад маленькая группа дошла по пешеходной тропе, петляющей по лесу, до края парка Гловера-Арчибольда. Тропа привела к улице, которая отделяла парк от территории Джорджтаунского университета. В этот час машин на ней не было. Беглецы поспешно перешли через улицу и, проскользнув между двумя научно-исследовательскими корпусами, добрались до здания, в котором размещалось стоматологическое отделение медицинского факультета. Сама клиника находилась чуть дальше, залитая ярким светом. Однако беглецы не рискнули идти туда, опасаясь быть обнаруженными.

Поэтому были приняты другие меры.

Сидящий в противоположном углу приемной Ковальски тихо выругался и скрестил руки на груди. Не вызывало сомнений, что, несмотря на недавние бурные события, великана терзает скука. Все ждали известий.

— Черт побери, ну почему так долго? — проворчал Ковальски.

Грей успел выяснить, что в прошлом он служил матросом в военно-морском флоте. Ковальски завербовали в «Сигму» после того, как он оказал содействие одной операции «Сигмы», проведенной в Бразилии. Пригласили его не за голову, а за мускулатуру. Пока они ждали в приемной, Ковальски даже попытался показать Грею раны, полученные при выполнении предыдущих заданий, но тот отказался. Великан никак не мог умолкнуть. Неудивительно, что ему поручили охрану, направив его одного, без напарника.

Однако это замечание Ковальски, как и все предыдущие, осталось без внимания.

Отец Грея лежал у стены на трех составленных рядом стульях. Глаза у него были закрыты, но он не спал. С сыном он не разговаривал.

— Значит, ты у нас что-то вроде ученого-шпиона,— сказал Грею отец, когда они добрались сюда.— Все сходится...

Грей так и не понял, что хотел сказать этой загадочной фразой отец, но сейчас был не тот момент, чтобы выяснять это. Чем скорее Сейхан будет поставлена на ноги и увезена подальше от его родителей, тем лучше... для всех.

Грей продолжал изучать обелиск. Он крутил его в руках, пристально рассматривая со всех сторон. Не вызывало сомнений, что возраст черного камня, поцарапанного, с обколотыми краями, насчитывает тысячелетия. Судя по виду, родиной его был Древний Египет, однако в этой области познания Грея были скудными. Даже предположение о происхождении обелиска было навеяно лишь египетским акцентом убийцы.

Однако в обелиске имелось кое-что определенно странное.

Грей перевернул отколовшуюся верхнюю часть. Снизу из камня торчал серебряный пруток толщиной приблизительно с мизинец. Потрогав его, Грей понял, что перед ним самая настоящая верхняя часть айсберга из пословицы. Внимательно изучив скол, он различил в камне тонкий древний шов, скрепленный каким-то цементирующим раствором, разглядеть который снаружи было невозможно. В действительности обелиск состоял из двух мраморных половин, склеенных вместе, внутри которых было что-то спрятано. Точно так же в толстой книге вырезают середину страниц, чтобы спрятать пистолет или драгоценности.

Грей вспомнил слова Сейхан: «Возможно, это спасет мир... если только уже не слишком поздно». Что бы она ни имела в виду, обелиск представлял такую важность, что ради него она отдала себя в руки Грею, предала «Гильдию».

Ему были нужны ответы.

Грей обернулся, услышав скрип открывшейся двери. Из кабинета вышла его мать, снимая с лица марлевую маску. Грей вскочил с места.

— Этой девушке чертовски повезло,— сказала мать.— Мы обработали рану, полностью остановив кровотечение, и сделали второе переливание крови. Мики не сомневается, что все будет в порядке. Сейчас он заканчивает бинтовать рану.

Она говорила про доктора Майкла Коррина, своего бывшего студента, который затем по ее рекомендации поступил на медицинский факультет. Для нее он по-прежнему оставался Мики. Глубина их отношений и взаимного доверия была такой, что в ответ на полуночный звонок доктор Коррин без колебаний согласился на тайную встречу в здании стоматологического отделения. Быстрое ультразвуковое обследование дало первую хорошую новость. Пуля не задела брюшную полость Сейхан, скользнув вдоль грудной кости.

— Когда раненую можно будет забрать отсюда? — спросил Грей.

— Мики считает, что ей, по крайней мере, еще несколько часов лучше остаться здесь.

— Такого времени у нас нет.

— Я ему все объяснила.

— Она в сознании?

Мать кивнула.

— После первого переливания крови она пришла в себя. Мики накачал ее антибиотиками и обезболивающими. Она уже сидит.

— В таком случае нам пора идти.

Отстранив мать, Грей шагнул в кабинет. Он присутствовал при ультразвуковом обследовании, но затем доктор Коррин решительно выставил его из кабинета, не слушая никаких возражений. Рану он обрабатывал без свидетелей; ассистировала ему мать Грея.

Грей был недоволен тем, что ему пришлось выпустить Сейхан из виду, поэтому он прихватил с собой разбитый обелиск, понимая, что без него она никуда не исчезнет.

Держа в руке два обломка обелиска, Грей толкнул дверь. Мать последовала за ним. Входя в кабинет, Грей столкнулся с выходящим оттуда доктором Коррином, светловолосым, худым как щепка. Подбородок его украшала полоска ухоженной бородки. Нахмурившись, доктор кивком предложил Грею вернуться в приемную.

— Она выдернула катетер и попросила позвать вас. И принести ультрафиолетовую лампу.— Он махнул рукой в соседний кабинет.— Мой брат использует ультрафиолет для светоотверждаемых пломб. Я сейчас вернусь.

Грей прошел в кабинет.

Сейхан сидела в стоматологическом кресле спиной к нему, полностью обнаженная выше пояса, и пыталась натянуть через голову футболку. На полу валялись скомканные бинты. Даже глядя на нее со спины, Грей почувствовал, каких усилий требовало от раненой это простое действие. Пошатнувшись, Сейхан вынуждена была опереться на подлокотник.

Отстранив Грея в сторону, в кабинет прошла его мать.

— Давайте помогу. Одной вам придется долго мучиться.

— Я уже сама справилась,— упорствовала Сейхан.

Она подняла было руку, чтобы отказаться от помощи, но вскрикнула, морщась от боли.

— Все, достаточно.

Подойдя к раненой, мать Грея помогла ей натянуть футболку на обнаженную грудь и перебинтованный живот. Обернувшись, Сейхан увидела в дверях Грея. У нее потемнело лицо, и она смущенно отвернулась. Однако Грей почувствовал, что раненая устыдилась не наготы, а собственной слабости.

Сейхан медленно поднялась с кресла, превозмогая боль. Опершись на откинутую назад спинку, она застегнула пояс обтягивающих брюк.

— Мне нужно поговорить с вашим сыном,— хриплым голосом, не допускающим возражений, обратилась она к матери Грея.

Та взглянула на Грея. Он кивнул.

— Я схожу посмотрю, как дела у твоего отца,— холодно промолвила Гарриет, выходя из кабинета.

Из приемной донеслись приглушенные звуки телевизора. Судя по всему, Ковальски нашел пульт дистанционного управления.

Оставшись одни, Грей и Сейхан долго пристально смотрели друг на друга. Оба молчали, пользуясь возможностью оценить противника.

В кабинет вернулся доктор Коррин. В руке он держал маленькую лампочку.

— Это все, что у нас есть.

— Сойдет.

Сейхан попыталась было взять лампу, но у нее задрожала рука. Зажимая в одной руке обелиск, Грей другой принял лампу.

— Нам нужна минута.

— Разумеется.

Почувствовав нависшее в кабинете напряжение, доктор Коррин поспешил выйти следом за матерью Грея.

Сейхан не отрывала взгляда от лица Грея.

— Коммандер Пирс, я сожалею о том, что подвергла риску ваших родителей. Я недооценила Насера.— Она осторожно ощупала перебинтованную рану. Ее голос наполнился желчью.— Впредь подобная ошибка не повторится. Я полагала, что мне удалось оторваться от Насера в Европе.

— Не удалось,— отрезал Грей.

Она прищурилась:

— Не удалось, потому что командование «Сигмы» скомпрометировано. Для того чтобы выследить и обнаружить меня, «Гильдия» воспользовалась вашими же ресурсами. Так что вина лежит не только на мне.

На это Грею было нечего возразить.

Сейхан поднесла руку ко лбу, словно пытаясь что-то вспомнить, но Грей почувствовал, что на самом деле она тянет время, взвешивая, о чем сказать, а о чем лучше умолчать.

— Должно быть, у тебя ко мне тысяча вопросов,— наконец пробормотала она.

— На самом деле только один. Черт побери, что происходит?

Левая бровь Сейхан взметнулась вверх. До боли знакомый жест, напоминание об общем прошлом.

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, начать надо вот с этого.— Сейхан кивнула на обелиск.— Будь добр, поставь его на столик с инструментами...

Надеясь получить ответы, Грей повиновался, осторожно примостив отломанную верхнюю часть на основание.

— Лампа...— продолжала Сейхан.

Минуту спустя Грей, погасив верхний свет, стоял, склонившись к обелиску, и изучал столбцы загадочных знаков, вспыхнувших на черном камне, на всех четырех гранях.

Эти знаки не были похожи ни на какие из известных ему иероглифов и рунических символов. Грей посмотрел на Сейхан. Белки ее глаз сияли в отсветах ультрафиолетового излучения.

— Ты видишь перед собой ангельские письмена,— сказала она.— Язык архангелов.

Грей недоверчиво наморщил лоб.

— Понимаю,— продолжала Сейхан,— это кажется полнейшим безумием. Эти письмена восходят корнями к мистическим преданиям ранних христиан и древних иудеев. Если хочешь узнать больше...

— Опустим это. Я бы предпочел узнать, что ты хотела сказать, утверждая, что этот обелиск может спасти мир.

Отступив назад, Сейхан отвела взгляд, затем снова посмотрела Грею в лицо.

— Грей, мне нужна твоя помощь. Я должна их остановить, но не могу сделать это одна.

— Не можешь сделать одна что?

— Пойти против «Гильдии». То, что она замышляет...

И снова у нее в глазах мелькнул страх.

Грей нахмурился. Когда их с Сейхан пути пересеклись в первый раз, она пыталась взорвать биологическую бомбу, начиненную бациллами сибирской язвы, над научно-исследовательским центром Министерства обороны в Форт-Дитрихе. Разве может быть что-то еще более страшное, в сравнении с чем меркнет даже подобная безжалостная жестокость?

— В прошлом я помогла тебе,— продолжала Сейхан, пытаясь сыграть на чувстве благодарности.

— Только ради того, чтобы победить общего врага,— возразил Грей.— И спасти собственную шкуру.

— И сейчас мне нужно от тебя лишь это. Содействие в борьбе с общим врагом. Но теперь в опасности не только одна моя жизнь. Смертельная угроза нависла над сотнями миллионов людей. И это уже началось. Семена брошены в почву.— Сейхан кивнула на сияющий голубоватым светом обелиск.— Оружие, способное остановить «Гильдию», спрятано в этой загадке. Если мы сможем ее разрешить, у нас появится хоть какая-то надежда. Но я полностью исчерпала свои силы. Идти дальше одна я не могу. Мне нужен свежий взгляд, знания, опыт.

— И ты полагаешь, что мы вдвоем сможем одолеть «Гильдию» с ее поистине безграничными ресурсами? Если привлечь «Сигму»...

— То ты на блюдечке поднесешь «Гильдии» победу. В «Сигме» действует предатель. Все, что известно «Сигме», тотчас же становится известно «Гильдии».

Сейхан была права. И это, мягко говоря, внушало тревогу.

— Значит, ты предлагаешь нам действовать в одиночку. Вдвоем, только ты да я.

— Втроем. Есть еще один человек... если только он согласится помочь.

— Кто?

— Когда приходится иметь дело с ангелами и археологией, есть только один человек, к которому я отношусь с уважением.

Грей сразу же понял, кого она имеет в виду.

— Вигор Верона.

Сейхан кивнула:

— Я оставила монсиньору Вероне визитную карточку, тайну, которую ему предстоит разгадать самому. Если он согласится помочь, мы двинемся дальше.— Протянув руку к обелиску, она пошатала отломленную верхнюю часть туда-сюда.— Сделаем следующий шаг по тропе ангелов.

— И куда она нас приведет?

Сейхан покачала головой. Определенно она не собиралась сдаваться без боя.

— Я скажу тебе, только когда мы тронемся в путь. Кстати, нам пора двигаться. Чем дольше мы находимся на одном месте, тем больше риск того, что нас обнаружат.

Сейхан протянула руку к обелиску. Грей ее опередил. Схватив бóльшую верхнюю часть, он поднял ее над головой. Его терпение иссякло.

— Если хочешь, можешь разбить обелиск,— предупредила его Сейхан.— Я все равно больше ничего не скажу. Не скажу до тех пор, пока мы не будем в безопасности и ты не согласишься мне помочь.

Грей пропустил ее слова мимо ушей.

— Полагаю, ты уже скопировала нанесенные на обелиск надписи, возможно, даже сфотографировала их.

— Больше того, несколько раз,— подтвердила Сейхан.

— Вот и отлично.

Резко опустив руку, он швырнул обелиск на пол. Черный мрамор раскололся на несколько кусков, разлетевшихся по линолеуму. Сейхан тихо вскрикнула; несомненно, она не подозревала о том, что внутри обелиска что-то спрятано.

— Что... что ты наделал?

Наклонившись, Грей достал из обломков серебряный предмет. Он выпрямился, держа в руках то, что было спрятано в камне. Ошеломленный, Грей молчал.

Это было большое серебряное распятие.

Сейхан широко раскрыла глаза. Узнав находку, она дернулась вперед, не обращая внимания на боль.

— Этого не может быть... Ты его нашел.

— Что я нашел?

— Распятие отца Агреера.— Она понизила голос, злясь на саму себя и в то же время охваченная ужасом.— И все это время оно было у меня в руках...

— Кто такой этот отец Агреер?

— Монах Антонио Агреер. Священник, исповедник Марко Поло.

Марко Поло?

Устав от загадок и недоговоренностей, Грей резко бросил:

— Сейхан, черт побери, что происходит?

Она махнула рукой на стул у стены, на котором лежала ее разорванная кожаная куртка.

— Нам нужно уходить отсюда.

Грей не тронулся с места, а когда Сейхан шагнула было к стулу, он преградил ей дорогу.

Сейхан опустила голову. Ее взгляд стал твердым.

— Грей, решайся же, черт побери. У меня нет времени.

Она попыталась его обойти. Грей схватил ее за запястье.

— Думаешь, я не могу передать тебя в руки «Сигме»? Что меня должно остановить?

Сейхан высвободила руку. Ее разъяренное лицо побагровело от нахлынувшей перелитой донорской крови.

— Ты сам прекрасно осознаешь, Грей, что лучше этого не делать! Если я попаду в руки «Гильдии», мне конец. Если я окажусь в руках твоего правительства, меня навечно упекут подальше, лишив возможности остановить надвигающуюся катастрофу. Вот почему я обратилась к тебе. Ну хорошо, я подслащу пилюлю. Предлагаю тебе сделку. Как ты на это смотришь? Помоги мне, убеди Вигора присоединиться к нам, и я после этого назову тебе имя предателя внутри «Сигмы». Если для тебя спасения сотен миллионов жизней недостаточно... волки уже стучатся в дверь «Сигмы». Ты об этом не догадываешься, но некая сила делает все возможное, чтобы кастрировать вас всех, превратить в тупых жвачных животных, и вот теперь, когда еще один предатель — второй предатель — проник в самую вашу гущу, вас сожгут дотла, а пепелище еще и посыплют солью. И тогда «Сигме» конец. Окончательный и бесповоротный.

Грей колебался. До него действительно доходили подобные слухи, порожденные внутренней проверкой, которую проводили АНБ и УППОНИР. Но он также помнил и другую Сейхан, склонившуюся над ним, приставив пистолет к голове. Когда их пути пересеклись в первый раз, она пыталась его убить. Можно ли доверять ей сейчас?

Из патовой ситуации его вывел крик, донесшийся из приемной:

— Коммандер Пирс! Идите скорее сюда!

Грей мысленно выругался, раздраженный зычным голосом Ковальски. Неужели верзила не понимает, что им сейчас меньше всего нужно привлекать к себе внимание?

Грей встретился взглядом с Сейхан. Та все еще пылала неприкрытой яростью, но и этому чувству так и не удалось полностью перебороть то, что Грей в первый раз услышал в ее голосе, когда она истекала кровью на пороге дома его родителей. Ужас.

Подойдя к стулу, Грей взял кожаную куртку и протянул ее Сейхан.

— Пока что мы будем играть по твоим правилам. Но это все, что я могу обещать.

— Коммандер!

Тряхнув головой, Грей вышел из кабинета. Телевизор работал громче. Грей поспешил вперед. Поймав себя на том, что у него в руке по-прежнему зажато серебряное распятие, он сунул его в карман и вошел в приемную.

Все находящиеся там не отрывали глаз от телевизора. Грей сразу же обратил внимание на знакомую эмблему канала новостей Си-эн-эн в углу. На экране горели три дома на опушке леса.

— ...возможно, речь идет о поджоге,— продолжал корреспондент.— В связи с этим полиция разыскивает этого человека, Грейсона Пирса. Жителя Вашингтона.

В углу экрана появилась фотография Грея, в военной форме, наголо остриженного, со злыми глазами и угрюмым ртом. Этот снимок был сделан, когда он сидел в военной тюрьме Ливенуорт. Не слишком лестный. На нем Грей выглядел законченным преступником.

Сидящий рядом отец проворчал:

— Похоже, твое прошлое сейчас укусило тебя за задницу.

Грей сосредоточил внимание на выпуске новостей.

— В настоящий момент полиция заявляет, что «хочет подробно побеседовать» с этим бывшим бойцом армейского спецназа. И только. Его разыскивают с целью получить от него информацию. Полиция просит всех, кому известно о местонахождении Грейсона Пирса, немедленно сообщить об этом властям.

Подняв пульт дистанционного управления, Ковальски убавил звук.

Доктор Коррин шагнул к двери.

— В свете всего этого я больше не могу молчать...

Ковальски направил на него пульт.

— Назвался груздем, док, полезай в кузов. Лучше молчите, а не то вам придется расстаться с медицинской лицензией.

Побледнев, доктор Коррин сделал еще один шаг назад. К нему подошла мать Грея и взяла за руку.

— Чепуха.— Она бросила хмурый взгляд на Ковальски.— А вы перестаньте его пугать.

Ковальски пожал плечами.

— Нас просто пытаются выманить из укрытия,— мрачно заметил Грей.

— Но это же бессмысленно,— возразила миссис Пирс.— Я же сама разговаривала с директором Кроу, когда находилась в охраняемом доме. Он знает, что мы попали в западню. Почему он допустил распространение всей этой лжи?

Ответ прозвучал от дверей:

— Потому что я действительно им очень нужна.— В приемную вошла Сейхан. Она успела надеть куртку.— И они не станут рисковать, боясь упустить меня.

Грей повернулся лицом к остальным.

— Сейхан права. Петля затягивается. Нам нужно уходить.

Его слова подтвердил Ковальски. Получив взбучку от матери Грея, великан охранник подошел к единственному окну и выглянул в щелку между шторами.

— Ребята, к нам гости.

Грей поспешно бросился к нему. Из окна была видна площадка перед приемным покоем клиники. На площадку одна за другой въехали четыре полицейские машины, молчаливые, с включенными мигалками. Несомненно, местные власти прочесывали больницы.

Грей обратился к бывшему ассистенту своей матери:

— Доктор Коррин, мы и так уже попросили у вас много, но, боюсь, нам придется обратиться к вам еще с одной просьбой. Вы сможете отвезти моих родителей в какое-нибудь безопасное место?

— Грей...— начала было мать.

— Мама, не спорь.

Грей не отрывал взгляда от лица врача. Коррин медленно кивнул.

— У меня есть несколько квартир, которые я сдаю внаем. Одна, неподалеку от Дюпон-Серкл, полностью обставлена, но сейчас пустует. Никому не придет в голову искать ваших родителей там.

Предложение было хорошее.

— И еще, папа, мама... никаких общений с внешним миром. Ни в коем случае не пользоваться кредитными карточками.— Грей повернулся к Ковальски: — Вы сможете присмотреть за ними?

Ковальски разочарованно понурился:

— Опять эта чертова охрана!

Грей подумал было о том, чтобы заменить просьбу приказом, но мать его остановила:

— Грей, мы сами сможем позаботиться о себе. Состояние Сейхан по-прежнему внушает опасения. Тебе лишняя пара рук пригодится больше, чем нам с отцом.

— К тому же дом находится под круглосуточной охраной,— довольно резким тоном добавил доктор Коррин.— Охранники, видеонаблюдение, сигнализация.

У Грея мелькнула мысль, что врач не столько беспокоится за безопасность родителей, сколько не хочет пускать Ковальски к себе домой. Даже сейчас доктор Коррин старательно следил за тем, чтобы держаться от великана на расстоянии нескольких шагов.

И мать права. Сейхан не оправилась от раны, так что им может понадобиться сила могучего охранника. В конце концов, в «Сигму» его пригласили ради мускулов. Так почему бы не задействовать их в полной мере?

Должно быть, Ковальски правильно прочитал выражение лица Грея.

— Что ж, пора.— Он довольно потер руки.— Трогаемся в путь. Первым делом нам нужно раздобыть оружие.

— Нет, первым делом нам нужно раздобыть машину.— Грей снова повернулся к доктору Коррину.

На этот раз тот не колебался. Он достал из кармана связку ключей.

— Стоянка машин персонала клиники. Место сто четыре. Белый «порше кайенн».

Ему не терпелось поскорее расстаться с нежданными гостями. Однако это стремление разделяли не все. Крепко обняв Грея, мать шепнула ему на ухо:

— Береги себя, Грей.— Понизив голос еще больше, она выдохнула: — И не доверяй ей... не доверяй до конца.

— Не беспокойся,— ответил Грей, соглашаясь с обоими замечаниями.

— Удел матери беспокоиться.

Оставаясь в объятиях матери, Грей прошептал ей одно последнее наставление, предназначенное исключительно для ее ушей. Кивнув, она еще раз стиснула его и наконец отпустила.

Обернувшись, Грей увидел, что отец протянул руку. Он ее пожал. У них было так принято. Никаких объятий. Отец был родом из Техаса.

Грей повернулся к Ковальски:

— Следите за тем, чтобы он не наделал каких-нибудь глупостей.

— Сделаю все возможное.— Ковальски кивнул на дверь.— Все готовы?

Когда великан отвернулся, отец положил руку Грею на плечо и крепко его сжал, после чего похлопал по спине на прощание. Для него это было все равно что произнесенное вслух признание в любви. И это тронуло Грея больше, чем он мог ожидать.

Не сказав больше ни слова, он первым шагнул к двери.

3 часа 49 минут

— О местонахождении коммандера Пирса по-прежнему никаких известий,— доложил по внутреннему переговорному устройству Брэнт.

Пейнтер сидел за столом. Отсутствие новостей одновременно огорчало и радовало его. Но прежде чем он успел разобраться в своих чувствах, Брэнт продолжал:

— И только что пришел доктор Дженнингс.

— Пригласи его ко мне.

Доктор Малькольм Дженнингс, глава научно-исследовательского отдела, позвонил полчаса назад, настаивая на немедленной встрече, но Пейнтер не смог его принять из-за случившегося в охраняемом доме. Даже сейчас он мог выделить Дженнингсу только пять минут.

Дверь открылась, и в кабинет вошел Дженнингс, с порога поднимая руку:

— Знаю... знаю, что ты занят... но это не может ждать.

Пейнтер указал ему на кресло напротив.

Бывший судебно-медицинский эксперт опустил свое долговязое тело в кресло, но на самый край. Было видно, что он возбужден. В руке Дженнингс сжимал папку. Ему было уже около шестидесяти, и в «Сигме» он работал с тех самых пор, как Пейнтер ее возглавил. Дженнингс поправил очки с полумесяцами чуть голубоватых стекол, которые снижали нагрузку на глаза во время работы за компьютером. Кроме того, очки прекрасно дополняли смуглую оливковую кожу и седеющие глаза, придавая Дженнингсу вид мудрого ученого. Однако сейчас чувствовалось, что патологоанатом измотан долгой ночной работой, хотя глаза его и горели маниакальным восторгом.

— Смею предположить, речь идет о тех материалах, которые переправила с острова Рождества Лиза,— начал Пейнтер.

Кивнув, Дженнингс раскрыл папку и достал две фотографии, жуткие снимки чьих-то ног, судя по всему пораженных гангреной.

— Я внимательно изучил примечания токсиколога и бактериолога. Перед нами больной, у которого кожная бактерия внезапно стала злокачественной и теперь пожирает мягкие ткани его собственных ног. Мне еще никогда не приходилось видеть ничего подобного.

Пейнтер взглянул на снимки, но, прежде чем он успел задать вопрос, врач вскочил на ноги и принялся возбужденно расхаживать по кабинету.

— Понимаю, первоначально мы присвоили катастрофе у берегов Индонезии низший приоритет, полагая, что задачей операции будет лишь сбор информации. Но после таких находок необходимо пересмотреть эту точку зрения. И немедленно. Я пришел сюда лично, чтобы просить о присвоении случившемуся статуса критического уровня номер два.

Пейнтер выпрямился в кресле. Такой уровень будет означать, что в Индонезию придется бросить значительные дополнительные ресурсы.

— Нам нужно больше, чем то, чего могут добиться всего двое специалистов,— продолжал Дженнингс.— Я хочу как можно скорее отправить на место полностью укомплектованную бригаду экспертов, даже если для этого нам придется обратиться за помощью к армии.

— Тебе не кажется, что не надо торопить события? Монк и Лиза должны выйти на связь,— Пейнтер сверился с часами,— чуть больше чем через три часа. Когда у нас будет больше информации, мы сможем разработать новый план.

Сняв очки, Дженнингс потер глаз костяшкой пальца.

— По-моему, ты ничего не понял. Если предварительные заключения токсиколога окажутся верны, мы имеем дело с экологической катастрофой, которая, возможно, окажет влияние на всю биосферу Земли.

— Малькольм, тебе не кажется, что ты преувеличиваешь? Все эти данные лишь предварительные. Основанные преимущественно на предположениях.— Пейнтер махнул на фотографии.— Не исключено, что речь идет всего лишь о единичном эпизоде.

— Даже если бы это действительно было так, я бы посоветовал забросать весь остров зажигательными бомбами, а затем на несколько лет полностью закрыть все окружающие его воды.— Дженнингс посмотрел Пейнтеру в глаза.— А если существует хоть малейшая вероятность распространения этой заразы, налицо потенциальная угроза глобального коллапса окружающей среды.

Потрясенный Пейнтер посмотрел на патологоанатома. Дженнингс был не из тех, кто поднимает панику по пустякам.

Врач продолжал:

— Я проанализировал все имеющиеся данные и подготовил краткое заключение. Ознакомься с ним и верни мне. Чем раньше, тем лучше.

Он положил папку на стол. Погладив обложку рукой, Пейнтер пододвинул папку к себе:

— Я займусь этим прямо сейчас и в течение ближайшего получаса загляну к тебе.

Дженнингс кивнул с признательностью и облегчением. Он направился к дверям, но на пороге остановился и добавил последнее предостережение:

— Помни: мы так и не можем сказать со всей определенностью, что погубило динозавров.

С этими словами патологоанатом вышел из кабинета. Взгляд Пейнтера помимо воли вернулся к жутким фотографиям на столе. Ему отчаянно хотелось верить, что Дженнингс ошибается. За событиями последних нескольких часов он почти начисто забыл о ситуации на острове Рождества.

Почти.

Всю ночь мысли о Лизе не покидали его. Но вот теперь вспыхнули новые опасения, разожженные тревогой Дженнингса. Пейнтер изо всех сил старался не давать им волю. Лиза так и не перезвонила. Судя по всему, не произошло ничего чрезвычайного, что потребовало бы еще одного экстренного вызова. И все же...

Пейнтер ткнул клавишу устройства внутренней связи.

— Брэнт, ты не мог бы позвонить Лизе на спутниковый телефон?

— Уже звоню.

Пейнтер раскрыл папку. Он начал читать заключение, и с первых же страниц его прошиб холодный пот.

Раздался голос Брэнта:

— Господин директор, телефон не отвечает и переключается в режим речевой почты. Вы хотите, чтобы я оставил сообщение?

Повернув руку, Пейнтер взглянул на часы. До назначенного времени выхода на связь оставалось еще несколько часов. Вероятно, Лиза чем-то занята. И все же ему пришлось бороться с нарастающим чувством паники.

— Просто попроси доктора Камминге перезвонить, как только она освободится.

— Слушаюсь, сэр.

— И еще, Брэнт, свяжись с коммутатором лайнера.

Пейнтер сознавал, что это уже граничит с манией преследования. Он попытался вернуться к чтению заключения, но обнаружил, что не может сосредоточиться. Через минуту снова послышался голос помощника:

— Сэр, мне удалось связаться с радистом. Он сказал, что связь нарушена по всему кораблю, есть перебои и с передачей данных через спутник. Приходится устранять неполадки, неизбежные для нового корабля.

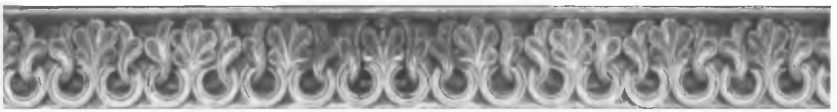
Пейнтер кивнул. «Владычица морей» совершала свое первое плавание, когда ВОЗ реквизировала ее для борьбы с последствиями экологической катастрофы.

— Но больше ничего серьезного у них нет,— закончил Брэнт.

Пейнтер вздохнул. Значит, у него действительно мания преследования. Он позволил своим чувствам к Лизе затуманить рассудок. Если бы речь шла о любом другом сотруднике, разве он вообще стал бы с ним связываться?

Пейнтер вернулся к чтению заключения.

С Лизой все в порядке. К тому же с ней Монк. Он не даст ей попасть в беду.



Глава 6

СМЕРТЕЛЬНАЯ ЗАРАЗА

5 июля, 15 часов 2 минуты
На борту «Владычицы морей»

Черт побери, что происходит?

Лиза стояла вместе с тремя другими учеными. Они все вчетвером собрались в президентской каюте лайнера. Официант в морском мундире разлил виски по рюмочкам в форме тюльпанов, расставленным ровным рядом на серебряном подносе. Поскольку Пейнтер любил хорошее виски, Лиза узнала этикетку: это был редкий «Макаллан» шестидесятилетней выдержки. У официанта дрожали руки, сбивая глазомер, и дорогое виски проливалось на поднос.

Оплошность официанта можно было объяснить присутствием двух боевиков в масках, вооруженных автоматическими винтовками. Они стояли у двустворчатых дверей каюты. В противоположном конце каюты стеклянные двери вели на балкон, достаточно просторный, чтобы вместить городской автобус. На балконе дежурил еще один боевик.

Внутри роскошная каюта была отделана ценными породами дерева и обставлена кожаной мебелью. В вазах стояли свежие цветы, а из скрытых колонок доносился тихий шепот сонаты Моцарта. Ученые собрались в середине комнаты. Со стороны могло показаться, что это приглашенные собираются на университетский фуршет.

Вот только на лицах всех присутствующих был написан неприкрытый страх.

Час назад Лиза и Хенрик Барнхардт, подчиняясь приказу, поднялись на мостик лайнера. А что еще им оставалось делать? На мостике они застали главу группы ВОЗ доктора Линдхольма. Тому, судя по всему, хорошенько врезали по лицу, и он вытирал кровь, текущую из разбитого носа. Последним пришел Бенджамин Миллер, специалист по инфекционным заболеваниям.

Ученых встретил здоровенный мужчина, предводитель пиратов. С накачанной мускулатурой и толстыми, грубыми руками, он мог запросто сойти за защитника в американском футболе. Предводитель был в камуфляжной форме армейского образца с брюками, заправленными в высокие черные ботинки на шнуровке. Он не потрудился скрыть свое лицо под маской. Его волосы цвета жидкой грязи были коротко острижены, кожа блестела словно отполированная бронза, а на левой стороне лица красовалась черная с зеленым татуировка. Это был узор маори, известный под названием «моко», состоящий из завитков и пересекающихся линий.

Предводитель приказал ученым пройти в президентскую каюту и ждать там.

Лиза была несказанно рада возможности покинуть мостик. Судя по разбитым иллюминаторам и следам от пуль на стенах и оборудовании, здесь, на самом верху лайнера, произошел жестокий бой. От молодой женщины не укрылись кровавые подтеки на палубе там, где протащили труп.

Когда ученых под конвоем отвели в президентскую каюту, Лиза с удивлением обнаружила, что в заброшенную пиратами сеть попал еще один пленник.

Райдер Блант, владелец круизного лайнера, подошел к официанту и взял с подноса несколько хрустальных рюмок. В джинсах и рубашке с коротким рукавом он напоминал молодого, загоревшего Шона Коннери.

Подойдя к ученым, Блант раздал им рюмки с виски.

— Полагаю, всем нам не помешает воспользоваться теплом «Макаллана»,— сказал он, попыхивая сигарой.— Хотя

бы для того, чтобы успокоить нервы. Ну а если не это, то мы, по крайней мере, опустошим запасы моего бара, прежде чем о нем проведают пираты.

Лизе, как и всем на борту корабля, была известна история Райдера Бланта. В возрасте сорока восьми лет австралиец сколотил состояние на «кремниевой лихорадке», разработав программное обеспечение, позволяющее безопасно переправлять в зашифрованном виде особо ценную информацию. Затем он с выгодой вложил деньги в недвижимость и коммерческие предприятия, что принесло ему баснословные доходы. Закоренелый холостяк, Блант отличался непоседливой натурой: то он плавал с аквалангом среди гигантских белых акул, то поднимался на вертолете на заснеженные горные вершины в самых отдаленных уголках земного шара, чтобы спуститься оттуда на лыжах, то прыгал с парашютом с небоскребов Гонконга и Куала-Лумпура. При всем том, однако, Блант славился своей щедростью и принимал участие в различных благотворительных программах.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что во время экологической катастрофы он одолжил свой лайнер ВОЗ. Хотя сейчас, наверное, оглядываясь назад, жалел о своем решении.

Он предложил рюмку виски Лизе. Та покачала головой.

— Девушка, не обижайте меня,— проворчал Блант, не убирая хрустальную рюмку.— Как знать, когда нам в следующий раз представится такая возможность?

Лиза взяла рюмку, просто чтобы Блант оставил ее в покое. От дыма его крепкой сигары у нее заслезились глаза. Она пригубила янтарный напиток, и огненная жидкость разлилась по желудку, наполняя все тело теплом. Лиза сделала выдох. Действительно, виски помогло ей успокоиться.

Раздав ученым рюмки, миллиардер опустился в кресло. Поставив локти на колени, он окинул взглядом охранников, сердито пыхтя сигарой.

Хенрик Барнхардт, стоящий рядом с Лизой, наконец озвучил вопрос, терзавший всех:

— Чего хотят от нас эти пираты?

Линдхольм шмыгнул носом. Глаза у него были красные, на лице расплылся синяк.

— Нас взяли заложниками.

Он искоса взглянул на сидящего в кресле Бланта.

— Возможно, это объяснение верно в отношении сэра Райдера,— понизив тон, согласился Хенрик, обращаясь к миллиардеру по его рыцарскому титулу.— Но зачем нужно было связываться с нами? Мы все скопом стоим меньше, чем сэр Райдер носит с собой на карманные расходы.

Лиза махнула ладонью, отгоняя от лица дым сигары.

— Определенно, пираты собрали здесь всех ведущих ученых. Но откуда они узнали, кого именно им вызывать?

— Вероятно, список они получили от кого-нибудь из членов экипажа,— с горечью промолвил Линдхольм. Он искоса взглянул на Райдера.— Несомненно, кто-то из ваших людей заодно с захватчиками.

Услышав это замечание, Райдер пробурчал под нос:

— Если я узнаю, кто этот мерзавец, я вздерну его на нокрее.

— Но подождите... если пираты решили собрать здесь всех ведущих специалистов, почему они не вызвали доктора Граффа? — спросил Бенджамин Миллер, упоминая океанолога, отправившегося собирать образцы вместе с Монком. Он повернулся к Лизе: — И вашего напарника, доктора Коккалиса? Почему нас вызвали, а их нет?

Отпив глоток, Миллер поморщился от крепкого напитка. Выпускник Оксфордского университета, ученый-бактериолог был красивым мужчиной с густыми золотисто-каштановыми волосами и зелеными глазами. Всего пяти футов роста, он казался еще ниже из-за сутулости, вероятно заработанной за долгие годы сидения сгорбившись за микроскопом.

— Доктор Миллер прав,— подхватил Хенрик.— Почему не вызвали этих двоих?

— Вероятно, знали, что их нет на борту лайнера,— предположил Линдхольм.

— А может быть, их уже схватили.— Миллер виновато посмотрел на Лизу.— Или убили.

Лиза ощутила в груди щемящую пустоту тревоги. Ей хотелось верить, что Монку удалось выскользнуть из западни и теперь он вызывал помощь, однако надежды на такой благоприятный исход было немного. Монк опаздывал с возвращением еще до того, как корабль подвергся нападению.

Покачав головой, Хенрик залпом допил виски и поставил рюмку.

— Бесполезно гадать об их судьбе. Но если пиратам было известно о том, что наши коллеги работали на месте, это предполагает, что речь идет не о простом захвате заложников.

— Но что еще может быть нужно от нас пиратам? — спросил Миллер.

Раскатистый гул приближающегося вертолета заставил всех повернуться к раскрытым дверям на балкон. Для небольшого «Еврокоптера», принимавшего участие в пиратском нападении, рев был слишком громким. Ученые все разом поспешили к дверям. Выпустив облако дыма, Райдер поднялся с кресла и присоединился к ним.

С моря дул свежий ветерок, несущий аромат соли и едва уловимую химическую горечь, следствие токсичных выбросов, а может быть, просто запах горящего мазута, разлившегося по воде. Неподалеку все еще дымился сильно накренившийся полузатопленный катер австралийской береговой охраны, искореженный прямым попаданием реактивного снаряда.

Над кораблем на бреющем полете прошел большой серый вертолет армейской модели, с двумя несущими винтами, спереди и сзади. Он развернулся над морем, разгоняя дым. Пройдя над поселком на берегу бухты, в нескольких местах охваченным пламенем пожаров, вертолет повернул назад — похоже, пилот был удовлетворен увиденным. Возвратившись к лайнеру, вертолет снова скрылся из виду, судя по характеру рева опустившись на взлетно-посадочную площадку на верхней палубе.

Шум несущих винтов затих. В наступившей тишине Лиза почувствовала новый ворчащий гул. Палуба у нее под ногами задрожала.

— Мы движемся,— заметил Хенрик.

Не вынимая изо рта сигару, Райдер выругался.

Лиза поняла, что это действительно так. Вид из иллюминатора начал медленно, словно движение стрелок часов, меняться.

— Пираты уводят корабль,— сказал Миллер.

Линдхольм бессильно стиснул кулаки.

Лиза испытала страх. В сознании того, что земля совсем близко, оставалось какое-то слабое ощущение безопасности. Но теперь у пленников отнимали и это последнее. Дыхание молодой женщины участилось, однако воздуха в легкие поступало все меньше. Несомненно, рано или поздно кто-нибудь заподозрит что-то неладное и решит на месте выяснить, в чем дело. Больше того, всего через три часа она сама должна связаться с Пейнтером. Не получив от нее никаких известий, он...

Огромный круизный лайнер, переборов собственную инерцию, набирал скорость, отходя от острова. Сверившись с часами, Лиза повернулась к Райдеру:

— Мистер Блант, какую максимальную скорость способен развить ваш корабль?

Миллиардер загасил окурок сигары в пепельнице.

— Рекорд «Голубой ленты Атлантики» для трансатлантических круизных лайнеров равен сорока узлам. Чертовски быстро.

— Ну а «Владычица»? — спросила Лиза.

Райдер похлопал рукой по переборке.

— Гордость флота. Германские двигатели, корпус конструкции — несущий монокок. Она может выдать сорок семь узлов.

Лиза мысленно провела расчеты. Если через три часа она не выйдет на связь, когда Пейнтер начнет тревожиться? Через четыре часа? Через пять? Она покачала головой. Пейнтер не прождет ни минуты.

— Три часа,— задумчиво пробормотала Лиза. Но не будет ли и этого слишком много? Она повернулась к Райдеру: — Здесь есть карта?

Райдер взял ее под руку.

— Есть глобус. В библиотеке.

Он подвел молодую женщину к нише в дальнем углу гостиной, обставленной книжными шкафами. В центре возвышался большой глобус. Склонившись над ним, Лиза развернула деревянный шар так, чтобы стали видны острова Индонезийского архипелага. Произведя подсчет в уме, она измерила расстояние пальцами.

— Через три часа мы затеряемся среди островов Индонезии.

Регион, в котором доминировали крупные острова Ява и Суматра, представлял собой самый настоящий лабиринт из крохотных островков и атоллов. Общее их число превышало восемнадцать тысяч, и они были разбросаны по территории, равной по площади континентальной части Соединенных Штатов. Всего в двух шагах от крупных современных городов Джакарта и Сингапур люди продолжали жить в каменном веке. На некоторых отдаленных островах до сих пор процветало людоедство. Трудно было придумать лучшее место, чтобы спрятать круизный лайнер.

— Не могут же пираты рассчитывать на то, что им удастся похитить целый корабль! — воскликнул Линдхольм, прошедший в библиотеку следом за остальными.— А как же разведывательные спутники? Нельзя же спрятать такой большой корабль.

— Не надо недооценивать наших похитителей,— возразил Хенрик.— Начнем с того, что нас вовсе не обязательно будут искать.

Лиза поняла, что он прав. Учитывая стремительность, с которой был осуществлен захват лайнера, а также то обстоятельство, что кто-то из экипажа был в сговоре с пиратами, приходилось признать, что нападение было спланировано заранее, минимум за несколько недель. Следовательно, кто-то узнал о том, что происходит на острове Рождества, задолго до остального мира. Лиза вспомнила неизвестного больного

в изоляторе, чью плоть пожирали бактерии. Его обнаружили блуждающим по острову пять недель назад.

Неужели похитители знали правду уже тогда?

Услышав, как открылись двустворчатые двери, все обернулись. В каюту вошли двое мужчин. В одном из них Лиза узнала предводителя пиратов с татуировкой на лице.

Однако воин-маори остановился на пороге. Вперед шагнул другой мужчина, высокий, которого Лиза видела впервые. Сняв панаму с широкими полями, он передал ее женщине, появившейся из-за плеча предводителя пиратов. Высокий мужчина с черными с проседью волосами до плеч прошел в каюту. Он выглядел так, словно собрался на пикник на природе: ладно скроенный свободный костюм из белого льна, в руке элегантная трость. Смуглое лицо и близко посаженные глаза выдавали в нем уроженца Индии или Пакистана.

Мужчина подошел к ученым, изящно постукивая тростью, однако чувствовалось, что на самом деле она ему не нужна и это лишь показное. Его глаза весело сверкнули, что никак не вязалось с напряженностью ситуации.

— Намастэ*,— поклонившись, поздоровался он.— Благодарю всех за то, что присоединились ко мне.

Остановившись, незнакомец кивнул владельцу «Владычицы морей»:

— Сэр Райдер, я ценю ваше гостеприимство, которое выразилось в готовности на время одолжить свой замечательный корабль. Мы сделаем все возможное, чтобы «Владычица морей» вернулась к вам в таком же виде, в каком мы ее получили.

Райдер с трудом подавил вскипевшую ярость, смерив противника оценивающим взглядом.

Незнакомец повернулся к ученым.

— Нам предстоят великие свершения, и я польщен тем, что здесь под одной крышей собрались ведущие специалисты Всемирной организации здравоохранения.

---

* Здравствуйте *(хинди)*.

Лиза обратила внимание, как Хенрик нахмурился с тревогой и недоумением.

В последнюю очередь незнакомец остановил взгляд на Лизе.

— И разумеется, не надо забывать нашу коллегу из секретного разведывательного ведомства Соединенных Штатов. Кажется, оно называется отрядом «Сигма»?

Ошеломленная Лиза лишилась дара речи. Она лишь молча смотрела на незнакомца. Во имя всего святого, откуда?..

Тот удостоил ее едва заметного поклона, учтивого, без тени насмешки.

— Я очень сожалею, что ваш напарник не смог к нам присоединиться. Судя по всему, с ним произошел несчастный случай, пока мы пытались доставить его сюда. Это как-то связано с обитающими на острове крабами. Подробности до сих пор неясны. Мы тоже потеряли нескольких человек. Только одному удалось выйти из переделки живым.

У Лизы перед глазами все померкло.

Монк...

Ей на плечо легла рука. Это был Райдер Блант. Миллиардер повернулся к незнакомцу.

— Черт побери, кто вы такой?

— Ну конечно же. Приношу свои извинения.— Подняв руку, мужчина представился официальным тоном: — Доктор Девеш Патанджали, главный специалист по сбору информации, специализируюсь в области биотехнологий. Работаю на «Гильдию».

Даже сквозь пелену скорби, вызванную известием о гибели Монка, Лиза ощутила, как у нее внутри все оборвалось. Ей приходилось слышать от Пейнтера о «Гильдии»... и о том кровавом следе, который оставляет за собой эта террористическая организация.

Девеш Патанджали постучал тростью по палубе, показывая, что вступительная часть окончена.

— Боюсь, у нас больше нет времени на знакомство друг с другом. Завтра утром мы прибываем в порт назначения. К тому моменту нам предстоит выполнить большой объем работы.

— Какой работы? — переполненная чувством горя, выдавила Лиза.

Девеш Патанджали удивленно поднял брови:

— Дорогая, нам всем вместе предстоит спасти наш мир.

15 часов 45 минут

Монк ладонью зажал боевику рот, а протезом другой руки стиснул горло под самым подбородком, пережимая сонную артерию и перекрывая путь крови к головному мозгу. Боевик отчаянно вырывался, но пальцы у Монка были настолько сильные, что он без труда давил ими грецкие орехи. Монк дождался, когда тело боевика обмякнет, перестав биться в конвульсиях, после чего осторожно опустил его на палубу. Затем он оттащил труп в тесное подсобное помещение.

Только тут Монк обратил внимание на то, как едва ощутимо вибрирует палуба под ногами, услышал низкий гул двигателей. Он выпрямился. Корабль двигался. Значит, он успел скрытно проникнуть на лайнер в самый последний момент.

После взрыва гидроцикла Монк забрался на борт корабля по цепи кормового якоря, предварительно сняв с себя аквалангг и отправив его на дно бухты. Поскольку лайнер был развернут носом к берегу, куда было приковано все внимание пиратов, корма практически не охранялась. С якорной цепи Монку удалось перепрыгнуть на одну из висящих над бортом спасательных шлюпок, а уже оттуда перебраться на прогулочную палубу лайнера.

Там он сразу же спрятался в подсобном помещении.

Ему пришлось прождать четверть часа, прежде чем появился одинокий часовой, один из пиратов, вооруженный автоматической винтовкой «хеклер и кох». Теперь скорченный труп этого пирата был засунут в то же самое подсобное помещение. Расстегнув молнию, Монк стащил с себя гидрокостюм, затем снял с убитого свободные штаны и рубашку. Он быстро переоделся, однако втиснуть свои ноги в чужие ботинки ему не удалось. Они оказались слишком маленькими.

Отсутствие обуви компенсировала внушающая уверенность тяжесть оружия на плече.

Замотав лицо шарфом, подобно остальным пиратам, Монк шагнул в коридор. Еще по дороге из Штатов сюда он внимательно изучил планы палуб «Владычицы морей» и теперь довольно сносно ориентировался на корабле. Быстро спустившись вниз на одну палубу, Монк пошел по коридору вдоль правого борта. На трапе он столкнулся с двумя пиратами, но молча протиснулся мимо них, делая вид, будто торопится по делу.

Один из пиратов что-то крикнул ему, недовольный грубым обхождением. Монк не говорил по-малайски, но он понял, что это было ругательство. Он поднял руку, показывая, что признает свою неправоту, и, не останавливаясь, поспешил дальше.

Оказавшись в коридоре, Монк быстро прошел его до конца.

На этой палубе им с Лизой были отведены смежные каюты. Именно отсюда он решил начать поиски пропавшей напарницы. По дороге Монку пришлось перешагнуть через два трупа. Оба моряка были убиты выстрелом в спину и брошены на месте. Монк понял, что ему необходимо как можно скорее разыскать Лизу.

Идя по коридору, он считал двери. Из-за одной доносились громкие крики, но Монк не останавливался до тех пор, пока не добрался до смежных кают, отведенных им с Лизой.

Он дернул дверь своей каюты. Заперта. А электронный ключ остался в сумке на причаленном к берегу «Зодиаке». Монк подошел к соседней двери, в каюту Лизы. Ручка тоже не повернулась, но из-за двери донесся какой-то шорох.

Это должна быть Лиза. Слава богу...

Монк осторожно постучал пластмассовыми костяшками протеза в дверь и прижался к ней губами:

— Лиза... это я.

Дверной глазок потемнел изнутри, словно кто-то заглянул в него. Отступив назад, Монк опустил шарф, открывая лицо. Через мгновение за дверью звякнула цепочка и щелкнул отодвинутый засов.

Снова подняв шарф на лицо, Монк осмотрелся по сторонам. Коридор был пуст.

— Поторопись же,— прошептал он.

Дверь распахнулась внутрь.

Развернувшись, чтобы наблюдать за коридором, Монк, пятясь, шагнул в каюту.

— Лиза, нам нужно...

Тотчас же осознав свою ошибку, он вскинул винтовку.

Это была не Лиза.

На фоне яркого солнечного света, проникающего в каюту, Монк увидел силуэт съежившегося молодого парня, наполовину скрытого дверью.

— Не стреляйте... пожалуйста, не стреляйте...

Держа парня под прицелом, Монк окинул взглядом каюту. Кто-то перевернул здесь все вверх дном: выдвинутые из шкафов ящики валялись на полу, их содержимое было разбросано вокруг. Однако внимание Монка тотчас же привлек второй обитатель каюты: труп, лежащий ничком на койке. Судя по лужице крови, промочившей матрас насквозь, у него было перерезано горло.

Удивленно подняв брови, Монк снова повернулся к парню.

— Ты кто такой?

Парень обвел рукой каюту.

— Я пришел сюда за доктором Каммингс. Я не знал, где ее искать.

Наконец Монк узнал в нем студента, приставленного в помощь Лизе. Вот только имя его он никак не мог вспомнить...

— Джесспаль, сэр... Джесси,— подсказал парень, правильно истолковав его затруднение.

Опустив винтовку, Монк кивнул и прошел в каюту.

— Где Лиза?

— Не знаю. Я находился в приемном пункте, где распределяли больных,— объяснил Джесси. Его трясло, он был на грани шока.— Затем взрывы... четверо членов экипажа начали стрелять прямо в приемном пункте. Я убежал. А доктора Каммингс увел с собой доктор Барнхардт, токсиколог. Он хо-

тел ей что-то показать. Я помолился Вишну, чтобы ей удалось бежать в свою каюту.

Мельком взглянув на изгаженную кровать, парень поспешно отвернулся.

— Доктор Каммингс оставила в приемном пункте свою сумочку. Я ее схватил. Нашел ключ от каюты. Однако внутри меня уже ждал вот он. Обнаружив, что вместо нее пришел я, он очень рассердился. Приказал мне встать на пол на колени. У него была рация.

Джесси показал на портативную рацию, лежащую на полу.

— А что у него с горлом? — спросил Монк.

— Я же не мог допустить, чтобы он связался со своими главарями. А у доктора Каммингс в сумочке был не только ключ.— Джесси достал из-за пояса скальпель.— Я... мне... пришлось...

Монк потрепал его по плечу.

— Ты поступил совершенно верно, Джесси.

Парень обессиленно опустился на вторую кровать.

— Я слышал, как пираты обратились по корабельному радио. Вызвали некоторых ученых. В том числе доктора Каммингс.

— Куда они их вызвали?

— На мостик.

— Пираты повторяли приказ?

Какое-то мгновение Джесс рассеянно смотрел прямо перед собой, затем медленно покачал головой. «Значит, Лиза подчинилась...»

Теперь у Монка появилась цель.

Он подошел к двери, соединяющей два смежных номера. Она была нараспашку. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы убедиться, что второй номер не в лучшем состоянии. Кто-то забрал все вещи Монка, в том числе телефон спутниковой связи. И все же Монк потратил какое-то время, убеждаясь в этом наверняка. Увы.

Монк осмотрел также убитого, и здесь его ждал сюрприз. Смуглая кожа ограничивалась лицом и руками. Все осталь-

ное тело пирата было белым как снег, кое-где усыпанным веснушками. Это был не житель здешних островов, а замаскированный наемник.

Что здесь происходит?

Вернувшись в свою каюту, Монк взял кроссовки. Надевая их на босые ноги, он сказал Джесси:

— Здесь нам оставаться нельзя. Рано или поздно кто-нибудь обязательно придет проведать эту спящую красавицу. Мы подыщем тебе какое-нибудь другое укрытие.

— А вы?

— А я отправлюсь выручать Лизу.

— В таком случае я пойду с вами.

Джесси неуверенно встал и принялся стаскивать через голову футболку, видимо тоже намереваясь переодеться пиратом. Под футболкой у него оказались кожа да кости, но Монк предположил, что там есть и упругие мышцы. В конце концов, Джесси расправился с боевиком, вдвое превосходящим его габаритами. И все же...

— Я лучше пойду один,— решительно заявил Монк.

Джесси наконец снял футболку, что-то бормоча себе под нос.

— Что?

Парень в отчаянии повернулся к нему:

— Я занимался джиу-джитсу и карате. И там, и там имею по пятому дану черного пояса.

— Да будь ты хоть индийским аналогом Джеки Чана, со мной ты все равно не пойдешь.

Услышав стук в дверь, оба вздрогнули от неожиданности. Из коридора кто-то крикнул по-малайски, судя по всему задав вопрос. Монк ничего не понял. Он поднял винтовку. Придется разговаривать другим языком.

Джесси проскользнул мимо, отведя в сторону ствол винтовки. Он что-то раздраженно крикнул, тоже по-малайски. Последовал краткий обмен фразами, после чего тот, кто находился за дверью, ушел, по-видимому удовлетворенный.

Повернувшись к Монку, Джесси вопросительно изогнул бровь.

— Ну хорошо, быть может, от тебя будет польза,— согласился Монк.

16 часов 20 минут

Лиза стояла рядом с остальными учеными и Райдером Блантом. Пленников под дулами винтовок отвели на полубак. Там на взлетно-посадочной площадке стоял большой вертолет, уже привязанный к стойкам. Его люки были открыты, и вокруг него суетились люди, выгружавшие тяжелые ящики.

Лиза обратила внимание на эмблемы и логотипы корпораций, нанесенные на ящики: «Синбиотик», «Генотип», «Сайнтифик». На одном ящике был изображен американский флаг и написаны буквы: «НИМИИЗ». Научно-исследовательский медицинский институт инфекционных заболеваний армии Соединенных Штатов.

В ящиках было медицинское оборудование. Один за другим они исчезали в жерле грузового лифта.

Лиза перехватила взгляд Хенрика Барнхардта. Токсиколог также заметил маркировку на ящиках. Он рассеянно почесал бородатый подбородок. По краям рта легли глубокие хмурые складки. Миллер и Линдхольм, стоявшие чуть в стороне, равнодушно наблюдали за происходящим, а Райдер Блант был поглощен тем, что пытался раскурить сигару на продуваемой всеми ветрами открытой верхней палубе.

Остановившись под несущими винтами вертолета, доктор Девеш Патанджали лично наблюдал за окончанием разгрузки. Он так и не объяснил, что хотел сказать своей загадочной фразой о спасении мира. Вместо этого он просто приказал всем подняться наверх.

Маори с татуировкой на лице, предводитель боевиков, стоял в стороне. В руках у него не было никакого оружия, но одна ладонь лежала на огромном револьвере в кобуре на поясе. Прищурившись, он наблюдал за происходящим на полубаке, словно снайпер, оглядывающий свой сектор огня. Лиза по-

чувствовала, что от главаря пиратов не ускользает ничто, в том числе и молодая женщина, спутница доктора Девеша Патанджали.

Эта женщина оставалась полной загадкой. Она до сих пор не произнесла ни слова, и на лице у нее застыла бесстрастная маска. Женщина стояла на палубе, сдвинув вместе каблучки изящных черных сапожек, скрестив руки на груди в позе смиренного ожидания. Но хотя лицо ее оставалось непроницаемым, линии и изгибы тела полностью завладели вниманием боевика-маори.

Лиза случайно услышала, как доктор Патанджали обратился к женщине, когда они выходили из президентской каюты. Сурина. Проходя мимо нее, Патанджали целомудренно поцеловал ее в щеку. Этот поцелуй был принят без какого-либо внешнего проявления эмоций. Судя по всему, Сурина была индуской-полукровкой. На ней было длинное шелковое сари мягких оранжевых и розовых тонов, поверх которого лежала длинная иссиня-черная коса. Распущенные, ее волосы мели бы пол под ногами. Обозначая свое происхождение, Сурина нанесла себе на лоб красную точку, традиционную бинди. Однако ее кожа, больше похожая на полированный тик, была гораздо светлее, чем у Девеша Патанджали, и это позволяло предположить, что в жилах у нее течет и европейская кровь.

Лиза никак не могла определить, кем Сурина приходится Девешу: сестрой, женой или лишь помощницей. Однако в ее молчании было что-то зловещее, и это впечатление еще больше усугублялось ледяным холодом ее глаз. Кроме того, левая рука Сурины была затянута в черную перчатку, такую тонкую, что невозможно было определить, кожа это или резина. Перчатка так туго обтягивала руку, что казалось, будто руку обмакнули в черную тушь.

Лиза обернулась и всмотрелась в морскую гладь, ища удаляющийся силуэт острова Рождества. За то небольшое время, что лайнер находился в движении, остров сжался до тонкой туманной полоски у самого горизонта, над которой в небо поднималось пятно грязного дыма. Но есть ли кто-нибудь в этих пустынных водах, кто воспримет дым как сигнал? Опре-

деленно, если ни она, ни Монк в назначенное время не выйдут на связь, Пейнтер тотчас же забеспокоится. И пока что все надежды Лизы были связаны исключительно с его подозрительностью, граничащей с манией преследования.

К счастью, для такой уверенности у нее были все основания.

Налетел резкий порыв ветра. Чайки парили высоко в небе, ловя попутный бриз. Лиза с тоской проводила их взглядом. Эх, если бы у нее были крылья...

Громкий крик снова привлек ее внимание к вертолету.

Двое санитаров с масками на лицах вынесли из заднего люка вертолета носилки. Щелкнули опущенные колеса. Девеш поспешил к санитарам, проверяя состояние больного, привязанного к носилкам. У больного на груди лежало в беспорядке измерительное оборудование. Сам он был помещен в герметическую капсулу, куда подавался чистый кислород. Присмотревшись к судорожно поднимающейся и опускающейся груди, Лиза пришла к выводу, что это женщина. Ее лицо было полностью скрыто под дыхательной маской и спутанным осьминогом катетеров и проводов.

Наконец Девеш махнул тростью, и санитары покатили носилки к лифту, вслед за медицинским оборудованием.

Лишь теперь Девеш вернулся к своим пленникам.

— Все оборудование будет развернуто в течение ближайшего часа. К счастью, доктор Каммингс и ее напарник любезно захватили с собой такую аппаратуру, которая выходит за рамки даже моих возможностей. Ну кто бы мог подумать, что научно-исследовательское отделение Министерства обороны доведет до совершенства портативный растровый электронный микроскоп? А также оборудование для электрофореза и определения белковых цепочек? Какая предусмотрительная прозорливость! Вся эта аппаратура придется нам очень кстати.

Постучав тростью по палубе, он тронулся с места.

— Идемте. Позвольте вам продемонстрировать истинное лицо того врага, с которым нам придется иметь дело.

Лиза последовала за остальными учеными. Сейчас она повиновалась и без приставленного к спине дула винтовки. Здесь

одна тайна громоздилась на другой, и ей были нужны ответы, какая-нибудь путеводная нить, объясняющая захват корабля и слова Девеша.

«Дорогая, нам всем вместе предстоит спасти наш мир».

Они спустились на три палубы вниз. По пути Лиза обратила внимание на бригады людей в противохимических защитных костюмах, которые медленно двигались по коридорам, окруженные едкими облаками распыляемых дезинфицирующих средств.

Девеш решительным шагом двигался в носовой отсек корабля. Коридор закончился просторным круглым холлом, в который выходили двери кают люкс. Одну из них забрал под свою лабораторию Монк. Судя по всему, теперь все остальные забрал Девеш.

Нырнув за пластиковый занавес, он жестом пригласил остальных следовать за ним.

— Ну вот мы и пришли.

Два десятка рабочих вскрывали ящики, вытряхивали упаковочное сено и пенопласт и освобождали завернутое в полиэтилен медицинское и лабораторное оборудование. Один рабочий достал целую коробку чашек Петри для выращивания бактерий. Дверь в каюту Монка была распахнута настежь. Лиза увидела внутри человека с блокнотом, составлявшего опись оборудования «Сигмы».

Девеш провел ученых к соседней каюте. Достав электронный ключ, он отпер замок и толкнул дверь.

Обернувшись к татуированному предводителю наемников, Девеш сказал:

— Ракао, будь любезен, проводи доктора Миллера в бактериологическую лабораторию.— Он повернулся к ученому: — Доктор Миллер, мы взяли на себя смелость оснастить вашу бактериологическую лабораторию дополнительным оборудованием. Новые инкубационные печи, среда для выращивания анаэробных культур, чашки для гемокультур. Мне бы хотелось, чтобы вы работали в тесном контакте с доктором Элоизой Шенье, специалистом по вирусологии из моей команды.

Вам предстоит завершить развертывание комплекса анализа инфекционных заболеваний.

Боевик-маори махнул одному из своих людей, чтобы тот проводил Миллера дальше по коридору. Бактериолог бросил взгляд на остальных ученых, очевидно не желая с ними расставаться, однако приставленная к спине винтовка пресекла какие-либо возражения с его стороны.

После того как Миллер ушел, Девеш снова кивнул главарю пиратов:

— И еще, Ракао, ты не мог бы лично проводить сэра Райдера и доктора Линдхольма в радиорубку? Мы вас скоро догоним.

— Слушаюсь, сэр.

Татуированному воину не понравился этот приказ, что явственно прозвучало в его кратком ответе. Он подозрительно посмотрел на Лизу и Хенрика.

— Не беспокойся, все будет хорошо.— Распахнув дверь каюты, Девеш кивнул, приглашая войти молодую индуску.— Не сомневаюсь, доктору Каммингс и доктору Барнхардту будет очень интересно услышать то, что я им собираюсь сказать. И со мной будет Сурина.

Лизу и Хенрика провели в каюту.

Шагнув следом за ними, Девеш начал закрывать дверь — но остановился и снова повернулся к воину-маори.

— Ах да, Ракао, будь любезен, собери детей. Тех, которых я отобрал. Я тебе буду очень признателен.

Девеш закрыл дверь, но Лиза успела заметить, как у маори потемнело лицо. Татуировка проступила на нем еще отчетливее, загадочной, непонятной картой.

Как только щелкнул дверной замок, Девеш прошел к письменному столу. На самом деле столов было два; второй был отвинчен от пола и перенесен из другой каюты. На сдвинутых столах стояли три жидкокристаллических монитора, подключенных к двум мощным компьютерам «Хьюлетт-Паккард». Только это и появилось в каюте дополнительно. Остальная обстановка состояла из удобной тиковой мебели и дивана, развернутого к дверям на балкон.

Подойдя к дивану, Сурина опустилась, согнув лишь колени, и присела на подлокотник. И хотя это движение должно было олицетворять скромную пристойность, Лиза ощутила в нем силу и угрозу: сосредоточенный взгляд, спокойное самообладание гейши, но главное заключалось в двух кинжалах в ножнах на обеих лодыжках, которые открылись, когда Сурина садилась.

Лиза отвела взгляд в сторону. За столом находилась открытая дверь в спальню. У кровати стояли два больших чемодана. Судя по всему, в этой каюте разместился сам Девеш Патанджали. Но зачем он пригласил сюда ученых?

Нажав несколько клавиш, Девеш оживил находившиеся в ждущем режиме компьютеры. Лиза очнулась от размышлений. Все три монитора озарились ярким светом в полумраке каюты.

— Доктор Барнхардт... или, надеюсь, вы позволите звать вас Хенриком?..

Девеш оглянулся, и токсиколог молча пожал плечами. Девеш продолжил:

— Хенрик, должен поздравить вас с тем, как быстро вы оценили истинную угрозу, спрятанную под покрывалом токсического заражения. Нашим ученым потребовалось несколько недель, чтобы понять то, что заняло у вас всего двадцать четыре часа.

У Лизы по спине пробежали холодные мурашки. Несколько недель? Значит, похитители осознавали в полной мере угрозу, нависшую над островом, задолго до того, как разразилась полномасштабная катастрофа. Однако какое отношение имеет все это к «Гильдии»?

— Разумеется, нам совсем не пришлась по душе поднятая вами тревога, докатившаяся до самого Вашингтона. Мы были вынуждены ускорить ход событий... и пойти кое на какие импровизации. Например, задействовать ваши способности и объединить их с моими. Но это так, кстати. Если мы хотим, чтобы появилась хоть какая-то надежда, нам нужно действовать быстро.

— Надежда на что? — наконец спросила Лиза.

— Дорогая, я вам сейчас все покажу.

Девеш постучал по спинке стула, приглашая ее садиться. Лиза осталась стоять, но Девеш, казалось, нисколько не обиделся, оживленно стуча по клавишам. На центральном мониторе появилось видеоизображение тесно переплетенных цепочек палочковидных бактерий.

— Что вам известно о сибирской язве? — оглянувшись, спросил Девеш.

У Лизы внутри все похолодело.

Ответил Хенрик:

— Bacillus anthracis. Поражает преимущественно жвачных животных. Коров, коз, овец. Однако споры также могут заражать людей. Заболевание нередко оканчивается летальным исходом.

Это было простое изложение фактов, лишенное каких-либо эмоций. Но все же от Лизы не укрылось, как напряглись у Барнхардта плечи.

Девеш кивнул:

— Различные виды бактерий встречаются в почве повсеместно. По большей части они совершенно безвредные. Вот, например, один такой безобидный организм. Bacillus cereus.

Изображение на экране сменилось на снимок одной бактерии, сделанный с помощью микроскопа. Палочковидная, с тонкой мембранной стенкой, в центре ярким пятном выделяется жгут ДНК.

— Подобно другим видам бацилл, этот микроорганизм можно встретить в садах всего земного шара. Беззаботно питающийся другими микроорганизмами, находящимися в почве. Он не причиняет никакого вреда любым существам размерами больше амебы. Но вот его родной брат, Bacillus anthracis...

Щелкнув клавишей мыши, Девеш вывел на экран второе изображение рядом с первым. Вторая бактерия внешне выглядела абсолютно такой же.

— А вот микроорганизм, который вызывает сибирскую язву,— продолжал Девеш,— одна из самых смертоносных бактерий на земле. И у нее тот же самый генетический код,

что и у ее безобидного собрата, обитающего в почве.— Девеш постучал пальцем по скрученным цепочкам ДНК обеих клеток.— Ген в ген, практически полностью идентичны. Так почему же одна бактерия убивает, а другая остается безобидной?

Обернувшись, он посмотрел на Лизу и Хенрика. Лиза покачала головой. Хенрик молчал.

Девеш кивнул, словно полностью удовлетворенный их реакцией. Повернувшись к монитору, он нажал клавишу, и изображение бациллы сибирской язвы увеличилось так, что весь экран заняла цепочка ДНК. В цитоплазме внутренней клетки, отдельно от основного жгута ДНК, плавали два идеально ровных кольца генетического материала, похожие на глядящую с экрана пару глаз.

— Плазмиды,— сказал Хенрик.

Лиза наморщила лоб, вспоминая, чему ее учили в университете. Насколько она помнила, плазмидами называются кольцеобразные цепочки ДНК, обособленные от основной ДНК-хромосомы. Этими свободными кусками генетического кода обладают исключительно одни бактерии. Их роль до сих пор была слабо изучена.

Девеш продолжал:

— Эти две плазмиды — pX01 и pX02 — и есть то самое, что превращает безобидные бактерии в безжалостных убийц. Если убрать эти два кольца, бацилла сибирской язвы превратится обратно в безвредный микроорганизм, обитающий в почве. Если же, наоборот, добавить те же самые плазмиды любой мирной бацилле, она станет смертельным врагом человека.

Помолчав, он наконец обернулся к двум ученым.

— И вот я спрашиваю вас, откуда пришли эти чуждые и смертельно опасные кольца?

Лиза поймала себя на том, что помимо воли заинтригована словами Девеша.

— А плазмиды не могут напрямую переходить от одной бактерии к другой?

— Конечно могут. Но я имел в виду другое. Каким образом эти бактерии впервые приобрели чуждый генетический материал? Каков первичный источник этих плазмид?

Хенрик шагнул вперед, вглядываясь в экран.

— Эволюционное происхождение плазмид остается загадкой, однако господствующая теория утверждает, что они приходят от вирусов. Или, точнее, от так называемых бактериофагов, категории вирусов, поражающих только бактерии.

— Совершенно верно! — Девеш снова повернулся к экрану.— Выдвинута гипотеза, что в далеком прошлом какой-то бактериофаг заразил безобидную бациллу парой смертоносных плазмид, породив в биосфере новое чудовище, превратив милого садового жучка в убийцу.

Он быстро застучал по клавишам, очищая экран.

— И бацилла сибирской язвы — не единственная бактерия, которая была поражена подобным образом. Бактерия, вызывающая бубонную чуму, Yersinia pestis... ее инфекционные свойства также обусловлены плазмидой.

Лиза ощутила в груди леденящий холодок. Разговоры о превращениях бактерий напомнили ей о больных, находящихся на борту корабля. Девочка, страдающая припадками, за которыми стоят уксусные бактерии; женщина с холерной дизентерией, вызванной молочнокислыми бактериями; неизвестный больной, ноги которого пожирают кожные бактерии...

— Вы хотите сказать, что сейчас здесь снова происходит то же самое? — пробормотала Лиза.— То же самое злокачественное преобразование бактерий?

Девеш кивнул.

— Правильно. Из океанских глубин снова что-то поднялось, что-то такое, что способно превращать любые бактерии в смертельных убийц.

Лиза вспомнила слова Хенрика о распространении бактерий в окружающей среде, о том, что девяносто процентов клеток человеческого организма принадлежат бактериям. Чужеродные клетки. И стоит нахлынуть этой волне...

Девеш продолжал:

— Изучая генетику бациллы сибирской язвы и других токсичных бактерий, микробиологи предсказали существование древнего штамма вируса. Именно этот штамм породил далеких предков сибирской язвы и других инфекционных заболе-

ваний. Ученые даже придумали название для этого древнего штамма, превращающего друга во врага: иудин штамм.

Должно быть, Хенрик прочел что-то у Девеша на лице — увидел блеск в глазах, возбуждение. Он расправил плечи.

— Мне почему-то кажется, что вам удалось выделить главного виновника случившегося, не так ли? Этот самый иудин штамм. Иначе вас бы здесь не было.

— Мы так полагаем.

Девеш нажал две клавиши. Изображение бактерии на экране исчезло, сменившись вращающейся фигурой, образом, полученным с помощью электронного микроскопа, раскрашенным различными оттенками серебристого цвета. От этого микроорганизм казался скорее чем-то механическим, а не биологическим. Внешне он напоминал лунный модуль. Главная оболочка представляла собой правильный многогранник, икосаэдр, состоящий из двадцати плоских треугольников. От каждой вершины отходили тонкие усики, заостренные на конце, предназначенные для того, чтобы цепляться и проникать.

Во время обучения в университете Лизе не раз приходилось видеть подобные образы.

Вирус.

— Мы обнаружили его в образце сине-зеленых водорослей, выброшенных на берег в месте заражения. Именно он превратил безобидные фосфоресцирующие морские бактерии в безжалостных убийц, разлагающих живую плоть и распространяющих вокруг себя отраву. Ветер занес пары токсинов, поднимавшиеся над водой, на сушу, и вирус начал медленно превращать бактерии острова в смертельно опасных чудовищ.

— И вот теперь мы наблюдаем то же самое среди больных,— сказал Хенрик.— Человеческое тело восстает против себя самого.

Девеш постучал пальцем по экрану.

— Беспощадный предатель всего живого. Этот организм обладает способностью распространяться в биосфере Земли, превращая все бактерии в смертоносных убийц. Это нейтронная бомба, созданная самой природой, вирусный взрыв, обла-

дающий потенциалом уничтожить все высшие формы жизни, оставив после себя лишь токсичный бульон убийственных бактерий. Если заразу не остановить, весь мир превратится в то, что мы наблюдали на наветренной стороне острова Рождества.

— Но если зараза будет распространяться и дальше...— Хенрик побледнел.— Мы не можем ее остановить.

Встав, Девеш взял свою трость.

— Возможно. Но мы ведь еще практически не приступили к изучению этого организма. Хорошее во всем этом то, что вирус, судя по всему, живет очень недолго и не поражает напрямую человеческие клетки. Он заражает только бактерии. Так что прямой угрозы для нас вирус не представляет. Он захватывает клетку бактерии, использует ее для воспроизведения собственных копий, а сам оставляет токсичные плазмиды. За пределами клетки новый вирус совершенно беззащитен. Его можно легко уничтожить с помощью простых дезинфицирующих средств, а также соблюдая элементарные правила гигиены.

Лиза вспомнила рабочих, двигавшихся по кораблю в облаках дезинфицирующих средств. Теперь она поняла, что они стерилизовали корабль.

— Но, к несчастью, вирус оставляет за собой убийцу. Смертоносную бактерию, которая делится, размножаясь и добавляя в микромир новых чудовищ, необратимо заражая биосферу формами жизни, ничего подобного которым прежде не было.

Хенрик с тревогой схватился за лоб.

— Если вирусная зараза вырвется в общую биосферу... речь будет идти о тысяче различных новых заболеваний, которые одновременно обрушатся на мир. Это будет чума, обладающая способностью менять свой облик быстрее, чем мы сможем откликаться. Ничего подобного мир еще не видел.

— Такой вариант развития событий не является неизбежным,— загадочно промолвил Девеш.

Хенрик вопросительно посмотрел на своего похитителя.

— Я и мои хозяева считаем, что это не первое появление иудина штамма. Имеются исторические свидетельства, позволяющие предположить, что один раз в данном регионе уже происходило нечто подобное. Почти тысячу лет назад.— Девеш понизил голос до задумчивого шепота.— В этих рассказах содержатся очень странные и пугающие утверждения.

— Какие исторические свидетельства вы имеете в виду? — спросила Лиза.

Девеш неопределенно махнул рукой.

— Это не имеет значения. Данным вопросом занимаются другие. Наши коллеги идут по этому историческому следу. Мы же должны сосредоточить все свое внимание на нашей цели. Нам предстоит обратить свой взор не в прошлое, а в настоящее. Мои хозяева организовали эвакуацию жителей острова, устроили так, чтобы круизный лайнер мистера Бланта был направлен сюда. В первую очередь нам было нужно изолировать зараженный остров. Теперь у нас есть редкая возможность наблюдать за распространением заболевания. Изучать его эпидемиологию, патологию, физиологические последствия. В нашем распоряжении целый корабль подопытных.

Лиза отшатнулась назад, не в силах скрыть обуявший ее ужас.

Девеш оперся на трость.

— Я вижу ваше недовольство, доктор Каммингс. Теперь вы понимаете, почему пришлось вмешаться «Гильдии». Имея дело с таким смертельно опасным организмом, приходится действовать решительно и жестко. Политически корректными мерами с подобной атакой не справиться. Разве в Таскеджи ваше собственное правительство не позволяло больным, зараженным сифилисом, умирать в страшных мучениях, в то время как ученые бесстрастно фиксировали симптомы, развитие болезни и неизбежный летальный исход? Для того чтобы выжить, мы должны быть хладнокровными и жестокими. Потому что, поверьте, это война за выживание человечества как биологического вида.

Потрясенная Лиза тщетно искала, чем возразить на эти слова.

Вмешался Хенрик, но не так, как ожидала Лиза:

— Доктор Патанджали прав.

Лиза посмотрела на токсиколога. Взгляд Хенрика оставался прикован к экрану, на который было выведено изображение иудина штамма.

— Этот убийца угрожает всему живому на планете. И он уже вырвался на свободу. Вспомните, как быстро распространился по всему земному шару птичий грипп. У нас есть только одна неделя, может быть, всего несколько дней. Если мы не найдем способ остановить заразу, вся жизнь на Земле — по крайней мере, ее высшие формы — будет уничтожена.

— Рад, что вы разделяете нашу точку зрения,— чуть склонив голову, сказал Девеш. Он повернулся к Лизе, стараясь заглянуть ей в глаза.— Надеюсь, когда я ознакомлю доктора Камминге с ее ролью в нашем начинании, она также взглянет на все по-другому.

Лиза нахмурилась, озадаченная этим туманным заявлением.

Девеш шагнул к двери.

— Но сначала мы должны присоединиться к вашим друзьям, которые уже находятся в радиорубке. Нам нужно загасить кое-какие пожары.

7 часов 2 минуты
Вашингтон

Пейнтер смотрел на три плазменных экрана, на которые выводились выпуски новостей трех информационных каналов: «Фокс ньюс», Си-эн-эн и Эн-би-си. Во всех трех рассказывалось о взрыве неподалеку от Джорджтауна.

— Значит, все в порядке,— сказал Пейнтер, подходя к столу. Он крепче прижал наушник к уху. Голос Лизы, пришедший с противоположного конца земного шара, звучал еле слышно.— Ты до смерти перепугала Дженнингса из научно-исследовательского отдела. Он уже был близок к тому, чтобы потребовать забросать остров зажигательными бомбами.

— Извини за ложную тревогу,— ответила Лиза.— На самом деле образец для анализа был испачкан. Все хорошо... по крайней мере, если так можно выразиться, имея дело с целым кораблем людей, пораженных ожогами. Согласно предварительной гипотезе, всему виной резкое разрастание так называемых огненных водорослей. Они уже на протяжении многих лет являются сущим бичом здешних морей. В благоприятной среде огненные водоросли начинают буквально извергать ядовитую слизь, отравляя побережье. И недавний шторм как раз создал такие условия. Проблема должна будет разрешиться в ближайшие день-два, после чего мы с Монком вернемся домой.

— Это первая хорошая новость, которую я услышал за весь сегодняшний день,— грустно усмехнулся Пейнтер.

Его взгляд вернулся к плазменным экранам на стенах. Было видно, что пожар в лесу за охраняемым домом наконец потушен. Пожарные поливали деревья водой из цистерн, выстроившихся вдоль просеки.

Лиза прошептала Пейнтеру на ухо:

— Я знаю, что ты занят. Следующий мой доклад будет через двенадцать часов, как и запланировано.

— Замечательно. А теперь ложись спать. Могу только представить себе, какие в ваших краях восхитительные закаты.

— Ты прав. Очень красивые. Просто мне... просто мне хотелось бы, чтобы мы любовались ими вместе.

— И мне тоже. Но ждать недолго, скоро ты вернешься. А сейчас мне самому нужно тушить пожар.

Вертолет сместился в сторону, телеоператор теперь снимал крупным планом обугленный остов охраняемого дома. Уже поступили первые донесения следователей, изучающих причину возникновения пожара. Кроме того, следы колес, которые начинались во дворе дома, привели к брошенному «тандерберду», тому самому кабриолету, на котором пару часов назад сюда приехал Грей. Судя по всему, он решил бежать не в город, а в лес. Но куда беглецы отправились дальше? По-

ка что не удалось найти никаких следов Грея, его родителей и раненой террористки из «Гильдии».

«Где они спрятались?»

— Меня здесь тоже ждет работа,— сказала Лиза.

— Тебе ничего не нужно?

— Нет...

Пейнтер уловил в ее голосе колебание.

— Лиза! В чем дело?

— Да так, ничего.— Она помолчала.— Наверное, я просто устала. Ты же знаешь, как я себя чувствую в такие дни.

В кабинет въехал на кресле-каталке Брэнт с целой охапкой свежих факсов. Пейнтер обратил внимание на заголовок верхнего листа. Управление полиции Вашингтона. Очередной доклад о ходе проверки местных больниц. Продолжая разговаривать с Лизой, Пейнтер взял у помощника факсы.

— В таком случае обязательно отдохни,— сказал он, читая первое сообщение.— Ты должна беречь себя и пользоваться солнцезащитным кремом. Я не хочу выглядеть бледным призраком рядом с твоим тропическим загаром.

— Договорились.

Голос Лизы превратился в едва различимый шепот. Спутниковая связь с лайнером оставляла желать лучшего. И все же Пейнтер уловил в ее голосе разочарование. Что ж, он тоже успел соскучиться по ней.

— Скоро увидимся,— сказал Пейнтер, заканчивая разговор.— Поговорим с тобой через полдня. А теперь ложись спать.

Не сказав больше ни слова, Лиза окончила связь. Сняв наушник, Пейнтер сел за стол и принялся разбирать бумаги. Сначала это, затем дать отбой Дженнингсу.

По крайней мере, с одной катастрофой удалось разобраться.

18 часов 13 минут
В открытом море

Лиза опустила телефонную трубку. Сердце гулко колотилось у нее в груди. Связь была оборвана по сигналу Девеша Патанджали. Он стоял в дверях оснащенной самым совре-

менным оборудованием радиорубки, опираясь обеими руками на трость.

Девеш покачал головой, выражая свое разочарование.

У Лизы в груди все неприятно перевернулось. Неужели от него не укрылась ее уловка? Молодая женщина медленно встала. Один из боевиков схватил ее за руку.

— Доктор Каммингс, вам требовалось лишь строго придерживаться заранее подготовленного текста.— В голосе Девеша звучало осуждение.— Просьба была простая, и вам доходчиво объяснили, какими будут последствия в случае неповиновения.

От ужаса у Лизы заледенела кровь.

— Я... я говорила только то, что вы приказали. Не сказала ни одного лишнего слова. Пейнтер считает, что у нас все в порядке. Как вы и хотели.

— Да. Можете считать, вам повезло. Но не тешьте себя надеждой, что ваша неуклюжая попытка предупредить директора Кроу ускользнула от меня.

«О господи...» Лиза действительно решила рискнуть. Этот человек не должен был ни о чем догадаться.

— Я вас не понимаю...

— «Ты же знаешь, как я себя чувствую в такие дни»,— дословно процитировал Девеш, не давая ей договорить. Развернувшись, он направился в коридор.— На самом деле, доктор Каммингс, месячные завершились у вас десять дней назад.

Лиза застыла от изумления.

— У нас есть полное досье на вас, доктор Каммингс,— продолжал Девеш.— И я с ним ознакомился. А память у меня фотографическая. Убедительно прошу вас впредь четко оценивать мои возможности.

Боевик потащил Лизу из рубки. Та, спотыкаясь, побрела к выходу. Она совершила глупость, попытавшись скрытно предупредить Пейнтера, и неважно, что намек был очень тонким. «Что я наделала?»

В коридоре стояли остальные пленники, выстроившиеся вдоль стены: доктор Линдхольм, Райдер Блант, капитан авст-

ралийской береговой охраны в окровавленном мундире. Всех их заставили связаться каждого со своим руководством, доложить, что на этом оторванном от мира острове все хорошо и под контролем. Тем самым похитители хотели выиграть время, отвести корабль подальше от острова, прежде чем у кого-нибудь появятся подозрения.

Но в коридоре находились не только заложники. В углу испуганно жались друг к другу четверо малышей. Мальчиков и девочек. В возрасте от шести до десяти лет. По одному на каждого, кого по очереди заводили в радиорубку. Жизнь детей зависела от того, согласятся ли пленники сотрудничать с похитителями. Лизе дали восьмилетнюю девочку, с большими миндалевидными глазами. Объятая ужасом, она сидела на полу, поджав колени к груди. Рядом сидел ее брат, на пару лет старше, обнимая сестру за плечо.

Предводитель маори шагнул к девочке, поднимая пистолет.

Подойдя к нему, Девеш обернулся к пленникам, подбоченившись.

— Вас всех предупредили, что, если вы отклонитесь от подготовленного текста, попытаетесь передать какое-то скрытое послание, это будет иметь самые серьезные последствия. Но поскольку для доктора Каммингс это первая ошибка, я отнесусь к ней снисходительно.

— Пожалуйста! — взмолилась Лиза.

Она не вынесет, если ее руки будут обагрены детской кровью. В радиорубке она поступила, повинуясь порыву. Это было глупо.

Девеш остановил на ней свой взгляд.

— Доктор Каммингс, я разрешаю вам выбрать вместо этой девочки любого другого ребенка, которому придется своей жизнью заплатить за ваше легкомыслие.

У Лизы перехватило дыхание.

— Я вовсе не жестокий, а просто практичный. Этот урок должны усвоить все.— Девеш кивнул Лизе.— Выбирайте ребенка.

Лиза покачала головой:

— Не могу...

— Выбирайте, или я прикажу расстрелять всех. Пусть это послужит уроком всем. Нам предстоит очень ответственное дело, и я не потерплю неповиновения, даже в мелочах.

По сигналу татуированного предводителя боевик подтолкнул Лизу вперед.

— Выбирайте ребенка, доктор Каммингс.

Лиза всхлипнула, вглядываясь в четыре детских лица. Дети не понимали по-английски, но, должно быть, им передалось ее мучение, напугавшее их. Потекли новые слезы. Дети сбились в кучку.

Перехватив взгляд Девеша, Лиза взмолилась:

— Смилостивьтесь, доктор Патанджали! Это была моя ошибка. Накажите меня.

— По-моему, именно этим я и занимаюсь.— Девеш невозмутимо выдержал ее взгляд.— А теперь выбирайте.

Лиза снова посмотрела на детские лица. Она не могла указать ни на девочку, ни на ее брата. У нее не было выбора. Подняв руку, Лиза ткнула дрожащим пальцем в другого мальчика, десятилетнего, самого старшего из всех четверых детей.

«Да простит меня Господь Бог...»

— Отлично. Ракао, ты знаешь, что делать.

Предводитель маори шагнул к мальчику. Испуганное детское лицо озарилось надеждой.

У Лизы вырвался стон. Она шагнула вперед, стремясь отказаться от своего решения. Боевик крепче стиснул ее руку. У нее задрожали ноги, и она рухнула на колени, сраженная отчаянием и ужасом.

Предводитель поднял пистолет и направил его мальчику в голову.

— Нет!..— выдохнула Лиза.

Ракао нажал на спусковой крючок — но из дула не вырвалась вспышка пламени. Курок ударил по пустому патроннику, и этот звук резким эхом раскатился по замкнутому пространству.

Предводитель маори опустил пистолет.

Наступившую тишину разорвал булькающий крик, донесшийся из противоположного конца коридора. Стремительно обернувшись, Лиза успела увидеть, как доктор Линдхольм повалился на колени, принимая такую же позу, как и она сама. Встретившись с ним взглядом, молодая женщина увидела у него в глазах изумление и боль. Линдхольм вскинул руки, хватаясь за горло. Сквозь пальцы брызнула кровь.

Стоявшая у него за плечом Сурина, соратница Девеша, отступила назад. Она склонила голову, словно официантка, которая принесла чай, а теперь уходит. В руках у нее ничего не было, но Лиза не сомневалась, что именно Сурина перерезала доктору Линдхольму горло, после чего ее кинжал исчез так же молниеносно, как и появился.

Обмякнув, Линдхольм упал грудью на застеленный ковром пол. Кровь пропитала густой ворс и образовала разрастающуюся лужицу. Рука умирающего дернулась, затем застыла.

— Сволочь! — прорычал Райдер, отворачиваясь.

Девеш снова подошел к Лизе.

— По-почему? — запинаясь, выдавила та.

— Как я уже говорил, доктор Каммингс, ничто не ускользает от нашего внимания. В том числе и профессиональное мастерство доктора Линдхольма. Точнее, отсутствие такового во всем, что имеет отношение к научно-исследовательской работе. Он выполнил свое дело, успокоив своим звонком руководство ВОЗ и тем самым дав нам передышку, после чего превратился для нас в ненужную обузу. По крайней мере, своей смертью бедняга напоследок сделал еще одно полезное дело. Наглядно продемонстрировал цену неповиновения.— Девеш пригвоздил Лизу взглядом.— Доктор Каммингс, я могу надеяться, что вы осознали, как высока эта цена?

Лиза медленно кивнула, не в силах оторвать взор от растекающейся лужицы крови.

— Вот и отлично.— Девеш повернулся к остальным: — Эта смерть послужит уроком всем вам. Вы должны проникнуться тем, насколько серьезная работа нам предстоит. Жизнь каждого из вас будет определяться той пользой, ко-

торую вы будете приносить. Все очень просто. Вы будете работать хорошо или умрете. И я прошу донести этот урок до ваших коллег, прежде чем возникнет необходимость в новой демонстрации.— Он хлопнул руками.— Ну а теперь, когда эта небольшая неприятность осталась позади, можно приниматься за работу.— Девеш кивнул предводителю маори: — Ракао, будь добр, проводи каждого на свое место. А я лично отведу доктора Каммингс к ее больному.

Убрав пистолет в кобуру, Ракао распределил своих людей. Девеш повел Лизу по коридору в противоположную сторону. Они прошли мимо детей, все еще оглушенных ужасом.

Сурина, последовав за Лизой и Девешем, задержалась перед братом и сестрой. Склонившись к девочке, которая попрежнему пугливо пряталась за брата, она протянула пустую ладонь, после чего щелкнула пальцами, и словно из ниоткуда на ладони появилась маленькая карамелька в обертке. Сурина предложила ее объятой ужасом девочке, но та лишь крепче прижалась к старшему брату. Мальчик, более практичный, с опаской протянул руку и схватил карамель, словно вырывая приманку из мышеловки.

Мягко шурша вышитым шелком, Сурина выпрямилась, скользнув кончиками пальцев по щеке девочки. Ее пальцы стали влажными от детских слез. Лиза не могла поверить, что эта же самая рука какое-то мгновение назад перерезала горло доктору Линдхольму. Лицо Сурины оставалось совершенно спокойным.

Отвернувшись, Лиза поспешила догонять Девеша.

Тот проводил ее к самой последней каюте на палубе и, достав ключ, открыл дверь. Еще одна каюта люкс. В гостиной было установлено огромное количество разнообразного медицинского оборудования. Не обращая на него внимания, Девеш прошел в спальню.

Лиза не отставала от него.

Девеш отступил в сторону, и Лиза увидела на кровати знакомое лицо: женщина, укрытая предохранительным шатром, опутанная проводами и датчиками, подключенными к прибо-

рам. У больной были такие же светлые волосы, как у Лизы, но только коротко остриженные. Обернувшись, Лиза заметила в гостиной каталку, на которой больную привезли сюда. Это была женщина из вертолета. Ее лицо по-прежнему наполовину скрывала кислородная маска.

Вокруг нее суетились двое санитаров, тех самых, которые перевезли ее сюда из вертолета. Они подсоединяли последние провода и трубки к стойке с оборудованием. Лиза окинула взглядом медицинские приборы: кардиограф, устройство для снятия электроэнцефалограмм, допплеровский монитор наблюдения за артериальным давлением. К руке больной уже была подсоединена трубка, подключенная к капельнице. Один из санитаров расправлял мочевой катетер.

Девеш указал на неподвижную фигуру на кровати.

— Позвольте представить вам доктора Сьюзен Тьюнис, морского биолога из Квинслендского университета. Она стала одной из первых, кто столкнулся с токсичной формой сине-зеленых водорослей. Кажется, вы уже видели второго члена той группы. Я имею в виду безымянного больного, который содержится в изоляторе.

Лиза стояла у двери, не понимая, зачем ее сюда привели, все еще не пришедшая в себя после хладнокровной расправы с доктором Линдхольмом. Даже если перед ней действительно одна из первых жертв, какое она имеет к этому отношение? Она не бактериолог, не специалист по вирусологии.

— Я ничего не понимаю,— наконец выразила свое недоумение вслух Лиза.— На борту корабля есть и более квалифицированные врачи.

Девеш небрежно махнул рукой.

— У нас есть специалисты, которые позаботятся о здоровье доктора Тьюнис.

Лиза нахмурилась.

— В таком случае зачем...

— Доктор Каммингс, вы считаетесь хорошим физиологом. Имеете значительный опыт практической работы. Но, что гораздо важнее, в прошлом вы уже оказывали ценную помощь

«Сигме». И вот сейчас ваши опыт и новаторский подход нужны нам. Вы станете моим персональным помощником. Будете ухаживать за этой больной.

— Но почему именно за ней? Чем она выделяется среди всех прочих заболевших?

— Потому что именно в ней скрыт ключ ко всему.— Девеш пристально посмотрел на больную, и его взгляд впервые наполнился беспокойством.— Она хранит в себе загадку, которая уходит в глубокое прошлое, к Марко Поло и его путешествию через эти самые моря... и к самой главной загадке.

— К Марко Поло? Тому самому путешественнику?

Девеш махнул рукой.

— Как я уже говорил, этим направлением занимается другое подразделение «Гильдии».— Он кивнул на больную.— А все наши усилия здесь, все исследования, которые будут проводиться на борту корабля, все жертвы, которые нам предстоит принести, сконцентрированы вокруг вот этой женщины.

— Я по-прежнему ничего не понимаю. Что в ней такого особенного?

Девеш понизил голос:

— Эта женщина... она меняется. Подобно бактериям. У нее внутри растет иудин штамм.

— Но по-моему, вы говорили, что вирус не воздействует на клетки человеческого организма.

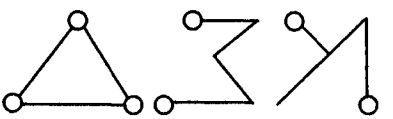
— Не воздействует. Внутри этой женщины происходит кое-что другое.

— Что?

Девеш посмотрел Лизе в глаза:

— Вирус инкубируется.

ИНКУБАЦИОННЫЙ ПЕРИОД



Глава 7

ПУТЕШЕСТВИЕ, О КОТОРОМ НЕ БЫЛО РАССКАЗАНО

6 июля, 6 часов 41 минута
Стамбул

Меньше чем за сутки Грей сбежал на противоположный конец земного шара — и оказался в другом мире. С бесчисленных стамбульских минаретов доносились голоса муэдзинов, призывающих правоверных мусульман на утреннюю молитву. Взошедшее над горизонтом солнце отбрасывало длинные тени, воспламеняя огнем городские купола и шпили.

Грею открывался вид на Стамбул с птичьего полета. Вместе с Сейхан и Ковальски они сидели за столиком открытого ресторана, расположенного на крыше здания. Все трое находились в подавленном состоянии, измученные долгим перелетом и сменой часовых поясов. Все были на взводе. Однако тупая боль, которую чувствовал позади глаз Грей, была вызвана в первую очередь его собственными заботами. Его преследовали безжалостные убийцы, за ним охотилось собственное правительство, и он начинал сомневаться в том, мудро ли поступил, выбрав себе нынешних спутников.

И вот теперь этот странный вызов в Стамбул. Почему? В этом не было никакого смысла. Но по крайней мере, на этот раз Сейхан, похоже, была озадачена не меньше Грея. Молодая женщина положила мед в крошечную чашечку с золотым ободком, наполненную крепким турецким чаем. Офи-

циант в традиционном голубом жилете, расшитом золотом, вопросительно показал чайник Грею.

Тот покачал головой, так как от поглощенного кофеина у него уже звенело в ушах.

К Ковальски официант даже не подошел. Верзила, переодевшийся в джинсы, черную футболку и длинный серый плащ, отказался от чая и перешел прямо к десерту. Сейчас он держал в руке стаканчик охлажденной виноградной водки, которая называлась ракия.

— На вкус похожа на лакрицу с асфальтом,— презрительно скривил губы Ковальски, попробовав напиток, однако это не помешало ему расправиться уже с двумя стаканчиками.

Он также отыскал столик с закусками и притащил оттуда несколько ломтей хлеба, густо намазанного маслом, тарелку с горкой оливок, огурцами и сыром и полдюжины яиц вкрутую.

Но Грею есть не хотелось. Он был переполнен тревогами, переполнен вопросами.

Встав, Грей подошел к невысокому парапету, окружающему террасу на крыше, следя за тем, чтобы оставаться в тени зонтика, под которым стоял столик. Стамбул, одна из горячих точек мирового терроризма, находился под постоянным наблюдением спутников. Грей гадал, не анализируется ли прямо сейчас его внешность в каком-нибудь разведывательном ведомстве программой распознания черт лица.

Быть может, «Сигма» или «Гильдия» уже выследили его и теперь только выжидают подходящий момент?

Присоединившись к нему, Сейхан поставила чашку на выложенную кафелем стенку. Весь трансатлантический перелет молодая женщина проспала в уютном кресле первого класса. Отдых вернул ей здоровый цвет лица, но она по-прежнему прихрамывала, стараясь беречь раненый бок. На борту самолета Сейхан переоделась в более свободную одежду — брюки защитного цвета и темно-синюю блузку, оставив черные ковбойские сапоги от Версаче.

— Как ты думаешь, почему монсиньор Верона заставил нас приехать в такую даль? — спросила Сейхан.— Сюда, в Стамбул?

Обернувшись, Грей прислонился бедром к стенке.

— Что? Мы прекратили играть в молчанку?

Сейхан устало закатила глаза. С тех самых пор как они покинули кабинет врача в Джорджтаунском университете, молодая женщина упорно отказывалась давать какие-либо объяснения. Впрочем, и времени для разговоров у них особенно не было. Сейхан задержалась только для того, чтобы сделать один телефонный звонок. В Ватикан. Грей прослушал его от начала до конца. Судя по всему, Вигор ожидал этого звонка и нисколько не удивился, узнав, что Грей вместе с Сейхан.

— Слухами земля полнится,— объяснил прелат.— Похоже, вас разыскивают Интерпол, Европол и вообще все. Насколько я понял, именно ты, Сейхан, оставила мне это маленькое послание в Башне ветров.

— Вы обнаружили надпись.

— Обнаружил.

— И узнали шрифт.

— Разумеется.

Сейхан облегченно вздохнула.

— В таком случае времени у нас немного. Смертельная опасность угрожает миллионам людей. Если вы сможете мобилизовать все свои ресурсы, определить, что...

— Сейхан, мне известно, что означает эта надпись,— обиженно остановил ее Вигор.— И я знаю, какими это чревато последствиями. Если хотите узнать больше, вы оба должны встретиться со мной в стамбульской гостинице «Арарат». В ресторане на крыше. Я буду там в семь часов утра.

Сделав звонок, Сейхан быстро организовала фальшивые документы и перелет в Европу. Она успокоила встревоженного Грея, заверив его, что «Гильдии» ничего не известно об этих ее связях.

— Просто эти люди в долгу передо мной,— уклончиво объяснила она.

Поморщившись, Сейхан повернулась к Грею лицом, возвращая его в настоящее. Своим локтем она задела чашку с чаем. Грей едва успел подхватить ее, не дав упасть вниз, на улицу. Сейхан бросила на опрокинутую чашку равнодушный взгляд, и у Грея мелькнула мысль, что подобная рассеянность является чем-то из ряда вон выходящим для этой женщины, привыкшей постоянно держать себя в руках.

И тотчас же выражение лица Сейхан снова стало жестким.

— Я понимаю, что держу тебя в полной темноте,— сказала она.— Но как только прибудет монсиньор Верона, я все объясню.— Сейхан кивнула ему.— Ну а ты? Есть какие-нибудь успехи с надписью на обелиске?

Грей лишь пожал плечами, предоставляя ей гадать, будто ему что-то известно. Сейхан долго и пристально смотрела на него, затем вздохнула:

— Замечательно.

Она вернулась к столику.

Еще в Соединенных Штатах Сейхан передала Грею фотографии обелиска и распечатанную копию ангельского письма. По дороге сюда он пытался вскрыть код, заключенный в надписи, однако неизвестных переменных было слишком много. Требовалась дополнительная информация. Кроме того, Грей подозревал, что смысл послания ему уже известен: «Разбей обелиск и достань сокровище, спрятанное внутри».

Это они уже сделали.

Грей повесил серебряное распятие на веревке на шею. Он успел подробно его исследовать. Распятие было определенно старым, потертым. Но даже в увеличительное стекло Грей не смог разобрать на нем никаких надписей, никаких знаков, подтверждающих безумное предположение Сейхан о том, что распятие когда-то принадлежало исповеднику Марко Поло, великого путешественника и исследователя.

Оставшись у парапета в одиночестве, Грей окинул взглядом пробуждающийся город. Несмотря на ранний час, улицы уже заполнялись машинами и пешеходами. Громкие сигналы клаксонов безуспешно старались заглушить резкие крики уличных торговцев и нарастающий гул туристов.

Грей огляделся вокруг, высматривая малейшую угрозу или что-либо необычное. Удалось ли им оторваться от Насера? Теперь, когда от преследователя их отделила половина земного шара, Сейхан была в этом уверена. Однако Грей не собирался забывать об осторожности. Внизу, во внутреннем дворике гостиницы, двое мужчин, закончив утреннюю молитву, поднялись с расшитых ковриков и скрылись внутри. Теперь в фонтанчике лишь лениво плескался одинокий ребенок.

Удовлетворившись, Грей перевел взгляд выше. Гостиница «Арарат» находилась в самом сердце древнейшего района Стамбула — Султанахмет. До самого моря над паутиной узких кривых улочек островками возвышались старинные постройки. Прямо напротив гостиницы в небо устремились величественные купола Голубой мечети. Дальше по улице возвышался огромный византийский храм, наполовину поглощенный черными строительными лесами, которые словно пытались не дать ему оторваться от земли. А за ним среди садов и лужаек раскинулся дворец Топкапы.

Грей ощущал тяжесть веков этих архитектурных шедевров, каменных монументов истории. Он рассеянно теребил висящее на шее распятие. Это было еще одно напоминание о древности, хранящее в себе нераскрытые тайны. Однако какое отношение имело оно к той смертельной опасности, нависшей над всем миром, о которой говорила Сейхан? Распятие, давным-давно принадлежавшее духовнику Марко Поло?

— Эй, Али-Баба,— послышался у него за спиной голос Ковальски.— Принеси-ка еще одну рюмку настойки лакрицы.

Грей едва сдержал ругательство.

— Она называется ракией,— поправил другой голос, полный уверенности знатока.

Грей обернулся. Из полумрака лестницы на террасу на крыше шагнула знакомая и долгожданная фигура. Монсиньор Вигор Верона обратился по-турецки к официанту, вежливым, извиняющимся тоном:

— Bir şişe raki, lütfen*.

---

* Одну бутылку ракии, пожалуйста *(тур.)*.

Улыбнувшись, официант кивнул и удалился.

Вигор подошел к столику. Грей сразу же отметил отсутствие воротничка, обязательного для католических священнослужителей. Очевидно, прелат прибыл сюда инкогнито. Без знака своего сана Вигор выглядел на десять лет моложе своих шестидесяти. А может быть, все дело было в его небрежном наряде: голубые джинсы, спортивные кроссовки, черная рубашка с закатанными рукавами. Через плечо у него был перекинут видавший виды рюкзачок. Казалось, монсиньор Верона приготовился совершить восхождение на гору, в честь которой получила свое название гостиница «Арарат», в поисках Ноева ковчега.

Впрочем, быть может, когда-то в прошлом Вигор и совершил подобную экспедицию.

Прежде чем получить должность префекта архивов Ватикана, Вигор Верона служил Святому престолу в качестве библейского археолога. Такое положение позволяло ему также оказывать Ватикану услуги другого характера. Используя это прикрытие, Вигор разъезжал по всему свету, собирая различную информацию и отправляя ее Святому престолу.

Кроме того, в прошлом Вигор помогал «Сигме».

И, судя по всему, его знания и опыт потребовались снова.

Вздохнув, Вигор опустился на стул. Возвратившийся официант поставил перед новоприбывшим чашку с горячим чаем, над которой поднимался пар.

— Teşekkürler*,— поблагодарил его Вигор.

После ухода официанта Ковальски уселся прямее, глядя через пустой стаканчик на его спину в расшитом жилете. Подождав немного, он поник, выругавшись вполголоса по поводу скверного обслуживания.

— Доброе утро, коммандер Пирс. Доброе утро, Сейхан,— начал Вигор.— Благодарю за то, что почтили согласием мою просьбу. Здравствуйте, Ковальски. Рад с вами познакомиться.

Все обменялись учтивыми любезностями. Вигор, запинаясь, упомянул свою племянницу Рейчел. Это была очень ще-

* Спасибо *(тур.)*.

котливая тема. Рейчел и Грей расстались по обоюдному согласию, но Вигор до сих пор очень переживал за свою племянницу. Хотя в его заботливой опеке не было никакой необходимости. Рейчел поступила в итальянские карабинеры, получила звание лейтенанта. Похоже, дела у нее шли неплохо.

И все же Грей был признателен Сейхан за вмешательство:

— Монсиньор Верона, почему вы заставили нас проделать такой путь и приехать в Стамбул?

Вигор остановил ее, подняв руку, отпил чай, затем аккуратно поставил чашку на стол.

— Да, мы перейдем к этому. Однако прежде мне бы хотелось с самого начала четко определить два момента. Во-первых, куда бы все это ни привело, я иду с вами.— Он пригвоздил Грея твердым немигающим взором, затем перевел взгляд на Сейхан.— Во-вторых, но это не менее важно, я хочу знать, какое отношение имеет все это к нашему выдающемуся венецианскому путешественнику Марко Поло.

Сейхан изумленно уставилась на него.

— Откуда вы... я ведь ни словом не обмолвилась о Марко Поло?

Но прежде чем Вигор смог ответить, вернулся официант. Ковальски с надеждой поднял взгляд. Глаза у него чуть не вылезли из орбит, когда официант откупорил бутылку ракии и поставил ее перед бывшим военным моряком.

— Я заказал для вас пол-литровую бутылку,— объяснил Вигор.

Ковальски с чувством пожал ему руку:

— Падре, вы начинаете мне нравиться.

Грей повернулся к Сейхан.

— Так какое отношение имеет все это к Марко Поло?

Полночь
Вашингтон

Черный седан «БМВ» свернул с Дюпон-сёркл и заскользил по темным улицам. Его ксеноновые фары выхватили голубоватую полосу на обсаженной вязами авеню. Ряды жилых до-

мов, стиснувшие улицу, образовывали урбанистический каньон.

Конечно, он не имел ничего общего с глубокими ущельями на родине Насера, где по скалам бродили только горные козы, а в пещерах укрывались от непогоды кочевые племена афганцев. Однако на самом деле не эта земля была его родиной. Отец Насера уехал из Каира, когда маленькому Насеру было всего восемь лет, перебрался в Афганистан, освободившийся от советских войск, чтобы присоединиться к борцам за чистый ислам. Вместе с Насером он притащил туда и его младших брата и сестру. У них не было выбора. В ночь перед отъездом отец задушил свою жену, воспользовавшись школьным шарфом Насера. Она не хотела покидать Египет, до конца дней своих прятать себя под паранджой. Мать говорила, жаловалась, но ее слова попали не в те уши.

Отец заставил детей наблюдать за расправой, стоя на коленях. Маленький Насер на всю жизнь запомнил выпученные глаза матери, вывалившийся изо рта язык. Он хорошо усвоил этот урок.

Нужно быть холодным. Всегда и во всем.

Лучи ксеноновых фар завернули за угол. Насер, сидевший спереди справа, указал на середину квартала:

— Останови здесь.

Водитель, с забинтованным носом, сломанным во время неудавшегося похищения, свернул к тротуару. Насер обернулся назад. Там на заднем сиденье прильнули друг к другу две фигуры.

Аннишен, облаченная во все оттенки черного, буквально растворялась на фоне кожаного салона. Она даже прикрыла свою коротко остриженную голову капюшоном, что придало ей сходство с монахом. Только глаза ярко горели в темноте. Одной рукой Аннишен обнимала своего спутника, склонившись к нему в доверительной близости.

Он все еще стонал сквозь кляп, которым был заткнут его рот. Одна сторона его лица и шея были черными от крови. В связанных руках, зажатых между коленей, он судорож-

но стискивал свое собственное правое ухо. Его фамилию Насер обнаружил в телефонном справочнике.

Врач.

— Это здесь? — спросил Насер.

Убедившись, что адрес правильный, мужчина крепко зажмурился и истово затряс головой.

Насер осмотрел вход в здание. Внутри за столиком дежурил ночной сторож. Над дверями из пуленепробиваемого стекла торчал глазок видеокамеры наблюдения. Безопасность на высшем уровне. Насер провел большим пальцем по ребру электронного ключа, любезно подаренного пассажиром.

После целого дня безрезультатных поисков Насеру наконец удалось выйти на след американца и мерзавки, предавшей «Гильдию». Вчера вечером он обыскал маленький дом в пригороде Такома-Парка. Там он обнаружил разбитый мотоцикл Сейхан, но и только. Никаких следов обелиска, если не считать осколков египетского мрамора на дорожке за воротами.

Однако когда Насер проник в сам дом, Аллах ему улыбнулся.

Он нашел телефонный справочник, в котором были записаны фамилии нескольких врачей. Остаток дня ушел на то, чтобы определить среди них нужного.

Насер снова обернулся назад.

— Благодарю вас, доктор Коррин. Вы мне очень помогли.

Ему даже не нужно было кивать Аннишен. Острое лезвие мягко вошло между ребрами доктора Коррина и пронзило сердце. Этому излюбленному приему израильской разведки «Моссад» молодую женщину обучил Насер. Самому ему пришлось применить этот прием в деле лишь однажды. Чтобы убить своего отца, преклонившего колени в молитве. И это была не ребяческая месть. Он лишь совершил акт справедливости.

Насер распахнул дверь седана. Он был в долгу перед своим отцом — хотя бы за урок, преподанный восьмилетнему маль-

чику, стоящему на коленях перед телом задушенной матери. И этот урок в очередной раз пригодится ему в эту ночь.

Быть холодным. Всегда и во всем.

Выйдя из машины, Насер прошел к задней двери и открыл ее. Аннишен оторвалась от сиденья, шурша черной кожей, восхитительная в жакете итальянского дизайна из шкуры ягненка и костюме из темной замши, прекрасно гармонировавшем со строгим костюмом от Армани, в котором был сам Насер. На молодой женщине не было ни капли крови, что явилось еще одним доказательством ее мастерства. Обняв ее за плечи, Насер закрыл дверь.

Аннишен прильнула к нему.

— Ночь только начинается,— удовлетворенно вздохнув, прошептала она.

Насер крепче прижал ее к себе. Двое влюбленных, возвращающихся с позднего ужина.

Летняя ночь все еще была душной, но вестибюль встретил их приятной прохладой кондиционеров. Двери, вздохнув, раскрылись, откликаясь на электронный ключ доктора Коррина. Сидевший за столиком сторож поднял взгляд.

Насер кивнул ему, направляясь к лифтам. Аннишен звонко хихикнула и что-то прошептала ему на ухо, судя по всему спеша попасть домой. Ее рука стиснула рукоятку «глока» в кобуре у Насера на поясе. На всякий случай...

Однако сторож лишь кивнул в ответ, пробормотал: «Добрый вечер» — и снова углубился в чтение журнала.

Подойдя к лифтам, Насер покачал головой. Этого и следовало ожидать. В том, что считается у американцев мерами безопасности, больше показного, чем сути. Нажав кнопку, Насер вызвал лифт. Через пару минут они с Аннишен уже стояли перед дверью квартиры номер 512. Насер вставил тот же ключ в щель замка. Индикаторная лампочка сменила цвет с красного на зеленый.

Насер бросил взгляд на Аннишен. В глазах у нее еще горело возбуждение — следствие недавно пролитой крови.

— По крайней мере один из них нужен нам живым,— предупредил ее Насер.

Обиженно надув губы, Аннишен достала оружие.

Одним пальцем Насер надавил на дверную ручку. Дверь бесшумно распахнулась на смазанных петлях. Ни малейшего скрипа. Насер вошел первым, поскользнувшись на мраморных плитах пола. Из спальни в темноту прихожей упал луч света.

Насер задержался на пороге. Прищурил один глаз.

Атмосфера в квартире была слишком неподвижной. Слишком тихой. Дальше можно было не идти. Насер вздохнул. Он понял, что в квартире никого нет.

Тем не менее Насер махнул рукой, направляя Аннишен в одну сторону. Сам он шагнул в другую. За считанные минуты они осмотрели всю квартиру, заглянув даже в шкафы.

Никого.

Аннишен остановилась в спальне. Кровать была аккуратно застелена; похоже, на нее даже не ложились.

— Врач нам солгал,— с нескрываемым раздражением, к которому примешивалась определенная доля уважения, произнесла Аннишен.— Их здесь нет.

Насер прошел в ванную. Опустился на колено. Он увидел что-то на полу, закатившееся за шкафчик, отделанный вишневым деревом.

Насер подобрал этот предмет — пузырек из-под лекарства, с красной этикеткой, показывающей, что оно отпускается по рецепту. Пустой. На этикетке была указана фамилия больного. Джексон Пирс.

— Они здесь были,— пробормотал он, выпрямляясь.

Доктор Коррин не солгал. Он сказал правду — по крайней мере, то, что считал правдой сам.

— Они перебрались в другое место,— продолжал Насер, возвращаясь в спальню.

Он стиснул в кулаке пустой пузырек, с трудом сдерживая ярость. Коммандер Пирс снова их провел. Сначала с обелиском, теперь спрятав своих родителей.

— Что теперь? — озабоченно спросила Аннишен.

Насер молча поднял пузырек из-под лекарств.

Последний шанс.

7 часов 30 минут
Стамбул

— Первым делом,— начала Сейхан,— что вам известно о Марко Поло?

Она надела солнцезащитные очки с голубоватыми стеклами. Солнце поднялось уже достаточно высоко, превратив ресторан на крыше в контрастную мешанину теней и ярких бликов. Все четверо перебрались за уединенный столик в углу, укрытый под зонтиком.

Грей отчетливо уловил в голосе Сейхан сомнение, а может быть, также и тень облегчения. Она колебалась между желанием сохранить полный контроль над потоком информации и стремлением снять тяжкую ношу со своих плеч.

— Марко Поло был путешественник и исследователь, живший в тринадцатом веке,— ответил Грей. По пути сюда он вкратце ознакомился с жизнеописанием знаменитого венецианца.— Вместе со своими отцом и дядей Марко провел почти два десятилетия в Китае, где они находились в качестве почетных гостей монгольского императора Хубилай-хана. Возвратившись в Италию в тысяча двести девяносто пятом году, Марко рассказал о своих путешествиях французскому писателю по фамилии Рустичелло, который записал его рассказ.

Книга Марко Поло «Описание мира» сразу же произвела в Европе фурор, захлестнув весь континент фантастическими описаниями бескрайних негостеприимных пустынь Персии, многолюдных городов Китая, далеких стран, населенных идолопоклонниками и колдунами, которые ходят нагишом, островов, на которых живут людоеды и невиданные животные. Книга воспламенила воображение Европы. Даже Христофор Колумб в свое путешествие в Новый Свет захватил с собой экземпляр «Описания мира».

— Но какое отношение это имеет к тому, что происходит сегодня? — закончил Грей.

— Самое прямое,— ответила Сейхан, обводя взглядом столик.

Вигор не спеша попивал чай, Ковальски, поставив локоть на стол, оперся подбородком на кулак. Однако Грей обратил внимание, что, хотя великан заметно скучал, его взгляд метался между собеседниками, высматривая какие-то скрытые течения. У Грея мелькнула мысль, что в этом простом с виду человеке кроются неизведанные глубины. Встрепенувшись, Ковальски принялся кормить крошками от пирожков суетливых воробьев.

Сейхан продолжала:

— С рассказом о путешествии Марко Поло не все так просто, как это считает большинство людей. Оригиналов его книг не сохранилось, до нас дошли только копии копий. И в каждом переводе и переиздании выскакивают новые нестыковки и противоречия.

— Да, я об этом читал,— согласился Грей, призывая ее поторопиться.— На самом деле их так много, что кое-кто даже ставит под сомнение сам факт существования Марко Поло. Быть может, он был лишь плодом воображения того французского писателя.

— Марко Поло — реальное лицо,— уверенно произнесла Сейхан.

Вигор кивнул, соглашаясь с ней.

— Я знаком с утверждениями тех, кто не верит в существование Марко Поло. В первую очередь упор делается на значительные пробелы в описании Китая.— Прелат поднес чашку к губам.— Такие, как, например, поголовное увлечение Дальнего Востока чаепитием. В те времена этот напиток еще не был известен европейцам. Нет в «Описании мира» также ничего про обычай бинтовать ноги девочкам и про использование палочек для еды. Больше того, Марко Поло ни словом не упоминает про Великую Китайскую стену. Несомненно, эти бросающиеся в глаза упущения весьма подозрительны. И все

же многое Марко описал правильно: своеобразный процесс изготовления фарфора, использование каменного угля для топки печей и даже хождение первых бумажных денег.

Грей уловил в голосе прелата убежденность. Быть может, все дело было в гордости Вигора за соотечественника, но все же Грей почувствовал нечто большее.

— Как бы там ни было,— в конце концов уступил Грей,— какое отношение имеет все это к нам?

— Дело в том, что во всех изданиях книги Поло есть еще один серьезный пробел,— снова заговорила Сейхан.— Связанный с обратным путем Марко в Италию. Хубилай-хан приказал троим Поло сопровождать монгольскую принцессу Кокеджин к жениху в Персию. Ради такого знаменательного события хан выделил флотилию из четырнадцати огромных галер, на борту которых находилось больше шестисот человек. Однако когда посольство наконец достигло берегов Персии, осталось только два корабля и восемнадцать человек.

— А что случилось с остальными? — вскинулся Ковальски.

— Марко Поло так и не поведал об этом. Французский писатель Рустичелло намекает на что-то в предисловии к своей знаменитой книге — говорит о трагедии, произошедшей среди островов Юго-Восточной Азии. Однако правда о случившемся так и не была открыта людям. Даже на смертном одре Марко Поло отказался рассказать об этом.

— И это действительно так? — спросил Грей.

— Тайна так и не была раскрыта,— подтвердил Вигор.— Большинство историков сходится во мнении, что флотилия стала жертвой эпидемии или нападения пиратов. Достоверно известно только то, что корабли Марко на протяжении пяти месяцев блуждали среди Зондских островов, выйти откуда смогла лишь малая их доля.

— Итак,— сказала Сейхан, подчеркивая важность данного вопроса,— почему Марко Поло исключил из своей книги такой драматичный момент? Почему он унес тайну с собой в могилу?

У Грея не было ответа. Однако эта древняя тайна расшевелила смутное беспокойство. Грей выпрямил спину. У него уже появились мысли относительно того, куда все это может вести.

На лицо Вигора также упала тень.

— Тебе известно, что произошло на тех островах, ведь так?

Сейхан уронила голову, признавая правоту его слов.

— Первое издание книги Марко Поло вышло на французском языке. Однако как раз в те годы, когда жил Марко, набирало силу новое движение: переводить книги на итальянский язык. Начало ему положил великий соотечественник Поло.

— Данте Алигьери,— подсказал Вигор.

Грей перевел взгляд на прелата.

— «Божественная комедия» Данте, в том числе знаменитый «Ад», явилась одной из первых книг, написанных на итальянском языке,— объяснил Вигор,— Даже французы прозвали итальянский язык «la langue de Dante»*.

Сейхан кивнула.

— И подобная революция не могла пройти мимо Марко Поло. Согласно историческим хроникам, он перевел французское издание своей книги на родной язык. Для того чтобы ею смогли насладиться его соотечественники. Однако при этом Марко втайне от всех сделал еще одну копию для себя. И в этой книге он в конце концов поведал, что же произошло с ханской флотилией. Записал свой последний рассказ.

— Немыслимо! — пробормотал Вигор.— Как подобная книга могла столько времени оставаться скрытой от людских глаз? Где она находилась?

— Сначала в родовом поместье семейства Поло. Затем ее переправили в более надежное место.

Сейхан пристально посмотрела на Вигора:

— Не хочешь ли ты сказать...

---

* Языком Данте *(фр.)*.

— Трое Поло отправились в путешествие по приказу Папы Григория Десятого. Некоторые исследователи утверждают, что отец и дядя Марко были первыми шпионами Ватикана, направленными в Китай, чтобы на месте оценить силы монголов. То есть их можно считать основателями того самого ведомства, которому одно время служили и вы, монсиньор Верона.

Вигор откинулся на спинку стула, погруженный в собственные мысли.

— Тайный дневник был спрятан в архивах Ватикана,— наконец прошептал он.

— Захороненный глубоко, нигде не учтенный. Для всех несведущих лишь очередное издание книги Марко Поло. И только внимательное прочтение позволяло определить, что в самом конце книги добавлена дополнительная глава.

— И «Гильдия» завладела этой книгой? — спросил Грей.— Из которой узнала какую-то важную тайну?

Сейхан молча кивнула.

Грей нахмурился.

— Но все же сначала объясни, каким образом книга попала в руки «Гильдии»?

Сняв солнцезащитные очки, Сейхан посмотрела ему прямо в лицо, обвиняющая, разъяренная.

— Ты сам отдал ее, Грей.

7 часов 18 минут

От Вигора не укрылось, как лицо коммандера Пирса исказилось от шока.

— Черт побери, что ты мелешь? — воскликнул Грей.

Вигор также отметил стальной блеск удовлетворения в изумрудно-зеленых глазах убийцы, работавшей на «Гильдию». Похоже, Сейхан получала наслаждение, издеваясь над ними. И все же нельзя было не заметить, как осунулось ее лицо, как побледнели щеки. Она была чем-то очень напугана.

— Вина лежит на всех нас,— сказала Сейхан, кивая и на Вигора.

Тот оставался невозмутимым, не желая подыгрывать ей. В его возрасте кровь в жилах слишком загустевает, и быстро ее не разогреешь. К тому же Вигор уже сам до всего дошел.

— Символ ордена дракона,— сказал он.— Ты нарисовала его на полу. Я полагал, это было предостережение, обращенное ко мне, призыв исследовать надпись, выполненную ангельским письмом.

Кивнув, Сейхан откинулась назад. По глазам Вигора она поняла, что он уже обо всем догадался.

— Однако на самом деле тут было нечто большее,— продолжал тот.

Вигор вспомнил человека, который занимал до него должность префекта Ватиканских архивов,— доктора Альберто Менарди, предателя, тайно работавшего на орден дракона. За время своего пребывания в этой должности он похитил из архивов множество важных документов, переправив их в свою личную библиотеку в швейцарском замке. Грей, Сейхан и Вигор сыграли ключевую роль в разоблачении предателя и разгроме ордена дракона. В конце концов проклятый замок, имеющий долгую кровавую историю, перешел во владения семейства Верона.

— Библиотека Альберто,— сказал Вигор.— Она хранилась в замке. Когда после всех ужасов и кровопролития полиция наконец допустила нас на место, выяснилось, что библиотеки в замке нет. Она бесследно исчезла.

— Почему мне ничего об этом не сказали? — удивленно спросил Грей.

Вигор вздохнул.

— Мы предположили, это дело рук местных воров... или, быть может, какого-нибудь нечистоплотного сотрудника итальянской полиции. В своей библиотеке предатель хранил множество бесценных древних документов. А поскольку у Альберто были своеобразные интересы, среди них нашлось немало текстов магического содержания.

Хоть Вигор и презирал своего предшественника, приходилось признать, что Альберто Менарди был блестящим уче-

ным, в своем роде гением. Возглавляя на протяжении тридцати лет архивы Ватикана, он досконально изучил все их тайны. Несомненно, его заинтересовала бы такая находка: экземпляр «Описания мира» Марко Поло с дополнительной главой. Но что узнал из этой книги бывший префект? Что побудило его похитить ее? И что привлекло интерес и внимание «Гильдии»? Вигор пристально посмотрел на Сейхан.

— Выходит, библиотеку выкрали не простые воры. Это ты рассказала «Гильдии» о том, какие сокровища могут там таиться.

Сейхан даже не пыталась опровергнуть его обвинения.

— У меня не было выбора. Два года назад библиотека стала выкупом за мою жизнь после того, как я помогла вам двоим. Я и не представляла, какой ужас она скрывает.

Грей, прищурившись, следил за их разговором. Вигор буквально чувствовал, как вращаются шестеренки в его мозгу, как входят в новые пазы сувальды. Как и Альберто Менарди, Грей обладал уникальным умом, способным складывать воедино разрозненные фрагменты, получая цельную картину. Неудивительно, что Сейхан обратилась именно к нему.

Наконец Грей кивнул:

— Ты прочитала этот текст, Сейхан. Правдивый рассказ об обратном путешествии Марко Поло.

Вместо ответа молодая женщина закинула волосы назад, нагнулась и расстегнула молнию на левом сапоге. Она достала три листка, сложенных и спрятанных в потайной карман. Выпрямившись, Сейхан развернула листы бумаги и положила их на стол.

— Как только я заподозрила истинные намерения «Гильдии»,— объяснила она,— я сняла для себя копии с дополнительной главы.

Вигор и Грей подсели друг к другу, прижавшись плечами, чтобы читать вместе. Великан моряк также придвинулся к ним, дыша перегаром анисовой ракии. Вигор пробежал взглядом заголовок и первые несколько строчек.

«Глава LXII

О ПУТЕШЕСТВИИ, О КОТОРОМ НЕ БЫЛО РАССКАЗАНО, И О ЗАПРЕТНОЙ КАРТЕ

И вот когда прошел уже целый месяц с тех пор, как мы покинули последний порт, мы задумались о том, чтобы пополнить запасы пресной воды из реки и заняться починкой двух кораблей. Солонина и фрукты также подходили к концу. Мы отплыли к берегу на утлых шлюпках. Нас встретили обилие птиц и густые заросли, переплетенные лианами. С нами на берег сошли сорок два воина великого хана, вооруженные луками и копьями; поскольку окрестные острова были населены идолопоклонниками, которые ходили нагишом и питались плотью других людей, подобная предосторожность была разумной».

Вигор продолжал читать, узнавая размеренный ритм и архаичный слог «Описания мира». Неужели эти слова действительно принадлежат перу Марко Поло? Если так, эта глава открывалась взору считанных людей. Вигор жаждал прочитать оригинал, не доверяя полностью переводу,— но, что важнее, ему хотелось увидеть тот язык, на котором была написана книга, чтобы ближе прикоснуться к знаменитому средневековому путешественнику.

Он читал:

«С излучины реки один из ханских воинов крикнул и указал на крутой склон еще одного пика, который поднимался над долиной. До него было миль двадцать от берега, и его покрывали густые заросли. Однако это была не гора. Это был шпиль огромного здания; и теперь стали видны другие башни, наполовину теряющиеся в тумане. Починка кораблей должна была занять не меньше десяти дней, а ханские воины хотели настрелять побольше птиц и зверей, чтобы заготовить свежего мяса; поэтому мы отправились искать этот неведомый народ, построивший рукотворную гору».

Уже с первой страницы простодушного повествования Марко веяло нарастающей опасностью. Простыми словами он описал, как «в лесу умолкли голоса птиц и зверей». Марко и охотники продолжали идти вперед, углубляясь в джунгли по тропе, «протоптанной этими неизвестными зодчими».

Наконец уже в сумерках маленький отряд вышел к каменному городу.

«Лес окончился, открыв большой город с множеством шпилей, каждый из которых был покрыт резными ликами идолов. Мне так и не суждено никогда узнать, какие дьявольские чары призвали на помощь эти люди; однако Господь в Своем милостивом возмездии поразил сам город и окружающий его лес страшной и смертельной болезнью. Первый труп, на который мы наткнулись, принадлежал обнаженной девочке. Ее плоть, покрытая ужасными нарывами, сгнила до самой кости, и в ней копошились большие черные муравьи. Куда ни бросить взгляд, всюду были видны новые и новые тела. Даже нескольких сотен не хватило бы, чтобы пересчитать всех, сраженных в этой жуткой бойне; и смерть не ограничилась лишь карой за человеческие грехи. Птицы падали с небес. Лесные звери валялись безжизненными грудами. Огромные змеи свисали мертвые с ветвей деревьев.

Воистину, это был Город мертвых. Опасаясь смертельной заразы, мы поспешили как можно быстрее покинуть это место. Однако наше появление не осталось незамеченным. Они вышли из глубины леса: их плоть была такой же больной, как и у тех, что усеяли своими телами каменные ступени и площади или плавали в зеленой топи. Конечности сгнили, обнажив кости. У других вся кожа была покрыта лопающимися волдырями и язвами; у многих раздулись животы. Из ран сочился гной, выделяя зловонные испарения. Пришли слепые; другие ползли на четвереньках. Казалось, тысяча болезней поразила эту землю; целый легион чумы.

Из лесной чащи стекались они, обнажая зубы, словно дикие звери. Другие несли отсеченные руки и ноги. Даже сейчас я призываю Господа хранить меня: многие конечности были обглоданы».

Несмотря на нарастающий жар летнего дня, Вигор ощутил холодную дрожь. Онемев от ужаса, он читал рассказ Марко о том, как его отряд бежал в глубь города, спасаясь от этой обезумевшей орды. Венецианец подробно описал кровавые зверства и каннибализм. С наступлением темноты маленькому отряду удалось укрыться в каком-то высоком здании, украшенном резными изображениями извивающихся змей и давно умерших царей. Все приготовились дать последний бой, уверенные в том, что маленькому отряду не устоять перед огромными толпами пораженных болезнью людоедов, которые продолжали стекаться в город.

Грей пробормотал что-то себе под нос. Разобрать слова было невозможно, однако не вызывало сомнений, что они проникнуты скептицизмом.

«Вместе с угасшим солнцем угасли и наши надежды. Каждый по-своему возносил молитвы к небесам. Ханские воины жгли куски дерева и мазали лица пеплом. У меня был только мой исповедник. Отец Агреер преклонил колени вместе со мной, и мы произнесенными шепотом молитвами вверили свои души Господу. Отец Агреер схватил распятие и осенил мой лоб знамением креста, на котором страдал Христос. Он использовал тот же самый пепел, что и воины хана. Глядя на испачканные сажей лица, я гадал: не объединило ли это испытание всех нас, нечестивцев и христиан? И по большому счету какая разница, чьей была молитва, которая в конце концов услышана? Чья молитва призвала Силы Небесные, пришедшие к нам среди всей этой чумы; Черные силы, спасшие нас всех?»

Здесь повествование обрывалось. Грей перевернул листок бумаги, ища продолжение.

Откинувшись назад, Ковальски сделал свой единственный вклад в историческую дискуссию.

— Секса маловато,— пробормотал он, тщетно пытаясь подавить отрыжку.

Нахмурившись, Грей ткнул пальцем в имя на последней странице.

— Вот здесь... это упоминание отца Агреера...

Вигор кивнул, обратив внимание на ту же самую вопиющую ошибку. Несомненно, текст был подделкой.

— Ни один священник не сопровождал троих Поло в путешествии на Восток,— заявил он вслух.— Согласно ватиканским текстам, вместе с ними в путь отправились два монаха-доминиканца, в качестве представителей Святого престола, однако уже через несколько дней они возвратились обратно.

Взяв первую страницу, Сейхан аккуратно ее сложила.

— Как и в случае с этой дополнительной главой, Марко подправил хроники, исключив из них священника. На самом деле семейство Поло сопровождали три монаха-доминиканца. По одному на каждого путешественника, как это было принято в ту эпоху.

Вигор вынужден был признать, что она права. Действительно, обычай был именно такой.

— А назад возвратились только два монаха,— продолжала Сейхан.— И существование третьего хранилось в тайне... до настоящего времени.

Откинувшись на спинку, Грей протянул руку к шее. Сняв серебряное распятие, он положил его на стол.

— И ты утверждаешь, что это действительно крест отца Агреера? Того самого, который упомянут в рассказе?

Ответом ему стал уверенный взгляд Сейхан.

Потрясенный этим внезапным откровением, Вигор молча осмотрел распятие. Оно было лишено каких-либо украшений; распятая фигура была выполнена очень условно. Вигор сразу же определил, что крест старинный. Неужели это правда? Осторожно взяв распятие со стола, прелат исследовал его внимательнее. Если это была правда, самим своим весом крест придавал убедительность жуткому повествованию Марко.

Наконец Вигор обрел дар речи:

— Но я никак не могу понять, почему отец Агреер был исключен из повествования?

Протянув руку, Сейхан собрала разбросанные страницы.

— Неизвестно,— просто ответила она.— Остальные листы были выдраны из книги и заменены одним поддельным,

вшитым в переплет, однако качество бумаги однозначно свидетельствует о том, что эта страница на несколько столетий моложе остальной книги.

Вигор нахмурился, удивленный этим странным обстоятельством.

— И что на этой новой странице?

— Самой мне так и не довелось ее увидеть, но мне рассказали, что на ней написано. Там были лишь бессмысленные бредни, полные упоминаний об ангелах и библейских цитат. Несомненно, рассказ Марко напугал автора. Но, что гораздо важнее, на этой странице пространно рассказывалось о карте, включенной в книгу, которую нарисовал лично Марко. Карте, которая была объявлена дьявольской.

— И что случилось с этой картой?

— Хотя тот, кто подправил книгу, испугался карты, он также побоялся просто уничтожить ее. Поэтому неизвестный автор вместе с горсткой помощников скрыл карту кодом, призванным принести защиту и благословение.

Грей кивнул:

— Карта была погребена под ангельским письмом.

— Но кто вставил эту страницу? — спросил Вигор.

Сейхан пожала плечами.

— Она была без подписи, однако в ней содержалось достаточно указаний на то, что потомки Поло передали тайную книгу Марко в Ватикан после опустошительной эпидемии чумы, поразившей Италию в четырнадцатом столетии. Быть может, они испугались, что чума была той самой заразой, которая обрушилась на Город мертвых, а теперь пришла, чтобы уничтожить остальной мир. Именно тогда книга попала в архивы.

— Любопытно,— заметил Вигор.— Если ты права, возможно, это объясняет, почему приблизительно в это же время исчезли все следы семейства Поло. Даже тело Марко Поло пропало из церкви Сан-Лоренцо, где он был погребен. Кто-нибудь пробовал определить возраст этой поддельной страницы?

Сейхан кивнула.

— Она была составлена в начале семнадцатого века.

Вигор прищурился.

— Гм... примерно в это же время на Италию обрушилась еще одна страшная эпидемия чумы.

— Совершенно верно,— подтвердила Сейхан.— И именно тогда же некий немец по имени Йоханнес Тритемиус впервые разработал ангельское письмо. Хотя сам он и утверждал, что это письмо было создано задолго до того, как на земле появился человек.

Вигор кивнул. В свое время он занимался исследованием истории возникновения ангельского письма. Его создатель был уверен, что, используя этот ангельский алфавит, предположительно рожденный в результате долгих созерцательных размышлений, можно установить связь с небесными ангелами. Помимо этого, Тритемиус занимался криптографией и тайнописью. Его самая известная работа «Стенография» считалась оккультным трудом, однако на самом деле представляла собой запутанную смесь трактата об ангелах и науки вскрытия шифров.

— Итак, если кому-то в ту эпоху потребовалось спрятать карту,— заключил Грей,— которая к тому же считается дьявольской, тогда самый надежный способ оградить мир от заключенных в ней опасностей — наверное, скрыть ее за ангельским письмом.

— Именно к такому выводу и пришла «Гильдия». На этой дополнительной странице были указания на то, что закодированная карта была высечена на стенках египетского обелиска, хранящегося в Григорианском музее Ватикана. Однако этот обелиск бесследно исчез, затерялся во времени, куда-то переместился. Мы с Насером играли в кошки-мышки, охотясь за ним. Но победу одержала я. Я выкрала обелиск у Насера из-под самого носа.

Услышав в голосе Сейхан проникнутое горечью торжество, Вигор нахмурился и всмотрелся в лица остальных.

— О каком обелиске вы говорите?

7 часов 42 минуты

Грей в общих чертах рассказал про египетский обелиск, в котором был спрятан крест отца Агреера, и описал закодированное послание, написанное фосфоресцирующей краской.

— Вот этот текст,— закончил он, протягивая прелату копию.

Изучив запутанное нагромождение символов ангельского письма, Вигор покачал головой:

— Для меня это полная бессмыслица.

— Совершенно верно,— согласилась Сейхан.— В сумбурном заключении к книге Марко также говорится о *ключе* к карте. О способе вскрыть его тайну. И этот ключ спрятан в трех разных местах. Первая его часть связана с надписью в том помещении, где когда-то хранилась тайная книга.

— В Башне ветров,— уточнил Вигор.— Отличный тайник. Башня возводилась как раз в то время. Она была пристроена к зданию ватиканской обсерватории.

— И согласно поддельной странице в книге Марко,— продолжала Сейхан,— каждая часть ключа должна будет вести к следующей. Поэтому для начала мы должны разгадать первую загадку. Текст из Ватикана, написанный ангельским письмом.— Она повернулась к Вигору.— Вы утверждаете, вам это удалось. Это правда?

Вигор открыл было рот, собираясь заговорить, но Грей остановил его, положив ладонь на руку. Он не собирался выкладывать Сейхан все карты. Ему хотелось придержать на руках по крайней мере одного туза.

— Но вначале,— сказал Грей,— ты должна рассказать, почему «Гильдия» ввязалась во все это. Какой ей смысл идти по этому историческому следу от Марко Поло к настоящему?

Сейхан колебалась. Она шумно вздохнула, но Грей не смог определить, то ли приготовившись солгать, то ли собирая силы, чтобы сказать правду. Заговорив, Сейхан подтвердила нарастающие опасения Грея.

— Потому что мы считаем, что болезнь, о которой писал Марко Поло, снова вернулась в мир,— сказала она.— Вырва-

лась на свободу из древней древесины галеры, обнаруженной среди Зондских островов. «Гильдия» уже работает на месте, готовая идти по научному следу. Нам же с Насером было поручено изучить исторический след. Как это принято в «Гильдии», правая рука не должна была знать о том, что делает левая.

Грею была хорошо известна структура «Гильдии», состоящая из изолированных ячеек,— излюбленный образец многих террористических организаций.

— Но мне удалось украсть кое-какую информацию,— продолжала Сейхан.— Я выяснила природу заболевания, способного необратимо изменить всю биосферу Земли.

Далее она рассказала о том, как ученые «Гильдии» обнаружили вирус — что-то под названием иудин штамм, способный превращать любые бактерии в убийц. Сейхан процитировала строку из книги Марко Поло:

— «Целый легион чумы». Вот что поразило Индонезию. Но я хорошо знаю «Гильдию». И знаю, какие у нее намерения. Взрастив и обуздав этот патоген, «Гильдия» надеется создать бактериологическое биооружие нового поколения, неиссякаемый источник смертельной заразы, порожденный этим вирусом.

По мере того как она рассказывала подробности о вирусе, Грей все крепче стискивал край стола. Наконец он поймал себя на том, что от напряжения у него заболели костяшки пальцев. Его обуял бесконечный ужас.

Но прежде чем Грей успел сказать хоть слово, Вигор, откашлявшись, заговорил:

— Но если это научное подразделение «Гильдии» охотится за вирусом, какое значение имеет гонка по историческому следу, оставленному Марко Поло? В чем тут смысл?

Ему ответил Грей, процитировав последнюю строчку текста Марко:

— «Черные силы, спасшие нас всех». На мой взгляд, это означает исцеление от болезни.

Сейхан кивнула.

— Марко остался жив и рассказал о случившемся. Даже «Гильдия» не осмелится выпустить на свободу подобный вирус, не обладая возможностью его контролировать.

— Или, по крайней мере, если ей не удастся определить его происхождение,— добавил Грей.

Вигор уставился вдаль, на городские кварталы. Поднимающееся солнце озарило его лицо.

— Есть и другие вопросы, на которые нет ответов. Что сталось с отцом Агреером? Что так напугало Святой престол?

Однако Грея интересовал собственный, более важный вопрос:

— Где именно в Индонезии произошла эта новая вспышка болезни?

— На одном отдаленном острове, который, к счастью, находится вдалеке от густонаселенных мест.

— На острове Рождества,— уточнил Грей.

Сейхан широко раскрыла глаза от удивления. Одно это уже явилось достаточным доказательством.

Грей резко встал из-за стола. Все взгляды были обращены на него. Монк и Лиза отправились на остров Рождества, чтобы исследовать это же самое заболевание. Они даже не догадываются, с чем им придется там столкнуться,— как и о том, что к этому заболеванию проявила интерес и «Гильдия». Грею стало тяжело дышать. Ему необходимо предупредить Пейнтера. Но поскольку в «Сигме» действует предатель, поднятый им сигнал тревоги лишь навлечет на его друзей еще бóльшую опасность, высветит их лучом прожектора.

Ему была нужна дополнительная информация.

— Как далеко зашла эта операция, которую проводит в Индонезии «Гильдия»?

— Не знаю. Даже то немногое, что мне удалось выведать, далось с огромным трудом.

— Сейхан! — прорычал Грей.

Она обеспокоенно прищурилась. Возбужденный, Грей едва не поверил, что это чувство искреннее.

— Я... честное слово, я не знаю, Грей. А в чем дело? Что случилось?

Шумно выдохнув, Грей подошел к парапету. Ему требовалось побыть наедине с самим собой хотя бы мгновение, чтобы улеглось все то, что он только что узнал.

Пока что не вызывало сомнений только одно.

Ему настоятельно необходимо связаться с Вашингтоном.

1 час 4 минуты
Вашингтон

Гарриет Пирс билась изо всех сил, стараясь успокоить мужа. Эта задача дополнительно осложнялась тем, что тот заперся в ванной в номере гостиницы. Гарриет приложила влажную тряпку к разбитой губе.

— Джек! Открой дверь!

Он проснулся два часа назад, совершенно растерянный, потерявший ориентацию. Ей уже приходилось видеть такое. Синдром захода солнца. Распространенное явление среди людей, страдающих болезнью Альцгеймера. Состояние повышенного возбуждения, которое наступает с заходом солнца, когда в темноте человек перестает узнавать знакомое окружение.

А сейчас все усугублялось тем, что они находились не дома.

Не было ничего хорошего и в том, что гостиница «Феникс-Парк» была вторым жильем, которое они сменили меньше чем за двадцать четыре часа. Сначала квартира доктора Коррина и вот теперь здесь. Но Грей, прощаясь с матерью и шепча ей на ухо последние наставления, был категоричен. Как только доктор Коррин оставит их одних, они должны будут покинуть его квартиру, переехать в другой конец города и поселиться в гостинице под вымышленными именами, расплатившись наличными.

Дополнительная мера предосторожности.

К сожалению, все эти переезды пагубно отразились на состоянии Джека. Вот уже целый день ему приходилось обходиться без тегетрола, препарата, стабилизирующего настро-

ение. А теперь к тому же закончился и пропранолол, средство, влияющее на кровяное давление и снимающее чувство беспокойства.

Поэтому неудивительно, что Джек проснулся растерянный, объятый паникой. В таком плохом состоянии Гарриет не видела мужа уже несколько месяцев.

Ее разбудили его крики и топот. Она задремала, сидя в кресле перед маленьким телевизором, настроенным на канал новостей «Фокс ньюс». Гарриет убрала громкость так, чтобы лишь можно было услышать имя Грея, если его упомянут еще раз.

Разбуженная криками мужа, она поспешила в спальню. Непростительная ошибка. Больного, находящегося в таком состоянии, нельзя пугать внезапным появлением. Джек набросился на нее, ударив наотмашь по лицу. Он был взвинчен до предела, и ему потребовалось целых полминуты, чтобы узнать свою жену.

Когда это наконец произошло, Джек закрылся в ванной. Гарриет слышала его плач. Именно поэтому он и заперся.

Мужчины семейства Пирсов не плачут.

— Джек, открой дверь. Все в порядке. Я позвонила в соседнюю аптеку и заказала лекарство. Все хорошо.

Гарриет понимала, что, звоня в аптеку, идет на риск. Но она не могла отвезти Джека в больницу, а без медицинской помощи помутнение рассудка у него могло зайти слишком далеко. К тому же громкие крики рано или поздно вызвали бы недовольство администрации гостиницы. Вдруг они вызовут полицию?

Не имея выбора, Гарриет приняла решение. Отыскав в телефонном справочнике расположенную неподалеку круглосуточную аптеку, она позвонила туда и заказала лекарство. Как только лекарство доставят и состояние Джека станет лучше, они выпишутся, переедут в другую гостиницу и снова исчезнут.

У нее за спиной зазвонил звонок.

Ну наконец-то, слава богу.

— Джек, это доставили лекарство. Я сейчас вернусь.

Выйдя из спальни, Гарриет поспешила к входной двери. Положив руку на засов, она остановилась и, наклонившись, прильнула к глазку. Она увидела искаженное изображение коридора. За дверью стояла одинокая женщина с коротко остриженными черными волосами. На ней был белый халат с эмблемой аптеки, а в руке она держала белый бумажный пакет с приколотым рецептом.

Женщина исчезла из поля зрения. Снова зазвонил звонок. Взглянув на часы, женщина развернулась и собралась уходить.

Гарриет окликнула ее через дверь:

— Подождите минутку!

— Аптека «Суон»,— крикнула в ответ женщина.

Решив, что лишняя осторожность не помешает, Гарриет подошла к телефону. Она увидела свое отражение в зеркале на стене. Осунувшаяся, не женщина, а оплывшая восковая свеча. Взяв справочник, Гарриет набрала номер дежурного администратора.

Ей ответили немедленно:

— «Феникс-Парк», дежурный администратор.

— Вам звонят из триста тридцать четвертого номера. Я хочу узнать, пропускали ли вы к нам кого-нибудь из аптеки.

— Да, мэм. Три минуты назад я проверила у этой женщины документы. А что, возникли какие-то проблемы?

— Нет. Нет-нет, никаких. Я просто хотела...

Из спальни донесся грохот упавшего тяжелого предмета, за которым последовали крепкие ругательства. Джек наконец открыл дверь ванной.

Гарриет услышала в трубке голос администратора:

— Мэм, если вам нужна какая-либо помощь...

— Нет, нет, ничего. Благодарю вас.

Она положила трубку.

— Гарриет! — окликнул ее Джек, и сквозь ярость в его голосе прозвучало отчаяние.

— Я здесь, Джек.

Снова раздался звонок в дверь.

Измученная Гарриет отодвинула засов, надеясь, что Джек не станет выступать против лекарства. Она приоткрыла дверь.

Женщина из аптеки подняла лицо и улыбнулась, однако в ее улыбке не было тепла, одно лишь хищное злорадство. Гарриет застыла, запоздало узнав ее. Это была та самая женщина, которая напала на них в охраняемом доме. Прежде чем Гарриет опомнилась, женщина ударом ноги распахнула дверь настежь.

Получив углом двери толчок в плечо, Гарриет не удержала равновесие и упала на жесткие плитки пола. Она попыталась было смягчить падение, выставив руку, однако запястье резко хрустнуло. По всей руке разлилась обжигающая боль.

Ахнув, Гарриет приподнялась на бедро и перекатилась в сторону. Из спальни нетвердой походкой вышел Джек в одних трусах.

— Гарриет?..

Все еще не пришедший в себя, он слишком долго осмысливал ситуацию. Шагнув через порог, женщина подняла пистолет с толстым дулом и направила его на Джека.

— А вот и ваше лекарство.

— Нет! — простонала Гарриет.

Женщина нажала на спусковой крючок. Из дула с резким хлопком вылетела пуля и просвистела мимо уха Гарриет, таща за собой провод. Она попала Джеку в обнаженную грудь, сверкнув в полумраке яркой голубой искрой.

«Тазер»*.

Джек пошатнулся, вскинул руки и упал навзничь, застыв неподвижно.

В наступившей тишине послышался шепот диктора «Фокс ньюс», читающего сводку новостей:

— Вашингтонская полиция продолжает поиски Грейсона Пирса, подозреваемого в причастности к взрыву в доме в округе Колумбия, за которым последовал пожар.

---

* Электрошоковый пистолет.

8 часов 32 минуты
Стамбул

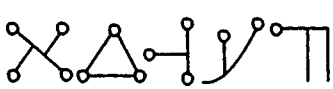
Стоя в одиночестве у парапета на крыше, Грей пытался придумать какой-нибудь надежный канал связи с Вашингтоном. Ему нужно было предупредить о том, какие опасности таятся на острове Рождества. Надо будет действовать очень осторожно, воспользоваться личной линией и позаботиться о том, чтобы информация не распространялась дальше Пейнтера. Но как это сделать? Кто может поручиться, что «Гильдия» не прослушивает абсолютно все линии связи?

У него за спиной послышался голос Сейхан. Она обращалась не к Грею.

— Монсиньор, вы до сих пор не объяснили, зачем вызвали нас в Стамбул. Вы сказали, что вам удалось вскрыть смысл надписи, выполненной ангельским письмом.

Движимый любопытством, Грей вернулся к столу. Однако сидеть он не мог и остался стоять между Сейхан и Вигором.

Взяв рюкзачок, прелат положил его себе на колени. Порывшись внутри, он достал тетрадь и, положив ее на стол, раскрыл на нужной странице. На бумаге была выведена углем строчка знаков ангельского письма:



— Вот надпись с пола Башни ветров,— сказал Вигор.— Каждая буква этого алфавита соответствует определенному тональному слову. И, как утверждает создатель ангельского письма Тритемиус, объединенная в нужном порядке, такая группа символов может открыть прямую линию общения с каким-то определенным ангелом.

— Что-то вроде междугородного телефона,— пробормотал сидящий напротив Ковальски.

Кивнув, Вигор перевернул страницу.

— Я пошел дальше и подписал под каждой буквой ее название.

АЛЕФ ИОД ГИМЕЛЬ АИН ХЕ

Грей покачал головой, по-прежнему не видя в надписи никакого смысла.

Достав ручку, Вигор провел линию под первыми буквами каждого названия, читая вслух:

— А. И. Г. А. Х.

— Это имя какого-то ангела? — спросил Ковальски.

— Нет, это не имя ангела, но это действительно название,— сказал Вигор.— Но вначале необходимо вспомнить, что Тритемиус создал свой алфавит на основе древнееврейского письма, утверждая, что в его символах скрыта сила. Даже сейчас последователи каббалы считают, что в линиях и завитках древнееврейского алфавита скрыта какая-то форма божественной мудрости. Тритемиус же утверждал, что его ангельское письмо является чистейшей выжимкой древнееврейского алфавита.

Грей склонился ближе, начиная понимать, в какую сторону клонит прелат.

— А древнееврейское письмо читается в отличие от английского в противоположном направлении. Справа налево.

Сейхан провела пальцем по листу, читая в обратную сторону:

— Х. А. Г. И. А.

— Хагиа,— осторожно произнес Вигор.— По-гречески это слово означает «святой».

Грей прищурился, затем широко раскрыл глаза. До него наконец дошла истина. Ну конечно же!

— В чем дело? — спросила Сейхан.

Ковальски почесал щетину на подбородке, также сбитый с толку.

Встав из-за стола, Вигор увлек всех за собой к парапету, откуда открывался вид на город.

— На обратном пути Марко Поло побывал в Стамбуле, который в то время назывался Константинополем. Именно здесь он покинул Азию и наконец вернулся в Европу — пересек своеобразный рубеж.

Прелат указал на древнее величественное здание, доминирующее над старой частью города. Грей уже обратил на него внимание. Огромный храм с плоским куполом, наполовину скрытый строительными лесами.

— Хагиа София,— пробормотал Грей, называя храм.

Вигор кивнул:

— Когда-то это был самый большой христианский храм во всем мире. Марко сам высказывался относительно его просторных сводов. Некоторые ошибочно полагают, что «Хагиа София» означает «Святая София», однако в действительности это сооружение называется храм Божественной мудрости, что иначе можно выразить как «храм ангельской мудрости».

— В таком случае нам нужно идти именно туда! — воскликнула Сейхан.— Первый ключ должен быть спрятан там!

Она направилась к лестнице.

— Не так быстро, юная леди,— остановил ее Вигор.

Вернувшись к рюкзаку, прелат снова порылся в нем и достал завернутый в тряпку предмет. Осторожно положив его на стол, он развернул тряпку, открывая плоскую полоску тусклого золота. На вид она выглядела очень старой. С одной стороны в ней было проделано отверстие, а поверхность украшали надписи, выведенные шрифтом со множеством завитушек.

— Это не ангельское письмо,— сказал Вигор, заметив, что внимание Грея привлечено к надписям.— Монгольское. Здесь написано: «Силой вечного неба, да будет святым имя хана. Пусть тот, кто не отнесется к нему с почтением, будет убит».

— Ничего не понимаю,— наморщил лоб Грей.— И эта полоска принадлежала Марко Поло? Что это такое?

— По-китайски она называется «пайцза». По-монгольски — «гереге».

На Вигора уставились три недоуменных взгляда.

Он кивнул на золотую полоску:

— На современном жаргоне это ВИП-паспорт. Путешественник, предъявивший этот сверхпаспорт, мог требовать на землях, принадлежащих Хубилай-хану, лошадей, припасы, людей, корабли — все, что угодно. Хан выдавал такие пропуска послам, выполнявшим его поручения.

— Очень мило,— присвистнул Ковальски.

Однако по тому, как у него блеснули глаза, Грей предположил, что почтительный восторг великана вызвал не рассказ прелата, а золото.

— И троим Поло была выдана такая пайцза? — спросила Сейхан.

— На самом деле три пайцзы. По одному на каждого. Марко, его отцу и дяде. Больше того, с этими пайцзами связан один исторический анекдот. Очень известный. Когда Поло вернулись в Венецию, их никто не узнал. Все трое приплыли на одном-единственном корабле, измученные, оборванные. Никто не мог поверить, что это те самые Поло, которые давным-давно исчезли. Сойдя на берег, все трое вспороли подкладки своей одежды, и оттуда посыпались изумруды, рубины, сапфиры и серебряные монеты. В этой сокровищнице были и три золотые пайцзы, описанные в мельчайших подробностях. Однако затем золотые паспорта исчезли. Все три.

— Их столько же, сколько ключей к карте,— заметил Грей.

— Где вы ее нашли? — спросила Сейхан.— В одном из ватиканских музеев?

— Нет.— Вигор постучал по раскрытой тетради с ангельским письмом.— С помощью друга я обнаружил эту пайцзу под той плиткой, на которой была надпись. В тайной нише под мрамором.

«Как и распятие отца Агреера,— подумал Грей.— Похороненное в камне».

Сейхан выругалась вполголоса. Желанная добыча все это время была у нее перед самым носом.

Вигор продолжал:

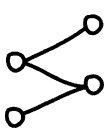
— Я уверен, что это один из тех самых паспортов, которые были выданы Поло.— Он обвел всех взглядом.— И я уверен, что это и есть первый ключ.

— Значит, ключ ведет к Святой Софии...— начал Грей.

— Он указывает на второй ключ,— закончил Вигор.— Еще две пропавшие пайцзы, еще два недостающих ключа.

— Но почему вы в этом так уверены? — спросила Сейхан.

Вигор перевернул золотую полоску. На обратной стороне имелось всего одно изображение, тщательно выведенный символ. Буква ангельского письма.



Вигор постучал пальцем по пайцзе:

— Вот первый ключ.

Грей почувствовал, что он прав. Он устремил взор вдаль, на величественный храм. Святая София. Второй ключ спрятан где-то там, но сооружение просто огромное. Искать в нем такой маленький предмет — все равно что искать золотую иголку в стоге сена. На это уйдет слишком много времени.

Вигор правильно истолковал его беспокойство.

— Я уже направил в храм разведчика. Специалиста по истории искусства из Ватикана, который помог мне решить загадку ангельского письма в Башне ветров.

Грей кивнул. Он смотрел на одинокий символ, однако мысли его были заняты другим. Его не покидало беспокойство за своих друзей. Монка и Лизу. Они уже столкнулись с опасностями. Если ему не удастся связаться с Вашингтоном, быть может, есть другой способ помочь друзьям: опередить «Гильдию» и первым раскрыть эту загадку.

Разыскать Город мертвых, найти исцеление от болезни.

Раньше, чем это сделает «Гильдия».

Глядя на поднимающееся над горизонтом солнце, Грей вспомнил слова Вигора о том, что Стамбул стал важным рубежом в путешествии Марко. И действительно, с самого своего основания древний город находился на перекрестке дорог, опоясывающих весь разведанный мир. К северу от него находится Черное море, к югу раскинулось Средиземное. Их соединяет пролив Босфор, главный морской путь. Но, что гораздо важнее с исторической точки зрения, Стамбул связал два континента. Одной ногой он стоит в Европе, а другой — в Азии.

То же самое можно сказать о месте города в стремнине времени. Одна нога в прошлом, другая в настоящем. Навеки на перекрестке.

В этом Грей был чем-то похож на него.

Из этих размышлений его вывел звонок сотового телефона. Обернувшись, Вигор достал из кармана рюкзачка свой телефон. Изучив код входящего звонка, он нахмурился.

— Звонят из Америки, из Вашингтона,— сказал Вигор.

— Должно быть, это директор Кроу,— предостерег его Грей.— Не говорите о том, где мы и что делаем. Постарайтесь закончить разговор побыстрее, чтобы нас не смогли засечь. Вообще-то потом нужно будет вытащить из телефона аккумулятор, чтобы его нельзя было проследить.

Выслушав эти бредовые наставления, Вигор закатил глаза.

— Pronto*,— сказал он, раскрыв телефон.

Некоторое время Вигор молча слушал, хмурясь все больше и больше.

— Chi parla?** — наконец раздраженно спросил он.

Ответ, судя по всему, его ошарашил. Обернувшись, Вигор протянул телефон Грею.

— Это директор Кроу? — шепотом спросил тот.

---

* Слушаю *(ит.)*.

** Кто говорит? *(ит.)*

Вигор покачал головой:

— Тебе лучше ответить.

Взяв телефон, Грей поднес его к уху:

— Алло.

Он сразу же узнал отчетливый египетский акцент прозвучавшего в трубке голоса. От слов Насера у него, несмотря на июльский зной, заледенела кровь.

— Твои мать и отец у меня в руках.

Глава 8

БОЛЬНАЯ НОМЕР НОЛЬ

6 июля, 12 часов 42 минуты
На борту «Владычицы морей»

Увы его надеждам спасти Лизу...

Монк стоял в кабине лифта, удерживая на поднятой руке поднос с блюдами. Автоматическая винтовка была перекинута через плечо. Из маленьких громкоговорителей тихо звучала приятная мелодия группы «АББА». Путь на лифте из камбуза на верхнюю палубу был настолько долгим, что, подъезжая к нужному уровню, Монк уже подпевал вполголоса.

О господи...

Двери наконец открылись, выпуская Монка. Он прошел к часовым, стоявшим по обе стороны от двустворчатых дверей в конце коридора, бормоча себе под нос заученные фразы по-малайски. Джесси вымазал ему какой-то краской лицо и руки, как это было сделано у остальных пиратов, в точности так же, как были выкрашены руки и лицо у мертвеца в каюте Лизы, которого Монк осторожно выбросил за борт.

С глаз долой, из сердца вон.

В завершение перевоплощения Монк обмотал нижнюю половину лица шарфом. Маскарад был полным.

Назвался груздем...

Весь вечер Джесси обучал Монка некоторым наиболее распространенным малайским фразам — судя по всему, малайский язык был официальным языком здешних пиратов. К со-

жалению, Монк не слишком преуспел в учебе, и пока что не могло быть и речи о том, чтобы пытаться проникнуть сквозь плотный кордон охраны, окружавший Лизу. Вдвоем с Джесси они осмотрели корабль и обнаружили, что всех ведущих ученых и их помощников согнали на одну палубу, в то время как медицинский персонал продолжал ухаживать за больными.

К несчастью, пиратам, судя по всему, стало известно о том, что Лиза в прошлом специализировалась по физиологии. Ее изолировали в научном крыле, отгороженном от остального корабля и охраняемом вооруженными часовыми. Похоже, здесь находились лишь представители пиратской элиты под непосредственным началом татуированного маори Ракао. Радиорубку тоже усиленно охраняли. Все это разузнал Джесси, которому благодаря свободному владению малайским языком удалось затесаться в гущу пиратов.

А Монку все это время приходилось довольствоваться ролью телохранителя Джесси. Больше от него не было никакого толка. Даже если бы он предпринял нападение на научное крыло в духе героев голливудских боевиков, как бы смогли бежать они с Лизой? И куда? Корабль шел в открытом море на полной скорости. Им оставалось бы только прыгнуть за борт — не лучшая затея.

Утром Монк с открытой палубы осмотрел море. «Владычица морей» маневрировала среди островов Зондского архипелага. Вокруг простирался лабиринт крошечных атоллов, тысяча заросших джунглями пальцев, устремленных в небо. Даже если им удастся бежать и выбраться на один из этих островков, их без труда выследят и схватят.

Если, конечно, им удастся ускользнуть от тигровых акул.

Поэтому Монк решил выждать более подходящий момент. Однако из этого вовсе не следовало, что он сидел сложа руки. Он действовал.

Например, сейчас. Подавая обед.

Это была отличная мысль. Ему нужно наладить связь с Лизой. Чтобы дать ей знать, что она не одна. Но самое главное,

чтобы можно было скоординировать свои действия, когда Монк будет готов. А поскольку выйти на Лизу напрямую не получилось, Монку требовался посредник.

Монк подошел к двустворчатым дверям и, показав часовым поднос, пробормотал по-малайски: «Обед подан».

Один из часовых обернулся и постучал в дверь прикладом винтовки. Дверь открыл охранник, находившийся внутри. Увидев Монка с подносом, он махнул рукой, приглашая его пройти в президентскую каюту лайнера.

В дверях Монка встретил дворецкий во фраке. Он попробовал забрать у него поднос, но Монк, разыгрывая роль свирепого пирата, прорычал что-то нечленораздельное и грубо оттолкнул его. Взмахнув руками, дворецкий отлетел назад, чем вызвал сдавленный смешок со стороны часового у дверей.

Монк прошел в главную гостиную. Клубы дыма над плетеным креслом на наружном балконе указали, где находится его цель.

Райдер Блант сидел в кресле в халате и плавках в цветочек, скрестив ноги. Светлые волосы его были всклокочены. Куря трубку, он смотрел на медленно проплывающие мимо остроконечные острова. Свобода была так близко и в то же время так далеко. В тон мрачному настроению владельца лайнера от горизонта наползала черная туча.

Когда Монк приблизился к миллиардеру, тот даже не взглянул в его сторону. Для очень богатого человека это было совершенно естественно; он просто не замечал прислугу. Впрочем, быть может, на самом деле подобное безразличие было выражением презрения к пирату, принесшему обед. Дворецкий уже накрыл для Райдера маленький столик сбоку.

Серебро, хрусталь, наглаженные салфетки. Наверное, хорошо быть королем.

Опуская поднос на стол, Монк склонился к самому уху хозяина лайнера и прошептал по-английски:

— Никак не реагируйте на мои слова. Я Монк Коккалис, американский ученый.

Единственным ответом на его слова стала струя дыма, с особой силой выпущенная миллиардером.

— Напарник доктора Каммингс,— выдохнул Райдер.— Мы полагали, что вы погибли. Пираты направили по вашему следу...

У Монка не было времени на объяснения.

— Да, знаю... но у них возникли неприятности с крабами.

В дверях на балкон появился дворецкий.

Райдер махнул рукой, отсылая его, и громко произнес:

— Это все, Питер. Благодарю вас.

Монк снял блюда с подноса. Приподняв серебряную крышку над тарелкой с горячим мясом, он показал, что там лежат две маленькие рации.

— Фирменное блюдо для вас с Лизой.— Опустив крышку, он показал, что спрятано в другой тарелке.— И разумеется, десерт.

Два маленьких пистолета.

Один для Райдера, другой для Лизы.

Миллиардер широко раскрыл глаза. Монк прочитал в них недоумение.

— Когда?..— начал было Райдер.

— Будем держать связь по рации. Восьмой канал. Пираты его не используют.— Монк и Джесси весь день переговаривались между собой по этому каналу, и никто об этом не узнал.— Вы сможете передать рацию и пистолет Лизе?

— Постараюсь,— ответил миллиардер, однако затем решительно кивнул.

Монк выпрямился. Задерживаться дольше нельзя, иначе у часовых могут возникнуть подозрения.

— Ах да, в последней тарелке рисовый пудинг.

Монк направился обратно в гостиную. У него за спиной Райдер пробормотал:

— Какая мерзкая отрава... ну кому пришло в голову класть в пудинг рис?

Монк вздохнул. Богачи счастливы только тогда, когда им есть на что жаловаться. Подойдя к двустворчатым дверям,

он шагнул в коридор. Один из часовых спросил его что-то по-малайски.

Вместо ответа Монк засунул палец в нос, изображая, что он очень озабочен и спешит, пробурчал что-то бессвязное и направился к лифту.

К счастью, кабина уже стояла на этаже и двери тотчас же открылись. Юркнув внутрь, Монк услышал начало следующей песни группы «АББА».

Он застонал.

У него на поясе зачирикала рация. Монк поднес ее к губам и спросил:

— В чем дело?

— Ждите меня в каюте,— сказал Джесси.— Я сейчас направляюсь туда.

Отыскав свободную каюту, они устроили там свою базу.

— Что стряслось?

— Я только что услышал. Капитан корабля собирается сегодня дойти до какого-то порта. Был дан приказ выжать из двигателей все, чтобы добраться туда до наступления темноты. Метеосводка сообщает, что шторм, надвигающийся на Зондские острова, набирает силу урагана. Так что нужно скорее укрыться в порту.

— Встречаемся в каюте,— сказал Монк, оканчивая связь.

Закрепив рацию на поясе, Монк закрыл глаза. Быть может, вот она, их первая удача. Он сделал мысленные прикидки, непроизвольно подпевая вместе с «АББА»: «Попробуй, рискни».

Очень хорошая песня. И сейчас она была как раз кстати.

13 часов 2 минуты

Лиза смотрела на больную. Женщина была одета в голубую больничную пижаму; от нее отходили многочисленные провода и трубки к всевозможному оборудованию. В соседней комнате ждали два санитара.

Лиза попросила дать ей побыть наедине. Стоя рядом с кроватью, она боролась с гложущим чувством вины.

Лиза уже знала все данные больной наизусть: женщина европейской наружности, рост пять футов четыре дюйма, вес сто десять фунтов, светлые волосы, голубые глаза, на животе шрам после удаления аппендикса. Рентген показал старый сросшийся перелом большой лучевой кости левой руки. Специалисты «Гильдии» даже порылись в архивах и выяснили причину перелома: неудачное падение с роликовой доски в детстве.

Лиза заучила на память результаты анализа крови: ферменты печени, креатинин, желчные кислоты, количество кровяных телец. Также она помнила данные последнего анализа мочи и кала.

Слева от нее стоял столик с инструментами, на котором были аккуратно разложены отоскоп, офтальмоскоп, стетоскоп, эндоскоп. Лиза непрерывно пользовалась ими все утро. На соседнем столике лежали сложенные гармошкой электрокардиограмма и электроэнцефалограмма, снятые вчера вечером. Лиза исследовала каждый их дюйм. За вчерашний день она прочитала всю историю болезни пациентки, а также все то, что удалось обнаружить вирусологам и бактериологам «Гильдии».

Больная находилась не в коме. Более правильно ее состояние описывал термин «кататонический ступор». У нее отчетливо прослеживалась cerea flexibilitis, или восковая гибкость. Если переместить конечность, она застывала в этом положении, как у манекена. Даже если положение было неудобным, причинявшим боль... как лично убедилась Лиза.

К настоящему времени она знала все о теле этой женщины. Измученная, Лиза решила еще раз исследовать больную. Но на этот раз не с помощью инструментов, не с помощью анализов, а чувствами. Чтобы увидеть за сухими результатами живого человека.

Доктор Сьюзен Тьюнис была известным исследователем-океанологом. Ей прочили успешную карьеру. Она даже встретила мужчину своей мечты. И если не считать того, что Сьюзен прожила в счастливом браке пять лет, ее жизнь была точной

копией жизни Лизы. Однако теперь ее судьба являлась напоминанием о том, насколько хрупка человеческая жизнь, наши надежды, устремления и мечты.

Протянув пальцы в перчатке, Лиза пожала руку больной, лежащую поверх тонкого одеяла.

Никакой реакции.

В соседней комнате зашевелились санитары. Открылась дверь каюты люкс. Лиза услышала голос доктора Девеша Патанджали. Глава научно-исследовательской группы «Гильдии» прошел в комнату.

Лиза выпустила руку Сьюзен и повернулась к вошедшему доктору Патанджали. Его неразлучная тень Сурина проскользнула к стулу в соседней комнате и села, аккуратно сложив руки на коленях. Идеальная спутница... идеальный убийца.

Оставив трость у двери, Девеш подошел к Лизе.

— Вижу, вы успели близко познакомиться с больной номер ноль.

Лиза молча скрестила руки на груди. Доктор Девеш впервые заговорил с ней с тех пор, как она приступила к работе. Сам он почти все время проводил вместе с Хенриком в токсикологической лаборатории и с Миллером в лаборатории исследования инфекционных болезней. Лиза даже ела в полном одиночестве, у себя в каюте или здесь.

— Итак, теперь, когда вы получили полную картину о самом ценном пациенте, что вы можете о ней сказать?

Хотя доктор Девеш Патанджали улыбался, Лиза ощутила в его словах угрозу.

Она вспомнила хладнокровное убийство доктора Линдхольма. Совершенное только чтобы преподать урок: будьте полезными. Девеш ждал от нее результатов, прозрений, мимо которых прошли все остальные исследователи. Лиза также чувствовала, что ее сознательно оставили наедине с больной, чтобы защитить от навязывания чужого мнения.

Девеш хотел, чтобы она разобралась в ситуации одна, без постороннего участия.

И все же Лиза хорошо помнила его слова о вирусе, когда он сказал, чем тот занимается в организме больной. «Он инкубирует».

Подойдя к больной, Лиза подняла одеяло, открывая ее руку. Из истории болезни следовало, что первое время конечности больной были покрыты нарывами и гнойными язвами. Однако сейчас кожа была совершенно чистой. Судя по всему, вирус не просто инкубировал, а отвечал еще за что-то.

— Иудин штамм исцеляет больную,— начала Лиза, понимая, что это испытание.— Или, точнее, вирус внезапно решил пойти на попятную и исправить все то, что он начал делать с ее бактериями. По какой-то неизвестной причине вирус превращает смертоносные бактерии в теле больной обратно в мирные, безобидные микроорганизмы.

Девеш кивнул:

— Вирус вымывает те самые плазмиды, которые сам же ввел внутрь бактерий. Но почему?

Лиза покачала головой. Этого она не знала. Не знала наверняка.

Девеш улыбнулся — удивительно тепло, даже дружелюбно.

— И нас это тоже поставило в тупик.

— Но у меня есть одно предположение,— сказала Лиза.

— Вот как?

В его голосе прозвучало удивление.

Лиза повернулась к нему.

— Больная пошла на поправку физически, но тут я задумалась, почему она остается в кататоническом ступоре. Подобное состояние может быть только следствием травмы головы, заболевания сосудов головного мозга, нарушения обмена веществ, воздействия наркотиков... или энцефалита.

Она подчеркнула последнюю причину.

Энцефалит. Воспаление головного мозга.

— Я обратила внимание на подозрительное отсутствие в истории болезни одного теста,— продолжала Лиза.— С результатами пункции спинного мозга и анализа спинномозговой жидкости. Его нигде нет. Однако не сомневаюсь, этот

тест был выполнен, для того чтобы определить состав жидкости в головном мозге.

Девеш кивнул:

— Бахут сахи*. Тест действительно был выполнен.

— И вы обнаружили в жидкости иудин штамм.

Он снова кивнул.

— Вы говорили, что вирус поражает только бактерии, превращая их в страшную заразу, но он не может напрямую попадать в человеческие клетки. Однако из этого не следует, что вирус не может находиться в мозговой жидкости. Вот что вы имели в виду под инкубацией. Вирус находится у больной в голове.

Девеш вздохнул, соглашаясь с ней.

— Похоже, именно туда он и стремился.

— Значит, эта больная не единственная.

— Нет, рано или поздно это происходит со всеми зараженными... по крайней мере, с теми из них, кто остался жив после первой атаки бактерий.

Девеш жестом пригласил Лизу пройти в угол, к компьютеру. Сев за клавиатуру, он начал вызывать на экран различные изображения.

Тем временем Лиза продолжала, расхаживая вдоль кровати:

— Ни один организм не является вредным только ради того, чтобы быть вредным. Даже вирус. Он обязательно преследовал какую-то цель, заражая бактерии. И если учесть, о каком широком спектре бактерий идет речь, случайность исключается. Поэтому я задалась вопросом: чего добивается этим вирус?

Девеш кивнул, приглашая ее продолжать. Однако не вызывало сомнений, что рассуждения Лизы не являются для него чем-то новым. Он по-прежнему ее испытывал.

Лиза снова посмотрела на больную.

---

* Очень хорошо *(хинди)*.

— Чего он добивается? А добивается он доступа в запретную территорию: в головной мозг человека. Доктор Барнхардт упомянул о том, что девяносто процентов клеток, образующих человеческое тело, ему не принадлежат. В основном это клетки бактерий. Но одним из немногих мест, закрытых для вирусных и бактериальных инфекций, является череп. Головной мозг человека надежно защищен от инфекций и является стерильным. Организм выработал практически непреодолимую преграду на пути кровоснабжения мозга — фильтр, который пропускает в головной мозг кислород и питательные вещества, но больше ничего.

— Следовательно, если кому-нибудь захочется попасть в человеческий череп...

Девеш умолк, приглашая ее продолжить.

— Для этого потребуется массированная атака на преграду, защищающую мозг. Например, можно обратить против человека все его бактерии, ослабить организм настолько, что вирус сможет преодолеть преграду и попасть в жидкость головного мозга. Вот то биологическое преимущество, которое приобретает вирус, делая бактерии токсичными.

— Вы меня просто поражаете,— признался Девеш.— Я знал, что не напрасно оставил вас в живых!

Несмотря на комплимент, Лиза нашла мало утешительного в зловещей угрозе, в которую он был облачен.

— Выходит, главный вопрос звучит так: зачем? — продолжал Девеш.— Зачем вирус стремится попасть в голову?

— Печеночная двуустка,— сказала Лиза.

Этот переход оказался настолько непоследовательным, что все внимание Девеша оказалось наконец приковано к ней.

— Прошу прощения?

— Печеночная двуустка является ярчайшим примером целеустремленности в природе. Большинство глистов в течение жизненного цикла меняет трех хозяев. Печеночная двуустка откладывает в теле человека яйца, которые выходят из организма вместе с фекалиями и попадают в канализационные воды, где их съедают улитки. Затем из яйца развивается ма-

ленький червячок, который прогрызает себе дорогу из улитки и начинает искать следующего хозяина: какую-нибудь рыбу. Далее рыбу ловит и съедает человек, червячок пробирается в печень, где развивается во взрослую двуустку и счастливо и беззаботно продолжает свою жизнь.

— К чему вы клоните?

— Возможно, иудин штамм делает что-нибудь в том же духе. Особенно если вспомнить ланцетовидного печеночного сосальщика. Dicrocoelium dendriticum. Он также меняет трех хозяев: жвачное животное — корову или овцу, улитку и муравья. Но меня больше всего восхищает то, что происходит на этапе паразитирования в теле муравья.

— А именно?

— Попав в тело муравья, сосальщик захватывает контроль над нервными центрами насекомого, меняя характер его поведения. Если точнее, при заходе солнца сосальщик вынуждает муравья подняться на высокую травинку, сомкнуть челюсти и ждать, когда его вместе с травой съест пасущаяся корова или овца. Если муравья не съедят, с восходом солнца он вернется в муравейник — но только для того, чтобы вечером все повторилось сначала. Сосальщик буквально управляет муравьем, словно своей собственной маленькой машиной.

— И вы полагаете, вирус занимается тем же самым? — спросил Девеш.

— Возможно. Но я заговорила об этом в основном для того, чтобы напомнить вам, какой изобретательной может быть природа в поисках новых неосвоенных территорий. А человеческий мозг, стерильный и неприступный, определенно является девственной территорией. Природа обязательно попытается его освоить, как это делает с помощью муравья печеночный сосальщик.

— Замечательно. Над этим направлением определенно следует подумать. Однако в этой бочке меда может оказаться ложка дегтя.— Девеш повернулся к компьютеру и загрузил программу просмотра видеоизображения.— Я уже говорил о том, что вирус проник в спинномозговую жидкость всех заболев-

ших, кому удалось выжить после первого нападения бактерий. И вот что происходит в этом случае.

Он нажал клавишу воспроизведения.

На экране появилось изображение без звука. Два санитара в белых халатах пытались привязать к кровати извивающегося обнаженного мужчину с обритой наголо головой, с электродами, подключенными к черепу и груди. Он сопротивлялся, скалил зубы, на губах у него выступила пена. Хотя, несомненно, мужчина очень ослаб от болезни и тело его было покрыто черными язвами, ему удалось высвободить одну руку из ремня, которым она была прикреплена к кровати. Высохшие пальцы, похожие на когти птицы, вонзились в одного из санитаров. Затем больной вывернулся и укусил санитара за руку.

Видео закончилось.

Девеш выключил монитор.

— Мы уже получаем доклады о том, что так ведут себя и другие больные из числа тех, кто заразился в первую очередь.

— Возможно, это еще одна форма кататонии. Бывает кататонический ступор. — Лиза кивнула на неподвижную женщину на кровати.— Но бывает и обратная реакция, зеркальный образ: кататоническое возбуждение. Оно характеризуется крайней гиперактивностью, ужасными гримасами, животными криками и психотической агрессией.

Встав из-за компьютера, Девеш повернулся к кровати с больной.

— Две стороны одной монеты,— пробормотал он, разглядывая неподвижно застывшее тело.

— Этот мужчина на видео...— начала Лиза. Она обратила внимание на фон. Этот фильм был снят не на круизном лайнере.— Кто он такой?

Девеш печально кивнул на кровать:

— Ее муж.

Лиза внутренне напряглась, не в силах оторвать взгляд от распростертой на кровати женщины. Ее муж...

— Они заразились одновременно,— продолжал Девеш.— Их обнаружили на борту яхты, севшей на мель у рифа неда-

леко от острова Рождества. А ваш безымянный больной, тот, у которого болезнь пожирает плоть, судя по всему, добрался до берега вплавь. Этих двоих мы нашли на яхте. Обессиленных, при смерти.

Значит, вот откуда «Гильдия» впервые узнала о случившемся.

Девеш кивнул на больную:

— Разумеется, напрашивается вопрос: почему муж этой женщины демонстрирует полный шизофренический срыв, в то время как она сама находится на пути к физическому выздоровлению, пребывая в мирной кататонии? Мы полагаем, ответ на этот вопрос позволит найти исцеление от болезни.

Лиза не стала спорить. Она была не настолько глупа. Что бы там ни говорил Девеш, Лиза понимала, что «Гильдией» движут не альтруистические устремления. И поиски средства исцеления ведутся не для того, чтобы спасти мир. У «Гильдии» есть свои планы относительно вируса, но перед тем, как можно будет воплотить их в жизнь, необходимо полностью разобраться в болезни. Создать противоядие или лекарство. И в этом пути Лизы и «Гильдии» совпадали. Средство исцеления необходимо найти. Вопрос заключался только вот в чем: как это сделать без ведома «Гильдии»?

Развернувшись на каблуках, Девеш направился к двери.

— Доктор Каммингс, вы добились блестящих успехов. Я вас поздравляю. Однако нельзя останавливаться на достигнутом. Нам нужны новые результаты.— Посмотрев ей в глаза, он поднял одну бровь.— Это понятно?

Лиза молча кивнула.

— Вот и замечательно.— Девеш помолчал.— Ах да, наш досточтимый владелец круизного лайнера сэр Райдер Блант пригласил всех в свою каюту на послеобеденный коктейль. Это будет небольшой праздник.

— И что же мы будем отмечать?

— Долгожданное прибытие в порт,— объяснил Девеш, беря свою трость.— Мы уже почти дома.

У Лизы не было настроения праздновать это событие.

— У меня много работы.

— Чепуха. Непременно приходите. Много времени это не займет, и вы подзарядите свои аккумуляторы. Итак, дело решено. Я попрошу Ракао проводить вас. Пожалуйста, наденьте что-нибудь подобающее такому случаю.

Он вышел. Сурина безмолвной тенью проследовала за ним.

После их ухода Лиза покачала головой и снова взглянула на кровать. На доктора Сьюзен Тьюнис.

— Извини,— пробормотала она.

Она имела в виду мужа больной, а также то, что ждало их всех впереди.

Лиза вспомнила, как уже проводила параллели между собой и больной, отмечая, что их жизни движутся по схожим путям. Она представила себе мужа Сьюзен, с обезумевшим взглядом, похожего на хищного зверя. Вспомнив своего возлюбленного, Лиза обхватила себя руками за плечи, в тысячный раз моля Бога о том, чтобы оказаться дома, рядом с Пейнтером.

Сегодня утром она снова говорила с ним. Очередной запланированный доклад. На этот раз Лиза, наученная горьким опытом, уже не прибегала ни к каким уловкам. И все же, когда ее выводили из радиорубки, она была вся в слезах.

Ей страстно хотелось оказаться в объятиях Пейнтера. Однако есть только один путь добиться этого — быть полезной.

Подойдя к столику с инструментами, Лиза взяла офтальмоскоп. Ей хотелось перед уходом на коктейль-вечеринку исследовать подробнее одно отклонение от нормы у больной, о котором она умолчала Девешу.

На самом деле речь шла о чем-то совершенно невозможном.

2 часа 2 минуты
Вашингтон

На один шаг позади.

Перепрыгивая через две ступеньки, Пейнтер сбежал по лестнице на первый этаж гостиницы «Феникс-Парк». У него не хватило терпения ждать лифт. Криминалистическая бри-

гада «Сигмы» все еще оставалась на третьем этаже, прочесывая номер 334. Двое агентов ФБР спорили с представителями местной полиции.

Пейнтер был вне себя от бешенства. Как ему надоело выяснять, в чьей юрисдикции находится то или иное дело! Это же какое-то безумие!

Впрочем, он сомневался, что его криминалистам удастся обнаружить хоть какие-нибудь улики.

Час назад Пейнтера, прикорнувшего на пару часиков в специальной комнате отдыха в штаб-квартире «Сигмы», разбудил срочный звонок. Наконец-то проступил след исчезнувших беглецов. Заказ на изготовление лекарства для Джексона Пирса. Номер карточки социального страхования совпал. Это была первая удача с того самого момента, как Грей и его компания бежали из сожженного охраняемого дома. Воспользовавшись поисковой системой АНБ, Пейнтер следил за любыми упоминаниями имен Грея и его родителей, а также тех многочисленных вымышленных имен, которыми в прошлом приходилось по долгу службы прикрываться Грею.

Пейнтер тотчас же направил одну группу быстрого реагирования в аптеку, а сам присоединился к другой, которая поспешила по адресу, указанному в рецепте. Гостиница «Феникс-Парк». В аптеке подтвердили получение заказа, однако курьер еще не возвращался. Пока что все попытки связаться с ним по сотовому телефону были безрезультатны. Аптека даже попробовала дозвониться в гостиницу, однако в номере никто не снял трубку.

Прибыв на место, Пейнтер понял почему. В номере никого не было. Те, кто в нем остановился, уже покинули гостиницу. Номер, согласно дежурному администратору, сняла на имя неких Фреда и Джинджер Роджерсов пожилая пара. Они приехали вдвоем. И заплатили наличными. Судя по всему, Грея с родителями не было. Кроме того, Грей не совершил бы такую вопиющую ошибку, как заказ лекарства в аптеке.

Но если и так, что вынудило его родителей пойти на столь рискованный шаг? Гарриет — женщина умная. Значит, не-

обходимость в лекарстве была очень острой. Так почему же они не дождались курьера? Что заставило их сняться с места и податься в бега? Быть может, все это было лишь уловкой? Примененной для того, чтобы направить преследователей по ложному следу?

Однако Пейнтер чувствовал, что тут дело в чем-то другом. Грей ни за что не стал бы так беззастенчиво использовать своих родителей. Он спрятал бы их в каком-нибудь укромном местечке и приказал бы сидеть тихо. И только. Тут что-то было не так. Никто не видел, как пожилая пара покидала гостиницу.

И оставался еще вопрос с пропавшим курьером.

Толкнув дверь, ведущую с лестничной клетки, Пейнтер ворвался в вестибюль гостиницы.

Ночной администратор кивнул ему:

— Я подготовил к просмотру запись камеры видеонаблюдения, установленной в вестибюле.

Пейнтера провели в кабинет. Там на столе стоял телевизор со встроенным видеомагнитофоном.

— Отмотайте на час назад,— сказал Пейнтер, взглянув на часы.

Взяв пульт, администратор перемотал кассету назад и включил видеомагнитофон на воспроизведение. Появилось изображение пустынного вестибюля, только за стойкой сидела одинокая женщина, перебирая бумаги.

— Это Луиза,— объяснил администратор, постучав пальцем по экрану.— Она потрясена всем этим.

Не обращая внимания на его слова, Пейнтер прильнул к экрану.

Входная дверь распахнулась, к стойке подошла фигура в белом халате и, предъявив документы, прошла к лифту. Луиза вернулась к своим бумагам.

— Дежурная видела, как курьер покинул гостиницу?

— Можно у нее спросить...

Курьер поправил халат, при этом подняв лицо к объективу видеокамеры. Пейнтер поспешно остановил кассету.

Это была женщина.

Не мужчина-курьер из аптеки.

Изображение камеры видеонаблюдения было зернистым, и все же были отчетливо видны азиатские черты лица женщины. Пейнтер ее узнал. Он уже видел эту женщину на съемке другой камеры видеонаблюдения, установленной перед охраняемым домом.

Одна из подручных Насера.

Нажав кнопку выброса кассеты, Пейнтер выхватил ее из видеомагнитофона. Он развернулся настолько стремительно, что администратор испуганно попятился назад. Пейнтер показал ему кассету с записью камеры видеонаблюдения.

— Об этом не должен знать никто,— решительно заявил он, пригвоздив администратора к месту пристальным взглядом, делая все возможное, чтобы произвести устрашающий вид, что при его настроении было совсем нетрудно.— Ни полиция, ни ФБР.

Тот истово затряс головой.

Пейнтер направился к двери, стиснув кулаки. Ему отчаянно хотелось по чему-нибудь врезать со всей силой. Он понял, что произошло в гостинице.

Насер похитил родителей Грея прямо из-под носа «Сигмы».

Преступник опередил группу быстрого реагирования на считанные минуты. И Пейнтер не мог свалить вину за это на предателя в рядах «Сигмы». Он понимал истинную причину провала. Бюрократия. Поскольку в дело оказалась замешана Сейхан, известная террористка, все правоохранительные органы были приведены в состояние повышенной готовности, а значит, на практике мешали друг другу. Слишком много кухарок на одной кухне... к тому же у всех были завязаны глаза.

Чего никак нельзя было сказать про Насера.

На протяжении всего дня Пейнтер то и дело натыкался на дорожные посты, в основном следствие межведомственной неразберихи. Поскольку правительство всерьез занялось деятельностью «Сигмы», остальные ведомства зашевелились, по-

чуяв запах крови. Тот, кто первым найдет перебежчицу из «Гильдии», стяжает все лавры. Поэтому вместо взаимного сотрудничества разные ведомства лишь кивали друг на друга.

Пейнтер сознавал, что, если он хочет одолеть Насера, ему первым делом необходимо избавиться от пут, которыми связаны его руки. И есть только один способ сделать это. Он достал сотовый телефон. К черту дипломатические тонкости.

Нажав кнопку, Пейнтер соединился напрямую с центральным управлением.

Ему ответил его помощник.

— Брэнт, соедини меня с директором УППОНИР Макнайтом. По защищенной линии.

— Разумеется, сэр. Однако я сам как раз собирался связываться с вами. Мы получили очень странное сообщение. Относительно острова Рождества.

Пейнтеру потребовалось какое-то время, чтобы переключиться на другую тему.

— Что там произошло? — спросил он, сделав вдох и выдох, чтобы успокоиться.

Он остановился перед вращающимися дверями гостиницы.

— Пока что подробности очень скудные. Но похоже, круизный лайнер, на котором было эвакуировано население острова, был захвачен.

— Что? — выдохнул Пейнтер.

— Одному из ученых ВОЗ удалось бежать. С помощью коротковолновой радиостанции он связался с проходящим мимо танкером.

— Лиза и Монк?..

— Никаких данных, но скоро должна поступить новая информация.

— Я уже еду в штаб-квартиру.

С бешено колотящимся сердцем Пейнтер окончил связь, убрал телефон и толкнул дверь. Прохладный ночной воздух не смог остудить жар его крови.

Лиза...

Пейнтер мысленно прокрутил в голове их последний разговор. Голос у Лизы был усталый; Пейнтер решил, что она на

пределе сил, измучена недосыпанием. А что, если ее вынуждали силой говорить с ним?

Но это же какая-то бессмыслица.

У кого хватит дерзости захватить огромный круизный лайнер? Такое не может просто так сойти с рук. Сейчас, в космическую эру, когда от разведывательных спутников нигде не укрыться. Особенно такому большому кораблю.

15 часов 48 минут
На борту «Владычицы морей»

Монк не мог поверить своим глазам.

«Господи Иисусе...»

Монк стоял на палубе у левого борта, один, дожидаясь Джесси. Прямо впереди поднимался остров, окутанный покрывалом тумана. Отвесные скалы, увенчанные остроконечными зубцами, обрывались прямо в океан, не предлагая ни пляжа, ни безопасной бухты. В целом остров напоминал старинную каменную корону, покрытую густыми джунглями.

Особенно зловеще он выглядел под черным грозовым небом. Круизный лайнер пытался убежать от шторма. Вдалеке позади под низкими тучами темнели полосы дождя, поверхность океана была покрыта белыми барашками. Усиливший-ся ветер трепал флаги, при порывах сбивая с ног.

Большой корабль кидало на волнах, и Монк крепко вцепился рукой в леерное ограждение, чтобы устоять на уходящей из-под ног палубе.

Черт побери, о чем думает капитан?

Лайнер, хоть и сбросив скорость, продолжал идти прямо на остров. Неумолимо приближаясь к негостеприимному клочку суши. Остров выглядел таким же суровым и неприступным, как и сотни других, мимо которых уже прошел лайнер. Чем именно этот отличался от остальных?

Шустрый и разговорчивый, Джесси выведал кое-какие подробности относительно острова у одного из корабельных коков, уроженца здешних краев, узнавшего это место. Остров назывался Пусат, или Пупок. По словам кока, корабли стара-

лись его избегать. Предположительно из этого пупка родилась балийская царица ведьм Рангада, и ее родину до сих пор охраняли демоны, находящиеся у нее в услужении,— чудовища, восстающие из морских глубин, чтобы утащить ничего не подозревающую жертву в подводное царство.

Джесси также предложил и другое объяснение: «Но, скорее всего, все объясняется просто опасными подводными рифами и коварными течениями».

А может быть, дело тут в чем-то совершенно ином?

Ибо, казалось, прямо из сплошного скалистого берега вдруг вырвались три скутера. Синие, вытянутые, низко сидящие в воде.

Снова пираты.

«Неудивительно, что никто не смеет соваться сюда,— подумал Монк.— Мертвые никому ни о чем не рассказывают».

Оглянувшись, Монк увидел бегущих мимо пиратов, кричащих по-малайски. Он вслушался, стараясь разобрать слова. Затем взглянул на часы. Ну где же Джесси? Как раз сейчас переводчик пришелся бы очень кстати.

Монк снова повернулся к приближающемуся острову.

В международных морских атласах сообщается, что острова Зондского архипелага изобилуют сотнями укромных пещер. Всего островов насчитывается свыше восемнадцати тысяч; лишь на шести тысячах имеется постоянное население. То есть остается еще двенадцать тысяч островов, на которых можно устроить тайное логово.

Три скутера с ревом приближались к лайнеру, затем резко развернулись, поднимая высокие буруны. Скутеры рассредоточились: два расположились по обе стороны от носа лайнера, третий занял место прямо впереди. Они направились обратно к острову, медленно борясь с волнами.

Эскорт. Маленькие катера провожали своего большого брата в гавань.

Когда остров стал совсем близко, Монк различил узкую щель в отвесной скале, изогнутую под таким углом, что заметить ее было очень нелегко. Проход казался слишком узким

для круизного лайнера, и Монк почему-то вспомнил про библейского верблюда и игольное ушко. Однако, по-видимому, были проведены все необходимые измерения, результаты которых сопоставили с размерами и осадкой корабля.

Лайнер втиснул свой нос между двумя сплошными каменными стенами. Корме хочешь не хочешь пришлось следовать за ним. Корабль вздрогнул, задев левым бортом о скалу. Послышался зловещий скрежет. Острый каменный зубец смял в щепки две шлюпки, осыпавшиеся вниз дождем обломков. Монк едва успел отскочить назад.

Весь корабль застонал.

Монк затаил дыхание. Однако плыть в узкой расселине было совсем недалеко. Проход снова расширился. Вырвавшись из щели, «Владычица морей» оказалась в просторной открытой лагуне, имевшей размеры небольшого озера.

Вернувшись к ограждению, Монк огляделся по сторонам, разинув рот от изумления. «Черт меня побери, неудивительно, что это место прозвали пупком».

В действительности остров представлял собой кратер древнего вулкана, в жерле которого образовалась лагуна. Возвышавшиеся вокруг острые скалы образовывали корону. Внутри берега были не такими обрывистыми. Они заросли буйными джунглями, среди которых серебрились прожилки ручьев, окаймленных песчаными берегами. На противоположной стороне лагуны побережье было усеяно хижинами, крытыми пальмовыми листьями, и дощатыми домиками. В воду уходили десятки деревянных причалов и пристаней. На берегу лежали лодки, вытащенные на берег для ремонта. От других, проржавевших насквозь, остались одни скелеты шпангоутов.

Вот он, дом пиратов.

Навстречу прибывшему круизному лайнеру устремились новые скутеры.

Монк решил, что это плывут не местные жители, желающие продавать туристам безделушки.

Он поднял взгляд к небу, обратив внимание на то, как изменился, став более тусклым, характер освещения, после того как лайнер вошел в лагуну. Казалось, ветер внезапно нагнал грозовые тучи.

Однако тучи тут были ни при чем.

«Кто-то тут хорошенько поработал»,— подумал Монк, задирая голову.

Над открытым кратером вулкана была натянута огромная сеть. Возраст ее насчитывал десятки, а то и сотни лет. Хотя основными несущими элементами были стальные тросы, натянутые между верхушками скал, переплетение было выполнено из веревок и канатов, а в некоторых местах даже из сплетенной травы и тростника. Эта сетчатая крыша полностью перекрывала сверху лагуну, искусно замаскированная листьями, лианами и ветками. С воздуха лагуна не должна быть видна. С самолета остров покажется сплошным пятном джунглей.

И вот теперь огромная сеть накрыла «Владычицу морей», надежно спрятав ее от любопытных глаз.

Ничего хорошего в этом нет.

Двигатели перестали работать, и лайнер лег в дрейф. Послышался лязг спускающихся якорей.

Внимание Монка привлекла какая-то суета на носу. Он направился туда, чтобы выяснить, в чем дело. Другие пираты не стесняясь бежали на шум, с криками размахивая над головой винтовками.

— Ничего хорошего это не предвещает,— пробормотал Монк.

Стараясь держаться позади, он увидел на носовой палубе большую толпу пиратов, собравшихся вокруг открытого бассейна. Из колонок доносилась оглушительная музыка рэгги. У многих пиратов в руках были бутылки пива, виски и водки — очевидно, в зависимости от национальных предпочтений этого пришлого из разных земель люда. Похоже, пирушка по поводу возвращения домой была в самом разгаре. И сопровождалась она увлекательными играми.

Внимание всех пиратов было приковано к правому борту. Высоко поднятые руки потрясали винтовками; звучали громкие подбадривающие крики. Кто-то отвинтил трамплин для ныряния и выставил его за ограждение, над водой. К борту подтащили какого-то человека со связанными за спиной руками. Было видно, что перед этим его жестоко избили: из носа текла кровь, губа была рассечена.

Протиснувшись сквозь толпу, Монк разглядел лицо несчастного.

О, только не это...

Джесси в отчаянии бормотал что-то по-малайски, однако слушатели были глухи к его мольбам. Под дулом винтовки его заставили перелезть через ограждение и встать на трамплин. Похоже, это были пираты старой закалки, верные древним традициям.

Джесси с трудом удерживал равновесие на качающейся доске.

Монк шагнул было к нему. Однако от молодого студента-медика его отделяла плотная толпа пиратов. К тому же что он мог сделать? Определенно не могло быть и речи о том, чтобы прокладывать себе дорогу с помощью оружия. Это приведет только к тому, что погибнут оба.

И все же рука Монка неудержимо потянулась к винтовке.

Напрасно он впутал парня во все это. Он требовал от Джесси слишком много, вынуждал его напрягаться выше своих сил. Час назад Монк дал Джесси задание достать карту здешних мест. Где-нибудь должна была быть такая карта — или кто-то мог нарисовать ее по памяти. Пираты наверняка доставали все необходимое для жизни где-то поблизости. Монк напомнил об осторожности, но Джесси отправился выполнять задание с горящими глазами.

И вот чем это для него обернулось.

Жалобно вскрикнув, Джесси сорвался с конца доски и кувыркаясь полетел в воду, ударившись со всей силы о поверхность. Монк вместе с остальными пиратами бросился к борту, прижимаясь к ним плечом к плечу, в то время как они свистели, кричали и улюлюкали. Наскоро заключались пари.

Монк выпустил задержанный вдох, увидев, как Джесси вынырнул на поверхность и, судорожно глотая воздух, поплыл на спине, отчаянно работая ногами. Несколько пиратов, стоявших на носу, вскинули винтовки, целясь в барахтающуюся жертву.

О господи!..

Затрещали сухие выстрелы, особенно громкие под маскировочной сеткой, выполняющей роль своеобразного акустического экрана.

Над водой у самых ног Джесси взметнулись поднятые пулями фонтанчики.

Пираты встретили это взрывом хохота.

Извиваясь, парень яростно заколотил ногами, стараясь отплыть подальше от корабля.

Но нет, до берега ему не добраться.

Один из синих скутеров устремился прямо на барахтающегося беглеца, намереваясь раздавить его своим корпусом. Однако в самый последний момент катер резко отвернул в сторону, захлестнув Джесси с головой пенистым буруном.

Тот отфыркался, не столько испуганный, сколько переполненный злостью.

Снова перевернувшись на спину, Джесси поплыл к берегу, молотя ногами словно ножницами, используя связанные руки в качестве руля. Да, силы и выносливости парню было не занимать.

Однако скутер двигался значительно быстрее. Он снова развернулся, готовясь к следующему заходу. На корме катера поднялся на ноги смеющийся пират, целясь из винтовки. Скутер несся на Джесси, стремительно сокращая расстояние.

Монк внутренне съежился, понимая, что это конец.

Скутер промчался мимо.

Но Джесси по-прежнему оставался на поверхности воды, кашляя и отплевываясь. Он снова заработал ногами, спеша к берегу. Пираты одобрительно загудели.

Монк с силой стиснул ограждение, едва не оторвав его от стойки. Проклятые сволочи издеваются над парнем, растя-

гивая мучения. Понимая, что он не в силах помочь Джесси, Монк не мог заставить себя оторвать взгляд. Он бессильно сжал кулаки. Его распаленное докрасна лицо, должно быть, светилось под коричневым гримом.

Во всем этом виноват он один...

Джесси упрямо плыл к берегу, теперь уже на боку, оценивая, далеко ли ему еще осталось. Скутер, описав круг, снова поспешил следом за добычей. Над водой раскатился хохот.

Джесси заколотил ногами еще быстрее. Внезапно он выпрямился, нащупав дно. Побрел по грудь в воде, споткнулся, упал, снова поднялся, нырнул в сторону берега. Вскочив, Джесси побежал по мелководью, высоко вскидывая ноги. Он быстро пересек узкую полоску песка, стремясь укрыться в густых зарослях.

Беги, Джесси, беги...

Скутер на полной скорости подошел к самому берегу. Снова затрещали выстрелы. Маленькими вулканчиками взорвался песок, посыпались дождем сбитые пулями листья. Но Джесси, по-прежнему со связанными за спиной руками, преодолел последние несколько шагов и головой вперед нырнул в чащу джунглей.

Новые крики, наполненные одни восторгом, другие — разочарованием. Из рук в руки стали переходить деньги. Однако многие пираты продолжали ухмыляться, словно радуясь какой-то шутке.

Монк толкнул своего соседа.

— Ара?* — спросил он.

Поскольку среди пиратов было много иностранных наемников, зачатков малайского было вполне достаточно. Далеко не все владели этим языком так же свободно, как уроженцы здешних мест.

У джентльмена, стоявшего рядом, недоставало нескольких зубов, но он с радостью продемонстрировал все оставшиеся, широко оскалившись. Пират показал в сторону берега, но не

* Что? *(малайск.)*

на узкую полоску песка у самой воды, а куда-то выше. У самого скалистого гребня над джунглями поднимались струйки дыма. Судя по всему, там находился какой-то лагерь.

— Pemakan daging manusia*,— объяснил щербатый пират.

«И тебя туда же, приятель».

Судя по всему, пират понял недоумение Монка и лишь улыбнулся еще шире, открывая гнилые зубы мудрости. Он попробовал еще раз:

— Kanibals.

Монк широко раскрыл глаза. Смысл этого малайского слова он понял и без переводчика. Монк посмотрел на пустынный берег, затем перевел взгляд вверх, к струйкам дыма. Похоже, пираты делили этот остров вместе с племенем местных людоедов. И, как и подобает вежливым гостям, вернувшимся домой, пираты швырнули своим хозяевам кость.

В буквальном смысле.

Стоявший рядом с Монком пират продолжал радостно бормотать что-то, указывая на воду. Монку с трудом удавалось разобрать отдельные слова и обрывки фраз.

— ...повезет... ночью... плохо...— Пират сопровождал свой рассказ жестами, показывая, как рука с растопыренными пальцами хватает что-то и увлекает вниз.— Иблис.

Последнее слово в малайском языке было грубым ругательством.

Монку уже не раз приходилось его слышать, однако сейчас ему показалось, что пират использует буквальное значение слова.

Демон.

— Raksasa iblis**,— повторил он и, пробормотав еще несколько фраз, в заключение произнес шепотом имя, которое превратило усмешку у него на лице в гримасу боли: — Рангада.

Монк нахмурился. Выпрямившись, он подался вперед, чтобы посмотреть в воду. У него в памяти была свежа легенда,

---

* Они едят человеческое мясо *(малайск.)*.

** Страшный демон *(малайск.)*.

пересказанная Джесси. Рангадой звали балийскую царицу ведьм, чьи прислужники-демоны якобы обитали в здешних водах.

— Ночью...— пробормотал по-малайски пират, указывая на воду.— Amat, amat buruk*.

Монк вздохнул. Просто замечательно. Он озабоченно посмотрел в сторону зарослей, в которых скрылся Джесси.

Демоны и людоеды.

Что дальше? «Клуб Мед»?**

---

* Плохо, очень плохо *(малайск.)*.

** «Клуб Мед» — известный французский туроператор, предлагает своим клиентам отдых в уединенных бунгало на берегу моря, в окружении первозданной природы.

Глава 9

СВЯТАЯ СОФИЯ

6 июля, 09 часов 32 минуты
Стамбул

Не замечая яркого солнечного света, заливающего ресторан на крыше, Грей слушал то, что ему говорили по телефону. От прозвучавшей угрозы у него, несмотря на летний зной, мороз пробежал по коже.

— Если ты не выполнишь в точности мои указания, я убью твоих родителей.

Грей стиснул сотовый телефон Вигора.

— Если с ними хоть что-нибудь случится...

— Обязательно случится. Это я обещаю. Я пришлю тебе родителей по кусочкам. По почте. Растянув это удовольствие на несколько месяцев.

Насер произнес это настолько уверенно, что Грею не приходилось сомневаться в его словах. Он повернулся к своим спутникам спиной. Нужно было сосредоточиться, подумать.

— Если ты попытаешься связаться с «Сигмой»,— тем же бесстрастным голосом продолжал Насер,— я об этом узнаю. И ты будешь наказан. Кровью своей матери.

Горло Грею сдавил тугой клубок.

— Ах ты мразь... я хочу убедиться в том, что они живы... и с ними все в порядке.

Насер не стал даже отвечать. В трубке послышался какой-то шум, приглушенные голоса, затем заговорила мать Грея.

— Грей? — выдохнула она.— Извини. Все дело в отце. Мне были нужны лекарства.

Мать всхлипнула.

Грей задрожал всем телом, раздираемый яростью и горем.

— Неважно. С тобой все в порядке? А с папой?

— Мы... да... Грей...

Судя по всему, телефон выдернули у нее из руки, и в трубке снова зазвучал голос Насера:

— Я оставляю твоих родителей заботам моей коллеги Аннишен. Кажется, вы с ней уже встречались, у охраняемого дома.

Грей мысленно представил себе женщину азиатской наружности, с коротко остриженными обесцвеченными волосами и татуировками.

Анни.

Насер продолжал:

— Я позвоню тебе, когда буду в Турции. Ровно в семь часов вечера. Ты не двинешься с того места, где находишься.

Грей взглянул на часы. Осталось чуть больше девяти часов.

— Сейчас, пока мы с тобой говорим по телефону, мои люди, находящиеся в районе Султанахмет, окружают тебя со всех сторон. Не пытайся умничать. Мы следили за телефоном монсиньора Вероны с тех самых пор, как он покинул Италию.

Значит, внезапный отъезд Вигора из Ватикана явился условным сигналом. Грею захотелось разозлиться на прелата за подобную беспечность, но он понимал, что Вигор не привык жить и работать в обстановке той мании преследования, которая для него самого давно стала второй натурой. Такое можно сказать про немногих. К тому же в настоящий момент Грею было не до обвинений в чужой адрес; его переполняло чувство собственной вины.

Он бросил своих родителей одних.

— А сейчас я хочу поговорить с Сейхан,— продолжал Насер.

Грей махнул рукой, подзывая Сейхан. Та подошла, чтобы взять телефон, но он его не выпустил, показывая знаком, чтобы она встала рядом с ним, давая ему возможность слушать разговор.

Они прижались голова к голове, ухо к уху. Сейхан заговорила в микрофон.

— Амен,— сказала она, обращаясь к Насеру по имени,— что тебе нужно?

— Ах ты стерва... за это предательство тебя ждут такие мучения, которые ты даже...

— Да, и еще ты ударишь мою собаку и пнешь мою кошку. Я все поняла, милый.— Сейхан вздохнула, щекоча дыханием Грею шею.— Но боюсь, здесь нам пора попрощаться. К тому времени, как ты сюда прибудешь, меня уже давно и след простынет.

Грей напрягся, искоса наблюдая за ней. Сейхан подняла руку, призывая его молчать, и решительно покачала головой. Она никуда не уйдет.

— Мои люди уже окружили вас,— предупредил Насер.— Если попытаешься бежать, они всадят пулю тебе меж глаз.

— Да наплевать. Как только наш разговор будет закончен, я ухожу из этой проклятой церкви.

Многозначительно взглянув на Грея, Сейхан указала на виднеющийся вдалеке купол Святой Софии. Она продолжала говорить в телефон:

— Все равно мы ничего не добились с этой Святой Софией. Фресок здесь слишком много, черт побери. Все они твои, малыш. А меня ты больше не увидишь.

Грей нахмурился. Очевидно, Сейхан лгала. Но с какой целью?

Насер помолчал, затем заговорил, и сквозь ледяной тон проступила охватившая его ярость:

— Тебе не удастся сделать и десяти шагов! Все выходы из Святой Софии перекрыты.

Сейхан закатила глаза, показывая Грею, что ее хитрость удалась.

— Не сомневаюсь в этом, Амен,— закончила разговор она.— Чао, малыш. Целую тебя в щечку.

Сейхан отошла от телефона, предостерегающе подняв палец, призывая Грея быть осторожным.

Тот решил ей подыграть.

— Что ты ей сказал? — крикнул он в телефон.— Сейхан схватила свой пистолет и направилась к выходу из храма. Черт побери, что вы задумали с этой сучкой?

Сейхан кивнула, усмехаясь.

Слушая ругань Насера, Грей ломал голову, стараясь разобраться в уловке Сейхан. Злость на себя и чувство вины на время отступили на второй план. Пользы от них не будет никакой, ни ему самому, ни его родителям.

Грей встретился взглядом с Сейхан. Пусть «Гильдия» проследила за сотовым телефоном Вигора, однако определить его местонахождение точно ей не удалось. Именно это и проверила Сейхан, заявив, что находится в Святой Софии. «Гильдии» было известно лишь то, что они где-то в старом районе Стамбула, но где конкретно — это еще оставалось под вопросом.

По крайней мере, пока.

Грей устремил взор на величественную Святую Софию, возвышающуюся за парком, на ее огромный приплюснутый купол, окруженный четырьмя остроконечными минаретами.

— Чем вы занимаетесь в Святой Софии? — спросил Насер.

Грей прикинул, какую порцию правды можно выдать. Он должен быть убедительным, а для этого необходимо удержаться от откровенной лжи.

— Ищем ключ Марко Поло. Монсиньор Верона расшифровал надпись в Ватикане. Она привела сюда.

— Значит, Сейхан рассказала вам, что́ мы ищем.— Новое ругательство.— За то, что ты позволил ей бежать, я преподам тебе урок, покажу, насколько серьезны наши угрозы.

Грей прочитал в его словах намерение причинить боль его родителям.

— Сейхан нам больше не нужна,— торопливо заговорил он, прерывая Насера. Любым путем нужно защитить роди-

телей! — У меня есть то, в чем ты нуждаешься. Надпись, выполненная ангельским алфавитом на стенках египетского обелиска. У меня осталась копия.

Насер молчал. Грей мысленно представил себе, как он с облегчением закрыл глаза. Хоть Насеру и хотелось наказать Сейхан, в первую очередь ему было нужно зашифрованное послание Марко Поло.

— Очень хорошо, коммандер Пирс.— Напряженность, звучавшая в его голосе минуту назад, исчезла.— Продолжай и дальше помогать нам, и твои мать и отец до конца дней своих проживут в мире и спокойствии.

Грей понимал, что это обещание такое же ненадежное, как дым.

— Встречаемся в Святой Софии ровно в девятнадцать ноль ноль,— продолжал Насер.— Если хочешь, можешь продолжать поиски ключа Марко Поло. Но помни, что мои снайперы держат под прицелом все выходы из церкви.

Грей презрительно фыркнул.

— И еще, коммандер Пирс, если ты замышляешь какую-нибудь уловку, предупреждаю, что я буду держать связь с Аннишен каждый час. И если я опоздаю хотя бы на одну минуту, она начнет отрезать твоей матери пальцы на ногах.

В телефоне раздался щелчок, затем послышались короткие гудки.

Грей захлопнул аппарат.

— Нам нужно торопиться в Святую Софию. Прежде чем люди «Гильдии» успеют нас засечь.

Они начали быстро собираться.

Грей повернулся к Сейхан.

— Это был очень рискованный шаг.

Та пожала плечами.

— Грей, если хочешь выйти живым из этой передряги, ты в первую очередь не должен недооценивать «Гильдию». Да, это очень могущественная организация, и у нее много союзников. Но в то же время нельзя и переоценивать ее. Сейчас «Гильдия» постарается с максимальной выгодой сыграть на твоих

страхах перед ее всемогуществом. Сыграть на них, чтобы подорвать твой моральный дух. Оставайся предельно собранным. Помни про осторожность, но думай головой.

— Ну а если бы ты ошиблась? — спросил Грей, с трудом сдерживая переполняющую его ярость.

Сейхан склонила голову набок.

— Но я ведь оказалась права.

Грей шумно вдохнул носом, пытаясь держать себя в руках. Если бы Сейхан ошиблась, его родителям пришлось бы плохо.

— К тому же,— продолжала молодая женщина,— мне требовалась веская отговорка, чтобы не быть с вами, когда сюда нагрянет Насер. Вас с монсиньором Вероной он оставит в живых. Вы оба ему нужны. И поскольку твои родители у него в руках, Насер уверен, что ты будешь вести себя смирно, словно объезженная лошадь. Но меня он пристрелил бы, едва увидев. Это в лучшем случае. Так что мне был нужен путь к отступлению, который сохранил бы мне жизнь, в то же время предоставив полную свободу действий. Если, конечно, я собираюсь и дальше вам помогать.

Наконец Грею удалось совладать с собой. Конечно, родителям Сейхан ничего не угрожает. Ей гораздо легче рисковать. Она хладнокровно приняла решение, действовала быстро, и последствия пойдут на пользу всем.

И все же...

Обернувшись, Сейхан протянула руку:

— И еще мне понадобится этот парень.

— Кто? Я? — встрепенулся Ковальски.

— Как я уже говорила, меня Насер пристрелит, едва увидев. Как, вероятно, и Ковальски.

— А меня-то почему? — Великан озадаченно наморщил лоб.— Я-то ему чем помешал, черт побери?

— Ты для него бесполезен.

— Эй, полегче!

Сейхан пропустила его вспышку мимо ушей.

— Другие заложники Насеру не нужны, раз у него в руках мистер и миссис Пирсы. Ему не будет никакого смысла оставлять нас в живых.

Грей поднял руку:

— Но что, если Насеру уже известно о том, что Ковальски здесь, с нами?

Сейхан устало посмотрела на него.

Он все понял.

«Не надо переоценивать "Гильдию"».

Нахмурившись, Грей тряхнул головой, стараясь расстаться с представлением о всемогуществе «Гильдии». От одной этой попытки у него заболела голова. И все же, подумав хорошенько, изучив проблему со всех сторон, он пришел к выводу, что Сейхан права.

Грей повернулся к Ковальски.

— Ты пойдешь с Сейхан.

— И я найду ему хорошее применение,— пообещала та, хлопая бывшего моряка по заду.

— По крайней мере, хоть кто-то считает, что от меня может быть польза,— проворчал Ковальски, потирая ягодицы.

Собрав вещи, все направились вниз. Последними уходили Сейхан и Грей. Молодая женщина хотела было пройти мимо, но Грей схватил ее за руку.

— Что ты намереваешься сделать? — спросил он, когда они остались на крыше одни.— Чтобы нам помочь?

— Не знаю. Пока что не знаю.

Она пристально посмотрела на него, потом отвела взгляд. Очевидно, ей хотелось сказать Грею что-то еще, но она никак не могла на это решиться. Это чувствовалось по ее учащенному дыханию, по легкому дрожанию век.

— В чем дело? — тихо спросил обеспокоенный Грей.

Казалось, его ласковый тон возымел обратное действие. Сейхан высвободила руку, но, постояв, вздохнула.

— Грей... я очень сожалею...— начала она, не глядя на него.— Твои родители....

Помимо тревоги, в ее взгляде и жестах было что-то еще. Определенная доля вины. Но почему? Вина подразумевает ответственность. Однако с родителями Грея Сейхан столкнулась совершенно случайно. Грей уже свыкся с этой мыслью. Так чем же объясняется это внезапное чувство вины?

Грей мысленно перебрал различные возможности, восстанавливая в памяти недавние разговоры. С Насером, с Сейхан. Что ее сейчас больше всего беспокоит...

И вдруг он все понял.

Сейхан ведь буквально несколько минут назад сама ему все объяснила.

«Не надо переоценивать "Гильдию"».

Схватив молодую женщину за руку, Грей прижал ее к стене рядом с дверью. Он склонился к ней так, что их губы едва не соприкоснулись.

— О, господи... никакого предателя в «Сигме» нет. И никогда не было.

Сейхан начала было что-то объяснять, запинаясь.

Но Грей не дал ей сказать ни слова.

— Насер предупреждал меня, что лучше не связываться с «Сигмой», даже угрожал мне. Почему? Он знал, что мне известно о предателе «Гильдии» в рядах «Сигмы». Так зачем же меня запугивать? — Он встряхнул Сейхан.— Если только на самом деле никакого предателя нет.

Вздрогнув, Сейхан дернула плечом, стараясь сбросить руку Грея, но тот лишь крепче стиснул пальцы, пронзая мягкие ткани чуть ли не до самой кости.

— Когда ты собиралась открыть мне правду? — резко спросил он.

Наконец молодая женщина обрела дар речи — теперь ее голос прозвучал зло, с вызовом:

— Я обязательно сказала бы тебе правду. Когда все было бы кончено.— Сейхан раздраженно вздохнула.— Но теперь, когда твои родители оказались в руках Насера, я больше не могла молчать... если только остается надежда их освободить. Я не настолько бесчеловечна, Грей.

Сейхан попробовала было отвернуться, но Грей шагнул так, чтобы смотреть ей прямо в глаза.

— Но если никакого предателя не было,— спросил он,— каким образом Насер узнал про охраняемый дом? И устроил засаду?

— То был мой просчет.— Ее глаза превратились в два кусочка кремня.— И это все, что я тебе скажу. Ты должен верить, что я исходила из лучших побуждений.

— Я должен тебе верить,— насмешливо повторил Грей.

Казалось, ее слова ранили Сейхан. Она чуть опустила подбородок.

Грей не унимался:

— Если бы у меня за спиной с самого начала была поддержка «Сигмы»...

Лицо молодой женщины стало твердым.

— Грей, тебя затянула бы бюрократическая трясина. А меня отправили бы за решетку. Выключили из игры. А мне нужно было как можно быстрее и чище вывести нас обоих из-под удара. Поэтому я не стала опровергать твои подозрения.

Грей пристально смотрел на Сейхан, пытаясь найти какой-нибудь едва заметный оттенок противоречивых чувств, указывающий на ложь. Тщетно. Молодая женщина выдержала его взгляд, спокойная, принимающая вызов. Она даже не трудилась скрывать то, что многое еще осталось невысказанным.

Грей скорчил гримасу, злясь на себя за то, что относился к Сейхан без должного внимания.

— Надо было бы просто дать Насеру пристрелить тебя.

— Но кто в таком случае стал бы прикрывать тебя сзади, Грей? На кого ты здесь можешь положиться? На Ковальски? Лучше уж действовать в одиночку. Но у тебя есть я. Есть — и все, черт побери. Так что давай закончим с этим. Можно спорить до бесконечности, терять то драгоценное время, которое у тебя есть, чтобы связаться с «Сигмой», а можно оставить все на потом.— Сейхан кивнула в сторону двери.— В вестибюле гостиницы есть телефон-автомат. Это еще одна причи-

на, из-за которой я постаралась убедить Насера в том, что мы находимся не здесь, а в другом месте. Вероятно, к настоящему времени «Гильдия» уже прослушивает все телефоны-автоматы рядом со Святой Софией. Но этим, в гостинице, можно пользоваться безопасно. Относительно безопасно. И ты должен быть краток. Времени у нас и без того очень мало.

Грей отпустил Сейхан, оттолкнув от себя. И снова у нее на лице промелькнуло несчастное выражение. «Что ж, пусть чувствует себя несчастной».

Если бы он знал, что никакого предателя нет, то с самого начала связался бы с Пейнтером. И хотя бы обеспечил безопасность своих родителей.

Судя по всему, Сейхан правильно поняла, чем вызвана злость Грея. Она провела рукой по лицу, и ее голос смягчился, стал усталым.

— Грей, я тоже надеялась, что с твоими родителями ничего не случится. Честное слово.

Грею захотелось сказать ей что-нибудь резкое, однако он не нашел подходящих слов. И потому что по-прежнему злился на Сейхан, но, гораздо важнее, потому что не мог полностью переложить на нее свою вину.

От этой простой истины было никуда не деться.

Именно он бросил своих родителей одних. Он, и никто другой.

3 часа 4 минуты
Вашингтон

— Господин директор Кроу, вам звонок по защищенной линии из Стамбула.

Оторвавшись от ряда мониторов, на которых выводились в реальном времени данные со спутников, Пейнтер взглянул на дежурного связиста. Кто может звонить из Стамбула?

В течение последнего часа Пейнтер спорил с руководством Управления национальной разведки и Агентства национальной безопасности, пытаясь получить доступ к «Эшелону», спутниковой системе наблюдения, чтобы сосредоточить

поиски в районе острова Рождества. Однако такая удаленная территория, к тому же малонаселенная, считалась потенциально неопасной, поэтому постоянное наблюдение за ней не велось. В конце концов Пейнтеру удалось убедить руководство Австралийской объединенной службы обороны нацелить на район один из своих спутников. Однако произойти это должно было только еще через четырнадцать минут.

— Это коммандер Пирс, сэр,— уточнил дежурный связист, протягивая трубку.

Пейнтер резко развернулся в крутящемся кресле. Это что еще за чертовщина? Он взял трубку.

— Грей? Говорит директор Кроу. Где ты находишься?

Голос прозвучал очень тихо.

— Сэр, времени у меня в обрез, а я должен сообщить вам много важной информации.

— Я слушаю.

— Во-первых, мои родители похищены агентом «Гильдии».

— Аменом Насером. Знаю. Мы уже развернули широкомасштабные поиски.

Последовала короткая пауза, вызванная удивлением. Затем Грей продолжал:

— Вы также должны срочно связаться с Индонезией, с Монком и Лизой. Они в опасности.

— Это нам уже известно. Как раз сейчас я пытаюсь получить информацию со спутника, который находится над тем районом. Если ты закончил рассказывать о том, что мне уже известно, почему бы тебе не начать с самого начала?

Вздохнув, Грей быстро рассказал о том, что произошло с того момента, как в его жизнь снова ворвалась Сейхан. Пейнтер задал несколько вопросов, и отдельные части головоломки начали складываться в цельную картину. Кое до чего он уже дошел сам, еще когда ожидал ответа АНБ. У него появились подозрения, что «Гильдия» может иметь какое-то отношение к случившемуся на острове Рождества. Ну у кого еще хватило бы ресурсов похитить население целого острова и бесследно скрыться? И вот только что Грей подтвердил это пред-

положение и дал ответ на то, почему все это происходит, даже произнеся конкретное название.

Иудин штамм.

Час назад Пейнтер вызвал на работу начальника научно-исследовательского отдела «Сигмы» доктора Малькольма Дженнингса, подняв его с кровати. По дороге в машине от гостиницы, где были похищены родители Грея, до штаб-квартиры «Сигмы» Пейнтер мысленно прокрутил последний разговор с Лизой. Очевидно, что ее принудили к этому силой; к каждой фразе нужно было тщательно прислушиваться. Пейнтер вспомнил панику Дженнингса по поводу угрозы глобальной экологической катастрофы. И его заключительные слова, леденящие душу: «Мы так и не можем сказать со всей определенностью, что погубило динозавров».

На острове Рождества определенно происходит нечто такое, что могло заинтересовать «Гильдию».

Далее, Пейнтер сам дошел до того, что внезапное появление Сейхан и исчезновение Грея могут иметь какое-то отношение к событиям в Индонезии. Два значительных удара, нанесенных «Гильдией» одновременно. Пейнтер не верил в случайные совпадения. Обязательно должна быть связь. Но он ни за что бы не предположил, кто выступает в роли связующего звена.

— Марко Поло? — переспросил Пейнтер.

Грей закончил свой рассказ:

— «Гильдия» ведет операции сразу на двух фронтах. Научная ветвь изучает нынешнюю вспышку болезни, пытаясь определить причину и найти лекарство. В это же время...

— ...историческая ветвь возвращается по следу Марко Поло к тому же самому: к причине и лекарству,— закончил за него Пейнтер.

Наконец все происходящее приобрело определенный жуткий смысл.

— И вот теперь Насер направляется в Стамбул,— сказал Пейнтер.

— Вероятно, он уже в воздухе.

— Я могу поднять наших людей там, у вас. Они будут готовы действовать в течение ближайших двух часов.

— Не надо. «Гильдия» об этом узнает. По словам Сейхан, Стамбул является одним из основных центров деятельности «Гильдии». У нее там везде есть свои люди. Если станет известно о том, что вы мобилизуете силы, «Гильдия» поймет, что у нас с вами состоялся разговор. И мои родители... этого делать нельзя ни в коем случае. Мне придется разбираться с Насером самому.

— Грей, но ты и так уже пошел на огромный риск. В «Сигме» действует предатель. Я сделаю все возможное, чтобы перекрыть канал утечки, но нам надо...

— Господин директор, никакого предателя в «Сигме» нет.

Пейнтер умолк, оглушенный этим известием. Ему потребовалось какое-то время, чтобы перестроиться, осознать смысл услышанного и вытекающие отсюда последствия.

— Ты уверен? — наконец спросил он.

— Уверен настолько, что ставлю на это жизнь своих родителей.

Пейнтер помолчал. В конце концов он пришел к выводу, что верит Грею. От бессильного отчаяния, вызванного деятельностью межведомственной комиссии, не осталось и следа. Если никакого предателя нет...

Голос Грея стал еще тише:

— Сэр, я не могу больше рисковать, затягивая разговор. Мне нужно уходить. Я сделаю все возможное, чтобы пройти по следу Марко Поло и выяснить, куда он приведет.

В трубке наступила тишина. Пейнтер подумал было, что Грей закончил разговор, но его голос зазвучал снова:

— Господин директор, пожалуйста, разыщите моих стариков.

— Обязательно разыщу, Грей. Можешь в этом не сомневаться. И когда это произойдет, пусть Вигор ждет звонка от своей племянницы. После нескольких звонков она положит трубку. Это будет сигналом, говорящим о том, что твои родители в безопасности.

— Благодарю вас, сэр.

Связь оборвалась.

Пейнтер откинулся назад.

— Сэр,— прервал его размышления дежурный связист,— приблизительно через две минуты начнет поступать сигнал со спутника.

10 часов 15 минут
Стамбул

Грей понимал, что ему нужно спешить, однако ноги его сами замедлили шаг, когда он оказался у западного фасада Святой Софии, пораженный размерами собора.

Вигор обратил внимание на то, как Грей задрал голову.

— Впечатляет, правда?

Грей не мог с ним поспорить.

Монументальное творение византийских зодчих считалось многими восьмым чудом света. Возвышающийся на холме, где когда-то стоял храм Аполлона, собор смотрел на голубую гладь Мраморного моря и раскинувшийся внизу Стамбул. Самая главная его достопримечательность — огромный купол, взметнувшийся в воздух на высоту двадцатиэтажного здания, сверкал в лучах утреннего солнца подобно полированной меди. С востока и запада к нему примыкали два полукупола, а вокруг, словно королевская свита, толпились дополнительные купола, перекрывавшие все громадное сооружение.

Продолжая краткую историческую лекцию, Вигор указал на гигантские ворота, ведущие внутрь Святой Софии:

— Императорские ворота. Именно через них в пятьсот тридцать седьмом году вошел император Юстиниан, освящая собор, и провозгласил: «О Соломон, я превзошел тебя!» И именно перед этими воротами в пятнадцатом веке султан Мехмед, предводитель турков-оттоманов, разоривших Константинополь, смиренно посыпал себе голову пылью, прежде чем вступить в собор. Святая София произвела на него такое впечатление, что султан, вместо того чтобы ее разрушить, превратил в мечеть.

Прелат обвел рукой четыре высоких минарета, окруживших собор.

— А теперь это музей,— сказал Грей.

— Начиная с тысяча девятьсот тридцать пятого года,— подтвердил Вигор, указывая на строительные леса, облепившие южный фасад здания.— И с того момента реставрационные работы продолжаются практически непрерывно. И не только снаружи. Превратив собор в мечеть, султан Мехмед приказал заштукатурить все христианские мозаики, поскольку изображение человеческих фигур противоречит законам ислама. Однако на протяжении последних десятилетий ведутся медленные и тщательные работы по восстановлению этих бесценных византийских росписей. В то же время не менее сильно стремление сохранить древнее исламское искусство пятнадцатого и шестнадцатого столетий, впечатляющие образчики арабской каллиграфии и украшенные кафедры. Для того чтобы найти равновесие между этими взаимоисключающими задачами, к реставрационным работам в Святой Софии привлекаются ведущие специалисты всех областей архитектуры и искусства. В том числе и из Ватикана.— Вигор повел своих спутников через открытую площадь к величественному арочному входу, следуя за потоком туристов.— И я, памятуя об этом, решил пригласить сюда одного человека, знакомого с реставрационными работами, которому в прошлом уже приходилось консультировать смотрителей Святой Софии.

Грей вспомнил слова Вигора о том, что он уже заранее направил сюда человека, чтобы тот начал поиски золотой иголки в этом огромном византийском стоге сена.

Когда они подошли к входу, Грей обратил внимание на огромного бородача, который торчал в дверях, мешая потоку туристов. Он стоял, уперев кулаки в бедра, и свирепо озирался по сторонам. Однако, заметив Вигора, бородач радостно улыбнулся и приветливо поднял руку.

Прелат жестом предложил ему пройти в собор.

Грей последовал за ними, торопясь покинуть улицу. Он не знал, удалось ли преследователям из «Гильдии» установить

их местонахождение. У него не было никакого желания раскрывать Насеру уловку Сейхан и вообще дразнить его до тех пор, пока его родители не окажутся в безопасности.

Проходя в открытые двери, Грей оглянулся на площадь перед собором. Сейхан и Ковальски нигде не было видно. Маленький отряд разделился, как только покинул гостиницу. Сейхан заставила Грея выучить наизусть номер ее одноразового сотового телефона, приобретенного заблаговременно. Теперь это был их единственный способ связи.

— Коммандер Грей Пирс,— представил Вигор,— познакомьтесь с моим замечательным другом Бальтазаром Пиноссо, деканом факультета истории искусства Григорианского университета.

Рука Грея утонула в огромной лапище Бальтазара. Рост великана был под семь футов.

Вигор продолжал:

— Бальтазар — один из тех, кто обнаружил послание Сейхан в Башне ветров; это он помог мне перевести надпись, выполненную ангельским алфавитом. К тому же Бальтазар в очень хороших отношениях с хранителем здешнего музея.

— Много от этого толку,— низким баритоном проворчал Бальтазар, приглашая Вигора и Грея пройти в главный зал собора. Он махнул рукой перед собой.— Фронт работ у нас здесь — начать и кончить.

Бальтазар отступил в сторону, открывая внушительное зрелище.

Грей раскрыл рот, потрясенный увиденным. Обратив внимание на реакцию молодого американца, Вигор потрепал его по плечу.

Впереди уходил вдаль высокий полукруглый свод, чем-то напоминающий железнодорожный вокзал. Над головой маленькие купола, соединенные арками, поднимались к центральному куполу. С обеих сторон наверху проходила колоннада. Однако самым впечатляющим были не каменные своды, а игра света в открытом пространстве. Прорезанные в стенах стрельчатые окна тянулись по нижней границе куполов, про-

пуская солнечный свет, который отражался от изумрудно-белого мрамора и позолоты на мозаике. Сами размеры огромного свода, который держался без поддержки внутренних колонн, казались невозможными.

В благоговейном почтении Грей следовал за двумя учеными по длинному нефу.

Оказавшись в самом сердце собора, Грей задрал голову на гребенчатый свод главного купола, находящегося на высоте двадцатиэтажного дома. Его ребристая поверхность была украшена золотой с пурпуром каллиграфической вязью. По нижнему краю сорок окон пропускали утренний свет, и казалось, что купол просто висит в воздухе.

— Он словно парит в вышине,— пробормотал Грей.

К нему подошел Бальтазар Пиноссо.

— Зрительная иллюзия архитектуры,— объяснил специалист по истории искусства, показывая вверх.— Видите вот эти ребра на внутренней поверхности свода, похожие на спицы зонтика? С их помощью вес купола распределяется на межоконные парусные своды, опирающиеся на массивные пилоны основания. Кроме того, купол гораздо легче, чем выглядит, потому что он построен из пустотелых кирпичей, обожженных на острове Родос из местной пористой глины. А в целом получается шедевр иллюзии. Камень, свет и воздух.

Вигор кивнул:

— Даже Марко Поло был поражен, говоря словами этого великого человека, «кажущейся невесомостью купола и пугающим изобилием эффектов прямого и отраженного освещения».

Грей все понял. Но ему было как-то не по себе от мысли, что вот там, где сейчас стоял он, когда-то стоял Марко Поло. Через века их объединило преклонение и уважение к древним зодчим.

Общее впечатление портила лишь стена черных строительных лесов, взобравшихся вдоль одной стены от мраморного пола до самого верха купола.

Это помогло Грею вернуться в настоящее. Он взглянул на часы. Насер будет здесь еще до наступления темноты. У них есть всего несколько часов, чтобы решить эту загадку.

Если его замыслу суждено увенчаться успехом...

Но с чего начать?

Вигор задал тот же самый вопрос своему другу:

— Бальтазар, вы уже расспросили сотрудников музея? Кто-нибудь видел здесь что-либо похожее на ангельское письмо?

Почесав бороду, великан вздохнул.

— Я спрашивал у самого хранителя музея, говорил с его людьми. Хранитель знает Святую Софию от подземных склепов до верхушки самого высокого купола. И он утверждает, что нигде в соборе нет ничего похожего на ангельское письмо. Однако он высказал одно предположение... которое вам вряд ли понравится.

— Какое? — спросил Вигор.

— Вспомните, что, когда Святая София была превращена в мечеть, значительная часть поверхности стен и купола была заштукатурена. Возможно, то, что мы ищем, скрыто под несколькими дюймами старинной штукатурки. А может быть, надпись была высечена на штукатурке, которая с тех пор давно отлупилась.— Бальтазар пожал плечами.— Так что высока вероятность, что нужной нам надписи больше нет.

Грей не хотел в это верить. Пока Вигор и Бальтазар занялись обсуждением технических подробностей, он отошел в сторону. Ему нужно было подумать. Он непроизвольно снова взглянул на часы, нервничая и беспокоясь. У него в голове даже не зафиксировалось, который час. Опустив руку, Грей прошел к лесам. Он не должен был оставлять своих родителей одних. У него в голове снова прозвучали слова матери, сказанные по телефону:

«Извини. Все дело в отце. Мне были нужны лекарства».

Несомненно, произошло что-то серьезное. Грей не принял в расчет то, что его отец болен, что ему постоянно требуются лекарства. Не явилось ли это следствием сознательной слепо-

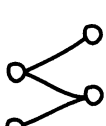
ты, упорного нежелания принять истинное состояние отца? Так или иначе, из-за его безрассудства жизнь родителей теперь под угрозой.

Опустившись на пол, Грей уселся на корточки, устремив взгляд на купол. Он постарался полностью очистить свой рассудок. Сейчас от тревог, страхов и сомнений не будет никакой пользы. Ни ему самому, ни его родителям. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоиться, Грей медленно выпустил воздух. Гул туристов затих, отступил на задний план.

Грей постарался представить себе собор таким, каким он был в далеком семнадцатом веке. Мысленно он снова закрасил стены, скрыв золоченую мозаику под белой штукатуркой. Сделал это с сосредоточенной расчетливостью, словно выполняя упражнение медитации. И древняя мечеть ожила, хотя бы и только у него в мыслях. Грей услышал голоса муэдзинов, разносящиеся с высоких минаретов по всему городу. Мысленно увидел верующих, преклонивших колени на молитвенных ковриках, сгибающих спину и распрямляющихся, возносящих слова к Богу.

Где в таком месте может быть спрятан следующий ключ? Где — в этом громадном сооружении, с бесчисленными галереями, пристройками и альковами?

Сидя на корточках, Грей прокрутил перед мысленным взором весь собор, словно трехмерное изображение на экране компьютера, изучая его со всех ракурсов. При этом он рассеянно водил пальцем по полу, покрытому слоем цементной пыли. Не сразу до него дошло, что он рисует символ ангельского письма, тот самый, который был нарисован на обратной стороне золотой пайцзы Марко Поло.



Грей уставился на этот символ, продолжая крутить в голове весь комплекс Святой Софии.

— В то время собор уже был мечетью,— пробормотал он вслух.

Он постучал пальцем по четырем кружкам, которые Вигор назвал «диакритическими знаками».

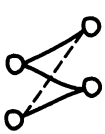
Четыре кружка, четыре минарета.

А что, если этот символ означает нечто большее, чем первый ключ к разгадке тайны зашифрованной карты? Что, если это также подсказка, ведущая ко второму ключу? Кажется, Сейхан говорила то же самое: один ключ ведет к другому.

Мысленно Грей наложил схематический план Святой Софии на символ, сопоставив минареты с диакритическими знаками. Четыре кружка, четыре минарета. А вдруг этот символ представляет собой приблизительный план всего собора с минаретами в качестве ориентиров?

Если так, то с чего начать поиски?

Грей провел по пыльному полу еще одну линию, пунктирную.



— Нужное место обозначено крестиком,— пробормотал он.

11 часов 2 минуты

Вигор заметил, что Грей ползает на четвереньках по полу, вытирая мраморные плиты руками. Посмотрев на него, Бальтазар удивленно поднял брови. Они подошли к Грею.

— Что вы делаете? — спросил Бальтазар.— Если вы намереваетесь ощупать весь пол руками, на это потребуются недели.

— В чем дело? — спросил Вигор.

Грей указал на то место, где сидел вначале. Подойдя туда, Вигор посмотрел на смазанный рисунок на пыльном полу. Он нахмурился.

— Это примитивная схема Святой Софии,— объяснил Грей,— на которой указано, где нам следует искать следующий ключ.

Почувствовав в его словах истину, Вигор в который уже раз поразился аналитическим способностям этого человека. Ему даже стало несколько не по себе.

Грей продолжал ползать по мраморным плитам, медленно исследуя небольшой участок пола. Проходящие мимо туристы удивленно смотрели на него.

Бальтазар ходил за ним следом.

— Вы полагаете, что кто-то нацарапал на мраморе ангельские письмена?

Внезапно Грей остановился, наткнувшись плечом на черную опору строительных лесов. Его пальцы вернулись к тому месту, по которому только что прошли. Склонившись к самой плите, он сдул с нее пыль.

— Не ангельские письмена,— сказал он, протягивая руку к воротнику.

К нему подошел Вигор. Вдвоем с Бальтазаром они присели на корточки рядом с плитой, которая привлекла внимание Грея. Протянув руку, Вигор ощупал мрамор кончиками пальцев.

На плите, полустертое временем и миллионами ног, было едва различимое изображение креста.

Грей снял с шеи серебряное распятие. Крест отца Агреера. Он сравнил его размеры и форму с крестом, высеченным на мраморе. Полное совпадение.

— Ты нашел ключ,— прошептал Вигор.

У Бальтазара в руке уже появилась маленькая резиновая киянка, которую он достал из-за пояса. Он начал простукивать плиту. Затаив дыхание, Грей наблюдал за его работой.

Вигор объяснил:

— Именно так мы обнаружили пустоту под плитой с надписью в Башне ветров. Выстукивая. И отыскивая скрытые полости.

Бальтазар методично продвигался по плите, однако складки у него на лбу становились все глубже.

— Ничего,— наконец пробормотал он.

— Вы уверены? — спросил Вигор.— Ключ должен быть здесь.

— Нет,— возразил Грей. Он распластался на полу, устремив взгляд вверх.— Куда смотрит Иисус?

Вигор взглянул на схематическую серебряную фигуру Христа на распятии, затем снова посмотрел вверх.

— Он смотрит на купол,— сам ответил на свой вопрос Грей.— На тот самый купол, который в свое время заворожил Марко Поло. На купол, чей вес облегчен за счет использования пустотелых кирпичей. Если кому-то понадобилось спрятать что-либо на века...

Вигор стоял, задрав голову и раскрыв рот.

— Ну конечно же! Но только в каком именно кирпиче?

Бальтазар вскочил на ноги.

— У меня есть одна мысль.

Растолкав группу туристов из Германии, он бросился в противоположный конец здания.

Протянув руку, Вигор помог Грею подняться на ноги. Подобрав распятие, тот повесил его на шею.

— Великолепно, Грей.

— Однако мы пока что еще не нашли вторую золотую пайцзу.

От Вигора не укрылось то, что Грей, перед тем как расстаться с Сейхан, переговорил с ней наедине.

— К чему такая спешка, Грей? Насер будет здесь через несколько часов, зачем нам искать второй ключ?

— Потому что я хочу обрадовать Насера,— объяснил Грей. Вигор прочитал во взгляде молодого американца беспокойство за своих родителей.— И доказать ему, что от нас может быть какая-то польза. Нам нужно, чтобы он оставил нас в живых.

Вигор почувствовал, что Грей не раскрывает до конца свой замысел. Однако прежде чем он успел его расспросить, вернулся запыхавшийся Бальтазар с небольшим инструментом.

— Я рассудил, что раз тут ведутся такие масштабные строительные работы, у кого-нибудь непременно должна найтись

лазерная указка. Очень полезный инструмент, когда приходится иметь дело с такими большими расстояниями.

Опустившись на корточки, коллега Вигора поставил лазерную указку на высеченный на мраморной плите крест и включил его. Казалось, не произошло ровным счетом ничего.

Бальтазар поднял с пола щепотку известковой пыли и рассыпал ее над указкой. Тотчас же облачко пыли расцветилось ярко-рубиновым лучом.

— Работает.— Бальтазар задрал голову вверх.— Кому-то нужно будет подняться по строительным лесам и определить, на какой именно кирпич падает лазерный луч.

Грей кивнул:

— Полезу я.

Виновато оглядевшись по сторонам, Бальтазар украдкой протянул ему молоток и зубило.

— Это я тоже захватил.— Он показал знаком Грею, чтобы тот спрятал инструмент.— Вам надо быть предельно осторожным. Проход наверх запрещен без специального пропуска, выписанного турецким правительством. Я попросил у хранителя разрешения подняться наверх одному из нас для того, чтобы сделать фотографии. Буквально на несколько минут. Но вот охранники,— Бальтазар кивнул на вооруженного охранника у лестницы на леса,— в наше время террористических атак они обучены сначала стрелять и лишь потом задавать вопросы. Если кто-нибудь из них увидит, что вы стучите по куполу зубилом...

Он выразительно умолк.

— Даже если никого и не застрелят,— предупредил Вигор,— мы ни в коем случае не должны допустить, чтобы нас обнаружили. Если нас отсюда выставят... если будет вызвана полиция...

По глазам Грея прелат прочитал, что тот все понял.

Насер все узнает.

— И тогда под угрозой окажутся не только наши жизни,— закончил Вигор.

Родителям Грея также придется страдать.

Глубоко вздохнув, Грей понизил голос:

— В таком случае нам понадобится отвлекающий маневр.

11 часов 48 минут

Грей поднимался по строительным лесам, пригибаясь, чтобы не задеть за низкие балки. Добравшись до середины, он остановился на площадке и, взглянув вниз, быстро разглядел в толпе туристов Бальтазара. Великан, стоявший рядом с хранителем музея, сразу же бросался в глаза. Перевесившись через ограждение, Грей заметил охранника в форме. Тот покинул свое место, чтобы следить за продвижением Грея.

Чувствуя на себе пристальные взгляды, Грей продолжал подъем. Он добрался до кольца окон в нижней части купола. Сквозь стрельчатые своды бил ослепительный солнечный свет. Грей увидел вдалеке синеву Мраморного моря. Он полез дальше и оказался выше окон. Здесь стало гораздо темнее. Еще пара минут — и Грей наконец поднялся на самый верх лесов и смог дотянуться до внутренней поверхности купола. Больше того, ему пришлось скорчиться в три погибели, чтобы не удариться головой.

Повсюду вокруг по ребристым сводам стекала вниз каллиграфическая арабская вязь. Прямо над головой центр купола был украшен изящной спиралью золотых букв, выведенных на сочном пурпурном фоне.

Грей поискал взглядом вокруг центра. Слева мельчайшие пылинки мерцали алым огнем, освещенные лучом лазерной указки снизу. Грей увидел цель — сияющая рубиново-красная точка на густом пурпуре штукатурки. Хорошо. На темном фоне разглядеть дыру будет нелегко.

По крайней мере, Грей на это надеялся.

Для того чтобы добраться до нужного кирпича, ему пришлось ползти на четвереньках, поскольку свод купола начал изгибаться вниз.

Оказавшись на месте, Грей присел на корточки и ощупал штукатурку. Гладкая поверхность. Никаких ангельских букв. Вообще никаких отметин.

Грей нахмурился. А что, если он ошибся?

К несчастью, был всего один способ это выяснить. Грей махнул рукой через луч лазера, и у него на ладони на мгновение расцвело красное пятно.

Это был условный знак.

Далеко внизу Бальтазар нагнулся, поднял с пола указку и направил ее в глубь уходящего в полумрак нефа.

Казалось, лазерный луч ударил по гонгу: из той части собора раздался громкий полицейский свисток, разорвавший торжественную тишину и раскатившийся отголосками под сводами. Вслед за этим послышались испуганные крики.

Посмотрев в ту сторону, Грей увидел вспышку пламени. Бутылка с самодельной зажигательной смесью, изготовленной из спиртосодержащей жидкости, которой реставраторы отчищают мозаику. Вигор бросил ее в мусорный бак.

Крики стали громче.

Грей развернулся так, чтобы заслонить своим телом от охранника внизу то святотатство, которое собирался совершить. Достав из-за пазухи инструмент, он поставил зубило в ту точку, куда указывал лазерный луч. Грей застыл в напряженном ожидании. Через мгновение раздался второй свисток.

В это же самое мгновение Грей нанес сильный удар.

Лопнула штукатурка, глухо треснула сухая известь.

Вывалившийся осколок кирпича ударил Грея в грудь и отскочил в сторону. Выбросив руку, в которой было зубило, Грей успел подхватить осколок, не дав ему упасть на мраморный пол. Согнувшись пополам, он убрал осколок за пазуху.

Используя зубило как рычаг, Грей быстро расковырял отверстие в сердце полого кирпича, старательно собирая все осколки. Протянув руку, он ощупал полость пальцами. Внутри она оказалась на удивление гладкой. Грей продолжал поиски.

Там что-то было.

Грей вытащил свою находку. Он ожидал увидеть золотую пайцзу, но вместо этого достал бронзовую или медную трубку длиной восемь дюймов, закрытую с обеих сторон, чем-то напоминающую футляр для сигары. Этот предмет также отправился к нему за пазуху.

Бросив искоса взгляд вниз, Грей отметил, что пламя в мусорном баке уже потушено с помощью огнетушителя.

Он торопливо сунул руку в отверстие и нащупал указательным пальцем что-то тяжелое. Ему потребовалось еще несколько секунд, чтобы извлечь из тайника вторую добычу: еще одну золотую пайцзу.

Тяжелая золотая пластинка выскользнула у него из пальцев и упала ему под ноги на ступень лесов. Металл зазвенел словно колокол, и чаша купола многократно усилила звук. К несчастью, произошло это в тот самый момент, когда внизу наступила полная тишина.

Проклятье...

Не успели затихнуть отголоски, как Грей схватил золотую пайцзу и сунул ее за пазуху. Внизу раздались крики, и он сделал единственное, что пришло ему на ум. Ногой он сбросил молоток с лесов и, вскрикнув, сам повалился следом, размахивая руками в воздухе.

11 часов 58 минут

Вигор от колоннады второго уровня смотрел за тем, как Грей сорвался с самого верха лесов.

Только не это...

Незадолго до этого Вигор дунул в свисток в противоположном конце собора и бросил зажженную бутылку с зажигательной смесью в мусорный бак. Затем он поспешно покинул место и снова подул в свисток, после чего бросил его в горшок с растением. Поскольку прелат уже надел воротничок, символ своего сана, ему достаточно было лишь изобразить смятение и испуг. Охранники не обратили на него никакого внима-

ния, позволив вернуться по верхнему ярусу к центральному нефу.

Вигор оказался в центре собора в тот самый момент, когда Грей с криком сорвался с самого верха строительных лесов. Внизу люди бросились врассыпную. На мраморные плиты с громким стуком упал молоток. Сделав сальто в воздухе, Грей протянул руку и схватился за распорку лесов, налетев спиной на крепеж. Его ноги лихорадочно заработали, пытаясь найти опору. Нащупав перекладину, Грей заполз обратно на леса и улегся на спину, судя по всему приходя в себя от падения.

Охранник, что-то крикнув ему, подозвал своего напарника, и тот полез по лесам наверх, грохоча тяжелыми ботинками.

Грей катался на спине, со стоном прижимая левую руку.

Вигор вернулся к лестнице, ведущей в низ нефа. Там он присоединился к Бальтазару и хранителю музея. Тем временем охранник помог Грею подняться на ноги, и тот, прихрамывая и опираясь на него, начал осторожно спускаться с лесов.

Когда Грей наконец оказался внизу, его лицо было багровым от гнева. Он указал на молоток, тот самый молоток, который ему дал Бальтазар.

— Видно, ваши рабочие не привыкли убирать за собой.— Его запинающийся голос был проникнут яростью и запоздалым страхом.— Когда внизу началась вся эта суматоха, я случайно наступил на этот проклятый молоток. Я мог разбиться насмерть!

Хранитель, щуплый мужчина с небольшим животиком, подобрал молоток с пола.

— О, дорогой сэр, приношу свои извинения. Такая непростительная небрежность! Уверяю вас, мы обязательно во всем разберемся. Что у вас с рукой?

Грей прижимал руку к груди.

— Растяжение, быть может, вывих,— сверкнул взглядом он.

— Полиция уже спешит сюда, чтобы разобраться в причинах возникновения пожара,— сказал хранитель.

Грей и Вигор встревоженно переглянулись. Если Насер узнает о том, что здесь была полиция...

Вигор кашлянул.

— Пожар, несомненно, вызван непотушенным окурком беспечного туриста. Или это была безобидная шутка.

Хранитель, казалось, его не слышал. Обернувшись к одному из охранников, он быстро заговорил по-турецки. Вигор, в совершенстве владеющий этим языком, все понял. Положение грозило стать еще хуже.

— Нет-нет,— с жаром произнес он, выразительно посмотрев на Грея.— Не сомневаюсь, наш студент обойдется и без медицинской помощи. Не надо везти его в больницу.

Грей широко раскрыл глаза. Им нельзя покидать собор. Похоже, благодаря своему отвлекающему маневру они все глубже увязали в трясине.

— Монсиньор Верона прав.— Грей распрямил руку и покрутил ею. От Вигора не укрылось, что при этом он поморщился от боли. Судя по всему, ему действительно здорово досталось.— Лишь небольшое растяжение. Все будет в порядке.

— Нет. Я настаиваю. Такова политика нашего музея. Если с кем-либо из наших посетителей происходит несчастный случай, его обязательно показывают врачу.

Вигор почувствовал, что переубедить хранителя не удастся.

Шагнув вперед, Бальтазар кашлянул, привлекая внимание к себе.

— Разумное правило. Ну а пока молодому человеку нужно где-нибудь отдохнуть. Кажется, ваш кабинет находится в полуподвальном этаже?

— Разумеется. Там вам никто не помешает. Я сам разберусь с полицией и позову вас, когда приедет «скорая помощь». Да, доктор Пиноссо, примите мои искренние извинения. Вы так щедро делились с нами своими знаниями и временем, и вот как я вам отплатил.

Бальтазар похлопал хранителя по плечу.

— Хасан-бей, не беспокойтесь. Все будет хорошо. Все окончилось лишь небольшой встряской нервов. А для моего уче-

ника это станет хорошим уроком, чтобы внимательно смотрел себе под ноги, особенно когда находится на таком опасном пьедестале.

Вдалеке послышался вой сирен.

— Сюда,— пригласил хранитель музея.

Вскоре Грей, Вигор и Бальтазар остались одни в кабинете Хасана Ахмета. Обстановка здесь была спартанской. Приколотый кнопками план собора на стене, письменный стол, заваленный бумагами. Ряд стальных шкафов, а над ними одинокая фотография хозяина кабинета, пожимающего руку президенту Турецкой республики. На противоположной стене — старая карта Ближнего Востока.

Закрыв дверь на задвижку, Бальтазар прошелся по кабинету.

— Здесь, в подвалах, настоящий лабиринт укромных помещений. Вы вдвоем можете спрятаться здесь и дождаться прибытия этого Насера. А я поднимусь и скажу Хасану, что вы ушли.

— Придется остановиться на этом.— Вигор подсел на диван к Грею, растиравшему ушибленное плечо.— Времени у нас мало. Тебе удалось там что-нибудь найти?

Вместо ответа Грей расстегнул рубашку снизу и достал золотую полоску и бронзовую трубку. Он тряхнул полами рубашки, и из-за пазухи вывалился кусок затвердевшей бурой глины. Нагнувшись, Грей подобрал его с пола и положил на стол.

Вигор потянулся было к бронзовой трубке, но его поразил цвет глины. Он взял со стола кусок древней керамики.

— Это осколок пустотелого кирпича,— угрюмо объяснил Грей.— Я не хотел оставлять его там. Видит бог, и без того все пошло наперекосяк.

Вигор быстро осмотрел осколок. С одной стороны на нем все еще держался кусок пурпурной штукатурки, но с противоположной стороны глина была покрыта тонким слоем небесно-голубой глазури. Кому понадобилось глазуровать внутреннюю полость пустотелого кирпича?

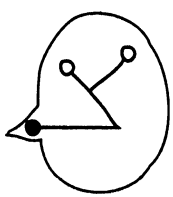
— Ты не нашел там ангельские письмена? — спросил Вигор, кладя осколок на стол.

— Нет. Никаких надписей, ничего необычного.

Склонившись над столом, Бальтазар перевернул золотую пайцзу.

— Но вот здесь есть символ ангельского алфавита.

Вигор посмотрел на золотую полоску. Как и следовало ожидать, обратную ее сторону украшала одна-единственная буква ангельского письма, обведенная грубым кругом.



— Второй ключ,— сказал Вигор.

— Ну а это что такое? — спросил Бальтазар, указывая на бронзовую трубку.

Вигор взял трубку. Толщиной с большой палец, никаких украшений, только следы молотка, оставленные старинным кузнецом.

— Возможно, в этой трубке хранится свиток.

Он изучил концы. Один был запечатан тонкой бронзовой монеткой.

— Нам нужно ее открыть,— сказал Грей.

Вигор досадливо поморщился. Как профессиональный археолог он привык обращаться с древними реликвиями в соответствии с определенными правилами. Сначала каждую находку необходимо сфотографировать, тщательно измерить, подробно описать.

Сунув руку в карман, Грей достал перочинный ножик. Раскрыв маленькое лезвие, он протянул ножик Вигору:

— У нас нет времени.

Вздохнув, Вигор взял нож. Ощутив укол профессиональной совести, он кончиком ножа осторожно поддел монетку. Та легко вывалилась, словно была вставлена только вчера.

Расчистив на кофейном столике место, Вигор наклонил трубку, высыпая ее содержимое. На полированное красное дерево упал скрученный в трубочку кусок какого-то белого материала.

— Свиток,— сказал Грей.

Долгие годы исследований и опыт всей жизни позволили Вигору оценить материал, даже не прикасаясь к нему.

— Это не пергамент, не веленевая бумага и даже не папирус.

— Тогда что же это? — спросил Бальтазар.

Вигор пожалел о том, что у него нет специальных перчаток. Опасаясь испачкать свиток кожным жиром, прелат взял с письменного стола карандаш и мягким ластиком на конце попробовал развернуть свиток.

Тонкий и мягкий материал поддался без труда.

— Похоже на ткань,— предположил Грей.

— Шелк.— Вигор разматывал свиток все дальше и дальше, раскладывая его на поверхности столика.— На нем есть вышивка,— добавил он, заметив на белой материи стежки, выполненные тонкой черной нитью.

Однако на белом шелке были вышиты не узоры и не рисунок. По мере того как Вигор разворачивал свиток, на нем открывались строчки округлых букв, нанесенных мелкими стежками на материю.

Грей заглянул прелату через плечо, собираясь прочитать текст, но недоуменно нахмурился.

— Написано на lingua lombarda,— с благоговейным почтением промолвил Бальтазар.

Вигор не мог оторвать взгляда от свитка.

— На диалекте итальянского языка, распространенного на родине Марко Поло.— Взяв карандаш, он дрожащей рукой провел ластиком по первой строчке, переводя вслух: — «Ответ на наши молитвы последовал в высшей степени неожиданный».

Посмотрев на Грея, прелат прочитал по его глазам, что тот все понял.

— Это заключение рассказа Марко Поло,— сказал молодой американец,— его продолжение с того самого места, на котором он оборвался в экземпляре книги, попавшей в руки «Гильдии».

— Недостающие страницы,— согласился Вигор,— вышитые на шелке.

Встревоженно взглянув на дверь, Грей указал на шелковый свиток:

— Читайте дальше.

Вигор начал с самого начала, продолжая рассказ об испытаниях, выпавших на долю отряда под предводительством Марко. Первая часть закончилась тем, что отряд оказался заперт в Городе мертвых, окруженный толпой людоедов. Вигор старательно перевел следующий отрывок. Его голос дрожал, проникнутый силой слов самого Марко.

«Ответ на наши молитвы последовал в высшей степени неожиданный. И вот что произошло.

На Город мертвых опустилась ночь. Из своего ненадежного убежища мы смотрели на то, как внизу каналы и пруды города расцвечиваются потусторонними огнями; такими красками светятся грибы и плесень. Пред нами открылось зрелище жуткого пиршества, исторгнутого из внутренностей самого Дьявола, ибо мертвые пожирали мертвых. Мы не видели никакой надежды на спасение. Какой ангел осмелится ступить на эту про́клятую землю?

Однако через какое-то время из черного леса появились три фигуры. Выглядели они так: кожа их отбрасывала сияние, подобное свечению гнилой воды в каналах и прудах, и страшные людоеды расступались перед ними, освобождая дорогу, подобно тому как порыв ветра раздвигает пшеницу на поле. Когда эти странные существа подошли к основанию башни, мы смогли разглядеть, что внешне они похожи на тех самых людей, которые питаются плотью себе подобных. Однако кожа их излучала божественное сияние.

В великом ужасе воины хана побросали оружие и попадали ниц, прижимаясь лицом к камню. Троица мирно вошла в

убежище и поднялась к нам. Лица у этих людей были осунувшимися и истощенными лихорадкой, но плоть их, в отличие от плоти собратьев внизу, похоже, была здорова. Однако плоть эта не имела ничего общего с человеческой. Казалось, сияние кожи проникает глубоко внутрь тела, тем самым открывая бурление в кишках и смутное биение сердца. Так получилось, что один из этих людей случайно прикоснулся к одному из ханских воинов. Тот с криком отскочил назад, и в месте прикосновения его кожа почернела и покрылась волдырями.

Отец Агреер поднял распятие, защищаясь от странных пришельцев, но первый из них бесстрашно шагнул вперед и прикоснулся к кресту монаха-доминиканца. Он заговорил на языке, понять который не мог никто; однако, подкрепляя свои слова жестами, он передал свое пожелание: нам предстояло отпить глоток из скорлупы расколотого пополам кокоса.

Один из воинов хана, похоже, понимал странный язык настолько, что смог выступить переводчиком. Нам предлагалось целительное снадобье, приняв его, мы будем защищены от болезни, поразившей здешние места. Но пусть Небеса простят нас за то, какую цену придется нам заплатить за это и за то, что с нами станется в конечном счете».

На этом рассказ обрывался.

Вигор в отчаянии откинулся назад.

— Должно быть продолжение.

— Спрятанное вместе с третьим и последним ключом,— предположил Грей.

Кивнув, Вигор постучал пальцем по расстеленному на столике куску шелка.

— Но даже по одному этому отрывку уже понятно, почему эта часть истории так и не была рассказана.

— Почему? — спросил Грей.

— Обрати внимание на описание этих странных людей,— подчеркнул Вигор.— Светящихся неким «божественным сиянием». Предлагающих исцеление.

— Похоже на ангелов,— заметил Бальтазар.

— Но только на языческих ангелов,— поправил Вигор.— В средние века подобную концепцию Ватикан бы не одобрил. И вспомните, что тот, кто в семнадцатом веке разделил на части рассказ Марко Поло, сделал это во время новой эпидемии чумы, обрушившейся на Италию. Каким бы пугающим ни было содержание повествования Марко, Ватикан не осмелился его уничтожить. Какие-то церковные мистики решили разделить текст, чтобы сохранить и спрятать его. Но остается самый главный вопрос: что еще осталось нерассказанным?

— Чтобы это узнать,— сказал Грей,— необходимо найти третий ключ. Но с чего начать поиски? Здесь нигде нет ангельского письма.

— Быть может, нет такого, который виден невооруженным глазом,— многозначительно промолвил Вигор.

Грей кивнул, соглашаясь с его словами. Обернувшись к рюкзачку, он начал в нем рыться.

— Я захватил ультрафиолетовый фонарик. На тот случай, если мы бы снова столкнулись со светящимися обелисками.

Бальтазар погасил свет. Грей осветил ультрафиолетом все предметы. Даже осколок глиняного кирпича.

— Ничего,— в конце концов вынужден был признать он. Тупик.

12 часов 43 минуты

Отчаяние, охватившее Грея, натянуло его нервы до предела. Он потерял все надежды осуществить свой первоначальный замысел, хотя прицел с самого начала был очень дальним.

— Ждать больше нельзя,— наконец признал Грей, взглянув на часы.— Нам пора прятаться. Соберем все это и отправимся искать какое-нибудь укромное местечко.

Последние пять минут они ломали голову, тщетно пытаясь найти хоть какое-нибудь указание на то, где искать третий ключ. Вигор в надежде расшифровать скрытый смысл, спрятанный в тексте, перечитал его заново. Бальтазар тщательно изучил обе поверхности золотой пайцзы. Все сошлись в том,

что грубая линия, окружающая одинокий символ ангельского письма, должна иметь какое-то значение, но никто не смог предположить, какое именно.

Вздохнув, Вигор скрутил свиток.

— Ответ должен находиться здесь. Сейхан сказала, что в экземпляре книги, попавшем в руки «Гильдии», говорится про то, что каждый ключ укажет на следующий. И нам нужно понять, что мы упускаем из виду.

Грей взял со стола последнюю реликвию: осколок глиняного кирпича. Он постучал пальцем по сохранившемуся слою штукатурки:

— А может быть, имеет значение то, что кирпич был покрыт именно пурпурной штукатуркой? Насколько я понимаю, тайник мог быть выкрашен в любой цвет. На сводах купола представлена вся палитра.

Казалось, Вигор не слушает его, поглощенный тем, что засовывает свиток обратно в бронзовую трубку. И все же он пробормотал вслух:

— Пурпур является цветом монархии. А также цветом божественного.

Грей кивнул. Схватив свой рюкзак, он сунул осколок внутрь. При этом его большой палец скользнул по гладкой глазури с противоположной стороны. Грей вспомнил, что кирпич изнутри был покрыт голубой глазурью.

— Голубой,— прошептал он вслух.— Голубой и пурпурный, цвет монархии.

И тут до него дошло: «Ну конечно!»

Вигор, осененный той же догадкой, резко выпрямился.

— Голубая принцесса!

Бальтазар протянул Грею золотую пайцзу, чтобы тот убрал ее в рюкзак.

— Вы говорите о Кокеджин. О юной монгольской девушке, которая отправилась в путь вместе с Марко.

Вигор кивнул:

— Свое прозвище она заслужила, потому что с монгольского ее имя переводится как «голубое небо».

— Но какой смысл может иметь упоминание принцессы под сводами Святой Софии? — спросил Грей.

— Давайте вернемся назад,— сказал Вигор, начиная загибать пальцы.— Первый ключ находился в Ватикане, в Италии, где завершилось путешествие Марко. Важнейшая веха. Следуя по пути Марко в обратном направлении, мы обнаружили следующую веху здесь, в Стамбуле, где Марко покинул Азию и наконец ступил на землю Европы.

— А если пойти по пути Марко еще дальше назад...— начал Грей.

— Следующей вехой станет то место, где Марко выполнил до конца задачу, возложенную на него Хубилай-ханом, ради которой он, по сути дела, и отправился в путь: доставить принцессу Кокеджин в Персию.

— Но какая именно часть Персии? — спросил Грей.

— Остров Хормоз,— ответил Бальтазар.— На юге современного Ирана. Остров Хормоз, или Ормуз, находится в устье Персидского залива.

Грей взглянул на стол. Остров! Взяв золотую пайцзу, он провел пальцем по линии, окружающей символ ангельского письма.

— А что, если это грубая карта острова?

— Давайте проверим,— сказал Вигор, поднимаясь с места.

Он прошел к древней карте на стене. Грей присоединился к нему.

Прелат указал на маленький остров у самого выхода из Персидского залива, недалеко от материковой части Ирана. Остров имел ту же самую округлую форму с отчетливым каплевидным выступом с одной стороны. Рисунок на золотой пластине практически точно воспроизводил его очертания.

— Мы его нашли,— прошептал Грей. От возбуждения у него участилось дыхание.— Теперь мы знаем, куда направиться дальше.

А это означает, что его замысел может увенчаться успехом.

— Но как быть с Насером? — спросил Вигор.

— Я о нем не забыл.— Повернувшись к прелату лицом, Грей стиснул ему плечо.— Первый ключ. Я хочу, чтобы вы отдали его Бальтазару.

Вигор нахмурился:

— Зачем?

— Если у нас что-то пойдет не так, нельзя допустить, чтобы первый ключ попал в руки Насера. Мы представим все так, будто второй ключ, обнаруженный здесь, на самом деле является первым. Насер не знает, что вы нашли первый ключ в Ватикане.— Грей перевел взгляд с одного ученого на другого.— Полагаю, вы сохранили свое открытие в тайне.

Вигор и Бальтазар дружно кивнули.

Отлично.

И все же Вигор продолжал хмуриться.

— Но ведь когда Насер прибудет сюда, он непременно обыщет Бальтазара и обнаружит первую золотую пайцзу.

— Не обнаружит, если Бальтазара уже не будет с нами,— возразил Грей.— Как и в случае с Ковальски, едва ли Насеру известно о том, что ваш коллега сопровождает вас. Ну как ему может прийти в голову, что вы приехали в Стамбул вместе с деканом факультета истории искусства? Проследив за вашим сотовым телефоном, Насер установил лишь то, что вы отправились встречаться с нами. И мы должны воспользоваться этим обстоятельством. Мы пошлем Бальтазара со всем тем, что нам удалось узнать, к Сейхан. Втроем с Ковальски они получат солидную фору, отправившись на остров Хормоз. И им останется только найти третий, последний ключ. Когда Насер прибудет в Стамбул, мы постараемся как можно дольше протянуть время, водя мерзавца за нос. Однако ради моих родителей в конце концов нам придется направить его на правильный путь.

— Будем надеяться, что к этому времени Сейхан уже удастся отыскать последний ключ,— сказал Вигор.

— И тогда у нас будет с чем вести торг,— заключил Грей.

Однако он понимал, что все эти планы опираются на одну последнюю надежду.

Пейнтер должен найти способ освободить его родителей.

И разумеется, в расчетах самого Грея не должно быть серьезных ошибок.

13 часов 6 минут

Сейхан ждала в номере гостиницы, расположенной прямо напротив западного входа Святой Софии. Она сидела у окна пятого этажа. Ее щека лежала на прикладе снайперской винтовки «Хеклер и Кох ПСГ-1». Молодая женщина смотрела в оптический прицел, наведенный на площадь перед собором.

Она видела, как приехала и тотчас же уехала полиция.

Что там произошло?

Рядом лежал, растянувшись на кровати, Ковальски. Великан жевал оливки и чистил пять пистолетов и автоматическую винтовку А-91 российского производства под патрон калибра 5,56 мм стандарта НАТО.

Они закупили все необходимое.

Ковальски работал, со свистом обсасывая косточки оливок. Сейхан это действовало на нервы. Однако в оружии великан знал толк.

Со своей позиции Сейхан отчетливо просматривала улицу, парк и площадь. Она выискивала взглядом в толпе туристов тех, кто проявлял особый интерес к собору. Также она высматривала характерные признаки человека, скрытно несущего оружие.

Пока что все было в порядке. Или же она просто потеряла чутье.

В оптический прицел снайперской винтовки Сейхан наблюдала за всеми теми, кто входил и выходил в западные Императорские ворота Святой Софии. Она отрегулировала увеличение так, чтобы можно было отчетливо видеть лица. Сейхан вела учет посетителей. Искала одни и те же лица, тех, кто торчит на месте или ходит туда и обратно, наблюдая за собором.

Ей хотелось выявить в округе как можно больше врагов. На тот случай, если придется действовать силой.

Пока что ничего. Но такого не могло быть.

Где люди Насера? Они уже давно должны были прибыть сюда, занять позиции вокруг собора. У «Гильдии» в Стамбуле обширные ресурсы. Доказательством тому был богатый арсенал оружия, собранный в номере гостиницы. Или же Насер решил обойтись минимумом людей? Гораздо проще затеряться на месте двоим-троим, чем дюжине.

И все же Сейхан в это не верила.

— Тут что-то не так,— пробормотала она вслух, отрываясь от прицела.

Какую игру ведет Насер?

Сейхан снова вернулась к своей работе. Из собора вышел высокий мужчина. Он двигался размашистыми шагами, даже не пытаясь скрываться. Сейхан сосредоточила на нем взгляд, навела оптический прицел на его бородатое лицо.

Вот это уже больше похоже на правду.

Имени мужчины Сейхан не знала, но она уже видела его два года назад, когда тот встречался с Насером. Из рук в руки перешел пухлый конверт. Насер не догадывался, что Сейхан следит за ним, проверяя все его контакты. Фотографии неизвестного бородача сейчас хранились в сейфе в швейцарском банке. Запас, отложенный на черный день.

Или на такой солнечный, какой стоял сегодня.

— Неудивительно, что Насер обошелся минимумом людей,— пробормотала Сейхан.

Негодяй оставил человека *внутри* Святой Софии. Это не предвещало ничего хорошего. Если бородач уходит, значит, кто-то его сменил. Сейхан следила за тем, как великан остановился посреди площади и достал сотовый телефон.

Вероятно, собирается позвонить Насеру и доложить о том, что добыча в полной сохранности находится в соборе.

У нее зазвонил сотовый телефон.

Странно.

Вслепую нащупав телефон, Сейхан нажала кнопку и поднесла аппарат к уху.

— Чао,— сказала она.

— Алло,— произнес веселый голос.— Я хочу поговорить с женщиной по имени Сейхан. Мне сказали позвонить ей по этому номеру и договориться о встрече. Один монсиньор и один американец очень хотели бы, чтобы мы встретились.

Сейхан ощутила холодную дрожь. Прижимая телефон к уху, она смотрела на бородача и видела, как его губы движутся синхронно с голосом в трубке.

— Это звонит Бальтазар Пиноссо, сотрудник отдела истории искусства Ватикана.

Наконец Сейхан узнала имя человека с фотографии. Бальтазар Пиноссо. Агент «Гильдии». Она выдохнула носом. Насер не просто оставил своего человека в соборе — ему удалось проникнуть во внутренний круг!

Сейхан мысленно выругалась. «Гильдия» провела своего человека не в «Сигму», а в Ватикан.

— Алло,— повторил мужской голос, и в нем прозвучала тень беспокойства.

Прильнув к прикладу снайперской винтовки, Сейхан прицелилась. Настала пора заткнуть место утечки.

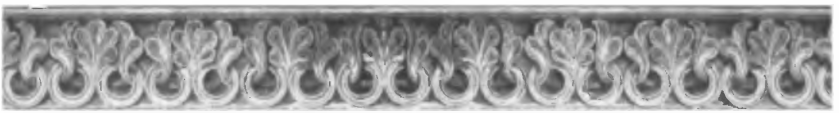
— Ковальски...— прошептала она.

— Да.

— Сейчас начнется.

— Давно уж пора, черт возьми!

Сейхан нажала на спусковой крючок.



Глава 10

ИЗ ОГНЯ ДА...

6 июля, 19 часов 12 минут
На борту «Владычицы морей»

Слава богу, коктейль-вечеринка наконец завершилась.

Лиза торопливо расстегнула расшитый вручную шелковый жакет, надетый поверх черного вечернего платья из плиссированного шелка. Модель Веры Вонг — стоимость ансамбля превышала месячный заработок доктора Каммингс. Это платье она обнаружила на кровати у себя в каюте, когда зашла туда, чтобы переодеться к званому вечеру, устроенному в каюте Райдера Бланта по случаю благополучного прибытия круизного лайнера на остров пиратов.

Судя по всему, доктор Девеш Патанджали лично выбрал платье в одном из роскошных бутиков, расположенных на верхней палубе лайнера. Одной этой причины уже было достаточно, чтобы как можно быстрее сорвать его с тела. Лиза не хотела идти на праздник, но Девеш не оставил ей выбора. Поэтому она вынуждена была присоединиться к остальным почетным гостям, которые собрались в президентской каюте владельца лайнера.

Шампанское и охлажденное вино лились рекой. Официанты в ливреях обносили гостей серебряными подносами со всевозможными закусками, а на столе стояли в ведерках со льдом блюда с черной икрой. Судя по всему, оставшихся в живых музыкантов корабельного оркестра хватило, чтобы организо-

вать струнный квартет. С заходом солнца они устроились на балконе и стали исполнять мелодичные произведения, однако продолжалось это недолго. Вскоре ветер усилился, и с неба посыпались тяжелые, жалящие капли дождя, вынудившие музыкантов разойтись.

Даже сейчас над головой время от времени громыхал гром, хотя гроза уже начинала стихать. Хорошо хоть корабль успел укрыться от штормовых волн в уютной лагуне, которая образовалась в кратере опустившегося под воду вулкана. И все же известие о надвигающемся тайфуне вынудило завершить импровизированную вечеринку рано. Всех гостей ждали свои обязанности.

Званый вечер не продлился и двух часов.

Лиза разделась до лифчика и трусиков, торопясь скорее избавиться от раздражающего ее наряда. Она с облегчением снова натянула потертые джинсы и надела через голову свободную блузку. Босиком молодая женщина прошлепала к лежащей на столе сумочке, еще одному подарку доктора Панджали. На кожаной сумочке от Гуччи, украшенной кисточками с серебряными наконечниками, до сих пор сохранился ценник.

Шесть с лишним тысяч долларов.

Однако гораздо более ценным было содержимое сумочки. В ходе вечеринки Райдер Блант незаметно передал Лизе два подарка, которые та быстро спрятала в сумочку.

Маленькая рация и пистолет.

Но еще больше Лиза обрадовалась тому известию, которое сопровождало подарки.

Монк жив! И он находится на борту корабля!

Лиза быстро спрятала пистолет за поясом джинсов и прикрыла его краем свободной блузки. Сжимая в руке рацию, она подошла к двери и прислушалась, прижавшись к ней ухом.

Часовой за дверью не дежурил. Со стороны лестницы и лифтов было перекрыто все крыло. Девеш выделил Лизе внутреннюю каюту, расположенную по соседству с той, где, забывшись в кататоническом ступоре, спала Сьюзен Тьюнис.

Убедившись в том, что она одна, Лиза настроила рацию на восьмой канал и надела наушник с закрепленным на нем микрофоном. Она нажала кнопку передачи.

— Монк, ты меня слышишь? Прием.

Ждать ответа ей пришлось совсем недолго. В наушнике послышался треск статического электричества, затем прозвучал знакомый голос:

— Лиза? Слава богу! Значит, Райдер передал тебе рацию? Пистолет ты получила? Прием.

— Да.— Лизе отчаянно хотелось узнать, что произошло с Монком, как ему удалось остаться в живых, но сейчас для этого не было времени. У нее были более важные заботы.— Райдер сказал, что у тебя есть какой-то план.

— План — это слишком сильно сказано. Больше похоже на «ждем, протирая штаны, а затем бежим что есть духу».

— По-моему, план замечательный. Когда?

— Через несколько минут я уточню сроки с Райдером. Мы должны быть готовы к двадцати одному ноль-ноль. И ты тоже будь готова. Держи пистолет при себе.

Монк вкратце изложил Лизе, как намеревается ее освобождать. Она уточнила несколько важных моментов, затем взглянула на часы. Осталось меньше двух часов.

— Еще кого-нибудь надо предупредить? — спросила Лиза.

Долгая пауза.

— Нет. Я очень сожалею. Если мы хотим спастись, нам нельзя брать с собой никого лишнего. Мы постараемся бежать, прикрываясь грозой. У Райдера есть личный катер, он на скользящем стапеле по правому борту. Твой приятель Джесси раздобыл для нас карту. Приблизительно в тридцати морских милях отсюда есть небольшое поселение. Наша надежда заключается в том, чтобы добраться туда и поднять тревогу.

— Джесси бежит с нами?

Последовала еще более долгая пауза.

Лиза снова нажала кнопку передачи.

— Монк?

В наушнике послышался вздох.

— Пираты схватили Джесси. И выбросили его за борт.

— Что? — Лиза мысленно представила себе улыбающееся лицо студента-медика и его страсть к глупым каламбурам.— Он... он погиб?

— Не знаю. Я все объясню при встрече.

Лизе стало искренне жаль этого молодого парня, с которым она была знакома всего несколько часов. Она молчала, не в силах вымолвить ни слова.

— Двадцать один ноль-ноль,— повторил Монк.— Постоянно держи рацию при себе, но только так, чтобы ее не было видно. Я обязательно свяжусь с тобой еще раз. Конец связи.

Сняв наушник, Лиза схватила рацию обеими руками. Прикосновение твердой пластмассы помогло ей собраться с мыслями. Через два часа они с Монком встретятся.

Прогремел раскат грома.

Смотав провод и убрав наушник в рацию, Лиза засунула ее в карман. Карман сразу оттопырился, и Лиза опустила на него блузку.

Она посмотрела на дверь в коридор. Раз они собрались совершить побег, Лиза не хотела уходить с пустыми руками. Она знала, где хранятся результаты анализов и история болезни Сьюзен Тьюнис.

К тому же там есть компьютер... с устройством записи на ДВД-диск.

Во время коктейль-вечеринки Лиза успела переговорить с Хенриком Барнхардтом и доктором Миллером. Те шепотом поведали ей о том, что Девеш и его команда собирают образцы всевозможных токсичных бактерий, порожденных иудиным штаммом, отбирают из них самые страшные и помещают их в инкубационные камеры в особой лаборатории, доступ куда имеют только вирусологи «Гильдии».

— На мой взгляд, они также экспериментируют с воздействием вируса на известные патогены,— добавил доктор Миллер.— Я обратил внимание на то, что исчезли запечатанные ампулы с пометками «Bacillus anthracis» и «Yersinia pestis».

Бациллы, вызывающие сибирскую язву и бубонную чуму.

Хенрик высказал предположение, что Девеш, вероятно, пытается получить на основе этих смертельно опасных патогенов какой-то сверхштамм. Однако за все время разговора никто так и не произнес одно ключевое слово — во имя чего все это делалось.

Биотерроризм.

Взглянув на часы, Лиза прошла к двери. Для того чтобы у мира появилась хоть какая-то надежда спастись от мириад смертельных заболеваний, над созданием которых трудится «Гильдия», ей необходимо получить как можно больше информации о больной номер один. Организм Сьюзен Тьюнис исцеляет сам себя, избавляя ткани от токсичных бактерий, очищая их. Как и почему?

Лиза понимала, что Девеш правильно оценил то значение, которое имеет Сьюзен Тьюнис: «Именно в этой больной скрыт ключ ко всему».

Лиза не могла уйти, не захватив с собой как можно больше информации. Придется рискнуть.

Повернув рукоятку, Лиза открыла дверь и сделала пять шагов до каюты Сьюзен Тьюнис. Впереди в каютах научно-исследовательской лаборатории все еще царило оживление. Из громкоговорителей доносилась непритязательная поп-музыка, но вокалистка пела по-китайски. В воздухе стоял сильный запах дезинфицирующих средств, наложенный на зловоние затхлости.

Лиза мельком взглянула на вооруженного часового, который разгуливал по круглому холлу, обходя ящики с оборудованием. Где-то позади слышались голоса других часовых.

Подойдя к каюте, в которой находилась Сьюзен Тьюнис, Лиза вставила в электронный замок карточку, полученную от Девеша, и открыла дверь. Как всегда, рядом с больной дежурили два санитара. Девеш ни на минуту не оставлял без присмотра свой главный приз.

Один санитар развалился в кресле в гостиной, закинув ноги на кровать, и смотрел телевизор с убранным звуком. По внутренней кабельной сети лайнера крутили какой-то голли-

вудский боевик. Второй санитар стоял в ярко освещенной спальне у постели больной и записывал в журнал данные о ее жизненных показателях, которые снимались каждые четверть часа.

— Мне бы хотелось немного побыть с больной наедине,— сказала Лиза.

Здоровенный санитар с наголо обритой головой, одетый в белый халат, был похож на своего напарника как брат-близнец. Лиза, не зная их имен, мысленно окрестила их Твидлди и Твидлдумом*.

Но по крайней мере, они говорили по-английски.

Пожав плечами, санитар протянул Лизе журнал и вернулся в гостиную к своему напарнику.

За дверью, ведущей на балкон, сверкнула молния; прогремел гром. На мгновение отчетливо проступил окружающий мир — лагуна и заросший джунглями берег острова,— чтобы тотчас же опять с резким хлопком исчезнуть во мраке.

Дождь хлынул с новой силой.

Надев маску и перчатки, Лиза подошла к больной. Она опять взяла со столика с медицинским инструментом офтальмоскоп. Лиза уже некоторое время наблюдала за странной аномалией в глазах Сьюзен Тьюнис, о чем ни слова не сказала Девешу. И ей хотелось перед бегством проверить это еще один раз.

Откинув полог защитного шатра, Лиза склонилась к женщине и кончиком пальца осторожно приподняла ей левое веко. Включив офтальмоскоп, она подрегулировала фокусировку. Затем нагнулась так, что едва не коснулась своим носом носа больной, и выполнила фундоскопическое исследование глаза.

Поверхность сетчатки выглядела нормальной и здоровой: роговица, оптический диск, кровеносные сосуды. Аномалия не бросалась в глаза, и она не имела структурного характера.

---

* Твидлди и Твидлдум — герои детской песенки, два задиристых, но пугливых малыша.

Застыв на месте, Лиза выключила офтальмоскоп, продолжая смотреть в его линзу.

Задняя стенка глаза больной, вся поверхность сетчатки мягко сияла молочно-белым светом. Ткани сетчатки приобрели фосфоресцирующие свойства. Началось все с оптического диска, где к глазу подходит нервный пучок от головного мозга. Однако за последние несколько часов область свечения увеличилась, распространившись на всю сетчатку.

В отчете о первых проявлениях новой болезни Лиза прочитала, что вначале море вокруг острова расцветилось фосфоресцирующими сине-зелеными водорослями.

И вот теперь светились глаза больной.

Тут кроется что-то важное. Но что именно?

Сделав это открытие, Лиза тайком выполнила еще один анализ спинномозговой жидкости больной. Она хотела узнать, не изменился ли состав жидкости, окружающей головной мозг. Результаты должны были быть готовы. В автоматическом режиме они записались на компьютер, стоящий в углу каюты.

Закончив исследование глаз больной, Лиза сняла перчатки и маску и подошла к компьютеру. Из гостиной это место не просматривалось.

Лиза вывела меню результатов лабораторных анализов. И действительно, анализ спинномозговой жидкости уже был выполнен. Лиза мельком пробежала взглядом химические показатели. Содержание белков незначительно повысилось, но больше никаких изменений. Она переключилась на результаты микробиологического теста. В жидкости были обнаружены и идентифицированы микроорганизмы.

Сине-зеленые водоросли. Как и предполагала Лиза.

Когда в ослабленном болезнью организме разрушился барьер, который стоит на пути крови, поступающей в головной мозг, иудин штамм проник туда, но не один, а прихватив с собой компанию.

И вот теперь эти пришельцы разрастались и множились.

Предвидя именно такой результат, Лиза заранее провела соответствующие исследования. Сине-зеленые водоросли —

один из древнейших классов микроорганизмов. Больше того, их следы обнаружены в самых старых по возрасту ископаемых останках. Появившись почти четыре миллиарда лет назад, они стали одним из первых видов жизни на земле. Кроме того, их уникальность заключается в способности осуществлять фотосинтез: подобно растениям, сине-зеленые водоросли сами создают питательные вещества, используя энергию солнечного света. Но эти древние микроорганизмы также обладают свойством приспосабливаться к любой среде. Сине-зеленые водоросли распространились по земле, заполнив все экологические ниши: они обитают в соленой и пресной воде, в почве и даже в камне.

А с помощью иудина штамма они, судя по всему, проникли и в человеческий мозг.

Свечение глаз больной указывало на то, что сине-зеленые водоросли в мозге прошли по оболочке зрительного нерва до глаза, где, по-видимому, обустроили новый дом.

Почему?

Лиза обратила внимание на то, что в лаборатории было выполнено новое исследование иудина штамма с помощью электронного сканирующего микроскопа. Охваченная любопытством, она вывела свежее изображение на экран. И снова перед ней возникло чудовище: оболочка в форме икосаэдра с торчащими из всех вершин ветвящимися усиками.

Лиза вспомнила свои собственные слова: «Ни один организм не является вредным только ради того, чтобы быть вредным». Он просто хочет жить, размножаться, процветать.

Файл содержал также перекрестные ссылки на первые снимки вирусов. Лиза вывела на экран и их тоже.

Старый и новый. Рядышком. Совершенно одинаковые.

Она собралась закрыть файл, но ее палец застыл над клавишей.

Нет...

У нее задрожала рука.

Ну конечно...

Сверкнула молния, ослепительно яркая за дверью на балкон, и за ней сразу же последовал оглушительный раскат гро-

ма, напугавший Лизу. Весь корабль содрогнулся. Дверь на балкон задребезжала.

Молния ударила совсем рядом с кораблем, быть может, даже попала в него.

Свет в каюте, моргнув, погас. Лиза обвела взглядом темноту.

Санитары выругались.

Лиза поднялась на ноги.

О господи...

Свет вспыхнул снова. Жалобно пискнув, компьютер с громким хлопком окутался дымом. Телевизор в соседней комнате захрипел, затем опять заработал нормально.

Лиза стояла на месте, застыв в шоке.

Она не могла оторвать взгляд от фигуры на кровати. В краткое мгновение полной темноты Лиза сделала еще одно открытие относительно больной. Неужели до этого никому не приходило в голову выключить здесь свет? Или же этот феномен проявился совсем недавно?

У женщины светились не только одни глаза.

В темноте ее конечности, покрытые лишь тонкой простыней, и лицо испускали мягкое свечение, фосфоресцирующее сияние, которое нельзя было разглядеть в ярком свете ламп.

Сине-зеленые водоросли проникли не только в глаза — они были повсюду.

Лиза была настолько поражена, что не сразу обратила внимание на другую деталь: больная открыла глаза и смотрела на нее.

Высохшие, словно пергамент, губы зашевелились.

Лиза не столько услышала, сколько прочитала по их движению:

— К-кто вы такая?

20 часов 12 минут

Поднимаясь по трапу с нижней палубы, Монк слушал голос, звучащий в наушнике. Он спускался вниз, чтобы проверить, можно ли добраться до отдельного стапеля Райдера Бланн-

та, где тот держал свой личный катер. Стапель не охранялся. Судя по всему, пираты просто не знали про его существование.

— У меня есть электронный ключ от люка стапеля,— говорил по рации Райдер.— Как только я окажусь на свободе, я спущусь вниз, заправлю катер топливом и приготовлю к спуску. А вы сможете освободить доктора Каммингс в одиночку?

— Да,— произнес в микрофон Монк.— Чем меньше будет шума, тем лучше.

— И вы все подготовили.

— Да, мамочка.— Монк вздохнул.— Я буду готов через полчаса. Начинайте по моей команде. Вы знаете, что делать.

— Вас понял. Конец связи.

Поднявшись на следующий лестничный пролет, Монк прошел к каморке уборщиц и достал одеяло, подушку и одежду, припасенную заранее.

У него снова зажужжало в наушнике.

— Монк?

— Лиза? — Он взглянул на часы. Было еще слишком рано. У него гулко заколотилось сердце.— Что-нибудь случилось?

— Ничего. Точнее, случилось. Необходимо изменить план. Нам нужно место еще для одного человека.

— Для кого?

— Для моей больной. Она пришла в себя.

— Лиза...

— Ее нельзя оставлять здесь,— послышался в наушнике настойчивый голос.— То, что происходит с ней, имеет решающее значение для понимания всего того, что здесь случилось. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы «Гильдия» скрылась вместе с ней до нашего возвращения.

Монк шумно выдохнул носом, просчитывая варианты.

— Эта женщина способна передвигаться самостоятельно?

— Она очень ослабла, но сможет идти. Надеюсь. Ничего определенного сказать не могу, поскольку в соседней комна-

те постоянно дежурят санитары. Я сейчас нахожусь в своей каюте, здесь никто не помешает мне говорить. Больную я оставила в ее каюте, она притворяется, что по-прежнему находится в кататоническом ступоре.

— И ты полагаешь, что она для нас очень важна.

— Совершенно верно.

Задав еще несколько вопросов, Монк уточнил кое-какие подробности, импровизируя на ходу. Лиза окончила разговор, пообещав со своей стороны сделать все возможное для подготовки бегства.

— Райдер? — сказал в микрофон Монк.

— Я все слышал,— ответил австралийский миллиардер.— Моя рация оставалась включенной.

— Нам нужно будет передвинуть сроки вперед.

— Да я уж понял, что дело серьезное. Когда вы будете здесь?

Монк снял пистолет с предохранителя.

— Как раз направляюсь к вам.

20 часов 16 минут

Лиза вернулась в каюту больной. Она пришла в свитере. Лиза уже жаловалась санитарам на то, что замерзла,— это явилось поводом сходить к себе, чтобы связаться по рации с Монком.

Когда она вошла, Твидлди и Твидлдум были все так же поглощены боевиком. Экранная погоня с перестрелкой была в самом разгаре. И вот сейчас киноиллюзии предстояло стать реальностью.

Если все пройдет хорошо.

Развернувшись, Лиза прошла в спальню — и в испуге отпрянула назад.

В ногах кровати стоял доктор Девеш Патанджали, заложив руки за спину. Сьюзен Тьюнис неподвижно лежала на кровати под изолирующим пологом, с закрытыми глазами, дыша ровно.

Девеша не должно было быть здесь.

— А, доктор Каммингс,— произнес он, не оборачиваясь.— Как себя чувствует наша больная?

20 часов 17 минут

Двери лифта плавно раскрылись на этаже, на котором находилась президентская каюта. Монк, усталый и раздраженный, вышел в коридор. В руках у него был ворох постельного белья и подушка.

Он подошел к двум часовым, дежурившим у двустворчатых дверей.

Один из них остался сидеть на стуле, другой, стоявший у стены, выпрямился.

— Пошли! — резко бросил в микрофон Монк.

Это был условный сигнал.

Из-за дверей каюты послышался приглушенный выстрел — это Райдер расправился с пиратом, который находился внутри.

Часовой, стоявший у стены, удивленно обернулся к двери.

Монк стремительно бросился на него. Он вскинул обе руки; в каждой было по пистолету: один — засунутый в подушку, другой — обмотанный одеялом. Приставив подушку часовому в спину, Монк нажал на спусковой крючок, всаживая пулю в позвоночник. Часовой повалился на пол, и Монк выстрелил второй раз ему в голову.

Прежде чем мертвое тело успело упасть на пол, Монк повернулся к сидящему часовому и поднял пистолет, обмотанный одеялом. Он дважды нажал на спусковой крючок.

20 часов 19 минут

Лиза прошла в спальню.

— Доктор Патанджали, я очень рада, что вы зашли,— сказала она, с трудом сглатывая желчь, поднявшуюся к горлу вместе с ложью.

Необходимо как можно скорее убрать Девеша отсюда. Ведь она сказала Монку, что в каюте дежурят лишь два санитара.

Девеш обернулся к ней.

Лиза закинула за ухо выбившуюся прядь волос. У нее бешено колотилось сердце, и она постаралась изобразить усталость.

— Я зашла сюда, чтобы получить результаты анализа пробы спинномозговой жидкости, которую я взяла сегодня днем. Но...— Лиза указала на компьютер.— Из-за скачка напряжения сгорел процессор. А я рассчитывала взглянуть на результаты, перед тем как ложиться спать.

— А почему вы не приказали кому-нибудь из лаборатории доктора Поллума принести результаты вам лично?

— Там никого нет. Я надеялась, вы поможете поторопить события.

Девеш вздохнул:

— Ну конечно же. Я сам как раз собирался идти к себе и ложиться спать. Я позвоню доктору Поллуму и попрошу прислать вам распечатку.

— Благодарю вас.

Девеш направился к двери, но на пороге он остановился и обернулся.

Лиза внутренне напряглась.

— На вечеринке вы выглядели очень привлекательно. Прямо-таки сияли.

Усилием воли Лизе удалось сохранить на лице бесстрастное выражение.

— Благодарю вас.

Девеш наконец ушел.

Это маленькое происшествие встряхнуло Лизу. Придя в себя, она приблизилась к Сьюзен и шепнула ей на ухо:

— Я начинаю отсоединять от вас все оборудование. Мы уходим отсюда.

Сьюзен кивнула. Ее губы зашевелились, выдохнув едва слышное «спасибо».

Занимаясь капельницами с внутривенным вливанием, Лиза обратила внимание на слезы, вытекшие из глаз Сьюзен и намочившие подушку. Она уже шепотом рассказала ей о судь-

бе мужа. Лиза ознакомилась с отчетом о вскрытии, который любезно предоставил ей Девеш.

Она пожала Сьюзен плечо.

К счастью, Девеш не заметил светящиеся слезинки.

20 часов 25 минут

Монк торопливо шел по правому борту верхней палубы, наклонив голову и опустив плечи, чтобы хоть как-то укрыться от пронизывающего ветра и проливного дождя. Над гигантской сетью, натянутой над островом, носились рваные черные тучи. Вспышки молний напоминали зарево далекого боя. Громовые раскаты гремели не переставая.

После первого разговора с Лизой Монк исследовал нужный участок палубы и подготовил все необходимое. Однако у него не было времени запастись второй страховочной петлей. Значит, придется вытаскивать женщин наверх поодиночке.

А для того чтобы сделать это быстро, Монку требовалась дополнительная сила.

Райдер громыхал ботинками следом за ним, также переодетый пиратом.

Заправлять катер топливом придется потом.

— Сюда! — крикнул Монк, перекрывая шум дождя и вой ветра.

Мимо проехал забытый на палубе шезлонг. Ветер усиливался. Необходимо уйти отсюда в течение ближайшего часа, чтобы избежать приближающегося тайфуна.

Высоко над головой сотрясалась и громыхала плетеная крыша острова.

Монк добрался до того места, где приготовил веревку и страховочную петлю, захваченные из пожарного щитка.

— Цепляйте за поручень! — крикнул он, перевешиваясь через ограждение.

Монк всмотрелся в темноту. Борт лайнера изгибался, поэтому определить с полной уверенностью было нельзя, однако двумя уровнями ниже должен был находиться балкон каю-

ты, в которой ухаживала за больной Лиза. Именно этому месту предстояло стать отправной точкой бегства.

Далеко внизу в водах лагуны отражались немногочисленные огоньки лайнера. Поверхность была подернута легкой рябью; высокие стены кратера вулкана защищали внутреннюю часть острова от буйства стихии. Поворачиваясь к Райдеру, Монк заметил в воде яркие вспышки. Это были не отблески на поверхности, а какое-то сияние в глубине. Ярко-голубые и алые огни.

Это еще что за чертовщина?

Над головой с треском сверкнула молния. Попав в маскировочную сеть, она озарила лагуну. Монк непроизвольно присел, оглушенный раскатом грома. Мощный заряд атмосферного электричества, пробежав шипящими искрами по стальным тросам сети, оставил после себя пляшущие огоньки святого Эльма. Судя по всему, все сооружение было надежно заземлено и выступало в роли огромного громоотвода.

Подойдя к ограждению, Райдер занял место рядом с Монком. У него через плечо был перекинут моток троса. Перебросив страховочную петлю через поручень, он начал опускать ее вниз с мастерством портового грузчика. Петля оказалась на уровне балкона, раскачиваясь в порывах ветра.

— Я пошел вниз,— крикнул ему в ухо Монк.— Заприте каюту, затем бегом возвращайтесь сюда. Нам придется поднимать женщин наверх вдвоем.

Райдер кивнул. Монк уже изложил ему свой план, и сейчас он повторил все только для того, чтобы предоставить Райдеру последний шанс отказаться и остаться внизу. Но тот им не воспользовался.

Молодец. Неудивительно, что он так преуспел в жизни.

Ухватившись за мокрый трос, Монк перелез через ограждение, сделал движение ногой, обвивая ее веревкой, и заскользил вниз. Регулируя скорость спуска протезом, он остановился только тогда, когда его ноги уперлись в страховочную петлю.

Раскачиваясь на ветру, Монк развернулся к открытому балкону. Шторы были наполовину задвинуты, но в ярком све-

те была отчетливо видна Лиза. Медведь в человеческом обличье прижимал ее к двери балкона, обхватив рукой за шею и приподнимая на цыпочки.

О, похоже, все уже идет как нельзя лучше!

20 часов 32 минуты

Лиза беспомощно висела на руке Твидлди, стиснувшей ей шею. Верзила санитар, буквально тыча своим носом ей в лицо, орал, брызжа слюной:

— Твою мать, какого хрена ты делаешь с капельницами, сука?

Последнее слово было произнесено по-английски с сильным акцентом.

Лиза действительно отсоединяла от Сьюзен все катетеры — для мочевого пузыря, внутривенные, сердечный, чтобы та смогла в нужный момент немедленно покинуть каюту. К несчастью, боевик закончился, и Твидлди, выйдя справить малую нужду, прошел мимо двери в спальню и заподозрил что-то неладное.

За спиной своего брата-близнеца Твидлдум проверил больную. Обернувшись, он что-то быстро проговорил по-русски. Лиза не поняла ни слова, но определенно верзила санитар был чем-то недоволен.

Ничего хорошего это не предвещало.

Прижатая к двери балкона, Лиза спиной почувствовала, что кто-то стучится снаружи в стекло.

«Пожалуйста, пусть это будет Монк!»

Протянув руку, Лиза с трудом достала указательным пальцем до защелки замка и подняла ее вверх. Дверь открылась наружу, увлекая молодую женщину за собой.

Потеряв от неожиданности равновесие, Твидлди повалился вперед, выпуская Лизу. Та постаралась удержаться на ногах, но все-таки упала, больно ударившись копчиком.

В открытую дверь ворвалась рука, схватила Твидлди за воротник белого халата и выдернула его на балкон. Послышал-

ся приглушенный выстрел, за которым последовал затихающий крик.

Твидлди отправился искупаться.

В это время Твидлдум пятился к ногам кровати, судорожно нащупывая кобуру под мышкой. Оглушенный случившимся, он настолько растерялся, что не мог даже кричать.

В дверях появился Монк, освещенный сзади вспышкой молнии, промокший до нитки. Он поднял пистолет. Выстрел будет слышен, но тут уж ничего нельзя было поделать.

Внезапно за спиной у Твидлдума выросла чья-то фигура. Это Сьюзен, пошатываясь от слабости, встала на колени на кровати. Схватив скальпель, она точным ударом пронзила санитару горло. Забыв про пистолет, тот схватился руками за шею.

Метнувшись вперед, Монк взял его за ремень и потащил на балкон.

— Пора проверить, как поживает твой брат.

На этот раз не было даже крика.

Монк вернулся в каюту, вытирая руки.

— Итак, кто готов идти?

Следующие мгновения прошли в лихорадочной спешке.

Лиза бросилась к двери в коридор и задвинула щеколду, а тем временем Монк помог Сьюзен отсоединить провода и трубки — от приборов для снятия электрокардиограмм, электроэнцефалограмм, допплеровского пульса.

Стащив свитер, Лиза помогла Сьюзен надеть его, а также белые брюки. Хотя Сьюзен и держалась на ногах нетвердо, она оказалась гораздо сильнее, чем можно было ожидать от человека, пролежавшего пять недель без движения в кататоническом ступоре.

Быть может, все дело было в нахлынувшем адреналине, а может быть, в чем-то другом.

Так или иначе, скоро все трое выскочили на балкон, под проливной дождь. Страховочная петля раскачивалась от ветра. Подхватив ее, Монк повернулся к Сьюзен и вдруг застыл от изумления.

— Не хочешь рассказать, почему твоя подруга светится в темноте?

Сьюзен в смущении попыталась подтянуть ворот свитера повыше. Лиза уже продемонстрировала ей этот эффект, на минуту выключив свет в каюте.

Лиза показала Монку на трос:

— Поговорим об этом позже.

Нахмурившись, Монк полез вверх, демонстрируя силу мышц и цепкую хватку протеза. Лиза помогла Сьюзен сесть в страховочную петлю.

— Вы сможете держаться? — спросила она.

Сьюзен зябко поежилась:

— Придется.

Взявшись поудобнее, Монк и Райдер начали поднимать ее вверх, используя в качестве опоры стойку перил. Лиза наблюдала за ними, возбужденно расхаживая по балкону. Услышав громкий стук, она застыла на месте. Звук донесся из каюты.

Лиза шагнула к двери. Ее встретил гневный оклик доктора Девеша Патанджали. Должно быть, он отпер замок ключом и обнаружил, что дверь заперта на щеколду.

Снова послышался стук. Попятившись назад, Лиза перегнулась через перила и посмотрела вверх.

Сьюзен дергала ногами. Монк и Райдер помогали ей перелезть через ограждение.

Выхватив из-за пояса пистолет, Лиза крикнула:

— Поторопитесь! Сюда кто-то идет!

Ее слова потонули в вое ветра и шуме грозы.

Из каюты донесся громкий треск. Дверь не устояла перед натиском. Прогремел винтовочный выстрел. Громкий, словно орудийный залп. Лиза испуганно вздрогнула.

Сверху послышался крик.

Выстрел Монк все же услышал.

На плечо Лизе упала страховочная петля, не спущенная, а сброшенная. Не обращая на нее внимания, Лиза открыла дверь с балкона и быстро задернула шторы. Затем закрыла дверь, оставшись снаружи.

Пусть Девеш увидит пустую комнату.

Надолго эта уловка преследователей не задержит, но, может быть, позволит выиграть хоть несколько секунд. Вернувшись на балкон, Лиза схватила страховочную петлю и забралась в нее. Внезапный порыв ветра ударил веревкой по ее правой руке, выбивая пистолет.

Оружие полетело за борт, скрываясь в темноте.

Проклятье...

Лиза лихорадочно схватилась за веревку, залезла на перила балкона и, оттолкнувшись от них ногами, повисла в воздухе.

Петля дернула ее под мышки — Монк и Райдер что есть силы потянули веревку вверх.

Лиза качнулась обратно к балкону, и в этот самый момент кто-то в каюте раздернул шторы. Над головой сверкнула молния. Лиза успела увидеть лицо Девеша с широко раскрытыми от изумления глазами: он никак не ожидал увидеть ее, летящую прямо на него.

Девеш отпрянул назад.

Вместо него в дверях появилась Сурина в ночной рубашке. Ее длинные черные волосы были распущены. Одной рукой толкнув дверь на балкон, другой она выхватила у Девеша трость.

Лиза достигла крайней точки дуги. Она попыталась ударить Сурину в лицо ногами, однако Монк и Райдер как раз дернули ее вверх, укорачивая веревку и тем самым уменьшая амплитуду колебаний, и каблуки Лизы наткнулись на пустоту.

Петля качнулась в обратную сторону.

Сурина выскочила на балкон. Порыв ветра взвихрил ее волосы. Схватив трость Девеша обеими руками, женщина покрутила ее концы в разные стороны и резко развела руки. Ножны из полированного дерева отлетели обратно в каюту, обнажая длинное стальное лезвие. Сурина бросилась к перилам.

Молния озарила небо, превратив меч в тонкий язык голубого пламени.

Безоружная, Лиза качнулась обратно к женщине, поджидающей ее с обнаженным лезвием.

20 часов 46 минут

Монк не стал ждать. Как только прогремел винтовочный выстрел, он понял, что Лизе потребуется спешная помощь, поэтому оставил австралийца поднимать страховочную петлю в одиночку.

Монк схватил веревку. Ее конец был привязан к спасательному кругу, зажатому между двумя столбиками леерного ограждения. Протез Монка стиснул веревку стальной хваткой. Вторая рука сжимала пистолет.

Спрыгнув вниз, Монк увидел, что Лиза летит навстречу женщине с мечом в руке. Он выстрелил навскидку.

Порыв ветра сбил его прицел. Пуля лишь оторвала щепку от деревянных перил. Однако этого оказалось достаточно, чтобы напугать женщину с мечом. Грациозно изогнув тело, она отпрянула назад.

Кряхтя от натуги, Райдер тянул трос вверх. В то же самое время, собрав все силы, увеличенные приливом адреналина и ужасом, Лиза подтянулась на руках. Теперь она уже не висела в страховочной петле, а стояла на ней. И находилась выше уровня балкона. Ударившись о корпус корабля, она отлетела обратно.

Райдер рывком поднял ее еще на три фута.

Монк полностью разрядил обойму, сделав еще три выстрела, чтобы не дать никому выйти на балкон. Это должно было остановить преследователей.

Он ошибся.

Женщина с мечом появилась снова — она запрыгнула на перила словно гимнастка, выполняющая упражнения на бревне, затем прыгнула прямо вверх, поднимая меч над головой.

Лиза пронзительно вскрикнула.

20 часов 47 минут

Лезвие прошло через подошву ботинка, вспороло джинсы и глубоко вонзилось в икру левой ноги. Потом меч опустился, подчиняясь силе притяжения.

Лиза бросила взгляд вниз. Сурина приземлилась на балкон и сразу же скрылась в каюте. Она даже не взглянула вверх.

Райдер подтянул Лизу еще выше. Туда, где ее уже никто не мог достать.

Лиза потеряла из виду балкон, скрывшийся за изгибом борта. Она судорожно держалась за веревку. Ее бил озноб. Хлещущая из раны кровь стекала по ноге, заливая ботинок.

Молодая женщина увидела сбоку Монка, который перелезал через ограждение обратно на палубу.

Через мгновение ее схватили за плечи и перетащили через перила. Она упала на палубу, не в силах унять дрожь. Над ней склонился Райдер, снимая с шеи платок.

— Сейчас будет больно,— сказал он, но голос его донесся откуда-то издалека.

Взяв платок, он обмотал им горящую лодыжку Лизы, затем резко затянул. Волна невыносимой боли захлестнула Лизу, выплеснувшись в сдавленный крик. Но все же она осталась в сознании.

Окружающие звуки постепенно вернулись из глубокого колодца, в который провалились.

Райдер помог Лизе подняться на ноги.

— Нам нужно идти. Они будут здесь с минуты на минуту.

Она кивнула:

— Хорошо... идем... да.

Это был отнюдь не Шекспир, но Райдер понял. Он подставил плечо, помогая Лизе держаться на ногах. Монк вел Сьюзен. Все четверо промокли насквозь.

Они направились на корму.

— Куда?..— с трудом выдавила Лиза, ковыляя со всей возможной быстротой.

— До моего катера нам не добраться,— ответил Райдер.— Все трапы и лифты наверняка будут перекрыты.

В подтверждение его слов где-то глубоко в недрах корабля завыла сирена тревоги, затем вырвавшаяся на открытые палубы.

Монк указал вниз через ограждение.

— Там находится швартовый док,— сказал он.— Час назад, когда я проверял, охраняется ли стапель с вашим личным катером, я заметил в доке синий пиратский скутер. В нем никого не было, и его никто не охранял.

— Но до дока тоже нужно спускаться через несколько этажей.

Монк пригласил всех к ограждению. Он перевесился через перила:

— Можно воспользоваться кратчайшим путем.

Он указал вниз.

Лиза осторожно заглянула через ограждение. Ей с трудом удалось различить самый конец выступающего швартового дока. Рядом на воде покачивался скутер с подвесным мотором. Судя по всему, с его помощью пираты осуществляли сообщение между лайнером и поселком на берегу.

Похоже, скутер не охранялся.

— Нам придется прыгать вниз? — с тревогой спросила Сьюзен.

Монк кивнул и спросил в ответ:

— Вы умеете плавать?

Сьюзен пожала плечами:

— Как-никак я морской биолог.

Лиза колебалась. До поверхности воды было добрых пятьдесят футов. Вдруг со стороны носа послышались крики. Монк посмотрел на ногу Лизы, затем перевел взгляд на ее лицо.

Она поняла: выбора у них нет.

— Нам придется прыгать всем вместе,— сказал Монк.— Один большой всплеск привлечет меньше внимания, чем четыре.

Все четверо перелезли через ограждение, держась за перила. Монк свесился как можно дальше за борт.

— Все готовы?

Кивки.

У Лизы от страха бурлило в животе, нога ныла. Перед глазами от боли плясали звезды, электрическими искрами мелькающие на черной поверхности воды.

Монк дал обратный отсчет, и все прыгнули вниз.

Лиза взмахнула руками, чтобы сориентироваться в полете и войти в воду вертикально, ногами вниз. В свое время ей приходилось нырять с высоких скал. И все же вода показалась ей твердой, словно утрамбованная земля. Удар отозвался по всему ее телу. Колени подогнулись — и тут море расступилось. Лиза быстро погрузилась в теплую воду. После промозглого дождя и ветра лагуна показалась ей приятной ванной.

Лиза быстро замедлила скорость погружения, для большей эффективности тормозя разведенными руками. И тотчас же устремилась вверх. Работая ногами, она вынырнула и жадно вдохнула воздух. Вокруг по поверхности воды мелкими камешками колотил дождь. Ветер налетал резкими порывами сразу со всех сторон.

Оглядевшись по сторонам, Лиза увидела всех троих своих спутников. Монк уже плыл к скутеру.

Райдер помогал Сьюзен. Он оглянулся на Лизу. Та махнула рукой, показывая, чтобы он плыл к катеру. Плыть в мокрой одежде и ботинках было трудно, но Лиза старалась не отставать.

Монк первым доплыл до скутера и забрался в него, подобно выползающему на берег тюленю. Низко пригнувшись, он оглядел швартовый док.

Пока что все тихо.

На корабле по-прежнему завывала сирена. Вероятно, все спешили на верхнюю палубу, где в последний раз видели беглецов.

Следующими до скутера добрались Райдер и Сьюзен.

Пока Монк помогал им забираться в катер, Лиза плыла, сокращая расстояние до дока. Она уже почти доплыла до скутера, как вдруг...

...что-то с силой ударило ее по ноге.

Лиза испуганно остановилась, всматриваясь в черную воду. Что-то скользнуло по ее бедру, оставляя в воде мерцающий зеленоватый след, который быстро растаял.

Сильные руки схватили Лизу за плечи.

Молодая женщина едва не вскрикнула. Она понятия не имела, что уже добралась до скутера. Райдер вытащил ее из воды и помог перелезть через борт.

Последние силы оставили Лизу, и она повалилась на дно. Ей в спину больно впился брошенный инструмент. Она чувствовала прямо под носом запах машинного масла. Но у нее не было сил пошевелиться. Лиза глубоко дышала, стараясь унять сердцебиение.

У нее за спиной с надрывным бульканьем заворчал мотор. Райдер рывком снял с кнехтов швартовы. Монк повел скутер от дока. Сначала он не разгонялся, держа нос скутера опущенным к самой воде.

С трудом приподнявшись, Лиза оглянулась на док.

От лайнера отделилась тень, шагнувшая на настил швартового дока. Лизе показалось, что даже в темноте она разглядела татуировку на лице. Ракао. Провести предводителя маори не удалось. Он знал, что покинуть корабль можно разными способами.

— Монк, гони! — воскликнула Лиза.— Давай полный газ!

Мотор кашлянул, дернулся, наконец взревел.

Лиза увидела, как Ракао поднимает руку. Она вспомнила его огромный револьвер.

— Ложись! — крикнула она.— Всем на дно!

Темноту разорвала яркая вспышка выстрела. Пуля скользнула по борту катера, и стальной корпус зазвенел. Скутер резко набрал скорость, поднимая за кормой высокий бурун.

Ракао выстрелил еще раз, но даже он, наверное, понимал, что это бесполезно. У него в руке появилась рация.

Монк на полной скорости несся прочь от лайнера.

Внезапно Лиза заметила, как из-за кормы корабля появился второй скутер. До него было еще довольно далеко. Вероятно, он возвращался из поселка на берегу. Вдруг скутер набрал скорость, направляясь к доку. Судя по всему, его вызвал по рации Ракао, готовясь устремиться в погоню.

Однако беглецы успели значительно опередить преследователей.

Впрочем, продолжалось это недолго. Неожиданно мотор громко чихнул, выпуская облако маслянисто-черного дыма. Скутер вздрогнул, теряя ход. Выпрямившись, Лиза оглянулась. Она посмотрела на инструменты, на которых лежала. На скомканную промасленную тряпку.

Этот катер не ждал пассажиров, которых нужно было доставить с лайнера на берег,— он был в ремонте!

Двигатель дымил все сильнее и сильнее. Его рев превратился в неровное ворчание.

Выругавшись, Райдер пробрался на корму и снял с мотора кожух. Оттуда повалил дым. Райдер нахмурился:

— Эта жестянка подняла лапки кверху.

А в это время Ракао прыгнул с настила дока в скутер, который сразу же рванул следом за беглецами.

— Выбора у нас нет,— пробормотал Монк, выкручивая штурвал. Скутер слабо ковылял вперед. Двигатель работал с перебоями.— Придется плыть к берегу. И надеяться на лучшее.

Лиза посмотрела на берег, затем обернулась на скутер Ракао. Даже в лучшем случае отрыв от преследователей будет минимальным.

Монк пытался выжать из двигателя все, на что тот еще был способен. Черная стена джунглей хоть и медленно, но приближалась. По крайней мере, заросли были достаточно густыми, чтобы в них спрятаться.

Увы, через полминуты мотор окончательно заглох.

— Придется добираться до берега вплавь! — воскликнул Райдер.

Берег был совсем близко. Меньше чем в пятидесяти ярдах.

— Всем покинуть корабль! — согласился Монк.— И грести как очумелым!

И снова все прыгнули в воды лагуны. Лиза задержалась, снимая ботинки, и покинула катер последней. Позади все нарастал рев катера Ракао.

Лишь оказавшись в воде, Лиза вспомнила о том, как что-то ударяло ее по ноге. Однако в настоящий момент страх пе-

ред Ракао был гораздо сильнее. Плавая с аквалангом с детских лет, Лиза неоднократно натыкалась в воде на чрезмерно любопытных акул.

Ракао определенно во много раз страшнее.

Она изо всех сил заработала руками и ногами, направляясь к берегу.

Оглянувшись, Лиза заметила в воде странные вспышки. Изумрудно-зеленые, рубиново-красные, сапфирово-голубые. Казалось, кто-то пускал в глубине фейерверки. И эти странные огни быстро рассекали толщу воды, несясь следом за беглецами.

Внезапно Лиза поняла, кто ударялся ей в ногу, кто сейчас мчался за ними: стая охотников, общающихся между собой языком разноцветных огоньков, хищным кодом Морзе.

— Быстрее к берегу! — закричала она и попыталась еще ускорить темп.

Но нет, до берега им не добраться.

Он плывет, ориентируясь на кровавый след в воде. Боковые плавники колеблются и скользят. Мышцы качают воду через мантию и реактивной струей выбрасывают ее из жесткого концевого канала, разгоняя шестифутовое тело. Он собирает восемь своих щупалец в тугой пучок, в обтекаемую мускулистую стрелу. Концы двух самых длинных щупалец ярко светятся. Сияющие полосы пробегают по его бокам.

Тем самым он направляет стаю.

Большие шаровидные глаза следят за сообщениями его собратьев.

Одни расходятся широким веером, другие уходят на глубину.

Запах крови становится все более отчетливым.

Лиза размеренно работала ногами и гребла руками. Паника лишь замедлит ее продвижение.

Берег был совсем рядом, серебристая полоска песка между черной водой и темными джунглями. И Лиза была полна решимости пересечь эту финишную черту.

Позади нарастал рев скутера Ракао.

Однако она бежала не от пирата-маори. Ее настигали стремительные полосы подводного огня, привлеченные раной на лодыжке и запахом крови.

В четырех ярдах впереди Монк и Райдер наконец нащупали под ногами дно и зашлепали по воде, таща Сьюзен. Лиза отчаянно заколотила ногами.

— Монк!

Резко сокращая мышцы, он устремляется вперед. Распускает щупальца, разводя их широко в стороны. Два самых длинных щупальца выбрасываются вперед, сверкая желтыми огоньками, покрытые рядами присосок, ощетинившихся хитиновыми когтями.

21 час 5 минут

Монк услышал, как его окликнули по имени.

Лиза отчаянно гребла к берегу. У нее на лице был написан ужас.

Она находилась всего в трех ярдах от берега.

Позади нее пиратский скутер несся на полной скорости за беглецами. Проливной дождь покрыл лагуну пупырышками «гусиной кожи». А под водой мигали огненные вспышки, подобно трассирующим выстрелам в ночи несущиеся следом за Лизой.

Монк вспомнил жуткие истории про эту лагуну. Их поведал ему беззубый пират, уроженец здешних мест.

Демоны, обитающие в глубине.

Монк побежал обратно в воду. Дно резко уходило вниз. Через два шага вода уже была ему по пояс.

— Лиза!

Молодая женщина посмотрела на него, и они встретились взглядами.

Вдруг она резко остановилась, как будто ее дернули за ногу. Глаза у нее широко раскрылись от ужаса.

— Уходи...

Монк бросился к ней:

— Дай мне руку!

Слишком поздно.

Из воды вырвалось сплетение щупалец, обхвативших Лизу. С головокружительной быстротой ее развернуло и утащило назад, под воду. Чудовище на мгновение показалось над поверхностью, скользкое, с двумя маленькими боковыми плавниками, переливающееся искрами электрических разрядов. Один большой черный глаз уставился на Монка, затем исчез.

Над поверхностью воды мелькнула одна рука, уже в двух ярдах дальше. И тут же Лизу с невероятной скоростью потащило вперед — как рыбину, попавшуюся на спиннинг. Рука снова скрылась в глубине.

Лиза...

Монк сделал еще один шаг, готовясь нырнуть.

Однако его остановила длинная очередь. Град пуль вспорол водную гладь, вынуждая Монка попятиться назад, выйти из воды на берег.

— Сюда! — крикнул Райдер.

Новые пули подняли под ногами у Монка фонтанчики песка. Автоматические винтовки трещали не переставая.

У него не осталось выбора.

Монк отпрянул назад, и Райдер, схватив за руку, утащил его в густое сплетение джунглей.

Лиза...

Опутанная удушающими щупальцами, Лиза изо всех сил старалась задержать дыхание.

Огромные когти впились в ее тело, однако она не чувствовала боли, объятая паникой.

Она колотила ногами и извивалась, держа глаза открытыми.

Темноту вокруг разрывали мечущиеся вспышки.

Значит, вот как ей суждено умереть.

21 час 6 минут

Монк безропотно позволил увести себя в глубь зарослей. У него не было выбора. Он ничего не мог сделать.

Сквозь просвет в листве Монк оглянулся на черную воду.

Пиратский скутер сбросил скорость, подходя к берегу. Катер ощетинился дулами винтовок, направленных на джунгли. Но Ракао стоял на носу, застывший в готовности темный силуэт с мечом в руке.

Взмахнув рукой, предводитель маори обрушил меч в воду. Тотчас же вокруг стального лезвия с шипением разошлись голубые искрящиеся круги, ослепительно яркие в темноте, озарившие ночь и глубокие воды лагуны. К поверхности устремился бурлящий поток пузырьков воздуха.

Что задумал Ракао?

Теряя сознание, Лиза выдохнула последние остатки сохранившегося в легких воздуха. По всему ее телу разлилась невыносимая боль. Объятия огромного моллюска сжимались все крепче.

И вдруг, напоследок еще раз стиснув свою жертву, щупальца обмякли.

Обжигающая соленая вода устремилась Лизе в нос. Открыв глаза, она увидела, как морское чудовище стрелой изумрудно-зеленого огня быстро погружается в черные глубины. Остальные последовали за ней.

Плотная вода вытолкнула человеческое тело на поверхность. И тотчас же чьи-то руки схватили Лизу за волосы и потащили вверх.

Однако они действовали слишком медленно.

Открывая и закрывая рот словно рыба, Лиза вдохнула воду, и ее тотчас же поглотил мрак.

21 час 7 минут

Укрывшись за валунами и густыми зарослями, Монк наблюдал за тем, как Лизу вытащили за волосы из воды. Обмякшую и безжизненную. Голова ее была запрокинута назад под немыслимым углом.

Ракао отбросил меч.

— Какая-то электропогонялка для скота,— пробормотал Райдер.— Так перепугался, что выпустил все свои чернила.

Ракао свесил Лизу за борт и нажал ей на спину. Изо рта и носа молодой женщины хлынула морская вода.

Одна рука судорожно дернулась.

Значит, жива.

Пират втащил ее в катер и бросил на дно. Он устремил взгляд на джунгли, затем перевел его выше, на острые зубцы скал. Над сетью, накрывшей остров, непрерывно трещали молнии. Порывы ветра хлестали жалящими струями проливного дождя.

Подняв руку, Ракао описал ею круговое движение.

Скутер, взметнув высокий бурун, развернулся и помчался назад, выбрасывая за кормой пенистый хвост. Пираты возвращались на корабль.

Но по крайней мере, она жива.

— Почему пираты уходят? — пробормотала Сьюзен.

Монк обернулся. В темноте леса ее лицо и конечности слабо светились. Это сияние было едва заметным, но оно было. Подобное лунному свету, пробивающемуся сквозь плотную пелену туч.

— Нельзя сказать, что мы сейчас можем идти куда вздумается,— с горечью промолвил Райдер.— Утром нас наверняка начнут искать.

Монк указал в глубь джунглей:

— В таком случае нам лучше не терять ни минуты.

Взяв Сьюзен за руку, Монк стал подниматься вверх по склону. Остановившись, он напоследок еще раз оглянулся на лагуну.

— Что это были за твари?

— Хищные моллюски,— со знанием дела слабым голосом ответила Сьюзен.— Некоторые биолюминесцирующие осьминоги охотятся стаями. Бывали случаи, когда осьминоги Гумбольдта в Тихом океане поднимались из глубины и нападали на людей. Но существуют и виды с более крупными особями.

Такие, как, например, Taningia danae. И эта изолированная лагуна — идеальное место для подобных чудовищ. Они поднимаются к поверхности, чтобы охотиться. Преимущественно ночью, когда наиболее эффективна их световая сигнализация, посредством которой осьминоги общаются между собой.

Монк вспомнил рассказ одного из пиратов про этот остров, про ведьм и демонов, обитающих в воде. Должно быть, вот что породило эти легенды. И тут же он вспомнил и другой рассказ про остров.

Задрав голову, Монк устремил взор в сторону зазубренных скал, виднеющихся на фоне ночного неба. Даже за непрерывным рокотом грозы был слышен размеренный ритм барабанов.

Людоеды.

— Что будем делать? — спросил Райдер.

Монк первым шагнул в заросли.

— Пора познакомиться с соседями... посмотреть, что стряпается у них на кухне.

21 час 12 минут

Лиза стояла на настиле швартового дока, бессильно навалившись на одного из пиратов. У нее не осталось больше сил сражаться; ей уже было все равно. Промокшая насквозь, истекающая кровью от десятков порезов, она ожидала свою судьбу.

Ракао раздраженно спорил о чем-то с Девешем.

По-малайски.

Это было выше ее понимания. Но Лиза подозревала, что причина перебранки в том, почему татуированный пират не преследовал Сьюзен Тьюнис в джунглях. Лиза разобрала одно-единственное слово.

Kanibals.

Позади мужчин стояла Сурина. Успевшая одеться, она застыла в дверях, укрытая от дождя, скрестив руки на груди, распрямив спину, терпеливая. Ее глаза не отрывались от Лизы. Они не были холодными — это подразумевало бы наличие хоть каких-нибудь чувств. В глазах же Сурины была бездонная пустота.

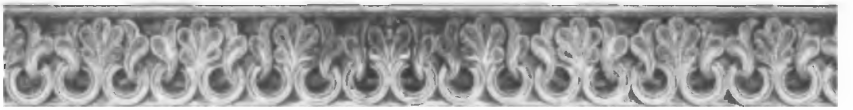
Наконец Девеш обернулся и указал рукой на Лизу. Из уважения к пленнице он перешел на английский:

— Пристрелить ее. Немедленно.

Лиза встрепенулась в руках пирата. Она откашлялась, и ее голос прозвучал хриплым бормотанием.

Молодая женщина предложила главе научного отдела «Гильдии» единственное, что могла, для того чтобы спасти свою жизнь.

— Девеш,— решительно промолвила Лиза.— Иудин штамм... Я знаю, что делает вирус.



Глава 11

РАЗБИТОЕ СТЕКЛО

6 июля, 13 часов 55 минут
Стамбул

На какой-то момент течение времени словно затормозилось, и все походило на замедленную съемку.

Из окна второго этажа собора Святой Софии потрясенный Грей видел, как затылок Бальтазара Пиноссо взорвался фонтаном крови и мозгового вещества. От удара пули его тело сложилось в пояснице. Руки широко разлетелись в стороны. Сотовый телефон, мгновение назад прижатый к уху, выскользнул из обмякших пальцев, упал на мостовую и отскочил в сторону.

И тотчас же вслед за ним рухнуло тело великана.

Из оцепенения Грея вывел голос стоявшего рядом Вигора:

— О господи, нет...

Запоздало нахлынули звуки: отголосок выстрела, крики с площади.

Грей отпрянул назад, пытаясь осознать случившееся. Раз Бальтазар был застрелен...

— Насер о нем знал,— закончил его мысль Вигор. Ошеломленный папский прелат держался за подоконник.— Насер знал о том, что Бальтазар здесь. Чудовище приказало своим снайперам его убить.

Грей никак не мог прийти в себя, сбитый с толку и сраженный чувством вины. Он только что отправил этого человека под пули убийц.

Крики на улице становились все громче, выплескиваясь и внутрь Святой Софии. Люди побежали, спеша спрятаться в ближайшем укрытии, в святом убежище древнего собора.

Несколько минут назад Грей и Вигор поднялись на второй этаж собора, где было полностью безлюдно, и затаились там. Бальтазар, перед тем как покинуть собор, предупредил хранителя музея, что Грей и Вигор ушли, категорически отказавшись ждать приезда «скорой помощи». Они поднялись сюда, чтобы проследить, все ли пройдет хорошо.

— Сейчас сюда нахлынет полиция,— пробормотал Грей.— Нам нужно спрятаться.

Вигор схватил его за рукав.

— Твои родители...

Грей покачал головой. Сейчас не было времени думать об этом. Насер предупреждал его о том, чтобы он не пытался ничего предпринимать. Но теперь, когда это было высказано вслух, Грей не мог избавиться от обуявшего его ужаса. Его дыхание участилось, в голове образовалась пустота. Расплачиваться за эту ошибку придется и его родителям.

Но каким образом Насер узнал про Бальтазара?

Вигор продолжал смотреть в окно. Вдруг пальцы прелата стиснули руку Грея.

— Боже милосердный... что она делает?

Грей вернулся назад к действительности. Он посмотрел на площадь перед западным фасадом собора. В то время как все спешили покинуть площадь или в страхе садились на корточки, одна женщина бежала прямо через все это смятение. Она слегка прихрамывала, оберегая левый бок.

Сейхан.

Зачем она бежит сюда?

Когда молодая женщина была уже совсем рядом с собором, у нее под ногами сверкнули искры. Кто-то в нее стрелял. Люди Насера. Однако внезапное появление Сейхан застигло

снайперов врасплох. Имея приказ не позволить Грею и его спутникам покинуть собор, они оказались не готовы к тому, что кто-то побежит в сторону собора.

Сейхан побежала еще быстрее, наперегонки со смертью.

13 часов 58 минут

Сейхан, оглушенная ударом, который последовал с неожиданной стороны, выругалась. Значит, Насер все же расставил вокруг собора двух-трех снайперов. А ей не удалось их вычислить. С другой стороны, у снайперов было предостаточно времени, чтобы спрятаться. Сейхан даже не могла предположить, что предателю удалось проникнуть в их маленькую группу. Бальтазар находился в Святой Софии с самого утра, расставляя силки.

Вбежав в Императорские ворота, молодая женщина прижалась к внутренней стене. А что, если и здесь уже ждут боевики Насера?

Она обвела взглядом уходящий вглубь неф. Люди, напуганные стрельбой, жались по углам или метались туда-сюда, сбитые с толку и объятые паникой. Сейхан поняла, что первым делом ей нужно разыскать Грея и Вигора.

Вдалеке завыли полицейские сирены.

Сейхан почувствовала, как кто-то схватил ее за рубашку. Подчиняясь рефлексу, она молниеносно развернулась и воткнула нападавшему пистолет под ребро.

Тот даже не вздрогнул.

— Сейхан, что случилось?

Это был Грей, бледный и осунувшийся.

— Грей... нам нужно уходить отсюда. Немедленно. Где монсиньор Верона?

Грей указал на ближайшую лестницу. Вигор держался в тени на верхней площадке, всматриваясь в толпу. Сейхан поспешила к нему, увлекая за собой Грея.

Папский прелат перевел взгляд на сводчатую дверь, и его глаза затуманились горем.

— Насер его убил. Он убил Бальтазара.

— Нет,— возразила Сейхан, решительно расставляя все по своим местам.— Это сделала я.

Вигор отшатнулся назад. Грей обернулся.

— Бальтазар работал на Насера,— объяснила Сейхан.

Голос Вигора наполнился гневом:

— Как ты сме...

— У меня есть фотографии, сделанные два года назад. Насер и Бальтазар разговаривают, потом деньги переходят из рук в руки.— Сейхан пригвоздила Вигора немигающим взглядом.— Бальтазар уже давно работал на «Гильдию».— Видя, что ей не верят, она продолжала еще более твердым голосом: — Монсиньор Верона, кто обратил ваше внимание на тайную надпись в Башне ветров?

Вигор оглянулся в сторону двери, туда, где на площади лежал убитый.

— Перед тем как вовлечь вас в эту игру,— гнула свое Сейхан,— мы с Насером играли в кошки и мышки по всей Италии, пытаясь найти первые элементы мозаики. Никто не должен был обнаружить невидимую надпись, которую я оставила в Ватикане, до тех пор пока я сама не позвонила бы вам и не предложила осветить пол в кладовой ультрафиолетовым фонарем. Вы полагаете, ваш друг наткнулся на нее случайно?

— Бальтазар сказал... один из его учеников...

— Он лгал. Его предупредил Насер. Негодяй шел по тому же самому следу, что и я. И он использовал Бальтазара, чтобы привлечь вас к раскрытию загадки.

Вигор бессильно опустился на ступени и закрыл лицо руками.

Сейхан повернулась к Грею. Тот стоял в шаге от нее, с остекленевшими глазами, пытаясь представить события сегодняшнего утра в свете новых откровений. Должно быть, он почувствовал на себе взгляд Сейхан.

— В таком случае Насеру известно, что мы собирались его обмануть,— наконец произнес Грей.— Ему известно, что у нас есть первый ключ. Ему известно все.

— Необязательно.— Сейхан схватила прелата за плечо, поднимая на ноги. Она повела Вигора и Грея к выходу.— Вот почему мне пришлось ликвидировать предателя. Не думаю, что у него было время связаться с Насером после того, как он расстался с вами. Я пристрелила его до того, как ему предоставилась такая возможность и он успел испортить все еще больше.

— Еще больше? — Грей застыл на месте, не желая идти дальше. Его глаза яростно сверкнули.— Ты могла бы схватить Бальтазара. Мы могли бы использовать его против Насера. У тебя была тысяча разных вариантов!

— Но все слишком рискованные! — Сейхан шагнула вперед, навстречу огню.— Грей, уясни же это своей тупой головой! План Насера, наши планы... все пошло вверх тормашками. Нам опять нужно начинать с чистого листа. И медлить нельзя ни минуты!

Лицо Грея потемнело от бурлящей внутри ярости. В его глазах сверкнули молнии.

— Когда Насер узнает о том, что ты сделала... что мы сделали... Ты только что подписала моим родителям смертный приговор!

Сейхан остановила его звонкой пощечиной. Опешив от неожиданности, Грей отступил на шаг, затем, опомнившись, бросился на свою обидчицу. Сейхан не оказала ему никакого сопротивления. Грей схватил ее за шиворот. Вторая его рука сжалась в кулак.

В противовес этой буре Сейхан сохранила свой голос спокойным:

— Смерть предателя вызвала хаос, и у нас появилось небольшое окошко свободы. Необходимо им воспользоваться.

— Но мои родители...

Голос Сейхан оставался ровным:

— Грей, их уже нет в живых.

Кулак Грея, сжимающий воротник ее рубашки, задрожал. Раскрасневшееся лицо скривилось в гримасе невыносимой

боли. Он посмотрел Сейхан в глаза, отчаянно нуждаясь в том, на кого можно было бы свалить всю вину.

— А если они еще живы,— продолжала молодая женщина,— если Насер сохранил им жизнь в качестве дополнительной гарантии, тогда у нас остается только одна надежда.

Грей уронил руку, отпустив воротник Сейхан. Однако кулак оставался по-прежнему сжатым.

— Нам будет нужен солидный козырь,— продолжала Сейхан.— Равный по весу жизни твоих родителей.

По глазам Грея она поняла, что волна ярости покатила вспять, что он наконец начал воспринимать ее слова.

— И второго ключа тут окажется недостаточно,— пробормотал Грей.

Сейхан покачала головой:

— Нам нужно затаиться. Пусть Вигор вытащит аккумулятор из своего сотового телефона, чтобы его нельзя было проследить.

— Но как в этом случае Насер сможет с нами связаться?

— Пришла пора лишить его этой возможности.

— Но когда он попытается нам дозвониться...

— Насер придет в бешенство. Возможно, он сделает что-нибудь плохое с одним или с обоими твоими родителями, возможно, даже убьет одного из них. Но до тех пор, пока Насер нас не найдет, одного он обязательно оставит в живых. Он не дурак. И в этом наша единственная надежда.

Вдруг у Вигора зазвонил телефон. Все застыли. Прелат достал телефон из кармана. Взглянув на код входящего вызова, он сглотнул комок в горле и протянул телефон Грею.

Тот взял аппарат.

— Да, это Насер.

— Упомяни черта,— пробормотала Сейхан.— Должно быть, с ним связался один из снайперов, требуя новых инструкций. Вероятно, только поэтому собор еще не штурмуют. Убийство Бальтазара застигло людей «Гильдии» врасплох. Это наше единственное окошко.

Грей не отрывал взгляда от зажатого в руке телефона.

Сейхан ждала.

Хватит ли сил у этого человека?

14 часов 4 минуты

Пальцы Грея, обхватившие телефон, отказывались повиноваться.

Маленький аппарат продолжал звонить и вибрировать. Грей буквально чувствовал исходящий от телефона бешеный гнев, ярость, готовую выплеснуться на его родителей. Ему отчаянно хотелось ответить на вызов: кричать, умолять, извергать проклятия, торговаться.

Однако у него нет никакого рычага. Пока что нет.

— Наверное, Насер сейчас находится в небе над Атлантикой,— наконец пробормотал Грей, глядя на телефон.

— Он приземлится в Стамбуле через пять часов,— подтвердила Сейхан.

Грей ощутил нахлынувшую ледяную волну, однако пальцы его крепче стиснули телефон.

— В воздухе Насер едва ли примет какое-нибудь важное решение. Он подождет, когда его ноги снова окажутся на твердой земле, и лишь тогда окончательно оценит ситуацию.

— И если к этому времени у него не будет от тебя никаких известий...

Грей не мог произнести это вслух. Он лишь молча кивнул. Насер убьет его родителей. Больше он ждать не будет. Он накажет Грея и перейдет к новой стратегии.

Пять часов.

— Нам нужно нечто большее, чем второй ключ, который мы нашли здесь,— задумчиво промолвил Грей.— Даже большее, чем третий ключ.

Сейхан кивнула.

Грей пристально посмотрел ей в лицо.

— Нам нужно будет решить загадку обелиска. Найти карту Марко Поло.

Сейхан выдержала его взгляд. Она ждала.

Теперь Грей знал, что делать. Он перевернул телефон и принялся онемевшими, непослушными пальцами вынимать аккумулятор. Шагнув к нему, Вигор накрыл его руку своей ладонью.

— Грей, ты уверен?

Грей поднял взгляд.

— Нет, не уверен. Я ни в чем не уверен, черт побери.— Он высвободил руку и вытащил аккумулятор из телефона, оборвав последний звонок на середине.— Однако из этого не следует, что я не буду действовать.— Он повернулся к Сейхан: — И что теперь?

— Ты только что бросил Насеру перчатку. Сейчас он свяжется со своими подручными. У нас есть минута, от силы две.— Она указала в глубь собора.— Сюда. У Ковальски есть машина. Он встретит нас у восточного выхода.

Молодая женщина повела их через неф. Люди растерянно топтались на месте, в воздухе висел гул приглушенных голосов. Звуки сирен тем временем приближались. Сейхан достала что-то из кармана.

— Насер наверняка расставил снайперов и у того входа,— заметил Грей, догоняя ее.

Сейхан раскрыла ладонь, показывая, что в ней.

— Шоковая граната. Яркая вспышка и оглушительный грохот. Мы взорвем ее посреди собора. Все устремятся к выходам... и мы тоже уйдем.

Грей нахмурился.

Как раз в этот момент они проходили мимо горстки школьников, которые с широко раскрытыми глазами испуганно жались друг к другу. Вигор высказал вслух свои опасения:

— Если снайперы нас увидят, они откроют огонь. По толпе.

— Другого выхода нет.— Сейхан ускорила шаг.— Придется рискнуть. Наверное, люди Насера сейчас окружают собор со всех сторон...

Под высокими сводами гулко раскатился звук выстрела.

Грей почувствовал, как у него рядом с ухом что-то просвистело. Кусок настенной мозаики взорвался, осыпаясь золотым дождем.

Толпа в панике бросилась в разные стороны.

Вигора сбили с ног. Он упал на четвереньки. Грей рывком поднял его, и в этот момент вторая пуля выбила мозаичную крошку из колонны. Запоздало прогремело эхо выстрела.

Пригибаясь, все трое бросились к боковой стене и побежали вдоль нефа. Когда они оказались в середине собора, Сейхан приготовилась выдернуть чеку из гранаты.

Грей остановил ее, схватив за руку:

— Не надо!

— Другого пути у нас нет. Впереди могут быть другие боевики. Мы должны смять их толпой, чтобы получить возможность добраться до выхода.

«А если нас обнаружат в толпе,— подумал Грей,— сколько невинных людей погибнет?»

— Есть другой путь.

Держа Сейхан за руку, Грей повел их к южной стороне, к строительным лесам, по которым он один раз уже лазал.

— Лезем вверх! — приказал он.

Однако оставалось еще одно препятствие. Охранник у лесов не покинул свой пост. Он притаился за деревянным щитом, сжимая в руках винтовку, готовый стрелять.

Вырвав гранату из пальцев Сейхан, Грей выдернул чеку и бросил гранату за щит.

— Закройте глаза! — крикнул он Вигору, заставляя его пригнуться.— И заткните уши!

Сейхан присела на корточки, обхватив голову руками.

Оглушительный взрыв показался ударом в солнечное сплетение. Звуковая волна усилилась, многократно отразившись от каменных стен. Ослепительная вспышка резанула Грею глаза даже сквозь закрытые веки, даже несмотря на то что он отвернулся.

Затем все это окончилось.

Грей рывком поднял Вигора на ноги. Сквозь звон в ушах донеслись приглушенные крики. Грей бросился к высоким лесам. Толпа рассеялась, устремившись к восточному и западному выходам.

Однако они не присоединились к бегущим.

Оглушенный охранник лежал навзничь на полу и стонал. Его ждет сильная головная боль, но жить он будет.

Забрав у него винтовку, Грей махнул рукой, указывая Сейхан и Вигору на леса. Им нужно было двигаться как можно быстрее. Шоковая граната отвлекла внимание боевиков «Гильдии», но ненадолго.

Грей полез вслед за Сейхан и Вигором.

— Куда мы идем? — обернувшись, спросила Сейхан.— Нас же там перестреляют в два счета!

— Лезем! — крикнул Грей.— Шевелитесь же, мать вашу!

Они бежали и бежали вверх, перепрыгивая через ступеньки, и успели добраться до середины, когда по лесам вдруг зазвенели пули, выпущенные наугад, но достаточно эффективно, чтобы загнать беглецов к стене. Наконец они выскочили на настил очередного уровня.

Растолкав остальных, Грей бросился вперед.

— За мной!

Пригибаясь, он устремился к ближайшей стене.

Они оказались на уровне основания огромного купола. По всему периметру проходила полоса сводчатых окон, которыми совсем недавно восторгался Грей, а за несколько столетий до него — Марко Поло.

Подняв винтовку, Грей ударил по одному из окон. Стекло разлетелось вдребезги. Грей не терял ни минуты. Бросившись к окну, он прикладом выбил торчащие из рамы осколки.

— Вылезаем наружу! — крикнул Грей, обращаясь к Сейхан и Вигору.

Те проскользнули мимо него. Вдогонку им прогремели новые выстрелы. Пули со звоном ударялись в стальные крепежи, вгрызались в дерево.

Последним вылез Грей. Они оказались на узком выступе, который опоясывал купол снизу.

Ярко светило полуденное солнце. Внизу раскинулся Стамбул во всей своей пестрой красоте, хаотической смеси древности и современного. Голубым сапфиром сияло Мраморное море. Вдалеке был виден подвесной мост, перекинутый через пролив Босфор, ведущий в Черное море.

Однако Грея сейчас интересовало другое инженерное сооружение. Он указал на южный фасад собора, находящийся в процессе реставрации, который был облеплен снаружи строительными лесами.

— Спускаемся вниз!

Вигор послушно первым пошел вокруг купола, балансируя на узком выступе. Добравшись до уровня лесов, Грей спрыгнул с выступа на наклонную крышу. Держа винтовку высоко над головой, он съехал на заду до верхнего помоста.

Налетев на балки лесов, Грей развернулся. Сейхан уже спешила к нему, оставаясь на ногах, частично сбегая, частично скользя, не обращая внимания на риск. Вигор, более осторожный, тоже спускался на «пятой точке», двигаясь рывками.

Сейхан остановилась, налетев на опору. Достав сотовый телефон, она крикнула короткую команду.

Тем временем Грей поймал Вигора и помог ему пролезть под ограждением к лестнице. Они устремились вниз. К счастью, с этой стороны леса никем не охранялись. Вероятно, охранник покинул свой пост, когда началась общая паника.

Оказавшись на земле, Сейхан пересекла узкую полосу газона и устремилась к ближайшему переулку. Из-за угла на полной скорости вывернуло желтое такси. Машина пошла юзом, сжигая резину покрышек, затем выровнялась и устремилась прямо на беглецов. Широко раскрыв глаза от удивления, Сейхан попятилась назад.

Видавшее виды такси отвернуло в сторону в самый последний момент и остановилось, визжа тормозами.

Из открытого окна высунулся водитель:

— Какого черта вы ждете? Живо залезайте в машину!

Ковальски.

Грей забрался вперед. Сейхан и Вигор устроились сзади. Хлопнули двери. Ковальски рванул с места, оставляя на асфальте черные следы. Борясь с ускорением, отбросившим ее назад, Сейхан наклонилась вперед:

— Это не та машина, в которой я тебя оставила!

— Ты про тот японский хлам? Это же четыреста пятый «пежо», шестнадцатиклапанный двигатель с инжектором. Модель начала девяностых годов. Создана для скорости.

В доказательство своих слов Ковальски переключился на пониженную передачу, дал полный газ и резко выкрутил рулевое колесо. Машина круто завернула за угол, швырнув всех влево. Ковальски тотчас же снова включил прямую передачу, и «пежо» ракетой рванул на выходе из поворота.

Сейхан с раскрасневшимся от ярости лицом снова подтянулась вперед.

— Где ты ее...

Улица позади взорвалась воем полицейских сирен, выскочивших из-за того же поворота.

— Ты ее угнал,— сказал Грей.

Ковальски, навалившийся на рулевое колесо всем своим телом, пожал плечами:

— Вы говорите «угнал», а я предпочитаю «одолжил».

Грей обернулся. Полицейская машина с включенными мигалками заметно отставала, не в силах тягаться с мощным двигателем «пежо».

Ковальски, не снижая скорости, выписал новый поворот, отбрасывая пассажиров в противоположную сторону, и начал перечислять технические характеристики машины:

— У нее великолепное отношение лошадиных сил к весу, подвеска отлично ведет себя на высоких скоростях... о! И у нее люк на крыше.— Он оторвал руку от рычага переключения передач, указывая вверх.— Здорово, правда?

Грей откинулся назад.

Еще через два поворота Ковальски оторвался от погони. Через минуту машина уже влилась в оживленный транспорт-

ный поток, покидающий старую часть Стамбула, и затерялась в целом море других желтых такси.

Наконец Грей успокоился настолько, что обернулся к Сейхан.

— У нас есть всего пять часов,— сказал он.— Нам нужно попасть на Хормоз.

— На остров Хормоз,— уточнил Вигор.— Расположенный в устье Персидского залива.

Сейхан прижимала руку к боку. Судя по всему, физическое напряжение не прошло для нее бесследно. Однако она кивнула:

— Знаю это место. Этот остров используют как перевалочный пункт контрабандисты и торговцы оружием, следующие из Омана в Иран. У нас не должно возникнуть никаких проблем.

— Долго туда добираться?

— Три часа. На частном самолете, затем на амфибии. Я знаю одного человека.

Грей сверился с часами. Значит, останется всего два часа, чтобы отыскать последний ключ и с помощью него и двух других разгадать загадку обелиска. Сердце Грея снова заколотилось чаще. В пылу бурных событий страх за судьбу родителей на время оставил его. Но теперь...

Грей протянул руку Сейхан:

— Мне нужен твой сотовый телефон.

— Ты хочешь связаться с руководством «Сигмы»?

— Я должен ввести свое начальство в курс последних событий.

По глазам Сейхан Грей прочитал, что она поняла истинную причину. И все же дала ему телефон.

Грей набрал номер. Через несколько минут он уже рассказывал директору Кроу обо всех последних событиях, начиная с обнаружения второго ключа и до бегства из Святой Софии.

— Значит, «Гильдии» удалось проникнуть не в «Сигму», а в Ватикан,— задумчиво произнес Пейнтер. Его голос то про-

падал, то появлялся снова.— Но, Грей, не думаю, что я смогу чем-нибудь помочь тебе на острове. Это иранская территория, а ты сам знаешь, какие у нас отношения с Ираном. К тому же у нас очень мало времени. Конечно, можно поставить на ноги все разведывательные ведомства Ближнего Востока, но об этом сразу же станет известно нашим врагам.

— А мне и не нужна ваша помощь,— сказал Грей.— Просто... мои родители...

— Знаю, Грей... я все понял. Мы их обязательно найдем.

Хотя директор Кроу дал обещание, Грей уловил в его голосе колебание, невысказанные слова: «Если твои родители еще живы».

8 часов 2 минуты
Арлингтон, штат Виргиния

Их снова перевозили на новое место.

Гарриет поднесла стакан с водой к губам мужа. Тот, одетый в хлопчатобумажный спортивный костюм, был привязан к стулу.

— Джек, тебе нужно выпить лекарство. Проглотить таблетку.

Джек упрямо сопротивлялся.

— Если он не проглотит эту таблетку,— рявкнула Аннишен,— я запихну ее ему в задницу!

У Гарриет затряслись руки.

— Пожалуйста, Джек, выпей.

Аннишен, одетая в черную кожу, начинала терять терпение. Несколько минут назад ей позвонили по телефону, после чего она срочно созвала всех своих боевиков, даже тех, кто дежурил на улице. Гарриет выволокли из холодильной камеры, где она провела взаперти всю ночь. Место было просто жутким. Одинокая тусклая лампочка без абажура освещала два ряда крючьев для мясных туш, висящих на рельсах под потолком. На полу тут и там темнели свежие пятна крови, коекак смытые в центральный сточный желоб.

Затем случился этот телефонный звонок.

Гарриет вытащили из холодильника, чтобы она занялась мужем. Джека держали отдельно от нее. Ей не позволили находиться вместе с ним. Всю ночь она провела в страхе за его жизнь. Оглушенный выстрелом из «тазера» в гостиничном номере, Джек оставался в полубессознательном состоянии. Гарриет пришла в ужас, увидев его привязанным к стулу, с кляпом во рту. К счастью, в остальном, кажется, с ним было все в порядке.

Увидев жену, Джек снова забился в веревках. Однако на самом деле он ее не узнал — а если и узнал, то смутно. Он с трудом воспринимал окружающую действительность, что было следствием стресса и воздействия сильного электрического разряда. В довершение Джек, очнувшись, обнаружил себя связанным по рукам и ногам, с кляпом во рту.

— Черт с ней, с этой таблеткой,— наконец не выдержала Аннишен, хватая Гарриет за плечо.— От тех, что ты дала ему раньше, все равно не было никакого толка.

— Просто Джек был очень возбужден,— с мольбой в голосе произнесла Гарриет.— Нужно время... и постоянная доза лекарства. Он обязательно должен выпить эту таблетку.

Аннишен раздраженно махнула рукой:

— Последняя попытка.

Гарриет прижалась щекой к щеке мужа, одной рукой поддерживая ему голову, другой сжимая стакан с водой. Джек попытался дернуться назад, но она держала его крепко.

— Джек, я тебя люблю. Пожалуйста, выпей. Ради меня.

Гарриет плеснула струйку воды ему на губы. Наконец рот Джека чуть приоткрылся — чисто животный рефлекс. Наверное, его мучила жажда. В конце концов он сделал жадный глоток. Похоже, это его даже несколько успокоило. Он обмяк на стуле.

Гарриет облегченно вздохнула.

— Ну как, выпил? — спросила Аннишен.

— Таблетка подействует примерно через час, и он успокоится.

— У нас нет часа.

— Я все понимаю... но...

Гарриет не сомневалась, что их ищут. И чем дольше они пробудут в одном месте, тем больше вероятность того, что их след будет обнаружен. Наоборот, чем больше передвижений, тем след будет холоднее.

— Поднимай его! — приказала Аннишен.

Схватив Гарриет за шиворот, она рывком подняла ее на ноги. Физической силы ей было не занимать. Она толкнула Гарриет к выходу. Тем временем ее подручные отвязали Джека. Он бессильно повис в руках двух гориллоподобных боевиков. Один держал в кармане пиджака пистолет, приставив его дуло к спине Джека.

Аннишен стиснула локоть Гарриет.

Джека повели к выходу, но тут он начал вырываться и заревел:

— Не-е-е-ет!

— Может, снова его долбануть? — произнес один из боевиков с сильным акцентом.

— Пожалуйста, не надо,— взмолилась Гарриет.— Я его успокою.

Боевик не обращал на нее внимания.

Похоже, Аннишен задумалась над его предложением.

— Сейчас же на улице светло,— продолжала Гарриет.— Если он будет без сознания, вам придется его нести...

— Тут есть кабаки,— настаивал боевик.— Их полно. Оболью ему рубашку водкой. Его примут за пьяного.

Эта мысль Аннишен не понравилась, наверное, потому, что пришла не ей в голову. Женщина в черном толкнула Гарриет к мужу.

— Сделай так, чтобы он угомонился, или я так всажу ему из «тазера», что он до конца жизни останется пускающим слюнки идиотом.

Гарриет поспешила к мужу. Заняв место одного из боевиков, она обхватила Джека за талию, другой рукой растирая ему грудь.

— Все хорошо, Джек. Все хорошо. Нам нужно идти.

Он подозрительно скосился на нее, однако сердитые складки у него на лице смягчились.

— Я хочу... вернуться домой.

— А мы сейчас и поедем домой... а теперь пошли, хватит спорить.

Джек покорно дал отвести себя к двери, выходящей в узкий переулок, настолько тесный, что здесь с трудом поместился переполненный мусорный бак. Солнечный свет обжег Гарриет глаза.

Они находились в заколоченной лавке мясника. Вдоль всей улицы тянулись другие такие же закрытые и заколоченные магазины и лавки. Гарриет осмотрелась по сторонам в поисках каких-либо ориентиров. Судя по всему, они находились где-то в Арлингтоне. К тому же после похищения их перевезли на другой берег Потомака.

Но куда именно?

Неподалеку стоял черный микроавтобус «додж».

Утренние улицы потихоньку заполнялись машинами. У входа в автоматическую прачечную собрались бездомные. Рядом стояла тележка из универсама с грудой набитых чем-то полиэтиленовых пакетов.

Не обращая на бездомных внимания, Аннишен повела свою маленькую группу к микроавтобусу. Она направила на него пульт управления сигнализацией, и задняя боковая дверь сама по себе скользнула в сторону.

Джек шел словно в свинцовом тумане, едва замечая окружающие предметы.

Гарриет дождалась, когда они поравняются с бездомными, окружившими тележку с пакетами. Ее правая рука по-прежнему лежала на животе Джека.

«Извини».

Прихватив сквозь футболку кожу, она больно выкрутила ее. Джек резко выпрямился, выведенный из оцепенения.

— Не-е-е-ет! — Он оттолкнул от себя боевика и завопил: — Ребята, я вас не знаю! Оставьте меня в покое!

Гарриет схватила его за руку.

— Джек... Джек... Джек... успокойся.

Посмотрев на жену мутным взглядом, Джек с силой ударил ее в плечо.

— Эй! — окликнул их один из бездомных, тощий, как скелет, мужчина неопределенного возраста с нечесаной бородой. Он выхватил из бумажного пакета стеклянную бутылку.— Что вы делаете с этим парнем?

Сквозь запотевшие окна, покрытые струйками стекающей воды, на них уставились клиенты прачечной.

Развернувшись, Аннишен шагнула к Гарриет. У нее на лице появилась хищная усмешка, рука угрожающе нырнула в карман куртки.

Погладив Джека по животу, Гарриет повернулась к бородатому бездомному:

— Это мой муж. У него болезнь Альцгеймера. Мы... мы везем его в больницу.

Ее слова растопили выражение тревоги на лице бородача. Он кивнул:

— Я вам сочувствую, мэм.

— Благодарю вас.

Гарриет отвела Джека к микроавтобусу. Они быстро забрались внутрь, и двери закрылись. Аннишен заняла место рядом с водителем. Как только микроавтобус тронулся, она обернулась к Гарриет.

— Пора бы уж этим таблеткам начать действовать,— зловеще произнесла она.— А то в следующий раз мы оставим твоего муженька подвешенным на крюке.

Гарриет кивнула.

Аннишен развернулась обратно вперед.

Один из боевиков, сидевших у Гарриет за спиной, накинул ей на голову черный капюшон. Она услышала протестующие стоны Джека, с которым поступили так же. Нащупав руку мужа, Гарриет пожала ее, пытаясь хоть как-то его подбодрить. Тот судорожно ответил на ее рукопожатие, хотя бы и подчиняясь только рефлексу любви.

«Извини, Джек...»

Другая рука Гарриет скользнула в карман свитера. Ее пальцы нащупали горсть таблеток — тех самых таблеток, которые она будто бы давала мужу. На самом деле Гарриет только делала вид — как раньше, так и сейчас. Ей нужно было поддерживать Джека в возбужденном, неуравновешенном состоянии, которое проявлялось бы внешне.

Чтобы на него обращали внимание... чтобы его запоминали.

Гарриет в отчаянии закрыла глаза. «Господи, прости меня...»

Глава 12

КАРТА ЗАПРЕТНОГО ГОРОДА

6 июля, 16 часов 44 минуты
Ормузский пролив

Самолет-амфибия «Бериев-103» российского производства поднялся в воздух из международного аэропорта на острове Кешм и полетел над аквамариновыми водами Ормузского пролива.

Грей был поражен той молниеносностью, с какой прошла пересадка в аэропорту. Частный самолет, на котором они прилетели из Стамбула, совершил посадку всего десять минут назад. Амфибия уже была готова к вылету: горючее заправлено, двигатели прогреты, винты медленно вращались. «Бериев» брал на борт всего шесть человек, включая пилота: три сдвоенных сиденья, установленных друг за другом.

Однако летал он быстро. Перелет к острову Хормоз не должен был занять больше двадцати минут. Грей даже не надеялся добраться до места за такой короткий срок. И все же у них останется всего два часа, чтобы найти последний ключ и с помощью него и двух других ключей вскрыть ангельское письмо на обелиске.

Время на борту самолета-амфибии, который Сейхан устроила через свои связи на черном рынке, Грей использовал для того, чтобы изучить запутанный код обелиска. Даже во время такого короткого перелета на счету была каждая минута. Устроившись в одиночестве на последнем ряду, Грей снова достал тетрадь, исписанную замечаниями и предположениями. Он уже предпринял попытку заменить символы на стенах

обелиска соответствующими буквами, как это сделал Вигор с надписью, обнаруженной в Ватикане, давшей название «ХАГИА». Однако на этот раз у него ничего не получилось.

Не смог ничем помочь и Вигор.

Во время перелета из Стамбула они вдвоем ломали голову над криптограммой. Вигор лучше владел древними языками. Однако все было тщетно. Особенно усложняло задачу то, что никто не знал, какая из четырех сторон обелиска является исходной точкой и в каком направлении следует читать текст, по часовой стрелке или против.

Возможных вариантов было восемь.

В конце концов Вигор устало потер глаза, признавая свое поражение.

— Без третьего ключа мы не сможем решить эту загадку.

Грей упорно не желал признавать это. Они с Вигором даже поссорились, после чего решили на время разделиться, чтобы не сталкиваться постоянно лбами, работая над разгадкой. Грей отдавал себе отчет, что своей вспыльчивостью он обязан исключительно тугому комку в груди.

Даже сейчас ему казалось, что его вот-вот вырвет. Стоило ему закрыть глаза, как он видел лицо матери. Видел обвиняющий взгляд отца.

Поэтому Грей перестал закрывать глаза и сосредоточился на работе. Ничего другого ему не оставалось. Он снова уставился на страницы с ангельским письмом и соответствующими латинскими буквами.

I	I	I	I
C N	B A	C G	M A
A S P	Z Z P	B V P	S P Z
A Z H	A L M	A Z H	Z L H
M V B	H V C	M L Z	A V C
T L C	S T C	S T H	S T G
S N Z	S N G	G N B	V A C
A L H	A L B	B L A	A L H
M V B	M V H	M V A	M S B

На следующих страницах были приведены семь других вариантов. Какой из них правильный? С чего хотя бы начать?

Внезапно внимание Грея привлек громкий храп, донесшийся спереди. Ковальски уже крепко спал. Не исключено, что он заснул еще до того, как самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы.

Сидевший на соседнем кресле Вигор в который раз изучал шелковый свиток с фрагментом дневника. Несомненно, это был тупик. Мрачно взглянув на храпящего рядом Ковальски, прелат отстегнул ремень и, пройдя к Грею, рухнул на соседнее место. В руках у него был свиток.

Наступило неловкое молчание.

Грей закрыл тетрадь.

— Я тут... ну, тогда...

— Я все понимаю.— Вигор ласково потрепал его по руке.— Мы все взведены до предела. Но я хочу поделиться с тобой кое-какими мыслями. Проверить свои догадки.

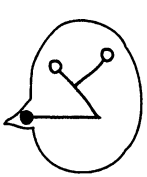
Грей встрепенулся:

— Разумеется.

— Я понимаю, что ты хочешь разгадать шифр обелиска. Но поскольку мы уже вот-вот начнем снижаться, неплохо было бы прикинуть, где именно на острове Хормоз может находиться третий ключ.

— А я полагал, мы уже определились с местом поисков,— сказал Грей.

Не в силах удержаться, он снова раскрыл тетрадь и постучал пальцем по символу ангельского алфавита, выбитому на обороте второй золотой пайцзы.



Сопоставив рисунок с картой острова, они установили, что закрашенный кружок соответствует местонахождению развалин старинной португальской крепости, построенной при-

близительно за сто лет до того, как были спрятаны ключи. В те времена это была неприступная твердыня. Выстроенная на косе и отделенная от остального острова глубоким рвом, крепость господствовала над городом Хормоз и гаванью. Для ватиканских мистиков, стремившихся спрятать ключи на долгие века, крепость наверняка показалась бы идеальным местом.

И вот сейчас они направлялись к ее развалинам.

Вигор кивнул:

— Все правильно, португальская крепость. Но главный вопрос, почему мы будем искать именно там. Если мы поймем это, возможно, нам удастся определить, что искать в развалинах крепости.

— Ну хорошо, с чего начнем?

Вигор предложил Грею выглянуть в иллюминатор. Слева впереди уже показался остров.

— Хормоз был крупным портом, через который осуществлялась торговля драгоценными камнями, специями и рабами. Его значение было настолько большим, что в шестнадцатом веке Хормоз захватили португальцы, выстроившие здесь крепость. Однако во времена Марко Поло город имел такое важное значение, что Хубилай-хан отправил молодую принцессу в жены местному правителю.

— Кокеджин, Голубую принцессу.

— Несомненно, это был брак по расчету. На самом деле персидский царь, с которым была помолвлена принцесса, умер, пока Марко и Кокеджин находились в пути. И ей в конце концов пришлось выйти замуж за его сына. Но опять же это был брак по расчету. Дело кончилось тем, что Кокеджин умерла всего три года спустя. Кое-кто утверждает, она покончила с собой, другие говорят, ее свела в могилу любовь к другому.

Грей обернулся:

— Не хотите ли вы сказать...

— И Марко женился только после смерти Кокеджин. А когда он умер, в его спальне были обнаружены два сокровища.

Золотая пайцза, которую ему вручил Хубилай-хан. А также золотая диадема, украшенная драгоценными камнями.— Вигор пристально посмотрел ему в глаза.— Головной убор монгольских принцесс.

Грей попытался представить себе долгое двухлетнее путешествие, совершенное Марко, чудесные страны, которые он посетил. Марко покидал двор Хубилай-хана еще относительно молодым человеком, ему было всего тридцать с небольшим лет. Кокеджин было семнадцать, когда она покинула Китай, девятнадцать, когда она прибыла в Персию. Они вполне могли полюбить друг друга, и любовь эта не угасла после расставания в Хормозе.

Грей потер виски, борясь с головной болью. Он вспомнил пустотелый кирпич из свода Святой Софии, покрытый изнутри голубой глазурью, хранящий в себе тайну. А может быть, этот кирпич олицетворял также сердце Марко, втайне от всех хранящее любовь к Кокеджин?

— К тому же мы начисто забыли еще об одном указании, оставленном нам,— продолжал Вигор. Он поднял свиток.— Повествование было вышито на шелке. Но почему именно на шелке?

Грей пожал плечами:

— Этот материал родом с Дальнего Востока, откуда вернулся Марко.

— Совершенно верно, но что, если тут кроется еще какой-то смысл?

Грей вспомнил, что Вигор тщательно изучал свиток, даже разглядывал его в лупу.

— И что вам удалось обнаружить? — спросил он.

Прелат развернул свиток.

— Когда на этом шелке вышивали текст, он уже не был новым. Ткань успела вытереться и износиться. Я обнаружил на ней масляные пятна и старую грязь.

— Значит, этот кусок шелка уже использовался для каких-то целей.

— Да, но для каких именно? — спросил Вигор.— В те времена шелк, ткань очень дорогая и редкая, нередко применялся для изготовления саванов для членов царских семей.

Он умолк, выжидательно глядя на Грея. Тот, мысленно представив пустотелый голубой кирпич, наконец осознал правду. Его голос наполнился изумлением.

— Вы полагаете, это фрагмент погребального савана Кокеджин?

— Возможно. Но если я прав, тогда я знаю, что́ мы должны искать в развалинах крепости.

И Грей тоже это понял.

— Мы должны искать гробницу Кокеджин.

16 часов 56 минут

Самолет-амфибия начал снижение к уединенной бухте. Сейхан, сидевшей в кресле второго пилота, открылся панорамный вид на Хормоз. Остров был небольшой, всего мили четыре в поперечнике. Посреди возвышались остроконечные скалы, изрезанные тонкими зелеными жилками скудной растительности. Береговая линия представляла собой крутые обрывы и укромные бухты, облюбованные контрабандистами. Однако на севере центральная возвышенность опускалась к морю более плавно. Здесь среди рощ финиковых пальм и зеленых полей, устроенных террасами, примостился небольшой поселок с домиками, крытыми тростником.

С воздуха хорошо просматривались очертания древнего, более крупного города: массивные фундаменты, сложенные из камня, добытого в местных каменоломнях; полуразвалившиеся строения, больше напоминающие груды обломков; и одинокий минарет, который когда-то использовался португальцами в качестве маяка.

Однако целью исследователей было не это.

Заложив крен, гидроплан пролетел над вытянутым мысом, уходящим в море к северу от старого города. На этой полосе земли находились развалины старинной крепости. Когда-то от города ее отделял широкий ров, однако его уже давно зава-

лили, и сейчас от него оставалась лишь полоса просевшей земли, протянувшаяся с востока на запад.

Когда самолет пролетал над развалинами, Сейхан изучила с воздуха цель. Массивная твердыня была окружена со стороны моря высокими стенами, однако западная их часть уже давным-давно проиграла сражение с волнами и обрушилась, подточенная прибоем. Но восточной части, защищенной бухтой, повезло больше.

Гидроплан развернулся, готовясь к посадке на воду бухты, резко опустил нос и устремился вниз. Сейхан успела мельком увидеть ржавые чугунные пушки на крыше цитадели и еще шесть на берегу бухты, сейчас служившие для швартовки лодок. И действительно, рядом с одной из пушек качалось утлое суденышко. При приближении самолета крохотная смуглая фигура, одетая в одни трусы по колено, замахала рукой.

Сейхан предположила, что этот паренек и был тем проводником, которого она заказала в соседней деревне. Имея в распоряжении всего два часа, они вынуждены были прибегнуть к услугам человека, знакомого с развалинами.

Амфибия коснулась поверхности воды, поднимая высокие буруны. Сейхан удержалась в кресле только благодаря привязному ремню, однако раненый бок отозвался болью, разлившейся по всему телу. В туалете аэропорта Сейхан осмотрела рану. Бинты насквозь пропитались розоватой жидкостью, но кровотечение остановилось.

Ничего, жить будет.

Пилот развернул гидроплан к берегу, откуда неслась на полной скорости маленькая лодка, подпрыгивая на волнах, поднятых «Бериевым» при посадке. Провожатый стоял на корме, управляя подвесным мотором.

Еще через минуту открылся люк, и исследователи перебрались с самолета в лодку. Их провожатый оказался мальчишкой лет двенадцати-тринадцати, кожа да кости и рот до ушей. Несомненно, он хотел проверить на практике свое знание английского, каким бы ломаным тот ни был.

— Отличный ребята, прекрасный дама, добро пожаловать в Хормоз! Я называться Фейаз!

Помогая Сейхан спуститься в моторную лодку, Грей вопросительно поднял брови:

— Это и есть твой опытный проводник?

— Ты ведь не позволил бы мне переплавить золотую пайцзу, правда? А так это лучшее, что можно достать за деньги в этих краях.

Она и без того уже выложила кругленькую сумму за то, чтобы добраться сюда так быстро.

Сейхан следила за тем, как Грей усаживается на банку. Он уже изучал взглядом крепость. От молодой женщины не укрылось его беспокойство, хотя заметить его можно было лишь по поникшим плечам. В профиль лицо Грея, с его резкими чертами, казалось непоколебимо твердым. Однако Сейхан видела, что на самом деле он надломлен, ослаблен тяжелой раной.

Переживанием за судьбу родителей.

Тряхнув головой, Сейхан отвернулась. Своих родителей она вообще не помнила. В памяти у нее сохранился только один образ: какую-то женщину выволакивают в дверь, а она плачет и протягивает к ней руки. Сейхан не была даже уверена, что это ее мать.

Фейаз дал полный газ, слабенький подвесной мотор натужно взвыл, и лодка устремилась к заросшему пальмами берегу и развалинам крепости. Ковальски зевал, опустив в воду ребро ладони. Вигор смотрел на деревню вдалеке. Оттуда доносились отголоски веселой музыки; судя по всему, там шел какой-то праздник.

Грей оглянулся на Сейхан. У него на лице появилось знакомое выражение — брови высоко подняты, спрашивая: «Ты готова?» Она кивнула.

Повернувшись вперед, Грей скинул свою легкую куртку. Солнце палило нещадно. Грей остался в одной футболке защитного цвета. Сейхан обратила внимание на солнечные блики у него на шее. Рассеянно подняв руку, Грей спрятал серебряную цепочку под футболку.

Брелок в виде дракона.

Сейхан подарила ему этот брелок как шутливое напоминание об их былом сотрудничестве. Однако Грей его сохранил и не расставался с ним до сих пор. Почему? По необъяснимой причине это наполнило Сейхан теплом, порожденным не столько признательностью, сколько смешанным чувством недоумения и смущения. Неужели Грей считает, что она подарила брелок как знак привязанности? Это должно было бы развеселить Сейхан, однако она почему-то испытывала только раздражение.

Нос лодки заскрипел по песку, и Сейхан по инерции дернулась вперед.

Причалив к берегу, они начали разгружать вещи.

Сейхан бросила Ковальски рюкзак с дополнительным снаряжением: переносным компьютером, запасом шоковых гранат и шестью коробками патронов для четырех пистолетов.

Грей протянул руку, помогая ей выбраться из лодки.

Отмахнувшись, Сейхан спрыгнула на берег.

Привязав лодку к одной из ржавых пушек, Фейаз махнул рукой в сторону квадратного пролома в крепостной стене. Выше тянулся ряд узких бойниц, за которыми когда-то укрывались португальские защитники крепости.

Пронырнув в пролом, маленький отряд оказался во внутреннем дворе, вымощенном камнем. Из щелей между плитами пробивались колючие сорняки, в нескольких шагах впереди большой открытый резервуар для воды опасно наклонился, угрожая обрушиться, а на месте заброшенного садика торчали две чахлые финиковые пальмы. Повсюду вокруг древние камни оглашались свистящим шепотом призраков.

Фейаз указал на цитадель. Она поднималась вверх шестью этажами, заканчиваясь зубчатым парапетом, из которого кое-где до сих пор торчали дула ржавых пушек.

— Я показывать вам всё! — заявил Фейаз.— Здесь смотреть есть очень много!

Мальчишка направился было вперед, но Вигор остановил его, положив руку на плечо.

— В крепости есть часовня? — спросил он.

Мальчишка на мгновение задумчиво нахмурился, но тотчас же снова просиял своей несходящей улыбкой:

— Часовня! Как есть Биг-Бен!

Вигор улыбнулся:

— Нет. Церковь.

Фейаз наморщил лоб, однако улыбка не сходила с его лица.

— А, вы есть христиан. Это хорошо. Всё хорошо. Мусульман любить Библия. Это есть тоже священный книга. У нас тоже иметь святые. Мусульманский святые. Но самый лучший есть пророк Мохаммед.

Он смущенно пожал плечами. Вигор потрепал его по руке, понимая, что мальчишка борется между стремлением угодить иностранным туристам и верностью исламу.

— Церковь? — повторил прелат.

Мальчишка истово закивал:

— Комнат с крестами.

Он повел Вигора к черному отверстию, не переставая тараторить.

Ковальски покачал головой, дивясь на гримасы Фейаза, и двинулся следом.

— Ему нужно исключить кофеин из своей жизни.

Грей улыбнулся — редчайшее явление природы, луч солнца, выглянувший из-за сплошных туч.

— Пошли,— шепотом бросил он Сейхан, проходя мимо.

При этом он скользнул кончиками пальцев по ее руке. Сейхан едва не поддалась порыву схватить их. Вместо этого, злясь на себя, она стиснула кулаки. Однако в этом движении не было ни ярости, ни отчаяния. В первую очередь за ним стояло чувство вины.

Сейхан злилась на себя за то, что вынуждена лгать этому человеку.

17 часов 18 минут

— Да уж, тут жди геморроя,— проворчал Ковальски.

Грей не стал возражать.

Часовня находилась на первом этаже крепости, в самой дальней части. Путь к ней проходил по узким извилистым ко-

ридорам с низким потолком, там пришлось даже зажечь фонарики. По мере того как исследователи углублялись внутрь древнего сооружения, их все больше окутывала тишина. Воздух здесь был совершенно неподвижным. Единственный звук производили разбегающиеся в разные стороны крысы, напуганные лучами света.

Коридор закончился низкой дверью — чтобы пройти в нее, нужно было не просто наклонить голову, а согнуться в поясе. Первыми вошли в часовню Вигор и мальчишка-проводник. Выпрямившись, прелат тихо ахнул. Следующим прошел Грей.

И вот сейчас он стоял в часовне, обводя лучом фонарика теряющиеся в полумраке стены.

Вырезанное высоко в дальней стене окошко в форме креста пропускало дневной свет, но в очень скудных количествах. На самом деле оно представляло собой не более чем две перекрещенные под прямым углом щели, определенно настолько узкие, что протиснуться в них было невозможно,— наверное, при необходимости окошко служило еще одной бойницей.

Лучи солнца, проникающие в него, ложились очертаниями светлого креста на каменной плите, расположенной на уровне пояса.

Когда-то здесь был алтарь. Теперь же помещение было пустым. Зато здесь хватало украшений. Все поверхности — стены, потолок, пол и даже алтарь — были покрыты высеченными в камне крестами. Их были сотни, если не тысячи. Размерами от ногтя большого пальца до затейливо украшенных гигантов в человеческий рост.

— Неудивительно, что часовню прозвали комнатой крестов,— заметил Вигор.

— Ага, настоящий шик в духе серийных маньяков,— угрюмо пробурчал Ковальски.— На этом острове небось все жители между собой в кровном родстве.

Грей обвел взглядом великое множество крестов, вспоминая едва различимое изображение, выбитое на мраморной плите пола Святой Софии. Он достал серебряный крест, распятие брата Агреера.

— А теперь нам осталось только определить, какой из крестов соответствует этому.

Подойдя к Фейазу, Вигор попросил его оставить их одних.

Мальчишка пришел в недоумение, но прелат указал на распятие в руках Грея.

— Нам нужно помолиться,— объяснил он.— Потом мы выйдем к тебе.

Кивнув, паренек быстро выскочил из часовни, очевидно опасаясь быть застигнутым вместе с христианами, совершающими священный ритуал. Судя по его спешке, он, вероятно, подозревал, что молитва будет сопровождаться жертвоприношением младенцев.

Когда они остались одни, Грей почесал голову, придавленный тяжестью стоящей перед ними задачи и остро осознавая нехватку времени.

— Один из этих крестов должен точно соответствовать распятию брата Агреера. И нам нужно найти, какой именно.

Он разделил маленькую группу. Четыре человека — четыре стены. И после этого останутся еще пол и потолок.

Грей положил распятие на алтарь, чтобы при необходимости его мог взять для сравнения любой. Также он выдрал из тетради четыре страницы и, нарисовав на каждой очертания креста, раздал всем по одной.

Все принялись за работу. Помимо воли Грей следил за тем, как медленно, но неумолимо ползет по алтарю пятно света, отмечая путь солнца к закату. Времени оставалось все меньше и меньше. Грей первым разобрался со своей стеной. Ничего. Он обливался потом; промокшая насквозь одежда липла к телу. Грей перешел к полу. Остальные один за другим присоединились к нему. Сейхан занялась алтарем.

Самый главный крест — образованный солнечными лучами — дюйм за дюймом скользил по каменным плитам.

— На полу тоже ничего нет,— наконец подвел итог Вигор.

С красным от напряжения лицом он медленно поднялся с четвереньек, придерживая себя за поясницу.

Выйдя из-за алтаря, Сейхан тоже отрицательно покачала головой. И там удача ей не улыбнулась.

Грей выпрямился. Потолок был низким, и все же не настолько, чтобы можно было дотянуться до него рукой. Потребуется много сил, для того чтобы проверить каждый крест на совпадение с распятием отца Агреера.

— Может быть, я ошибся,— пробормотал Вигор.— А может быть, могила Кокеджин находится где-то в другом месте. И все эти кресты — уловка, уводящая по ложному пути.

Грей покачал головой. Нет. Они уже потеряли здесь целый час. У них просто нет времени тщательно исследовать все щели и закутки древней крепости. Придется ограничиться часовней. Обратного пути нет; теперь уже поздно менять решение.

— Могила Кокеджин должна быть здесь,— упрямо произнес Грей.

Вигор вздохнул.

— В таком случае остается только потолок.

Грей поручил Ковальски поднять прелата. Сам он шагнул к Сейхан.

— Дружище, мне все время достается несчастливый билет,— проворчал великан.

Не обращая на него внимания, Вигор указал на стены:

— Мы начнем с краев. А вам разбираться с серединой.

Сейхан забралась на алтарь.

— Вот до этих я смогу дотянуться сама.

Когда она выпрямилась, ей на спину упал крест солнечного света. Сняв куртку, Сейхан осталась в одной черной футболке. Грей увидел изгибы ее тела, упругую грудь, обтянутую тонкой хлопчатобумажной тканью. Несмотря на переполняющую его тревогу, он оставался мужчиной и не мог не восторгаться подобным зрелищем... однако он устыдился своих чувств.

Сейчас не время...

— Кажется, есть что-то похожее...— пробормотала Сейхан, приподнимаясь на цыпочки и вытягивая руку.

И тут же она вскрикнула и опустилась на пятки, хватаясь за левый бок. Дала знать о себе рана.

Грей тоже залез на алтарь.

— Дай помогу.

Он сплел пальцы, делая из рук ступеньку. Взяв серебряное распятие, Сейхан встала ногой ему на руки. Грей выпрямился, поднимая ее. Удерживаясь одной рукой за его голову, Сейхан другой дотянулась распятием до потолка. Левая ее ягодица прижалась к щеке Грея.

О да, он отправится в ад.

— Кажется... кажется...— прошептала Сейхан.— Есть! Этот крест вырезан глубоко в камне, и распятие точно в него входит. Полное совпадение!

Грей выкрутил голову, стараясь посмотреть вверх, но увидел лишь грудь Сейхан.

— Ты можешь определить, куда смотрит Христос? — спросил он, вспоминая Святую Софию.

— Вниз на алтарь,— ответила Сейхан, однако мысли ее были заняты другим.— Крест вырезан в круглом камне. Когда я вложила в него распятие, кажется, что-то щелкнуло. И камень, по-моему, шатается. Полагаю, с помощью распятия я смогу его повернуть. Быть может, вынуть из потолка.

— Думаю, тебе не надо...

Послышался скрежет камня по камню. Затем раздался громкий щелчок, однако прозвучал он не вверху. Грей с изумлением уставился себе под ноги.

Алтарь ушел из-под него, проваливаясь в пол. Грей полетел следом за ним.

Сейхан свалилась ему в объятия, крепко вцепившись в шею.

Тяжелая каменная плита ударилась об пол, и Грей, не удержавшись на ногах, упал на колено. В воздух поднялась пыль. Одна из каменных плит пола вывалилась и, рухнув на алтарь, разбилась на куски, которые разлетелись по погруженному в темноту подземелью.

Грей посмотрел вверх. Хотя он перепугался до смерти, плита провалилась вниз всего на четыре фута. Вигор и Ковальски подбежали к краю отверстия.

— Кажется, ты что-то нашел, Индиана,— ухмыльнулся Ковальски, протягивая фонарик.

Грей закатил глаза, но фонарик взял. Сейхан слезла с него, отряхиваясь от пыли. Опустившись на корточки, Грей осветил лучом фонаря пространство под полом часовни. Впереди манила арка, за которой простирался мрак.

Грей спрыгнул с алтаря на пол. Сейхан не отставала от него ни на шаг. Вигор и Ковальски спустились в отверстие, присоединяясь к ним.

Свод подземного помещения, размером вдвое меньше часовни, был образован двумя перекрещенными арками. Луч света выхватил еще одну арку в глубине, за которой была узкая ниша.

— Loculi,— прошептал Вигор.— Склеп.

На голом каменном полу ниши лежало человеческое тело, прикрытое истлевшей белой тканью.

— Это могила Кокеджин,— сказал Вигор.— Мы ее нашли.

Несмотря на возбуждение, они приблизились к нише медленно. Грей и Вигор шагнули в арку. Они должны были убедиться наверняка. Вигор благословил нарушение покоя усопшей крестным знамением и краткой молитвой.

Прелат протянул руку к погребальному савану.

— Если там что-то зашевелится,— совершенно серьезным тоном прошептал Ковальски,— я отсюда сматываю. Просто чтоб вы знали.

Не обращая на него внимания, Вигор почтительно приподнял ткань с одного края.

— Шелк,— прошептал он.

Над саваном поднялась пыль. Взору открылся череп. На нем блеснула золотая диадема, украшенная рубинами и сапфирами. В луче фонарика сверкнули бриллианты.

— Головной убор принцессы,— вполголоса промолвил Вигор.

Вигор вспомнил его рассказ о том, что Марко Поло не расставался с этой диадемой до своего смертного одра. У Вигора задрожала рука.

— Должно быть, перед смертью Марко пожелал возвратить диадему. Вероятно, он даже устроил так, чтобы тело Кокеджин было перевезено и спрятано, перед тем как обрести последнее упокоение здесь.

Грей накрыл руку Вигора своей ладонью:

— Третья пайцза... третий ключ.

У них не было времени.

Грей сдернул шелковый саван, открывая истлевшие кости. Ахнув, Вигор отшатнулся назад. И даже Грей застыл, пораженный увиденным.

Под шелковым покрывалом лежало не одно тело.

В склепе лежали два скелета, сплетенные в объятиях.

Грей вспомнил рассказ Вигора о том, как в 1324 году Марко Поло был погребен в церкви Сан-Лоренцо, однако впоследствии выяснилось, что его тело оттуда исчезло.

— Мы нашли не только могилу Кокеджин,— сказал Вигор.

Грей кивнул:

— Мы также нашли и могилу Марко Поло.

Он посмотрел на слившуюся в объятиях пару. То, что они не смогли получить при жизни, они обрели после смерти.

Быть вместе. Навсегда.

У Грея невольно мелькнула ассоциация с родителями. Вместе они прошли через невзгоды, пережили травму отца и вот теперь его слабоумие... и все же не расстались.

Их обязательно нужно спасти.

11 часов 1 минута
Вашингтон

Пейнтеру очень хотелось бы присутствовать на месте лично, но это лишь задержало бы группу быстрого реагирования. Из центра связи «Сигмы» он наблюдал видеоизображение,

поступающее в режиме реального времени. Оно передавалось с телевизионной камеры, закрепленной на каске одного из бойцов.

Десять минут назад им впервые по-настоящему улыбнулась удача.

Все утро Пейнтер стучался в самые разные двери, пытаясь добиться разрешения проследить международный телефонный звонок на сотовый телефон монсиньора Вероны от абонента, находившегося на территории Соединенных Штатов. Грей упомянул о том, что Амен Насер позвонил на телефон Вигора. Для того чтобы проследить этот звонок, Пейнтер был вынужден уговаривать, спорить, упрашивать всех начиная от Ватиканской курии и кончая начальником оперативного отдела Министерства внутренней безопасности. Хорошо хоть в деле была замешана Сейхан и он смог разыграть карту терроризма. В результате перед ним открылись двери, которые прежде были наглухо закрыты.

И хотя времени это заняло невозможно долго, в конце концов Пейнтер узнал, откуда был сделан этот звонок. И вот сейчас группа быстрого реагирования ждала его команды, чтобы начать штурм.

Пейнтер нагнулся к микрофону:

— Пошли!

Двери микроавтобуса разом распахнулись. Изображение, поступающее с камеры на каске, задергалось и запрыгало. Бойцы устремились к зданию с разных сторон, спереди и сзади. Они бежали, низко пригнувшись, сжимая в руках автоматические винтовки.

Штурмовая группа обрушилась на здание подобно урагану.

Изображение на экране стало темным: боец с камерой вместе со своими товарищами вбежал в закрытое помещение. Группа рассредоточилась.

Пейнтер ждал.

Не в силах сидеть на месте, он встал, опираясь на кулаки. Рядом напряженно работали техники, следя за другими мониторами, на которые выводилась информация со спутни-

ков, дрейфующих над Индонезией. На регион обрушился сильный шторм, набирающий мощь настоящего урагана, что значительно затрудняло поиски похищенной «Владычицы морей».

Отсутствие хоть какого-нибудь прогресса выводило Пейнтера из себя. Его беспокойство за Лизу, за Монка граничило с отчаянием.

И вот наконец этот успех в гонке за установление источника международного телефонного звонка.

Пейнтеру была нужна победа. Хотя бы здесь.

В наушник он слышал переговоры бойцов штурмовой группы, которые перекликались, докладывая о продвижении поисков. Наконец отчетливо прозвучал голос бойца с телекамерой. Он стоял внутри большого холодильника. С потолка свешивались огромные крючья.

— Господин директор Кроу, мы полностью осмотрели мясную лавку. Цели обнаружены не были. Здесь нет ни души.

Изображение дернулось вместе с наклоняющимся оператором — затем он выпрямился и поднял свои пальцы к объективу камеры.

Они были влажными.

— Сэр, мы обнаружили тут кровь.

«О, только не это...»

Один из техников оглянулся на Пейнтера, увидел выражение его лица и тотчас же снова уставился на свой монитор.

Волну отчаяния разорвал голос, донесшийся от двери:

— Господин директор...

Там стояла женщина в темно-синем костюме. Ее золотисто-каштановые волосы были зачесаны назад, открывая лицо, светящееся беспокойством и страхом. Пейнтер сразу же понял, чем был порожден этот затравленный взгляд.

— Кэт...— сказал он, выпрямляясь в полный рост.

Это была жена Монка.

— С Пенелопой осталась моя тетя. Я просто не могла больше сидеть дома.

Он все понял и поднял руку:

— Твоя помощь нам пригодится.

Вздохнув, Кэт кивнула.

Им оставалось только это — продолжать двигаться, продолжать сражаться. По всем направлениям.

18 часов 4 минуты
Остров Хормоз

Вигор не мог оторвать взгляда от переплетенных тел.

Марко и Кокеджин.

Оглушенный этим открытием, прелат застыл перед гробницей, не в силах пошевелиться. Однако на остальных это произвело не такое сильное впечатление. Протиснувшись между Греем и Вигором, Сейхан протянула руку:

— Третья золотая пайцза.

Грей полностью откинул погребальный саван. Между двумя телами, накрытая двумя истлевшими руками, сквозь кости блеснула золотая полоска. Это была третья пайцза.

А рядом с ней лежала знакомая бронзовая трубка.

Третий и последний свиток.

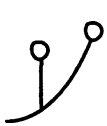
С почтительной осторожностью Грей забрал оба предмета, затем снял с черепа золотую диадему.

— Может быть, это тоже ключ,— справедливо заметил он.

Вигор не стал спорить. Теперь, когда склеп вскрыт, его без присмотра быстро разграбят.

После этого все поспешили покинуть подземелье.

Оказавшись наверху, все собрались в углу часовни. Грей перевернул золотую пластину, открывая третий символ ангельского письма.



— Теперь у нас есть все три ключа,— сказала Сейхан.

— Однако мы еще не выслушали весь рассказ,— возразил Грей. Достав тетрадь, он кивнул Вигору: — Читайте.

Прелат не заставил просить себя дважды. Вскрыв бронзовую трубку, он извлек из нее свиток.

— Снова шелк,— заметил Вигор, осторожно разворачивая свиток.

Заключительный отрывок повествования оказался длиннее, растянувшись на четверть пространства пола часовни. Вигор начал переводить со староитальянского, на котором писал Марко Поло. Жуткий рассказ оборвался на появлении трех светящихся ангельских фигур, которые пришли к отряду Марко, запертому в башне.

Вигор прочитал вслух:

«Эти странные создания протянули грубый кубок и показали простыми и настойчивыми жестами, что мы должны из него выпить. Тем самым нам надлежало защититься от смертельной заразы, превратившей Город смерти в видение Ада, где человек пожирает плоть своего брата.

После такого обещания все мы пригубили напиток, который при ближайшем рассмотрении и на вкус оказался кровью. Нас также заставили съесть по кусочку сырого сладковатого мяса, предложенного на пальмовом листе, которое при ближайшем рассмотрении и на вкус оказалось куском вилочковой железы. Лишь только после того как мы отведали кровь и мясо, я поинтересовался об их происхождении. Ханский воин перевел ответ, и выяснилось, что мы сами стали людоедами, ибо кровь и плоть эти принадлежали человеку.

Вот каким страшным образом обошлись с нами, однако впоследствии выяснилось, что иного пути не было, поскольку мы действительно оказались защищены от великой заразы. Однако за свое исцеление нам пришлось заплатить дорогую цену. Отцу Агрееру не позволено было вкусить зобную железу и выпить кровь. Наши спасители долго бормотали, указывая на распятие и на человека, несущего его. В конце концов нам было позволено уйти только при том условии, чтобы мы оставили отца Агреера в Городе мертвых.

В своем благословенном милосердии отец Агреер настоял на том, чтобы мы ушли без него. Я долго рыдал, но подчинился своему духовнику. Сказав мне прощальное слово, он оста-

вил мне свое распятие, чтобы я вернул его Святому престолу. В последний раз я увидел этого благородного человека, когда его уводили в лес, и я догадался, какой была конечная цель его пути. Озаренная полной луной, огромная гора возвышалась над лесом, изрезанная тысячью демонских ликов».

— Боже милосердный,— пробормотал Вигор.

Он медленно дочитал до конца.

Далее Марко Поло поведал, как после бегства из города страшный мор поразил его флотилию, которая вынуждена была пристать к уединенному острову. Болезнь не тронула лишь тех, кто отведал снадобья, предложенного теми светящимися людьми. Марко забрал с собой из Города мертвых достаточно лекарства, чтобы спасти от болезни своих отца и дядю, а также принцессу Кокеджин и двух ее фрейлин. В конце концов пришлось сжечь корабли и тела заболевших, многие из которых были еще живы.

Вигор прочитал заключительные строчки:

«Да простит Господь мою душу за то, что я нарушил обещание, данное своему отцу, которого уже нет в живых. Я должен сделать одно последнее признание. В этом жутком месте я обнаружил карту города. Саму карту я уничтожил, подчиняясь воле отца, но она запечатлелась у меня в памяти, чтобы никогда не стереться. И вот я воспроизвел ее здесь заново, чтобы не дать этим знаниям потеряться навеки. Пусть тот, кто прочтет эти слова, внемлет моему предостережению: в том городе были отворены врата в Ад, но я не знаю, были ли они потом когда-либо закрыты».

18 часов 22 минуты

Слушая повествование и его загадочное окончание, Грей не переставал трудиться над загадкой в своей тетради. Ломая голову над этой тайной, он внимательно следил за словами Вигора. И то, и другое отвлекало Грея от ужаса, стиснувшего его сердце.

И постепенно он начал понимать.

Каким же он был глупцом!

Глядя на страницы тетради так, что символы расплывались перед глазами, Грей увидел разгадку, спрятанную в шифре. А три ключа, вероятно, предлагали способ этот шифр прочитать.

Он пролистал тетрадь, разыскивая нужную страницу. Найдя ее, он склонился ближе, водя пальцем. Неужели это правда? Ему нужно было убедиться в правоте своей догадки.

Грей взглянул на часы. «Осталось меньше получаса, хватит ли мне этого?»

Но тут снаружи донеслись отголоски автоматных очередей, похожие на треск фейерверка.

Грей испуганно вскочил. О господи, нет... неужели Насер их нашел? Подбежав к выходу из часовни, он всмотрелся в темные коридоры.

— Собираем всё,— не оборачиваясь, распорядился Грей.— Быстро!

Он увидел бегущую к ним щуплую фигуру, освещенную сзади рассеянным солнечным светом. По каменным плитам зашлепали босые пятки, затем послышался голос, пытающийся найти равновесие между возбуждением и стремлением к скрытности.

— Торопиться!

Это был Фейаз. Не останавливаясь, мальчишка набежал прямо на Грея.

Позади, со стороны внутреннего двора крепости, прозвучали сердитые крики на фарси.

Грей схватил мальчишку за тощие плечи. Тот, запыхавшись от быстрого бега, с трудом выдавил:

— Торопиться! Контрабандисты!

Не дожидаясь ответа, Фейаз выскочил в коридор и повернул в противоположную сторону, направляясь к дальней части крепости.

Грей повернулся к остальным:

— Хватайте то, что под рукой... остальное бросаем!

Они побежали следом за мальчишкой. Тот подождал их в глубине коридора, затем снова устремился вперед, не переставая говорить на бегу. Похоже, даже угроза встречи с контрабандистами не могла заставить его держать язык за зубами.

— Вы быть очень долго. Молиться. Я засыпать. Под пальмы.— Он махнул рукой в сторону внутреннего двора.— Они меня не увидеть. Почти наступить на меня. Я просыпался и бежать. Они стрелять. Бах, бах. Но у меня быстрый ноги.

В доказательство своих слов Фейаз рванул через коридоры и комнаты.

Крики позади зазвучали по-другому: это указывало на то, что преследователи вошли под своды крепости.

Мальчишка подвел беглецов к грубым ступеням, ведущим вниз:

— Сюда.

Они спустились в узкий, низкий проход, в котором пришлось двигаться на четвереньках. Проход уходил на юг. Фейаз нырнул в него первым.

Через пятьдесят шагов проход закончился старой ржавой чугунной решеткой. Прутья ее были давно спилены, и от них остались только короткие колышки. Протиснувшись в отверстие, беглецы оказались в засыпанном рве. Обвалившиеся каменные стены обозначали его границы.

Грей обернулся. Судя по всему, в прошлом этот проход использовался для стока канализационных вод из замка.

Показав знаком пригнуться, Фейаз повел беглецов вдоль рва по направлению к восточной бухте. Из крепости по-прежнему доносились громкие крики. Судя по всему, контрабандисты так еще и не поняли, что мыши уже сбежали.

Добравшись до воды, Грей увидел на волнах бухты дожидающийся гидроплан, целый и невредимый.

Фейаз объяснил:

— Подлый контрабандисты. Самолет никогда не украдать. Они щипать мало.— Он пояснил свои слова, сведя большой и указательный пальцы так, что они почти соприкоснулись.— Иногда убивать. Кидать трупы акулам. Но никогда не брать

ничего такой большой. Правительство присылать еще больше самолет, еще больше оружие.

Риск слишком большой.

И все же, рассудив, что осторожность никогда не бывает лишней, беглецы воспользовались веслами, чтобы бесшумно доплыть в лодке мальчишки до гидроплана. Фейаз показал жестом, чтобы они поднимались в самолет.

— Приезжать еще! Приезжать еще! — сказал он, официально пожав каждому руку.

Грей почувствовал себя обязанным дать ему маленькую премию за то, что он вытащил их из-под огня. Сунув руку в рюкзак, он порылся и достал золотую диадему принцессы Кокеджин.

Широко раскрыв глаза, мальчишка принял сокровище обеими руками, но затем отстранил его:

— Я не могу брать.

Грей взял диадему.

— Это не задаром, я попрошу тебя кое-что сделать.

Фейаз вопросительно посмотрел на него.

— В крепости лежат два тела, два скелета. Под полом комнаты с крестами.— Грей указал на крепость, затем на отдаленные холмы.— Отнеси их туда, выкопай глубокую яму и похорони там. Вместе.

Мальчишка улыбнулся, не в силах определить, шутит ли Грей.

— Обещаешь?

Фейаз кивнул:

— Я звать на помощь братья и дяди.

Грей протянул ему золотой головной убор.

— Диадема твоя.

— Благодарю вас, сэр.— Пожав Грею руку, Фейаз с торжественностью благословения произнес: — Приезжать снова.

Грей поднялся на борт самолета.

Через несколько минут гидроплан поднялся в воздух, пролетел над бухтой и взял курс назад к международному аэропорту.

Вернувшись на заднее кресло, Грей присоединился к Вигору.

— Ты отдал мальчишке диадему принцессы? — спросил прелат, провожая взглядом удаляющуюся лодку.

— За то, чтобы он похоронил Марко и Кокеджин.

Вигор повернулся к нему.

— Но это была такая историческая находка...

— Марко и так сделал для истории достаточно. Его последним желанием было быть похороненным в мире и спокойствии вместе с той женщиной, которую он любил. Полагаю, мы перед ним в долгу. Кроме того, диадема нам не нужна.

Прищурив глаз, Вигор пристально посмотрел на Грея, несомненно оценивая границы его щедрости.

— Но ведь ты сам считал, что диадема может быть дополнительной наводкой. Поэтому ты ее и взял.— Вдруг прелат широко раскрыл глаза и повысил голос: — Боже милосердный, Грей, ты раскрыл тайну ангельского письма.

Грей достал тетрадь.

— Не совсем. Почти.

— Каким образом?

Услышав их разговор, Сейхан присоединилась к ним, встав в проходе. Ковальски с любопытством обернулся и перевесился через спинку кресла.

Грей начал свой рассказ:

— Я решил загадку, отбросив все наши прежние предположения. Мы упрямо искали какой-то код, основанный на замене букв.

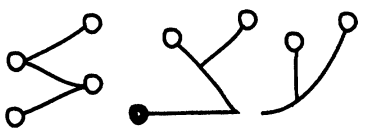
— Подобно тому, как надпись в Ватикане гласила «Хагиа».

— На мой взгляд, это было сделано умышленно, чтобы направить всех по ложному следу. На самом деле главная тайна обелиска не имеет никакого отношения к замене букв.

— Докажи,— предложила Сейхан.

— Сейчас.— Грей посмотрел на часы. Осталось восемь минут.— Мне еще осталось вскрыть часть загадки. Но начнем с трех ключей. Расставленных в определенном порядке.

Раскрыв тетрадь, Грей постучал пальцем по трем символам ангельского письма.



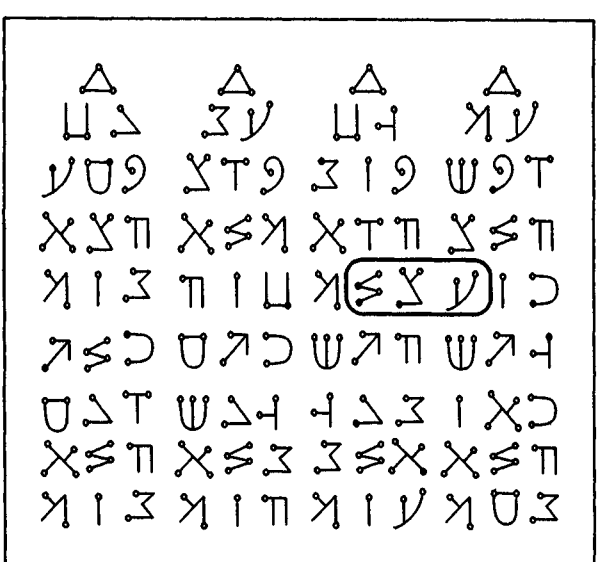
Он продолжал:

— Поскольку код обелиска с самого начала был у всех на виду, ключи могли выполнять только одну функцию. Указывать на то, как правильно читать код. У обелиска четыре стороны. Но с какой из них начать? И в каком направлении читать?

Пролистав тетрадь, Грей нашел страницу с копией надписи на обелиске, сделанной Сейхан.

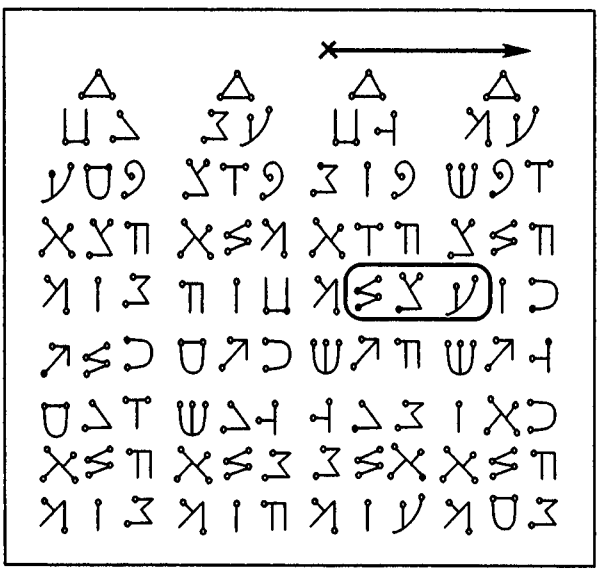
— Для того чтобы эти высеченные на золотых пластинах символы имели такое важное значение, они должны где-то встречаться на обелиске. И действительно, вот они.

Грей обвел их кружком.



— Эта последовательность встречается только один раз. Она уникальна. И обратите внимание на то, как она переходит с одной поверхности обелиска на соседнюю. Ключи четко указывают, откуда начинать читать и в каком направлении.

Он добавил стрелку.



— Следовательно, нужно поменять последовательность граней, чтобы она совпадала с ключами.— Грей полистал тетради, перебирая восемь вариантов, составленных им и Вигором. Отыскав нужный, он обвел кружком три ключевых символа.— Так нужно расположить карту, чтобы прочитать ее правильно.

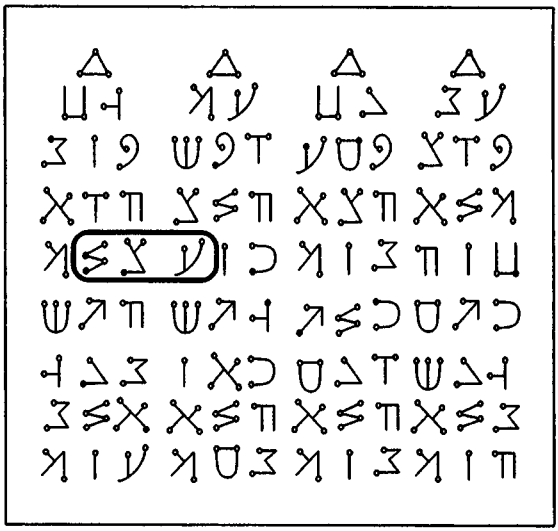
Сейхан склонилась над тетрадью.

— О какой карте ты говоришь?

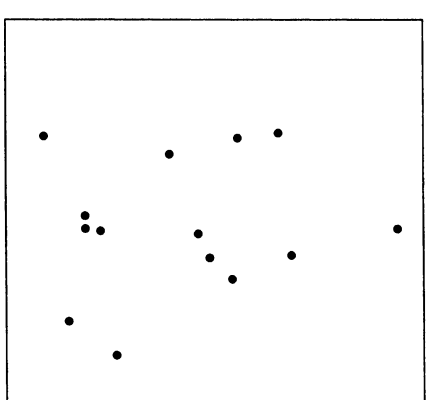
— Вот на что я обратил внимание еще в часовне,— объяснил Грей.— Смотрите.

Взяв карандаш, он начал протыкать в бумаге отверстия, отмечая точки на следующей чистой странице.

— Что ты делаешь? — спросил Вигор.



— Обратите внимание на то, что некоторые диакритические знаки — эти маленькие кружки в символах ангельского письма — закрашены, а другие нет,— сказал Грей.— Второй ключ показал нам, что закрашенный диакритический знак обозначал развалины португальской крепости. Поэтому закрашенные кружки на коде с обелиска также должны что-то обозначать. Но что? Если перенести все закрашенные кружки на чистую страницу и выбросить все остальное, получится вот что.



— Ну да, теперь все стало понятно,— язвительно заметил Ковальски.

Грей провел ладонью по щетине на подбородке, пытаясь сосредоточиться.

— Здесь что-то есть. Я это чувствую.

— Может быть, нужно соединить точки линиями,— все так же язвительно продолжал Ковальски.— Может быть, получится большая сияющая стрелка с надписью: «Убирайтесь отсюда к такой-то матери».

Сейхан нахмурилась:

— А может быть, тебе пора заткнуться, черт побери.

Грею были не нужны эти пререкания. Только не сейчас. Ковальски прекрасно водит машину, хорошо владеет оружием, но Грею требовался мудрый совет, а не глупые предложения соединять точки.

И вдруг он прозрел.

— О господи! — Усевшись прямо, Грей дрожащей рукой схватил карандаш, затем крепко стиснул его.— Ковальски прав!

— В самом деле?

— Он прав?..— недоуменно подняла бровь Сейхан.

Повернувшись к Вигору, Грей вцепился ему в руку:

— Первый ключ! Он ведь был спрятан в Башне ветров.

Прелат нахмурился, затем широко раскрыл глаза.

— Где находилась астрономическая обсерватория Ватикана... именно там Галилео Галилей доказал, что Земля обращается вокруг Солнца! — Вигор постучал пальцем по тетради.— Это же звезды!

Грей взял карандаш. Пристально посмотрев на страницу, он разглядел знакомый рисунок.

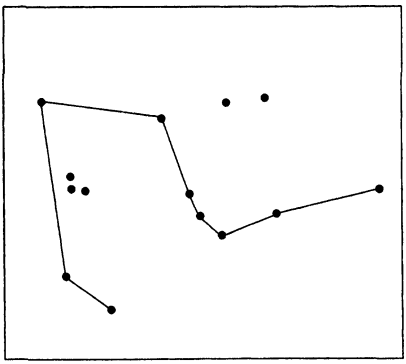
— Это созвездие.

Он его нарисовал.

Вигор тоже его узнал.

— Это созвездие Дракона.

Склонив голову набок, Сейхан изучила рисунок.



— Вы хотите сказать, что это навигационная звездная карта?

— Похоже на то.— Грей почесал голову ластиком на обратном конце карандаша.— Но каким образом одно-единственное созвездие может указать, куда идти?

Все молчали.

— Не может,— наконец подытожил Грей.

У него бешено колотилось сердце. Время поджимает. Неужели он только что повел всех по ложному следу?

Вигор откинулся назад.

— Подождите,— пробормотал он.— Вспомните слова Марко. Последнюю строчку. Марко сказал, что он нарисовал карту города, а не карту того, как добраться до города.

— Ну и? — спросил Грей.

Взяв лист бумаги, Вигор развернул его.

— Это не звезды. Это план Города мертвых. Именно об этом говорится в тексте Марко. Возможно, в Ватикане совершили ту же самую ошибку, которую чуть было не совершили мы. Там также неправильно истолковали смысл карты Марко. Решив, что это навигационная звездная карта.

Грей покачал головой:

— Слишком уж странное совпадение — чтобы город был спланирован в строгом соответствии с созвездием Дракона. Если я не ошибаюсь, даже точки, не лежащие на линии созвездия, отображают расположение реальных звезд.

Вигор кивнул:

— Я долго изучал древние цивилизации... и многие народы, начиная от Древнего Египта и кончая индейцами Центральной Америки, возводили свои памятники и города, ориентируясь по расположению звезд, подражая им.

Грей вспомнил нечто подобное.

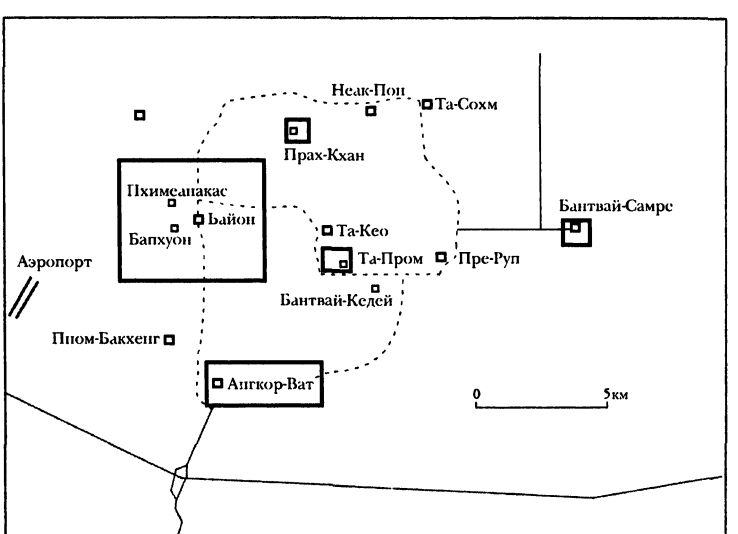
— Три великие египетские пирамиды в Гизе соответствуют трем звездам в поясе Ориона.

— Совершенно верно! И если я не ошибаюсь, где-то в Юго-Восточной Азии есть город, построенный по подобию созвездия Дракона.

Сейхан внезапно развернулась.

— Черт побери! — выругалась она вполголоса.— Я что-то припоминаю... когда-то мне доводилось встречать нечто подобное... есть какие-то развалины в Камбодже. У моей семьи корни в тех краях. Вьетнам и Камбоджа.— Бросившись к своему рюкзаку, Сейхан достала переносной компьютер.— На нем установлена программа с энциклопедией.

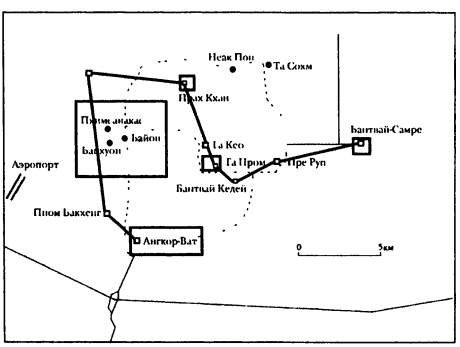
Молодая женщина устроилась на корточках между Вигором и Греем. Вызвав нужную программу, она принялась быстро стучать по клавишам. Наконец она щелкнула курсором по картинке, и на экране появилась оцифрованная карта.

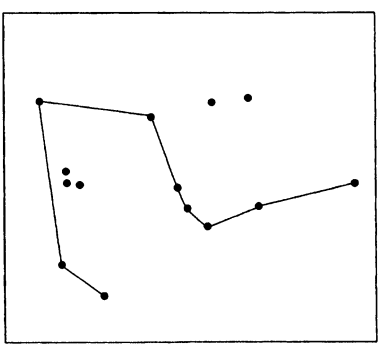


— Это храмовый комплекс в Ангкоре, возведенный в Камбодже кхмерами в девятом веке нашей эры.

— Обратите внимание на расположение храмов,— продолжала Сейхан.— Я слышала, что эти развалины соответствуют какому-то созвездию.

Грей пальцем провел линию, соединившую в определенном порядке некоторые храмы, а на остальных поставил жирные точки. Затем он взял листок с нарисованным звездным небом и приложил его к экрану компьютера.





— Полное совпадение,— в благоговейном восхищении промолвил Вигор.— Город мертвых Марко Поло. Это древний город Ангкор-Тхом.

Наклонившись к Сейхан, Грей обнял ее за плечи. Та напряглась, но не отпрянула от него. Переполненный признательностью, Грей чувствовал себя в долгу перед всеми и даже перед Ковальски, чей упрощенный подход дал ключ к разгадке.

Грей взглянул на часы. Нельзя было терять больше ни минуты.

Он протянул руку к Вигору:

— Дайте ваш телефон. Пришла пора обговорить условия сделки.

Вигор передал ему сотовый телефон и аккумулятор.

Грей вставил аккумулятор на место, моля Бога о том, чтобы везение наконец улыбнулось ему. Он набрал номер телефона Насера, который ему подсказала Сейхан. Вигор схватил его за руку, обеспечивая моральную поддержку.

На противоположном конце ответили после первого же звонка.

— Коммандер Пирс,— послышался холодный, взбешенный голос.

Грей медленно сделал вдох и выдох, борясь с желанием выпалить все сразу. Ему нужно было действовать неторопливо и твердо.

— Мой самолет уже заходит на посадку,— продолжал Насер, даже не дожидаясь подтверждения.— За твое предательство я предоставлю тебе самому решать, кто из твоих родителей умрет первым, мать или отец. Я заставлю тебя выслушивать их крики. И этому родителю, уверяю, из двоих повезет больше.

Несмотря на угрозу, Грей испытал некоторое облегчение. Если Насер не лжет, его мать и отец еще живы.

Обретя в этом хоть какое-то утешение, Грей заговорил ровным голосом, хотя мышцы челюстей у него ныли от усилия:

— Я предложу тебе в обмен на их жизнь сделку.

— Тебе нечего мне предлагать,— рявкнул Насер.

— Даже если я скажу, что мне удалось вскрыть код ангельского письма на обелиске?

Ответом ему явилась мертвая тишина.

Грей продолжал:

— Насер, мне известно, где находится Город мертвых, о котором писал Марко Поло.— Опасаясь, что даже этого окажется недостаточно, чтобы поколебать мерзавца, Грей произнес следующие слова медленно и раздельно, чтобы не возникло никакого недопонимания: — И я знаю, как исцелиться от иудина штамма.

Вигор встрепенулся, изумленно уставившись на него.

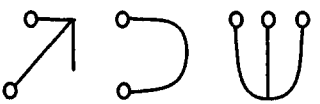
В трубке тянулось молчание.

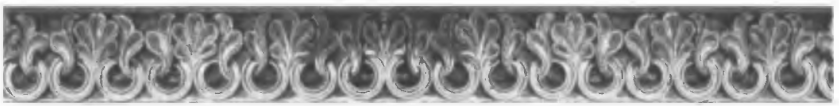
Грей ждал, уставившись на оцифрованную карту Ангкора на экране компьютера. Он чувствовал, что две руки «Гильдии» — та, которая идет по научному следу, и другая, идущая по следу историческому,— вот-вот сомкнутся. Но что окажется раздавлено между ними?

Наконец Насер заговорил дрожащим от ярости голосом:

— Что ты хочешь?

ЭПИДЕМИЯ





Глава 13

ЦАРИЦА ВЕДЬМ

7 июля, полночь
Остров Пусат

Барабаны заглушали раскаты грома над головой. Сверкали молнии, на мгновение окрашивая джунгли вокруг в ярко-зеленый и черный цвета, окаймленные серебром дождевых капелек на мокрых листьях.

Раздетый по пояс, Монк тащил Сьюзен за руку по извилистой тропе, петляющей по джунглям. Вот уже два часа они шли по этой тропе в кромешной темноте, порой вынужденные ждать очередной вспышки молнии, чтобы увидеть, куда сделать следующий шаг. Сквозь полог густой листвы хлестал ливень. Крутая тропа превратилась в стремительный горный поток. Однако джунгли вокруг представляли собой сплошное переплетение цепких лиан, тяжелых мясистых листьев, колючих ветвей, полусгнивших поваленных деревьев и чавкающей грязи.

Поэтому беглецам приходилось идти по тропе, направляясь вверх и только вверх.

Райдер шел последним. У него был единственный оставшийся пистолет. Девятимиллиметровый «ЗИГ-Зауэр» с тефлоновой рукояткой. К несчастью, запасных обойм больше не осталось. Можно было рассчитывать только на те тринадцать патронов, что были в пистолете.

Плохо.

Монк понимал, что, как только гроза закончится, люди Ракао наводнят джунгли. Остров давно служил пиратам главной базой, поэтому у них будет преимущество игры на своем поле. Монк не тешил себя иллюзиями, что им удастся уйти от погони и избежать пленения.

Он оглянулся назад сквозь просвет в джунглях. Они поднялись от моря футов на триста. В четверти мили от них посреди лагуны застыл круизный лайнер. Где-то на его борту находится напарница Монка, которую вытащили живой из черных глубин, из смертельных объятий какого-то мерзкого осьминога. Но жива ли она сейчас?

Монк не собирался расставаться с надеждой до тех пор, пока не убедится в обратном. Это было верно в отношении Лизы, это было верно в отношении его самого. Но для того, чтобы надежда сбылась, Монку были нужны союзники.

Барабаны продолжали свой бесконечный гул, все громче и все настойчивее, словно стремясь прогнать ураган. Беглецы взобрались уже так высоко на гору, что каждый удар отзывался у Монка в грудной клетке, проникая до мозга костей.

Раздвинув ветви, тяжелые от дождя и низко повисшие, Монк увидел впереди мерцающий огонек.

Костер.

Сделав еще два шага, он остановился.

Лишь теперь до него дошло, что они в лесу больше не одни. По обе стороны от тропы стояли часовые, наполовину скрытые густой листвой, но на виду, стремящиеся к тому, чтобы их заметили. Их лица, раскрашенные маслом и сажей, казались черными как уголь. Носы были проткнуты отполированными белыми кабаньими клыками и желтыми ребрами. Предплечья украшали яркие перья и ракушки.

Райдер с громким криком бросился вперед, поднимая пистолет. На часовых это не произвело никакого впечатления.

Схватив австралийского миллиардера за руку, Монк заставил его опустить пистолет, затем шагнул вперед, поднимая руки ладонями вперед.

— Не спугни туземцев,— шепнул он Райдеру.

Один абориген шагнул на тропу. У него был нагрудник из кости, сшитой полосками кожи. На поясе висела юбка из длинных перьев. Голые и босые ноги также были вымазаны маслом и сажей. Воин держал в руке заостренную лопатку какого-то животного.

По крайней мере, Монку хотелось думать, что это кость животного.

Услышав позади шорох, он понял, что путь к отступлению уже отрезан. Впереди снова загремели барабаны. Свет костра на мгновение вспыхнул ярче.

Воин, вышедший на тропу, развернулся и направился на свет.

— Похоже, нас пригласили на праздник,— заметил Монк, обнимая Сьюзен за плечо.

Райдер последовал за ними, сжимая в руке пистолет.

Если все пойдет наперекосяк, им еще пригодятся тринадцать патронов миллиардера, чтобы проложить дорогу к свободе. Но пока что Монк надеялся на то, что лучший для них вариант — это сотрудничество.

Тропа закончилась отвесной скалой вулканической породы. В красновато-черном камне была естественная пещера, которая была расширена в амфитеатр, сверху перекрытый толстыми пальмовыми листьями. Дождевая вода стекала с крыши спереди сплошным потоком, образуя своеобразный водяной занавес.

В ярком свете большого костра Монк разглядел за этим водопадом два ряда барабанщиков, которые усердно отбивали ритм. На каменных стенах, вдоль которых выстроились барабанщики, висели два огромных барабана диаметром с вытянутую руку, по которым музыканты ударяли костяными палочками. От каждого удара сотрясался поток воды, низвергающийся с крыши на каменный пол перед пещерой.

Беглецов вели вперед.

Вдруг на поляну перед пещерой выпрыгнул кабан. Увидев чужаков, он с визгом убежал назад. Под навесом толпились другие дикие свиньи, тесно прижимаясь друг к другу.

Монк провел Сьюзен через водяной занавес. Холодный каскад обрушился ему на голую грудь, и он поежился. Внутри их встретило гостеприимное тепло костра, однако удушливый дым резал глаза, упрямо не желая выходить через маленькое отверстие в крыше.

Вокруг костра собрались туземцы. Одни стояли, другие сидели на корточках. Монк прикинул, что их было человек сто. Мужчины, женщины с обнаженной грудью. В стенах зияли входы в пещеру. Оттуда на пришельцев таращились любопытные глаза. Это были голые дети. Один из них сидел верхом на пятнистой свинье.

По чьему-то сигналу барабаны умолкли, оставив в воздухе зависшую гулкую ноту. Наступившая тишина была устрашающей.

Внезапно ее нарушил громкий голос:

— Монк!

Изумленный Монк обернулся. Тощая фигура прижималась к бамбуковым прутьям клетки в дальнем углу. Она была в рваной рубашке и белых трусах, перепачканных грязью.

— Джесси?

Молодой студент остался жив!

Однако трогательной, сердечной встрече помешал великан, шагнувший вперед,— на самом деле великаном он казался среди туземцев, а так в нем было всего около пяти футов с пшиком. Седобородый старик выглядел так, словно кто-то продал ему кожу на два размера больше нужного. Он тоже был вымазан маслом и перепачкан сажей. Интимные места его скрывал какой-то нескладный мешок, а волосы были украшены пышным головным убором из пурпурных перьев, торчавших прямо вверх, словно вставших дыбом. Только этим и ограничивался его наряд.

Монк сообразил, что перед ним вождь племени.

Настала пора разыграть спектакль, сплясать, чтобы получить ужин,— точнее, сплясать, чтобы самим не стать ужином.

Монк протянул руку к старику.

— Бугала-бугала ра! — торжественно произнес он, напрягая кисть и другой рукой щелкая переключателем на запястье.

Освобожденный от электромагнитных защелок, протез упал на грязный вулканический камень.

Туземцы дружно ахнули. Вождь отступил назад, едва не упав в огонь.

Монк опустил руку, не отрывая взгляда от ампутированной кисти.

На вид неотличимый от живой плоти, протез представлял собой верх инженерной мысли УППОНИР. Управление осуществлялось напрямую от периферийной нервной системы через контактную площадку на титановой кисти. Оснащенный совершенными биотехническими механизмами и датчиками, протез позволял совершать самые тонкие манипуляции, при этом возвращая информацию об осязательных ощущениях.

Но это еще была половина дела.

Обрубок руки Монка был заключен в полисинтетическую манжету, хирургически подсоединенную к мышечным тканям, нервным окончаниям и сухожилиям. Протез олицетворял собой искусственную мускулатуру, однако манжета определенно выполняла функцию мозга.

С помощью обрубка руки Монк мог манипулировать электрическими контактами манжеты. Это было лучшим свойством его протеза. Монк частенько развлекал этим фокусом гостей. Почему бы не проделать то же самое сейчас?

Связь между манжетой и протезом осуществлялась без проводов, через цифровой радиоинтерфейс. Монк послал в нервные окончания кисти отработанные команды, и протез, поднявшись на пальцы, начал плясать на каменном полу, словно здоровенный пятиногий паук.

На этот раз вождь людоедов все-таки шагнул в костер и, опалив себе зад, с криком отскочил в сторону.

Монк пустил свою кисть в погоню за ним.

К этому времени вокруг беглецов образовалось пустое пространство.

Райдер увел Сьюзен в тень у стены, предоставив сцену целиком Монку.

— Теперь я полностью владею вашим вниманием! — проревел тот.

Он подошел к огню.

Рассудив, что здесь никто не владеет английским, он решил целиком положиться на интонации своего голоса, сопровождая речь ударами кулаком по обнаженной груди. И все же этого еще было недостаточно, чтобы окончательно запугать суеверных туземцев. А Монку нужно было одержать над ними безоговорочную победу. Пришла пора осуществить под американским знаменем государственный переворот на острове людоедов.

Обернувшись, Монк указал на Сьюзен.

По его сигналу та сняла с головы рубашку Монка. Одновременно Райдер стащил с ее плеч больничный халат и уронил его на землю. Сьюзен подняла руки. Грудь ее была обнажена, как и у всех женщин здесь.

Но только она светилась в темноте.

Пораженные туземцы вскрикнули.

Сам Монк удивился, увидев Сьюзен. Сейчас она сияла еще ярче, чем когда он увидел ее впервые. Значительно ярче. Ее кожа светилась, словно озаренная изнутри сиянием полной луны, становясь прозрачной.

Райдер подал знак Монку — суфлер, предлагающий актеру продолжать.

Монк взял себя в руки. Подойдя к Сьюзен, он рухнул на колени и прокричал единственное знакомое слово на языке людоедов, которому его научил беззубый пират.

Имя.

— Рангада! — выкрикнул Монк, называя по имени царицу людоедов, владычицу светящихся демонов лагуны.

Светящихся, как Сьюзен.

Монк склонил голову:

— Встречайте царицу ведьм острова!

1 час 4 минуты

Девеш вошел в каюту к Лизе, постукивая тростью.

Распростертая в кровати, подсоединенная к капельницам, Лиза понимала, что наступил решающий момент. Тянуть время дальше ей не дадут. Когда ее тащили из швартового дока внутрь корабля, она вдруг обмякла в руках конвоиров, застав их врасплох, и с громким стуком рухнула на палубу.

При этом Лиза разбила себе в кровь губу, зато получилось у нее очень убедительно. Впрочем, ей и не пришлось особенно притворяться. Лодыжка у нее была рассечена ударом меча, все тело было покрыто сотнями рваных ран, оставленных когтистыми щупальцами хищного моллюска, а легкие хрипели остатками воды, которой она наглоталась, когда едва не захлебнулась,— лишь прилив адреналина позволял Лизе держаться на ногах.

Поэтому она и упала, изобразив, что на какое-то мгновение потеряла сознание.

После этого спектакля Лизу поспешно доставили в лазарет, где ею занялись судовой врач и один из медиков группы ВОЗ. Рану на ноге обработали и зашили, как и наиболее серьезные порезы. К вене подвели капельницу с питательным раствором, антибиотиками и болеутоляющими. И вот теперь Лиза лежала в своей каюте, в той самой, которую ей отвели прежде, внутри корабля, без балкона и иллюминатора, но только сейчас при ней постоянно дежурил охранник. Ее тело под тонким одеялом было покрыто сплошными лоскутами бинтов и марлевых повязок.

Однако подобный уход был обусловлен не милосердием или состраданием. Все это делалось с одной только целью: обеспечить, чтобы Лиза сдержала свое обещание, данное Девешу в швартовом доке.

«Иудин штамм... Я знаю, что делает вирус».

После такого откровения Девеш берег ее как зеницу ока, особенно если учесть, что Сьюзен Тьюнис бесследно исчезла на острове, терзаемом ураганом. Лиза была нужна Девешу, поэтому стремилась максимально использовать это преиму-

щество и тянула время. Она загрузила Девеша разными поручениями, работой, которую нужно было провести в научно-исследовательской лаборатории «Гильдии».

Она не уставала повторять: гипотеза нуждается в подтверждении.

Однако бесконечно так тянуться не могло.

— Итак,— начал Девеш,— в настоящий момент результаты тестов анализируются и сводятся вместе. Настало время провести ту беседу, которую пришлось отложить. Но предупреждаю сразу: если мне не понравится то, что я услышу, мы начнем медленно осуществлять все медицинские процедуры в обратном порядке. Полагаю, когда мы вскроем вашу рану плоскогубцами, вы согласитесь сотрудничать.

Развернувшись, Девеш подал знак медсестре.

Та тотчас же отсоединила капельницу.

Лиза уселась в кровати. Каюта поплыла было у нее перед глазами, но быстро остановилась.

Учтивый джентльмен, Девеш протянул Лизе толстый махровый халат с эмблемой корабля. Лиза встала, облаченная в тонкую ночную рубашку, под которой больше ничего не было. Пользуясь любезностью Девеша, она надела халат, плотно запахнув полы, и туго завязала пояс.

— Сюда, доктор Каммингс.

Девеш прошел к двери. Лиза босиком последовала за ним. Девеш направился к каюте, отведенной под лабораторию инфекционных заболеваний.

Дверь в нее была открыта. Изнутри доносились голоса.

Войдя в каюту следом за Девешем, Лиза тотчас же увидела два знакомых лица: бактериолога Бенджамина Миллера и голландского токсиколога Хенрика Барнхардта, к которому она прониклась симпатией с самого начала работы на острове Рождества. Оба ученых сидели по одну сторону узкого стола.

Лиза огляделась вокруг. Задняя половина каюты была освобождена от всей мебели и заставлена лабораторным оборудованием, значительная часть которого была бесцеремонно позаимствована у Монка: флюоресцентные микроскопы,

сцинтилляционные и автоматические гамма-спектрометры, инкубаторы, заполненные углекислым газом, охлаждаемые центрифуги, микротитраторы и аппараты для проведения твердофазного иммуноферментного анализа, а вдоль одной стены стоял небольшой сборник фракций.

Подобному оборудованию позавидовали бы многие университеты.

С противоположной стороны стола стояла доктор Элоиза Шенье, вирусолог из научного отделения «Гильдии», которую сейчас назначили руководить лабораторией инфекционных заболеваний. В длинном лабораторном халате до щиколоток, эта женщина немного старше пятидесяти лет, с тронутыми проседью волосами и очками для чтения, висящими на цепочке на шее, чем-то напоминала строгую учительницу.

Подняв руку, вирусолог указывала на два компьютера за спиной. По экрану одного из них бежали какие-то данные, на другом громоздились друг на друга перекрывающиеся окна. Шенье заканчивала объяснять что-то Хенрику и Миллеру. Она говорила с сильным французским акцентом.

— Нам удалось получить замечательную культуру вируса, последовательно пропуская образец спинномозговой жидкости через фосфатные буфера, затем воздействуя на нее глутаральдегидом, а потом разделяя в центрифуге.

Заметив вошедших, Шенье махнула рукой, приглашая их за стол.

Девеш подсел к своей коллеге, а Лиза подставила свободный стул к Хенрику. Тот положил руку ей на колено, пытаясь хоть как-то подбодрить. Он украдкой бросил на Лизу взгляд, в котором читалось: «Ну, как вы?»

Лиза кивнула, радуясь возможности сесть.

Девеш повернулся к ней:

— Доктор Каммингс, мы завершили все те дополнительные тесты, о которых вы просили. Быть может, теперь вы объясните, зачем это вам понадобилось?

Лиза ощутила на себе его тяжелый взгляд, полный обвинения.

Она шумно вздохнула. Этот момент она и так оттягивала сколько могла. Единственная надежда остаться в живых заключалась в том, чтобы выдать правду, а дальше молить Бога о том, чтобы ее искренний ответ искупил вину измены. Лиза хорошо помнила самый первый урок, который преподал Девеш: «Надо быть полезным».

Она начала издалека, рассказав о том, как обнаружила странное свечение сетчатки глаз Сьюзен Тьюнис. По мере того как она говорила, взгляд Девеша наполнялся все более неприкрытым скептицизмом.

За поддержкой Лиза обратилась к Хенрику:

— Вам удалось провести исследование образца спинномозговой жидкости на предмет его люминесцентности?

— Да. Образец действительно продемонстрировал слабую люминесцентность.

Шенье подтвердила:

— Я прокрутила образец. Колония микроорганизмов действительно светится. И это определенно сине-зеленые водоросли.

Миллер молча кивнул.

Скептицизм Девеша сменился заинтересованностью. Он пристально посмотрел на Лизу:

— И на основании этого вы определили, что бактерии проникли в головной мозг и далее по зрительному нерву и поселились в жидкости глазного яблока. Поэтому вы попросили провести повторную пункцию спинного мозга.

Лиза кивнула.

— Вижу, доктора Поллума здесь нет. Он завершил анализ белка, содержащегося в оболочке вируса?

И этот тест был выполнен по просьбе Лизы. На самом деле в нем не было никакой необходимости, но это требовало дополнительных два с лишним часа кропотливой работы.

— Минуточку,— сказала Шенье.— Результаты у меня.— Повернувшись к одному из мониторов, она начала одно за другим закрывать окна, продолжая: — Возможно, вам будет

интересно узнать, что на основе генетического анализа нам удалось классифицировать вирус как принадлежащий к семейству Bunyavirus.

Увидев недоуменный взгляд Лизы, Хенрик пояснил:

— Именно это мы обсуждали перед вашим приходом. Как правило, вирусы этого семейства поражают птиц и млекопитающих, вызывая геморрагическую лихорадку, однако передача осуществляется преимущественно через членистоногих, точнее через насекомых. Кровососущие мушки, клещи, комары.

Он пододвинул тетрадь.

Лиза взглянула на открытую страницу. Хенрик изобразил на ней маршрут передачи инфекции.

Человек (зараженный) → **Насекомое (членистоногое)** (носитель, не заражен) → **Человек** (зараженный)

Хенрик постучал пальцем по центральному элементу:

— Для распространения заболевания обязательно необходимы насекомые. Вирусы семейства Bunyavirus редко передаются напрямую от человека к человеку.

Лиза потерла виски.

— В отличие от иудина штамма.— Взяв карандаш, она подправила диаграмму.— Теперь для распространения заболевания вместо насекомого вирус использует клетки бактерий, переходя от одного человека к другому.

Человек (зараженный) → **Бактерия** → **Человек** (зараженный)

Хенрик нахмурился:

— Да, но почему...

Ему не дали договорить частые выстрелы. Все присутствующие подскочили от неожиданности.

Даже Девеш выронил трость. Выругавшись вполголоса, он подобрал ее с пола и направился к двери.

— Всем оставаться здесь.

Послышались новые выстрелы, а также утробные крики.

Лиза встала. Что здесь происходит?

1 час 24 минуты

Захватив с собой двух часовых, дежуривших в научно-исследовательском крыле, Девеш поспешил к посту охраны, установленному на средней палубе рядом с лифтами. Время от времени звучали очереди из автоматического оружия, необычайно громкие в замкнутом пространстве.

В промежутках между выстрелами раздавались крики.

Держась за спинами часовых, Девеш осторожно приблизился к посту. Там дежурили шестеро боевиков. Старший, высокий африканец из Сомали, заметил Девеша.

— Сэр, около дюжины зараженных вырвались из последнего бокса,— произнес он на ломаном малайском.— Они бросились в нашу сторону. Напали на нас.

Он кивнул на одного из своих людей, который сидел в стороне, прижимая к груди окровавленную руку. Рукав был закатан, открывая глубокую рану от укуса.

Шагнув вперед, Девеш рассеянно указал на раненого:

— Изолируйте его.

За постом начинался коридор, который тянулся до самой кормы. Одни двери были закрыты, другие распахнуты. В глубине на пропитанной кровью ковровой дорожке валялись несколько трупов, изрешеченных пулями. Ближайшие — обнаженная толстая женщина и мальчишка-подросток, голый по пояс,— сплелись вместе. Девеш обратил внимание на вздувшиеся язвы и почерневшие нарывы на коже трупов.

Стараясь совладать с собой, он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов через нос. В кормовой части этой палубы содержались самые тяжелобольные пациенты, что облегчало доступ к ним научно-исследовательского персонала. Девеш лично установил строгий порядок обращения с такими больными. Подобные упущения были недопустимы. Особенно сейчас, когда успех был так близок.

— Я вызвал подкрепления,— продолжал старший поста.— После того как мы открыли огонь, часть зараженных разбежалась по открытым каютам. Теперь надо будет выкуривать их оттуда.

Из глубины коридора донесся стон.

Один мужчина приподнялся на локте. Другое его плечо представляло собой кровавое месиво. Мужчина был в белом халате. Один из врачей, попавший под пули.

— Помогите...— прохрипел он.

Из открытой двери рядом мелькнула рука, схватившая врача за халат. Другая рука вцепилась ему в волосы. Несчастный закричал и начал вырываться, но его все равно наполовину втащили в дверь. Ноги его остались в коридоре, продолжая отчаянно дергаться.

Старший поста посмотрел на Девеша, спрашивая разрешения прийти на помощь.

Девеш молча покачал головой.

Крики врача внезапно оборвались, но каблуки продолжали выбивать ритм агонии.

Девеш не испытывал к нему ни капли сострадания. Виной случившегося стала чья-то небрежность: не запертая на замок дверь, недостаточно туго затянутые ремни, привязывающие больного к кровати. На лестнице послышался топот обутых в тяжелые ботинки пиратов, спешащих на подмогу своим товарищам.

Развернувшись, Девеш неопределенно махнул в сторону коридора:

— Ликвидируйте всех.

— Прошу прощения, сэр?

— Всю палубу. Очистить ее, каюту за каютой.

1 час 54 минуты

Сидя в лаборатории вирусологии, Лиза слушала отрывочные очереди из автоматических винтовок.

Сюда доходили и крики.

Все собравшиеся в помещении молчали.

Наконец вернулся Девеш. Он выглядел совершенно невозмутимым, только лицо у него слегка раскраснелось. Доктор Патанджали указал тростью на Лизу:

— Идемте со мной. Я хочу вам кое-что показать.

Развернувшись, он быстро направился к выходу. Лиза последовала за ним. Ей пришлось ускорить шаг, чтобы не отставать от него. Девеш провел ее мимо часовых в следующий коридор.

Ее взору открылась настоящая скотобойня. Стены были забрызганы кровью. Повсюду валялись трупы, прошитые автоматными очередями.

Лиза сглотнула комок в горле, задыхаясь от смрада, стоявшего в замкнутом коридоре.

Они шли мимо распахнутых дверей. Заглядывая в каюты, Лиза видела все новые и новые трупы, безжизненные, скрюченные, окровавленные. Некоторые больные были расстреляны, даже несмотря на то что оставались прикованы к кроватям.

Выстрелы продолжались — не разрозненные, а целенаправленные.

В глубине коридора из каюты вышли двое пиратов с дымящимися винтовками — и тут же шагнули в следующую дверь.

— Вы... вы убиваете больных,— выдавила Лиза.

— Нет, только производим отсев пациентов.— Девеш неопределенно махнул рукой.— Это уже второй случай бунта больных. Около часа назад двое вырвались на свободу, откусив себе пальцы, чтобы избавиться от оков. Они напали на лечащего врача и расправились с ним, прежде чем их успели остановить. В состоянии такого сильного помешательства больные демонстрируют нечеловеческую силу, вызванную приливом адреналина, и совершенно не чувствуют боль.

Лиза вспомнила видеозапись мужа Сьюзен Тьюнис, обезумевшего, агрессивного. То же самое теперь начиналось и здесь.

Девеш повернулся к ней.

— Судя по энцефалограммам, вы, похоже, были правы. Патология является какой-то разновидностью кататонического возбуждения, которое сопровождается глубокими психотическими срывами.

Лиза вздрогнула, услышав новые выстрелы.

Увидев ее реакцию, Девеш вздохнул:

— Все это делается ради нашей же безопасности. Состояние больных резко ухудшается, и это происходит по всему кораблю. Поскольку запас медикаментов уже подходит к концу, нам нужно действовать максимально эффективно. Когда больной достигает такой стадии умственного расстройства, он уже начинает представлять серьезную опасность для окружающих, а толку от него никакого.

Лиза прекрасно понимала, что стоит за этими словами. Девеш и «Гильдия» использовали больных в качестве живого инкубатора для выращивания иудина штамма, накапливая смертельно опасный патоген для возможного его применения в качестве биологического оружия. А после того как урожай оказывался полностью убран, Девеш тщательно перепахивал поле.

— Зачем вы привели меня сюда? — с отвращением спросила Лиза.

— Для того чтобы показать вот это.

Девеш подошел к единственной каюте, дверь которой оставалась закрыта. Он отпер ее ключом и распахнул, приглашая Лизу пройти внутрь.

Ей в нос тотчас же ударил сильный запах.

Лиза с опаской переступила порог, не зная, чего ожидать. Внутри было темно. Проникающий из коридора свет выхватил внутреннюю каюту, похожую на ее собственную: маленькая ванная, кушетка, телевизор и койка в дальнем углу.

Протянув руку, Девеш щелкнул выключателем, зажигая свет. Люминесцентные лампы помигали, затем заработали с присущим им тихим гудением.

Отшатнувшись, Лиза схватила себя за горло.

На кровати лежало тело, буквально утонувшее в подушках и матрасах. Босые ноги были привязаны к задней спинке кровати, руки — к изголовью. Но самым страшным было не это. Казалось, у больного в животе взорвалась бомба, разворотив внутренности. Стены и даже потолок были забрызганы гноем, перемешанным с кровью.

Лиза зажала ладонью рот, ощущая холодный озноб. Она инстинктивно поспешила укрыться за стеной врачебного профессионализма, своей единственной защитой.

Где внутренние органы этого человека?

— Их сожрали больные, рассудок которых необратимо помутился,— объяснил Девеш.

Лиза с трудом сдержала дрожь. Внезапно она слишком остро ощутила, что ноги у нее босые, а под халатом ничего нет.

— Нам уже приходилось видеть подобное,— продолжал Девеш.— Похоже, в состоянии кататонического возбуждения вирус провоцирует зверский аппетит. В прямом смысле ненасытный. Мы наблюдали, как одна из жертв набила себе желудок так, что он лопнул. Тем не менее человек продолжал есть.

«О господи...»

Еще не полностью преодолев последствия шока, Лиза не сразу осознала истинное значение этих слов.

— Вы наблюдали... где?

— Доктор Каммингс, не думаете же вы, что мы ограничились лишь изучением одной Сьюзен Тьюнис? Для того чтобы получить полную картину, мы должны понять все особенности заболевания. Даже эту склонность к людоедству. Подобный ненасытный аппетит имеет поразительное сходство с синдромом Прадера — Вилли. Вы с ним знакомы?

Лиза лишь молча покачала головой.

— Это гипоталамическое расстройство, вызывающее острое чувство голода, который никак нельзя утолить. Ощущение бесконечного недоедания. Редкий генетический дефект. Многие больные умирают в молодом возрасте от разрыва желудка, вызванного перееданием.

Хладнокровные профессиональные рассуждения Девеша помогли Лизе совладать с собой, и все же дыхание ее оставалось учащенным.

— Вскрытие мозга одного из больных, страдавшего психототическим расстройством, показало, что гипоталамус у него был поврежден вследствие действия токсинов, что полностью соответствует патологии больных с синдромом Прадера — Вилли. К тому же на это накладываются кататоническое возбуждение и переизбыток адреналина. В общем...

Девеш махнул рукой на кровать.

У Лизы в животе все забурлило. Отворачиваясь, она наконец бросила взгляд на лицо жертвы: стиснутые в мучительной агонии зубы, пустые невидящие глаза, нимб седых волос.

Узнав этого мужчину, Лиза непроизвольно зажала ладонью рот. Это был тот самый безымянный больной, страдающий от заболевания, разлагающего его собственную плоть. Из истории болезни Сьюзен Лиза даже узнала его фамилию: Эпплгейт.

Теперь, когда жертва каннибализма обрела имя, за которым стоял конкретный человек...

Лиза поспешно выскочила из каюты.

В глазах Девеша вспыхнуло мрачное злорадство. Лиза догадалась, что он умышленно привел ее сюда, полураздетую, на взводе, понимая, что она узнает беднягу. С его стороны это было верхом садизма.

— Итак, теперь вам известно, с чем именно мы здесь имеем дело,— сказал Девеш.— Только представьте себе, что все это разольется по всему земному шару. Вот эту-то угрозу я и пытаюсь предотвратить.

Лиза едва удержалась от язвительного ответа. Предотвратить, как же!

— Мы столкнулись с неудержимо надвигающейся пандемией,— продолжал Девеш, направляясь обратно в научно-исследовательское крыло.— Еще до того как Всемирная организация здравоохранения откликнулась на события на

острове Рождества, первых больных уже переправили самолетом в австралийский Перт. А перед тем туристы, посетившие остров Рождества, разъехались по всему свету. Вернулись к себе домой в Лондон, Сан-Франциско, Берлин, Куала-Лумпур. Мы не знаем, сколько человек были подобно доктору Сьюзен Тьюнис инфицированы во время первого контакта с заразой, однако на самом деле много и не потребуется. Без тех надлежащих дезинфицирующих мер, которые мы применяем здесь, возможно, вирус уже начал свое распространение.— Он подвел Лизу к двери вирусологической лаборатории.— Так что теперь, надеюсь, вы станете более покладистой и открытой.

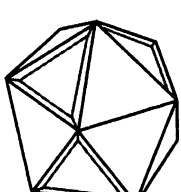
Они вошли в лабораторию, и их встретили вопросительные взгляды.

Молча покачав головой, Лиза бессильно опустилась на стул.

Как только все заняли свои места, доктор Элоиза Шенье повернулась к компьютеру.

— В ваше отсутствие,— сказала она,— я запросила файлы доктора Поллума. Вот схема структуры белка, которую вы просили. Это белок вируса из зараженной жидкости.

Шенье отодвинулась от монитора, так, чтобы все смогли увидеть на экране вращающееся изображение, похожее на игрушку.



Это была оболочка вируса, имеющая форму правильного икосаэдра: двадцать треугольных граней, образующих сферу наподобие футбольного мяча. Но только одни грани, состоящие из альфа-белков, выступали, а другие, состоящие из бета-белков, казались ввалившимися внутрь. Лиза попросила

подготовить все эти данные, чтобы получить возможность проверить свою гипотезу.

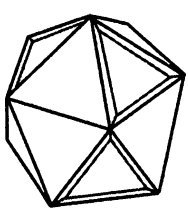
— Вы можете остановить вращение? — сказала она, указывая на экран.

Шенье нажала кнопку на мышке, и изображение, прекратив вращаться, застыло на экране.

Встав с места, Лиза подошла к ней.

— А теперь выведите на другой монитор схему структуры белка вируса, обнаруженного в спинномозговой жидкости Сьюзен Тьюнис.

Через мгновение появился второй вращающийся футбольный мяч. Лиза придвинулась к монитору и теперь уже сама воспользовалась мышкой, остановив изображение там, где хотела.



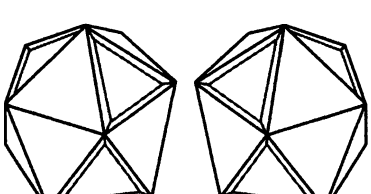
Наконец она обернулась к остальным.

Девеш пожал плечами, задействовав чуть ли не все мышцы верхней половины туловища.

— Ну и что? Они совершенно одинаковые.

Лиза отступила назад.

— А вы поставьте их рядом.



Хенрик вскочил с места, широко раскрыв глаза:

— Они разные!

Лиза кивнула:

— Зеркальные отражения друг друга. На первый взгляд кажутся похожими, но в действительности являются полными противоположностями. Геометрическая изомерия. Две разновидности одного и того же геометрического тела, зеркально отображенные друг на друга.

— «Цис» и «транс»,— сказала Шенье, употребляя научные термины для обозначения двух сторон одной монеты.

Лиза постучала по первому монитору:

— Вот форма «транс», плохая разновидность вируса. Именно она инфицирует бактерии и превращает их в чудовища.— Она махнула рукой на второй экран, на котором было изображение вируса, обнаруженного в черепе Сьюзен.— А вот разновидность «цис», хороший вирус, который исцеляет.

— «Цис» и «транс»,— пробормотал Миллер.— Добро и зло.

Лиза стала развивать свою теорию дальше:

— Как нам уже известно, транс-вирус заражает бактерии, для того чтобы ослабить защитный барьер на пути кровоснабжения головного мозга, тем самым открывая себе путь в девственно недоступную территорию внутри черепной коробки. Он даже захватил с собой спутников.

— Сине-зеленые водоросли,— подсказал Миллер.— Светящиеся микроорганизмы.

— Как правило, токсины, вырабатываемые бактериями, оказывали на головной мозг такое пагубное воздействие, что это приводило к кататоническому возбуждению вкупе с психозом. Однако в случае со Сьюзен произошло нечто другое. Вирус, попав в жидкость головного мозга, каким-то образом изменился. Перешел из злокачественной разновидности «транс» в доброкачественную разновидность «цис». И как только эта перемена произошла, новый вирус мгновенно распространился по всему организму и начал исправлять разрушительные последствия деятельности своего двойника. Больная быстро пошла на поправку, и у нее вместо фазы маниа-

кального возбуждения, характерной для остальных больных, наступил кататонический ступор, позволивший ей восстановить силы.

— Если вы правы,— сказал Хенрик,— а на мой взгляд, вы правы, что такого особенного в биохимических характеристиках Сьюзен, что могло толкнуть вирус самоизмениться?

Лиза пожала плечами:

— Готова поспорить, что в течение следующих дней или недель мы столкнемся еще с группой больных, в которых произойдут такие же перемены. Сьюзен заразилась пять недель назад. Так что, вероятно, пока слишком рано приходить к каким-либо окончательным выводам. Но все же я считаю, что мы имеем дело с очень редким явлением, обусловленным какой-то необычной аномалией на генном уровне. Например, кто-нибудь из вас слышал про феномен деревушки Эйам во времена эпидемии чумы?

Шенье подняла руку, словно школьница на уроке:

— Я знаю.

Лиза кивнула. Разумеется, специалист по инфекционным заболеваниям должен это знать.

Шенье объяснила:

— Эйам — маленькая английская деревушка. В семнадцатом веке на Англию обрушилась эпидемия чумы. Болезнь прокатилась и по Эйаму, однако большинство жителей деревни выжили. И только современные генетические исследования позволили получить ответ на вопрос, почему это произошло. У жителей Эйама распространена редкая мутация генотипа. В гене «дельта» тридцать два. Эта доброкачественная мутация переходит из поколения в поколение, и в замкнутой общине с высоким процентом родственных браков и кровосмешения «дельтой» тридцать два обзавелось большинство жителей деревни. Потом пришла чума. И оказалось, что эта странная мутация, которая больше никак себя не проявляла, защитила людей от смертельной болезни. Сделала их невосприимчивыми к ней.

Заговорил Девеш:

— Вы хотите сказать, что у нашей больной есть что-то подобное «дельте» тридцать два, спасшее ее от иудина штамма? Какой-то случайно образовавшийся белок, который сыграл роль фермента и заставил вирус перейти из транс-разновидности в цис-разновидность?

— Возможно, он образовался вовсе не случайно,— пробормотала Лиза. Она билась над этим вопросом с тех самых пор, как обнаружила видоизмененный вирус.— В действительности лишь очень небольшая часть наших ДНК выполняет какую-то функцию. Если быть точным, всего три процента. А остальные девяносто семь процентов считаются генетическим мусором. В них ничего не закодировано. Однако некоторые из этих бесполезных ДНК обладают поразительным сходством с вирусными кодами. В настоящее время появилась теория, согласно которой эти ДНК, возможно, несут защитные функции и оберегают нас от неких неведомых болезней.— Лиза мысленно представила себе обглоданное тело спутника Сьюзен Тьюнис.— Таких, как каннибализм, например.

Ее неожиданное заявление заставило всех оторваться от мониторов. Лиза пояснила:

— Генетические маркеры, обнаруженные повсеместно, указывают на то, что большинство людей обладает специфическим набором генов, который можно получить, только употребляя в пищу человеческое мясо. Эти находки позволяют предположить, что наши далекие предки, скорее всего, были людоедами. Быть может, Сьюзен обладает подобным генетическим маркером, который защитил ее головной мозг от атаки иудина штамма. Оставшимся от нашей давно забытой генетической истории. Погребенным в нашем общем прошлом.

— Как всегда, очень интригующе, доктор Каммингс.— Заметно возбужденный, Девеш принялся покачиваться взад и вперед на каблуках.— Однако стали ли эти превращения следствием какой-то случайности, или же их спровоцировал какой-то вирусный генетический маркер, пришедший из прошлого... на самом деле это не имеет значения. Теперь, когда

нам известно об этом новом вирусе, мы можем создать лекарство от болезни!

Шенье была настроена не так оптимистично.

— Возможно,— пробормотала она.— Потребуются дополнительные исследования. К счастью, у нас целый корабль больных, на которых мы сможем проверять потенциальные лекарственные препараты. Но вначале нам нужно получить как можно больше этой цис-разновидности.

Она многозначительно посмотрела на Девеша.

— Не беспокойтесь,— ответил тот.— Ракао со своими людьми уже начал прочесывать остров. В самом ближайшем времени Сьюзен Тьюнис и остальные снова окажутся у нас в руках. Итак, раз этот вопрос улажен...— Девеш повернулся к Лизе.— Пришло время обсудить ваше наказание.

Словно по сигналу, вперед шагнула фигура, сжимающая в руках медицинский саквояж.

Длинные черные волосы снова были заплетены в косу.

Сурина.

3 часа 14 минут

Монк лез по крутой тропе следом за обнаженной спиной одного из людоедов. Впереди карабкались на гору человек десять туземцев. Еще человек сорок следовали сзади.

Его войско.

Черное небо проливалось дождем. Но по крайней мере, ветер почти утих, лишь изредка налетая резкими порывами со стороны зазубренных вершин. Монк сознательно тянул с выступлением, дожидаясь, когда эпицентр урагана окажется над островом. Заминка была мучительной, однако терпение Монка позволило приоткрыть окошко надежды.

Он упорно продолжал продвигаться вперед. Хотя тропа, по которой они поднимались, была высечена глубоко в скалах и частично защищена от непогоды, от затяжного ливня камни стали предательски скользкими, так что порой приходилось карабкаться на четвереньках.

Монк оглянулся назад.

Следом за ним поднимались Райдер и Джесси. Дальше за ними растянулась цепочка туземцев, разукрашенных перьями, ракушками, древесной корой, птичьими когтями и костями. Костей было много.

Импровизированный штурмовой отряд был вооружен короткими копьями, луками со стрелами и заостренными дубинками. Однако у половины людоедов были также старинные винтовки и даже несколько автоматов — советских АК-47 и американских М-16,— и сумки с запасными обоймами и магазинами. Судя по всему, пираты расплачивались с людоедами за гостеприимный приют не одним только двуногим мясным скотом.

С высоты открывался панорамный вид на черные воды лагуны. В центре праздничным тортом сиял круизный лайнер. Именно он и был целью штурмового отряда людоедов.

Похоже, завороженные туземцы были готовы выполнить любое пожелание Рангады, царицы ведьм.

А Рангада изволила захотеть круизный лайнер.

Ее желания и приказы переводил молодой Джесси. Он владел малайским, а поскольку этот язык был основным у пиратов, людоеды тоже его понимали. Они прониклись благоговейным почтением к молодому студенту-медику, который понимал язык их царицы и передавал им волю Рангады. Она даже благословила юного переводчика милостивым поцелуем в щеку.

Никто не смел ослушаться Джесси.

Но хотя его роль в организации нападения была незаменимой, замысел целиком принадлежал Монку.

Он повернулся к круизному лайнеру спиной. За водами лагуны, несомненно, велось постоянное наблюдение, поэтому штурмовать корабль на лодках было равносильно самоубийству. Ну а о том, чтобы добираться вплавь, не было и речи. Даже с такой высоты просматривались светящиеся пятна, мелькающие в воде. Взбудораженные грозой, обитатели лагуны поднялись с глубин, чтобы охотиться на мелководье.

Следовательно, оставался только один выход.

Штурмовой отряд взбирался все выше и выше, на крышу мира. Наконец он достиг огромных стальных опор и толстых тросов, на которых держалась натянутая над островом сеть.

Монк окинул ее взглядом.

По сети хлестал ливень, промочивший насквозь слой зелени, уложенной на сеть для маскировки. Определенно, кто-то прилагал все силы, чтобы укрыть остров от посторонних глаз. И Монк предположил, что в этом были заинтересованы не одни только пираты.

Словно в доказательство его слов, один из людоедов подбежал к ближайшему тросу и, оттолкнувшись босыми ногами, забросил свое гибкое тело вверх. Он исчез с противоположной стороны сетки, и тотчас же вниз упала веревочная лестница.

Туземцы по очереди полезли наверх.

Монк повернулся к Джесси:

— Еще не поздно вернуться вниз к Сьюзен. Она ждет на берегу. Мы подберем вас обоих.

Молодой студент смахнул с лица прядь мокрых от дождя волос.

— Я иду с вами. Кто будет вам переводить?

Прежде чем Монк успел что-либо возразить, Джесси схватил лестницу и быстро полез вверх.

Следующим был Райдер. Проходя мимо Монка, он похлопал его по плечу. Как только миллиардер протиснулся в щель в сети, Монк ухватился за нижнюю петлю лестницы и оглянулся на свое войско. Украшенные перьями, вооруженные до зубов, туземцы были готовы выполнить волю своей царицы.

На мгновение Монку стало стыдно за то, что он так своекорыстно сыграл на суеверии простодушных дикарей. Многим из них суждено будет погибнуть. Однако если Лиза права, угроза нависла над всем миром. И у него не оставалось выбора, кроме как использовать все подручные средства.

Им нужно любой ценой добраться до катера Райдера. Вывезти Сьюзен отсюда — и, если повезет, спасти Лизу. Монк отказывался верить, что его напарницы больше нет в живых.

Он подтянулся на следующую петлю. И наконец пролез сквозь щель в маскировочной сети. Ветер лихорадочно тре-

пал огромное покрывало. Даже в эпицентре урагана он налетал резкими порывами, угрожая оторвать беспомощных людей и унести их ввысь подобно воздушным змеям. Монк устроился на узкой доске, закрепленной сверху на сетке. Грубые мостки из таких досок, пересекавшие сеть во всех направлениях, позволяли перемещаться по всему ее пространству, при необходимости производя починку маскировочного слоя.

Авангард войска уже полз по мосткам, распластавшись на животе, цепляясь руками за доски.

Не обращая внимания на больно хлещущие струи дождя, Монк устремился следом. Время от времени порыв ветра подбрасывал и выкручивал сеть. У Монка мелькнула мысль, что то же самое должен был испытывать Аладдин, путешествуя на ковре-самолете.

Монк взглянул на небо. Прямо над островом пелена облачности поредела настолько, что кое-где стали видны звезды, однако повсюду вокруг в непрерывном вихре вращались черные тучи. Эпицентр урагана оказался меньше, чем рассчитывал Монк. Молнии сверкали совсем рядом, и сразу вслед за этим громыхали раскаты грома.

Монк поспешно пополз вперед. Его войску нужно будет покинуть сеть до того, как эпицентр урагана сместится с острова. Монк вспомнил, как молнии попадали в сеть, каскадами электричества разливаясь по стальному скелету.

Если гроза застигнет их здесь, это будет означать верную гибель.

Штурмовой отряд медленно продвигался к цели.

Задержавшись на мгновение, Монк сквозь щель между досками посмотрел вниз. По крайней мере, Сьюзен в безопасности.

4 часа 2 минуты

Намазав лицо маслом и сажей, чтобы скрыть его свечение, Сьюзен сидела на большом валуне у самой опушки джунглей, недалеко от берега. Целый час она потратила на то, чтобы спуститься к лагуне, где ей предстояло ждать Монка.

Но она была здесь не одна.

В зарослях вокруг затаилась дюжина туземцев, эскорт, подобающий ее царственному сану. Воины охраняли свою повелительницу, готовые отдать за нее жизнь. Со Сьюзен оставалась только одна женщина, по имени Тикаль. Она стояла на коленях перед валуном, прижав лоб к раскисшей грязи. В такой позе Тикаль находилась без движения с тех самых пор, как они пришли сюда.

Сьюзен попыталась было поднять ее, но Тикаль лишь задрожала, распластавшись на земле.

Поэтому Сьюзен ждала, сидя на валуне. На ней был плащ из высушенной свиной шкуры, украшенный перьями, ракушками и отполированной галькой. На голове у нее была корона из ребер, связанных друг с другом полосками коры. Все кости были развернуты наружу, образуя зловещий цветок. Еще Сьюзен вручили гладкий деревянный посох с нанизанным на него человеческим черепом.

По мнению туземцев, именно такое облачение необходимо царице ведьм острова Пусат.

Несмотря на жутковатый вид, плащ был теплым, а трость оказалась очень полезной при спуске по раскисшей и скользкой дороге. Сопровождавшие Сьюзен воины также сплели из пальмовых листьев временный навес, защищая свою повелительницу от дождя.

Сьюзен подняла взгляд к огромной сети. Она сознавала, что у нее не хватит сил ползти вместе с остальными. Поэтому она не стала возражать, когда Монк приказал ей спуститься на берег, спрятаться и дожидаться исхода нападения людоедов на круизный лайнер.

Но Сьюзен понимала, что ожидание будет долгим.

Слишком долгим.

Оставшись в полном одиночестве, Сьюзен только сейчас начинала осознавать в полной мере все то, что произошло с ней начиная с того момента, как она пришла в себя на борту лайнера. Хотя сама она осталась в живых, тех, кто был дорог ее сердцу, больше не было.

Грегг...

На Сьюзен нахлынули воспоминания о муже: его хитрая улыбка, громкий смех, черные глаза, мускусный запах, исходящий от его кожи, вкус его губ... и так далее, и так далее.

Грегг полностью заполнил собой ее сознание.

Ну почему всему этому наступил конец?

Сьюзен понимала, что она еще не может полностью осознать всю тяжесть потери. И все же достаточно было уже того, что она испытывала. Ей казалось, что ее тело покрыто сплошными ранами, проникающими до мозга костей. К горлу подступил клубок, ее охватила дрожь. Светящиеся слезы навернулись на глаза и сорвались на черные от сажи щеки.

Грегг...

Сьюзен принялась медленно раскачиваться из стороны в сторону, позволяя горю разлиться по всему ее телу. Остановить его было невозможно. Волна скорби была подобна неудержимому приливу, от которого нельзя было укрыться так же, как и от притяжения луны.

Но через какое-то время даже прилив неминуемо должен схлынуть обратно. Правда, после себя он оставил другую ноющую рану, еще одно первобытное чувство, поднятое с еще более потаенных глубин, в котором Сьюзен до сих пор упорно не желала признаваться самой себе. Однако оно было здесь, такое же неумолимое, как и переполняющее ее горе.

Вынув руку из-под плаща, Сьюзен уставилась на свою светящуюся кожу, поскольку сине-зеленые водоросли выделялись из пор вместе с потом. Она перевернула руку ладонью вверх. Холодное свечение не нагревало кожу, однако она ощущала внутри какое-то странное тепло, порожденное скорее лихорадкой, чем солнечным светом.

Что с ней происходит?

Специалист по морской биологии, Сьюзен прекрасно знала, с чем имеет дело. Сине-зеленые водоросли, одни из древнейших живых организмов, были распространены повсеместно, как и само море. Отдельные клетки объединялись в бесчис-

ленно разнообразные сочетания: тонкие волоски, плоские поверхности, пустотелые шары. Важная ступень эволюционного развития, сине-зеленые водоросли являются предками всех современных растений. На заре истории Земли сине-зеленые водоросли выработали первую атмосферу из кислорода, сделав планету пригодной для жизни. И с тех пор они приспособились к миллионам всевозможных экологических ниш.

Так что же означает факт заселения ее организма сине-зелеными водорослями? Как это связано с заражением иудиным штаммом? Сьюзен никак не могла в этом разобраться.

И все же в одном она была уверена.

Это еще не конец. Впереди ее ждет что-то еще.

Она чувствовала это где-то глубоко внутри — нарастающее ощущение, которое не поддавалось никакому описанию.

Неудержимое, как прилив.

Сьюзен устремила взгляд вдаль, через лес, через лагуну, за пределы острова, туда, где должно было подняться над горизонтом солнце. И такими же неумолимыми, как новый восход, были перемены, которым предстояло произойти с ней.

4 часа 18 минут

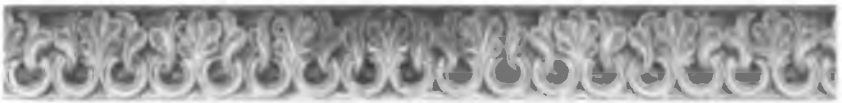
Ракао наблюдал за своей добычей, затаившись в сотне ярдов от нее. Укрывшись под дождевиком, он поднес к глазам инфракрасные очки. Предводитель маори сосчитал рассыпанные вдоль береговой кромки красные светящиеся точки, сигнатуры тепла, выделяемого теплом человеческих тел. Его пираты вдвое превосходили числом туземцев.

Подняв кулак, Ракао подал знак своим людям, и те стали обходить людоедов с двух сторон, держась на расстоянии. Пираты знали свое дело и двигались только с очередным раскатом грома. Туземцы обладали очень острым чутьем. Ракао не хотел спугнуть добычу.

Он снова перевел взгляд на Сьюзен Тьюнис, сидящую на валуне. Его отряд проследил за маленькой группой людоедов от лагеря на вершине горы до самой лагуны. Но куда же подевались спутники Сьюзен? Впрочем, далеко уйти они не могли.

Ракао был терпеливым охотником. Его люди рассредоточились вокруг, расставив надежный капкан, и он мог в любой момент схватить свою добычу. Но Ракао знал, как лучше всего использовать эту женщину.

В качестве приманки.



Глава 14

РАЗВАЛИНЫ АНГКОРА

7 июля, 5 часов 2 минуты
Сием-Реап, Камбоджа

Шесть часов пути перенесли Грея в другое столетие и в беспорядочное переплетение различных культур. Он вышел из такси в сердце старинного французского района в маленьком городке Сием-Реап, расположенном в самом центре Камбоджи, на берегу реки в окружении бескрайних рисовых полей. Поскольку до рассвета оставался еще целый час, городок спал, погруженный во влажный зной, наполненный жужжанием москитов и свистом мигающих газовых ламп. Мягкую сонливость раннего утра усиливало ленивое кваканье лягушек, доносившееся с соседней реки.

По мелководью медленно двигались низкобортные лодки, освещенные масляными светильниками, подвешенными к длинным шестам. Это рыбаки, снабжающие свежими продуктами многочисленные рестораны и кафе Сием-Реапа, проверяли ловушки, расставленные на раков и крабов, и насаживали на гарпун зазевавшихся лягушек.

Вслед за Греем из такси выбрались остальные члены маленького отряда, демонстрируя различные стадии физического истощения. Вигор, сгорбленный и с заплывшими глазами, выглядел так, будто его выстирали и оставили мокрым в сыром месте. Сейхан потягивалась, словно проснувшаяся

кошка, придерживая рукой рану на боку. Затем она окинула оценивающим взглядом то место, где им предстояло устроиться. Ковальски, последовав ее примеру, почесал под мышкой и принялся насвистывать, после чего в соседнем квартале яростно залаяла собака.

Насер подготовил все по высшему разряду.

Здесь им предстояло дожидаться его прибытия. Он должен был появиться еще через два часа.

Извилистая дорожка вела к трехэтажному особняку в колониальном стиле, раскинувшему вдоль берега реки свои желтые оштукатуренные стены. Крыша была крыта красной черепицей, вокруг простирался ухоженный французский парк. В этом здании как в зеркале отразилась история всего региона. Возведенная семьдесят пять лет назад, гостиница получила гордое наименование гранд-отель «Руины». Ее первыми постояльцами были французские и английские туристы, приехавшие в эти края с целью посетить развалины комплекса храмов и дворцов Ангкора, расположенного всего в пяти милях от Сием-Реапа. Затем в годы жестокого и кровавого правления красных кхмеров гостиница и весь город пришли в полное запустение. Тогда в ходе одного из самых страшных геноцидов в истории были истреблены несколько миллионов человек, четверть тогдашнего населения Камбоджи. Естественно, подобные зверства оттолкнули туристов. Однако с падением режима красных кхмеров люди начали возвращаться. Гостиница возродилась из пепла, старательно восстановила весь свой колониальный шарм и получила название гранд-отель «Ангкор».

Сием-Реап тоже ожил, хотя, может быть, и не был предметом особой заботы. По восточному и западному берегам реки расползались все новые и новые гостиницы и отели, а вместе с ними рестораны, бары, интернет-кафе, туристические агентства, фруктовые лавки и бесчисленные ларьки, торгующие изделиями местных резчиков по дереву и чеканщиков по серебру, а также сувенирными открытками, футболками и безделушками.

Но сейчас, в этот ранний час, когда не поднялись еще ни туристы, ни солнце, от неповторимой смеси азиатской и французской архитектур веяло каким-то таинственным обаянием. По дороге в сторону старого рынка медленно проехала запряженная волами телега, груженная колючими плодами дуриана. Слуга в наглаженном белом костюме не спеша подметал крыльцо гостиницы.

Грей первым поднялся по лестнице, ведя за собой свою группу, и слуга, смущенно улыбнувшись, положил веник и поспешил открыть перед ними дверь.

Вестибюль сверкал мрамором и полированным деревом и благоухал растущими в больших кадках розами, орхидеями, жасмином и лотосом. Рядом с гостеприимным изгибом парадной лестницы застыла в затейливой клетке из кованого чугуна кабина старинного лифта.

— Бар «Элефант» находится за углом,— объяснила Сейхан, махнув рукой.

Именно там им предстояло встретиться с Насером.

Грей в сотый раз сверился с часами.

— Я сниму для нас номера,— предложил Вигор.

Прелат направился к столику администратора, а Грей придирчиво осмотрел вестибюль. Успели ли занять здесь места агенты «Гильдии»? Этим вопросом он задавался с тех самых пор, как они приземлились в Бангкоке и пересели на другой самолет, чтобы совершить короткий перелет сюда. Сейхан подтвердила, что у «Гильдии» прочные позиции по всему региону, а также тесные связи с Китаем и Северной Кореей. Можно сказать, это была ее вотчина.

Грей не сомневался, что Насер расставил своих соглядатаев по всему пути от острова Хормоз до Камбоджи. Чтобы спасти жизнь своим родителям, Грей вынужден был открыть, где заканчивался след, оставленный Марко Поло: в развалинах Ангкора. Ему удалось убедить Насера отсрочить расправу с его отцом и матерью. Однако, как и опасался Грей, купить родителям свободу он не смог.

Поскольку над ними по-прежнему висел меч, Грей наотрез отказался разъяснить свое второе сенсационное заявление — о том, что ему удалось обнаружить лекарство против иудина штамма. Это случится только тогда, когда они встретятся с Насером лицом к лицу и тот представит убедительные доказательства того, что родители живы и здоровы и отпущены на свободу.

Так что в конце концов они договорились встретиться здесь.

И осуществить обмен.

Информация за свободу родителей Грея.

Но Грей не тешил себя наивными иллюзиями. Он знал, что Насер ни за что не освободит его родителей. Со стороны Насера это была ловушка, а со стороны Грея не более чем попытка потянуть время. Оба прекрасно это понимали. И все же им не оставалось ничего другого, кроме как продолжать этот танец взаимного обмана. Грей вынужден был держать Насера в постоянном напряжении, махать у него перед носом морковкой на веревочке, для того чтобы дать директору Кроу как можно больше времени на розыски его родителей.

Закончив разговор с Насером, Грей рискнул позвонить с одноразового телефона Сейхан в Штаты. Опасаясь, что Насер сможет быстро установить, какой сотовый ретранслятор принял сигнал его телефона в этом отдаленном районе, Грей вынужден был говорить кратко. Он ввел Пейнтера в курс последних событий. В ответ директор «Сигмы» сообщил ему плохие новости. Пока что не удалось обнаружить никаких следов родителей Грея, и до сих пор не было никаких известий о местонахождении Монка и Лизы. В голосе Пейнтера Грей уловил отчаяние и гнев.

Если добавить к этой смеси безотчетный ужас, получилось бы в точности то состояние, в котором находился сам Грей.

Пейнтер снова предложил Грею направить помощь, однако тот не смел принять это предложение до тех пор, пока его родители не окажутся в безопасности. Если верить Сейхан, здесь была самая настоящая вотчина «Гильдии». Любая мо-

билизация ресурсов только раскроет то, что Грей продолжает тайно поддерживать связь с Вашингтоном. Преимущество это было очень небольшим, однако Грей не хотел терять и это немногое. Но, что гораздо важнее, если Насер лишь заподозрит о том, что Грей продолжает общаться с руководством «Сигмы», он немедленно расправится с его родителями. Требовалось любой ценой убедить Насера в том, что маленький отряд Грея находится в полной изоляции.

И все же Грей пошел на риск и попросил директора Кроу оказать одну услугу. Затем, когда этот вопрос был решен, единственное, что он мог делать,— это растягивать, насколько возможно, временны́е рамки.

У него оставалось еще около двух часов.

За спиной у Грея с мягким звоном открылась дверь лифта. Загрохотала отодвигаемая чугунная решетка.

— Вижу, вы добрались благополучно,— послышался невозмутимый голос.

Грей обернулся.

Из лифта вышел Насер. Он был в темном костюме, но без галстука.

— Похоже, мы сможем начать нашу встречу раньше запланированного.

Со всех сторон в вестибюль высыпали люди в защитной форме военного образца и черных беретах. Грей услышал на крыльце топот тяжелых армейских ботинок. Еще десятка два солдат сбежали вниз по изогнутой лестнице. Хотя оружия не было видно, не вызывало сомнений, что все эти люди прекрасно вооружены.

Ковальски, похоже, тоже осознал это. Он первым поднял руки вверх.

Сейхан лишь покачала головой:

— Вижу, о горячей ванне мне придется забыть.

Вигор отступил к Грею.

К ним присоединился Насер.

— Итак, пришло время поговорить о лекарстве.

18 часов 18 минут
Вашингтон

— Судя по твоим словам,— сказал доктор Малькольм Дженнингс,— Грею нечего предложить «Гильдии». У него нет ничего действительно ценного.

Пейнтер молча слушал, следя за ходом его мыслей. Он пригласил Дженнингса, главу научно-исследовательского отдела «Сигмы», к себе в кабинет, чтобы выслушать его мнение. К счастью, Дженнингс и сам уже спешил к нему.

— Из рассказа Марко Поло следует,— продолжал Дженнингс, расхаживая перед столом Пейнтера,— что он сам и горстка его спутников смогли защититься от иудина штамма, выпив кровь и съев сладкое мясо, деликатес, получаемый из вилочковой железы или тимуса. И если верить его рассказу, кровь и железа были взяты у другого человека.

— По сути дела, речь идет о людоедстве.

— Или, как прочитал этот текст Грей — а я полагаю, что он не ошибся,— мы имеем дело с примитивной формой вакцинации. Вилочковая железа является основным источником белых кровяных телец, защищающих организм на клеточном уровне от болезней. А кровь является основным средством распространения по телу антител, противостоящих всевозможным инфекциям. Теоретически употребление в пищу тканей вилочковой железы можно считать неким подобием иммунизации.

— По мнению Грея, именно это и спасло Поло и его спутников,— согласился Грей.

— Однако это открытие совершенно бесполезно,— возразил Дженнингс.— Практического толка от него никакого. У кого были взяты кровь и железы? Определенно, не у кого-то из больных. Это привело бы лишь к заражению. Еще один нужный элемент нам все еще неизвестен. Для того чтобы лекарство работало, необходимо взять клетки и антитела у человека, который заразился иудиным штаммом и выздоровел. Тут получается замкнутый круг. Чтобы получить лекарство, необходимо сначала вылечиться.

Пейнтер вздохнул.

— И ты пока что не видишь ничего такого, что могло бы пролить свет.

Дженнингс медленно покачал головой.

Как и опасался Пейнтер, Грей пошел на очень опасный блеф. Амен Насер не дурак. Он быстро сообразит, что на самом деле реального ответа нет. Грей рассчитывал лишь потянуть время. Однако после захвата заброшенной мясной лавки след оставался холодным, поэтому все старания Грея оборачивались лишь ненужным, бесполезным риском. И как выяснилось, Пейнтер напрасно надеялся на то, что начальник научно-исследовательского отдела, посмотрев на все свежим взглядом, увидит что-то новое.

Увы, этого не произошло.

Пейнтер обреченно заключил:

— Значит, след Марко Поло завел в тупик.

— Необязательно.— Дженнингс выждал мгновение.— Директор, я хотел обсудить еще кое-что. Именно поэтому я и пришел к тебе. Возможно даже, это имеет какое-то отношение к данной теме. В общем, если у тебя есть свободная минута, ты лучше посмотри все сам.

На самом деле этой свободной минуты у Пейнтера не было. Он взглянул на кипу бумаг перед собой, изобилие всевозможных донесений. В соседней комнате Кэт, жена Монка, изучала спутниковые снимки островов Зондского архипелага. Имея опыт работы в разведывательном ведомстве, Кэт была незаменима, когда требовалось устанавливать контакты с зарубежными коллегами и организовывать постоянное наблюдение из космоса за южной частью Индонезии. Однако как раз сейчас в тех местах свирепствовал ураган, и пока что все попытки обнаружить исчезнувший круизный лайнер были тщетны.

Пейнтер горел нетерпением отправиться к Кэт и лично заняться изучением поступающей информации. Однако он хорошо знал Дженнингса и не сомневался, что тот не станет отнимать у него время по пустякам.

— Что ты хочешь мне показать?

Дженнингс махнул на висящий на стене плазменный монитор:

— Мне бы хотелось устроить видеоконференцию с Ричардом Граффом. Он сейчас в Австралии и ждет моего звонка. Ты не против?

— Графф? — спросил Пейнтер.— Это тот самый ученый, который работал вместе с Монком на острове Рождества?

— Он самый.

Именно доктору Граффу удалось связаться по радио с проходящим мимо острова Рождества танкером и сообщить всему миру о захвате круизного лайнера. В настоящее время океанолога перевезли в Перт и поместили в карантин.

— Ты читал его показания, которые он сделал австралийским властям? — спросил Дженнингс.

Пейнтер кивнул.

— Однако с тех пор ему удалось обнаружить еще кое-что очень странное.

Пейнтер указал на монитор:

— Ну хорошо. Показывай.

Усевшись за его стол, Дженнингс быстро устроил в прямом эфире телемост с Австралией.

— Итак, поехали.

Темный монитор замигал, оживая, затем на нем появилось смазанное изображение ученого. Доктор Графф был в голубой больничной пижаме, рука у него висела на перевязи. Его глаза были скрыты толстыми стеклами очков. Он заморгал, поворачиваясь к объективу телекамеры.

Дженнингс представил себя и Пейнтера — правда, как научных сотрудников Смитсоновского института*.

— Вы можете еще раз продемонстрировать свое открытие? — спросил Дженнингс.— То, что вы мне уже показы-

---

* Смитсоновский институт — квазигосударственное учреждение, крупный комплекс культурно-просветительских и научных учреждений в Вашингтоне.

вали? Полагаю, моему коллеге будет интересно на это взглянуть.

— Особь уже ждет.

Графф исчез с экрана. Телекамера изменила масштаб изображения и нацелилась на белый стол.

Снова появился Графф, держа в руке большой красный предмет.

— Это краб? — подался к монитору Пейнтер.

— Geocarcoidea natalis,— объяснил Дженнингс.— Красный сухопутный краб с острова Рождества.

На мониторе было видно, как Графф кивнул, поднося краба к столу. Здоровенные клешни были туго стянуты резинками.

— Этот маленький бродяга, точнее, целая их орава спасла мне жизнь.

Пейнтер с любопытством встал и подошел к монитору.

Графф положил краба на край стола и отпустил. Краб тотчас же побежал к противоположной стороне, уверенно следуя по прямой линии. Графф поспешно обошел вокруг стола и успел поймать краба, когда тот, добравшись до края, сорвался вниз.

Пейнтер покачал головой:

— Ничего не понимаю. Что вы хотели мне показать?

Графф объяснил:

— Нам с доктором Коккалисом показалось очень странным, что воздействие ядовитых веществ не привело к гибели крабов, однако определенно повлияло на их поведение. Они нападали на своих собратьев, раздирая друг друга в клочья. Поэтому я решил более подробно исследовать их поведение и выяснить, позволит ли это проникнуть в тайну токсинов.

Рассказывая все это, Графф еще дважды клал краба на стол. Однако куда бы он ни помещал членистоногого, в какую бы сторону его ни направлял, краб неудержимо разворачивался и по кратчайшей прямой бежал в тот же угол стола, откуда срывался вниз.

Графф продемонстрировал этот феномен еще несколько раз.

Странно.

Графф предложил свое объяснение:

— У сухопутного краба с острова Рождества очень тонко настроенная нервная система, которая направляет его во время ежегодных миграций. Впрочем, это можно сказать про многих членистоногих. Однако контакт с токсином, судя по всему, перестроил нервную систему краба, превратив ее в нечто подобное фиксированному компасу. И теперь краб неуклонно ползет в одном и том же направлении, словно стрелка компаса, подчиняющаяся магнитному полю.

Взяв краба, Графф положил его в террариум.

— Как только на острове все немного успокоится,— закончил он,— я обязательно направлюсь туда. Мне бы хотелось проверить, перестроилась ли нервная система у других крабов. Это очень любопытное явление. Я с радостью подготовлю материал для вашего института, доктор Дженнингс, как мы с вами уже говорили.

— Определенно, доктор Графф, мы столкнулись с очень загадочной аномалией,— сказал Дженнингс.— Мы с коллегой посовещаемся и обязательно свяжемся с вами. Спасибо за то, что уделили нам время.

Соединение было разорвано, и экран погас. Однако Дженнингс продолжал набирать команды с компьютера Пейнтера. Плазменный монитор снова ожил: на этот раз на нем появилось выведенное с компьютера изображение глобуса.

— Узнав об этой аномалии,— сказал Дженнингс,— я пошел дальше и на основании данных, полученных от доктора Граффа, экстраполировал траекторию движения краба.— На глобусе появилась пунктирная линия.— Я не придавал своим результатам никакого значения до тех пор, пока не пришла новая информация от коммандера Пирса.

На экране изображение глобуса развернулось и увеличилось.

Пейнтер подался вперед. Теперь весь экран занимала карта Юго-Восточной Азии. Пунктирная линия пересекала Индонезию, захватывала край Сиамского залива и шла через Камбоджу.

Дженнингс постучал по монитору, указывая на точку на траектории движения краба:

— Ангкор-Ват.

Пейнтер выпрямился.

— Ты хочешь сказать?..

— Довольно странное совпадение. И у меня мелькнула мысль, а не перепрограммировался ли краб так, чтобы следовать туда кратчайшим путем?

Пейнтер не отрывал взгляд от экрана, размышляя о Грее Пирсе, о той смертельно опасной игре, которая шла там.

— Если ты прав, возможно, след Марко Поло завел отнюдь не в тупик. Там должно что-то быть.

Дженнингс кивнул, подбоченившись:

— Но что именно?

5 часов 32 минуты
Сием-Реап

Вигор мысленно взял себе на заметку никогда не играть с Греем в покер.

Маленький отряд собрался в баре гостиницы. В столь ранний час заведение еще было закрыто, однако Насер снял помещение, чтобы им никто не мешал. Бар «Элефант» получил свое название по двум изогнутым бивням у входа. В продолжение этой темы зал был обставлен бамбуковой мебелью, обитой тканью с изображениями зебр и тигров.

Грей сидел за кофейным столиком, по другую сторону которого расположился Насер, и вел разговор с чрезвычайной осторожностью и предусмотрительностью.

Сейхан растянулась на диване, скрестив ноги. Ковальски устроился у пустынной стойки бара, не сводя взгляда с длинного ряда бутылок, сверкающих словно драгоценные камни.

Однако от Вигора не укрылось, что великан украдкой следит за Греем и Насером в зеркало.

Всем им хотелось в этот момент заниматься совсем другим.

Звякнув металлом о стекло, Насер положил последнюю золотую пайцзу на стол. Прежде чем начать разговор о лекарстве, египтянин пожелал убедиться в том, что развалины Ангкора действительно были тем самым местом, где Марко Поло впервые столкнулся с иудиным штаммом. Грей подробно изложил ему все, от начала до конца, как сделал это на борту гидроплана.

Вигор стоял рядом со столиком, изучая ангельское письмо, звездную карту, план развалин. Он с интересом еще раз выслушал рассказ о том, как был раскрыт код обелиска.

В конце концов Насер признал правду. Он откинулся назад.

— Ну а лекарство?

Вигор вздрогнул. По пути сюда в самолете Грей изложил свои выводы из повествования Марко Поло: теорию о вакцинации через каннибализм. Она оказалась очень любопытной, однако на самом деле никакого исцеления не предлагала.

Сознавая, насколько рискованно он блефует, Грей попытался убедить Вигора улететь из Бангкока, где у них была пересадка, на другом самолете.

— Это слишком опасно,— предостерег он.— Возвращайтесь в Италию.

Но Вигор отказался. Помимо того что Насер приказал лететь в Камбоджу всем, у прелата были свои причины остаться. Где-то среди этих развалин исчез брат Агреер, его сотоварищ по служению церкви, принеся себя в жертву ради спасения Марко и остальных. Вигор не мог пройти мимо такой самоотверженности. Однако он нашел более весомый аргумент.

— Местные жители, предложившие отряду Марко исцеление, почувствовали в брате Агреере какую-то родственную близость,— объяснил прелат.— Почему они заставили его остаться? Если в рассказе Марко существует недосказан-

ность, возможно, потребуется другой служитель церкви, чтобы ее раскрыть.

Грей вынужден был с неохотой уступить.

И все же у Вигора была еще одна причина продолжать участие в поисках, ее он не высказал вслух. Это было связано с тем, что прелат увидел в глазах своего молодого спутника. Затравленная безысходность. Разыгрывая последние карты, Грей шел напролом. Он решился на рискованный обман, шагнул прямо в ловушку, не имея запасного варианта. Все его надежды были связаны с Пейнтером Кроу. Грей верил, что начальник успеет вовремя вывести его родителей из-под смертельного удара, тем самым развязав ему самому руки.

Но соответствует ли Грей тем высоким требованиям, которые налагает эта игра, особенно если учесть, что его непрерывно терзает тревога за судьбу родителей? Его острый ум определенно оказался притуплен.

Вигор пристально смотрел на россыпь карт и ангельских письмен. Например, как Грей упустил из виду вот это?

— Лекарство,— настойчиво повторил Насер, выводя прелата из размышлений.— Расскажи, что тебе о нем известно.

Сидящий напротив Грей оставался спокойным и невозмутимым. У него на лбу не появилось ни капельки пота.

— Я назову тебе номер ячейки камеры хранения в аэропорту Бангкока. Объясню, где найти ключ, подтверждающий то, что я сейчас скажу. В этой ячейке мы оставили третий и последний свиток. В заключительном отрывке Марко описывает лекарство. Оно состоит из двух частей. О первой я тебе сейчас расскажу, совершенно бесплатно.

С подозрением прищурившись, Насер пододвинулся к столику.

— После этого ты в знак хорошего расположения ко мне освободишь одного из моих родителей. Разумеется, мне будут нужны надежные гарантии этого. Убедившись, что все в порядке, я назову тебе номер ячейки и местонахождение ключа. И ты сможешь проверить мое утверждение. Ну как, это тебя устраивает?

— Все будет зависеть от того, что я услышу.

Грей продолжал не мигая смотреть на него.

Вигор понимал, что подобной тактикой Грей только оттягивает время, дальше отодвигая момент истины. Свиток действительно остался в камере хранения аэропорта Бангкока, однако этот след вел в никуда. Никакой второй половины документа не существовало.

Грей вздохнул, словно сдаваясь.

— Что ж, вот история, которая была изложена на третьем свитке. Согласно Марко Поло...

Он принялся пересказывать текст, вышитый на куске шелка. Вигор тем временем продолжал изучать разложенные на столе документы, слушая его лишь краем уха. Коммандер Пирс придерживался правды, понимая, что за правду можно будет выкупить гораздо больше времени, чем за ложь. После того как Грей закончит, Насеру потребуется сделать необходимые звонки, договориться о том, чтобы свиток забрали из камеры хранения, затем перевели. На все это уйдет время. Свиток подтвердит рассказ Грея, после чего Насер с большей вероятностью купится на сфабрикованное продолжение. И даже если состряпанная Греем ложь окажется неубедительной, по крайней мере один из его родителей к этому моменту будет на свободе.

Таков был план.

Наконец Грей завершил свой рассказ:

— Так что каннибализм определенно явился своеобразной вакцинацией против болезни. Ну а рассказ о том, каким же образом это было достигнуто, подождет до тех пор, пока я не удостоверюсь, что один из моих родителей на свободе.

Грей сложил руки на груди.

Помолчав, Насер задумчиво произнес:

— Значит, на самом деле нам просто нужен человек, который был заражен иудиным штаммом и остался в живых. И тогда можно будет создать вакцину из его белых кровяных клеток и антител.

Грей молчал, лишь пожав плечами, тем самым показывая, что с дальнейшими ответами придется подождать до тех пор, пока его требование не будет выполнено.

Вздохнув, Насер сунул руку в карман, раскрыл сотовый телефон и нажал кнопку.

— Аннишен,— сказал он.— Возьми одного из заложников. На свой выбор.

Насер выслушал ответ своей помощницы.

— Да, замечательно... а теперь убей его.

5 часов 45 минут

Грей одним махом перепрыгнул через столик. У него не было никакого плана; он действовал, подчиняясь порыву.

Однако Насер, судя по всему, успел дать знак одному из своих людей. Голова Грея взорвалась болью после удара дубинкой по затылку, перед глазами вспыхнул яркий свет, сменившийся мгновением абсолютного мрака. Его обмякшее тело упало на кофейный столик, затем с глухим стуком скатилось на пол.

Пять пистолетов нацелились на Грея. Еще несколько — на Сейхан и Ковальски.

Вигор неподвижно застыл на месте, скрестив руки на груди.

Насер по-прежнему прижимал телефон к уху.

— Аннишен, подожди минутку.— Он отнял трубку от уха и прикрыл микрофон ладонью.— Похоже, это конец, коммандер Пирс. Конец многих путей. Последний свиток Поло только подтверждает то, что я узнал от отряда «Гильдии», который работает в Индонезии. Наши ученые пришли к такому же заключению. Потенциальное лекарство действительно находится в организме человека, который переболел и остался в живых. Который в прямом смысле *светится*, как правильно указано в рассказе Поло.

Грей покачал головой. Он ничего не отрицал; просто ему было трудно разбираться в словах Насера. У него в висках гул-

ко стучала кровь, оглушая его. План, на который он так рассчитывал, обернулся провалом.

Насер снова поднес телефон к уху.

— Так что, похоже, исторический след, по которому шли мы, описал полный круг и вернулся к следу научному. Как говорится, конец пути. Для тебя. И для твоих родителей.

Грею показалось, весь мир вокруг рушится. Перед глазами у него потемнело, голоса стали глухими, доносящимися издалека. Вдруг Вигор шагнул вперед.

— Достаточно,— резко промолвил он, словно профессор, привлекающий к себе внимание аудитории.

Все взоры обратились к нему. Даже Насер застыл.

Вигор смерил взглядом своего заклятого врага:

— Молодой человек, вы строите чересчур много догадок. Догадок, от которых не будет никакого толка ни вам, ни вашим подельникам.

— Вот как, монсиньор? — нарочито вежливо произнес Насер.

— Лекарство. Ваши ученые уже опробовали его? — Пристально посмотрев на Насера, Вигор презрительно усмехнулся.— Готов поспорить, еще нет. У вас есть только теоретические предположения, подкрепленные рассказом Марко. Но до полной определенности вам еще очень далеко. И я с сожалением вынужден опровергнуть ваше заявление о том, что исторический след закончился. Возможно, он действительно пересекся с научным следом, однако я считаю, правильнее было бы сказать, что оба следа не закончились, а слились воедино. Не отметайте историю чересчур поспешно. Вы поторопились, молодой человек. Исторический след продолжается.

Грей пытался разобраться в словах прелата. Вигор лжет? Блефует? Или же говорит правду?

Насер вздохнул, судя по всему взвешивая тот же самый вопрос.

— Я ценю вашу благородную попытку, монсиньор. Однако я не вижу больше ничего такого, что требовало бы продолжения расследования. Дальше в дело вступят ученые.

Настал черед Сейхан презрительно фыркнуть.

— Вот почему ты никогда не сможешь подняться высоко в иерархии «Гильдии», Амен. Ты вечно трусливо перекладываешь ответственность на других. Я предлагаю тебе прислушаться к словам монсиньора Вероны.

Сверкнув глазами, Насер все же повернулся к Вигору.

— Карта Марко указывает на развалины. Путь заканчивается здесь.

Нагнувшись, Вигор взял со столика план обширного комплекса Ангкора.

— Все это занимает площадь свыше ста квадратных миль. Это большая территория. Неужели вам кажется, что конечная цель должна выглядеть так?

Насер прищурился:

— Вы предлагаете прочесать все эти сто квадратных миль? Но зачем? Лекарство уже у нас.

Вигор покачал головой:

— Обыскивать весь комплекс незачем. Марко точно указал наиболее значимое место.

Насер повернулся к Грею, готовый обрушить на него угрозы.

Вигор шагнул между ними.

— Коммандер Пирс ничего не скрыл. Ответ ему неизвестен. В этом я клянусь спасением своей души.

Насер нахмурился:

— Однако вы его знаете.

Вигор наклонил голову, признавая справедливость его слов.

— Да, знаю. И я вам его скажу. Но только после того, как вы дадите клятвенное обещание сохранить жизнь родителям коммандера Пирса.

Насер подозрительно напрягся.

Вигор поднял руку.

— Я не прошу вас освободить их. Только выслушайте меня, и, надеюсь, вы согласитесь с необходимостью идти по следу до самого конца.

Грей обратил внимание, что на лице Насера отобразилась неуверенность.

«О, господи, пожалуйста, сделай так, чтобы Вигор его убедил...»

Прелат продолжал:

— Пройдите по следу до конца и уже затем принимайте решение. Относительно родителей коммандера Пирса, относительно нас. Глупо убивать заложников и уничтожать имеющиеся под рукой средства, пока вы еще не обнаружили, что же лежит в конце пути.

Насер опустился за столик.

— Так покажите же мне, куда ведет след. Убедите меня, монсиньор.

— А если я это сделаю, вы как человек чести сохраните жизнь родителям Грея?

Насер махнул рукой:

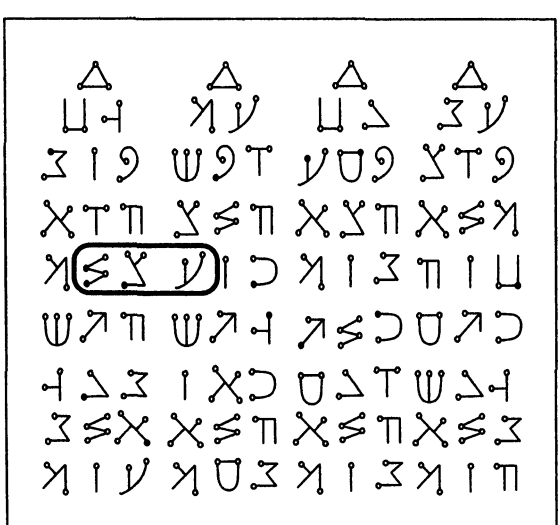
— Договорились. Но если вы лжете, монсиньор...

— Я не лгу.

Вигор опустился на колено перед столиком.

Грей присоединился к нему.

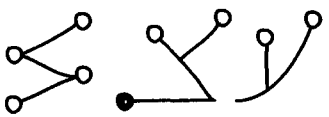
Вигор отобрал три листа: план Ангкора, ангельский код с обелиска и строчку из трех ключевых символов. Первым он взял лист с ангельским кодом.



— Как уже установил коммандер Пирс, все закрашенные диактирические знаки — кружки, отмечающие символы,— на самом деле соответствуют месторасположению отдельных храмов и дворцов, из которых состоит Ангкор.

Насер молча кивнул.

— А теперь давайте снова внимательно взглянем на три ключевых символа.



— Давайте сравним их с тремя обведенными символами на обелиске. Видите отличие?

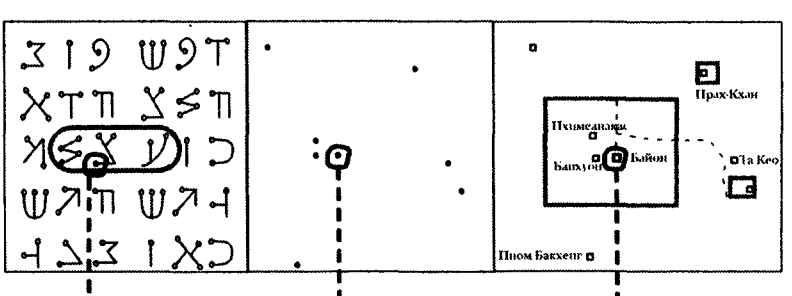
Насер склонился к листкам, и Грей последовал его примеру.

— На обелиске три закрашенных кружка,— сказал Насер.

— Соответствующие трем храмам,— подтвердил Вигор.— А теперь, сколько закрашенных кружков среди трех ключевых символов?

— Только один,— сказал Грей. Теперь и он все понял. Уверенный в том, что ему удалось решить загадку, он не сделал следующий очевидный шаг.— Один храм. Закрашенный кружок соответствует не только португальской крепости — он обозначает один из храмов!

Пододвинув листки к себе, Грей ручкой обвел точки и соответствующий им храм.



Склонившись к плану Ангкора, Насер прочитал вслух название храма:

— Байон.— Он выпрямился.— Но почему вы так уверены, что он имеет какое-то значение?

— Байон стал последним храмом, возведенным в Ангкоре,— объяснил Вигор.— Его строительство было завершено приблизительно в то время, когда Марко Поло побывал в этих местах. И самое странное в этом храме то, что после того, как он был достроен, всякое строительство в этих местах прекратилось.

— Но что там? — спросил Насер.

Вигор пожал плечами:

— Понятия не имею. Быть может, источник иудина штамма, быть может, какая-то другая ценная информация. Я знаю только, что Марко посчитал все это очень важным и сохранил на века. Но даже если я ошибаюсь, разве можно, проделав путь на другой конец земного шара, остановиться всего в нескольких шагах от самого конца?

Насер обвел взглядом присутствующих.

— Амен, мы доберемся до места за полчаса,— встрепенулась Сейхан.— По крайней мере, имеет смысл отправиться туда.

Грей боялся подать голос, опасаясь, что это лишь с новой силой распалит гнев Насера.

Вигор действовал более прямолинейно.

— Марко Поло предпринял столько трудов, сохраняя местонахождение этого храма. Ватиканские мистики предприняли столько трудов, защищая карту кодом. Даже местные жители утверждают, что в храме до сих пор хранятся спрятанные сокровища. Нам просто необходимо исследовать Байон.

Ковальски поднял руку:

— Ну а мне необходимо сходить отлить. Очень хочется.

Нахмурившись, Насер тем не менее встал.

— Идем туда. В Байон. Но если к полудню мы ничего там не найдем, все кончено.— Он поднес к уху телефон.— Аннишен, исполнение смертного приговора откладывается.

Грей под столом стиснул колено Вигора: «Спасибо!»

Прелат бросил на него взгляд, красноречиво говоривший: «Погоди, мы еще не вышли из леса».

Что доказали следующие слова Насера:

— Аннишен, возьми того из родителей, которого выбрала. Мы сохраним ему жизнь, выполняя слово, данное мной монсиньору Вероне. Однако нам по-прежнему нужна какая-нибудь побудительная причина, чтобы обеспечить продолжительное и чистосердечное сотрудничество со стороны коммандера Пирса.— Насер посмотрел Грею в лицо.— За каждый час, в течение которого у нас не будет удовлетворительных результатов, отрезай по одному пальцу. И поскольку из-за бесплодных попыток коммандера Пирса торговаться со мной мы и так уже потеряли здесь впустую гораздо больше часа, можешь отрезать первый палец прямо сейчас.

Он захлопнул телефон.

Грей сознавал, что сейчас ему лучше молчать, однако слова вырвались у него прежде, чем он успел их остановить:

— Ах ты, сволочь! Я тебя убью!

Насер невозмутимо отвернулся.

— Да, кстати, коммандер Пирс, тот из родителей, кого выбрала Аннишен... это твоя мать.

18 часов 55 минут
Вашингтон

Как только у Гарриет с головы сорвали капюшон, она поняла, что случилось что-то плохое, что-то очень плохое.

Ее вытащили из каморки, где держали взаперти, и усадили на железный табурет. Когда с нее сняли капюшон, она увидела, что находится в заброшенном складе. Это было мрачное помещение с голыми бетонными стенами и полом. Под потолком проходили стальные балки и трубы, с ржавых блоков свисали цепи. В воздухе стоял запах машинного масла и паленой резины.

Гарриет оглянулась вокруг.

Окон не было. Единственный свет исходил от нескольких голых лампочек под потолком, которые отбрасывали в темноту тусклые пятна. Сбоку уходила наверх стальная лестница. За ней зияла открытыми дверями кабина старого грузового лифта.

Судя по всему, здесь не было никого — кроме тюремщиков.

В шаге слева стояла Аннишен, опираясь на стол. Она молчала, прижимая к уху сотовый телефон. Похоже, она слушала своего собеседника. На столе лежал пистолет, а рядом с ним огромные кусачки для перекусывания болтов и паяльная лампа. В полумраке подвала маячили еще трое боевиков.

Прямо напротив Гарриет на таком же стуле сидел ее муж, безвольно ссутулившись. Как и у Гарриет, у него на руках были наручники. Один из боевиков стоял рядом с пистолетом в кобуре. Однако Джек не представлял никакой угрозы. Он сидел, уронив голову, изо рта вытекала струйка слюны. С него сняли штаны. Джек помочился в трусы, и они спереди были мокрые насквозь. Левая нога обрывалась сразу же ниже колена, а дальше следовал протез. Тот давнишний несчастный случай лишил Джека большей части его мужской гордости. Остальное забрала природа.

И не только природа.

Гарриет ощущала в кармане свитера тяжесть невыпитых таблеток.

У нее по лицу потекли слезы.

Аннишен бросила в трубку несколько слов, заканчивая разговор, и захлопнула телефон. Повернувшись к Гарриет, она подала знак другому боевику.

— Сними с нее наручники.

Гарриет не сопротивлялась. Она подняла руки, чтобы удобнее было отпирать замок. Тяжелые стальные браслеты упали. Гарриет потерла запястья.

Что здесь происходит?

По сигналу Аннишен один из громил подтащил Гарриет вместе с табуретом к столу. Услышав скрежет стали по бетону, ее муж поднял опухшее лицо.

— Гарриет...— пробормотал он.— Который сейчас час?

— Все хорошо, Джек,— ласково ответила Гарриет.— Спи.

Аннишен шагнула к нему.

— А я так не думаю. Он уже достаточно выспался. Эти таблетки наконец начали действовать, буквально свалив его с ног. Но сейчас пришла пора просыпаться, открывать глазки.— Схватив Джека за подбородок, она подняла его голову.— Держи его так,— приказала она боевику.— Он должен видеть все представление.

Джек покорно поднял голову.

Вернувшись к верстаку, Аннишен вытерла со своей штанины слюну Джека. Она кивнула боевику, стоявшему позади Гарриет. Тот схватил левую руку Гарриет и рывком положил на верстак, прижимая запястье к дереву.

Гарриет непроизвольно начала вырываться, но боевик лишь сильнее потянул ее за руку, так, что она наткнулась подмышкой на край верстака. При этом Гарриет чувствовала холодное дуло пистолета, которое приставил ей к щеке третий боевик.

К ней неторопливо приблизилась Аннишен.

— Похоже, миссис Пирс, нам нужно преподать вашему сыну один маленький урок.

Взяв паяльную лампу, она щелкнула кнопкой, автоматически зажигая горелку. Из сопла лампы с резким шипением вырвалось голубоватое пламя. Аннишен поставила лампу на верстак рядом с собой.

— Это для того, чтобы прижигать обрубки.

— Что... что вы собираетесь делать?

Игнорируя ее вопрос, Аннишен взяла кусачки и развела рукоятки.

— Итак, какой палец отрежем первым?

6 часов 1 минута
Сием-Реап

Грей ехал на заднем сиденье белого микроавтобуса. Сейхан сидела рядом с ним; с обеих сторон они были зажаты вооруженными боевиками. Насер сидел, развернувшись лицом к ним, на боковом сиденье, в окружении еще двух боевиков.

Вигора и Ковальски везли в следующей машине. Еще два микроавтобуса, набитые боевиками в камуфляжной форме, замыкали колонну спереди и сзади.

Насер решил не рисковать.

Грей рассеянно смотрел в лобовое стекло на то, как из туманной дымки впереди поднимались пять огромных башен в виде кукурузных початков, освещенные первыми лучами восходящего солнца. Ангкор-Ват был первым из многих храмов, разбросанных на территории площадью свыше ста квадратных миль. Он также был самым большим и лучше всего сохранившимся символом Камбоджи: бесконечный лабиринт помещений, зубчатые стены, башни, покрытые резьбой по камню, и многочисленные изваяния. Один только этот храм, окруженный широким рвом, занимал площадь пятьсот акров.

Однако целью исследователей был не он.

Они направились к развалинам Ангкор-Тхома, древней столицы Камбоджи, расположенным в миле к северу. И хотя размерами Ангкор-Тхом уступал Ангкор-Вату, среди обнесенных стеной руин находился величественный храм Байон, считающийся сердцем всего Ангкора.

Микроавтобус с громким стуком подскочил на рытвине.

Грей увидел мельком свое отражение в зеркале заднего вида. Щеки у него ввалились, под глазами нависли темные мешки, губы растрескались, щетина на подбородке казалась черным синяком. Глаза лихорадочно блестели, питаясь огнем ярости и жажды мщения. Однако в глубине души таились только горе и чувство вины.

Вероятно, почувствовав, что Грей провалился в пучину тупого отчаяния, Сейхан схватила его за руку. В этом жесте не было ничего ласкового. Она крепко стиснула руку Грея, вонзая в нее ногти, не давая ему вырваться, вытаскивая его из того бездонного колодца, в который он падал.

От Насера не укрылось это движение. У него на лице появилась тень ухмылки, но тотчас же исчезла.

— А я считал тебя умнее, коммандер Пирс,— пробормотал он.— Она тебя уже трахнула?

Грей с трудом сфокусировал взгляд у него на лице.

— Заткнись, черт побери.

Насер хихикнул, коротко, резко, насмешливо.

— Нет? Жаль, очень жаль. Уж если тебя поимели, надо было получить от этого хоть какое-то удовольствие.

Сейхан выпустила руку Грея.

— Да пошел ты, Амен!

— Ну уж нет, Сейхан. Это я пинком вышвырнул тебя из своей постели.— Насер перевел взгляд на Грея.— А ты знал? Что мы с твоей подружкой были любовниками?

Грей украдкой взглянул на Сейхан. Конечно же, Насер лжет. Ну разве могла она... с мерзавцем, который только что приказал истязать его мать? При одной только мысли о матери Грею в желудок выплеснулась новая порция желчи.

Но Сейхан, избегая встречи взглядами с Греем, сверкнула глазами, поворачиваясь к Насеру. Ее пальцы, лежавшие на колене, сжались в кулак.

— Но все это осталось в прошлом,— продолжал Насер.— Честолюбивая сучка. Мы оба стремились подняться на следующую ступень в иерархии «Гильдии». Последнюю перед самой вершиной. Но мы разошлись во мнениях. Относительно того, как заполучить тебя.

Грей сглотнул комок в горле.

— Черт побери, о чем это ты?

— Сейхан хотела использовать свои чары, чтобы уговорить тебя сотрудничать с «Гильдией» по доброй воле в поисках следа Марко Поло. Я же, напротив, настаивал на более прямом подходе. Кровь и принуждение. По-мужски. И когда «Гильдия» отвергла план Сейхан, та предпочла взять дело в свои руки. Она убила хранителя венецианского музея, похитила обелиск и бежала в Соединенные Штаты.

Скрестив руки на груди, Сейхан с отвращением сверкнула глазами.

— А ты по-прежнему не можешь простить мне то, что я выхватила приз у тебя из-под носа. В который уже раз.

Грей всмотрелся в ее лицо. Все эти разговоры о спасении мира... неужели они были ложью?

— Поэтому я последовал за ней в Штаты,— продолжал Насер.— Я был уверен, куда она направится. И мне не составило труда расставить западню.

— Где ты не смог меня убить,— презрительно бросила Сейхан,— в очередной раз продемонстрировав свою некомпетентность.

Насер свел вместе указательный и большой пальцы.

— Мне не хватило лишь доли дюйма.— Он опустил руку.— Но ты упрямо продолжала придерживаться выбранной тактики, не так ли, Сейхан? Ты по-прежнему искала коммандера Пирса. Только теперь он уже должен был стать твоим союзником. Ты не сомневалась, что благородный коммандер придет к тебе на помощь. Вы вдвоем с Греем против всего мира! — Насер хрипло рассмеялся.— Или ты по-прежнему продолжаешь играть им, Сейхан?

Та лишь презрительно фыркнула в ответ.

Насер снова повернулся к Грею.

— Она состоит из одного лишь честолюбия, раздутого до предела. Безжалостная, расчетливая. Для того чтобы подняться в иерархии «Гильдии», Сейхан без раздумий перешагнет через свою собственную умирающую бабушку.

Сверкнув взглядом, Сейхан подалась вперед.

— По крайней мере, я не стояла покорно на коленях, пока мою мать убивали у меня на глазах.

Насер стиснул зубы.

— Трус,— пробормотала Сейхан, с удовлетворенной усмешкой откидываясь назад.— Ты даже своего отца убил, когда он повернулся к тебе спиной. Испугался взглянуть ему в лицо.

Насер бросился на нее, потянувшись к ее горлу.

Грей непроизвольно отбил его руку.

Быть может, он напрасно так поступил.

Однако Насер вернулся на свое место. Его взгляд наполнился ненавистью.

— Всегда надо знать, с кем спишь в одной постели,— давая выход ярости, бросил он Грею.— Нужно следить за тем, что говоришь этой сучке.

Враги умолкли. Грей не отрывал взгляда от Сейхан, сознавая, что, несмотря на всю свою браваду, обвинения Насера она так и не опровергла. Он мысленно прокрутил события последних нескольких дней, однако сосредоточиться было очень трудно, поскольку голова у него гудела, а в груди извивался червь страха.

И все же от фактов некуда было деться. Сейхан убила хранителя венецианского музея, чтобы получить обелиск. Убила хладнокровно. А когда они впервые встретились несколько лет назад, она пыталась убить и его.

У него в голове звучали слова Насера: «Всегда надо знать, с кем спишь в одной постели...»

Грей этого не знал. Он не знал, кого в конечном счете слушать, кому верить. И уверен теперь был только в одном. Оступаться больше нельзя. За ошибку ему придется расплачиваться не одной только своей жизнью.

19 часов 5 минут
Вашингтон

Гарриет вырывалась, всхлипывая в ужасе:

— Пожалуйста, не надо...

Ее запястье, стиснутое в руке одного из боевиков, было прижато к верстаку; другим кулаком он придавил ей локоть. В нескольких дюймах от нее шипела паяльная лампа.

Аннишен поднесла раскрытые кусачки к растопыренным пальцам Гарриет.

— Эни, мени, мини, мо...

Она остановилась на безымянном пальце. В тусклом свете лампочки сверкнул бриллиант в обручальном кольце.

— Не надо...

Вдруг все вздрогнули, услышав громкий удар.

Гарриет обернулась, Аннишен выпрямилась. В двух ярдах от них боевик, державший Джека за подбородок, заставляя его смотреть на мучения своей жены, с криком отшатнулся назад. У него из носа хлынула кровь.

Джек, ударив его затылком в лицо, рывком вскочил с табурета и бросился следом за ним. Развернувшись, он неуклюже выхватил руками, скованными наручниками, пистолет у него из кобуры.

— Гарриет, пригнись! — крикнул Джек, стреляя навскидку.

Боевик, прижимавший пистолет к щеке Гарриет, получил пулю в грудь. Он отлетел назад. Его пистолет с грохотом скрылся в темноте.

Второй боевик отпустил руку Гарриет, хватаясь за оружие.

Бах!

Краем глаза Гарриет увидела, как щека и ухо боевика исчезли в облаке крови и мозгов. Однако ее внимание было приковано к Аннишен. Та уже отшвырнула кусачки и схватила с верстака пистолет. Молниеносно развернувшись, она навела его на Джека.

Гарриет, полулежа на столе, протянула руку и схватила паяльную лампу. Она направила голубоватое пламя на запястье Аннишен. Та вскрикнула. Пистолет выстрелил. Пуля ударилась в бетонный пол и ушла рикошетом в сторону. Рукав куртки Аннишен вспыхнул. Она отпрянула назад, роняя пистолет.

Джек выстрелил еще раз, однако боль лишь сделала движения Аннишен еще более стремительными.

Отскочив в сторону, она ударом ноги опрокинула табурет Джеку под ноги и метнулась к двери, оставляя за собой огненный след.

Джек выпустил ей вдогонку еще две пули, после чего поспешил к Гарриет. На мгновение крепко стиснув жену в объятиях, он быстро потащил ее к лестнице.

— Нам нужно убираться отсюда. Сейчас сюда...

Но у них над головой уже засвистели пули. Выстрелы были услышаны.

— Грузовой лифт! — воскликнул Джек.

Вдвоем они побежали к открытой кабине. Джек неловко подпрыгивал на протезе. Они заскочили в кабину, Джек закрыл решетчатую дверь и нажал кнопку шестого, предпоследнего, этажа.

— На первом этаже наверняка все перекрыто. Поднимемся наверх. Будем искать пожарный выход... телефон... или просто место, где можно будет спрятаться.

Когда кабина поднялась на первый этаж, Джек затолкнул Гарриет в дальний угол кабины. Загремели выстрелы. В темноте вспыхнули лучи фонариков. Боевиков было человек двадцать. Джек оказался прав. Им нужно будет искать какой-нибудь другой выход или звать на помощь. Ну а если это не получится, где-то прятаться.

Кабина лифта ползла вверх.

Джек обнял Гарриет. Та прильнула к нему.

— Джек... как... ты ведь был такой...

— Спятивший? — Джек покачал головой.— Господи, Гарриет, неужели ты думаешь, что я действительно настолько плох? Конечно, был тот случай в гостинице. Извини, что я тебя ударил.

На последней фразе его голос немного дрогнул. Гарриет крепче прижалась к нему, принимая извинения.

— Когда тебя свалили выстрелом из «тазера», я решила, что в нервной системе произошли какие-то необратимые изменения.— Она снова стиснула мужа.— Слава богу, я ошибалась.

— Боль была жуткая. Но затем, поняв, что ты только делаешь вид, будто даешь мне эти чертовы таблетки, я рассудил, что ты ждешь от меня соответствующего поведения. Хочешь, чтобы я притворялся, будто мне гораздо хуже, чем на самом деле, тем самым притупляя бдительность тюремщиков.

Гарриет подняла взгляд.

— Так значит, это была игра?

— Ну, в штаны я действительно надул,— недовольно пробурчал Джек,— но в сортир-то меня никто не водил, черт побери!

Кабина остановилась.

Открыв дверь, Джек жестом предложил Гарриет выйти, вышел сам и снова закрыл решетку. Просунув руку между прутьями, он нажал кнопку подвала, отправляя кабину вниз.

— Чтобы никто не знал, на каком этаже мы сошли,— объяснил Джек.

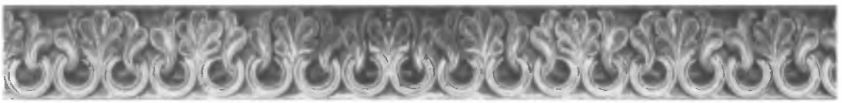
Они направились по темным коридорам. Вокруг было полно какого-то старого оборудования.

— Судя по всему, консервный завод,— заметил Джек.— Здесь должно быть полно укромных мест.

Вдруг откуда-то снизу донесся новый звук.

Лай... возбужденный, злобный.

— У них есть собаки,— прошептала Гарриет.



Глава 15

ДЕМОНЫ В ГЛУБИНАХ

7 июля, 4 часа 45 минут
Остров Пусат

У них ушло слишком много времени на то, чтобы добраться до центра сети, натянутой над островом.

Пока войско Монка ползло по «крыше мира», эпицентр урагана сместился с острова и вернулся обратно в море. Ветер снова набирал силу.

Монк крепко сжимал доски настила, стараясь удержаться на грохочущей сети. Раскаты грома напоминали залпы артиллерийских орудий, ослепительные молнии разрывали непроницаемый мрак ночного неба. Разверзлись тучи, и опять хлещущими струями полился дождь.

Монк стиснул настил так, что побелели костяшки пальцев, и посмотрел вниз. «Владычица морей» качалась на волнах лагуны, ярко освещенная и манящая.

Веревки, закрепленные на сетке, длинными змеями скользнули вниз, к вертолетной площадке над верхней палубой. Монк с тоской подумал, как было бы хорошо, если бы вертолеты оставались на лайнере, однако «птички» улетели из гнезда еще до того, как корабль укрылся в лагуне посреди острова.

Значит, оставался только катер Райдера.

Вниз полетели новые веревки. Теперь их стало ровно двенадцать, раскачивающихся на ветру.

Джесси выкрикнул приказания по-малайски. До молодого студента было всего ярдов тридцать, однако бóльшую часть его слов унес ветер. Усевшись на сети, Джесси туго обвил руками стальной трос. Он махнул рукой, указывая вниз.

Ближайшие к нему туземцы прыгнули головой вперед в отверстия в сетке, словно пеликаны, ныряющие в воду. Монк, затаив дыхание, следил за ними. Трое людоедов появились уже под сетью, держась за веревки. Они умело заскользили вниз, а за ними уже спешили другие воины.

Войско снова медленно поползло вперед, к спущенным веревкам, и дальше вниз. Монк двинулся по настилу. Он уже почти добрался до Джесси, и в этот момент Райдер, схватив веревку, прыгнул вниз. Миллиардер не колебался ни мгновения.

Монк понимал причину такой спешки.

Над остроконечными скалами, к которым был прикреплен край сети, сверкнула молния. Прогремел оглушительный гром. Небесное электричество ослепительным голубоватым зигзагом устремилось к стальному скелету сети, но выдохлось, не достигнув его. Воздух наполнился запахом озона.

— Всем держаться подальше от металлических частей! — крикнул Монк.

Джесси повторил его приказ по-малайски. Еще через минуту Монк был рядом с ним.

— Спускайся вниз! — велел он, указывая на веревку.

Джесси кивнул. Но в то самое мгновение, когда он перекатывался по настилу, возвратившийся ураган налетел внезапным резким порывом, ревя словно товарный поезд. Джесси, застигнутый врасплох, не успел ни за что ухватиться. Не удержавшись, он слетел с настила на редкое переплетение маскировочной сетки, прорывая ее своим весом.

Метнувшись вперед, Монк поймал его за щиколотку. Его протез сомкнулся, не давая Джесси упасть. Молодой студент повис у него в руке вниз головой, извергая поток ругательств на хинди... а может быть, это были молитвы.

— Веревка! — напрягая связки, крикнул ему Монк.

Одна из спущенных вниз веревок свисала футах в десяти от Джесси.

Монк начал его раскачивать. Джесси, поняв его замысел, вытянул руки, пытаясь ухватиться за веревку. И все же она была слишком далеко. Его рука не доставала до нее на целый фут.

— Сейчас я тебя брошу!

— Что? Нет!

Но у Монка не было выбора. Его плечо горело от напряжения. Он качнул Джесси еще один раз:

— Пошел!

Что есть силы Монк бросил студента-медика к веревке. Пролетев последний фут, Джесси судорожно вцепился в мокрую веревку. Дергая ногами, он скользнул вниз. Наконец ему удалось оплести веревку вокруг ступни, замедляя движение. Его губы зашевелились в немой благодарственной молитве — а может быть, извергая проклятия, обращенные к Монку.

Убедившись, что с парнем все в порядке, Монк перекатился обратно на настил и осторожно пополз вперед. Не обращая внимания на колотящий по спине ветер, он дополз до занавеса спущенных вниз веревок.

Прямо над головой сверкнула еще одна молния.

Тотчас же грянул гром. Монк распластался на досках. Обернувшись, он увидел, что сеть дернулась, словно трамплин. Молния попала в дальний конец настила, и деревянные доски вспыхнули ярким пламенем. Один туземец подлетел высоко вверх, колотя по воздуху руками и ногами, а тем временем мощный электрический разряд голубыми искрами промчался по стальному тросу под ним. Акробату повезло: он благополучно приземлился рядом с собратьями.

Счастливчик; однако теперь дороги назад больше не было. Оставался только один выход.

Ухватившись за ближайшую веревку, Монк провалился под сеть. Скользнув вниз, он аккуратно опустился на зали-

тую дождем вертолетную площадку. Его войско последовало за ним.

Низко пригибаясь, Монк подбежал к остальным, собравшимся у лестницы, которая вела с площадки на верхнюю палубу. Джесси уже раздавал туземцам приказания, указывая то на Монка, то на Райдера. Здесь штурмовому отряду предстояло разделиться. Монк отправится искать Лизу. Райдер и Джесси устремятся прямиком вниз, расчищая дорогу к катеру.

У Монка за спиной послышался топот босых ног. Последние из людоедов спустились с промокшей сети на вертолетную площадку.

Монк повернулся к Райдеру и Джесси.

— Готовы? — спросил он.

— Всегда готовы,— ответил Райдер.

Монк окинул взглядом свой штурмовой отряд, вооруженный топорами, сделанными из костей, и автоматами Калашникова. Сверкнула молния, озаряя застывших в готовности туземцев. На вымазанных сажей лицах блеснули глаза.

На мгновение Монку стало не по себе, его охватило предчувствие чего-то дурного. Однако он быстро его стряхнул. Это лишь ураган натянул его и без того перекрученные нервы.

— Находим мою напарницу и убираемся отсюда ко всем чертям.

5 часов 2 минуты

Лиза лежала, привязанная, на стальном хирургическом столе, наклоненном под углом сорок пять градусов. Запястья ее были стянуты пластиковыми ремнями над головой, и она висела на руках. Ее ноги болтались в воздухе, не доставая до пола. Она была в одном больничном халате. Холодный пот прилепил тонкую хлопчатобумажную ткань к телу, спина прижималась к ледяной стали стола.

Лиза уже больше часа провела привязанная к столу.

Одна.

И тем не менее мечтая, чтобы о ней совсем позабыли.

Справа от нее на подносе из нержавеющей стали лежали инструменты, которыми пользуется судебный медэксперт, проводя вскрытие: пилки для перепиливания хрящей, анатомические скальпели, ножницы, патологоанатомические иглы, плоские долота для позвоночника.

Доктор Девеш Патанджали достал все эти инструменты из черного кожаного саквояжа, принесенного Суриной. Он аккуратно разложил их на полоске зеленой хирургической простыни. В ногах наклоненного стола висело стальное ведерко, готовое принять поток крови.

Пока Девеш раскладывал инструменты, Лиза делала все возможное, чтобы уговорить его отказаться от намеченной пытки. Она взывала к рассудку, объясняла, что может быть полезной. Обещала, что после поимки Сьюзен окажет посильную помощь в получении лекарства из крови и лимфы больной. Разве она уже не доказала свою незаменимость?

Однако Девеш не обращал никакого внимания на все ее доводы. Он просто раскладывал инструменты на подносе, один за другим.

Наконец аргументы перешли в слезы.

— Пожалуйста...— взмолилась Лиза.

Видя, что Девеш глух к ее мольбам, она обратилась к Сурине. Однако и тут не увидела ни проблеска надежды, а лишь мертвенное безразличие на лице, высеченном из холодного мрамора. Единственным цветным пятном была рубиново-красная точка бинди на лбу, напоминающая Лизе каплю крови.

Затем Девешу кто-то позвонил. Разговаривая по телефону, он пришел в возбуждение, несомненно довольный тем, что ему сказали. Девеш ответил что-то на быстром арабском. Лизе удалось лишь разобрать одно слово: Ангкор. Закончив разговор, Девеш быстро покинул комнату. Сурина тенью последовала за ним. Девеш даже не оглянулся на свою пленницу.

И вот Лиза висела на столе, понятия не имея о том, что происходило за дверью.

Однако она знала, какая судьба ее ждет.

Хирургические инструменты блестели полированной сталью. При каждом ее движении внизу грохотало ведерко для сбора крови. Лиза качалась между полным физическим истощением и безграничным ужасом. Она просто-таки с нетерпением ждала возвращения Девеша. Полное неведение грозило свести ее с ума.

И все же когда дверь наконец открылась, Лиза вздрогнула. Не видя вошедшего, она лишь услышала стук колесиков.

Показались носилки.

На них лежала распятой маленькая фигура, накрытая простыней, привязанная за руки и за ноги.

Девеш подтолкнул носилки так, чтобы они остановились прямо перед Лизой.

— Приношу свои извинения за небольшую задержку, доктор Каммингс,— сказал он.— Я не ожидал, что этот звонок отнимет так много времени. К тому же я не сразу отыскал нашу маленькую знакомую.

— Доктор Патанджали,— взмолилась Лиза, не отрывая взгляда от носилок,— пожалуйста, не надо...

Девеш подошел к инструментам. Поверх костюма он надел белоснежный халат.

— Итак, на чем мы остановились?

Рядом с ним появилась Сурина, сонная, со сложенными на груди руками. Однако в глазах у нее, что было совершенно необычно, горел огонь. Огонь ярости.

Девеш продолжал:

— Доктор Каммингс, вы были совершенно правы. Возможно, ваш опыт пригодится нам на заключительном этапе работ. Однако вы определенно заслужили наказание. Поэтому кому-то другому придется заплатить долг крови, который я не могу взыскать с вас.

Лиза уставилась на лежащую на носилках щуплую фигуру, связанную, с округлившимися от ужаса глазами. Это была девочка, та самая, которой один раз Девеш уже грозил

смертью, но пощадил, убив вместо нее доктора Линдхольма. Однако теперь избавления не будет. Девеш был полон решимости истязать этого невинного агнца на глазах у Лизы.

Натянув латексные хирургические перчатки, Девеш взял большой скальпель.

— Первый надрез всегда самый сложный.

Он повернулся к обезумевшей от ужаса жертве, но тут раздались выстрелы. Они донеслись откуда-то издалека, приглушенные, однако их ни с чем нельзя было спутать.

Девеш застыл.

Прогремела еще одна автоматная очередь, судя по всему, на палубе внизу.

— Ну вот, опять...— раздраженно вздохнул Девеш.— Неужели эти болваны не могут усмирить проклятых больных?

Новые выстрелы.

Девеш в ярости швырнул скальпель на поднос. Звякнули инструменты. При этом Девеш порезался; он поднес окровавленный палец ко рту и, нахмурившись, шагнул к двери.

— Сурина, присмотри за нашими гостями. Я сейчас вернусь.

Дверь захлопнулась за ним.

Словно попав в завихрение воздуха, вызванное закрывающейся дверью, Сурина бросилась к столу. Схватив скальпель, она вернулась к распростертой на носилках девочке.

— Не трогайте ее! — забыв о собственной беспомощности, с угрозой в голосе произнесла Лиза.

Сурина мельком бросила на нее равнодушный взгляд, после чего ее внимание полностью переключилось на ребенка. Она взмахнула скальпелем, и сверкающее лезвие рассекло путы, которыми была привязана к носилкам девочка. Странная женщина схватила малышку на руки, прижала ее к груди и направилась к двери.

Лиза услышала тихий щелчок открывшегося и закрывшегося запора. Она снова осталась одна.

Она задумалась, вспоминая о том, как Сурина уже угостила эту же самую девочку конфетой, проявив совершенно не-

ожиданное для нее сострадание. Вспомнила и взгляд Сурины, когда та пришла сюда, разъяренная, словно львица. Судя по всему, эта хищница сохранила остатки сострадания к самым невинным. Быть может, спасение девочки явилось жестом раскаяния за предыдущие зверства.

Так или иначе, она ушла.

Лиза представила себе то бешенство, которое испытает Девеш, когда вернется сюда, уже разъяренный новым бунтом больных. И здесь будет только один человек, на ком он сможет выместить свой гнев. Лиза отчаянно задергалась, пытаясь вырваться из пут. Загромыхало ведерко.

Стрельба продолжалась. Одни выстрелы звучали гораздо громче других, доносясь из разных мест. Лиза осознала, что перестрелка идет по всему кораблю. Она затравленно осмотрелась по сторонам, пытаясь понять, что происходит.

Прогремели новые очереди, сопровождаемые звоном разбитого стекла, на этот раз, кажется, всего в нескольких ярдах. Потом еще выстрелы, а затем крики и какой-то странный улюлюкающий боевой клич. Сражение было в самом разгаре.

Вдруг у Лизы за спиной распахнулась выбитая дверь.

Она испуганно сжалась.

Показалась полуголая фигура, вымазанная чем-то черным, с носом, проткнутым длинным клыком какого-то животного, и пышным головным убором из изумрудно-зеленых перьев. В окровавленной по самый локоть руке дикарь сжимал длинный нож.

Лиза в ужасе прижалась к хирургическому столу.

— Сюда! — крикнул знакомый голос.

Это был Хенрик Барнхардт.

В коридоре загремели шаги. Холодное лезвие скользнуло Лизе под запястья. Пластиковые ремни лопнули с громким хлопком. Освобожденная от пут, Лиза скатилась по наклонному столу, но, прежде чем она успела упасть на пол, ее подхватили заботливые руки.

Голос произнес ей на ухо:

— Ну, если ты уже отдохнула, болтаясь тут в полном безделье, как насчет того, чтобы сказать этому очаровательному кораблю «до свидания»?

Лиза прильнула к своему спасителю, дрожа от слабости и облегчения.

— Монк...

5 часов 19 минут

Услышав беспорядочные автоматные очереди наверху, двумя палубами выше, Девеш сразу же понял, что случилось что-то серьезное. Выстрелы доносились со стороны научного крыла.

Девеш стоял посреди коридора нижней палубы в окружении семерых боевиков и их предводителя-сомалийца. Кровь здесь буквально струилась по ковру — однако они не обнаружили ни одного трупа.

И вот теперь стрельба наверху.

Девеш задрал голову, но тут сработала система сигнализации, наполняя все помещения круизного лайнера оглушительным воем сирены. Черт побери, что здесь происходит?

Вверху снова загрохотали выстрелы. И опять в научном крыле.

— Назад! — закричал Девеш, указывая тростью в сторону лестницы.

Разом развернувшись, боевики бросились туда, но в этот момент в противоположном конце коридора мелькнула приземистая фигура: босая, одетая в перья и гремящие кости, вымазанная черным.

Людоед с острова. В руках он держал автомат.

Предводитель выругался.

Прогремела очередь. Пули застучали по ковровой дорожке и стенам. Один из боевиков отлетел назад, словно получив мощный удар в грудь. Остальные распластались на полу, открывая ответный огонь. Сомалиец потащил Девеша за собой, пригибаясь и паля из пистолета.

Впереди путь был свободен.

Но вдруг сбоку распахнулась дверь. Опустился костяной топор, раскроив череп другому боевику. Дверь тотчас же снова захлопнулась. Смертельно раненный боевик прополз несколько шагов на четвереньках с глубоко засевшим в голове топором, затем распластался на полу.

Остальные боевики открыли ураганный огонь по закрытой двери, мгновенно превратив ее пулями в решето.

Но Девеш прочитал табличку на ней: «Служебный вход». Эта дверь вела во внутренние помещения корабля. Несомненно, убийцы уже и след простыл.

Еще один туземец-людоед.

Корабль подвергся нападению. Врагу удалось каким-то образом подняться на борт.

Теперь выстрелы доносились отовсюду — гулкие отголоски в замкнутом пространстве. Нападавшие постепенно овладевали кораблем. Предводитель-сомалиец шагнул к Девешу. Остальные боевики стояли наготове, половина развернувшись вперед, половина — назад, с опаской наблюдая за всеми дверями.

— Сэр, нам нужно доставить вас в безопасное место,— проворчал сомалиец.

— Куда? — простонал Девеш.

— Мы должны покинуть корабль. Можно будет переправиться на катере на берег и укрыться в поселке. Затем я соберу сотню человек, мы захватим оружие посерьезнее, вернемся и очистим корабль от дикарей.

Девеш кивнул. До тех пор пока здесь все не образумится, ему лучше переждать в другом месте.

Сомалиец быстро повел маленький отряд к лестнице. Повсюду завывала сирена тревоги. Добравшись до лестницы, боевики начали поспешно спускаться вниз. По пути им попалось четыре трупа их товарищей-пиратов.

Достигнув уровня швартового дока, Девеш остановился.

— Сэр, в чем дело?

— Погоди.

Переполняющая Девеша ярость разрасталась с каждой очередной палубой, мимо которой он проходил. Нет, он не покинет корабль, не нанеся ответный удар. И Девеш знал, что делать. Вернувшись на лестницу, он направился еще дальше вниз.

В трюм. Туда, где находились запертые помещения, превращенные в особый изолятор. Перед тем как покинуть корабль, он усложнит жизнь незваным гостям.

Клин клином вышибают.

В здешних краях людоеды водились не только на острове.

5 часов 22 минуты

Сьюзен стояла на опушке джунглей, устремив взгляд на «Владычицу морей». Над водой разносились отголоски выстрелов, вой сирен тревоги. Штурм был в полном разгаре.

Сьюзен в ужасе прижимала руки к груди.

Окружающие заросли наполнились едва различимыми звуками: шелестом мокрого листа, плеском грязи. Эскорт решил подойти ближе к своей царице, горя желанием ее защитить, но также охваченный любопытством. Дикарям тоже хотелось посмотреть на фейерверк над водами лагуны.

Прямо впереди на песке лежала выдолбленная пирога, готовая быстро переправить Сьюзен на катер Райдера. Если только тот придет за ней.

Сьюзен поймала себя на том, что стиснула пальцы с такой силой, что у нее заболели костяшки. «Пожалуйста, пусть они придут за мной...»

5 часов 23 минуты

Укутавшись в дождевик, Ракао ждал, затаившись. Он наблюдал в инфракрасный бинокль за тем, как его отряд смыкает кольцо вокруг западни.

Ракао уже больше не гадал, куда пропали остальные бежавшие пленники. Несколько минут назад один из его людей

заметил подозрительное движение на верхней палубе круизного лайнера. Ненадолго оторвавшись от наблюдения за главной целью, Ракао отполз в сторону и сосредоточил свое внимание на корабле. И хотя ему не удалось обнаружить никакого движения на верхней палубе, он разглядел над вертолетной площадкой треплющиеся на ветру веревки, которые сперва принял за куски оборвавшейся маскировочной сети.

Но нет, это были спускающиеся сверху тросы.

Ракао мысленно выругался. Он понял, что произошло.

Враг скрытно пробрался на корабль по натянутой над лагуной сети.

Ракао прожил на острове больше десяти лет. Кроваво расправляясь с соперниками, он поднялся на самую вершину пиратского братства, чья история насчитывала уже свыше столетия. Однако одного этого для его честолюбивых устремлений было мало. Ему уже недостаточно было грабить состоятельных пассажиров роскошных круизных лайнеров и продавать пленников на черном рынке рабов. Доктор Патанджали открыл ему дорогу в большой мир, через организацию, уходившую корнями в глубь веков. И в этой организации честолюбие и безжалостность ценились очень высоко.

Поэтому, обнаружив, что его перехитрили, Ракао внутренне вскипел, однако рассудок его оставался холодным. Он понял, что ничего не добьется поспешными опрометчивыми действиями. В подтверждение тому над дверью дома Ракао в поселке на берегу были прибиты гвоздями высушенные языки его предшественников. Своего высокого положения он достиг отнюдь не безрассудством.

Продолжая наблюдать за «Владычицей морей», Ракао приказал радисту отползти ярдов на тридцать, чтобы его не услышали дикари, и связаться с кораблем, предупреждая о надвигающемся штурме. Однако пока он ждал ответа, на лайнере загрохотали выстрелы, после чего завыла сирена тревоги. Предостережение поступило слишком поздно.

Пусть будет так...

Ракао вернулся на свое место. Если внезапное нападение на лайнер закончится неудачей, радист даст об этом знать. В противном случае Ракао знал, куда в конце концов направятся победители.

Главный приз находился здесь.

Ракао не отрывал взгляда от своей добычи, стоявшей на опушке джунглей. Ждать оставалось совсем недолго.

5 часов 33 минуты

Монк сбежал по последнему пролету лестницы. За ним следовала Лиза вместе с двумя учеными из группы ВОЗ — токсикологом-голландцем и бактериологом-американцем.

На нижней площадке в расплывающейся луже крови плавали двое пиратов. Людоед-туземец отступил в сторону, жестом показывая дорогу.

Это был один из воинов из отряда Райдера, который вел их по захваченному кораблю. Им пришлось воспользоваться кружным путем вниз по лестнице, затем по длинному коридору между пассажирскими каютами, по открытой палубе и даже через камбуз. Отрывистыми отголосками партизанской войны продолжали звучать выстрелы.

По крайней мере, хоть сирена наконец умолкла.

Вот только хорошо это или плохо?

Монк первым пересек залитую кровью лестничную площадку и выбежал в правый коридор нижней палубы. Эта палуба находилась на одном уровне с поверхностью воды. Именно здесь был спрятан личный катер Райдера. Монк остановился на мгновение, пытаясь сориентироваться. На этой палубе также расположены швартовый док, киноконцертный зал, детская игровая комната и диско-бар. Катер Райдера надо искать где-то ближе к носу корабля.

— Сюда! — Повернув направо, Монк остановился и развернулся в противоположную сторону.— Нет, сюда!

Небольшой отряд снова устремился вперед. Вдруг Монк увидел впереди какое-то движение — на главной лестнице,

недалеко от выхода к швартовому шлюзу. Он узнал линялую форму армейского образца.

Пираты.

Противники заметили друг друга одновременно. Монк затолкнул Лизу в игровую комнату:

— Ложись!

Бойцы его отряда рассыпались по дверным проемам или укрылись за опорными колоннами. Один из людоедов, получив пулю в голову, отлетел назад. Однако отряд Монка численностью превосходил пиратов. Открыв ураганный огонь, туземцы медленно двинулись вперед. Трое пиратов упали, сраженные наповал. Высокий негр успел отбежать обратно к лестнице, таща за собой щуплого смуглого мужчину в костюме.

Монк во главе отряда людоедов бросился в погоню. Один из туземцев, отбросив дымящийся «калашников», вырвал из руки убитого пирата автоматическую винтовку. Другой дотронулся до щеки трупа. Не из сострадания и не под влиянием эмоций. Просто проверяя степень окоченения.

— Это был Девеш Патанджали,— воскликнула Лиза, догоняя Монка и указывая на лестницу.— Он тут командует отрядом «Гильдии».

Монк бросил взгляд в сторону швартового дока.

— Должно быть, они собирались бежать в поселок пиратов за подкреплением.

При этой мысли он еще быстрее устремился в носовую часть лайнера, гадая, не находится ли подкрепление уже в пути, вызванное по радио.

Коридор впереди повернул, повторяя изгиб борта. Добежав до поворота, Монк увидел открытую дверь, ведущую к личному катеру Райдера. Кажется, они успели.

Однако тут позади послышались пронзительные крики. Монк обернулся.

С главной лестницы в коридор вывалились человек десять, возбужденных, с трудом держащихся на ногах, одетых в ра-

зодранные и грязные больничные пижамы. Тела их были покрыты язвами и струпьями. Окровавленные рты хищно скалились. Даже на расстоянии пятидесяти ярдов Монк разглядел в глазах, залепленных спекшимся гноем, блеск безумия.

— Это больные,— прошептала Лиза, хватая Монка за руку и увлекая его назад.— Они находятся в состоянии кататонического возбуждения. В таком состоянии они могут наброситься на кого угодно. Должно быть, их выпустил на свободу Девеш.

— Сволочь!

Монк поспешно повел свой отряд к открытой двери, за которой находился катер Райдера. Но тут впереди, за дверью снова послышались крики.

Раздался топот бегущих ног.

Монк поднял автомат, но увидел знакомую фигуру. Джесси бежал, держась за наружную переборку, чтобы сохранить равновесие. Когда он увидел Монка и остальных, его лицо просияло от облегчения. За ним спешили семеро людоедов. Последние двое тащили мужчину с кровоточащей рваной раной на шее. Судя по зеленому хирургическому халату, это был один из врачей из группы ВОЗ.

Оба отряда встретились у двери, ведущей к катеру.

— Вы спасли Лизу,— выдохнул молодой студент.

Услышав шум, в дверях появился Райдер в сопровождении своей свиты туземцев. От него пахло соляркой, он вытирал тряпкой перепачканные машинным маслом руки.

— Что тут происходит?

— Ваш катер заправлен горючим? — спросил Монк.

Миллиардер кивнул:

— Крошка готова к полету.

Джесси, неловко обняв Лизу, кивнул двум врачам из группы ВОЗ.

— Здравствуйте, доктор Барнхардт, доктор Миллер.— Он указал на мужчину в зеленом халате.— Этому человеку срочно нужна помощь.

Людоеды осторожно опустили раненого на пол. Из раны на шее неудержимым напором хлестала кровь, темная и густая. Лиза присела рядом с ним на корточки, двое врачей последовали ее примеру. Джесси сорвал с себя рубашку и протянул ее Лизе. Та, скомкав рубашку, прижала ее к ране.

Раненый судорожно дернулся, кашляя кровью. Затем застыл совершенно неподвижно, с открытыми глазами. Лишь его грудь чуть опустилась, обмякнув вместе с пришедшей смертью.

Прижимая скомканную рубашку к ране, Лиза проверила пульс на шее. Она покачала головой. Этому человеку уже ничем нельзя было помочь.

Тем временем Джесси рассказывал о том, что произошло, вытирая лоб и размазывая по нему кровь.

— Мы его спасли. На него набросилась одна из больных. Нам пришлось ее застрелить. Но снизу нахлынули другие. Они уже прошлись по нижним палубам и поднимались вверх. Их сотни.

Словно в подтверждение его слов, послышались новые дикие крики, вперемежку с беспорядочными выстрелами.

— Пора покидать корабль,— заметил Райдер.

Монк повернулся к нему.

— Сколько человек может взять на борт ваш катер?

— Мест шесть... но еще один-два человека втиснуться смогут.

Райдер окинул взглядом собравшихся. Покачав головой, Джесси отступил в сторону.

— Я остаюсь здесь.

Лиза взяла его за локоть.

— Джесси...

— Кто-то должен защитить тех, кто остается на корабле, а среди них есть дети. От пиратов, от этого безумия. Единственная их надежда — туземцы. А туземцы меня знают. Они будут меня слушать.

Доктор Барнхардт шагнул к молодому студенту-медику:

— Я ему помогу. Мы постараемся отгородиться от обезумевших больных. Соберем всех, кого сможем. И будем ждать вашего возвращения.

Доктор Миллер с тоской взглянул на открытую дверь, затем посмотрел на мертвого врача. Он кивнул:

— Это... это наши люди. Наши друзья и коллеги. Мы не можем их бросить.

Лиза по очереди обняла всех троих.

— Хенрик...— с мольбой пробормотала она, прощаясь с голландцем.

Тот подтолкнул ее к открытой двери.

— Возвращайтесь к Сьюзен. Наша жизнь — это второстепенно. Главное — вырвать лекарство из рук «Гильдии».

Кивнув, Лиза повернулась к Монку. Они прошли вслед за Райдером в дверь.

Увидев катер, потрясенный Монк застыл на месте.

— Матерь божья!

5 часов 43 минуты

Девеш спустился к погруженной в полумрак сцене киноконцертного зала. Блестящий алый занавес был опущен. Девеш проследовал за сомалийцем к выходу из зала. После того как маленький отряд попал в засаду у выхода в швартовый док и потерял нескольких человек, Девешу и высокому негру пришлось отказаться от попытки покинуть корабль на катере и спасаться бегством.

Они направились вверх. О том, чтобы спускаться, больше не было речи.

Их подгоняли звучавшие позади безумные крики и вопли. Оказавшись в трюме, Девеш открыл все пять отсеков, выпустив на свободу заключенный в них ужас. Потерявшие рассудок больные пожирали друг друга: сильные охотились за слабыми.

Их было больше двухсот человек, оставленных ради экспериментов.

Девеш хотел выплеснуть это безумие, столкнуть его с продуманной расчетливостью нападавших, задержать их, чтобы вернуться на корабль, но уже с гранатами и пулеметами. И тогда можно было бы перебить всех без разбора и отвоевать захваченный лайнер.

Однако теперь Девеш сам попал в собственную западню.

К счастью, предводитель-сомалиец предложил этот спасительный план. Вместо того чтобы спускаться до швартового дока по одной из главных лестниц, он провел Девеша через вход на верхний ярус киноконцертного зала, занимавшего в высоту три уровня. Затем по проходам между креслами они пробрались к сцене, расположенной на той самой палубе, на которой находился швартовый док.

Дверь рядом со сценой выходила в коридор прямо напротив дока. Короткий бросок — и они помчатся прочь от этого адского побоища.

Опираясь на трость, Девеш преодолел последние несколько ступенек. Шагнув к двери, его провожатый поднял руку:

— Стойте там. Сначала нужно убедиться, что там все чисто.

В другой руке он сжимал большой пистолет. Сомалиец чуть приоткрыл дверь и осмотрел в щелочку коридор, держа пистолет наготове. Выждав мгновение, он раскрыл дверь шире. И, обернувшись, с облегчением доложил:

— В коридоре никого.

Девеш шагнул к нему — и остановился, увидев за плечом высокого спутника какое-то движение. Украшенный перьями дикарь, прятавшийся в нише люка, который вел к швартовому доку, выскочил из укрытия. В руках людоед держал натянутый лук.

Увидев выражение лица Девеша, великан сомалиец обернулся и несколько раз выстрелил не целясь.

Получив три пули в грудь, людоед резко вскрикнул и отлетел назад. Но он уже успел выпустить тетиву. Стрела проткнула сомалийцу горло и окровавленным языком вылезла

на затылке. Пошатнувшись, великан опустился на корточки, продолжая держать дверь под прицелом.

Однако туземец лежал неподвижно, и больше в коридоре никого не было.

Девеш понял, что ему нужно рискнуть. Он подскочил к раненому боевику.

— Помогите,— хрипло простонал тот, морщась от боли.

Не в силах держаться прямо, он оперся на одну руку. Вторая, хоть и дрожа, продолжала упрямо сжимать пистолет.

Девеш ударил ногой сомалийца по левой руке, лишая его опоры. Тот, не ожидавший ничего подобного, упал назад. Наконечник стрелы хрустнул, обломившись о полированный деревянный паркет. Отбросив трость, Девеш коленом придавил плечо раненого к полу. Ему было нужно более эффективное оружие. Он попытался вырвать пистолет из руки сомалийца.

Однако великан упрямо сжимал оружие, оглушенный яростью и болью.

— Отдай!

Девеш надавил коленом на торчащую из горла сомалийца стрелу.

Вдруг оба застыли, услышав громкий треск ломающегося дерева.

У них за спиной распахнулась дверь с противоположной стороны сцены, выбитая мощным ударом ноги. Выхватив пистолет из руки умирающего боевика, Девеш стремительно обернулся. Показалась фигура, ловкая и проворная, облаченная в шуршащий шелк, запятнанный кровью.

— Сурина!

Однако она была не одна.

За ней беспорядочной гурьбой гнались существа, которые когда-то были людьми, опьяненные адреналином и ненасытным голодом. Неудержимым потоком они хлынули в зал. Кто-то поскользнулся на полированном паркете и упал на четвереньки, но снова вскочил, одержимый инстинктом хищника. И все же этой небольшой заминки хватило Сурине для того, чтобы добежать до середины зала.

Девеш с трудом поднялся на ноги, испытав при виде своей спутницы облегчение, смешанное с ужасом.

Он боялся оставаться один.

Подлетев к нему, Сурина на бегу опустила руку. Ее пальцы подхватили брошенную трость, и в одно мгновение сталь освободилась от дерева. Сурина взмахнула клинком.

Девеш указал на открытую дверь:

— Сюда!

Сжимая пистолет обеими руками, он перескочил через сомалийца. Тот застонал, лежа в полубессознательном состоянии в луже крови, растекающейся по темному дереву. По крайней мере, его тело хоть ненадолго задержит обезумевших людоедов.

Приземлившись на пол, Девеш ощутил два резких укуса под коленями обеих ног.

Удивленный, он попытался было сделать шаг, но его ноги почему-то вдруг полностью потеряли способность удерживать вес тела. Девеш со всего размаха повалился на колено, затем больно упал на локоть, выпуская пистолет. Пронизывающая боль разлилась по руке. Краем глаза Девеш увидел, как Сурина присела рядом с ним, сжимая в руке клинок с окровавленным лезвием.

Девеш попробовал встать, однако ноги ему больше не повиновались. Он увидел кровь, сочащуюся из распоротых штанин. Но только когда Сурина проскользнула мимо, Девеш осознал, что произошло. Эта стерва перерезала ему сухожилия на обеих ногах, лишив возможности передвигаться.

Молниеносной тенью скользнув через коридор, Сурина скрылась в полумраке дока.

— Сурина!

Девеш пополз к пистолету, волоча по полу бесполезные ноги.

Но чьи-то сильные руки уже схватили его, привлеченные запахом крови, впиваясь в его плоть. Из темноты зала донесся сдавленный предсмертный крик сомалийца. Девеша пота-

щили назад. Размазывая руками по полу собственную кровь, он тщетно цеплялся пальцами за скользкий паркет, стараясь найти хоть какую-нибудь опору, хоть какое-нибудь спасение.

Однако спасения не было.

5 часов 45 минут

Под отголоски криков и выстрелов Лиза спустилась к Монку, стоявшему внизу лестницы. Она поежилась, ощутив дуновение сырого ветра.

Маленький катер Райдера из сверкающей стали, пахнущий соляркой и машинным маслом, застыл на каком-то странном сооружении, похожем на американские горки. Установленные под углом рельсы были нацелены на открытый люк в борту корабля. За люком виднелись манящие воды лагуны, вспененные крупными каплями проливного дождя.

Однако все внимание напарника Лизы по-прежнему было полностью привлечено к тому, что стояло на рельсах.

— Это не лодка, черт побери,— наконец пробормотал Монк.

— Это летающая лодка, приятель,— подтвердил Райдер.— Наполовину гидроплан, наполовину катер с реактивным двигателем. Но поторопитесь, нельзя терять ни минуты.

Однако потрясенный Монк стоял, разинув рот, не в силах оторвать взгляд от небывалого зрелища. Лиза была поражена не меньше его.

Застыв на направляющих, необычный аппарат напоминал пикирующего ястреба с прижатыми к телу крыльями. Закрытая каплевидная кабина доходила острым углом до самого носа. На корме были установлены на опорах два турбовинтовых двигателя. А сверху на кабине лежали два сложенных крыла, соприкасаясь концами как раз перед высоким хвостовым оперением и винтами.

— Эта лодка построена новозеландской компанией «Гамильтон-джет»,— объяснил Райдер, поглаживая стальной корпус. Он провел пассажиров к открытому люку сбоку.— Я назвал ее «Морской стрелой». При движении по поверхно-

сти моря два двенадцатицилиндровых бензиновых двигателя засасывают воду и выбрасывают ее под давлением из двух сопел на корме. Разогнавшись до полной скорости, достаточно включить гидравлическую систему, которая раскроет сложенные крылья, и лодка поднимется в воздух... а там уже вступят в действие два турбовинтовых двигателя на корме.— Райдер похлопал катер по борту.— И малышка очень резвая. Как на воде, так и в воздухе. Максимальная скорость — триста миль в час.

Райдер протянул руку Лизе, помогая ей подняться по трапу на пусковой стапель. Молодая женщина нырнула в кабину, которая мало чем отличалась от кабины легкого пассажирского самолета «сессна»: два кресла для первого и второго пилотов впереди и еще четыре кресла сзади.

Забравшись следом за ней, Райдер прошел вперед и занял место за штурвалом. Последним сел Монк, закрыв за собой люк.

— Всем пристегнуться! — распорядился Райдер.

Монк устроился рядом с боковым люком, чтобы втащить Сьюзен в кабину, как только катер достигнет побережья. Лиза прошла вперед и уселась рядом с Райдером.

— Держитесь,— бросил ей тот.

Райдер отключил электронную защелку, «Морская стрела» плавно скользнула по наклонным рельсам и мягко шлепнулась в воды лагуны. Катер клюнул носом, и на лобовое стекло кабины полетели брызги. Тотчас же сзади послышалось ворчание проснувшихся двигателей, гортанное, наполненное вибрирующей мощью, которая разлилась по всему корпусу.

Оставляя за кормой пенистый след, «Морская стрела» заскользила к берегу. По стеклу кабины забарабанил частый дождь.

— Что ж, поехали,— пробормотал Райдер, прибавляя газу.

Подтверждая свое название, катер стрелой полетел по взбудораженной ураганом поверхности лагуны. Лизу вжа-

ло в спинку кресла. Сидящий позади Монк одобрительно присвистнул.

Райдер заложил крутой вираж, и катер заскользил по воде боком, словно по льду. «Стрела» обогнула носовую часть круизного лайнера: комар, пролетевший перед мордой кита.

Лиза бросила взгляд на огромный корабль. Со стороны, когда не стали слышны выстрелы и крики, «Владычица морей» казалась умиротворенно-спокойной, освещенная мягким заревом далеких молний.

Однако Лиза знала, что ни о каком спокойствии говорить нельзя. Она отвернулась, не в силах стряхнуть острое чувство вины. Ей было стыдно перед Джесси, перед Хенриком, перед доктором Миллером. И перед всеми остальными. Она по-прежнему чувствовала себя так, словно бежала от борьбы, бросив товарищей ради спасения собственной шкуры.

Но выбора у нее не было.

Развернувшись, Райдер направился к берегу, где была назначена встреча со Сьюзен. Катер устремился к черной массе джунглей, окаймленных узкой полосой песчаного берега.

Лиза мысленно повторила прощальное напутствие Хенрика: «Главное — вырвать лекарство из рук "Гильдии"».

Она смотрела на приближающиеся заросли, на полосу песка, которая становилась все шире.

Неудачи быть не может.

5 часов 50 минут

Ракао следил за тем, как странное судно стремительно обогнуло круизный лайнер и понеслось прямо к тому месту, где он затаился. В инфракрасный бинокль оно казалось раскаленным красным пятном, скользящим по холодной воде.

Ракао подал своим людям знак приготовиться. Те ждали только его первого выстрела, чтобы всей силой обрушиться на врага.

Опустив бинокль, Ракао прижался глазом к окуляру оптического прицела своей винтовки. Он навел ее на главную

цель — на сбежавшую женщину. Та вышла из зарослей и ждала у самой кромки воды, нисколько не таясь.

Гул приближающегося катера нарастал.

Женщина подняла руку. Казалось, кожа ее засветилась в сиянии полной луны. Вот только никакой луны на небе не было.

От этого зрелища у Ракао по спине пробежали холодные мурашки. И все же он взял себя в руки. Ничто не помешает ему выполнить свою задачу. Ответы можно будет получить потом.

Один из туземцев спустился к берегу и столкнул в воду вытащенную на песок пирогу. Затем он кивком пригласил женщину. Та подошла к нему, неуклюже забралась в пирогу и уселась на дне. Встав на корме, туземец нагнулся, готовый везти женщину к приближающемуся катеру. Ждать оставалось совсем немного.

Странное судно плавно развернулось, открывая правый борт, и закачалось метрах в семи от берега. Боковой люк уже был открыт.

Ракао разглядел внутри человека. Отлично. Передвинув винтовку, он прицелился и выстрелил.

5 часов 51 минута

Услышав треск винтовочного выстрела, Монк вздрогнул от неожиданности. У него на глазах туземец, стоявший позади Сьюзен, рухнул в воду. Падая, он весом своего тела подтолкнул пирогу, и та заскользила к катеру. Тотчас же загремели частые беспорядочные выстрелы, озарившие темноту джунглей крохотными вспышками.

Еще один туземец словно споткнулся, грудь и плечо его окрасились кровью. Он шагнул к воде, судорожно протягивая руку к Сьюзен, в надежде, что царица ведьм его спасет. Но раздался очередной выстрел, и его голова дернулась назад, а нижняя половина лица превратилась в кровавое месиво. Туземец повалился на песок.

Это была западня... в которой Сьюзен выполняла роль приманки.

Короткая очередь хлестнула по борту «Морской стрелы», вынудив Монка нырнуть внутрь. Райдер в сердцах выругался. Метнувшись к заднему сиденью, Монк схватил лежавшую там автоматическую винтовку.

Но тут прозвучала короткая команда, и обстрел катера прекратился.

В наступившей тишине Монк осторожно приблизился к люку.

По колено в воде стоял человек со знакомым лицом, покрытым татуировкой. В одной руке Ракао держал клинок, в другой сжимал пистолет «ЗИГ-Зауэр». Дуло пистолета было приставлено к затылку Сьюзен, которая сидела в качающейся на волнах пироге.

Глаза Сьюзен, обращенные к Монку, светились в темноте, наполненные ужасом.

Над водой разнесся голос Ракао, крикнувшего по-английски:

— Заглушите двигатель! Выбросьте все оружие! Затем по одному прыгайте в воду и плывите ко мне.

Монк обернулся:

— Лиза, ты мне нужна здесь. Райдер, не глушите двигатели. Когда я крикну «пошел», давайте полный газ и уноситесь отсюда ко всем чертям.

Повозившись с ремнем, Лиза наконец освободилась.

Схватив винтовку за ложе, Монк высунул ее в люк. Одинокая пуля впилась в борт «Морской стрелы». Ракао раздраженно рявкнул на стрелка. Ни в коем случае нельзя портить имущество. Несомненно, предводитель пиратов с одного взгляда оценил стоимость катера.

Монк медленно выполз из люка. Винтовку он отставил далеко от себя, вторую руку поднял вверх.

Лиза шепотом спросила:

— Что ты задумал?

— Просто будь готова,— ответил Монк.

— К чему?

Но объяснять было бы слишком долго.

Увидев его, Ракао шагнул еще дальше в воду. Дуло его пистолета было всего в каком-то футе от затылка Сьюзен. Нос пироги, направленный прямо на «Морскую стрелу», чуть поднимался над водой, поскольку корма осела вниз под тяжестью веса тела Сьюзен.

— Мы выходим! — крикнул Монк.

В подтверждение своей чистосердечности он картинным движением отшвырнул винтовку влево. Описав в воздухе пируэт, винтовка упала в воду. Как и рассчитывал Монк, взгляд Ракао дернулся, провожая ее: рефлексивная реакция охотника на движение.

В то же самое мгновение Монк прыгнул. Он подскочил высоко вверх, словно собираясь нырнуть в воды лагуны. Однако вместо этого опустился на задранный нос пироги. Под весом его тела нос ушел глубоко под воду. В то же самое время корма пироги катапультой выстрелила вверх.

Сьюзен пролетела у Монка над головой — прямо к «Морской стреле».

Прогремел выстрел, однако корма ударила Ракао по руке, выбив пистолет.

Монк услышал позади плеск упавшей в воду Сьюзен.

Пирога резко вынырнула на поверхность воды, и Монк, не удержавшись на ногах, растянулся на дне лодки. Приподнявшись на локте, он успел увидеть, как Лиза затаскивает Сьюзен в боковой люк. «Отлично сработано, девочка!»

Монк заорал что есть мочи:

— Райдер! Пошел!

Однако «Морская стрела» застыла на месте. Монк приготовился крикнуть еще раз, но тут пирога дернулась.

Ракао, запрыгнув в нее, выпрямился во весь рост. Пирога развернулась, однако он устоял на ногах и, схватив клинок обеими руками, сделал яростный выпад, намереваясь пронзить Монка насквозь.

Тот отреагировал, повинуясь чистому инстинкту. Он попытался отразить смертоносный удар, ухватившись за клинок. Механические пальцы протеза сомкнулись вокруг лезвия.

Ошибка.

По всему телу Монка разлился парализующий заряд электричества. Только сейчас он вспомнил, как Ракао спасал Лизу, расправляясь с подводным чудовищем своим электрическим мечом.

Тело Монка содрогнулось в мучительной агонии. Мышцы судорожно сжались. И все же он услышал загремевшие частые выстрелы, обрушившие на «Морскую стрелу» новый град пуль.

Почему Райдер медлит?

Монк медленно приходил в себя после мощнейшего удара электрическим током. Разряд в несколько киловольт должен был испепелить его на месте. Он остался жив лишь благодаря синтетическому покрытию пальцев протеза, сыгравшему роль изолятора. Однако запах паленой пластмассы становился все сильнее.

5 часов 54 минуты

— Подождите! — крикнула Лиза, перекрывая стук пуль по борту «Морской стрелы».

Она лежала на полу рядом со Сьюзен. Ей был виден Ракао, который навалился всем своим весом на клинок, стараясь вонзить его искрящееся электричеством острие Монку в грудь. Монк отчаянно сопротивлялся. От его протеза вился черный дымок.

Пирога развернулась, оказавшись совсем рядом... по крайней мере, достаточно близко.

— Давайте! — что есть силы крикнула Лиза.

У нее над головой раздался взрывной хлопок. Это гидравлическая система раскрыла крылья «Морской стрелы», выскочившие наружу двумя огромными топорами. Одно крыло ударило Ракао в плечо, и он, не удержавшись в пироге, полетел кувырком в лагуну.

Стрельба на мгновение затихла: неожиданный маневр застиг боевиков врасплох.

В наступившей тишине послышался надрывный крик Лизы:

— Монк! Вверху, над головой!

Оглушенный, Монк все же услышал Лизу.

Ему потребовалось какое-то время, чтобы понять, что она имела в виду. У него над головой что-то было. Крыло «Морской стрелы». Сотрясаемый непрерывной дрожью, Монк подобрал под себя ноги — и прыгнул.

Он не надеялся на силу своей настоящей руки. Дымящиеся пластмассовые пальцы протеза сомкнулись вокруг стойки крыла. Монк подал команду блокировки, намертво фиксируя искусственную кисть.

«Пошли...»

— Пошли! — завопила Лиза.

Все еще лежа на полу, она вцепилась в кресло.

Грудью Лиза ощутила могучую вибрацию корпуса, вызванную набравшими обороты двигателями. «Морская стрела» рванула с места, разворачиваясь кормой к берегу, к боевикам, которые оправились от недолгого потрясения и снова открыли ураганный огонь.

Со щемящей болью в груди Лиза увидела, как шальная пуля ударила Монку в правую ногу.

Из лодыжки брызнула кровь. Лицо Монка исказилось от мучительной боли. Правая ступня вывернулась, застыв в неестественном положении. Судя по всему, пуля попала в большую берцовую кость и раздробила ее.

Слава богу, ему удалось удержаться...

Райдер мчался прочь от берега, торопясь вывести катер из-под огня.

Лизе захотелось расплакаться.

Они спасены!

5 часов 55 минут

Ракао вынырнул, отплевываясь. Сначала кончиками пальцев ног, затем и всеми ступнями он нащупал под собой камни и песок и встал на дно. Вода доходила ему до груди. Услышав рев мотора, Ракао обернулся.

Вражеский катер несся наискосок через лагуну. Под одним крылом болталась человеческая фигура. Взбешенный, Ракао побрел к берегу. Левая его рука горела, соприкасаясь с соленой морской водой. Потрогав плечо, он нащупал острый конец кости, проткнувший кожу,— еще одно последствие удара, опрокинувшего его из пироги.

В правой руке у него по-прежнему был зажат клинок. К счастью, он не выпустил оружие. Возможно, оно ему еще понадобится.

Ракао уже обратил внимание на огненные вспышки под водой: светящиеся существа со всех сторон стремились к нему, привлеченные его кровью. Повернувшись спиной к берегу, он попятился назад, шаг за шагом. Держа оружие наготове. Вероятно, ему самому достанется от электрического разряда, но, по крайней мере, это отгонит хищных моллюсков.

Когда вода стала доходить всего до пояса, Ракао облегченно вздохнул.

Как только он окажется на берегу, можно будет начать охоту за остальными.

В каком бы отдаленном уголке земного шара они ни укрылись, он их разыщет.

Ракао дал себе мысленную клятву.

Над головой с громким треском сверкнула молния, на мгновение озарив черную воду, достаточно яркая, чтобы свет ее проник на глубину. Ракао успел разглядеть сплетение щупалец, окруживших широкой дугой его ноги. Два самых длинных щупальца подмигивали желтоватым сиянием. Голова морского чудовища неподвижно застыла на песчаном дне совсем рядом. Но вот вспышка погасла, превратив прозрачную

толщу воды в черное зеркало, в котором отразился ужас на лице Ракао.

Переключив большим пальцем заряд на максимальную мощность, Ракао нанес колющий удар клинком.

Над водой брызнул сноп голубых искр. Ракао показалось, что его тело попало в стальной капкан, захлопнувшийся где-то в районе поясницы. Он вскрикнул от боли. Однако это продолжалось всего какую-то долю секунды, после чего клинок у него в руке издал громкий хлопок. Выплеснув последний заряд электричества, оружие, и без того нагруженное до предела поединком с американцем, перегорело, окутавшись смрадным дымом.

Поднимая брызги воды, Ракао отпрянул назад. Его сломанная рука пульсировала болью.

Хватило ли мощности разряда?

Ответом стала полоса огня, скользнувшая по бедру. Хитиновые когти глубоко впились в мягкие ткани ноги. Мерзкая тварь потащила отбивающегося Ракао в глубину. Над поверхностью воды показалось огромное рыхлое тело с выпученным глазом.

Ракао пронзил его клинком. Пусть оружие лишилось электрического заряда — но у него осталось острое лезвие. Ракао почувствовал, как клинок глубоко погрузился в тело осьминога. Щупальца, обвившие его ногу, судорожно сжались напоследок, затем обмякли.

Полный угрюмого удовлетворения, Ракао сделал шаг к берегу.

Но вдруг вода вокруг него словно взорвалась вихрем разноцветных огней: голубых, изумрудно-зеленых, но в основном ярко-алых. Хищная стая застыла рядом наготове. В мерцании огоньков Ракао прочитал ярость. Они закружились вокруг него светящимся водоворотом.

Что-то ударило его по ноге. Острые когти впились в щиколотку.

Ракао понял, что это конец. Проклятых тварей было слишком много. Его люди не успеют прийти на помощь.

Бросив взгляд на удаляющийся катер, Ракао отшвырнул клинок и схватился за кобуру под мышкой. Он никогда не расставался с ней. Пистолета в кобуре не было. Только его имитация — для страховки. Повернув Т-образную рукоятку, торчащую из кожаной кобуры, Ракао положил палец на кнопку.

Огромное щупальце обвило его за талию, вгрызаясь в тело острыми когтями.

Но уж если ему не суждено спастись, не спасется никто.

Ракао нажал на кнопку, и в это мгновение из воды многохвостой плеткой взметнулись щупальца. Они со всех сторон налетели на него, разрывая одежду и плоть, сбивая с ног. Ракао скрылся под водой, увлекаемый непреодолимой силой, и почувствовал, как ему отрывают правое ухо.

Однако перед тем, как чудовища утащили его в бездонные глубины, он успел услышать взрывы, раскаты грома, прозвучавшие в вышине, разнесшиеся над водой.

Бум, бум, бум...

5 часов 57 минут

Лиза увидела, как огненные вспышки озарили вершины гор. Сперва она подумала, что это молнии, однако взрывы прогремели синхронно, по самому периметру усеченного конуса кратера.

— Это еще что за чертовщина? — воскликнул Райдер, сидящий за штурвалом.

Огромные куски маскировочной сети, натянутой над островом, огненным дождем полетели вниз.

— Кто-то взрывает сеть! — крикнула Лиза.— Она падает вниз!

Райдер выругался.

Взрывы продолжались. Пламя озарило небеса, стремительно распространяясь по скалистым вершинам. Если катер не успеет достичь выхода из лагуны, упавшая сеть его задушит.

— Мне нужно подняться в воздух! — крикнул Райдер.

Однако сделать это будет непросто.

5 часов 57 минут

Серия последовательных взрывов озарила внешний край острова.

Монк сразу понял все.

Маскировочная сеть...

«Морская стрела» резко рванула вперед, стремясь опередить взрывы. Достигнув скорости отрыва, катер на несколько дюймов поднялся над поверхностью воды.

Однако вес тела Монка нарушил равновесие летающей лодки, накренив ее вбок. Концы ног Монка волочились по воде. Быстро сообразив, в чем дело, Райдер сбросил скорость. Катер ударился об воду, подскочил вверх, затем опустился снова.

По сломанной ноге Монка разлилась боль. Однако он крепко держался за стойку крыла.

Теперь Монк не смог бы разжать руку даже при желании. Соприкосновение с электрическим клинком Ракао выжгло всю электронную начинку протеза. После того как пальцы сомкнулись вокруг стойки, искусственная кисть перестала откликаться на команды мозга. Монк болтался под крылом, словно говяжья туша в лавке мясника.

Он развернулся, наблюдая за цепочкой взрывов, тянувшихся по периметру острова. Вся задняя половина маскировочной сети уже медленно падала, в дополнение к хлещущему дождю проливаясь горящими обломками.

И с каждым взрывом все бóльшая часть неба обрушивалась вниз.

Монк перевел взгляд на выход из лагуны, узкую щель в вулканической породе. «Морской стреле» требовалось достичь ее до того, как взрывы полностью замкнут круг по вершине кратера.

Монк оценил шансы на успех. Они оказались неважными. Катер не успеет покинуть лагуну, особенно с болтающейся под крылом тушей.

— Вы можете убрать крылья? — крикнула Райдеру Лиза.

Быть может, им удастся подтянуть Монка ближе, затащить его в кабину, после чего снова расправить крылья. Причем не снижая скорости.

Однако Райдер разбил эту хрупкую надежду.

— Раскрывшись, крылья фиксируются в этом состоянии! Встроенная мера безопасности!

Лиза все поняла. Было бы очень плохо, если бы крылья убрались в полете. Она бессильно смотрела на висящего под крылом Монка. Тот ухватился за протез здоровой рукой. Что он делает?

И вдруг до нее дошло. Судя по всему, Монк осознал, какую угрозу представляет собой.

— Нет! — что есть силы крикнула Лиза.— Монк, не надо!

Она не знала, услышал ли он ее сквозь грохот взрывов и завывание ветра.

И все же Монк обернулся и посмотрел на нее. Указав на берег, до которого теперь было уже далеко, он что-то крикнул, однако его слова потонули в оглушительных раскатах.

Монк снова принялся возиться с протезом.

«Проклятье... ну почему я не могу просто разжать руку?..»

Его живые пальцы судорожно ковыряли пластмассу. Крышка кнопки ручного отсоединения протеза расплавилась. Ногти Монка царапали вспенившийся пластик.

Наконец крышка открылась. «Слава богу...» Монк просунул палец внутрь.

— Монк! — послышался слабый крик Лизы.

Он указал рукой в сторону берега. Он доплывет, а им придется лететь без него.

В отверстии люка появилась Лиза. Она стояла на коленях, ветер трепал ее волосы. Монк прочел на ее лице отчаяние. Но альтернативы не было.

Нащупав пальцем кнопку, он что есть силы надавил на нее. Протез отсоединился от руки.

Монк полетел вниз, отскочил от поверхности воды, словно брошенный плоский камешек, затем скрылся в глубине. Работая здоровой ногой, он вынырнул; казалось, вторую его ногу в районе лодыжки проткнули насквозь раскаленной кочергой.

С трудом держась на поверхности, Монк проводил взглядом «Морскую стрелу», которая стремительно неслась по лагуне, спеша к расселине в скале, ведущей в открытое море.

Райдер не колебался ни мгновения. Он понял, какую жертву принес Монк.

Когда вверху прогремели последние взрывы, Монк поднял взгляд. Огромная сеть падала на него. Он оглянулся. В противоположном конце лагуны сеть уже накрывала пылающим саваном «Владычицу морей», начав с кормы и продвигаясь к носу.

Через считанные секунды круизный лайнер оказался полностью накрыт сетью, подобный дельфину, запутавшемуся в рыболовецком трале. И сеть продолжала падать, надвигаясь на Монка. У него не было никакой надежды добраться до берега: ближайший находился в пятистах ярдах.

Монк снова перевел взгляд вперед. Там «Морская стрела» оторвалась от воды, взмыла в воздух, несясь к трещине в вулканической породе.

Они успеют.

Эта мысль помогла Монку успокоиться, когда гигантская сеть наконец обрушилась на него, утяжеленная стальными тросами и промокшими насквозь канатами. Она потащила его вниз, вниз, вниз...

Монк попытался пробраться сквозь нее, вынырнуть на поверхность. Но ему мешала перебитая нога. К тому же сеть сложилась сама на себя. Он не мог найти дорогу.

Вдалеке горели огни круизного лайнера.

Монк сожалел только об одном: он не сдержал обещание. Он поклялся Кэт, что возвратится с этого задания живым и невредимым, и поцеловал Пенелопу, давая ту же самую немую клятву.

«Простите меня...» Монк протянул руку вверх, моля о спасении.

Его пальцы нащупали в спутавшейся сети дыру. Культей другой руки Монк как мог расширил дыру и отчаянно заработал обеими ногами, не обращая внимания на боль в правой щиколотке. Извиваясь, он начал выбираться из сети.

Но тут что-то ударило его по раненой ноге, обвилось вокруг щиколотки и с силой дернуло. Кость заскрежетала по кости. Волна боли разлилась по всей ноге и дальше, по спине. Выдохнув остатки воздуха, Монк посмотрел вниз.

Вода расцветилась огоньками, которые стекались к нему со всех сторон.

Мускулистые щупальца обхватили его, обвивая пояс, стискивая грудь. Похожая на резину конечность ударила по лицу, по тем самым губам, которые произнесли слова клятвы, поцеловали ребенка.

Огоньки мерцали вокруг, а Монка утягивало все глубже, глубже, глубже...

Он устремил взор вверх в последний раз.

Когда огни круизного лайнера растаяли и над ним сомкнулся мрак, Монк послал свое сердце двум женщинам, составлявшим смысл его жизни.

Кэт.

И Пенелопе.

Я вас люблю, люблю, люблю...

6 часов 5 минут

На заднем сиденье «Морской стрелы» Лиза, прижав колени к груди, плакала. Сьюзен сидела рядом, обняв ее за плечо. Никто не произнес ни слова.

Борясь с порывами ветра, Райдер вел «Морскую стрелу» над открытым морем. Остров Пусат медленно растворялся позади.

Ураган швырял маленькую лодку словно листок, сорванный осенним ветром. Сопротивляться ему было бесполезно. Гидроплан послушно летел на север, подчиняясь шквалу.

Радио молчало. Шальная пуля разбила приемник.

— Солнце восходит,— пробормотала Сьюзен, выглянув в иллюминатор.

У нее на коленях лежала морская карта, однако она не обращала на нее никакого внимания.

Ее слова словно сломали какую-то преграду. Райдер, сидевший спереди, на мгновение оторвался от штурвала.

— Быть может, ему удалось добраться до берега.

Лиза уселась прямо. Она знала, что Монк погиб, но вытерла слезы. Монк пожертвовал своей жизнью, чтобы дать им возможность спастись. Чтобы у тех, кто остался на борту «Владычицы морей», появилась хоть какая-то надежда на помощь, чтобы мир получил шанс обрести исцеление от смертельной заразы.

И все же Лизе казалось, что жизненные силы оставили ее.

— Солнце...— снова промолвила Сьюзен.

Райдер повернул на восток, огибая вершину горы, возвышающейся на соседнем острове. Вдалеке, у самого горизонта, показались первые признаки окончания ночного урагана. Черные тучи расступились, пропуская солнечные лучи. Над горизонтом выглянул самый краешек восходящего солнца.

Ослепительное сияние ворвалось сквозь лобовое стекло, наполняя кабину.

Лиза повернулась лицом к солнцу, стремясь найти в нем отпущение грехов, купаясь в его ярких лучах, впитывая его в себя, очищаясь от беспросветного мрака в груди.

И ей даже начало казаться, что у нее получается,— до тех пор, пока Сьюзен вдруг не испустила проникнутый ужасом крик.

Вздрогнув, Лиза обернулась. Сьюзен сидела совершенно прямо, уставившись широко раскрытыми глазами на солнце. Однако у нее в глазах горел еще более яркий огонь.

Безотчетный страх.

— Сьюзен?

Та продолжала неотрывно смотреть на солнце. Ее рот беззвучно зашевелился. Лизе пришлось читать по губам.

— Они не должны попасть туда.

— Кто? Куда?

Сьюзен не ответила. Даже не взглянув на карту, она уверенно ткнула в нее пальцем.

Лиза прочитала вслух название:

— Ангкор.

Глава 16

БАЙОН

7 июля, 6 часов 35 минут
Ангкор-Тхом, Камбоджа

Грей вместе с остальными подошел к массивным воротам комплекса Ангкор-Тхом, окруженного высокой стеной. Утреннее солнце, висящее над самым горизонтом, отбрасывало длинные тени на южную дамбу, по которой проходила дорожка. Стрекотали цикады, присоединяясь к хору пробуждающихся лягушек.

В такой ранний час, кроме горстки туристов и пары буддийских монахов в ярко-оранжевых одеяниях, на дамбе никого не было. Протяженностью с целое футбольное поле, она была окаймлена по бокам двумя рядами изваяний: с одной стороны пятьдесят четыре божества, с другой — пятьдесят четыре демона. Они смотрели на ров, теперь практически полностью пересохший, а в древние времена кишащий крокодилами,— он защищал огромный город и находящийся внутри королевский дворец. Но сейчас от глубокого рва, ограниченного земляными насыпями, осталась только заросшая буйной, сочной травой канава, в которой кое-где блестели ленивые лужицы, затянутые изумрудной ряской.

Проходя мимо изваяний демонов, Вигор приблизился к одному из них и положил ладонь ему на голову.

— Бетон,— сказал он.— Оригиналы были в основном разворованы, хотя несколько скульптур хранятся в камбоджийских музеях.

— Будем надеяться, то, что мы ищем, не было похищено,— угрюмо промолвила Сейхан, судя по всему до сих пор не пришедшая в себя после разговора с Насером в микроавтобусе.

Грей упорно держался от нее на расстоянии. Он никак не мог решить, который из агентов «Гильдии» более опасен.

Отряд Насера из сорока человек в камуфляжной форме и черных беретах рассыпался впереди и сзади. Сам Насер держался в ярде позади своих пленников, постоянно с тревогой озираясь по сторонам. Кое-кто из туристов провожал любопытными взглядами такую многочисленную группу, однако большинство не обращало на нее никакого внимания. Здесь главным действующим лицом были величественные развалины.

Дамба вела к стенам из блоков латерита высотой тридцать футов, окружающим территорию площадью четыре квадратных мили, на которой раскинулся древний город. Именно там находилась конечная цель, храм Байон. Развалины города были до сих пор в значительной степени скрыты густыми тропическими зарослями. Огромные пальмы, возвышающиеся над стенами, отбрасывали тень на массивные восьмидесятифутовые ворота. На каменных стенах башни были высечены четыре громадных лица, смотрящих во все четыре стороны света.

Грей всмотрелся в эти лица, разукрашенные пестрым лишайником, покрытые трещинами. Несмотря на раны, нанесенные временем, в их выражении сохранилась какая-то умиротворенность: широкие лбы прикрывали глубоко посаженные глаза, полные губы мягко изгибались, не уступая в загадочности улыбке Моны Лизы.

— «Улыбка Ангкора»,— сказал Вигор, обратив внимание на взгляд Грея.— Это лик Локешвары, бодхисатвы сострадания.

Грей задержал взгляд на огромном каменном изваянии, моля Бога о том, чтобы это сострадание распространилось и на Насера. Затем он взглянул на часы. Осталось двадцать пять минут до следующей часовой отметки, когда Насер отдаст приказ отрезать его матери еще один палец.

Для того чтобы этому помешать, им нужен какой-то прогресс: только так можно задобрить подонка, убедить его не спешить с расправой. Но какой именно?

Дыхание Грея стало учащенным. Его раздирали на части два взаимоисключающих мотива: стремление поспешить вперед и разыскать те материалы, которые остановят Насера, и такая же настоятельная необходимость как можно дольше потянуть время, дать директору Кроу возможность найти его родителей.

Борясь сам с собой, Грей отчаянно пытался сосредоточиться, найти золотую середину.

— Смотрите, слоны! — вдруг воскликнул Ковальски, возбужденно указывая в сторону массивных ворот.

Путаясь в полах длинного плаща, он сделал несколько торопливых шагов вперед.

Грей разглядел за воротами двух белесо-серых индийских слонов, которые стояли, безвольно опустив бивни, с глазами, облепленными мухами. Одному из туристов, обремененному здоровенным профессиональным фотоаппаратом на шее, помогали взобраться на спину гиганта, где было закреплено пестрое седло под названием «худа». Из залитой бетоном старой автомобильной покрышки торчала палка, на которой было закреплено объявление, приглашавшее на самых разных языках: «ПРОГУЛКИ НА СЛОНЕ ПО БАЙОНУ».

— Всего десять долларов,— прочитал вслух Ковальски.

— Полагаю, нам придется отправиться пешком,— разочаровал его Грей.

— Да, прямо через слоновье дерьмо. Скоро, очень скоро вы пожалеете о том, что не потратили эту десятку.

Закатив глаза, Грей махнул рукой, приглашая Ковальски пройти следом за людьми Насера в ворота, за которыми начинался Ангкор-Тхом.

От ворот отходила прямая мощеная дорожка, обсаженная высоким тенистым шелковым хлопчатником, чьи переплетенные корни обвивали каменные блоки. Все вокруг было усеяно упавшими с деревьев стручками с семенами, хрустевшими под ногами.

Впереди за густыми зарослями ничего не было видно.

— Далеко еще? — спросил Насер, приблизившись к ним, но оставаясь в нескольких шагах позади, держа руку в кармане куртки.

Вигор указал вперед:

— Храм Байон находится в джунглях, в миле отсюда.

Сверившись с часами, Насер многозначительно посмотрел на Грея, не скрывая угрозы.

Мимо с грохотом прокатил моторикша — мопед с тарахтящим двухтактным двигателем и тесной кабинкой на двух пассажиров. Двое туристов сделали несколько снимков на цифровые «мыльницы», болтая по-немецки, и скрылись впереди.

Грей ускорил шаг, идя по следу выхлопных газов.

Ковальски уставился на густые заросли пальм и бамбуков, подозрительно наморщив лицо.

Вигор рассказывал на ходу:

— Когда-то здесь, в Ангкор-Тхоме, жило свыше ста тысяч человек.

— Жило где? — насмешливо спросил Ковальски.— На деревьях?

Вигор обвел тропические заросли рукой.

— Большинство зданий, в том числе королевский дворец, были построены из бамбука и дерева, поэтому они сгнили. И со временем их поглотили джунгли. Из камня возводились только храмы. Однако вот на этом самом месте когда-то находился оживленный мегаполис, с рынками, торговавшими рыбой и рисом, с дворами, кишащими свиньями и цыплятами. Строители, составлявшие план города, предусмотрели сеть каналов, снабжавших жителей водой. Здесь даже имелся королевский зоопарк, в котором ставились затейливые представления с участием животных. Жизнь в Ангкор-Тхоме би-

ла ключом. По праздникам небо расцвечивалось красочными фейерверками. Музыканты, числом превышающие воинов, били по тарелкам, колокольчикам и большим барабанам, играли на арфах и лютнях, дули в трубы, сделанные из рогов и ракушек.

— Прямо оркестр какой-то,— проворчал Ковальски, на которого слова прелата не произвели никакого впечатления.

Грей, разглядывая густые заросли, попытался представить себе подобный город.

— Так что же произошло со всеми этими людьми? — спросил Ковальски.

Вигор почесал подбородок.

— Несмотря на то что нам известны некоторые подробности повседневной жизни Ангкора, многое из его истории остается тайной или, по крайней мере, не выходит за рамки предположений. Писали эти люди в священных книгах из пальмовых листьев, называвшихся «састрами». Которые, как и строения, не дошли до нашего времени. Так что прошлое Ангкора восстанавливается по крупицам в основном благодаря изучению барельефов, вырезанных на стенах храмов. Как следствие значительная его часть до сих пор остается загадкой. Так, например, неизвестно, что произошло с жителями города. Их судьба окутана тайной.

Грей шел рядом с прелатом.

— А я полагал, город захватили сиамцы, растоптавшие древнюю кхмерскую цивилизацию.

— Да, однако многие историки и археологи убеждены в том, что вторжение сиамцев явилось лишь вторичным, что кхмерский народ предварительно был чем-то ослаблен. Согласно одной гипотезе, кхмеры стали уделять меньше внимания военному искусству, поскольку в качестве господствующей религии получила распространение более миролюбивая ветвь буддизма. Другая гипотеза гласит, что сложная система орошения и водоснабжения, игравшая жизненно важную роль для королевства, заросла илом и пришла в упадок, осла-

бив город перед лицом захватчиков. В то же время нельзя сбрасывать со счетов неопровержимые свидетельства эпидемий, которые регулярно обрушивались на Ангкор.

Грей мысленно представил себе Город мертвых, описанный Марко Поло. Сейчас они шли по тем же самым полям смерти, которые с тех пор успели зарасти густыми джунглями. Вернувшаяся природа стерла все следы человеческой деятельности.

— Достоверно известно, что Ангкор продолжал существовать и после того, как его посетил Марко Поло,— снова заговорил Вигор.— Имеется блестящее описание региона, сделанное китайским исследователем Чжао Дагуанем, который путешествовал по этим местам через целых сто лет после Марко. Так что лекарство, предложенное Марко и его людям, в конце концов помогло империи выжить, однако источник заболевания оставался, что выливалось в опустошительные эпидемии, которые накатывались волна за волной, ослабляя империю. Ведь даже сиамские завоеватели не стали захватывать Ангкор. Они покинули огромный обезлюдевший город, и его со временем отвоевали обратно джунгли. Напрашивается вопрос: почему? Быть может, до сиамцев дошли жуткие истории? И они сознательно обошли стороной эту местность, считая ее проклятой?

Слушая рассказ прелата, Сейхан подошла ближе.

— Значит, вы хотите сказать, что источник заразы может по-прежнему находиться где-то здесь?

Вигор пожал плечами:

— Ответы ждут нас в Байоне.

Он указал на просвет в лесу.

Впереди в обрамлении джунглей показалась гора из песчаника, устремившаяся ввысь. Утреннее солнце разрисовало ее полосками сверкающих от росы каменных глыб, между которыми лежали пятна глубокой тени. Гору окружали утесы поменьше, теснящиеся к ней, образуя один огромный массив. Вид храма напомнил Грею какое-то сооружение органи-

ческого происхождения, вроде муравейника, словно за многие столетия ливни размыли песчаник в эту покрытую выбоинами, расползающуюся груду.

Но тут на солнце набежала туча, тени сместились, перестав быть такими контрастными. И из бесформенной массы показались огромные каменные лица, загадочно улыбающиеся, словно сфинкс, которые покрывали все поверхности, глядя во все стороны. То, что первоначально казалось нагромождением скал, превратилось в десятки отдельных башенок, которые поднимались несколькими уровнями вокруг главной башни, украшенные громадными изваяниями Локешвары.

— «Озаренная полной луной, огромная гора возвышалась над лесом, изрезанная тысячью демонских ликов»,— прошептал Вигор.

У Грея по спине пробежала холодная дрожь. Он узнал строчку из рассказа Марко Поло. В этом месте Марко писал о том, как его духовника отца Агреера уводили к горе, покрытой изображениями высеченных в камне лиц. Внезапно Грей поймал себя на том, что его ноги сами собой остановились, налитые свинцом ужаса. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы двинуться дальше.

Они дошли по следу Марко Поло сюда... теперь настало время пройти последние несколько шагов, сделанные его духовником. Но куда именно увели отца Агреера?

6 часов 53 минуты

По мере того как внушительная громада храма приближалась, тишина, опустившаяся на маленький отряд, становилась все более гнетущей. Все взгляды были устремлены на величественные развалины впереди, однако Вигор украдкой осмотрел своих спутников. Еще когда их только привезли в Ангкор-Тхом, прелат обратил внимание на необъяснимую напряженность между Греем и Сейхан. Несмотря на то что эти двое никогда не были закадычными друзьями, в их отношениях всегда присутствовала какая-то откровенность. И хотя

их споры нередко бывали весьма бурными, за прошедший день физическое расстояние между ними успело резко сократиться.

Вигор сомневался, что они сами сознавали это.

Однако когда сейчас Грея и Сейхан вывели из микроавтобуса, казалось, в них поменяли полярность, и вместо взаимного притяжения они стали ощущать отталкивание. И теперь они не только старались держаться подальше друг от друга; Вигор обратил внимание на то, какой угрюмый взгляд бросал Грей на Сейхан, когда та поворачивалась к нему спиной. А сама Сейхан снова стала тверже; ее губы вытянулись в тонкую полоску, глаза сжались в точки.

Сейхан стремилась держаться рядом с Вигором, словно она нуждалась в его поддержке, но не решалась просить об этом вслух. Ее взгляд оставался прикованным к развалинам. Теперь, когда они подошли к Байону ближе, стали видны истинные размеры величественного сооружения.

Пятьдесят четыре башни, разместившиеся кругами на трех уровнях уступами. Однако самым поразительным было великое множество вырезанных в камне лиц. Их было свыше двухсот.

Облака набегали на утреннее солнце и снова открывали его, создавая иллюзию того, что все эти лица были живыми, двигались, наблюдая за приближающимися людьми.

— Почему их так много? — наконец пробормотала шедшая рядом с Вигором Сейхан.

Тот понял, что она имеет в виду каменные лица.

— Этого никто не знает,— ответил он.— Кто-то считает, что они отображают осторожность: лица, выглядывающие из глубины сердца, охраняя его внутренние тайны. Также считается, что фундамент Байона был построен на остове еще более древнего сооружения. Археологи обнаружили помещения с наглухо заложенными входами, где скрывались все новые лица, навеки заточенные в темноте.— Прелат махнул рукой.— Кроме того, Байон явился последним храмом, возве-

денным в Ангкоре, ознаменовав собой конец непрерывного строительства, которое продолжалось на протяжении нескольких столетий.

— Так почему же здесь прекратили строить? — спросил Грей, приближаясь к нему.

— Быть может, древние строители обнаружили нечто такое, что отбило у них желание вести дальнейшие раскопки. Возводя Байон, кхмерские зодчие зарывались под землю. Глубоко под землю. Четвертая часть храма расположена под землей.

— Под землей?

Вигор кивнул:

— Большинство храмов Ангкора имеют в основе буддийский символ — мандалу. Ряд вписанных друг в друга квадратов, олицетворяющих физическую Вселенную, окружает круглую башню в середине. Центральная башня символизирует магическую гору Меру, на которой, согласно индуистской мифологии, обитают боги. Легенды гласят, что в нижних уровнях Байона скрыты несметные сокровища, а также жуткие тайны.

К этому времени они дошли до конца дорожки, которая расширилась, превратившись в открытую площадку, вымощенную камнем. Впереди возвышался огромный храм. Со стен смотрели вниз десятки каменных лиц. Были видны карабкающиеся наверх туристы.

Маленький отряд двинулся дальше, миновав выстроившиеся в ряд моторикши. Вдоль дороги продавцы предлагали всевозможные фрукты: манго, тамаринды, джекфруты, китайские финики и даже маленькие арбузы размером с волейбольный мяч. Мелькающие между прилавками худые дети смехом и криками оживляли строгую тишину, опустившуюся на этот город, когда-то наполненный жизнью. В стороне на плетеных циновках сидели, опустив головы, шестеро монахов в оранжевых одеяниях и в клубах дыма курящихся благовоний читали молитвы.

Проходя мимо, Вигор мысленно добавил свою молитву, попросив у Всевышнего силы, мудрости и защиты.

Шедший впереди Ковальски остановился перед прилавком. Сморщенная старуха с идеально круглым лицом стояла, склонившись над железной жаровней, и готовила на завтрак всевозможные блюда. Цыплята и куски говядины, нанизанные на палочки, поджаривались рядом с черепахами и ящерицами. Ковальски потянул носом аппетитные ароматы.

— Это что, краб в мягком панцире? — спросил он, наклоняясь к жаровне.

На вертеле покрывалось румяной корочкой какое-то мясистое членистоногое существо.

Увидев интерес великана, женщина просияла в улыбке и истово затрясла головой, быстро тараторя по-кхмерски.

Шагнув к Ковальски, Сейхан положила ему руку на плечо.

— Это жареный тарантул. В Камбодже считается деликатесом.

Поморщившись от отвращения, великан отпрянул назад.

— Нет уж, спасибо. Я лучше обойдусь омлетом.

Из развалин выскочил менее разборчивый вор — макака. Схватив с прилавка початок кукурузы, она проскочила прямо перед Ковальски. Опешив от неожиданности, великан отшатнулся назад и наткнулся на Грея.

Его рука исчезла под плащом.

Грей остановил Ковальски, с силой стиснув ему локоть. Метнув взгляд на Насера, он сказал:

— Это была лишь обезьяна.

Ковальски стряхнул с себя его руку.

— Да сам вижу. Все дело в том, что я... в общем, я терпеть не могу обезьян.— Сверкнув взглядом, великан устремился вперед.— У меня один раз уже была с ними очень неприятная встреча. Не хочу даже вспоминать об этом.

Покачав головой, Вигор повел всех к восточному входу в Байон. Дорожка представляла собой беспорядочное нагромождение каменных блоков, утыканное огромными финиковыми

пальмами и вездесущим шелковым хлопчатником, чьи переплетенные корни извивались над землей клубком змей. Обходя препятствия, маленький отряд под бдительным взором ликов бодхисатвы прошел на первый уровень храма.

За входом оказался внутренний дворик, окруженный галереями. Стены были покрыты затейливыми барельефами, изображавшими различные сюжеты из повседневной жизни. Вигор посмотрел на ближайшие: рыбак закидывает сети, крестьянин убирает рис, толпа наблюдает за боем петухов, женщина готовит еду на углях. Последнее изображение напомнило Вигору старуху с жареными тарантулами, демонстрируя тесное переплетение далекого прошлого и настоящего.

— Откуда начнем? — спросил Грей.

Огромная территория храма произвела на него удручающее впечатление: десять акров — ну как тут можно что-то найти?

Вигор понял его беспокойство. Даже здесь было уже очевидно, что Байон представлял собой настоящий трехмерный лабиринт наклонных коридоров, квадратных арок, темных галерей, крутых лестниц, освещенных ярким солнцем двориков и похожих на пещеры комнат. Вокруг огромными шпилями и конусами возвышались башенки или «гопуры», украшенные вездесущими каменными лицами.

Потеряться здесь будет очень легко.

Похоже, это почувствовал даже Насер. Он махнул рукой, приказывая части своих людей теснее сомкнуться вокруг Грея и его спутников. Остальных он отправил вперед, занять ключевые позиции во дворе, перекрыть все выходы, организовать внешний периметр обороны.

Вигору показалось, что у него на шее затягивается петля, однако другого пути не было. Он указал вперед.

— Если судить по карте, которую я изучил, следующий уровень также представляет собой квадратный двор, подобный этому. Поэтому, полагаю, нам нужно перейти сразу на третий уровень. Туда, где находится главное святилище. Нам надо будет воспользоваться вот этим путем.

И все же, проходя по первому уровню, Вигор задержался, чтобы рассмотреть впечатляющий барельеф на северной стене, который размерами превышал все остальные, занимая один целую секцию. Ноги как-то сами собой подвели его к огромным каменным плитам, покрытым резьбой.

Барельеф изображал борьбу двух сил — богов и демонов, тех самых, чьи изваяния окаймляли дорогу к воротам Ангкор-Тхома. Они тянули в разные стороны гигантскую змею. В середине между ними змея обвивала гору, расположенную на спине черепахи.

— Что это? — спросил Грей.

— Один из главных индуистских мифов о сотворении мира. Бурлящий молочный океан.— Вигор стал объяснять, указывая на детали: — С этой стороны «девы», или боги... с другой стороны «ашуры», демоны. И те и другие посредством бога-змеи Васуки разворачивают гигантскую волшебную гору. Туда и обратно, туда и обратно. Взбивая космический океан в молочную пену. Именно из этой пены можно получить эликсир бессмертия, который называется «амрита». Черепаха под горой является воплощением бога Вишну, который помогает богам и демонам, поддерживая гору и не давая ей утонуть.— Он указал на центральную башню Байона.— И предположительно это и есть та самая гора. Или, по крайней мере, ее представление здесь, на земле.

Взглянув на башню высотой с пятнадцатиэтажный дом, Грей снова уставился на барельеф. Проведя пальцем по высеченному в камне изображению горы, он нахмурился:

— И чем все это закончилось? Эликсир был приготовлен?

Вигор покачал головой:

— Согласно легенде, возникли непредвиденные осложнения. Змее Васуки от подобного перетягивания стало плохо, и она изрыгнула из себя страшный яд. Яд поразил и богов, и демонов, грозя им смертью. Их спас Вишну, выпив яд сам, однако, лишая его смертоносной силы, он посинел. Вот почему Вишну всегда изображают с синей шеей. И после его вме-

шательства работа продолжилась. В результате из взбитой пены появились не только эликсир бессмертия, но и пляшущие небесные духи под названием «аспара». Так что все кончилось хорошо.

Вигор повел всех вперед, однако Грей остался на месте, не отрывая взгляда от барельефа. У него на лице появилось странное выражение.

К нему шагнул Насер.

— Время истекло,— сказал он, постучав по циферблату часов сотовым телефоном. Его голос был наполнен презрением.— Или тебя посетило новое внезапное озарение?

В этой мрачной шутке сквозил ледяной холод. Насер наслаждался, издеваясь над своим противником. Вигор шагнул было между ними, опасаясь, что Грей не сдержится и нападет на Насера.

Однако Грей спокойно кивнул:

— Посетило.

Насер удивленно прищурился.

Грей положил ладонь на барельеф.

— Изображенная здесь легенда — это не миф о сотворении мира. Это история иудина штамма.

— О чем ты? — вздернул брови Насер.

Тот же самый вопрос возник и у Вигора. Грей объяснил:

— Как ты сам рассказал нам о заражении в Индонезии, болезнь началась с того, что море озарилось свечением бактерий. Стало пенистым и белым. Похожим на кипящее молоко.

Встрепенувшись, Вигор шагнул к барельефу, чтобы взглянуть на него новыми глазами. Он остановился, подбоченившись.

К нему присоединилась Сейхан. Ковальски остался на месте, изучая изображения женщин с обнаженной грудью, чуть ли не прижимаясь носом к камню.

— Затем выплеснулся страшный яд, угрожающий всему живому, хорошему и плохому,— продолжал Грей, указывая на змею.

Сейхан кивнула.

— Подобно токсичным бактериям, извергающим яд и оставляющим после себя одну смерть.

Насер продолжал сомневаться, и Грей нанес заключительный удар:

— Согласно легенде, кому-то удалось остаться в живых и спасти мир. Вишну. Он выпил яд, очистил его от заразы и посинел...

— Как будто начал светиться,— пробормотал Вигор.

— То же самое произошло с оставшимися в живых, про которых написал в своей книге Марко Поло,— добавил Грей.— А также с той больной, про которую ты рассказывал, Насер. Все они стали испускать голубоватое свечение.

Вигор медленно кивнул:

— Все сходится слишком идеально, чтобы это было простым совпадением. А многие древние мифы родились из реальных событий.

Грей повернулся к Насеру.

— Если я прав, вот первое указание на то, что мы находимся на верном пути. И впереди нас ждут новые открытия.

Насер вспыхнул, прищурившись, но затем кивнул:

— Похоже, ты прав, коммандер Пирс. Очень хорошо. Тем самым ты перевел часы еще на час.

Грей промолчал, пытаясь скрыть облегчение.

— Что ж, продолжим,— сказал Насер.

Вигор повел всех к крутой лестнице, уходящей в полумрак. Грей задержался на мгновение, изучая резьбу по камню. Подняв руку, он провел пальцем по выпуклой горе, затем посмотрел на центральную башню.

Вигор встретился с Греем взглядом. От него не укрылось, как тот, отворачиваясь, едва заметно качнул головой.

Неужели ему известно еще что-то?

Вигор поспешил к узкой лестнице. Он успел заметить у Грея на лице еще кое-что.

Страх.

7 часов 32 минуты
Остров Натуна-Бесар

— Они не должны туда попасть...— снова простонала Сьюзен.

Она лежала, распростертая поперек задних кресел «Морской стрелы», теряя сознание и приходя в себя, на грани того, чтобы снова погрузиться в полный кататонический ступор. Сьюзен попыталась сбросить с себя одеяло, которым ее укрыла Лиза.

— Лежите спокойно,— ласково произнесла та.— Попробуйте уснуть. Райдер скоро вернется.

«Морская стрела» покачивалась на волнах, ударяясь о доски причала. Гидроплан совершил посадку в укромной бухте маленького острова, расположенного у северо-западной оконечности Калимантана. Из низких туч продолжал хлестать дождь, однако мрачная ярость урагана осталась позади. Громыхали раскаты грома, но отдаленные, затихающие.

Придавленная свинцовым горем, Лиза уставилась вдаль сквозь лобовое стекло. Естественно, вынужденное ожидание не могло не повлиять на характер ее мыслей. Лиза не переставала винить в гибели Монка себя. Она могла бы сделать больше. Двигаться быстрее. Придумать в самый последний момент какую-нибудь хитрость. А так протез Монка по-прежнему висел на стойке крыла. Райдеру не удалось его отсоединить.

Лиза оглянулась на люк, нетерпеливо ожидая возвращения Райдера. Тот, залив под завязку топливный бак, отправился искать телефон, захватив с собой все наличные деньги, припасенные на чрезвычайный случай.

Однако шансы на успех были призрачными. Соседняя деревушка была погружена в темноту. По ней явно прошелся ураган, сорвав крыши, повалив пальмовые деревья, перевернув вытащенные из моря лодки и засыпав песчаный берег мусором. Электричества на заправочной станции не было. Сунув пухлую пачку денег промокшему насквозь работнику в шлепанцах и шортах по колено, Райдер вынужден был качать

горючее ручным насосом. Затем заправщик увез его на мотоцикле, заверив, что телефон можно будет найти в здании крошечного местного аэропорта.

Тропический остров Натуна-Бесар притягивает туристов изобилием коралловых рифов, идеально подходящих для погружения с аквалангом, и замечательной рыбалкой. Однако ввиду приближающегося тайфуна все люди были срочно эвакуированы с острова, и теперь он казался необитаемым.

Большинство островов, над которыми пролетела «Морская стрела», находились в таком же состоянии.

С воздуха Райдер заметил на Натуна-Бесаре полосу аэродрома.

— Определенно там должен найтись телефон, которым мы сможем воспользоваться,— решительно заявил он.— В крайнем случае мы починим рацию.

Поскольку летающей лодке в любом случае требовалась дозаправка, Райдер совершил посадку в этой укромной бухте. И вот Лиза осталась ждать его возвращения вместе со Сьюзен.

Лиза тревожно пощупала влажный от пота лоб Сьюзен. В полумраке кабины лицо Сьюзен озарялось свечением, казалось исходившим откуда-то из глубины, не из кожи, а из костей под ней. Прикоснувшись ладонью к ее лбу, Лиза ощутила пышущий от него жар.

Однако это была не лихорадка.

Лиза убрала руку. Ощущение ожога не проходило.

Это еще что за чертовщина?

Лиза сполоснула руку водой из-под крана в умывальнике, затем вытерла ее о полотенце. Жжение немного утихло.

Потирая палец, Лиза внимательно посмотрела на светящуюся кожу Сьюзен. Это было что-то новое. Вероятно, сине-зеленые водоросли вырабатывали какое-то едкое химическое вещество. И хотя это вещество вызвало ожог на коже у Лизы, на саму Сьюзен оно, похоже, не оказало никакого действия.

Что происходит?

Словно прочитав ее мысли, Сьюзен с трудом высунула руку из-под одеяла и протянула ее в сторону рассеянного солнечного света, проникающего в открытый люк. Сияние ее плоти померкло в более ярком свете.

Теплое прикосновение, казалось, успокоило Сьюзен. Она протяжно вздохнула.

Солнечный свет.

Возможно ли такое?

Охваченная любопытством, Лиза взяла руку Сьюзен и провела кончиком пальца по залитой солнцем коже. Она тотчас же отдернула руку и принялась дуть на палец. Казалось, она прикоснулась к горячему утюгу. Лиза снова сунула руку под воду. На кончике пальца появился волдырь от ожога.

— Все дело в солнечном свете,— произнесла Лиза вслух.

Она вспомнила возбуждение Сьюзен, когда та впервые увидела восходящее солнце. Лиза также вспомнила одну из главных особенностей сине-зеленых водорослей. Эти микроорганизмы, предшественники всех современных растений, обладают зачаточными хлоропластами, крошечными заводами по преобразованию солнечного света в энергию. И вот, судя по всему, с восходом солнца сине-зеленые водоросли возбудились, наполняясь какой-то странной энергией.

Но с какой целью?

Лиза увидела лежащую на полу карту. Ей вспомнилась предыдущая вспышка Сьюзен, когда та ткнула пальцем в какую-то точку на карте.

— Ангкор,— пробормотала Лиза.

Тогда она попыталась убедить себя в том, что это лишь случайное совпадение. Однако теперь она была уже не так уверена в этом. Лиза вспомнила разговор, который случайно подслушала, когда лежала привязанная к хирургическому столу. Девеш говорил с кем-то по телефону по-арабски. Ей удалось разобрать одно-единственное слово.

Название.

Ангкор.

А что, если это не совпадение?

И что в таком случае известно Сьюзен?

Лиза подозревала, что есть только один способ это выяснить. Повернувшись к Сьюзен, она обхватила ее за плечи, укутанные одеялом. Приподняв Сьюзен, Лиза подставила ее лучам солнечного света, проникающим в лобовое стекло.

Как только яркий свет упал Сьюзен на лицо, та вздрогнула. Ее веки задрожали, поднимаясь, черные зрачки развернулись к источнику освещения. Однако вместо того чтобы сжаться в точки, они, наоборот, расширились, впитывая как можно больше света.

Лиза вспомнила вторжение микроорганизмов в сетчатку глаз Сьюзен. Сине-зеленые водоросли сосредоточились вокруг зрительного нерва, проводника, связывающего глаз напрямую с головным мозгом.

Сьюзен у нее в руках напряглась. Ее голова качнулась вбок — затем выпрямилась.

— Лиза...— с трудом ворочая языком, прошептала она.

— Я здесь.

— Мне нужно... я должна обязательно попасть туда... пока еще не поздно.

— Куда?

Но Лиза уже знала ответ.

Ангкор.

— Времени больше нет,— пробормотала Сьюзен, поворачиваясь к Лизе.

Ее охватила дрожь. Ей было страшно. И она боялась не только грядущих опасностей. Лиза прочла это по ее глазам. Сьюзен была до смерти напугана переменами, происходящими с ее собственным телом. Она сознавала правду, но ничего не могла с этим поделать.

Лиза опустила Сьюзен, убирая ее из полосы солнечного света. Голос Сьюзен тотчас же стал спокойнее и сильнее. Она схватила Лизу за запястье. Теперь, когда прямой солнечный

свет на нее уже больше не падал, ее прикосновение обожгло, но рука уже не была огненно-раскаленной.

— Я... я не исцеление,— продолжала Сьюзен.— Я знаю, что вы все обо мне думаете. Но я не исцеление... пока что еще не исцеление.

Лиза нахмурилась.

— Что вы хотите сказать?

— Я должна попасть туда. Я чувствую это своим нутром — меня тянет туда. Это какая-то потребность. Погребенное воспоминание, за которое никак не удается ухватиться. Я знаю, что я права. Но только не могу это объяснить.

Лиза вспомнила научный спор на борту круизного лайнера. О бесполезных ДНК, о том, что в человеческих генах, в коллективной генетической памяти нашего вида содержатся последовательности древних вирусов. А что, если бактерии пробудили что-то в сознании Сьюзен?

Лиза проследила за тем, как Сьюзен отдернула руку от пятна солнечного света и закрыла лицо уголком одеяла. Быть может, ей тоже известна правда?

Сьюзен укуталась в одеяло, прячась от света. Ее голос стал тише.

— Я не готова...— Одной рукой она продолжала сжимать запястье Лизы.— Отвезите меня туда... каким угодно способом.— Бессильно упав в кресло, Сьюзен отвернулась.— Или весь мир погибнет.

Вдруг Лиза испуганно вздрогнула, услышав громкий стук. В иллюминаторе показалось перепачканное лицо Райдера. Бросившись к люку, Лиза открыла запор. Райдер забрался в кабину, промокший насквозь, но с широкой улыбкой на лице.

— Я достал спутниковый телефон! Аккумулятор заряжен лишь на четверть, и за эту проклятую штуковину мне пришлось заплатить столько, что этих денег хватило бы на маленький домик на берегу Сиднейской бухты.

Лиза приняла у него большой аппарат. Райдер занял место за штурвалом, Лиза устроилась рядом с ним. Даже промок-

ший до нитки, миллиардер выглядел так, словно вернулся с грандиозной пирушки. Его взгляд горел восторженным возбуждением. Однако Лиза также обратила внимание на жесткие складки в уголках его губ, на проступающую сквозь внешнее веселье серьезность. Хоть Райдер и наслаждался выпавшими на его долю сумасшедшими приключениями, успеха в жизни он добился благодаря своему стальному каркасу практичности.

— Спутниковый сигнал будет сильнее вдали от скал,— сказал миллиардер, запуская водометные двигатели.

С мягким ворчанием катер отошел подальше от высоких каменных глыб на берегу острова.

Лиза тем временем передала ему слова Сьюзен: «Но я не исцеление... пока что еще не исцеление». Они быстро пришли к единому мнению. Достав карту, Райдер развернул ее на штурвале.

— До Ангкора отсюда четыреста пятьдесят миль строго на север. Эта малышка сможет долететь туда за полтора часа.

Лиза развернула спутниковый телефон, ловя максимальный сигнал.

Ей оставалось убедить еще одного человека.

20 часов 44 минуты
Вашингтон

— Лиза? — заорал Пейнтер в закрепленный у рта микрофон. Сигнал был слабый, однако директор «Сигмы» кричал громко не из-за плохой связи. Пейнтер дал волю выплеснувшейся через край радости и облегчению. Он стоял за своим письменным столом, распрямив плечи.— У тебя все в порядке?

— Да... пока все хорошо. Пейнтер, у меня очень мало времени. Аккумулятор у телефона совсем слабый.

Услышав в голосе Лизы тревогу, Пейнтер подавил переполняющую его радость и перешел на серьезный тон:

— Выкладывай.

Лиза быстро рассказала о случившемся. Она говорила сжато, излагая одни только факты, словно ставила окончательный диагноз больному. И все же Пейнтер уловил в ее голосе дрожь. Ему захотелось самому скользнуть по телефонной линии и обнять Лизу, прижать ее к себе, прогоняя страхи.

Слушая ее рассказ про заболевание, про сумасшествие, про людоедство, Пейнтер опустился в кресло. Его плечи поникли. Он задал несколько вопросов, уточняя кое-какие подробности. Лиза назвала ему координаты острова. Пусат. Пейнтер молча протянул листок своему помощнику, чтобы тот срочно переправил эти данные по факсу его начальнику Шону Макнайту. Отряд австралийских коммандос из бригады по борьбе с терроризмом и освобождению заложников, размещенный в Дарвине, ждал только, когда ему назовут цель, готовый провести спасательную операцию. Самолеты поднимутся в воздух еще до того, как директор Кроу закончит говорить по телефону.

Однако опасность была гораздо серьезнее, чем один-единственный захваченный круизный лайнер.

— Иудин штамм? — спросила Лиза.— Уже были отмечены случаи новых заболеваний?

На это у Пейнтера были только плохие новости. Уже поступили сообщения о заболевших в Перте, Лондоне, Бомбее. Несомненно, этим дело не ограничится.

— Нам нужна эта женщина,— закончил Пейнтер.— Дженнингс из научно-исследовательского отдела уверен, что выжившая больная является ключом к созданию вакцины.

Лиза придерживалась того же мнения.

— Да, Сьюзен — ключ, однако она не является лекарством... пока что не является.

— Что ты хочешь сказать?

Пейнтер услышал ее вздох, донесшийся с противоположного конца земного шара.

— Нам кое-чего недостает. И это связано с одним местом в Камбодже.

Пейнтер снова выпрямился.

— Ты имеешь в виду Ангкор?

Последовала долгая пауза.

— Да.— Пейнтер уловил в голосе Лизы удивление.— Откуда ты...

Пейнтер рассказал ей про исторический след, раскопанный «Гильдией», и про то, куда он завел.

— И Грей уже там? — Внезапно голос Лизы наполнился возбуждением. Пейнтер услышал, как она пробормотала, словно повторяя чьи-то чужие слова: — «Они не должны попасть туда».— Затем ее голос стал тверже.— Пейнтер, есть какой-нибудь способ остановить Грея?

— А в чем дело?

— Не знаю.— Голос Лизы стал пропадать и появляться снова. Аккумулятор спутникового телефона был на пределе.— Бактерии как-то влияют на головной мозг Сьюзен. Заряжают его какой-то энергией, получаемой из солнечного света. Она испытывает непреодолимое желание попасть в Ангкор.

Пейнтер сразу понял, о чем идет речь.

— Как те крабы.

— Что?

Пейнтер рассказал про сухопутных крабов с острова Рождества. Прежде чем ответить, Лиза помолчала, очевидно обдумывая услышанное.

— Должно быть, заражение оказало на Сьюзен такое же действие. Стало химическим импульсом, побуждающим к миграции.

— Если это так, возможно, Сьюзен ошибается, полагая, что ей необходимо попасть в Ангкор. Не исключено, что эта дорога ведет в тупик. И тебе незачем рисковать, отправляясь туда самой. По крайней мере, до тех пор, пока все не уляжется. Пусть Грей ведет игру один.

Его слова не убедили Лизу.

— На мой взгляд, ты прав, говоря о биологическом импульсе, лежащем в основе всего этого. И действительно, у низших

существ, таких как крабы, речь, скорее всего, идет не более чем о слепом инстинкте. Крабы, как и все членистоногие, обладают лишь зачаточным...

Вдруг она умолкла. Пейнтер испугался, что связь исчезла окончательно. Однако Лиза изредка поступала вот так же, озаренная внезапной догадкой. Просто отключалась, полностью сосредоточиваясь на том, чтобы развить новую мысль.

— Лиза?

Она ответила не сразу.

— Скорее всего, Сьюзен права,— пробормотала Лиза и затем добавила громче и тверже: — Я должна попасть в Ангкор.

Пейнтер торопливо заговорил, понимая, что связь может пропасть в любую минуту. Услышав в голосе Лизы решимость, он испугался, что у него не хватит времени ее переубедить. Раз уж она отправляется в Ангкор, так уж пусть хотя бы куда-нибудь подальше от опасностей.

— В таком случае совершите посадку в большом озере рядом с развалинами,— сказал Пейнтер.— Это озеро Тонле-Сап. Там есть плавучая деревня. Найди телефон, снова свяжись со мной и оставайся там. Я мобилизую в этом районе наши силы.

Ответ Лизы он разобрал с трудом — кажется, она сказала, что постарается сделать все возможное. Пейнтер предпринял последнюю попытку:

— Лиза, к какому выводу ты пришла?

Ее голос появлялся и пропадал.

— Точно не знаю... печеночный сосальщик... вирус должен...

На этом связь окончательно оборвалась. Пейнтер еще несколько раз окликнул Лизу, но она больше не отвечала.

Услышав стук в дверь, он поднял взгляд. В кабинет ворвалась Кэт. Ее глаза сверкали, щеки горели.

— Я все слышала! Насчет доктора Каммингс! Это правда?

Пейнтер посмотрел Кэт в лицо. Он прочитал вопрос в ее глазах, в движениях — страстное желание узнать правду. Ли-

за ему все сказала. Первым делом. Она говорила торопливо, спеша избавиться от этой ноши. Пейнтер сразу же запер трагическое известие в глухой уголок памяти.

Однако сейчас, когда он увидел Кэт, полную надежды, любви, правда оглушила его.

Встав, Пейнтер обошел вокруг стола.

Кэт все прочла по его лицу. Она попятилась назад, словно пытаясь укрыться от того, что ей предстояло услышать.

— Нет... нет...— Кэт ухватилась за подлокотник кресла, ища опоры, но все равно не смогла удержаться на ногах. Она рухнула на одно колено, потом на другое и закрыла лицо руками.— Нет...

Пейнтер опустился на колени рядом с ней.

Он не мог предложить Кэт никаких слов — только свои объятия.

Но этого было недостаточно.

Пейнтер прижал молодую женщину к груди, гадая, скольким еще предстоит умереть, прежде чем все это будет закончено.

20 часов 55 минут

Прятаться больше было негде.

Гарриет ждала мужа на лестнице, ведущей на последний этаж. Она стояла на лестничной площадке. Джек спустился вниз, оставляя ложный след, чтобы обмануть ищеек. Гарриет разорвала на полоски рубашку мужа и помогла спрятать клочки на двух предыдущих этажах: подсовывая их под двери запертых кабинетов, бросая в кучи мусора, развешивая их под потолком в запутанном лабиринте помещений. Они с Джеком делали все возможное, чтобы сбить с толку преследователей.

Джек охотился всю свою жизнь. На оленей, фазанов, куропаток, уток. До того как ему ампутировали ногу выше колена, изуродованную в результате несчастного случая, он содержал охотничьих собак. И он в них разбирался.

К тому же у него оставалось три патрона в пистолете, отнятом у одного из боевиков. Гарриет не теряла надежды. Но снизу все отчетливее доносился лай собак. Аннишен тщательно обыскивала этаж за этажом. Она знала, что беглецы здесь, и время от времени с издевкой окликала их.

Все выходы были надежно перекрыты. Даже пожарные лестницы. Поблизости не было ни одного здания, куда можно было бы перебраться. И вообще весь квартал выглядел пустынным. Ни одного огонька — только где-то вдалеке. Никто не услышит призывов о помощи. Гарриет и Джек тщетно пытались воспользоваться запыленными телефонами на стене, но они все были отключены.

Подобно тем отчаявшимся, кто спасается от пожара в высотном здании, они могли бежать только вверх. И вот остался один последний этаж. Он и еще крыша.

Услышав шорох, Гарриет обернулась. В полумраке появился ее муж, в одних трусах, с пистолетом в руке. Хромая, он приблизился к ней.

— Что ты здесь делаешь? — суровым тоном прошептал Джек. Его лицо блестело от пота. Гарриет поняла, что на самом деле за гневным голосом скрывается страх за нее.— Я же велел тебе подниматься наверх.

— Без тебя я никуда не пойду.

Вздохнув, он приобнял ее за плечо.

— Тогда идем.

Они стали подниматься на последний этаж по узкой черной лестнице. Внизу лестница давным-давно была перегорожена большим мусорным ящиком, отрезавшим нижние этажи.

По крайней мере, какое-то время им можно будет ничего не бояться.

Это тщеславное заблуждение разорвало глухое рычание. На лестничной площадке снизу, за мусорным ящиком послышался шум.

Беглецы застыли.

— Что ты там унюхала, девочка моя? — рявкнул голос.

На лестнице загремели шаги. Луч фонарика метнулся вверх. Гарриет и Джек прижались к стене. Рычание стало громче.

— Ну-ка, иди сюда. Давай, протискивайся в эту щель!

Джек слегка подтолкнул жену. Они осторожно двинулись дальше.

Доносившееся снизу рычание перешло в громкое шмыгание носом, сопровождаемое яростным скрежетом когтей по каменным плитам.

— Давай, вперед,— продолжал голос.— Выкуривай их, а я обойду вокруг.

Послышались удаляющиеся шаги. Судя по всему, боевик пошел искать обходной путь наверх. Затрещала рация: он пробормотал несколько слов, докладывая ситуацию.

Всех собак направили наверх.

Гарриет и Джек уже почти добежали до двери, ведущей на следующую площадку, но тут позади послышался громкий лай, наполненный злобным торжеством. Раздались тяжелые шаги.

— Беги, Гарриет,— приказал Джек.

Она поднялась на следующую площадку. Впереди в ярде была дверь на последний этаж, закрытая. Спешивший следом Джек оступился в темноте и упал, провалившись вниз на две ступеньки. Выпавший у него из руки пистолет отлетел Гарриет под ноги. Та быстро подняла его и выпрямилась. И тотчас же увидела лучи света, проникающие в крошечное окошко под потолком.

В темноте верхнего этажа кто-то светил фонариками.

Послышался голос Аннишен:

— Обыскиваем этот этаж и начинаем спускаться вниз. Зажмем ублюдков в клещи.

Гарриет обернулась. Джек неуклюже ковылял к ней. Вдруг у него за спиной появилась черная тень, выскочившая на последний пролет и устремившаяся вверх. Раздалось глухое рычание.

Гарриет подняла пистолет. Но если она выстрелит, Аннишен это услышит. Преследователи поймут, где они скрываются, и нагрянут сюда через считанные секунды.

Она колебалась слишком долго.

Свирепо рыча, огромная собака набросилась на Джека.

7 часов 58 минут
Ангкор-Тхом

Грей обошел вокруг центрального алтаря. Сейхан держалась в шаге в стороне.

Им потребовалось почти двадцать минут, чтобы вернуться назад и разыскать путь наверх, к центральному святилищу третьего уровня Байона. Раскинувшийся на площади десять акров комплекс представлял собой самый настоящий лабиринт погруженных в темноту галерей, перемежающихся с залитыми ярким солнечным светом открытыми двориками, крутых подъемов и обрывистых спусков. Исследователи задевали головой за низкие потолки; по многим коридорам приходилось протискиваться по одному, развернувшись боком, и некоторые из них оказывались тупиками.

Когда они добрались до небольшого внутреннего святилища, все вспотели и покрылись толстым слоем пыли. Стало заметно теплее, и в воздухе висела тяжелая влажность. Но вот наконец исследователи добрались до цели.

— Здесь ничего нет,— угрюмо заметил Насер.

Сейхан узнала этот тон, прочитала угрозу в позе своего бывшего соратника. Она сомневалась, что Насеру хватит терпения хотя бы до полудня. Если в ближайший час не удастся добиться существенных результатов, он положит всему конец. Отдаст приказ расправиться с родителями Грея. Перебьет всех, кто находится здесь. И двинется дальше.

Практичность у него всегда стояла на первом месте.

Никакого воображения.

Поэтому как любовник он был неинтересен.

Грей в третий раз обошел вокруг алтаря. Покрытый пылью и грязью, он осунулся. Черные волосы прилипли ко лбу,

торча мокрыми космами. На шее темнела спекшаяся кровь — еще в гостинице один из людей Насера ударил его рукояткой пистолета по затылку.

И Грей упорно не желал смотреть на Сейхан.

Это ее злило, в основном потому что ей было больно, а это выводило ее из себя еще больше. Сейхан тщетно призывала назад то состояние холодного равнодушия, в котором когда-то беззаботно жила, которое позволяло ей ради достижения своих целей спать с Насером, как ее и учили поступать.

Настроившись на практический лад, Сейхан перенесла свое внимание на охранников, пытаясь придумать какой-нибудь выход. Среди боевиков, в основном из местных жителей, было немало бывших солдат красных кхмеров, завербованных «Гильдией» после свержения кровавого диктатора Пол Пота. Они будут драться отчаянно. Боевики охраняли все четыре выхода из помещения, направленные в четыре стороны света. Другие рассредоточились на улице среди развалин, не пуская любопытных туристов.

— Согласно тому, что я читал об этом месте, когда-то здесь стояла огромная статуя Будды,— объявил прелат, начиная расхаживать вместе с Греем вокруг алтаря. Вигор указал на две прямоугольные каменные плиты, уложенные уступом одна на другую.— Однако когда на смену буддизму пришел индуизм, изваяние свергли с постамента и сбросили вниз в тот глубокий колодец, мимо которого мы проходили, поднимаясь сюда.

Единственным украшением каменного помещения были еще четыре погруженных в тень лица бодхисатвы Локешвары. Но только эти смотрели внутрь, в сторону алтаря и пропавшего Будды. Прислонившись к одному лицу, Ковальски поднял взгляд выше.

Огромная центральная башня Байона уходила над алтарем на высоту сорок метров. Посреди нее дымоходом печной трубы к самому небу поднимался тесный проем, квадратный в сечении. Именно он был единственным источником света.

— Это то самое место,— наконец объявил Грей, останавливаясь.— Отсюда должен быть путь вниз.

— Вниз куда? — поинтересовался Насер.

Грей указал на прелата:

— Монсиньор Вигор говорил о том, что фундамент этой башни уходит под землю. Глубоко под землю. Нам нужно найти дорогу в эти нижние помещения. И я готов поспорить, что поиски надо начинать под алтарем.

Вигор шагнул к нему.

— Почему ты думаешь, что это так важно?

Грей смахнул влажную прядь со лба, взвешивая, какую часть информации можно открыть. Насер правильно понял его колебание.

— Очередной час уже прошел.— Он постучал пальцем по циферблату часов.— Тик-так, коммандер Пирс.

Грей вздохнул:

— Тот барельеф, который мы видели. На котором боги и демоны взбивают молоко. Каждый его элемент имеет важное значение. Змея, бурлящее море, яд, угроза всему миру, светящийся избавитель. Но остался один странный необъяснимый момент, который никак не вяжется со всем остальным.

— И какой же? — спросил Насер.

Сейхан почувствовала, что Грею больно говорить. Каждое слово давалось ему с трудом.

— Черепаха,— поморщившись, наконец признался он.

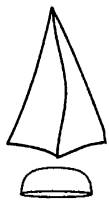
Вигор задумчиво почесал подбородок.

— Черепаха на барельефе изображает бога Вишну, в одном из его воплощений. Приняв образ черепахи, он поддерживал гору Меру, которую раскручивали в одну и другую сторону.

Грей кивнул:

— На барельефе черепаха изображена под горой. Но почему именно черепаха?

Склонившись над пыльным алтарем, он пальцем нарисовал грубый треугольник, изображающий гору, и куполообразный панцирь под ним.



Грей постучал пальцем по панцирю:

— Что это вам напоминает?

Вигор подался вперед:

— Пещеру, погребенную под основанием горы.

Грей уставился на вертикальный столб света.

— Ну а эта башня олицетворяет гору.

К ним подошла Сейхан.

— Ты полагаешь, под башней скрыта пещера. Ниже углубленного в землю фундамента.

Грей мельком бросил на нее взгляд и тотчас же отвернулся.

— Единственный способ это выяснить — спуститься вниз до самого фундамента,— ответил он.— И постараться разыскать вход в пещеру.

Насер нахмурился:

— Но что в этой пещере такого важного?

— Возможно, именно там находится источник иудина штамма,— сказал Вигор.— Быть может, древние строители, возводя храм, случайно проникли в пещеру и выпустили на свободу то, что в ней скрывалось.

Грей устало вздохнул.

— Многие болезни пришли в мир после того, как человек проник в области, бывшие до этого незаселенными. Желтая лихорадка, малярия, сонная болезнь. Даже СПИД появился тогда, когда через отдаленный район Африки была проложена магистраль, открывшая дорогу в большой мир вирусу, который до этого встречался только у одного вида обезьян. Так что, может быть, когда кхмеры заселили и освоили этот регион, на свободу вырвалась какая-то зараза.

Грей потер шею, не отрывая пристального взгляда от Насера.

Слишком пристального взгляда.

Сейхан почувствовала, что Грей по-прежнему чего-то недоговаривает. Она еще раз взглянула на упрощенный рисунок на пыльной поверхности алтаря. Гора и панцирь обозначают башню и пещеру. И что остается? Внезапно она все поняла.

Сама черепаха.

Ну разумеется...

Должно быть, Грей почувствовал на себе внимание Сейхан. Он повернулся к ней, вроде бы небрежно, однако его взгляд придавил ее своей тяжестью. Грей понял: она догадалась о том, что он оставил невысказанным. И мысленно приказал ей молчать.

Отступив назад, Сейхан скрестила руки на груди. Грей еще мгновение смотрел на нее, затем отвел взгляд.

Сейхан ощутила определенное удовлетворение, чего даже не ожидала.

Шумно втянув носом воздух, Насер кивнул:

— Нам нужно отыскать дорогу вниз.

Грей нахмурился:

— Я надеялся, что мы найдем какие-нибудь указания на тайный проход.

— Неважно,— заметил Насер.— Мы взорвем все к черту и проложим новый путь.

— Не думаю, что это будет разумно,— возразил Вигор, приходя в ужас.— Если там действительно находится источник иудина штамма, тем самым мы высвободим смертельную заразу.

На Насера это предостережение не оказало никакого действия.

— Вот почему я первыми отправлю вниз вас.

«Как канареек в угольную шахту»*.

---

* Шахтеры в прошлом брали с собой в угольные шахты клетку с канарейкой; и пока слышалось пение птицы, можно было работать спокойно: в шахте нет метана.

Сейхан снова встретилась взглядом с Греем. Тот не стал возражать. Подобно Сейхан, он знал, что там скрывается не только источник иудина штамма, но и нечто большее.

Пусть панцирь черепахи изображает пещеру, но сама черепаха изображает бога Вишну — из этого следует, что под храмом Байон находится не просто пещера. Возможно, там, внизу, скрывается что-то еще.

Грей шагнул к Насеру.

— Продемонстрировал ли я в достаточной степени готовность к сотрудничеству, чтобы выкупить для своей матери этот час? — натянутым тоном спросил он.

Насер с безразличным видом пожал плечами. Достав сотовый телефон, он шагнул в пятно света, ища, где сигнал будет наиболее сильным.

— В таком случае мне надо поторопиться,— усмехнулся Насер, раскрывая телефон.— Час уже прошел. А Аннишен у нас очень нетерпеливая. Мало ли что ей придет в голову.

21 час 20 минут
Вашингтон

Гарриет застыла на лестничной площадке.

Разъяренная собака набросилась на Джека, растянувшегося на ступенях. Определить породу в полумраке было невозможно; Гарриет разглядела лишь то, что собака была большой и мускулистой. Питбуль. Ротвейлер. Перекатившись на спину, Джек попытался лягнуться ногой, однако собака, обученная нападать, оказалась проворнее. С глухим рычанием она глубоко вонзила зубы в щиколотку.

Согнув вторую ногу, Джек что есть силы выбросил ее вперед, попав каблуком собаке прямо в грудь. Та отлетела вниз по лестнице и тяжело ударилась в стену, сжимая в челюсти протез. Джек успел освободиться от него, расстегнув ремни.

Гарриет помогла мужу подняться на площадку.

Собака пришла в себя и поднялась на лапы. Она упрямо не выпускала протез, испускающий сильный запах Джека.

Разъяренная, сбитая с толку, собака мотала головой из стороны в сторону, пуская слюну, и трясла добычей.

Гарриет затащила Джека на следующий лестничный пролет, мимо закрытой двери на площадку. Она взглянула в маленькое окошко. В коридоре последнего этажа мелькали лучи фонарей. Значит, оставался только один путь.

На крышу.

Внизу собака продолжала яростно терзать искусственную ногу, опьяненная победой.

Опираясь на плечо жены, Джек неуклюже прыгал на одной ноге. Дверь на крышу оказалась заперта на цепь, достаточно свободную. К тому же нижний угол стального листа был отогнут гвоздодером. В результате Джеку и Гарриет удалось протиснуться под свободной цепью и в щель.

Оказавшись на окутанной ночной темнотой крыше, Джек первым делом с помощью валявшегося отрезка водопроводной трубы запер дверь. Долго она не продержится, да это и не имело значения. На крышу вели еще с полдюжины выходов. И запереть их все не удастся.

— Сюда,— указал Джек.

Быстро окинув взглядом крышу, он обнаружил шкаф с вентиляционным оборудованием, наполовину выпотрошенный. Места было достаточно, чтобы спрятаться двоим.

Однако надежды на спасение не было. Собаки все равно быстро возьмут их след.

Джек и Гарриет прошли к вентиляционному шкафу и устало опустились на залитую гудроном крышу. Над головой сияли звезды и тонкий ломтик месяца. Где-то высоко пролетел самолет, мигая огоньками.

Обняв Гарриет за плечо, Джек привлек ее к себе.

— Я тебя люблю,— прошептал он.

Он редко делал это признание вслух. Хотя Гарриет никогда в этом не сомневалась. Даже сейчас Джек произнес эти слова как бы мимоходом. Словно утверждая, что Земля круглая. Озвучивая нечто само собой разумеющееся.

Гарриет прильнула к нему.

— И я тоже тебя люблю, Джек.

Она прижалась к мужу. Никто не знал, сколько времени у них осталось. Рано или поздно поиски внизу завершатся. И тогда Аннишен обратит внимание на крышу.

Они молча ждали. У них за плечами была жизнь, прожитая вместе, разделенные на двоих радости и печали, трагедии и победы. И хотя вслух не было произнесено ни слова, оба понимали, что сейчас происходит. Сплетя пальцы, они прощались друг с другом.

Глава 17

КУДА НЕ СТУПАЛА НИЧЬЯ НОГА

7 июля, 9 часов 55 минут
Ангкор-Тхом, Камбоджа

Грей прислонился спиной к кирпичной кладке стены этой кельи, похожей на пещеру.

За тесным проходом застыли шесть боевиков. Ближайший держал оружие на виду. Насер приказал им стеречь пленников, а сам отправился доставать все необходимое, чтобы взорвать каменный алтарь. Грей взглянул на светящийся циферблат своих водонепроницаемых часов.

Они провели здесь почти целый час.

Грей мысленно молился о том, чтобы Насер за заботами забыл про угрозу в отношении его родителей. Что-то определенно вывело Насера из себя — помимо задержки с доставкой взрывчатки. Оставив пленников под охраной, он вихрем выскочил из кельи, прижимая к уху сотовый телефон. Грей успел услышать упоминание о каком-то круизном лайнере. Несомненно, это имело какое-то отношение к научно-исследовательской операции, которую проводила в Индонезии «Гильдия». В телефонном разговоре Пейнтер рассказал Грею про захваченный корабль и про бесследно исчезнувших Монка и Лизу.

Определенно, возникли какие-то серьезные неприятности.

Вот только хорошо или плохо это было для его друзей?

Оттолкнувшись от стены, Грей принялся расхаживать по келье. Сейхан присела на каменную скамью рядом с Вигором.

Ковальски шагнул к проему. Один из боевиков ткнул великана в живот дулом винтовки, но тот не обратил на это внимания. Когда к нему подошел Грей, Ковальски сказал:

— Я только что видел, как сюда прошел один тип с отбойным молотком.

— Наверное, все уже готово,— заметил Вигор, поднимаясь со скамьи.

— Но почему же все происходит так медленно? — спросил Грей.

Сейхан ответила, не вставая:

— На то, чтобы давать взятки, требуется время.

Грей недоуменно посмотрел на нее. Она объяснила:

— Я слышала крики по-кхмерски. Люди Насера очищают развалины от туристов, прогоняют отсюда всех. Похоже, «Гильдия» арендовала весь Байон до окончания этой вечеринки. Камбоджа — страна бедная. Не нужно тратить большие деньги, чтобы убедить местных чиновников на время отвернуться в другую сторону.

Грей и сам уже пришел к такому же выводу. Боевики Насера больше не пытались скрывать свое оружие.

Вигор положил ладонь на колонну у прохода.

— Судя по всему, Насер убедил руководство «Гильдии» в необходимости пройти еще немного по историческому следу.

Однако Грей подозревал, что дело не ограничивается одним этим. Он вспомнил, какой переполох вызвало сообщение относительно круизного лайнера. Если научный путь завел в тупик, исторический путь приобретал особое значение.

Подтверждения его догадке не пришлось ждать долго.

Сквозь боевиков протиснулся Насер. Вся его прежняя ярость улетучилась, сменившись обычной хладнокровной насмешливостью.

— Все готово, чтобы двигаться дальше. Однако прежде чем мы продолжим, я должен сделать один звонок. Кажется, миновала еще одна часовая отметка.

У Грея перехватило дыхание.

Вигор поспешил на его защиту.

— Но мы же все это время проторчали здесь взаперти. Не можете же вы требовать от нас каких-нибудь новых догадок.

Насер изогнул бровь:

— А это уже не моя забота. Да и Аннишен теряет терпение. Ей обязательно нужно чем-нибудь развлечься.

— Умоляю!..

Это слово вырвалось у Грея, прежде чем он успел сдержаться.

Глаза Насера сверкнули насмешливым злорадством. Было видно, что он издевается над Греем.

— Амен, не будь дураком,— послышался у них за спиной голос Сейхан.— Раз собрался делать это, делай.

Грей стиснул кулаки. Он еле сдержался, чтобы не броситься на Сейхан, заставляя ее замолчать. Ни в коем случае нельзя было выводить Насера из себя. По крайней мере, сейчас.

Лицо Насера исказилось яростью. Он невольно поднял руку, чтобы скрыть это, не желая поддаваться на провокацию Сейхан. Не сказав ни слова, египтянин развернулся и снова протиснулся мимо боевиков.

— Насер! — дрогнувшим голосом окликнул его Грей.

— Если мы пропустим этот час,— не оборачиваясь, бросил Насер,— я буду ожидать бóльших результатов, когда мы проникнем в алтарь. Если же я буду разочарован, одним пальцем твоя мать уже не ограничится. Пришла пора разжечь под тобой большой костер, коммандер Пирс.

Насер поднял руку, и боевики вывели пленников из кельи.

Проходя мимо Грея, Сейхан наткнулась на его плечо. Ее голос был тихим, едва различимым.

— Я его испытывала.

Она прошла дальше. Грей поспешил следом, догоняя ее. Не оборачиваясь, Сейхан продолжала шепотом:

— Насер блефовал... это я точно говорю.

Грей прикусил губу, сдерживая резкий ответ. Под угрозу была поставлена жизнь не ее родителей.

Вероятно, почувствовав его раздражение, молодая женщина обернулась. Ее голос стал мягче.

— И ты, Грей, должен задаться вопросом: почему? Почему Насер блефует?

Грей молча открыл и закрыл рот. Действительно, это был очень хороший вопрос. Сейхан скользнула тыльной стороной кисти по его руке. Грей выставил вперед палец, собираясь ее поблагодарить. Однако Сейхан уже ушла вперед.

Насер провел маленький отряд обратно к центральному святилищу. Подрывники уже были за работой. В массивных плитах песчаника, уложенных одна на другую, были просверлены отверстия. Из них выходили провода, сплетенные в один жгут. У всех четырех входов стояли боевики с красными огнетушителями за спиной.

Грей нахмурился. Что здесь могло загореться? Тут же не было ничего, кроме камня.

Насер обратился к коротышке с поясом с инструментами и мотком провода на плече, несомненно, специалисту по подрывным работам. Тот молча кивнул.

— Все готово,— объявил Насер.

Они вышли в западную дверь и укрылись за углом.

Вигор продолжал слабо возражать:

— А что, если взрыв обрушит все это нам на голову?

— Мы об этом подумали, монсиньор Верона,— успокоил его Насер, поднося рацию к губам.

Он отдал короткое распоряжение.

Через мгновение гулкий взрыв, подобный раскату грома, ударил в грудь и по барабанным перепонкам. Всего один. Сопровождаемый огненной вспышкой. И тотчас же воздух наполнился резким едким запахом, обжигающим нос и горло.

Вигор закашлял. Грей лихорадочно замахал рукой перед лицом.

— Черт побери, что это было? — спросил Ковальски, сплюнув в угол.

Пропустив его вопрос мимо ушей, Насер шагнул в проход.

Перед ним шел подрывник с огнетушителем. Натянув на лицо респиратор, он включил устройство. Из огнетушителя вырвалась пенистая струя, поливая пол, стены, потолок. Узкий проход наполнился мелкой пылью, покрывшей все вокруг.

Насер вел пленников обратно в святилище.

Сквозь облако пыли Грей разглядел впереди остальных подрывников с огнетушителями. Их совместными усилиями помещение на какое-то время полностью затянуло непроницаемым туманом, в котором с трудом можно было различить их силуэты.

Насер подал знак, чтобы все остановились.

Через полминуты огнетушители перестали работать, и пыль мгновенно осела. Взору открылось святилище, все еще затянутое туманом. Сквозь отверстие в башне внутрь лился солнечный свет.

Насер пригласил всех пройти внутрь.

— Нейтрализация основы,— объяснил он, вытирая с лица пыль.

— Нейтрализация чего? — спросил Грей.

— Кислоты. Взрывчатка состоит из зажигательного заряда в паре с едкой кислотой. Она была разработана китайцами во время возведения плотины Трех ущелий. Минимальное сотрясение почвы, максимальные разрушения.

Войдя в святилище следом за Насером, Грей раскрыл рот, пораженный открывшимся зрелищем.

Все стены покрылись белым порошком, однако перемены были разительные. Лица всех четырех бодхисатв были оплавлены. Вместо красивых одухотворенных черт чернели хлопья шлака. Щербатые полы выглядели так, словно их обработали пескоструйной машиной.

Алтарь в середине, освещенный сверху, треснул. Один угол обвалился вниз.

Определенно там была пустота.

Однако основная часть каменной плиты держалась.

В святилище прошел еще один подрывник с кувалдой в руках. Насер подал ему знак. Следом шел еще один человек, волоча отбойный молоток.

На всякий случай.

Первый подрывник размахнулся и опустил кувалду в середину плиты. Сверкнули яркие искры, и огромная глыба песчаника пришла в движение.

Алтарь провалился в колодец.

10 часов 20 минут

Сьюзен вскрикнула, выгибаясь дугой на заднем кресле.

Лиза, сидевшая в кресле второго пилота, пристегнутая ремнем, обернулась. Она смотрела на ровную гладь большого озера, над которым кружила заходящая на посадку «Морская стрела». Внизу недалеко от берега качалась плавучая деревня — соединенные вместе джонки и баржи.

Именно здесь Пейнтер приказал Лизе спрятаться. Рыбацкая деревушка находилась в двадцати милях от Ангкора. Подальше от опасностей.

Слушая стоны Сьюзен, Лиза неловко завозилась с застежкой ремня. Освободившись, она поспешила в хвостовую часть кабины.

Сьюзен билась в конвульсиях, сбросив с себя одеяло.

— Слишком поздно! Мы опоздали!

Подобрав одеяло, Лиза уложила Сьюзен обратно на кресло. Всю дорогу сюда та тихо проспала. Что случилось?

Высунув руку из-под одеяла, Сьюзен схватила Лизу за запястье. Ее прикосновение обожгло Лизе кожу, опалив тонкие волоски.

Лиза рывком высвободила руку.

— Сьюзен, что случилось?

Сьюзен уселась. Безумный блеск у нее в глазах немного потускнел, но ее продолжало лихорадочно трясти.

— Мы должны попасть туда,— пробормотала она свое неизменное заклинание.

— Мы уже заходим на посадку,— попыталась успокоить ее Лиза.

И действительно, «Морская стрела» заметно опустила нос.

— Нет! — Сьюзен снова протянула было к ней руку, но вовремя спохватилась, заметив, как отпрянула назад Лиза. Сжав пальцы в кулак, она убрала руку под одеяло. Шумно вздохнув, Сьюзен подняла взгляд на Лизу.— Мы находимся слишком далеко, Лиза. Я понимаю, как все это выглядит со стороны. Но у нас осталось всего несколько минут. Десять, самое большее пятнадцать.

— Осталось до чего?

Лиза вспомнила свой разговор с Пейнтером о крабах острова Рождества, об изменениях в их нервной системе, вызванных воздействием химических веществ, следствием которых стало маниакальное стремление к миграции. Но какой эффект окажут эти же самые химические вещества на значительно более сложный мозг человека? Какие еще перемены они принесут с собой? Можно ли доверять позывам Сьюзен?

— Если я не попаду туда...— Запнувшись, Сьюзен тряхнула головой, словно пытаясь высвободить какое-то воспоминание.— Они что-то открыли. Я чувствую солнечный свет. Как будто меня жгут огненные глаза. Я только знаю... но я чувствую это всем своим телом... что, если я не успею попасть туда, никакого исцеления не будет.

Лиза неуверенно оглянулась на Райдера.

«Морская стрела» стремительно снижалась к поверхности озера.

— Я этого не просила,— простонала Сьюзен.

Лиза услышала в ее словах боль, выходящую за рамки одних только физических страданий. Сьюзен потеряла мужа, весь ее мир разрушился.

Лиза снова повернулась к ней.

Лицо Сьюзен озарилось смятением чувств: страха, горя, отчаяния и бесконечного одиночества.

Она сжала ладони.

— Я не краб. Неужели ты этого не видишь?

Лиза приняла решение.

Развернувшись, она окликнула Райдера:

— Набирайте высоту!

— Что? — оглянулся тот.

Лиза указала большим пальцем вверх:

— Мы не приземляемся! Нам надо оказаться рядом с развалинами.— Удерживаясь руками за спинки кресел, она прошла вперед.— Через Сием-Реап протекает река.

Лиза упала в кресло второго пилота. Она уже успела изучить карту этого района. От городка до развалин Ангкора миль шесть. Лиза вспомнила предостережение Сьюзен:

«Десять, самое большее пятнадцать минут».

Не будет ли это слишком далеко? Теперь уже и у нее самой кровь вскипела от возбуждения. Ей потребовалось какое-то мгновение, чтобы понять почему. Все дело было в последних словах Сьюзен:

«Я не краб».

Сьюзен не было ничего известно о сухопутных крабах острова Рождества. Лиза ни словом не обмолвилась о разговоре с Пейнтером — даже с Райдером. Быть может, Сьюзен в своем ступоре слышала ответы Лизы. Вот только Лиза никак не могла вспомнить, произносила ли она сама слово «краб».

Так или иначе, она снова склонилась над картой. Им нужно найти для приземления другое место, поближе к развалинам. Другое озеро или реку...

— Или вот здесь,— произнесла Лиза вслух, пододвигая карту к себе.

— Ты это о чем, девочка моя? — спросил Райдер.

Задрав нос «Морской стрелы» вверх, он поднимался над озером. Протянув ему карту, Лиза ткнула пальцем:

— Вы сможете совершить посадку вот здесь?

Райдер широко раскрыл глаза.

— Ты что, спятила, черт побери?

Лиза ничего не ответила. В основном потому, что сама не знала ответа.

Лицо Райдера растянулось в широкой улыбке.

— Какого черта! Давай попробуем! — Азартный игрок, не упускающий возможности пощекотать себе нервы, он похлопал Лизу по колену.— Мне нравится твой образ мыслей. Насколько у тебя прочные отношения со своим кавалером?

Лиза откинулась на спинку кресла. Когда Пейнтер обо всем этом узнает...

Она покачала головой:

— Посмотрим.

23 часа 22 минуты
Вашингтон

— Сэр, этот сигнал Джи-пи-эс, за которым вы поручили мне следить, он отклоняется в сторону.

Пейнтер развернулся. Он как раз осуществлял координацию действий с австралийской бригадой по борьбе с терроризмом и освобождению заложников. Отряд коммандос прибыл на остров Пусат пятнадцать минут назад, руководствуясь координатами, названными Лизой. Первая информация, поступившая с места событий, была очень отрывочной. «Владычица морей» горела, опутанная сетью стальных тросов. Крен достигал сорока пяти градусов. На борту лайнера полыхал пожар.

Кэт сидела рядом, прижимая к ушам наушники обеими руками. Она наотрез отказалась ехать домой до тех пор, пока не будет полной уверенности. Лицо у нее было красным и опухшим, однако она оставалась сосредоточенной, держась на тоненькой ниточке надежды. Быть может, Монку каким-то образом все-таки удалось остаться в живых.

— Сэр,— продолжал офицер связи, указывая на другой экран.

На нем была выведена подробная карта центральной части Камбоджи. В середине простиралось большое озеро. По

экрану мелкими рывками ползла крошечная точка, обозначающая местонахождение «Морской стрелы».

Гидроплан, еще минуту назад круживший над берегом озера, теперь развернулся и летел прочь.

— Куда они направляются? — воскликнул Пейнтер.

Проследив еще несколько секунд за перемещениями точки, он определил траекторию и мысленно продолжил ее. Гидроплан направлялся по кратчайшей прямой в сторону Ангкора.

«Что они делают?»

Взгляд Пейнтера привлекло движение в дверях. В комнату стремительно влетел его помощник Брэнт. Визжа резиной по линолеуму, инвалидное кресло резко остановилось.

— Господин директор, я пытался связаться с вами,— задыхаясь, выпалил Брэнт.— И не смог. Я решил, что вы по-прежнему заняты с Австралией.

Пейнтер кивнул. Это действительно было так.

Схватив лежащий у него на коленях свиток факса, Брэнт протянул его своему начальнику.

Пейнтер быстро пробежал листок взглядом, затем перечитал еще раз, более внимательно. «О господи...» Обойдя вокруг помощника, он устремился к двери, но на пороге остановился и обернулся.

— Кэт?

— Идите. Я справлюсь одна.

Пейнтер бросил взгляд на экран с картой Камбоджи, на крошечную точку, приближающуюся к развалинам Ангкора.

«Лиза, надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

Выбежав из комнаты, Пейнтер поспешил к себе в кабинет.

Пока что Лизе придется полагаться только на саму себя.

10 часов 25 минут
Ангкор

— Держитесь! — предупредил Райдер, хотя это прозвучало скорее как боевой клич.

Лиза крепко вцепилась в подлокотники кресла.

Впереди в небо поднимались похожие на огромные пчелиные ульи черные башни Ангкор-Вата. Однако не этот внушительный храм, занимающий целую квадратную милю, был конечной целью «Морской стрелы».

Райдер направил летающую лодку на узкую рукотворную полоску зеленой воды, которая тянулась вдоль стены храма. Ров, окружающий Ангкор-Ват. В отличие от своего собрата при Ангкор-Тхоме он до сих пор был наполнен водой. Его периметр составлял больше четырех миль, то есть с каждой стороны было по прямому участку протяженностью свыше мили. Единственная проблема заключалась в том...

— Мост! — заорала Лиза.

— Так вот как это называется? — язвительно заметил Райдер.

У него в зубах была зажата сигара. Краем рта он выпустил струйку дыма. Это была его единственная сигара, припрятанная на чрезвычайный случай. И вот как раз сейчас наступил такой случай. Райдер усмехнулся, закуривая сигару: «Даже осужденному перед смертью позволяется сделать последнюю затяжку».

Гидроплан с ревом пронесся над рвом. Миллиардер чуть уменьшил, а затем снова увеличил угол снижения, уклоняясь от моста.

Лиза затаила дыхание. Летающая лодка прошла над самым мостом, разгоняя толпившихся на нем туристов.

И тотчас же Райдер уронил «Морскую стрелу» на воду, поднимая фонтан брызг. Превратившись снова в катер, гидроплан осел ниже, продолжая стремительно нестись вперед. Момент инерции увлекал его к дальнему концу рва. Выполнить крутой поворот на такой скорости будет невозможно.

Быстро приближался высокий земляной откос.

Райдер положил руку на рычаг на полу.

— Это называется Гамильтонов путь! Держись крепче!

Выпустив струйку дыма, он дернул рычаг и одновременно выкрутил штурвал.

«Морскую стрелу» развернуло, словно на гладком льду, кормой к берегу. Мощные двигатели взревели, выбрасывая реактивные струи воды. Скорость сразу же заметно упала.

Лиза все равно съежилась, ожидая неминуемого удара о берег.

Однако Райдер снова выкрутил штурвал и развернул катер боком. Выплеснув на крутую насыпь высокую волну, «Морская стрела» мягко ткнулась бортом в берег.

Выдохнув облако дыма, Райдер заглушил двигатели.

— Господи, как же это было здорово!

Расстегнув ремень, Лиза поспешила к Сьюзен.

— Нам надо торопиться,— пробормотала та, пытаясь встать.

Лиза помогла ей расстегнуть ремень. Райдер распахнул люк.

— Ты знаешь, что делать? — спросила у него Лиза, выпрыгивая на мелководье и бредя к берегу.

Вокруг послышались крики.

— Ты мне говорила уже шестнадцать раз,— ответил Райдер.— Найти телефон, связаться с вашим директором, дать ему знать, что вы собираетесь предпринять и куда направляетесь.

Они взобрались по насыпи на дорогу, идущую вдоль рва. Сьюзен куталась в одеяло. Глаза у нее были скрыты темными очками. Она старалась по возможности защититься от солнечных лучей.

Люди указывали на них пальцем.

Райдер остановил проезжавшее мимо транспортное средство. Это оказался всего-навсего мотоцикл с небольшой тележкой под крышей. Райдер поднял руку с пачкой купюр — международный сигнал «стой». Водитель прекрасно владел этим языком. Он направил мотоцикл прямо к выгодным клиентам.

Райдер помог Лизе и Сьюзен сесть в кабинку и закрыл дверь.

— Моторикша отвезет вас прямиком в храм. Будьте осторожны.

— Обязательно свяжись с Пейнтером,— напомнила Лиза.

Райдер махнул рукой, словно давая сигнал старта.

Мотоциклист рванул с места.

Лиза оглянулась назад. Райдера уже окружили полицейские в форме, подъехавшие на мотоциклах. Тот что-то объяснял им, оживленно размахивая сигарой.

Никто не обратил внимания на удаляющегося моторикшу.

Лиза устремила взгляд вперед.

Сидящая рядом Сьюзен, по-прежнему укутанная в одеяло, выдохнула одно-единственное слово:

— Быстрее...

10 часов 35 минут

Опустившись на колени, Грей заглянул через край в круглую каменную шахту. Снизу, с расстояния футов в сорок, на него смотрело лицо. Еще один каменный бодхисатва. Лицо возвышалось над поверхностью пола, высеченное из огромной цельной глыбы песчаника. Солнечные лучи, проникающие сверху через отверстие в башне, отбрасывали в колодец квадратный столб света, искрящийся висящими в воздухе пылинками, омывающий темное каменное лицо ярким теплом.

Загадочная улыбка манила.

Через край разбитого алтаря вниз скользнула скатанная лестница: стальной трос и алюминиевые ступеньки. С грохотом раскатавшись в глубину, она упала на пол основания. Верхний конец лестницы закрепили карабинами к каменному потолку святилища.

Насер подошел к Грею:

— Ты спускаешься первым. В сопровождении одного из моих людей. Остальные пока останутся наверху.

Поднявшись на ноги, Грей вытер с рук пыль и подошел к лестнице. Вигор, угрюмо насупившись, стоял у стены. Грей предположил, что не сложившаяся ситуация стала причиной мрачного настроения папского прелата. Профессиональный археолог, Вигор воспринимал разрушение древней реликвии как чудовищное кощунство.

Стоявшие рядом с ним Ковальски и Сейхан покорно ждали, что преподнесет им судьба.

Кивнув своим товарищам, Грей начал спуск. Несмотря на висящую в воздухе пыль, в колодце пахло сыростью. Первые тридцать футов пришлось лезть по узкой каменной шахте футов семь в поперечнике, похожей на обычный колодец с водой. Однако на протяжении последних десяти футов стены под углом разошлись в стороны, образовав нишу наподобие огромной бочки, сорока футов в диаметре и идеально круглую.

— Держись так, чтобы тебя было видно! — крикнул Насер.

Подняв взгляд, Грей увидел кольцо направленных на него винтовочных дул. Один боевик уже спускался по лестнице следом за ним. Грей спрыгнул на пол, рядом с каменным лицом бодхисатвы.

Он осмотрелся вокруг. Свод поддерживался четырьмя массивными колоннами, расставленными через равные промежутки. Судя по всему, это были опоры, несущие вес всей башни. Это предположение подкреплялось тем, что пол не был выложен каменными плитами, а представлял собой сплошной монолит песчаника. Определенно, это было самое нижнее основание Байона.

Услышав позвякивание лестницы, Грей поднял взгляд и увидел спускающегося боевика. У него мелькнула было мысль наброситься на него и овладеть его винтовкой. Но что дальше? Его беззащитные товарищи наверху; его родители по-прежнему в руках Насера. Поэтому он сдержался и обошел вокруг высеченного лица. Подобно остальным бодхисатвам, этот был вырезан из цельной глыбы песчаника и по высоте доходил Грею до пояса.

И внешне смотрящее вверх лицо ничем не отличалось от остальных: те же самые загнутые вверх уголки губ, толстый нос и широкий лоб и те же самые глубоко посаженные задумчивые глаза.

Боевик тяжело спрыгнул на пол, грохоча ботинками на толстой подошве.

Грей выпрямился — и вдруг что-то привлекло его внимание.

Присмотревшись, он заметил что-то странное в лице бодхисатвы, в задумчивых глазах. В середине обоих глазных яблок темнели зрачками маленькие круги. Даже солнечным лучам не удавалось рассеять эти тени.

Грею пришлось распластаться на каменной щеке, чтобы проверить свою догадку. Протянув руку, он ощупал один черный зрачок пальцем.

— Что ты делаешь? — окликнул его сверху Насер.

— Здесь есть отверстия! Просверленные в глазах, там, где должны быть зрачки. Не исключено, что они проходят насквозь через все лицо.

Грей поднял взгляд. В полую башню струился солнечный свет, теперь, после разрушения алтаря, падающий на спрятанное внизу каменное лицо.

Но проходит ли свет еще дальше?

Забравшись на лицо, Грей улегся, прильнув своим глазом к зрачку каменного божества. Зажмурив второй глаз, он обхватил ладонями каменное глазное яблоко. Прошло какое-то время, прежде чем его зрение приспособилось к темноте.

Грей рассмотрел глубоко внизу, освещенное солнечным светом, проникающим через второй зрачок, мерцание воды. На дне пещеры плескалось подземное озеро. Грей мысленно представил себе куполообразный свод, напоминающий панцирь черепахи.

— Что ты там видишь? — окликнул его Насер.

Перекатившись на спину, Грей посмотрел вверх.

— Она здесь! Пещера! Под каменным лицом!

Как и каменный алтарь наверху, бодхисатва охранял потайную дверь.

Грей вспомнил слова Вигора, объяснявшего присутствие сотен каменных изваяний. «Кто-то считает, что они символизируют осторожность: лица, выглядывающие из глубины сердца, охраняя его внутренние тайны». Но, лежа на камен-

ном изваянии, он также вспомнил слова другого человека, гораздо более древние и страшные, слова из книги Марко Поло, самую последнюю строчку его повествования.

Его прошиб леденящий озноб.

«В том городе были отворены врата в Ад; но я не знаю, были ли они потом когда-либо закрыты».

Уставившись на разрушенный алтарь, Грей осознал жуткую правду.

Врата были закрыты, Марко.

Но сейчас их отворяли снова.

10 часов 36 минут

Моторикша остановился в конце мощеной дорожки.

Лиза выбралась из кабины.

Впереди простиралась площадь, выложенная каменными плитами, тут и там вывороченными корнями гигантских деревьев. А за площадью возвышался Байон, обрамленный джунглями,— скопление зазубренных башен из песчаника, которые смотрели во все стороны полустертыми лицами, потрескавшимися, покрытыми пятнами лишайника.

Немногочисленные туристы бродили по площади, делая фотографии. Двое японцев поспешили к моторикше, очевидно намереваясь завладеть им, как только Лиза и Сьюзен его освободят. Один из них, учтиво поклонившись Лизе, указал рукой на храм и произнес что-то по-японски.

Лиза покачала головой, показывая, что ничего не понимает.

Смущенно улыбнувшись, японец снова поклонился и с трудом осилил одно английское слово:

— Закрыто.

Закрыто?

Лиза помогла выбраться из моторикши Сьюзен, по-прежнему с головы до ног закутанной в одеяло. Лицо ее наполовину скрывали темные солнцезащитные очки. Поддерживая Сьюзен под локоть, Лиза даже сквозь одеяло ощутила дрожь.

Японец выразительно указал взглядом на моторикшу, молчаливо спрашивая, можно ли его взять. Кивнув, Лиза в сопровождении Сьюзен направилась через площадь, вымощенную вздыбившимися каменными плитами. Она уже заметила в храме людей, которые стояли на башнях, расхаживали по стенам, застыли в воротах. Все они были в форме военного образца и черных беретах.

Солдаты камбоджийской армии?

Сьюзен тащила ее вперед, целенаправленно шагая к восточным воротам. Там дежурили двое в беретах, с автоматическими винтовками за плечами. Никаких знаков различия Лиза найти не смогла. Лицо того, что стоял слева, определенно кхмера, было испещрено глубокими шрамами. Второй, в таком же облачении, был европеец, с обветренным загоревшим лицом, покрытым жесткой щетиной. В глазах у обоих читалась стальная твердость.

Нет, это не солдаты камбоджийской армии.

Наемники.

— «Гильдия»,— прошептала Лиза, вспоминая то, что рассказал ей Пейнтер о пленении Грея.— Она уже здесь.

Лиза схватила Сьюзен за плечо, пытаясь остановить, однако та стала вырываться, полная решимости идти дальше.

— Сьюзен, ни в коем случае нельзя допустить, чтобы ты снова попала в руки «Гильдии»,— сказала Лиза.

«Особенно после того, как Монк отдал свою жизнь ради твоей свободы».

Голос Сьюзен, приглушенный одеялом, тем не менее прозвучал твердо:

— Выбора нет... я должна... без исцеления все погибнет...— Она покачала головой.— Всего один шанс. Лекарство должно быть готово.

Лиза все поняла. Она вспомнила предостережение Девеша, подтвержденное Пейнтером. Пандемия уже начала расползаться по всему миру. Срочно требуется лекарство, пока еще не слишком поздно. Даже если оно попадет в руки «Гильдии»,

его необходимо получить. А разобраться с последствиями можно будет позже.

И все же...

— Ты уверена, что другого пути нет? — спросила Лиза.

Голос Сьюзен дрогнул, наполненный страхом и скорбью.

— Видит бог, мне бы этого очень хотелось. Возможно, мы уже опоздали.

Мягко стряхнув с плеча руку Лизы, она нетвердой походкой двинулась вперед, несомненно полная решимости идти одна.

Лиза последовала за ней. У нее тоже не было выбора.

Они приблизились к часовым у ворот. Лиза понятия не имела, как проникнуть внутрь.

Однако у Сьюзен, по-видимому, имелся какой-то план. Распахнув одеяло, она сбросила его себе под ноги. В ярком свете солнца Сьюзен ничем не отличалась от остальных людей, разве что, быть может, выглядела более бледной, осунувшейся и изможденной. Стащив с лица темные очки, она повернулась к солнцу, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Увидев, что Сьюзен задрожала, Лиза представила, как обжигающий заряд энергии ударяет ее в зрачки и разливается по зрительному нерву в головной мозг.

Однако, похоже, этого оказалось недостаточно.

Сьюзен сорвала с себя блузку, подставляя солнечному свету открытую кожу. Она расстегнула штаны, и те свалились — настолько она исхудала за долгие недели, проведенные в кататоническом ступоре. Оставшись в одних трусиках и лифчике, Сьюзен приблизилась к воротам.

Часовые не знали, как быть с этой полуобнаженной женщиной. И все же они шагнули вперед, загораживая дорогу. Один из них строго окликнул женщин, красноречивым жестом подчеркивая резкие, пронзительные слова.

Не обращая на него внимания, Сьюзен шла вперед, намереваясь пройти между охранниками.

Второй наемник схватил ее за плечо, разворачивая к себе. Его лицо тут же исказилось от острой боли, и он судорожно

отдернул руку. Обожженная ладонь стала пунцово-красной, на кончиках пальцев проступили капельки крови. Отпрянув назад, боевик налетел спиной на стену и сполз на землю.

Кхмер схватил винтовку и прицелился в затылок прошедшей мимо Сьюзен.

— Нет! — крикнула Лиза.

Часовой оглянулся на нее.

— Отведите нас... — начала она, лихорадочно вспоминая имя, которое упомянул Пейнтер, рассказывая про Грея.— Отведите нас к Амену Насеру!

10 часов 48 минут

— Идите скорее сюда! — воскликнул Вигор, не в силах скрыть восторженное изумление.— Вы только посмотрите на это!

Он оглянулся на остальных.

Грей стоял в нескольких ярдах от него, изучая одну из колонн. Все четыре опоры были сложены без цементирующего раствора из круглых плит песчаника толщиной в фут и целых три фута в поперечнике. Грей водил пальцем по глубоким трещинам, свидетельствам невыносимой нагрузки на стареющий позвоночник.

Сейхан и Ковальски стояли посреди помещения, наблюдая за тем, как подрывники Насера готовятся уничтожить каменную глыбу с высеченным лицом.

Снова послышался резкий, пронзительный скрежет алмазного бура, громким эхом отразившийся от низких сводов. Дюймовое сверло на фут углубилось в песчаник. В другие отверстия были уже вставлены заряды, соединенные проводами,— вдвое больше, чем использовалось при подрыве алтаря. Сверху свисали веревки, при помощи которых на дно колодца спустили инструменты и взрывчатку.

Все происходящее освещалось столбом яркого солнечного света.

В отличие от Сейхан и Ковальски Вигор не мог спокойно смотреть на варварское разрушение исторической реликвии.

Вот и сейчас он отвернулся, сосредоточив все свое внимание на стене, которую изучал. Вдалеке от центрального столба света под низко нависшими сводами лежала глубокая тень. Вигору выделили фонарик, чтобы он мог искать другой вход в подземную пещеру. И хотя прелату была ненавистна сама мысль о том, что он помогает Насеру, если бы ему удалось найти еще один путь вниз, быть может, тем самым он хоть както ограничил степень пагубного воздействия на эти древние развалины.

Однако времени Вигору отвели совсем немного.

Всего десять минут.

Отдав необходимые распоряжения, Насер выбрался из подземелья. Вигор отметил, что он раскрывал сотовый телефон, пытаясь найти сигнал сети. Судя по всему, из этого ничего не получилось, и ему пришлось отправиться наверх. Он приказал своим людям, чтобы к его возвращению все было готово.

К прелату подошел Грей.

— В чем дело? Вам удалось найти дверь?

— Нет,— вынужден был признать Вигор. Он обошел пещеру по всему периметру. Никакой двери не было. Похоже, единственный путь вниз лежал через каменное лицо бодхисатвы Локешвары.— Но я нашел вот это.

Дождавшись, когда один из боевиков пройдет мимо, Вигор приложил фонарик к стене, направив луч света вдоль поверхности. Контрастные тени открыли резьбу по камню, чем-то напоминающую барельефы наверху. Однако здесь не было никаких фигур, а одни только каскады сплошных завитков.

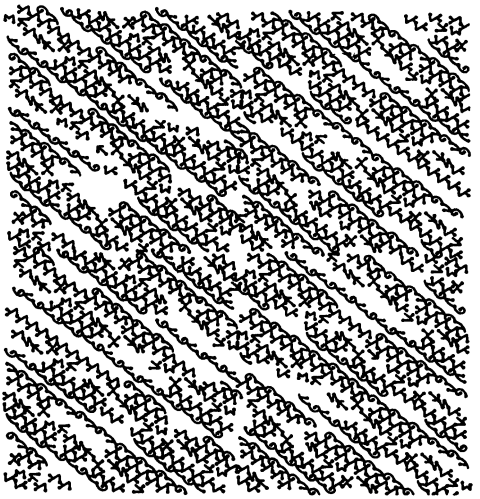
— Что это такое? — спросил Грей, ощупывая пальцем то, что обнажил свет.

К ним присоединились Сейхан и Ковальски.

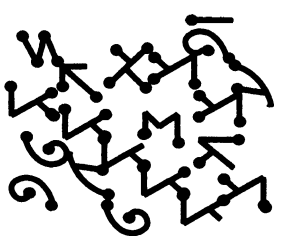
Вигор передвинул фонарик, освещая другой участок стены.

— Сначала я решил, что это просто декоративные узоры. Ими покрыты все стены.— Он обвел рукой всю подземную камеру.— Все до единой поверхности.

— Так что же это за чертовщина? — пробормотал Ковальски.



— Черт тут ни при чем, мистер Ковальски,— возразил Вигор.— Скорее к этому причастны ангелы.— Взяв фонарик, он высветил небольшой участок рельефных обоев.— Присмотритесь внимательнее.



Склонившись к стене, Грей провел по ней пальцами. Его лицо озарилось прозрением.

— Этот узор образован из переплетенных символов ангельского письма!

К нему прижалась Сейхан, водя пальцем вслед за ним.

— Но это же невозможно. Разве вы сами не говорили, что ангельское письмо было разработано только в семнадцатом веке?

Вигор кивнул:

— Иоганном Тритемиусом.

— В таком случае как оно могло попасть сюда? — спросил Грей.

— Не знаю,— вынужден был признать Вигор.— Быть может, в какой-то момент Ватикан все же послал кого-то вернуться по следу Марко Поло до самой Камбоджи, как это сделали мы. Быть может, эти люди возвратились с копией этих настенных узоров и Тритемиус каким-то образом прознал об этом. А если ему к тому же был известен рассказ Марко о светящихся ангельских существах, возможно, именно поэтому он заявил, что речь идет об ангельском письме.

Грей повернулся к Вигору.

— Но сами вы в это не верите, ведь так?

Прелат проследил за тем, как он отступил на несколько шагов назад, не отрывая взгляда от стены.

«Он тоже видит это». Вигор шумно вздохнул, стараясь разобраться в водовороте мыслей.

— Тритемиус утверждал, что это письмо само явилось ему после долгих недель поста и усиленной медитации. Лично я считаю, что именно так все и произошло.

— Все это ему просто случайно приснилось,— насмешливо фыркнула Сейхан.— Полное совпадение с этими древними надписями.

Вигор кивнул:

— Именно это я и говорю. Помните, что я уже рассказывал вам о поразительном сходстве ангельского письма с древнееврейским. Тритемиус даже утверждал, что его письмо представляет собой чистейшую выжимку из древнееврейского алфавита.

Сейхан пожала плечами.

— Что вам известно о еврейской каббале? — продолжал Вигор.

— Только то, что это какая-то мистическая еврейская наука.

— Совершенно верно. Каббалисты изучают иудейскую Библию в поисках мистического прозрения, которое позво-

лило бы им проникнуть в божественную природу вселенной. Они уверены, что в линиях и завитках еврейского алфавита скрыта божественная мудрость. И, медитируя над древними письменами, можно получить возможность заглянуть внутрь вселенной, познать на самом фундаментальном уровне, кто мы такие.

Сейхан покачала головой:

— Вы хотите сказать, что этот тип Тритемиус, медитируя, наткнулся на чистейшую форму древнееврейского алфавита? Случайно набрел на некий язык, вот на этот самый...— Она похлопала ладонью по стене.— На язык, связанный с некой великой внутренней мудростью?

Грей кашлянул.

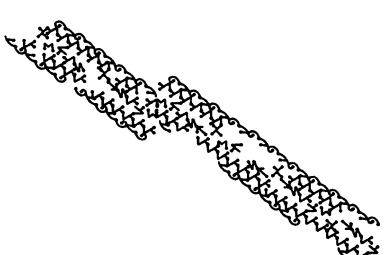
— И на мой взгляд, ключевым здесь является слово «внутренняя».— Он жестом пригласил Сейхан отойти от стены, присоединиться к нему.— Что ты видишь? Взгляни на рисунок в целом. Тебе это ничего не напоминает?

Мгновение посмотрев на стену, Сейхан бросила:

— Не знаю. А что я должна искать?

Вздохнув, Грей шагнул к стене и провел пальцем по одному из каскадов символов.

— Взгляни на эту закрученную спираль рваных завитков. Рассмотри ее отдельно.



Сейхан прищурилась:

— Похоже на что-то биологическое.

Грей кивнул:

— Присмотрись внимательнее к этим завиткам. Разве они не похожи на двойную спираль ДНК? На генетическую карту?

Сейхан колебалась.

— Записанную ангельским алфавитом?

Грей снова отступил назад, не отрывая взгляда от стены.

— Возможно. На самом деле в одной научной работе исследовалась связь рисунков кода ДНК с элементами человеческих языков. Согласно статистическому закону Ципфа, во всех человеческих языках присутствует определенный принцип повторяемости слов. Например, такие слова, как «на» и «в», встречаются очень часто. А другие слова, такие как «трубкозуб» и «эллиптический», встречаются редко. Если нарисовать график зависимости частоты употребления определенных слов от их распространенности, получится прямая. И это верно для любого языка, будь то русский, английский или китайский. Все человеческие языки демонстрируют одну и ту же линейную зависимость.

— Ну а коды ДНК? — возбужденно спросил Вигор.

— Они демонстрируют абсолютно такую же картину. Даже если речь идет об избыточных ДНК, которые большинство ученых считает биологическим мусором. Эти исследования повторялись неоднократно, и результат неизменно был одним и тем же. Получается, что в нашем генетическом коде скрыт какой-то язык. Мы не знаем, что он выражает. Но вот это...— Грей указал на стену.— Возможно, это письменная форма того самого языка.

Вигор с благоговейным почтением провел рукой по резному узору на стене:

— Да, тут есть над чем задуматься. Неужели Тритемий в своих медитациях действительно случайно наткнулся на этот язык? — Прелат встрепенулся, осененный новой догадкой.— И задумайтесь над тем, насколько сильно символы древнееврейского алфавита напоминают ангельское письмо. А что, если все древние письменные языки были каким-то образом получены вот из этого, из нашей внутренней генетической памяти? И тут приходят мысли, а не является ли этот язык

Словом Господа, выражающим нечто великое в каждом из нас? — Вигор обвел лучом фонарика все просторное помещение.— Но так или иначе, все это, все эти ангельские письмена — что они нам говорят?

— Полагаю, это генетическая копия,— сказал Грей.

— Но копия чего? — спросила Сейхан.

— Наверное, черепахи,— буркнул под нос Ковальски.

Вигор фыркнул, раздраженный этой глупой шуткой, однако Сейхан и Грей, как это ни странно, посмотрели на великана с одинаковым изумлением.

— В чем дело? — спросил Вигор, почувствовав что-то важное.

Шагнув ближе, Грей понизил голос:

— По-моему, Ковальски прав.

— Да? — удивился тот.

Грей стал развивать дальше свою теорию подземной пещеры.

— Панцирь черепахи изображает пещеру. Но что насчет самой черепахи? Согласно легенде, черепаха является воплощением Вишну, божественного существа.— Грей махнул рукой на стену.— А здесь перед вами свидетельства какого-то странного биологического процесса, каких-то тайных знаний. И речь идет не просто о каком-то вирусном заболевании. На мой взгляд, на стенах записан закодированный дневник этого процесса. Возможно, до сих пор незавершенный.

Вигор с новым интересом уставился на стену.

Однако прежде чем они смогли продолжить свои рассуждения дальше, их внимание привлек шум, донесшийся сверху.

Все поспешно вернулись в центр пещеры. Похоже, подрывники уже завершали свою работу. Их руководитель скручивал провода в жгут, подсоединяя их к электрическому детонатору, с помощью которого можно будет осуществить подрыв с безопасного расстояния.

Вигор первым обратил внимание на женщину, которая спускалась вниз по лестнице. Разглядеть черты ее лица на фоне бьющего в глаза солнечного света было очень нелегко.

И все же Грей, узнав женщину, шагнул вперед:

— Лиза?..

Над ней у самого края колодца показался Насер в сопровождении полуобнаженной молодой женщины с безумным взглядом. Она шагнула было вперед, словно намереваясь броситься в колодец, но ее сдержали стволы четырех винтовок.

Глядя на эту женщину, Вигор раскрыл рот от изумления. Боже всемогущий...

Она сияла!

В полумраке было отчетливо видно, что кожа женщины светится.

Невозможно!

— Закройте глаза! — закричала женщина тем, кто находился в колодце, указывая вниз рукой.— Закройте глаза!

Вигор не понял, что она имеет в виду.

А Грей понял. Шагнув в сторону, он схватил кусок брезента, принесенный подрывниками, и накинул его на лицо каменному изваянию, закрывая ему глаза, защищая от солнечных лучей пещеру в глубине.

Женщина обессиленно рухнула на обломок алтаря, словно кто-то перерезал нитки, на которых она держалась.

Насер смерил ее удивленным взглядом.

Спустившись с лестницы, Лиза подошла к Грею. Она стояла, потупив взор, но ее слова были обращены ко всем:

— Извините...

11 часов 5 минут

Десять минут спустя Грей провожал взглядом последних подрывников Насера, поднимавшихся по лестнице. На тех, кто остался внизу, было направлено кольцо винтовочных дул. Последний мешок со снаряжением исчез за краем колодца, поднятый на одной из двух веревок. Вторая манила, оставаясь висеть.

— Почему нас оставили здесь? — спросила Лиза.

Грей окинул взглядом шероховатые каменные стены.

— На мой взгляд, мы просто стали лишними,— пробормотал он.

Помолчав, Лиза виновато промолвила:

— У меня не было выбора.

Она уже объяснила свое внезапное неожиданное появление. Это был жест отчаяния, рожденный необходимостью получить лекарство. Ради этого стоило пойти на риск... даже если лекарство попадало в руки «Гильдии».

— А Монк,— давясь слезами, продолжала Лиза,— он ради этого... отдал свою жизнь.

— Нет.— Грей обнял Лизу за плечи. Он не мог признать действительность. Пока что не мог.— Нет. Монк сделал так, чтобы вы попали сюда. И до тех пор, пока мы живы, надежда остается.

Насер подошел к краю колодца.

— Мы здесь уже почти закончили,— объявил он без злорадства, а просто констатируя факт. Теперь, когда все козыри были у него на руках, его голос снова стал спокойным и вежливым.— Монсиньор Верона, помните, как вы говорили, что научный след и исторический след встретятся в этих развалинах. Похоже, вы как в воду глядели. Вот мы соединили две половины «Сигмы».— Махнув рукой вниз, он повернулся к Сьюзен. Та по-прежнему сидела, уронив голову на грудь, погруженная в ступор.— И как видите, усилия «Гильдии» также привели к единому результату. Вот выжившая больная, которую обнаружила наша научно-исследовательская группа... а внизу источник иудина штамма.

Отпустив Лизу, Грей шагнул вперед.

— Возможно, вам еще понадобится наша помощь! — крикнул он, сознавая, что ничего этим не добьется.

— Уверен, мы уж как-нибудь и сами справимся. У «Гильдии» достаточно ресурсов, чтобы соединить вместе эти два последних элемента. Как-никак, нам удалось дойти до этой точки, оттолкнувшись всего от нескольких слов в древнем тексте. В тексте, который, насколько я понимаю, попал к нам в руки благодаря вам, коммандер Пирс.

Грей бессильно стиснул кулаки. Надо было бы сжечь дотла библиотеку ордена дракона, когда у него была такая возможность.

— Разумеется, именно «Гильдия», задействовав морских археологов и разведывательные спутники, обнаружила затем один из затонувших кораблей Марко Поло у берегов Суматры.

Грею потребовалось какое-то мгновение, чтобы понять истинный смысл слов Насера.

— Вы нашли один из кораблей Поло?

— И нам несказанно повезло. На одной из килевых балок, изолированных от окружающей среды плотным слоем глины, сохранилась биологическая активность. Но для того чтобы понять истинные возможности нашего открытия, нужно было провести генеральную репетицию, осуществить испытания в реальной обстановке.

Грей почувствовал, как у него в жилах холодеет кровь. Если Насер говорит правду, вспышка смертельного заболевания на острове Рождества не явилась следствием случайного стечения обстоятельств.

— Вы... вы умышленно заразили остров Рождества.

Грей бросил взгляд на Сейхан, ища у нее подтверждения. Та опустила глаза.

Насер продолжал:

— После тщательного изучения морских течений и характера приливов достаточно было лишь подбросить балку недалеко от берега и наблюдать за последствиями. На самом деле мы следили за происходящим и собирали образцы, и тут наша больная случайно наткнулась на место действия. Вместе со своими спутниками. Первые люди, которые подверглись воздействию вируса. Разумеется, со временем течение принесло заразу к берегам острова. Как и было запланировано. Идеальный локализованный сценарий.

— А затем, с прибытием круизного лайнера, перед «Гильдией» открылась возможность пожинать посеянный урожай,— пробормотала Лиза.

Плечи Грея поникли.

Стоявшая у него за спиной Сейхан прошептала:

— Теперь ты знаешь, почему я должна была их остановить.

Грей оглянулся на нее.

Но она потерпела неудачу... они все потерпели неудачу.

11 часов 11 минут

Сьюзен витала в туманной дымке, словно грезила наяву.

У нее в мозгу бушевал пожар.

Подставив свое обнаженное тело прямым солнечным лучам, она переступила какую-то грань. Сьюзен чувствовала, что перестала быть собой — а может быть, наоборот, наконец стала собой, в такой степени, в какой этого не было прежде.

Ее засасывала пучина всплывших воспоминаний. Прошлое поднялось из потаенных глубин, давно считавшихся утраченными навсегда и недоступными. Воспоминания сплетались воедино, день ко дню, час к часу, образуя неразрывное целое. Прошлое снова оживало, но не отрывочными клочками, а целостной панорамой.

И Сьюзен вспоминала всю свою жизнь как одну сплошную цепочку: от давления на черепную коробку, когда она протискивалась из чрева матери... до ударов сердца сию минуту. Она ощущала прикосновение струек воздуха к своей обнаженной коже — все это записывалось в ее память, неизгладимое, добавляясь к остальному.

И все это находилось в переливающемся пузыре, подвешенном в воздухе.

А за его тонкой поверхностью... было что-то еще.

Но Сьюзен еще не была готова отправиться туда.

Она знала, куда сначала должна попасть.

Вниз.

После того как она закрыла эти пылающие глаза, паника у нее в голове погасла до тусклого свечения.

Она плавала между прошлым и настоящим, добавляя с каждым вдохом новые воспоминания, и вдруг в океан ее жизни медленно упали новые слова, произнесенные в двух шагах от нее.

«...достаточно было лишь подбросить балку недалеко от берега и наблюдать за последствиями... и тут наша больная случайно наткнулась на место действия. Вместе со своими спутниками. Первые люди, которые подверглись воздействию вируса...»

НЕТ.

По всему телу Сьюзен разлилась эта единственная нота.

Вся ее жизнь была сосредоточена в одном бесконечном мгновении между вдохом и выдохом. Она снова очутилась под водой, невесомая. Увидела почерневшую от времени деревянную балку, указательным пальцем торчащую из песка. К ней вернулись те самые мысли, которые возникли у нее тогда, словно она по-прежнему находилась в том море. Тогда она решила, что килевую балку освободило землетрясение, а может быть, недавняя волна цунами смыла песок, обнажая ее.

Теперь Сьюзен знала правду.

Балка была подброшена. Сознательно. Для того чтобы убивать.

Она вспомнила, с каким восторгом рассказывала о своей находке мужу, обожавшему осматривать обломки затонувших кораблей. Воспоминание о нем заполнило все ее органы чувств.

Грегг...

Теперь Сьюзен знала правду. Знала, почему он погиб. И эта правда жгла ее огнем.

11 часов 12 минут

Лиза прижалась к Грею, обхватившему ее за плечи. Она не отрывала взгляда от нацеленных вниз винтовок. Насер что-то говорил, но она ничего не слышала, погруженная в сознание собственной вины.

Грей внезапно вздрогнул. И Лиза вернулась к действительности.

Сьюзен, сидевшая у края колодца, медленно подняла голову. Ее светлые волосы рассыпались, открывая лицо, искаженное в безумной ярости. Внимание боевиков Насера по-прежнему было приковано к своему командиру. Лиза увидела, как у Насера за спиной мягкое свечение кожи Сьюзен вспыхнуло ярче.

Ее глаза зажглись внутренним огнем.

Должно быть, Насер что-то почувствовал и начал оборачиваться.

Лиза не заметила движения Сьюзен. Вот только что она сидела, обмякнув, на обломке алтаря — а в следующее мгновение уже обвила руками Насера, прижимая его к себе в интимных объятиях. У него из глотки вырвался нечеловеческий вопль. От него повалил дым.

Один из боевиков, опомнившись, ударил прикладом Сьюзен. Та мотнула головой, разжимая объятия.

Продолжая вопить, Насер оттолкнул ее от себя.

В колодец.

— Сьюзен! — закричала Лиза.

Сьюзен находилась рядом с веревкой, с помощью которой подрывники спускали вниз свое оборудование. Она непроизвольно протянула руку, хватаясь за веревку. Но сил у нее не было. Сьюзен заскользила вниз по веревке, слишком быстро. В прямых лучах солнечного света вспыхнули капельки едкой кислоты, покрывавшие ее кожу, что вызвало в синтетическом материале веревки какую-то химическую реакцию. Веревка задымилась и стала плавиться. Сьюзен неудержимо скользила вниз, практически в свободном падении.

Никто не осмелился ее ухватить.

Метнувшись в сторону, Грей сорвал с каменного лица кусок брезента и швырнул один конец Ковальски. Тот понял его без слов.

Перегоревшая веревка лопнула.

Сьюзен бесформенной кучей полетела вниз, лишившись сознания.

Грей и Ковальски поймали ее, но все же под весом ее тела брезент вырвался у них из рук, и она упала на пол. Грей быстро оттащил ее на куске брезента от прямого солнечного света, и на виду остались одни ноги. Он опустился на корточки рядом с ней.

Насер закричал. Он стоял на четвереньках, и его обугленная щека продолжала дымиться. Обнаженные руки напоминали кусок вареного мяса, окровавленные и покрытые слизью.

— Мне нужна эта стерва!

Шатаясь, Грей шагнул в круг света.

— У нее сломана шея! Она мертва!

У Насера на лице отобразилась война противоречивых чувств, завершившаяся выражением безумной ярости.

— В таком случае вы все сгорите здесь живьем! — Он откатился от края колодца.— Подрывайте все к черту!

Грей махнул рукой остальным:

— Назад... прячьтесь!

Лиза послушно отползла в тень.

Прогремели выстрелы, и сверкнули искры, выбитые пулями из камня.

Лиза бросила взгляд на заложенную взрывчатку. Электрический детонатор лежал на открытом месте, так, что его было не достать. Осмелившегося приблизиться к нему ждала верная смерть.

Грей тащил на куске брезента обмякшее тело Сьюзен.

— Всем за колонны! Они обеспечат хоть какую-то защиту. Пригнитесь как можно ниже, закройте голову и лицо!

Все рассыпались в разные стороны.

Колонн четыре, их шестеро.

Грей потащил за собой Сьюзен.

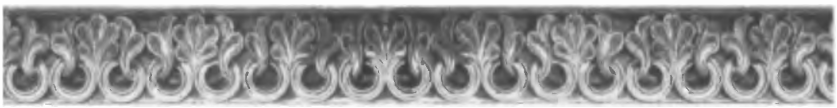
Лиза сжалась в комок за колонной из песчаника вместе с папским прелатом. Тот прижал ее к полу, прикрывая собственным телом.

Лиза положила руку на колонну. Каменный столб имел в поперечнике три фута. Лиза понятия не имела, какой силы будет взрыв. Она повернулась к Вигору:

— Святой отец, колонна нас защитит?

Вигор пристально посмотрел ей в лицо и ничего не ответил.

В кои-то веки Лизе захотелось, чтобы священник солгал.



Глава 18

ВРАТА В АД

7 июля, 11 часов 17 минут
Ангкор-Тхом, Камбоджа

Грей завернул Сьюзен в брезент, прижимая к себе.

Молодая женщина застонала и зашевелилась. Сорвавшись вниз, она больно ударилась головой о каменный пол, однако Грей солгал Насеру насчет сломанной шеи. И мерзавец, терзаемый мучительной болью, не усомнился в его словах, возможно даже обрадовавшись такому исходу.

Грей рассчитывал выторговать что-нибудь взамен тела Сьюзен. Однако у него ничего не получилось.

Наверху колодца кричал Насер, обезумевший от боли. Судя по почерневшей коже, он получил обширные ожоги третьей степени по всему телу. И теперь ему хотелось отплатить за свои страдания. Око за око. Но по-видимому, подрывники оказались не готовы выполнить столь внезапный приказ. Они лихорадочно засуетились, дав Грею и его товарищам пару минут отсрочки.

Воспользовавшись этим, Грей перетащил Сьюзен за столб, ища, как лучше ее укрыть. Если она несет в себе потенциальное исцеление, ее необходимо сберечь любой ценой. Грей попытался плотнее обернуть ей голову брезентом. На мгновение брезент распахнулся, открывая мягкое свечение обнаженного тела. Как только Сьюзен защитилась от прямого солнечного света, сияние ее кожи стало тускнеть. Грей застыл, по-

раженный странным зрелищем. Опуская брезент, он обратил внимание на стену перед собой.

В слабом свечении кожи Сьюзен ангельское письмо ярко вспыхнуло. Судя по всему, в излучении, которое генерировали сине-зеленые водоросли, присутствовала ультрафиолетовая составляющая, оказавшая воздействие на люминесцентный состав, нанесенный на высеченные в камне символы.

Это зрелище напомнило Грею египетский обелиск, сияющий в ультрафиолетовом свете ангельским письмом,— миниатюрную и неполную копию того, что он видел сейчас. Неужели Иоганну Тритемиусу открылось в медитациях нечто большее? И ему явилось видение вот этой самой пещеры?

Грей откинул брезент, открывая широкий сияющий луч. Стена вспыхнула ангельским письмом, которое растеклось в обе стороны, разгоняя темноту, словно загорающаяся нефть.

Грей выпрямился. Вдалеке слева он заметил темное пятно, едва различимое, на самой границе освещенного участка: черный камень на пути сияющего потока горящих букв. Внимание Грея привлекли правильные угловатые контуры пятна.

А что, если это...

Подхватив Сьюзен, он раскрыл ее тело, следя за тем, чтобы прикасаться к ней только через слой брезента. И все же сияние было недостаточно сильным, чтобы проникнуть так далеко. Нужно было поднести Сьюзен ближе. Напрягая силы, Грей потащил брезент, остро сознавая, как одна за другой текут секунды.

Ему была нужна помощь.

— Ковальски! Ты где?

Из-за колонны справа послышался голос:

— Прячусь! Как вы и сказали!

Грей выпрямился во весь рост.

— Ты нужен мне здесь!

— А как же бомба?

— Забудь про бомбу! Пошевеливайся, черт возьми!

Выругавшись в сердцах, Ковальски поспешил к нему, бурча себе под нос:

— Ну почему всегда эти чертовы бомбы...

Подбежав к Грею, великан буквально скользнул за колонну, словно бейсболист, бегущий от третьей базы к «дому».

Грей указал подбородком влево:

— Помоги отнести Сьюзен туда.

Ковальски шумно вздохнул. Схватив брезент словно носилки, они подняли бесчувственное тело молодой женщины и устремились вдоль стены. Вместе с ними загорались участки ангельского письма, ярко вспыхивая при их приближении и снова тускнея, после того как они пробегали мимо.

Сейхан укрывалась за следующей колонной. Привлеченная светящимися символами на стене и лихорадочными действиями Ковальски и Грея, она метнулась к ним.

— Что вы... о, господи!

Грей опустил Сьюзен на пол, по-прежнему открытую. Сияние ее тела падало на стену, воспламеняя ангельское письмо. Но в полосе света оставалось темное пятно характерной формы.

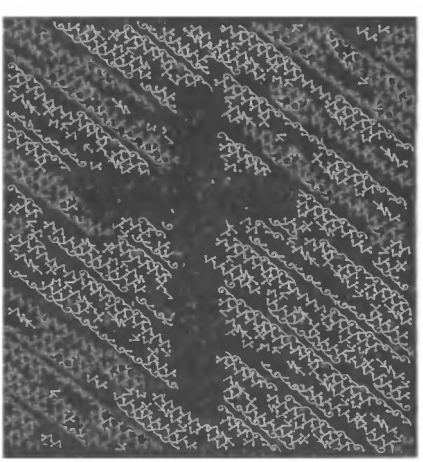
— Вигор! — окликнул Грей.

— Уже иду! — ответил тот.

Очевидно, прелат увидел все из противоположного угла зала. Послышались быстрые шаги: следом за Вигором спешила Лиза.

Все застыли перед стеной, пораженные зрелищем.

Не тем, что светилось, а тем, что *не светилось*.



— Отец Агреер,— прошептал Вигор.— Должно быть, он сделал эту метку, отмыв участок стены. Оставил знак.

— Знак чего? — спросила Сейхан.

— Указание на потайную дверь,— предположил Грей.— Должен быть еще один путь, ведущий в подземную пещеру.

— Но как понимать этот знак? — пробормотал Вигор.

Грей покачал головой, сознавая, что времени осталось в обрез. Если им не удастся отыскать потайную дверь и доставить Сьюзен в безопасное место, туда, где ее не сможет настигнуть «Гильдия», погибнут не только они одни. Если верить Лизе, страшная пандемия уже начала расползаться по всему земному шару.

— Помолитесь напоследок перед смертью! — окликнул их сверху Насер.

— Господи Иисусе! — выпалил Ковальски, хотя его слова не имели никакого отношения к молитве.

Оттолкнув Грея и Вигора в сторону, он подскочил к стене и что есть силы надавил в середину креста.

Каменная дверь повернулась вокруг центральной оси, открывая проход.

Торжествующий Ковальски обернулся.

— Ребята, вовсе не всегда нужны ракетные технологии. Иногда дверь оказывается просто дверью.

Все поспешили к выходу. Грей и Ковальски снова подхватили брезент со Сьюзен. Сейхан и Лиза, вошедшие последними, навалились плечом на каменную дверь, закрывая ее за собой.

Впереди была высеченная в скале песчаника лестница, уходящая вниз.

Ни у кого не было сомнений по поводу того, куда она ведет.

В этот момент послышался приглушенный взрыв, одиночный раскат далекого грома. Грей мысленно поблагодарил отца Агреера.

В прошлом священник уже спас Марко Поло.

И вот теперь он спас жизнь всем им.

Несмотря на облегчение, Грей никак не мог прогнать жуткое предчувствие. Хотя ему самому и удалось вырваться на

свободу, его родители по-прежнему оставались в руках безжалостных убийц. Грей не сомневался, кого Насер заставит расплачиваться за бегство пленников.

0 часов 18 минут
Вашингтон

Сидя на крыше заброшенного склада, Гарриет задремала в объятиях мужа. Ночь стояла теплая. Над головой неуловимо скользил по черному небу месяц. В конце концов физическая усталость сделала свое дело. Первый час Гарриет прислушивалась к крикам и лаю, которые набегали волнами и снова затихали. Потом ей стало все равно. Время словно остановилось, и Гарриет вздрогнула от неожиданности, услышав крик, донесшийся с противоположной стороны крыши. Только сейчас она поймала себя на том, что незаметно провалилась в сон.

— Они уже здесь,— чуть ли не с облегчением промолвил Джек.

Выпрямившись, он указал Гарриет на пустой вентиляционный шкаф. Внутрь с трудом могли втиснуться двое. Забравшись в шкаф, Гарриет протянула руку, чтобы помочь мужу.

Тот вместо этого подобрал с крыши решетку, закрывавшую шкаф.

— Джек? — прошептала Гарриет.

Джек молча поднял решетку, отгораживаясь от жены, и поставил ее на место.

— Нет...— простонала Гарриет.

Установив решетку в шкаф, Джек прижался губами к щелям в ней.

— Пожалуйста, Гарриет, позволь мне сделать это. Я уведу их в сторону. Выиграю для тебя время. Пожалуйста, не лишай меня хотя бы этого.

Их взгляды встретились через узкую щель.

Гарриет все поняла. Слишком долго Джек считал себя лишь наполовину мужчиной. И он не собирался умирать с таким чувством. Но для Гарриет Джек никогда не был неполноценным. И все-таки она не могла лишить его этой жертвы.

Пусть она станет ее последним подарком мужу.

Заливаясь слезами, Гарриет просунула пальцы в щель. Джек прикоснулся к ним, благодаря ее, молча выражая свою любовь.

Крики становились все ближе. Времени больше не осталось.

Развернувшись, Джек пополз к парапету на краю крыши, сжимая в кулаке пистолет. Добравшись до парапета, он поднялся и, опираясь на него, неуклюже запрыгал влево.

Гарриет провожала его взглядом, но Джек скоро скрылся из виду. Она закрыла лицо руками.

В той стороне, куда удалился Джек, послышались крики. Судя по всему, один из преследователей обнаружил беглеца. Прогремел выстрел из пистолета.

Джек.

Гарриет стала мысленно считать выстрелы, помня, что у него осталось только три патрона.

Загремел ответный огонь. Пули застучали по металлу. Должно быть, Джек нашел какое-то укрытие. Раздался еще один одиночный выстрел.

Остался последний патрон.

В звенящем затишье посреди короткой перестрелки отчетливо прозвучал голос Джека:

— Вы ни за что не найдете мою жену. Я спрятал ее там, где вам ее не достать.

Другой голос прозвучал всего в нескольких шагах от шкафа, в котором укрылась Гарриет, напугав ее.

Аннишен.

— Если ее не найдут собаки,— крикнула она Джеку,— я позабочусь о том, чтобы она сама вышла к нам, услышав твои крики.

В щели решетки показались ее ноги. Аннишен зашептала в рацию, приказывая своим людям обойти Джека сбоку. Вдруг она застыла, прислушиваясь.

В ночную тишину ворвался новый звук, подобный свисту сильного ветра.

Над крышей завис поднявшийся снизу вертолет, угловатый, похожий на хищную осу. Несомненно, военный. По крыше полоснула длинная очередь из крупнокалиберного пулемета. Послышались крики. Топот ног. Один боевик, пробегавший мимо вентиляционного шкафа, вдруг словно налетел на невидимую веревку и, споткнувшись, растянулся во весь рост.

Погруженные в темноту улицы, ведущие к складу, огласились воем сирен. Усиленный мегафоном голос потребовал с борта вертолета бросить оружие.

Аннишен присела на корточки за вентиляционным шкафом, приготовившись совершить короткий бросок к ближайшему выходу на крышу. Гарриет непроизвольно отпрянула назад; ее локоть с глухим стуком ударил по стене шкафа.

Аннишен вздрогнула и обернулась, всматриваясь внутрь.

— А, миссис Пирс.— Развернувшись, она просунула пистолет в щель решетки, готовая выстрелить в упор.— Пришло время попрощаться...

Громкий выстрел оглушил Гарриет. Тело Аннишен налетело на решетку, затем сползло на гудрон. Гарриет успела разглядеть выбитую пулей глазницу.

Позади упавшей Аннишен показался прыгающий на одной ноге Джек. Он отбросил в сторону дымящийся пистолет.

Это был его последний патрон.

Гарриет распахнула решетку. Выходя из шкафа, она споткнулась о ноги Аннишен и, всхлипывая, бросилась в объятия Джека. Они обессиленно опустились на гудрон.

— Джек, никогда больше не оставляй меня одну.

Пирс-старший крепче стиснул жену в объятиях.

— Ни за что,— заверил ее он.

По извивающимся тросам с вертолета спустились на крышу люди в военной форме. Гарриет и Джека сразу же взяли под охрану. Солдаты быстро очистили крышу. Внизу продолжали завывать сирены. Из склада доносились крики и выстрелы.

К Пирсам приблизился человек в каске и бронежилете. Он опустился на корточки.

Подняв взгляд, Гарриет удивилась, увидев знакомое лицо.

— Директор Кроу?

— Миссис Пирс, ну когда вы начнете называть меня просто Пейнтером? — спросил тот.

— Как вы нас нашли?..

— Похоже, кое-кто поднял большой переполох на улице рядом с мясной лавкой,— устало усмехнулся Пейнтер.— Такой большой, что это запомнили.

Гарриет стиснула мужу руку, благодаря за то, что он тогда ей подыграл.

— Мы с самого утра прочесывали эту улицу,— продолжал Пейнтер,— и сорок пять минут назад наш сотрудник обнаружил одного милого джентльмена с тележкой из универсама. Тот сразу же опознал вашу фотографию. И как выяснилось, он оказался настолько подозрительным, что записал номер микроавтобуса, а также марку и модель. После чего не составило особого труда проследить за устройством джи-пи-эс микроавтобуса. Сожалею, что мы не смогли подоспеть раньше.

Джек украдкой вытер глаза, отвернувшись, чтобы никто не видел его слез.

— Лучшего момента нельзя было и придумать. За мной большая бутылка того выдержанного виски «Макаллан», которое вам так нравится.

Гарриет прильнула к мужу. Пусть Джек путал имена знакомых, но он никогда не забывал, кто что любит пить.

Пейнтер встал.

— Я обязательно с удовольствием разопью с вами эту бутылку, но сейчас мне нужно срочно сделать один звонок.— Отвернувшись, он пробормотал себе под нос, но Гарриет расслышала его слова: — Если только уже не слишком поздно.

11 часов 22 минуты
Ангкор

Лиза, спотыкаясь, спускалась по лестнице следом за монсиньором Вероной. Ей приходилось идти пригнувшись, придерживаясь рукой за сырую стену. В воздухе пахло перегно-

ем, как пахнет осенью в промокшем от дождя лесу. Нельзя сказать, чтобы этот запах был неприятным, но от него пощипывало в ноздрях.

Впереди виднелось слабое манящее сияние, проникающее снизу.

Конечная цель.

Лестница наконец закончилась, приведя беглецов в просторную пещеру. Отголоски шагов гулко зазвучали в замкнутом пространстве. Над головой своды уходили вверх на высоту пятиэтажного дома. Пещера имела яйцевидную форму, семьдесят ярдов в поперечнике в самом широком месте. Там, где заканчивалась лестница, своды расходились естественной аркой. Такую же арку можно было разглядеть в противоположном конце пещеры.

— Она действительно очень похожа на панцирь черепахи,— пробормотал Вигор.— Даже эти два входа, здесь и напротив. Как спереди и сзади панциря.

Ковальски, тащивший Сьюзен вместе с Греем, пробормотал:

— Ну и где же мы? Ползем вниз по глотке черепахи или поднимаемся по ее заднице?

Но, выпрямившись, великан тихо присвистнул. И Лиза поняла, чем была вызвана его реакция.

Впереди виднелось круглое озеро. Черная вода застыла словно зеркало, обрамленная каменным кольцом. Два прямых луча солнечного света, проникая через глазницы каменного изваяния наверху, струились прямо в центр озера.

Но в том месте, где солнечные лучи падали на черную воду, разливалась молочно-белая светящаяся лужица, как будто это растекалось жидкое солнце, льющееся из-под сводов пещеры. Молочно-белое сияние мерцало и дрожало, кружилось водоворотами и расплескивалось волнами.

Словно живое существо.

Каковым оно и было.

— Солнечный свет заряжает энергией сине-зеленые водоросли, живущие в воде,— сказала Лиза.

Тонкие струйки жидкости, сорвавшись с глаз идола, с тихим шипением упали в воду. В этих местах белесое свечение тотчас же погасло.

— Кислота,— догадался Грей, напоминая всем об опасности, которая оставалась наверху.— Из взрывчатки. Не знаю, сколько времени потребуется на то, чтобы нейтрализовать склеп, но, по крайней мере, каменная плита пока что держится. Однако рано или поздно Насер со своими людьми спустятся туда с кувалдами и отбойными молотками и завершат начатое.

— Так что же нам делать? — спросила Сейхан.

Ковальски презрительно фыркнул:

— Убираться отсюда ко всем чертям.

Грей повернулся к Лизе.

— Ты не могла бы сбегать вперед и проверить дальнюю арку? Посмотреть, есть ли там второй выход. Как сказал Вигор, панцирь черепахи имеет два отверстия, одно для головы и другое для хвоста. Это наша единственная надежда.

Лиза заупрямилась.

— Грей, по-моему, мне лучше остаться со Сьюзен. Как-никак, у меня есть медицинское образование...

С брезента послышался стон. Слабо поднялась рука.

Лиза подошла к Сьюзен, старательно следя за тем, чтобы не прикоснуться к ней.

— Она по-прежнему остается нашей единственной надеждой получить лекарство.

— Я пойду,— вызвалась Сейхан.

Лиза заметила мелькнувшее в глазах Грея подозрение: похоже, он не доверял этой женщине. И все же Грей кивнул:

— Найди выход.

Сейхан ушла, не сказав ни слова. Остальные последовали за ней по каменному берегу.

Грей осмотрелся по сторонам.

— Это похоже на древний провал. Такие встречаются во Флориде, а также в Мексике. А впоследствии отверстие, оставшееся открытым, завалило глыбой песчаника.

Присев на корточки у стены, Лиза соскоблила с каменного пола какое-то высохшее вещество. Оно рассыпалось у нее в пальцах.

— Истлевшие испражнения летучих мышей,— сказала она, подтверждая предположение Грея.— Значит, в прошлом пещера сообщалась с открытым воздухом.

Вытерев руки, Лиза взглянула на Сьюзен. У нее в голове отдельные догадки уже начинали складываться в цельную картину.

Вигор обвел рукой подземное озеро:

— Должно быть, древние кхмеры наткнулись на этот провал, обратили внимание на свечение воды, решили, что в озере обитает какое-то божество, и попытались включить пещеру в состав своего храма.

— Но они даже не догадывались о том, что делают,— подхватила Лиза.— Они вторглись в чужие владения. Нарушили хрупкую биологическую систему и выпустили на свободу смертоносный вирус. Иногда на удар человека природа отвечает своим мощным ударом.

Они продолжили путь вокруг озера.

Впереди в воду уходил тонкий каменный выступ, едва различимый в темноте. Лишь нахлынувшая волна светящейся воды открыла крошечный полуостров.

И кое-что еще.

— Это кости? — спросил Ковальски, глядя в воду у самого берега.

Маленький отряд остановился.

Лиза подошла к самой кромке озера. Мягкое свечение проникало в глубь кристально-прозрачной воды. Каменное дно плавно уходило вниз, затем в десяти ярдах обрывалось крутым уступом.

По всему мелководью дно озера было завалено костями, лежавшими отдельными кучками и большими грудами: хрупкими птичьими черепами, маленькими грудными клетками обезьян, еще чьими-то черепами, увенчанными рогами, а не-

далеко от берега громадным белым валуном вздымался массивный слоновий череп с одним обломанным по самое основание бивнем. Но было здесь еще кое-что: сломанные бедренные кости, более длинные и тонкие берцовые кости, большие корзины ребер и, рассыпанные словно желуди, черепа, черепа и черепа.

Человеческие.

Подземное озеро представляло собой огромное кладбище.

Притихшие беглецы продолжали путь.

По мере того как они обходили озеро по каменистому берегу, на поверхности воды медленно расплывалось светящееся пятно. Жжение в носу, на которое уже обратила внимание Лиза, становилось сильнее. Ей вспомнился остров Рождества, мертвое болото, оставленное на наветренной стороне.

Биотоксины.

Ковальски поморщился.

Подобно нюхательной соли, едкий запах оживил Сьюзен. Ее веки, задрожав, поднялись, и глаза засияли в темноте, словно свечение в озере. Все еще не придя окончательно в себя, она узнала Лизу. Сьюзен попыталась сесть.

Грей и Ковальски опустили ее на пол, поскольку им самим все равно требовалось отдохнуть. Они принялись разминать затекшие руки и спины.

Присев рядом со Сьюзен, Лиза заботливо прикрыла ей плечи брезентом и помогла сесть.

— Все в порядке,— заверила ее Лиза.— Это друзья.

Пытаясь успокоить Сьюзен, она представила остальных. Постепенно туман паники рассеялся. Казалось, Сьюзен полностью очнулась — но тут она взглянула за плечо Лизы и увидела светящееся озеро.

Отпрянув назад, Сьюзен налетела спиной на стену и, шатаясь, поднялась на ноги.

— Вас не должно здесь быть,— повышая голос, простонала она.

— Вот уж что правда, то правда, твою мать,— поддержал ее Ковальски.

Не обращая на него внимания, Сьюзен не отрывала взгляда от озера. Ее голос стал тише:

— Это будет как на острове Рождества. Только в сто раз хуже... в замкнутом пространстве пещеры. И вы все окажетесь беззащитны.

Лиза в этом не сомневалась. У нее уже начинало пощипывать кожу.

— Вы должны уходить.— Сьюзен выпрямилась, держась за стену.— Только мне одной можно находиться здесь. Я должна быть здесь.

Лиза увидела у нее в глазах страх, но также и непоколебимую решимость.

— Ради того, чтобы получить лекарство? — сказала Лиза.

Сьюзен кивнула.

— Я должна заразиться еще раз, тем, что находится здесь. Я не могу объяснить, откуда мне это известно, но это так.— Она прикоснулась ладонью к голове.— У меня такое ощущение, будто... будто я одной ногой в прошлом, а другой здесь. Мне трудно находиться здесь. Меня переполняют мысли, чувства. Я не могу отключить все это. И я... я чувствую, как это разрастается.

И снова у нее в глазах ярко вспыхнул страх.

То состояние, которое описала Сьюзен, напомнило Лизе аутизм, неспособность остановить на неврологическом уровне поток чувственных восприятий. Однако некоторые больные, страдающие аутизмом, становятся олигофренами, гениями в какой-то узкой области: изменения в нервной системе приводят к развитию блестящих способностей. Лиза постаралась представить патофизиологические процессы, происходящие в головном мозге Сьюзен, кишащем странными биотоксинами, возбужденном микроорганизмами, вырабатывающими токсины. Человек использует лишь малую часть возможностей своего головного мозга. Лиза мысленно увидела электроэнцефалограмму мозга Сьюзен, объятого огнем, бурлящего энергией.

Шатаясь, Сьюзен добрела до края воды.

— У нас есть только один этот шанс.

— Почему? — спросил Грей, приближаясь к ней.

— После того как озеро достигнет критической массы и взорвется, выбрасывая целиком свой токсический заряд, оно истощится. И потребуется целых три года, чтобы оно восстановило свои свойства.

— Откуда вам это известно? — недоверчиво спросил Грей.

Сьюзен перевела взгляд на Лизу, ища у нее помощи.

— Сьюзен просто знает это,— ответила та.— Каким-то образом она связана с этим местом. Сьюзен, вот почему ты так стремилась сюда попасть?

Сьюзен кивнула:

— Открывшись воздействию солнечного света, озеро забурлило, готовясь к взрыву. Если бы я не успела...

— Тогда мир на три года остался бы беззащитным. Лекарства не было бы. Пандемия распространилась бы на весь земной шар.

Лиза представила себе микрокосм на борту круизного лайнера, увеличенный до глобальных масштабов.

От этих жутких мыслей ее оторвали быстрые шаги возвращающейся Сейхан. Молодая женщина задыхалась, ее лицо блестело от пота.

— Я нашла дверь.

— В таком случае уходите,— настойчиво промолвила Сьюзен.— Немедленно.

Сейхан покачала головой:

— Я не смогла ее открыть.

— А ты ее хорошенько толкнула? — насмешливо спросил Ковальски, подкрепляя свои слова выразительными жестами.

Закатив глаза, Сейхан все же кивнула:

— Да, я ее толкала.

Ковальски картинно вскинул руки вверх, признавая свое поражение.

— Ну, тогда я больше ничего не могу предложить.

— Но над каменной аркой есть крест,— продолжала Сейхан.— И какая-то надпись, вот только там слишком темно и я не смогла ее разобрать. Быть может, в этих словах ключ к разгадке.

Грей повернулся к прелату.

— Фонарик по-прежнему у меня,— ответил тот.— Я пойду с Сейхан.

— Поторопитесь! — бросил им вдогонку Грей.

Уже становилось трудно дышать. Светящееся пятно разрасталось, приближаясь к берегам.

Сьюзен указала на воду:

— Я должна войти в озеро.

Они направились к скалистому мысу, выступающему далеко от берега.

Грей поравнялся с Лизой.

— Ты что-то говорила про нарушенную биологическую систему. Не хочешь просветить меня, что за чертовщина, на твой взгляд, здесь происходит?

Он указал на светящееся озеро, на Сьюзен.

— Всего я не знаю, но не сомневаюсь, все ключевые игроки мне известны.

Грей кивнул, приглашая ее продолжать. Лиза указала на расплывающееся белое пятно:

— Все началось здесь, с самого древнего живого существа на земле. С сине-зеленых водорослей. Предшественников всех современных растений. Они заполнили все экологические ниши: их можно найти в камнях, в песке, в воде и даже в других живых организмах.— Она выразительно кивнула на Сьюзен.— Но я забегаю вперед. Давай начнем с самого начала.

— С этой пещеры.

Лиза кивнула:

— Сине-зеленые водоросли заполнили этот провал, но, если ты помнишь, им необходим солнечный свет, а в пещере по

большей части темно. Вероятно, отверстие вверху первоначально было еще меньше. Для того чтобы выжить здесь, водорослям был необходим другой источник энергии, источник пищи. А сине-зеленые водоросли мастерски умеют приспосабливаться к особенностям окружающей среды. Пищи у них было достаточно — наверху, в джунглях... требовалось только найти способ добраться до нее. Ну а природа-мать проявляет чудеса изобретательности, выстраивая самые невероятные взаимоотношения между различными живыми организмами.

Лиза повторила то, о чем когда-то рассказывала доктору Девешу Патанджали: про ланцетовидного печеночного сосальщика, в чьем жизненном цикле участвуют три хозяина: травоядное животное, улитка и муравей.

— И на определенном этапе сосальщик, по сути дела, захватывает муравья, в котором обосновался. Он заставляет муравья взобраться по травинке, блокирует ему челюсти и ждет, когда его вместе с травой съест пасущаяся корова. Вот какие чудеса творит природа. И то, что произошло здесь, не менее удивительно.

Лиза продолжала, радуясь тому, что ей предоставилась возможность высказать вслух свои теории. Она подробно рассказала о той оценке, которую дал иудину штамму Хенрик Барнхардт, классифицировавший вирус как представителя семейства Bunyavirus. Она вспомнила диаграмму, нарисованную Хенриком, которая отображала линейную передачу вируса от одного человека к другому через членистоногое.

Человек ⟶ Насекомое (членистоногое) ⟶ Человек

— Но мы ошибались,— закончила Лиза.— Похоже, вирус заглянул в учебник, написанный печеночным сосальщиком. Здесь в игре участвуют три хозяина.

— Если первым хозяином являются сине-зеленые водоросли,— спросил Грей,— то кто в этом жизненном цикле выполняет роль второго хозяина?

Устремив взгляд на закупоренное отверстие в потолке, Лиза пнула ногой высохший помет летучих мышей.

— Сине-зеленым водорослям нужно было найти какой-то способ вырваться из этой клетки. А поскольку они уже делили эту пещеру с летучими мышами, они решили воспользоваться их крыльями.

— Подожди. С чего ты взяла, что водоросли использовали летучих мышей?

— Все дело в вирусе. Он любит членистоногих, в том числе насекомых и ракообразных. Однако штаммы Bunyavirus можно также найти в мышах и летучих мышах.

— Значит, ты полагаешь, что иудин штамм — это мутировавший вирус, обитавший в летучих мышах?

— Да. Причем мутацию вызвали нейротоксины, вырабатываемые сине-зелеными водорослями.

— Но с какой целью?

— Для того чтобы сводить летучих мышей с ума и потом рассылать их в окружающий мир. Они понесут в себе вирус, который вторгнется в местную биосферу через обитающие в ней бактерии. По сути дела, каждая летучая мышь превращается в маленькую биологическую бомбу. Которая опустошает все вокруг там, куда попадает. Если Сьюзен права, озеро каждые три года рассылало эти биобомбы, давая окружающей среде возможность восстановиться в промежутках между эпидемиями.

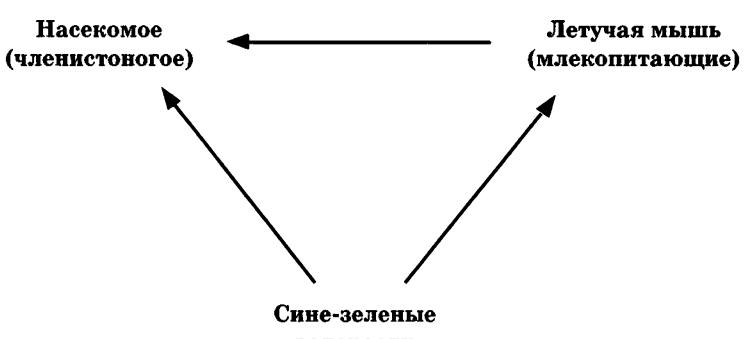
— Но какой толк сине-зеленым водорослям в том, что болезнь убивает птиц и млекопитающих за пределами пещеры?

— А вот тут как раз наступает черед третьего хозяина, еще одного сообщника. Членистоногого. Вспомни, членистоногие являются излюбленными хозяевами Bunyavirus. Насекомые и ракообразные. При этом именно они являются лучшими в природе мусорщиками. Именно они расправляются с мертвечиной, выполняя заказ вируса, который вначале пробуждает в них неутолимый голод...— Лиза запнулась, вспоминая людоедство на борту круизного лайнера. Она сделала

над собой усилие, стараясь сохранить профессиональную отрешенность.— Стимулировав голод, обеспечив полную подчистку падали, вирус «перепрограммирует» хозяина, заставляя его вернуться сюда, в эту пещеру, притащив с собой свою добычу, чтобы та попала в озеро и стала кормом сине-зеленым водорослям. И у членистоногих нет выбора. Происходит то же самое, что и в случае с печеночным сосальщиком и муравьем. Неврологическое внушение, неудержимый позыв к миграции.

— То же самое сейчас происходит со Сьюзен,— заметил Грей.

Лиза нахмурилась, услышав такое сравнение. Она мысленно изобразила жизненный цикл, который только что описала Грею. Имеющий форму не прямой линии, а треугольника: сине-зеленые водоросли, летучие мыши и членистоногие. Соединенные вместе иудиным штаммом.



— Со Сьюзен все обстоит по-другому,— возразила Лиза.— Человек не должен был становиться частью этого цикла. Но мы, будучи млекопитающими, как и летучие мыши, подвержены действию токсинов, вируса. Так что когда кхмеры случайно наткнулись на эту пещеру, люди непроизвольно стали участниками жизненного цикла вируса, заняв место летучих мышей. Распространяя его не на крыльях, а на своих двух

ногах. Каждые три года на местное население стали обрушиваться страшные эпидемии, несущие смерть.

Грей бросил взгляд на Сьюзен.

— Но что с ней? Почему она осталась в живых?

— Как я уже говорила, у меня нет ответов на все вопросы.— Лиза вспомнила дискуссию по поводу тех, кто остался жив, переболев чумой, по поводу кодов вирусов, скрытых в человеческих ДНК.— Нервная система человека в тысячу раз сложнее нервной системы летучей мыши или краба. И, подобно сине-зеленым водорослям, человек обладает способностью подстраиваться под меняющиеся условия окружающей среды. Как знать, какие чудеса сварились из этих токсинов, попавших в нашу более совершенную нервную систему?

Они подошли к узкому выступу, уходящему в озеро. Лиза вздохнула.

Обернувшись, она увидела вверху странное зрелище. Из пустых глазниц каменного идола выходили струйки дыма, ярко освещенные огненным солнцем.

— Это нейтрализирующий порошок,— сказал Грей, заметив то же самое. Он ускорил шаг, увлекая всех за собой.— Должно быть, Насер завершает дезактивацию верхнего склепа. Времени у нас больше нет.

11 часов 39 минут

Поднявшись до конца лестницы, Вигор опустился на колени перед маленькой каменной дверью. Сейхан стояла у него за спиной, светя фонариком. Арка из известняка обрамляла плиту обтесанного песчаника — сочетание природы и творения рук человеческих.

Над дверью, в изогнутом своде известняка был вделан бронзовый медальон с выгравированным на нем распятием. Изучив его, Вигор пришел к выводу, что эту метку также оставил отец Агреер.

Подтверждение своему предположению он обнаружил ниже.

Проведя пальцами по каменной двери, прелат наткнулся на высеченные на плите из песчаника буквы. Однако теперь это были не ангельские письмена, а итальянский язык. Последнее завещание отца Агреера.

«В год 1296-й от Воплощения Сына Божия я поведал камню эту последнюю молитву. Когда я попал сюда, на меня пало проклятие, причинившее мне великие страдания, однако я подобно Лазарю очнулся от сна смерти. Я не понимаю, какая дьявольская напасть поразила меня, но я остался в живых, получив странную отметину, лихорадочное свечение кожи. За это спасение я прислуживал тем немногим, кто пережил великую болезнь. Но теперь меня гложет чувство странного раскаяния. Воды внизу уже начали бурлить пламенем Преисподней. Я знаю, что меня влечет навстречу смерти. С огромным трудом удалось мне убедить остальных возвести эту печать, сооруженную под моим личным наблюдением. И я иду, читая одну лишь молитву. Больше, чем спасения своей души, я жажду того, чтобы эта дверь оставалась навеки запечатана Крестом Господним. Пусть только сильный духом Господа осмелится ее отворить».

Вигор прикоснулся к затейливой росписи внизу: «Отец Антонио Агреер».

У него за спиной послышался голос Сейхан:

— Значит, после ухода Марко Поло священника заразили болезнью, однако он не умер, а остался в живых. Как и эта женщина.

— Быть может, светящиеся язычники, предложившие исцеление отряду Марко, каким-то образом определили, что отец Агреер останется жив. И именно поэтому выбрали его. Но обрати внимание на дату. Тысяча двести девяносто шестой год. Священник прожил здесь три года. Тот самый временной интервал, которым, по словам Сьюзен, отделены друг от друга вспышки заболевания.— Вигор оглянулся назад.— Она права.

Сейхан махнула рукой:

— Под росписью написано еще что-то.

Вигор кивнул:

— Цитата из Библии, Евангелие от Матфея, глава двадцать восьмая, описывающая воскресение Иисуса из гроба.— Вигор прочитал цитату вслух: — «И вот, сделалось великое землетрясение; ибо Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем».

— Ну да, много от этого толку.

Однако это было именно так.

Вигор посмотрел на распятие, высеченное на бронзовом медальоне над дверью. Мысленно прочтя молитву, он осенил себя крестным знамением.

Не успел он закончить, как у него под ногами задрожала земля. Где-то позади с грохотом обвалилась часть скалы; казалось, вся пещера начинает рушиться.

Схватив фонарик, Сейхан бросилась назад выяснять, в чем дело.

— Ждите меня здесь!

На прелата опустился леденящий мрак. Хотя он больше не видел высеченных на камне слов, они яркими буквами горели у него в сознании.

«И вот, сделалось великое землетрясение...»

11 часов 52 минуты

Услышав гулкий грохот, от которого содрогнулась вся пещера, Грей опустился на колени, прикрывая своим телом Лизу. Ковальски склонился над ней с другой стороны. Сталактит, оторвавшись от свода, свалился в воды озера. От того места, где он был, по толще известняка побежали во все стороны расходящиеся глубокие трещины.

Сьюзен присела на корточки на каменном языке, уходящем в светящееся озеро. Повсюду вокруг вода дрожала, вибрировала, набегая на берег и откатываясь назад. Над ней поднимался едкий, удушливый дым.

Наполненный иудиным штаммом.

Наверху гремели новые взрывы, пушечными ядрами колотя по сводам пещеры.

— Что происходит? — крикнула Лиза, перекрывая грохот.

— Это бомба Насера,— выдохнул Грей, чувствуя нарастающий звон в ушах.

Еще когда они находились наверху, Грей изучил колонны, на которые опирался фундамент Байона. Он обратил внимание на то, что массивные каменные столбы покрыты трещинами и разломами, вызванными многовековой нагрузкой, а также периодическими смещениями земли. И вот теперь, судя по всему, мощный взрыв увеличил трещины еще больше. А затем хлынувшая кислота, просочившись во все эти разломы, растворила основу колонн.

— Похоже, обрушилась одна из колонн, на которых держался фундамент Байона,— предположил Грей.— И вместе с ней часть храма.

Он поднял взгляд вверх.

Грохот падающих каменных блоков прекратился — но надолго ли? Грей посмотрел на Сьюзен. Та выпрямилась во весь рост, медленно, с опаской. Она оглянулась назад, несомненно страстно желая вернуться на берег. Но, помедлив мгновение, Сьюзен развернулась и продолжила путь вперед.

Впереди два тонких солнечных луча стали еще ярче: наступил полдень, и солнце в полную силу жарило древние развалины.

— Долго ли еще продержится свод пещеры? — спросила Лиза, с тревогой глядя на Сьюзен.

— Будем надеяться, что долго.

Грей не сомневался, что, если обрушится еще одна колонна в основании Байона, обвалившийся храм раздавит своей тяжестью этот пузырь в известняке, словно мягкий пончик. Он потянул Лизу за руку, помогая ей встать. Оставаться здесь нельзя. Даже если колонны выдержат, бурлящее подземное озеро грозило выйти из берегов.

Теперь сияла уже вся его поверхность. Там, где падал сдвоенный луч солнечного света, вода начинала пениться, выбрасывая в воздух все больше токсинов, все больше иудина штамма.

Пора уходить отсюда.

Дойдя до конца каменного языка, Сьюзен села, подобрав под себя ногу. Она упорно держалась к остальным спиной, вероятно опасаясь, что, если увидит их, у нее сдадут нервы и она бросится бегом назад. Сьюзен казалась такой одинокой, такой испуганной.

Грей содрогнулся в хриплом кашле. У него горели легкие. Он чувствовал на языке едкий привкус токсина. Ждать больше было нельзя.

Лиза тоже понимала это. Ее налившиеся кровью глаза слезились, и дело было не только в обжигающем прикосновении воздуха. Она переживала за свою подругу.

У Сьюзен не было выбора. Как и у них.

Они поспешили к виднеющейся вдалеке арке. Мерцающий огонек фонарика впереди сообщил о бегущей назад Сейхан. Она была одна. А где же Вигор?

Где-то вверху снова послышался грохот обрушившихся камней. Грей сжался, опасаясь новой лавины.

Действительность оказалась хуже.

Каменная затычка, закрывавшая отверстие в потолке, осыпалась градом осколков. Вспыхнул яркий солнечный свет. Большой кусок с высеченным уголком поднятого края губы плюхнулся в воду, обдав Сьюзен дождем брызг. Все новые и новые камни глубинными бомбами падали в озеро.

Вверху послышались торжествующие крики. Грей различил голос Насера:

— Они должны быть где-то там, внизу!

Однако в настоящий момент наибольшую опасность представлял не Насер.

Неприкрытый диск палящего солнца всей своей мощью обрушился на озеро, буквально воспламеняя воду. Уже доведенное до критической точки, бурление мгновенно превра-

тилось в кипение. По всей толще воды стали лопаться шары, выбрасывая гейзеры газа.

Озеро словно взорвалось.

Грей понял, что они не успеют добежать до лестницы.

Он отпрянул назад, таща за собой Ковальски и Лизу, и крикнул Сейхан:

— Ложись на землю! Живо!

Последовав собственному совету, он распластался на камнях, увлекая Ковальски и Лизу. Схватив брошенный кусок брезента, на котором тащили Сьюзен, Грей накрыл им всех троих, стараясь захватить внутри как можно больше воздуха.

— Прижимайте свои края к камню! — приказал он остальным.

Накрытые брезентом, они услышали клекот кипящей воды, дающей выход шипящей ярости, затем раздался громкий гулкий шлепок, словно все озеро подпрыгнуло на фут вверх и плюхнулось обратно вниз. Набежавшая волна омыла щиколотки Грея и тотчас же отступила.

Воздух под брезентом превратился в жидкий огонь.

Грей, Лиза и Ковальски прижались друг к другу, судорожно дыша, кашляя, задыхаясь.

— Сьюзен...— наконец хрипло простонала Лиза.

12 часов 0 минут

Сьюзен закричала.

Она кричала не только за счет легких и вибрирования голосовых связок. Она вопила всем своим естеством.

От мучительной боли нельзя было скрыться. Рассудок Сьюзен, все еще обостренный солнечным светом, продолжал подробно фиксировать каждое ощущение. Все ее существо, лишенное возможности провалиться в забытье, записывало каждую мелочь: обжигающий огонь в легких, ослепительный свет перед глазами, сдирающуюся кожу. Сьюзен пылала изнутри, вознося свой крик к небесам.

Но было ли кому услышать ее крик?

Исторгнув вверх всю себя, Сьюзен наконец обрела облегчение.

Она обессиленно упала на камни.

Ее сердце сжалось последний раз.

И после этого — пустота.

12 часов 1 минута

— Что со Сьюзен? — в ужасе промолвила Лиза.

Осторожно приподняв край брезента, Грей бросил взгляд в сторону каменистого выступа. Озеро по-прежнему бурлило, возбужденное беспощадным солнцем. В воздухе над водой висело дрожащее марево маслянистой миазмы.

Однако основная часть газов, закручиваясь по спирали, уходила вверх, в отверстие, ставшее дымоходом, которое превратило главную башню Байона в вытяжную трубу.

Грей понял, что только благодаря этому они остались в живых. Если бы пещера по-прежнему была запечатана наглухо...

Еще одному члену их отряда, находившемуся на узкой полосе полевого шпата, уходящей в воду, досталось гораздо серьезнее. Сьюзен лежала на спине, неподвижная словно статуя. Грей не смог разглядеть, дышит ли она. Больше того, на фоне ослепительного солнечного света он вообще с трудом различал очертания ее тела.

И только тут до него дошло.

Каменный язык не доходил до пятна солнечного света. Сьюзен оставалась в тени, однако она больше не светилась. Сияние ее тела погасло, словно задутая свеча.

Что это могло означать?

Сверху, из храма, окутанного ядовитыми выделениями озера, донеслись крики. Грей также различил грохот новых камней, падающих на крышу пещеры. Судя по всему, ядовитые газы продолжали свою разрушительную работу, ослабляя хрупкое равновесие каменной махины над головой.

— Нам нужно немедленно покинуть пещеру,— сказал Грей.

— А как же Сьюзен? — спросила Лиза.

— Будем надеяться, она уже в достаточной степени соприкоснулась с заразой. И то, что должно было произойти, произошло.

Грей поднялся на колени, откашливаясь. Теперь всем им понадобится лекарство. Он посмотрел на Ковальски:

— Проводи Лизу к лестнице.

Ковальски рывком встал на ноги.

— Меня дважды просить не надо.

Грей выпрямился, по-прежнему держа брезент над головой. Лиза схватила его за руку.

— Что ты задумал?

— Я должен забрать Сьюзен.

Высунувшись из-под брезента, Лиза взглянула в сторону озера — и тотчас же зажала рот. Вода продолжала бурлить, исторгая из себя пузырьки газа.

— Грей, ты не сможешь.

— Я должен.

— Но я не вижу, чтобы Сьюзен шевелилась. Боюсь, внезапного взрыва оказалось для нее чересчур много.

Грей вспомнил рассказ Марко Поло о своем вынужденном людоедстве, о том, как его заставили выпить кровь и съесть плоть другого человека, чтобы остаться в живых.

— Не думаю, что теперь имеет значение, жива она или нет. Нам нужно лишь ее тело.

Лиза вздрогнула, пораженная жестокостью слов Грея, но не стала возражать.

— Мне понадобится брезент,— добавил Грей.

Кивнув, Ковальски крепко взял Лизу за руку.

— Я ничего не имею против. Беру на себя девчонку.

Закутавшись в брезент, Грей направился к берегу. В первую очередь он укрыл себе голову, оставив лишь узкую щелку, чтобы смотреть. Сзади послышался топот ног Лизы и Ковальски, бегущих к лестнице.

Еще один камень из стен храма обрушился сверху на свод пещеры. Этот звук стал выстрелом из стартового пистолета.

Пригибаясь, Грей побежал по полосе шпата.

Тридцать ярдов.

Только и всего.

Туда и обратно.

Всего в нескольких шагах от берега Грей окунулся в густое облако зловонных токсинов. Он задержал дыхание. И все же у него возникло такое ощущение, будто он наткнулся на стену огня. Ему сразу же обожгло глаза, и он зажмурился, оставив лишь маленькие щелки, однако изображение окружающего все равно расплылось в нахлынувших слезах. Лишившись возможности видеть, Грей закрыл глаза, плотнее запахнул брезент и продолжал путь вслепую, считая шаги.

Досчитав до тридцати, он рискнул мельком взглянуть вперед. Его встретила огненная преисподняя.

Но сквозь боль ему удалось разглядеть откинутую руку. Всего в одном шаге впереди. Сделав этот шаг, Грей нагнулся и схватил руку. К счастью, Сьюзен больше не светилась, не жгла. И все же Грей не смог ее поднять. Он попятился назад, таща Сьюзен за собой. Брезент путался у него под ногами, мешая идти. В конце концов Грей его отбросил в сторону, предварительно сделав последний глоток воздуха.

Этот вдох повалил его на колени. У него сжалась грудь, протестующе стиснулось горло.

Он словно проглотил пламя.

Поднявшись на ноги, Грей побрел вслепую, волоча за собой бесчувственную Сьюзен. Его кожа горела, словно исхлестанная плетью со стальными шипами.

«Не дойду...»

Огонь.

Пламя.

Пожар.

Споткнувшись, Грей упал на колено.

«Нет...»

И тотчас же снова поднялся — но уже не сам.

— Я тебе помогу,— послышался голос у самого его уха.

Сейхан. Подхватив Грея под мышки, она волокла его. Он тщетно пытался идти самостоятельно, но его ноги бессильно скользили по камням.

Грей начал было что-то говорить, но лишь хрипло раскашлялся. Однако Сейхан поняла его и без слов.

— Ее несет Ковальски.

— Я здесь, босс,— прозвучал рядом голос великана.— Ну это была и пробежка! Не хватило всего трех шагов до линии ворот. Конечно, это не чистый занос, но именно для того и нужна команда, черт побери.

Они торопились обойти вокруг озера, отдалиться от бушующей посреди пещеры бури. Постепенно к Грею вернулась способность видеть. Он наконец смог самостоятельно держаться на ногах.

Однако Сейхан по-прежнему продолжала поддерживать его.

— Спасибо,— хрипло шепнул Грей ей на ухо.

Одна щека у нее была покрыта волдырями от ожогов, глаз полностью заплыл.

— Давайте просто поскорее выберемся отсюда ко всем чертям,— пробормотала Сейхан, скорее раздраженно, чем с облегчением.

— Аминь, сестренка,— согласился Ковальски.

Оглянувшись на озеро, Грей увидел, как что-то провалилось в отверстие в потолке и повисло на веревке, словно крючок с наживкой, раскачиваясь из стороны в сторону.

Большой плотный мешок.

— Бомба...— прошептал Грей.

— Что? — спросил пораженный Ковальски.

— Бомба,— уже громче повторил Грей.

Насер еще не потерял надежды с ними расправиться.

— О, проклятье, только не это...— Неся Сьюзен на плече, Ковальски ускорил шаг, торопясь добраться до лестницы первым.— Ну почему кто-то постоянно пытается взорвать меня?

12 часов 10 минут

Внизу лестницы, ведущей из пещеры, послышались крики.

Лизе хотелось спуститься вниз. Ей была невыносима мысль о том, что она оставила своих товарищей, однако Вигору тоже требовалась ее помощь.

— Крути! — воскликнул прелат, обливаясь потом. Бросив взгляд на лестницу, он снова повернулся к Лизе.— Судя по крикам наших друзей, нам лучше поторопиться.

Они вдвоем откручивали большой бронзовый болт, зажимая его ладонями. На его головке размером с тарелку было изображено распятие, которое вращалось вместе с каждым оборотом болта. К настоящему времени смазанный штырь с резьбой торчал из арки над дверью на целых два фута.

Сколько же еще его нужно выкручивать?

Вигор и Лиза постарались работать еще быстрее.

Тяжело дыша от напряжения, Вигор процитировал вслух фразу из Библии, начертанную внизу двери:

— «Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем». Сначала я попытался навалиться на саму дверь, но быстро отказался от этой затеи. И лишь потом я вспомнил последнюю строчку завещания отца Агреера: «Пусть только сильный духом Господа осмелится ее отворить». Определенно, это указание на распятие. Мне следовало бы догадаться с самого начала.

Снизу донесся приближающийся топот.

Ковальски крикнул:

— Бомба... дверь... живее!

— Наш мистер Ковальски, как всегда, немногословен.

Последний поворот — и бронзовый болт вывалился из отверстия. От неожиданности Лиза и Вигор не удержали его, и он с глухим звоном покатился по ступеням.

Показался великан Ковальски, заполнивший своей тушей весь узкий проход. Он нес на плече обмякшее тело Сьюзен. Увидев, что дверь все еще закрыта, Ковальски не смог скрыть своего разочарования.

— И чем вы тут занимались?

— Вас ждали,— сказал Вигор, толкая каменную плиту.

Теперь, когда ее больше не удерживал туго затянутый болт, дверь подалась вперед и с грохотом рухнула на каменный пол. Ворвавшийся солнечный свет озарил все вокруг. Ослепленная, Лиза, шатаясь, отступила вместе с Вигором в сторону, освобождая дорогу Ковальски, несущему Сьюзен.

Нырнув в низкий проем, Ковальски проворчал:

— Кажется, Сейхан говорила, что пробовала толкнуть дверь. Черт бы побрал ее тощие слабые руки.

Выпрямившись, Лиза прищурилась, защищая глаза от сияния. Только теперь она смогла разглядеть, что они находились на дне глубокого каменного колодца футов десять в поперечнике. Гладкие стены уходили вверх на высоту двухэтажного дома. Дороги наверх не было.

Ковальски опустил Сьюзен на пол.

— Док, кажется, она не дышит.

Вспомнив свои обязанности, Лиза поспешила к нему. Для одного дня с нее уже было достаточно смертей. Опустившись на корточки рядом со Сьюзен, она пощупала пульс и не нашла его. И все же Лиза не собиралась сдаваться.

— Помогите мне, кто-нибудь! — окликнула она.

Следующими в дверь ввалились Грей и Сейхан, сплетенные в объятиях. Грей тотчас же увидел выражение лица Лизы.

— Лиза... она умерла.

— Нет. Без боя я не сдамся.

— Я вам помогу,— пробормотала Сейхан.

Когда она присела рядом, Лиза заметила кровь, свежую и влажную, промочившую насквозь ее блузку и брюки.

Сейхан перехватила ее взгляд.

— Со мной все в порядке.

Грей предупредил, чтобы все вели себя как можно тише, на тот случай, если поблизости есть люди Насера. Он также жестом приказал всем отойти от двери. Его лицо и руки были покрыты ожогами. Белки глаз налились сплошной кровью.

Тем временем Лиза начала массаж сердца, а Сейхан делала искусственное дыхание изо рта в рот. Вигор, стоявший рядом, благословил Сьюзен крестным знамением.

— Надеюсь, это не отпевание,— прошептала Лиза, сдвигая локти, чтобы легче было работать.

Вигор покачал головой:

— Нет, это лишь молитва за...

Раскатом грома взорвалась бомба. Под ногами задрожала земля. Снизу вырвался поток смрадного воздуха, отравлен-

ный выдох, все еще наполненный едкими парами и огненным жаром.

Лиза склонилась над Сьюзен, закрывая ее собой.

Ядовитое зловоние устремилось вверх и рассеялось над колодцем.

— Ну и ничего страшного,— заметил Ковальски.

Грей продолжал смотреть вверх.

— Всем приготовиться...

Не переставая нажимать Сьюзен на грудь, Лиза тоже подняла взгляд.

Слева виднелась верхняя половина центральной башни Байона. Со стен смотрели вниз каменные лица. Они дрожали.

— Башня рушится! — воскликнул Грей.

12 часов 16 минут

Насер вместе с шестью боевиками бежал через внутренний двор второго яруса. Каждый шаг причинял мучительную боль. Все тело его продолжало гореть, словно эта адская женщина по-прежнему прижималась к нему. Однако сейчас у него были более неотложные заботы, чем собственное самочувствие.

Ныряя за стену галереи, Насер оглянулся.

Главная башня Байона задрожала — затем поразительно медленно обрушилась внутрь себя, оставив груду камней размером с четверть своей прежней высоты. Предсмертный гул сотни бодхисатв сотряс воздух. Над развалинами высоко взметнулась каменная пыль. Отдельные блоки продолжали скатываться вниз и с грохотом прыгать по склону холма.

Старший подрывник предупреждал о том, что такое может произойти, настоятельно советовал уменьшить мощность заряда. Однако Насер не мог допустить, чтобы коммандер Пирс ускользнул вместе с главным призом.

Обернувшись, он увидел в стороне еще один столб дыма и пыли, который поднимался к небу, словно сигнал.

Насер прищурился.

Не обозначает ли дым место второго выхода из пещеры?

12 часов 17 минут

Грей закашлял в удушливой пыли, заполнившей замкнутое пространство колодца, с трудом различая своих товарищей. Башня обвалилась, обрушив фундамент и раздавив пещеру внизу. Вверх по шахте колодца устремилась едкая струя дыма и пыли.

Вытерев глаза, Грей обернулся, пытаясь разглядеть что-либо за дверью. Свод крутой лестницы обрушился, завалив ступени камнями.

Прижавшись плечом к стене колодца, Грей устремил взгляд вверх. Северная стенка опасно наклонилась внутрь. Счастье, что она не обвалилась, придавив всех, кто находился внизу. Кое-где из кладки торчали зубьями пилы вылезшие камни.

Колодец огласился громким кашлем.

Пыль рассеялась, и все увидели, что Сьюзен пришла в себя. Лиза помогла ей усесться на земле. Прикрывая рот кулаком, Сьюзен продолжала сотрясаться в хриплом кашле.

«Добро пожаловать обратно в мир живых». Быть может, удача наконец повернулась к ним лицом.

Голос, окликнувший сверху, рассеял эту надежду.

— Кого мы здесь видим? — крикнул Насер.— Используя ваше странное американское выражение, я скажу, что мы нашли в бочке целый косяк рыбы.

Край колодца ощетинился кольцом винтовок, нацеленных вниз.

Скользнув вдоль стены, Грей наткнулся на Ковальски.

— Что будем делать теперь, босс? — спросил тот.

Прежде чем Грей ответил, раздался резкий звонок сотового телефона. Он прозвучал наверху, однако звук был знакомым. Сунув руку в карман, Насер достал телефон Вигора. Он отобрал его у прелата, когда перед беседой в баре «Элефант» застиг Грея и его товарищей врасплох в гостинице; там все пленники были тщательно обысканы.

Насер взглянул на номер звонящего:

— Рейчел Верона.— Склонившись над колодцем, он протянул телефон.— Ваша племянница, монсиньор Верона. Не желаете с ней попрощаться?

После третьего звонка телефон умолк.

— Я так и думал,— усмехнулся Насер.— А жаль.

Закрыв глаза, Грей задержал дыхание.

Насер продолжал:

— А может быть, коммандер Пирс, тебе будет интересно позвонить моей напарнице Аннишен. Обещаю, что перед смертью ты услышишь крики своих родителей.

Но Грей его не слушал. Его рука скользнула под длинный плащ Ковальски, за пояс на спине. Прерванный звонок от племянницы Вигора явился условным сигналом от Пейнтера, предупредившим Грея о том, что его мать и отец в безопасности.

Или мертвы.

В любом случае... они вырвались из-под власти Насера.

Пальцы Грея обвили рукоятку пистолета, засунутого за пояс брюк Ковальски. Один раз великан уже чуть было не выдернул оружие, испугавшись обезьяны. К счастью, Грей успел его остановить.

Вытащив пистолет, Грей осторожно опустил его вниз.

— А может быть, мне лучше сохранить судьбу твоих родителей в тайне,— продолжал Насер.— Ты будешь ломать над ней голову до конца жизни и унесешь с собой в могилу...

— Почему бы тебе не отправиться туда первым?

Шагнув вперед, Грей вскинул пистолет и дважды выстрелил. Он попал Насеру в плечо и грудь. От удара пуль Насера развернуло, и он полетел в колодец, размахивая руками и ногами, забрызгивая кровью каменные стены.

Мгновенно обернувшись, Грей обрушил град пуль на край колодца. Ему удалось поразить еще троих боевиков, а остальные бросились врассыпную. Насер рухнул на каменный пол у него за спиной, вскрикнув и хрустнув ломающимися костями.

Грей продолжал смотреть вверх, держа оружие наготове. Пистолет «метал сторм» австралийского производства способен был за долю секунды выпустить всю обойму пуль калибра 9 миллиметров, обладающих повышенной убойной силой.

Действие автоматики за счет пороховых газов, никаких движущихся частей, сплошная электроника.

— Лиза, обыщи Насера и забери телефон Вигора! Срочно свяжись с Пейнтером!

Лиза поспешила к поверженному убийце.

Продолжая следить за краем колодца, Грей краем глаза наблюдал за Насером. Тот лежал на спине, неуклюже подвернув под себя руку, сломанную в плече. На губах выступила кровавая пена, говорившая о переломах ребер. Но Насер еще был жив. Его глаза следили за Греем, полные разочарования и недоумения.

«Умри, гадая, что произошло, мерзкий ублюдок!»

Словно подчинившись этому мысленному приказу, Насер наконец испустил последний вздох, и его глаза стали пустыми.

Сейхан озвучила вслух вопрос, мучивший Насера перед смертью:

— Так где ты раздобыл этот пистолет?

— Я договорился обо всем с Пейнтером. Еще когда звонил ему с Хормоза. Я не хотел, чтобы он мобилизовал здесь местные силы. Но все же попросил об одном маленьком одолжении. Один-единственный пистолет, спрятанный в туалете бара «Элефант» до того, как мы в нем появились, приклеенный скотчем сзади к бачку. Я знал, что Насер по-прежнему будет относиться ко мне подозрительно, быть может, даже обыщет меня еще несколько раз. Но Ковальски...

Грей выразительно пожал плечами.

— Ну да, вспомнила,— сказала Сейхан.— Перед тем как уходить из бара, Ковальски сказал, что ему «очень хочется отлить».

— Я понимал, что нас обязательно обыщут перед встречей в баре. И это был самый простой способ раздобыть оружие потом. Чтобы держать его под рукой до тех пор, пока мои родители не будут в безопасности.

— Этому козлу следовало бы почаще смотреть «Крестного отца», черт побери,— проворчал Ковальски.

Лиза окликнула:

— Пейнтер на связи.

Грей крепче стиснул рукоятку пистолета.

— Что с моими родителями? Они...

— Я уже спросила. Они в полной безопасности. Живы и здоровы.

Грей выпустил долгий вздох облегчения. Слава богу! Он прочистил горло.

— Тогда скажи Пейнтеру установить карантинное оцепление в радиусе не меньше десяти миль от развалин.

Грей мысленно представил себе облако ядовитых газов, насыщенных иудиным штаммом. Врата в ад были открыты всего около двенадцати минут, после чего их наглухо захлопнул взрыв бомбы Насера. Хоть какое-то утешение в этом. Но какому количеству иудина штамма удалось вырваться на свободу?

Грей взглянул на Сьюзен, сидевшую прислонившись к стене. Рядом с ней застыл Ковальски. Удалось ли ей получить лекарство? Все эти люди, находившиеся в колодце вместе с ним, стали ему близки. Каждый внес свой вклад, и немалый, в то, чтобы они в конце концов попали сюда. Но не было ли все это напрасно?

Снова заговорила Лиза:

— Карантин уже устанавливается.

Сжимая пистолет, Грей не отрывал взгляда от края колодца. Где-то там по-прежнему скрывалось войско «Гильдии».

— В таком случае скажи Пейнтеру, что нам здесь не помешает его помощь.

Передав его слова, Лиза отняла трубку от уха.

— Пейнтер говорит, что помощь уже в пути. Он предложил посмотреть вверх.

Грей поднял взгляд на небо. Сочная полуденная голубизна кружилась вихрем ястребов, неподвижно раскинувших крылья. Их были десятки, летевшие со всех сторон. Однако эти ястребы были вооружены автоматическими винтовками.

Грей протянул руку к телефону.

Лиза вложила аппарат ему в ладонь.

Грей приложил телефон к уху:

— По-моему, мы договорились не мобилизовать местные силы.

— Коммандер Пирс, на мой взгляд, сорок тысяч футов над землей никак не вписывается в понятие «местный». К тому же это я твой начальник. А не наоборот.

Грей продолжал смотреть на небо.

Штурмовая группа веером рассредоточилась над развалинами, выстраиваясь в боевой порядок. У каждого бойца за спиной был дельтаплан с жесткими крыльями, похожий на крошечный реактивный истребитель, позволяющий осуществлять десантирование с большой высоты.

Бойцы спускались вниз, кружась по спирали. Затем по команде все дернули за шнур, разом сбрасывая крылья. Раскрылись парапланы, помогая преодолеть последние футы до земли. Подобно четко слаженной хореографической труппе, десантники опустились со всех сторон на развалины.

Их живописное появление не осталось незамеченным. Послышался топот тяжелых ботинок по каменным плитам. Грей мысленно представил, как наемники «Гильдии» прячут черные береты в мусорные баки, спеша спастись бегством.

Однако не все из них были трусами.

Прогремели автоматные очереди. Сначала отрывистые, затем слившиеся в один сплошной яростный треск. Перестрелка бушевала в течение нескольких минут. Над головой проскользил параплан; десантник вел огонь с лёта. Затем показался другой, совсем низко; боец подобрал ноги, готовясь опуститься на развалины. И следом за ним один за одним посыпались другие, приземляясь рядом с колодцем, судя по всему наведенные по сигналу сотового телефона в руке Грея.

Какой-то человек перегнулся за низкую стенку колодца, чересчур поспешно.

Грей едва не выстрелил в него, но затем узнал форму.

Военно-воздушные силы Соединенных Штатов.

— Ребята, у вас все в порядке? — с австралийским акцентом спросил он, отстегивая парашют.

Лиза оттолкнула в сторону Вигора.

— Райдер?

Ее голос был полон изумления.

Тот просиял улыбкой:

— Этот твой парень, Пейнтер, замечательный чувак! Разрешил мне прокатиться вместе со своими людьми. Конечно, это далеко не то, что ползать по находящейся под напряжением сетке вместе с людоедами... но с этим ничто не сравнится.

Послышался чей-то голос.

Райдер поднял руку, показывая, что все понял, и снова заглянул вниз:

— Держитесь! Лестницы уже в пути!

С этими словами он исчез.

Грей продолжал наблюдать за краем колодца, держа оружие наготове. Только это и было в его силах. Это и еще одно.

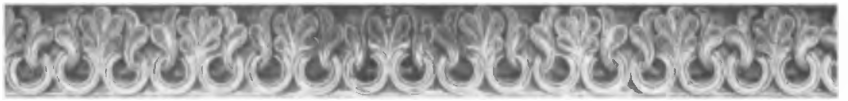
Он снова поднес к уху телефон:

— Господин директор!

— Да?

— Сэр, спасибо за то, что не послушали меня.

— Вот для этого я и нужен.



Глава 19

ПРЕДАТЕЛЬ

14 июля, 10 часов 34 минуты
Бангкок, Таиланд

Неделю спустя Лиза стояла у окна своей палаты в частной клинике на окраине Бангкока. Высокие стены окружали небольшой двухэтажный лечебный корпус, расположенный посреди пышного сада с папайями, цветущим лотосом, искрящимися фонтанами, а также несколькими скромными изваяниями Будды, облаченного в оранжевые одежды, перед которыми поднимались тонкие струйки дыма от утренних молитвенных палочек.

Сегодня утром на рассвете Лиза тоже произнесла молитву.

В одиночестве.

Она молилась за Монка.

Окно было распахнуто настежь, шторы раздвинуты впервые за целую неделю. Карантин завершился. Лиза набрала полную грудь воздуха, вдыхая аромат жасмина и цветущего апельсина. Из-за стены доносился неспешный шум деревенской жизни: мычание волов, болтовня двух старух, проходящих мимо ворот, тяжелая поступь слона, тащившего бревно, и, самое приятное, невидимый, но полный кипучей энергии, словно солнечный свет, детский смех.

Жизнь.

И как они были близки к тому, чтобы потерять все это?

— Ты знаешь,— произнес голос у Лизы за спиной,— что, когда ты стоишь вот так, перед окном, солнце просвечивает сквозь больничный халат? Совсем ничего не оставляя воображению. Я, конечно, не жалуюсь.

Лиза обернулась, переполненная радостью.

В дверях стоял Пейнтер, прислонившись к косяку, с большим букетом желтых роз в руках — ее любимых. Он был в костюме без галстука, гладко выбритый, только что из душа. За неделю, проведенную в тропиках, за пределами подземного логова «Сигмы», его кожа покрылась мягким загаром, подчеркивающим блеск голубых глаз и черные волосы.

— А я думала, ты не вернешься до завтрашнего вечера,— сказала Лиза, отходя от окна.

Пейнтер прошел в палату. Здесь не придерживались стерильной белизны, как в большинстве больничных учреждений,— в этой частной клинике палаты были щедро отделаны тиком. Кроме того, повсюду стояли вазы с цветами и имелись даже два аквариума, в которых плавали крошечные золотые рыбки.

— Встреча с премьер-министром Камбоджи была перенесена на следующую неделю. И скорее всего, в ней уже нет никакой необходимости. Даже карантин здесь заканчивается через несколько дней.

Лиза кивнула. Самолеты сельскохозяйственной авиации развеяли над окружающей местностью слабый раствор дезинфицирующих средств. Развалины Ангкор-Тхома же были обработаны гораздо более тщательно. В карантинном лагере, куда поместили всех беженцев, были зафиксированы несколько случаев заболевания, но всем больным была своевременно оказана помощь.

Лекарство действовало.

Сьюзен находилась в другом крыле клиники, под строжайшей охраной, но даже это оказалось ненужной предосторожностью. Молодая женщина действительно принесла лекарство, в буквальном смысле пройдя ради этого через огонь. После

этого в ней не осталось никаких следов вируса — ни в цис-, ни в транс-форме. Он исчез бесследно.

Оставив лекарство.

Как выяснилось, им были не антитела, не ферменты и даже не белые кровяные тельца. Лекарством были микроорганизмы. Те самые сине-зеленые водоросли, которые вызывали свечение тела Сьюзен.

Повторное воздействие токсинов снова видоизменило водоросли, развернув их жизненный цикл вспять. Подобно полезным молочнокислым бактериям, содержащимся в йогурте, сине-зеленые водоросли, попадая в пищеварительный тракт, начинали вырабатывать благотворные вещества, которые уничтожали все болезнетворные бактерии, образованные иудиным штаммом, и подбирали все следы самого вируса, расправляясь с ним.

Применение лекарства сопровождалось симптомами, напоминающими легкую форму гриппа, после чего вырабатывался стойкий иммунитет от последующих заражений. Кроме того, также выяснилось, что сине-зеленые водоросли можно использовать в качестве вакцины для прививки здоровых людей, у которых вырабатывался иммунитет к заболеванию,— это чем-то напоминало вакцину Солка против полиомиелита. Но что самое главное, этот микроорганизм оказалось очень просто культивировать. Образцы были распространены по лабораториям всего мира. Уже имелось значительное количество вакцины, способной остановить на самой ранней стадии распространение глобальной пандемии и защитить мир от новых вспышек заболевания.

Однако организации здравоохранения на всякий случай сохраняли бдительность.

— А что насчет острова Рождества, откуда все и началось? — спросила Лиза, присаживаясь на край кровати.

Пейнтер заменил увядшие цветы в одной из ваз своими розами.

— Вроде бы там все весьма неплохо. Кстати, я ознакомился с бумагами, которые твой приятель Джесси забрал с круиз-

ного лайнера, прежде чем тот затонул. Похоже, перед тем как покинуть остров Рождества, «Гильдия» разбросала в прибрежных водах с наветренной стороны несколько десятков тонн хлорки — для этой цели был подогнан специальный танкер. Разумеется, ни о каком альтруизме речи не шло. «Гильдия» просто стремилась уничтожить главный очаг заражения, чтобы сбить со следа возможных конкурентов.

— Ты полагаешь, это исключит возможность повторного возникновения токсичного пятна?

Пожав плечами, Пейнтер подошел к кровати и сел. Он взял Лизу за руку — не с какой-то целью, а просто повинуясь безотчетному рефлексу, за что, в частности, она его и любила так сильно.

— Трудно сказать,— ответил Пейнтер.— Над островом пронесся ураган. За тамошними водами наблюдает международная команда океанологов, которую возглавляет доктор Ричард Графф. После того как он помог нам с крабами... в общем, все сошлись во мнении, что он по праву заслуживает такое назначение.

Лиза сжала руку Пейнтера. Упоминание о Граффе заставило ее подумать о Монке. Вздохнув, Лиза уставилась на кружащихся золотых рыбок в аквариуме у изголовья кровати.

Отпустив ее руку, Пейнтер обнял ее за плечо, привлекая к себе. Вторая его рука снова нашла руку Лизы. Он почувствовал, где сейчас находится ее сердце. Его голос, лишившись веселой игривости, превратился в мягкий шепот.

— Тебе известно, что мы переговорили со всеми оставшимися в живых пассажирами «Владычицы морей»?

Вместо ответа Лиза обвила Пейнтера за талию. Она знала, что результаты были неутешительными.

На острове по-прежнему сохранялся карантин, который обеспечивали совместно Австралия и Соединенные Штаты. Австралийскому спецназу удалось эвакуировать большинство тех, кто находился на борту горящего и тонущего корабля. Основная часть работы «Гильдии» теперь проводилась на глу-

бине тысячи футов под водой — новое дополнение к глубоководной обители хищных осьминогов. Именно эти кровожадные моллюски делали погружение к затонувшим останкам крайне опасным. Они были классифицированы как новый вид рода Taningia, получивший в честь мужа Сьюзен название Taningia tunis.

Вчера Лиза разговаривала по телефону с Хенриком Барнхардтом и Джесси, которые оставались в лагере беженцев на острове Пусат. Им удалось уцелеть в этом хаосе, при этом они с помощью туземцев-людоедов спасли большинство больных и сотрудников ВОЗ. Теперь всем оказывалась медицинская и психологическая помощь, и пока что дела обстояли неплохо. Единственное исключение составляли те, кто впал в полное безумство. Изменения в структуре головного мозга оказались необратимыми. Большая часть сумасшедших погибла во время катастрофы лайнера. Ни одному члену «Гильдии» не удалось покинуть корабль живым.

За исключением, быть может, одного.

Джесси рассказал Лизе про то, как проходила эвакуация. Он наткнулся на запертый трюм. Изнутри доносился детский плач. Джесси взломал дверь и освободил детей, и те поведали ему о странной женщине-ангеле, которая собрала их вместе и заперла, спасая от обезумевших людоедов. Затем она увела кровожадных больных из трюма, став для них приманкой.

Дети подробно описали женщину-ангела.

Длинные распущенные черные волосы, одетая в шелка, молчаливая словно могила.

Сурина.

Она бесследно исчезла.

Пейнтер продолжал:

— Мы допросили всех находящихся в лагере.

— Насчет Монка,— прошептала Лиза.

— Один из врачей Всемирной организации здравоохранения скрывался на палубе корабля. У него был бинокль. Он наблюдал за вашим бегством на борту «Морской стрелы». В бинокль врач видел, как Монк упал, как его накрыла сеть, увле-

кая под воду.— Остановившись, Пейнтер устало вздохнул.— На поверхности он больше так и не появился.

Лиза закрыла глаза. Ей показалось, внутри у нее что-то взорвалось, разливаясь по жилам обжигающей кислотой, лишившей ее сил. Какая-то ее часть по-прежнему верила... сохраняла крохотную надежду... Вот почему сегодня утром Лиза преклонила колени перед изваянием Будды.

Она молилась о том, чтобы Монк остался в живых.

— Его больше нет,— прошептала Лиза, наконец признаваясь себе в жуткой правде.

«О Монк...» Она крепче прижалась к Пейнтеру. Ее слезы промочили ему рубашку. Пальцы цеплялись за него, словно убеждаясь, что он действительно находится рядом.

— Ты уже сказал Кэт? — прошептала Лиза, прижавшись щекой к его груди.

Пейнтер молчал. Лиза ощутила дрожь и все поняла.

Он сказал.

Оторвав его руку от своего плеча, она поцеловала ее в ладонь. Пейнтер хрипло прошептал:

— Никогда больше не покидай меня.

Лиза вспомнила, почему отправилась на это задание. Для того чтобы оценить свою жизнь вне тени Пейнтера. Чтобы получить представление о том, какой будет их совместная жизнь, как в личном, так и в профессиональном отношении.

Теперь у нее был ответ.

Она выдержала все, от нападения людоедов до страданий сумасшедших. Убедилась в том, что у нее хватит сил встретиться в одиночку с любой бедой. Но...

Подавшись вперед, Лиза поцеловала Пейнтера в губы и прошептала:

— Мое место здесь.

12 часов 2 минуты

Грей шел по дорожке сада, окружающего здание клиники. Он переоделся в джинсы и кроссовки, на рубашке навыпуск красовались тропические узоры. Как же приятно было сбро-

сить больничную пижаму, снова надеть нормальную одежду! Не менее приятно было выйти на улицу, ощутить на себе лучи солнца, хотя в легких у него по-прежнему чувствовалась тяжесть, а яркий свет обжигал воспаленные глаза. Грей быстро шел на поправку, однако после недели взаперти его беспокойная энергия уже требовала выхода.

Его шаги участились, стали шире. Он обошел весь сад, раскинувшийся вокруг клиники. Ему не нужны были неприятные сюрпризы.

Грей обдумывал это на протяжении последних трех дней, и вот сейчас сроки пришлось сдвинуть. Впереди показались ворота.

Больным разрешалось выходить за пределы территории клиники, но только в соседнюю деревню.

Завернув за угол высокой живой изгороди, Грей оказался перед небольшим альковом, маленьким алтарем, в котором сидел толстенький Будда, облаченный в красные шелка. На земле валялись обгорелые курительные палочки, однако сейчас дым поднимался от другого источника.

Ковальски стоял, прислонившись к Будде, положив руку на каменную голову изваяния. Вынув сигару изо рта, он выпустил густое облачко дыма.

— Эх, жизнь...— недовольно простонал он.

— Где ты раздобыл... впрочем, это неважно.— Грей протянул руку.— Тебе удалось достать то, о чем я просил?

Ковальски загасил сигару о плечо Будды. Даже Грей поморщился от этого совершенного мимоходом святотатства.

— Да, но зачем вам все это? — спросил великан, доставая из-за спины бумажный сверток.— Я подмазал санитара, который делал мне массаж. Разумеется, это был мужчина. Что отняло весь кайф. Но он купил все, что вам было нужно.

Взяв сверток, Грей собрался уходить.

Ковальски скрестил руки на груди. Разочарованно сдвинув брови, он даже позволил себе недовольно вздохнуть.

Грей обернулся.

— В чем дело?

Ковальски открыл было рот, затем закрыл.

— Ну же? — настаивал Грей.

Великан вскинул руки вверх:

— Во-первых... ну, в общем, за все это время, черт побери, мне не пришлось ни разу выстрелить. Ни из винтовки, ни из пистолета, ни даже из пугача! С тем же успехом я мог бы торчать на дежурстве дома, в Штатах. За все свои страдания я получил в награду лишь горсть игл, воткнутых в задницу.

Грей застыл на месте, не отрывая от него взгляда. За все время это был самый длинный монолог Ковальски. Несомненно, этот вопрос его очень мучил.

— Да я просто хотел сказать...— с досадой выпалил Ковальски.

Грей вздохнул.

— Пойдем со мной.

Он направился к воротам. Он действительно был в долгу перед великаном. Ковальски последовал за ним.

— Куда мы?

Грей подвел его к воротам. Дежурный охранник молча кивнул им. Сунув сверток под мышку, Грей достал бумажник и, вытащив одну купюру, протянул ее Ковальски. Они вышли за ворота.

— И что я должен делать с этими десятью долларами? — недоуменно спросил великан.

Пройдя чуть дальше, Грей указал на группу крестьян, работавших в тайском стиле: четыре человека с двумя животными.

— Смотри, слоны! — сказал Грей.

Ковальски посмотрел на крестьян, перевел взгляд на десятку в руке, снова посмотрел на крестьян. Его лицо растянулось в широченной улыбке. Он быстрым шагом двинулся было вперед, затем остановился, вернулся назад, тщетно стараясь выразить словами благодарность, потом снова устремился по пыльной дороге.

— О да, сейчас я прокачусь на слоне! — Ковальски поднял руку.— Эй, ты! Гунга Дин!*

Развернувшись, Грей направился обратно в клинику.

Бедный слон...

12 часов 15 минут

Вигор лежал в кровати, водрузив на нос очки для чтения. На ночном столике, потеснив аквариум с золотыми рыбками, громоздилась стопка книг. С другой стороны кровати лежали ксерокопии статей: посвященных ангельскому письму, Марко Поло, истории кхмеров, развалинам Ангкора.

В настоящий момент прелат в четвертый раз перечитывал научный труд, упомянутый Греем, статью в журнале «Сайнс» за 1994 год, посвященную сравнительному анализу человеческого языка и кодов ДНК.

Поразительно...

Движение за открытой дверью привлекло внимание Вигора. Он оторвался от чтения статьи и увидел проходящего мимо Грея.

— Коммандер Пирс! — окликнул прелат.

Остановившись в дверях, Грей посмотрел на часы, затем перевел взгляд на него:

— Да, монсиньор Верона?

Вигор удивился такому официальному обращению. Похоже, что-то вывело Грея из себя. Он махнул рукой, приглашая его пройти.

— Зайди на минутку.

— У меня есть ровно одна минута.— Он шагнул в палату.— Как вы себя чувствуете?

— Замечательно.— Вигор тотчас же перевел разговор на другую тему.— Я прочитал эту статью. Я даже понятия не имел, что лишь три процента человеческого генома активны. А целых девяносто семь процентов представляют собой гене-

---

* Гунга Дин — герой одноименного стихотворения Р. Киплинга, простодушный благородный солдат-туземец.

тический мусор, не содержащий никакой информации. Однако когда этот мусор пропустили через криптографическую программу, проверяющую лингвистические особенности, даже эти с виду случайные обрывки оказались элементами какого-то языка. Просто поразительно.— Вигор снял очки.— Грей, а что, если бы мы смогли понять этот язык?

Грей кивнул:

— Возможно, определенные вещи навсегда останутся вне пределов нашего понимания.

Вигор мягко покачал головой:

— Ну а вот в это я уж точно не верю. Господь Бог снабдил нас таким большим головным мозгом, для того чтобы мы им пользовались. Мы рождены, чтобы задавать вопросы, чтобы искать, стремиться к более полному пониманию вселенной, как внешней, так и внутренней.

Грей снова сверился с часами, украдкой взглянув на запястье, чтобы не обидеть прелата.

Вигор решил не мучить более своего собеседника. Очевидно, того ждали неотложные дела.

— Перейду прямо к делу. Помнишь, в том склепе под Байоном я упомянул о том, что ангельское письмо — возможно, письменная форма этого неизвестного генетического языка — может представлять собой Слово Господа, обозначающее нечто большее в нас, вероятно погребенное в тех девяноста семи процентах генетического кода, которые считаются мусором. А что, если на самом деле это никакой не мусор? Не исключено, что нам предоставилась возможность мельком взглянуть на это большее, что заключено в нас.

— Что вы имеете в виду?

— Я говорю про эту женщину, Сьюзен. Быть может, ее превращение позволило на миг увидеть истинный смысл ангельского письма?

Увидев сомнение на лице Грея, Вигор поднял руку:

— Сегодня утром я говорил с Лизой. Она рассказала, как под действием прямого солнечного света сине-зеленые водоросли возбуждали головной мозг Сьюзен, пробуждая те его

участки, которые в обычном состоянии дремлют. Я нахожу очень интересным то обстоятельство, что лишь крохотная частица нашего генетического кода является активной, и при этом мы используем лишь небольшую часть головного мозга. А тебе это не кажется странным?

Грей равнодушно пожал плечами:

— Ну да, наверное.

Вигор продолжал:

— А что, если ангельское письмо расписывает наш полный потенциал, который до сих пор остается скрыт от нас, в ожидании, когда его разбудят? Согласно Книге Бытия, Бог сотворил человека по своему образу и подобию. А что, если нам еще только предстоит полностью осознать этот образ, скрытый в ангельском письме и в наших мусорных ДНК? Быть может, в тех светящихся надписях, покрывавших стены склепа в основании Байона, древний автор пытался изложить свое понимание потенциала, скрытого в человеке? Ты сам говорил, что текст неполный, в нем отсутствуют фрагменты.

— Это действительно так,— вынужден был признать Грей.— Вы поднимаете весьма любопытные вопросы, которые заслуживают более тщательного исследования, и все же я сомневаюсь, узнаем ли мы когда-нибудь правду. Сьюзен полностью вернулась к нормальной жизни, а от Пейнтера я слышал, что бригаде спасателей удалось проникнуть в подземные помещения в фундаменте Байона. Были обнаружены уцелевшие участки стен, однако кислота из взрывчатки Насера полностью очистила все поверхности. От древних надписей ничего не осталось.

У Вигора внутри все оборвалось.

— Как жаль! И все же я не перестаю размышлять о том, что мы так и не нашли в пещере.

— Что же именно?

— Твою черепаху,— сказал прелат.— Ты высказал предположение, что подземелье может содержать какую-то более глубокую тайну, имеющую отношение к воплощению бога Вишну.

— Возможно, это был иудин штамм. Светящееся озеро. Вы сами сказали, что древние кхмеры, наткнувшись на светящуюся пещеру, сочли ее обителью какого-то божества. Быть может, Вишну.

Вигор пристально посмотрел на него:

— А может быть, как раз Сьюзен позволила мельком взглянуть на эту глубокую тайну, на божественный, ангельский потенциал, заключенный в каждом из нас.

Грей снова пожал плечами, определенно готовый отмести все это. Но от Вигора не укрылось, как у его собеседника дернулись брови. В нем проснулось любопытство. Прелат хотел, чтобы Грей продолжал ломать голову над этой загадкой.

И все же Вигор видел, что в данный момент все мысли молодого человека заняты другим. Он махнул рукой, показывая, что разговор окончен.

Когда Грей переступал порог, Вигор окликнул его:

— Передавай от меня привет Сейхан.

Грей споткнулся, нахмурился, затем двинулся дальше.

Вигор снова надел очки. «Ох уж эта молодость...»

12 часов 20 минут

Грей протянул стаканчик кофе часовому у дверей палаты Сейхан.

— Она пришла в себя?

Молодой светловолосый младший лейтенант, только что окончивший военно-морское училище, пожал плечами:

— Не знаю.

Грей толкнул дверь. Младший лейтенант откровенно томился от безделья. После второй операции Сейхан практически все время спала, находясь под воздействием успокоительного. В пещере у нее снова открылась огнестрельная рана, что привело к обильному внутреннему кровотечению.

И все это произошло потому, что она спасла Грею жизнь.

Он помнил прикосновение ее рук, тащивших его, ее опаленное лицо, искаженное от боли, заплывший глаз. Но он даже

не подозревал о том, что Сейхан, вернувшись за ним, едва не погибла сама.

Грей прошел в палату.

Сейхан лежала в кровати, раскинув в стороны руки, прикованные наручниками к спинке. Она была в больничной пижаме, прикрытая чистым одеялом.

В палате, предназначенной для душевнобольных, было стерильно чисто и холодно. Вся обстановка состояла из кровати и столика на колесах, придвинутого к стене. Узкое окошко под самым потолком было забрано стальной решеткой.

Когда Грей вошел в палату, Сейхан зашевелилась. Повернула голову. Ее лицо напряглось, и она опустила взгляд, смущенная своей неподвижностью. Затем вспыхнувшая ярость сожгла дотла все прочие чувства. Сейхан дернула рукой, скованной наручниками.

Грей присел на кровать.

— Даже несмотря на то что мои родители живы,— сразу же перешел он к делу,— из этого не следует, что я тебя простил. И когда-либо смогу простить. Но я перед тобой в долгу. Я не допущу, чтобы ты умерла. Особенно вот так.

Достав из кармана ключи от наручников, Грей поднял руку Сейхан, чувствуя, как под его пальцами у нее участился пульс.

— Завтра утром тебя отправят на базу Гуантанамо,— сказал он.

— Знаю.

Как и Грей, Сейхан понимала, что это означает смертный приговор. Если даже ее не казнят немедленно, «Гильдия» расправится с ней, заставив замолчать, или же это сделает разведывательное ведомство одной из стран. Израильская разведка «Моссад» по-прежнему оставляла в силе свой приказ убить Сейхан на месте.

Вставив ключ в скважину, Грей отпер замок. Браслет раскрылся.

Сейхан уселась в кровати, подозрительно глядя на Грея. Она протянула руку, испытывая его.

Грей отдал ей ключ. Когда она расстегнула вторую пару наручников, Грей положил на кровать сверток, полученный от Ковальски.

— Здесь три комплекта одежды: халат медсестры, наряд местной крестьянки и форма военного образца. А также небольшая сумма в местной валюте. Документы я не смог достать — времени было слишком мало.

Щелкнул, раскрываясь, браслет второй пары наручников. Сейхан потерла запястья.

Из-за двери донесся мягкий стук тела, упавшего на пол.

— Да, и еще я усыпил часового.

Бросив взгляд на дверь, Сейхан снова посмотрела на Грея. У нее сверкнули глаза. Прежде чем Грей успел опомниться, она протянула руку, схватила его за воротник и привлекла к себе. Она страстно поцеловала его, раскрыв рот, пахнущий сладковатыми лекарствами.

Грей непроизвольно отпрянул назад. Он пришел сюда не для того, чтобы...

А, да пошло все к черту!..

Обняв Сейхан за спину, Грей крепко прижал ее к себе. Не выпуская его, она забралась на него. Ее ноги опустились на пол. Вздрогнув, Грей повалился на спину.

Послышался щелчок наручников, и Сейхан отстранилась от него.

Его правое запястье было приковано к спинке кровати.

Подняв взгляд, Грей успел увидеть, как Сейхан целится локтем ему в лицо. Его голова отлетела назад. Он ощутил во рту вкус крови.

Вскочив на него, Сейхан уселась на груди, прижимая его к кровати. Она снова занесла кулак. Грей поднял руку, чтобы отразить удар, но Сейхан насмешливо склонила голову набок.

— Это должно выглядеть убедительно, иначе ты сам отправишься в Гуантанамо за измену.

Она была права. Грей опустил руку.

Сейхан сильно ударила его, разбив губу. Его голова наполнилась звоном. Сейхан тряхнула рукой, затем снова занесла кулак.

— А это за то, что не верил мне,— сказала она, еще раз нанося удар.

Из разбитого носа хлынула кровь. Грей поймал себя на том, что теряет сознание, затем снова пришел в себя.

Сейхан склонилась к самому его уху:

— Помнишь то обещание, которое я дала в самом начале?

Перевернувшись на бок, Грей сплюнул кровь.

— Это еще какое?

— Ну как же. Я обещала тебе открыть имя предателя, когда все будет кончено.

— Но никакого предателя нет.

— Ты в этом уверен?

Глаза Сейхан были в каких-то дюймах от его лица, и Грея внезапно охватили сомнения.

Выпрямившись, Сейхан взмахнула локтем, нанося удар вскользь в глаз.

— О господи!

— Отличный выйдет синяк.— Облизнув губы, Сейхан окинула его оценивающим взглядом, словно художник, осматривающий холст. Затем она сказала: — Предатель — это я, Грей.

— Что?..

— Это я предатель, внедренный в «Гильдию».

Она с силой обрушила кулак ему в другой глаз. На мгновение у Грея померкло сознание.

— Я — наш человек, Грей. Неужели ты это еще не понял?

Грей лежал, оглушенный словами Сейхан, ее ударами.

— Двойной агент? — наконец выдавил он сквозь кашель, не в силах поверить в это.— Но ведь два года назад ты стреляла в меня! В упор, в грудь!

Сейхан снова занесла кулак.

— Я знала, что на тебе мягкий бронежилет. А ты не задумывался, почему на мне был такой же? Грей, открой наконец глаза!

Ее кулак опустился стальным молотом, отбросив голову Грея в сторону. Затем она схватила его пальцами за переносицу, видимо прикидывая, не сломать ли ее.

— Ну а бомба, начиненная бациллами сибирской язвы,— спросил Грей.— Которая должна была взорваться над Форт-Дитрихом?

— Бомба была уже стерилизована. Представляла собой безобидную хлопушку. А я собиралась свалить вину на ее конструктора.

— Но... но хранитель музея в Венеции? — выдохнул Грей.— Ты хладнокровно пристрелила его.

Сейхан вонзила ногти ему в левую щеку, вспахивая глубокие обжигающие борозды.

— Если бы я этого не сделала, зверская расправа ожидала бы не только его самого, но и всю его семью. В том числе жену и дочь.

Поморщившись, Грей посмотрел ей в глаза. У нее был готов ответ на все.

Откинувшись назад, Сейхан замахнулась, оценивающим взглядом изучая нос Грея.

— И меня никто не остановит... особенно теперь, после пяти долгих лет, когда я чертовски близка к тому, чтобы узнать, кто возглавляет «Гильдию».

Она нанесла удар, но на этот раз Грей перехватил ее запястье.

Сейхан навалилась на него всем своим весом, прижимая к кровати.

— Сейхан...

Она посмотрела на него. Мышцы ее лица напряглись, глаза вспыхнули огнем боли. Их взгляды встретились. Сейхан всмотрелась в его лицо, ища что-то. И похоже, не нашла. На какое-то мгновение Грей увидел у нее в глазах разочарование. А также сожаление... и, может быть, одиночество. И тотчас же все это исчезло.

Сейхан ударила его другим локтем в ухо, отчего у него из глаз брызнули искры. Он отпустил ее. Она отпрянула назад и слезла с него.

— Так сойдет,— пробормотала Сейхан, отворачиваясь.

Подойдя к свертку с одеждой, она сняла больничную пижаму и быстро надела халат медсестры, дополнив наряд изящным платком из красного шелка, скрывшим ее заживающее лицо. Все это время она держалась к Грею спиной.

— Сейхан?

Закончив переодеваться, молодая женщина не сказала ни слова и шагнула к двери. Она не хотела даже поворачиваться и все-таки обратилась к Грею с последней, произнесенной еле слышно просьбой, бросив ему спасательную веревку:

— Верь мне, Грей. Хоть самую малость. Я это заслужила.

Прежде чем он успел ответить, Сейхан вышла из палаты. За ней захлопнулась дверь.

«Верь мне...»

«Да сохранит меня Господь, я ей верю».

Он приподнялся в кровати. Все лицо его ныло, один глаз уже заплыл.

Прошло пятнадцать минут. Достаточно для того, чтобы Сейхан успела бежать.

Наконец Пейнтер толкнул дверь и вошел в палату.

— Вы все записали? — спросил Грей.

— Микрофон не пропустил ни единого слова.

— Неужели Сейхан сказала правду?

Нахмурившись, Пейнтер оглянулся на дверь:

— Она законченная лгунья.

— А может быть, ей не остается другого выхода. Если она хочет выжить в самом сердце «Гильдии».

Пейнтер расстегнул наручники.

— Так или иначе, пассивный датчик, имплантированный во время операции на животе, позволит нам отслеживать все ее передвижения.

— А что, если этот датчик обнаружит «Гильдия»?

— Он выполнен из полимерной пластмассы, невидим в рентгеновском излучении. Его невозможно обнаружить.

«Если только не разрезать Сейхан живот».

Грей встал.

— Это большая ошибка. И вы сами это понимаете.

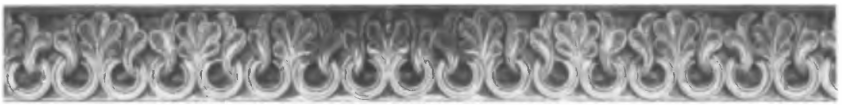
— Только при таком условии правительство согласилось отпустить эту террористку на свободу.

Грей вспомнил глаза Сейхан, смотрящие на него в упор.

Он понял две истины.

Сейхан не лгала.

И даже сейчас ей было еще очень далеко до свободы.



ЭПИЛОГ

11 августа, 8 часов 32 минуты
Такома-Парк, штат Мэриленд

— Реставраторы постарались на славу,— заметил Грей.

Его отец провел по капоту «тандерберда» тряпочкой, смоченной полирующим средством. Кабриолет вытащили из лощины и увезли на эвакуаторе. Пейнтер договорился, чтобы «тандерберд» восстанавливали в лучшей авторемонтной мастерской округа Колумбия. Джек Пирс получил машину на прошлой неделе, но Грей впервые увидел ее только сейчас.

Отойдя от «тандерберда», отец подбоченился, любуясь своей работой. Он был в перепачканной машинным маслом футболке и длинных шортах, открывающих его новую ногу — еще одну любезность «Сигмы», разработанный УППОНИР протез, внешне неотличимый от настоящей ноги. Однако сейчас отца занимала не нога.

— Грей, что ты думаешь по поводу новых колес? По-моему, они не идут ни в какое сравнение с моими прежними «Келси».

Подойдя, Грей остановился рядом с отцом. На его взгляд, колеса выглядели так же.

— Ты прав,— тем не менее согласился он.— Полное фуфло.

— Гм...— неопределенно промолвил отец.— Но они достались задарма. Этот твой Пейнтер проявил настоящую щедрость.

Грей почувствовал, куда клонит отец.

— Папа...

— Мы с матерью обо всем переговорили,— сказал Пирс-старший, продолжая разглядывать колеса.— Мы считаем, тебе следует остаться в «Сигме».

Грей почесал затылок. У него в кармане уже лежало заявление об увольнении. Возвратившись из Камбоджи, он застал отца в больнице, с грудью, обожженной выстрелами из «тазера». У матери была в гипсе рука — она сломала запястье. Но самым страшным был огромный черный синяк у нее под глазом.

И во всем этом виноват был он один.

В больнице Грей едва не рехнулся от нахлынувших вновь переживаний за мать с отцом.

Какую защиту сможет он предложить своим родителям, если и дальше будет работать в «Сигме»? Несомненно, «Гильдии» известно, кто он такой, где найти его родных. И единственный способ обеспечить их безопасность — это уйти с работы. Пейнтер напрасно пытался убедить Грея в том, что «Гильдия» оставит его в покое. Примитивная месть не входит в число тех методов, которыми действуют террористы. Пейнтер заверил Грея в том, что в будущем в его отсутствие родители будут находиться под надежной защитой.

Но порой будущее неожиданно врывается на мотоцикле, падающем на дорожке перед домом. И застраховаться от этого невозможно.

— Грей,— продолжал отец,— ты занимаешься очень важным делом. И тебя не должна останавливать забота о нас.

— Папа...

Джек Пирс поднял руку, останавливая сына:

— Я сказал свое слово. Решение принимать тебе самому. А я должен решить, оставлять эти колеса или нет.

Грей развернулся, собираясь уходить.

Отец схватил его за плечо и привлек к себе в неловком объятии. Крепко прижав сына к груди, он чуть отстранил его от себя.

— А теперь сходи посмотри, что сожгла на завтрак наша мать.

Пройдя к двери на кухню, Грей столкнулся с матерью.

— Грей, я только что говорила по телефону с Кэт. Она сказала, что ты собирался заехать к ней сегодня утром.

— Перед тем как отправиться на работу. У меня остались кое-какие вещи Монка. И папа согласился одолжить мне свой «тандерберд», чтобы я вечером свозил Кэт по делам.

— Знаю, что похороны состоятся только через два дня, но у меня есть пироги. Ты их не захватишь?

— Пироги? — с опаской спросил Грей.

— Не беспокойся, я купила их в соседней пекарне. Да, и еще купила игрушки для Пенелопы. А также такой красивый свитер со слониками и...

Грей молча кивал, понимая, что рано или поздно мать умолкнет.

— Ну как Кэт, держится? — наконец спросила она.

Грей покачал головой:

— Бывают дни получше, бывают похуже.

В основном похуже.

Мать вздохнула.

— Возьми пироги. Когда я видела Кэт в последний раз, она была тощей как спица. Бедная девочка.

Вскоре в руках у Грея оказался бумажный пакет с упакованными в коробки пирогами. Он прошел через дом к переднему крыльцу. Там стояли коробки, в которых лежали вещи Монка, из его шкафчика, а также то немногое, что хранилось у Монка дома.

Кроме того, Грею предстояло отвезти одну коробку в похоронное бюро. Райдер Блант вернул протез Монка. Для того чтобы его освободить, ему пришлось распилить стойку крыла. Кэт отказалась даже взглянуть на протез. И Грей ее не винил. Но она попросила, чтобы протез положили в пустой гроб, который должен был быть опущен в могилу на Арлингтонском мемориальном кладбище. Все родные и близкие собирались положить в гроб что-нибудь памятное.

Грей выбрал компакт-диск с любимым фильмом Монка. Тот забыл его у Грея дома после одной вечеринки с пиццей и попкорном. «Звуки музыки». Монк знал слова всех песен и подпевал актерам, качая Пенелопу на коленях. Глядя на диск, Грей подумал, что у Монка было самое большое сердце на свете.

Из него получился бы замечательный отец.

Остановившись на крыльце, Грей достал из кармана заявление об увольнении, сложенное втрое, успевшее немного помяться. Он разгладил складки большим и указательным пальцами, жалея о том, что не может обсудить это с Монком.

Усевшись на крыльцо, Грей услышал какой-то шорох, доносившийся из коробок.

Живущие по соседству белки совсем обнаглели.

Черт бы побрал эти пироги...

Грей встал и подошел к коробкам. Однако шорох доносился не из пакета с пирогами. Грей нахмурился. Поискав, он нашел нужную коробку.

Что за чертовщина?

Грей снял крышку.

Пейнтер договорился не только о новом протезе для отца Грея и о восстановлении искореженного «тандерберда». Он не хотел класть в могилу обугленный протез Монка. Поэтому искусственная кисть была тщательно отремонтирована. Ее уложили в пенопласт, в специальное углубление.

Вот только сейчас один палец торчал из пенопласта.

Грей взял протез. Указательный палец задергался.

Грей ощутил холодную дрожь. А что, если бы это увидела Кэт?

Наверное, где-то в схеме управления произошло короткое замыкание.

Грей положил руку на стул. Палец продолжал шевелиться, постукивая по деревянному сиденью. Грей с отвращением отвернулся. Он достал сотовый телефон, собираясь устроить разнос тому, кто допустил такую халатность.

Но пока он набирал номер, его слух был прикован к жутковатому стуку. Прислушавшись, Грей вдруг понял, что палец выбивает определенный рисунок.

Код Морзе.

Знакомый сигнал бедствия.

S... O... S...

Стремительно развернувшись, Грей уставился на протез.

Этого не может быть!

— Монк?..

14 часов 45 минут
Кардамоновы горы, Камбоджа

Сьюзен Тьюнис поднималась по крутому ущелью, рассекающему окутанные покрывалом джунглей горы, следуя за бриллиантовым каскадом водопада. В воздухе висела прозрачная дымка, которая переливалась в пятнах яркого солнечного света, проникающего сквозь густую листву. Висящий на лиане на одной руке кампучийский гиббон с черной мордочкой, обрамленной длинной серой шерстью, запищал, недовольный вторжением в его владения.

Сьюзен продолжала идти вперед, целенаправленно пробираясь сквозь влажные тропические джунгли. Кардамоновы горы, расположенные на границе Камбоджи и Таиланда, представляют собой негостеприимную страну неприступных вершин и густых лесов. На четвертый день своего нахождения в горах Сьюзен, спавшая в гамаке под противомоскитной сеткой, увидела индокитайского тигра, занесенного в Красную книгу, с поджарым, мускулистым телом, покрытым частыми полосками. С приглушенным рычанием хищник скользнул сквозь заросли.

Кроме него, Сьюзен не встречала никого крупнее воющих гиббонов.

И уж конечно, здесь не было людей.

Вследствие своей неприступности и оторванности от внешнего мира эти горы в свое время стали последним оплотом раз-

битых красных кхмеров. Здесь по-прежнему можно было наткнуться на противопехотную мину.

Но Сьюзен подозревала, что она уже несколько дней двигалась по тем местам, куда не отваживались соваться даже партизаны. Дойдя до гребня, она пошла вдоль горного ручья по заросшему лесом плато. Впереди со своих насестов юркнули в воду маленькие тени.

Batagur basca. Азиатские речные черепахи. Этот вид пресмыкающихся находится на грани полного вымирания. Известные также как «королевские черепахи», они почитаются местными жителями как защитники богов. В этом безлюдном, диком краю они устроили свой дом.

Пройдя мимо выкопанных в грязи нор, в которых черепахи укрываются на зиму, Сьюзен наткнулась на стоящие недалеко от берега ручья урны, круглые глиняные горшки высотой три фута, покрытые пятнами лишайника, образовавшими затейливые узоры. Древние погребальные урны, содержащие останки царей и цариц. Подобные захоронения, разбросанные по всем Кардамоновым горам, считаются священными.

Однако это кладбище, самое древнее из всех, никто не посещал.

Удалившись от ручья, Сьюзен прошла через кладбище. Ряды погребальных урн стали редеть, и наконец джунгли уткнулись в потрескавшиеся скалы.

Сьюзен знала, куда ей идти, знала с того самого момента, как ее оживила доктор Каммингс. В пещере она получила не только исцеление для всего мира, однако об этом она не сказала никому.

Тогда были более неотложные заботы.

Добравшись до скалы, Сьюзен подошла к трещине, зигзагом молнии разорвавшей камень, сбросила со спины рюкзак и боком протиснулась в щель. Делая маленькие шажки, она продвигалась все глубже и глубже. У нее за спиной солнечный свет тускнел, превращаясь в тонкую полоску.

Вскоре Сьюзен оказалась в кромешной темноте.

Она протянула руку вперед. Сияющее пламя, рожденное усилием воли, вспыхнуло на кончиках ее пальцев и разлилось до плеча. Сьюзен подняла руку словно факел.

Это была еще одна тайна, которую она оставила при себе. Но не самая большая.

Освещая перед собой дорогу, Сьюзен продолжала движение в глубь скалы. Она не знала, как далеко ушла, поскольку полностью потеряла счет времени. Но определенно уже наступила ночь.

Наконец впереди показался свет. Манящий, зовущий к себе. Такой же, как и ее собственный.

Сьюзен продолжала идти тем же шагом, не чувствуя необходимости торопиться.

Наконец она вошла в просторную сводчатую пещеру. Стал виден источник свечения. Вдалеке звездами, рассыпанными по полу, горели маленькие огоньки. Сотни и сотни. Сьюзен вошла в пещеру и направилась мимо огоньков.

Каждый представлял собой человеческую фигуру, распростертую на полу, светящуюся внутренним огнем, спалившим плоть до хрустальной прозрачности. Сьюзен задержала взгляд на одной из них. Видимой оставалась только нервная система: головной мозг, колонна спинного мозга и густое сплетение периферийных нервных окончаний. Раскинутые руки, покрытые тонкими жилками, напоминали расправленные крылья, оперенные пучками нервных окончаний.

Ангелы во тьме.

Дремлющие. Застывшие в ожидании.

Сьюзен прошла дальше. Она добралась до фигуры, еще не полностью поглощенной пламенем. Можно было разглядеть бьющееся сердце, толкающее по сосудам кровь, смутные очертания костей.

Отыскав рядом свободное место, Сьюзен легла. Она раскинула руки, коснувшись пальцами соседа.

Слова, обращенные к ней, были на старинном итальянском диалекте, но Сьюзен их поняла.

— *Дело сделано?*

Сьюзен вздохнула.

— *Да. Я последняя. Источник был уничтожен.*

— *В таком случае отдыхай, дитя мое.*

— *Надолго ли? Когда мир будет готов?*

Он ей ответил. Сон будет долгим, очень долгим.

— *Что я должна делать?*

— *Возвращайся домой, дитя мое... пока что возвращайся домой.*

Закрыв глаза, Сьюзен оставила только ту часть себя, которой нужно было спать. Все остальное она сбросила в пузырь, заключивший всю ее жизнь, а сама вышла из него, шагнув к тому, что лежало за его пределами.

Сьюзен взглянула на полный диск солнца, и ее ослепил яркий свет. Она отвела взгляд и заморгала. Постепенно окружающий мир вернулся. Она ощутила нежное покачивание палубы яхты под босыми ногами, услышала крик одинокой чайки, шелест волн по корпусу, почувствовала прикосновение ветерка к коже.

Что это, мечта, воспоминание... или нечто большее?

Сьюзен вдохнула воздух, наполненный запахом морской соли. Какой чудесный день!

Подойдя к ограждению, она устремила взор в бесконечную синеву. Вдалеке зелеными точками были рассыпаны маленькие острова. По небу плыли редкие облака. Послышались шаги по трапу, ведущему из трюма в каюту.

Обернувшись, Сьюзен увидела, как он подтянулся, упруго запрыгивая на палубу. Он был в шортах и белой футболке. Увидев Сьюзен, он удивился.

Затем улыбнулся.

— О, вот ты где.

Бросившись к мужу, Сьюзен обвила его руками.

Внизу залаял Оскар. Послышался ворчливый голос, успокаивающий собаку.

Сьюзен прильнула к мужу, вслушиваясь в биение его сердца.

Он привлек ее к себе.

— В чем дело, Сьюзен?

Всмотревшись в лицо Грегга, Сьюзен провела пальцем по трехдневной щетине у него на подбородке. Затем приподнялась на цыпочки, дотягиваясь до его губ.

Он нагнулся ей навстречу.

И Сьюзен поняла, что вернулась домой.

Замечание автора

ПРАВДА ИЛИ ВЫМЫСЕЛ

И снова благодарю вас за то, что сопровождали меня в этом путешествии! Как обычно, я решил посвятить эти последние страницы тому, чтобы препарировать роман и отделить факты от вымысла. Протокол вскрытия я разделил на следующие широкие темы:

Марко Поло. Вступление к роману затрагивает главную тайну относительно судьбы флотилии Поло на обратном пути в Венецию. До сих пор неизвестно, что произошло с кораблями и людьми. Что касается любви Марко и принцессы Кокеджин, подобное не исключено, особенно если учесть, что после смерти Марко у него была обнаружена диадема принцессы. Что касается его тела, то оно действительно исчезло из церкви Сан-Лоренцо, и его местонахождение до сих пор остается тайной.

Ангельское письмо и другие вопросы, связанные с языкознанием. Ангельское письмо было создано Иоганном Тритемиусом и Генрихом Агриппой, которые утверждали, что, изучая эти знаки, можно связаться с ангелами. В основе символов лежат знаки древнееврейского алфавита. Точно так же, последователи еврейской каббалы считают, что изучение линий и завитков этих знаков может открыть путь к внутренней мудрости. И наконец, вернувшись в наши дни, мы задаем во-

прос: а не скрыт ли в нашем генетическом коде какой-то тайный язык? Согласно статье в журнале «Сайнс» за 1994 год, ответом на последний вопрос является решительное «да». Хотя по-прежнему неизвестно, что может быть записано этим языком.

Чума и другие болезни. В английской деревне Эйам во время эпидемии чумы действительно был отмечен очень высокий процент заболевших, которые остались живы, что явилось следствием генетической аномалии, наблюдавшейся у половины жителей деревни. Странно, но это так. Что касается сибирской язвы, единственное отличие между смертоносной бактерией и ее мирной кузиной, обитающей в земле,— два кольца генетического кода под названием «плазмиды». Из чего напрашивается вопрос: откуда туда попали эти плазмиды?

Фауна. Сухопутные крабы острова Рождества действительно каждый год устраивают зрелищные миграции, во время которых миллионы крупных особей устремляются к морю. Также известны случаи, когда их острые клешни протыкали автомобильные покрышки. Переходим к надоедливым печеночным сосальщикам. Описание их странного и пугающего жизненного цикла полностью соответствует действительности. Что же касается хищных моллюсков, я создал их на основе вида Taningia danae, особи которого вырастают в длину до шести футов, охотятся стаями, ярко светятся в темноте и обладают щупальцами, покрытыми когтями. Встреча с такими кальмарами определенно не несет ничего приятного.

Людоеды и пираты. Пиратство в районе Зондских островов является процветающим бизнесом. Что касается людоедов, на уединенных островах Индонезии действительно встречаются племена, находящиеся на первобытном уровне развития, а дальше все зависит от вашей фантазии. Что касается синдрома Прадера-Вилли, это действительно очень тяжелое ге-

нетическое заболевание, которое, однако, не имеет никакого отношения к каннибализму. А были ли мы все когда-то людоедами? Последние исследования в области генетики показывают, что человек обладает определенным набором генов, противодействующих заболеваниям, которые можно получить, только употребляя в пищу человеческое мясо.

Ангкор. Все подробности в описании развалин — от легенды о взбивании молока до двухсот каменных ликов бодхисатв — являются достоверными, в том числе и то, что храмы построены в соответствии с расположением звезд, в первую очередь в созвездии Дракона. Более подробно с этой темой можно ознакомиться в книге «Зеркало небес» Грэма Хэнкока и Санты Файи.

Бактерии и микроорганизмы. В южных морях периодически действительно встречаются молочно-белые участки светящихся водорослей. И, согласно серии пугающих статей в «Лос-Анджелес таймс», Мировому океану все больше и больше угрожает второе пришествие древних слизняков, ядовитых медуз, огненных водорослей и примитивных морских растений, выделяющих облака токсинов. Относительно самого невероятного утверждения этого романа — о том, что только десять процентов клеток нашего тела являются человеческими (а остальное — бактерии и паразиты),— представьте себе, это действительно так! Эта тема подробно описана в одной замечательной книге, полной юмора и пугающих подробностей: «Дикая жизнь внутри человека» доктора Роберта Бакмена. Только советую: не читайте ее перед тем, как садиться за стол.

СОДЕРЖАНИЕ

Краткая историческая справка 7

1293 год 15

ЗАРАЖЕНИЕ 29

Глава 1. Черная мадонна 31

Глава 2. Кровавое Рождество 56

Глава 3. Западня 84

Глава 4. Пираты международных вод 108

Глава 5. Потерянный и обретенный 128

Глава 6. Смертельная зараза 157

ИНКУБАЦИОННЫЙ ПЕРИОД 193

Глава 7. Путешествие, о котором не было рассказано ... 195

Глава 8. Больная номер ноль 233

Глава 9. Святая София 260

Глава 10. Из огня да... 300

Глава 11. Разбитое стекло 332

Глава 12. Карта запретного города 351

ЭПИДЕМИЯ 385

Глава 13. Царица ведьм 387

Глава 14. Развалины Ангкора 417

Глава 15. Демоны в глубинах 447

Глава 16. Байон 484

Глава 17. Куда не ступала ничья нога 518

Глава 18. Врата в ад 551

Глава 19. Предатель 588

Эпилог 606

Замечание автора. Правда или вымысел 615

Литературно-художественное издание

КНИГА-ЗАГАДКА, КНИГА-БЕСТСЕЛЛЕР

Джеймс Роллинс

ПЕЧАТЬ ИУДЫ

Ответственный редактор *Е. Гуляева*
Редактор *Е. Ампелогова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректоры *В. Дроздова, Е. Шнитникова*

ООО «Издательский дом «Домино».
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Подписано в печать 29.12.2008.
Формат 60x90$^{1}/_{16}$ Печать офсетная. Бумага писч. Усл. печ. л. 39,0.
Тираж 27 000 экз. Заказ № 202

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями *обращаться в ООО «Дип покет»*
E-mail: **foreignseller@eksmo-sale.ru**

International Sales:
International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: **vipzakaz@eksmo.ru**

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**, сайт: **www.kanc-eksmo.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Из глубин Индийского океана поднимается ужасная чума, грозящая уничтожить человечество. Природа этой смертельной болезни неизвестна, ее распространение невозможно остановить. Двое ученых из секретного отряда «Сигма» — Лиза Каммингс и Монк Кокналис — направлены в Индонезию, чтобы выяснить причины зловещей эпидемии.

Каким-то непонятным образом в Тайном архиве Ватикана появляется на полу знак ордена дракона — страшной секты, недавно уничтоженной отрядом «Сигма». Под знаком высечена надпись, сделанная на древнейшем языке на Земле — языке ангелов. Хранитель архива понимает, что в этой надписи может быть зашифровано средство спасения человечества.

ISBN 978-5-699-33552-7